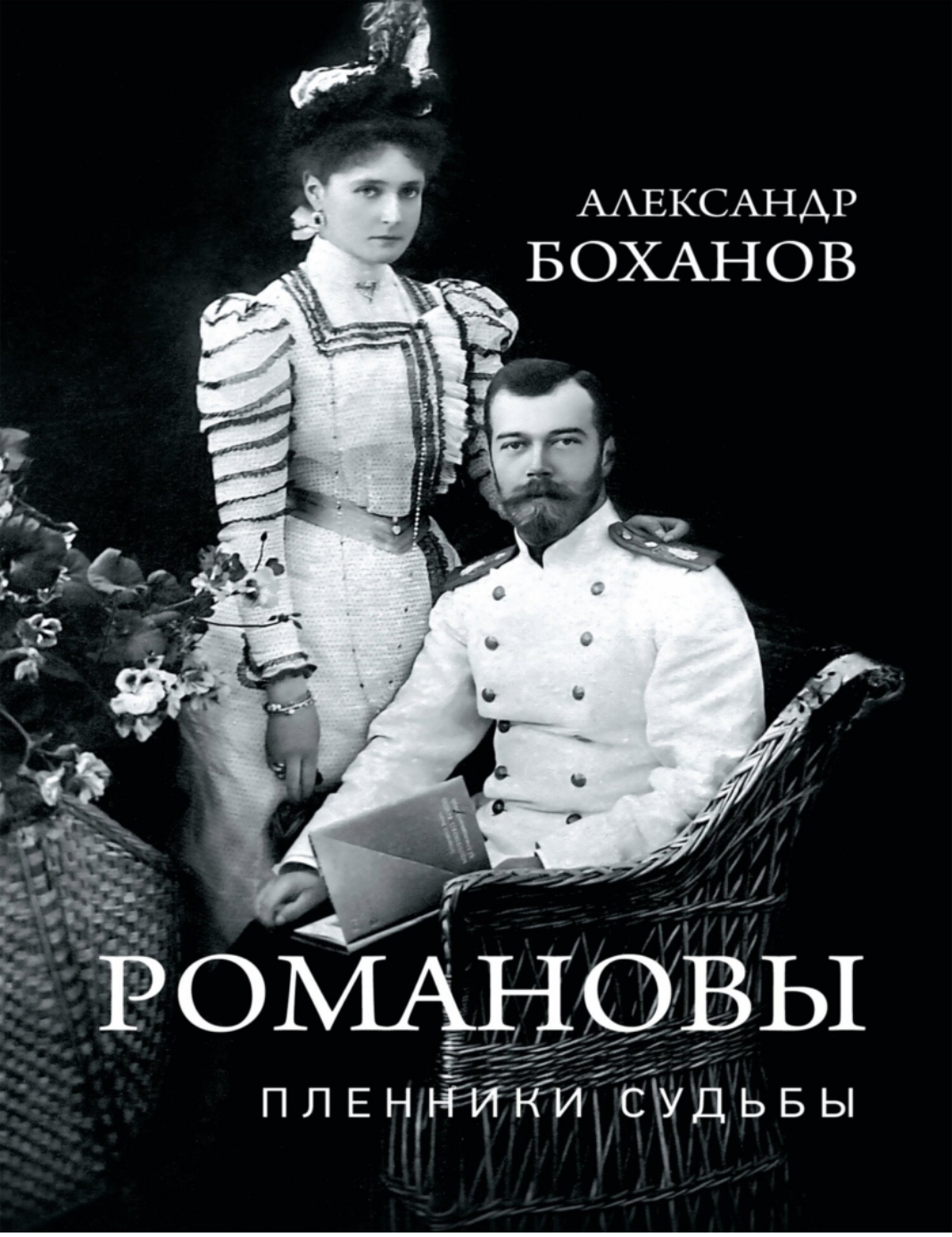


АЛЕКСАНДР
БОХАНОВ

РОМАНОВЫ

ПЛЕННИКИ СУДЬБЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного российского историка, доктора исторических наук Александра Николаевича Боханова (1944—2019) рассказывает о судьбах династии Романовых. В кратких очерках автором рисуются портреты русских монархов от Михаила Федоровича до Николая II.

В этой книге нет рассуждений о государственном служении монархов, набивших оскомину оценок «роли в истории» того или иного коронованного правителя России. Это рассказ о малоизвестных страницах истории дома Романовых.

- Александр Николаевич Боханов
  -
  - Глава 1. Отблески погибшего мира
  - Глава 2. Круг избранных
  - Глава 3. Начало династии
  - Глава 4. Время Царя Тишайшего
  - Глава 5. Разрушение Московского Царства
  - Глава 6. Принцесса с невинным выражением лица
  - Глава 7. Радость, печаль и снова радость
  - Глава 8. Граф и графиня Северные
  - Глава 9. Императрица и фаворитка
  - Глава 10. Нравы во дворце
  - Глава 11. Ненависть без срока давности
  - Глава 12. Последняя любовь и смерть Императора
  - Глава 13. Тихая обитель, нерушимый бастион
  - Глава 14. И слезы, и любовь
  - Глава 15. Смерть в Ницце
  - Глава 16. «Милая Дусенька»
  - Глава 17. Счастье датской Принцессы
  - Глава 18. Золотой мальчик
  - Глава 19. Роковая любовь Императора
  - Глава 20. Несостоявшаяся царица
  - Глава 21. «Дорогая Душка!»
  - Глава 22. Великокняжеские страсти
  - Глава 23. Чистая и сильная, как смерть!
  - Глава 24. Умереть и воскреснуть
  - Глава 25. Радость со слезами на глазах
  - Глава 26. Одинокая душа
  - Глава 27. Красавец Сандро
  - Глава 28. Великолепная Матильда
  - Глава 29. Европейская бабушка

- Глава 30. Ники, Джорджи, Вилли
- Глава 31. Черногорское семейство
- Глава 32. Скандальный мезальянс
- Глава 33. «Мальчик», «Уточка» и корона Российской Империи
- Глава 34. Мама Лёля
- Глава 35. Загадочная чета
- Глава 36. Печали Императрицы
- Глава 37. До последнего вздоха
- Глава 38. Сердце старой Минни
- Указатель имен
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

Александр Николаевич Боханов
Романовы. Пленники судьбы

© Боханов А.Н., 2021, наследники
© ООО «Издательство «Вече», 2021
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Глава 1. Отблески погибшего мира

Уходят дни и годы, текут века, меняются эпохи и нравы, рушатся некогда могучие государств, распадаются великие империи, но остаются человек и человечество. Жизнь каждого Homo sapiens индивидуальна, но любая частная судьба неизбежно фокусирует конкретное время и события его. В непрестанной смене поколений, в потоке времен и эпох выражается история, этот великий, по словам Шекспира, «театр», где неизменно главный герой – человек.

Чем самобытней личность, чем выше ее духовные запросы, общественные интересы и социальное положение, тем ярче в летописи минувшего запечатлевается исторический образ, тем сильнее, выразительнее биография такого персонажа доносит до потомков голоса и звуки ушедшего, его неповторимый колорит.

При всей уникальности каждой «главы истории» именно общечеловеческое связывает «вчера» и «сегодня», придает давно отшумевшим страстям современное звучание, вызывает отклик у потомков. Через века и тысячелетия, даже не зная почти ничего о Древней Греции, средневековых Англии и Италии, дворянской России, люди переживают, страдают и плачут, узнавая перипетии судеб героев Еврипида, Софокла, Шекспира, Данте, Пушкина именно потому, что это рассказ о вечном: о добре и зле, о любви и счастье, о верности и предательстве, о власти и справедливости, о надежде и безысходности.

В анналах мировой истории существуют реальные фигуры, прославившиеся или добрыми делами, или своими злодействами и навсегда оставшиеся символами света или тьмы. К числу первых относят, например, Жанну д'Арк и Авраама Линкольна, а к их антиподам («антигероям») безусловно причисляют таких «рыцарей мрака», как Калигулу, Нерона, Гитлера.

Однако рядом с «одноцветными» историческими образами, всегда находилось куда больше тех, судьбы и дела которых вызывали и вызывают споры, у которых неизменно встречались как преданные сторонники, так и не менее горячие противники: Александр Македонский, император Константин, Чингисхан, Мартин Лютер, Робеспьер, Наполеон, Бисмарк, Черчилль, Франко.

Подобная же разноголосица наличествует и применительно к персонажам русской истории. Наряду с теми, чей подвиг служения добру, свету, справедливости, благополучию государства и народа не подвергается серьезному сомнению – Святой Владимир, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Великая княгиня Елизавета

Федоровна, существуют имена, вызывавшие (и вызывающие) разноречивые суждения: Царь Иоанн Грозный, Император Петр I, Императрица Екатерина II, Император Павел I, князь Александр Горчаков, Император Александр II, Петр Столыпин, Владимир Ульянов-Ленин, Иосиф Сталин.

Одни авторы возносят этих деятелей на пьедестал, другие же, столь же однозначно, ниспровергают, рисуя их исторические портреты самыми темными красками. Получается или умилительно-сусальный образ, или зло-гротесковый портрет. Некоторые пытаются избежать крайностей, смешивают черное с белым, но в результате возникает нечто безликое, серое, мало походящее на живое изображение.

Данная книга посвящена повседневной жизни, духовному, нравственному облику людей, волею судьбы оказавшихся с первого мгновения своего земного бытия в исключительных исторических обстоятельствах, объясняемых и вызываемых особым общественным положением своих предков и родственников. Эти люди носили фамилию Романовы.

Представители этой Династии владели Царской короной России – Российской Империи на протяжении более 300 лет: с февраля 1613 года до марта 1917 года – и дали России 18 монархов, при которых страна превратилась в мощное государство, пережила великие и трагические страницы истории. Некоторые из них являлись «повелителями» лишь номинально: Иван Алексеевич, Петр II, Иоанн Антонович. Большинство же были полноправными правителями, став олицетворением целых исторических эпох…

Однако эта книга не об истории Царей и их царствованиях. Она о людях Царского Дома, о тех, кто входил в небольшое, но невероятно влиятельное сообщество – Императорскую Фамилию, насчитывавшую к 1900 году 50 персон.

Дом Романовых был связан родственно-брачными униями почти со всеми монархическими владетельными (правящими) домами Европы. Когда Русский Царь приезжал в Берлин, Копенгаген, Афины, Брюссель, Вену, Лондон, Стокгольм, то здесь его обязательно принимали с почестями, как представителя могучей державы. И почти во всех уголках Европы русские цари встречали и своих родственников: королей, наследников престолов, принцев и принцесс, других именитых, носивших родовитейшие аристократические титулы.

Этот заповедный династический мир ослеплял великолепием, величием и изысканностью. Доступ куда был раз и навсегда закрыт для непосвященных. Его парадную сторону дозволялось благоговейно лицезреть лишь издали.

О различных эпизодах семейной жизни Дома Романовых и повествуется в данной книге. Наряду с царственными особами пойдет речь и о близких родственниках Венценосцев – Великих князьях и Великих княгинях, игравших заметные роли при Русском Дворе, некоторые из которых оказались в центре различных эпатирующих событий, волновавших и занимавших умы не только единородных.

Любая «громкая история» в Царском Доме гулким эхом отзывалась далеко за пределами великокняжеских апартаментов. Личное здесь неизбежно приобретало характер общественного. Это была неизбежная плата за роскошь и благополучие, за исключительность, которые доставались этим людям по праву родства.

Являясь по своему статусу государственными людьми, жизнь и дела которых, согласно писаному закону и непререкаемой традиции, подчинялись интересам Империи, надобностям ее внутренней и внешней политики, они обязаны были, вне зависимости от возраста и наклонностей натуры, неукоснительно следовать долгу верности старшему в Династии – Монарху. Так было написано на роду, так было заповедано предками, так распорядился Господь. Однако далеко не все готовы были положить жизнь на алтарь долга. Некоторые тяготились своей участью, которую не избирали и которую изменить не имели права.

Внук Николая I, двоюродный брат Александра III великий князь Константин Константинович (1858–1915) посвятил своей судьбе проникновенные поэтические строки:

Я баловень судьбы… Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величию я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотить весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?

Подобные мысли приходили в голову не только поэту – Великому князю. Следовать историческому предназначению, подчинять мысли и дела царскородному служению, каждодневно, без перерыва, находиться на общественной сцене и почти неизменно в первых ролях было очень непросто. Жить в хрустальном дворце, находиться на виду сызмальства, весь

земной срок – на то далеко не у всех и не всегда хватало характера, воли; не все выдерживали подобное трудное испытание.

Обычные человеческие страсти, радости и слабости неизбежно давали о себе знать. Случались различные неприятные случаи, нежелательные происшествия, эпатажные амурные истории, порой потрясавшие Династию, а некоторые даже грозили стабильности не только Фамилии, но и государства.

Браки, разводы, «непозволительные увлечения», «неприличное поведение», будучи формально бы внутрисемейным делом, фактически таковыми никогда не являлись. Все, что происходило внутри Царского Дома, приобретало характер важного общественного события, которое обсуждали не только в России, но и за ее пределами.

XX век стал веком крушения Монархии в России. Победившая революция не только смела Коронную власть, но и сорвала покровы с самых сокровенных тайн Династии, сделав бывших «баловней судьбы» изгоями времени и своими жертвами. «Политические надобности» диктовали резко отрицательное, даже уничижительное отношение к тем, кто некогда обитал на невероятной высоте, олицетворял силу и мощь огромной Империи.

Им ничто не прощали и винили даже в том, в чем те повинны никогда не были. Ошибки оценивали как «преступление», заблуждения – как «скудоумие», слабости – как «ничтожество», а сердечные увлечения – как «аморальность». Почти никто не хотел понимать и непредвзято составлять жизнеописания людей, некоторые из которых в самые трагические моменты истории проявляли истинное человеческое благородство, демонстрировали величие души, о которых никто и не подозревал.

Сообщество Романовых включало несхожих людей, разнившихся по своим культурным запросам, уровню кругозора, навыкам, интересам. Члены Императорской Фамилии служили Родине на разных должностях, погибали на полях сражений, участвовали в культурной и общественной жизни.

Среди них встречались нелукавые военачальники, небесталанные поэты, тонкие ценители красоты, знатоки конкретных наук. Большинство их являлось истинно православными людьми, и именно последние Романовы обогатили пантеон православных святых: Великая княгиня Елизавета Федоровна, Семья Последнего Царя.

Об этих людях и пойдет речь в книге. Их мир, их повседневность, человеческие радости и печали раскрывают не

только индивидуальное, мирское, сиюминутное, но и отражают свет великой исторической галактики под названием «Российская Империя», навсегда исчезнувшей с «карты исторической вселенной» в переломном для России 1917 году.

Глава 2. Круг избранных

Российский Императорский Дом включал родственников Монархов. Их права и преимущества определял специальный свод нормативных актов, носивший название «Учреждение об Императорской Фамилии». Он появился в 1797 году, и с тех пор права и обязанности Царской Семьи стал регулировать закон. Центральное положение в этом нормативном документе – право на Престол.

Ранее Царь сам мог назначать себе преемника. Теперь же династическая иерархия строго регламентировалась писаной нормой. В законе говорилось: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на престол Императора считается со дня кончины Его предшественника».

Тронопреемником мог стать лишь потомок Императора. Если детей мужского пола у Царя не было, то закон предусматривал в таком случае переход короны к брату Монарха. Не оговаривалась лишь одна ситуация: возможность добровольного отречения Самодержца от престола.

Царская власть являлась безусловно наследственной, передавалась от отца к сыну. Наследник (Цесаревич) становился Императором сразу же после смерти своего предшественника. Это было древнее земное установление.

Но существовал еще ритуал церковного освящения Царской Власти. Необходимость его так же оговаривал закон: «По вступлении на престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину православной Греко-Российской Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие». Церемония всегда происходила в Успенском соборе Московского Кремля.

Все потомки Венценосцев получали звания Великих князей и имели ежегодное содержание. На эти цели использовались средства от земельных владений Романовых, которые волей Павла I были объединены и получили название «удельных». Ими управлял особый Департамент уделов (позже – Министерство Императорского Двора и уделов).

В 1886 году некоторые положения «Учреждения об Императорской Фамилии» были пересмотрены: отныне звания Великих князей распространялись только на детей и внуков Императоров. Остальные именовались «князьями императорской крови», и им полагались лишь единоразовые денежные выплаты

при совершеннолетии и вступлении в брак.

Представительницы женского пола, состоявшие в близком родстве с Императором, именовались Великими княжнами (княгинями) и сохраняли великокняжеское титулование даже после выхода замуж за иностранных принцев и монархов. В этом случае их потомство не включалось в состав Императорской Фамилии.

Правовая норма детально определяла брачные дела членов Фамилии. Романовым надлежало жениться и выходить замуж лишь за представителей других владетельных (правящих) династий. Каждый царский родственник обязан был получить «соизволение на брак» от старшего в роду, которым, вне зависимости от возраста, всегда считался Император. Без согласия Монарха никакой брачный союз законным не признавался.

К началу XIX века Императорская Фамилия насчитывала менее десяти человек. Медленно, но неуклонно круг царскородных избранных расширялся.

Император Павел I (1796–1801) имел десять детей. Сыновей Александра (1777–1825), Константина (1779–1831), Николая (1796–1855), Михаила (1798–1849) и дочерей Александру (1783–1801), Елену (1784–1803), Марию (1786–1859), Екатерину (1788–1819), Ольгу (1792–1795), Анну (1795–1865). Все (кроме Ольги) имели свои семьи, и численный состав Царской Фамилии заметно увеличился.

После гибели в 1801 году Императора Павла Петровича на Престол вступил его старший сын Александр Павлович (Александр I). У него сыновей не было. Две же дочери умерли в ранних летах: Мария в возрасте одного года в 1800 году, а Елизавета – в 1808 году, не дожив до двух лет. Некоторые усматривали в том кару Божью за то, что Александр оказался замешанным в заговоре против отца, который привел к свержению Павла и его убийству.

По закону после Александра Павловича трон должен был перейти к следующему сыну Павла I – Константину. Однако тот состоял с 1820 года в морганатическом (разнородном) браке с польской аристократкой красавицей графиней Иоанной Грудзинской, княгиней Лович (1795–1831) и по закону прав на корону не имел. Более того, чтобы получить разрешение обвенчаться с ней, Константин письменно подтвердил отказ от своих прав на престол.

Историки так до сих пор точно и не установили, почему этот факт – отречение брата – Александр I держал в тайне до самой смерти. Но подобная секретность сыграла в конце 1825 года

печальную роль.

Когда умер Александр Благословенный 19 ноября в Таганроге, то возникло неопределенное положение. В некоторых местах Империи стали присягать на верность новому Царю Константину I (с его изображением изготовили даже монеты), в других же – Николаю I. В Петербурге дело дошло до бунта, позже получившего название «восстания декабристов». В конце концов все определилось: в соответствии с законом Монархом Самодержавным (неограниченным и независимым) на последующие почти тридцать лет стал Николай I Павлович.

Николай Павлович состоял в супружестве (с 1817 года) с урожденной Принцессой Прусской Фредерикой-Луизой-Шарлоттой-Каролиной, получившей в Православии имя Александра Федоровна (1798–1860). Этот брак породнил Царской Дом с династией Гогенцоллернов, правившей в Пруссии на протяжении нескольких веков, а с 1871 года ставшей и правящей династией объединенной Германской Империи.

Александра Федоровна – дочь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III и сестра первого Императора Германской Империи Вильгельма I (1797–1888). Сын же Николая I – Царь Александр II – доводился Германскому Кайзеру племенником.

В XIX веке родственные узы связали династию Романовых почти со всеми владетельными домами Европы. Первые же, так сказать, международные брачно-семейные связи начали возникать в предшествовавшем веке.

Россия была провозглашена «Империей» при Петре I в 1721 году. Именно к тому времени восходит обычай, ставший с конца XVIII века непререкаемой традицией, – заключать браки с иностранцами. До Петра русскими царицами почти неизменно являлись русские же по крови и по рождению.

Неистовый преобразователь Петр Алексеевич и в семейных делах родственников перенял норму европейских стран, где давно уже стало правилом заключать равнородные династические браки. Сам в 1712 году обвенчался с нерусской – Мартой Скавронской, получившей в Православии имя Екатерина Алексеевна (1684–1727). Этот брак ни с какой точки зрения «равнородным» не являлся.

Избранница Царя (будущая Императрица Екатерина I) происходила из простой крестьянской семьи и до того, как в 1705 году на нее «распространил свою благосклонность» повелитель державы, успела пережить и испытать немало превратностей. Но Монаршая Воля – закон, и никто из подданных и думать не смел перечить владыке.

В отношении же семейных дел своих отпрысков Царь

придерживался строгих европейских династических правил. Сына от первого брака Алексея (1690–1718) Петр I женил в 1711 году на принцессе Браушвейг-Вольфенбюттельской Софии-Шарлотте (1690–1715), а дочь от второго брака Анну (1708–1728) выдал замуж за Карла-Фридриха, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского (1700–1739). Их сын, получивший при крещении в Германии имя Карл-Петр-Ульрих (1728–1762), и стал в 1761 году, после кончины своей тетки, дочери Петра I Императрицы Елизаветы, Царем под именем Петра III (1728–1762).

Этого внука Петра I в конце июня 1762 года свергла с престола группа заговорщиков во главе с его супругой Екатериной Алексеевной (1729–1796), урожденной принцессой Ангельт-Цербстской, провозглашенной расторопными клевретами после переворота Императрицей Екатериной II.

Вскоре Петра III умертвили (официально было объявлено, что он скончался «от геморроидальных колик»), а Екатерина II заняла престол почти на тридцать пять лет. Она являлась фактически узурпаторшей, так как был жив сын Императора Петра III Павел Петрович (1754–1801), которого мать не любила. В последние годы своей жизни она вообще намеревалась лишить ненавистного сына Павла – правнука Петра I – прав на престол и переадресовать корону своему дорогому внуку Александру Павловичу (Александру I). Смерть помешала Екатерине II совершить еще один династический переворот…

Заняв трон, Павел I сразу же озаботился наведением порядка в делах Царского Дома и в первую очередь в вопросе Престолонаследия. Появление «Учреждения об Императорской Фамилии» и стало проявлением подобной заботы.

После Петра III в европейских династических справочниках правившую в России фамилию называли Романовыми-Шлезвиг-Гольштейн-Готторпами. В России же подобное титулование никогда не употреблялось, и Царскую Династию неизменно именовали Романовыми.

При Николае I состав Императорской Фамилии заметно увеличился. У Императора было семь детей. Александр (1818–1881), Мария (1819–1876), Ольга (1822–1892), Александра (1825–1844), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891), Михаил (1832–1909). Многочисленным было и его потомство его детей: у Николая Павловича насчитывалось 28 внуков.

Некоторые из них умерли рано и собственных семей не завели. Почти все остальные жены и мужья Царских сыновей и дочерей стали членами Русского Императорского Дома. Исключение составляли лишь дети Ольги Николаевны, пополнившие Королевский род Вюртемберга – одного из

государств Германии.

К середине XIX века в пределах Германии имелось несколько десятков государственных образований: от крошечных, насчитывавших 20–30 тысяч населения, до больших королевств, с миллионами жителей, такими как Пруссия или Бавария. Именно среди королевских, княжеских, герцогских и графских владетельных родов Германии, как правило, и подыскивались «спутники жизни» для русских Великих князей и княжон.

«Германская свадебная ярмарка» привлекала внимание не только Романовых, но и других дворов. В этой связи известный прусский политик – первый канцлер Германской Империи Отто фон Бисмарк (1815–1898) – язвительно назвал Германию «племенной фермой Европы».

После умершей еще в 1761 году дочери Петра I Елизаветы I все последующие русские Царицы имели немецкое происхождение. Существовало лишь одно исключение: супруга Александра III Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Она происходила из Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбурского Дома, и хотя немецкие корни этой Династии не подлежали никакому сомнению, но в Дании немецкое первородство никогда не признавалось.

В XIX веке в составе Императорской Фамилии появились носители иностранных (немецких) родовых титулов, указаконенные в России. Герцоги Мекленбург-Стрелицкие (брак племянницы Николая I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким в 1851 году); принцы Ольденбургские (брак дочери Павла I Екатерины с принцем Петром-Фридрихом Ольденбургским в 1809 году); герцоги Лейхтенбергские (брак дочери Николая I Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 году).

Родовые титулы этих герцогов и принцев признавались в связи с тем, что они переехали в Россию, став русскими подданными. Однако они представляли боковые (женские) ветви Царской Династии и прав на Престол не имели никаких.

К середине XIX века матримониальные связи выдвинули Романовых в ряд самых престижных правящих мировых династий. Царские родственники олицетворяли Фамилию, правившую в могучей и обширнейшей Империи, и перспектива породниться с Царской Фмилией сулила ощутимые политические выгоды. Династические браки по большей части вызывались именно политическими надобностями, диктовались потребностями государств и их правителей. Это была одна часть дела.

Другая, тоже существенная, состояла в том, что Царская родня стала уже вполне своей в аристократическом кругу

избранных. Давно миновали времена, когда европейцев шокировали «плохие манеры» выходцев из загадочной восточной Империи. Теперь Цари и их близкие, безусловно, являлись светскими, образованными людьми, причем порой своим кругозором, искусством общения и изяществом манер превосходили тех, кто причислял себя к «лучшим из избранных».

К этому времени Царская Фамилия не только включила в свой состав выходцев из других владетельных домов, но ее представители занимали видное положение в европейском династическом мире. Самый яркий пример – шестая дочь Императора Павла I, великая княгиня Анна Павловна (1795–1865).

В свое время она могла стать супругой одного из самых легендарных героев европейской истории. В 1810 году Наполеон I (1769–1821) просил ее руки. Посол Франции в Петербурге (1807–1811) маркиз Луи Коленкур (1773–1827) официально высказал просьбу «Императора французов» Императору Александру I.

Подобное предложение озадачило и Царя, и его мать – Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну. Возможный брачный альянс делал Россию заложником непредсказуемой политики Французского Императора. Однако существовало и другое соображение, куда более весомое, заставлявшее скептически воспринимать желание тогдашнего «повелителя Европы».

По всем легитимных (законным) представлениям той поры Наполеон Бонапарт являлся «узурпатором». Он – дитя страшной революции, свергшей и обезглавившей «Божьей милостью» короля Людовика XVI и королеву Марию-Антуанетту. В 1804 году Наполеон провозгласил себя Императором и силой заставил признать этот факт. Его коронацию в 1804 году в соборе Парижской Богоматери проводил сам римский Папа Пий VII (1800–1823). «Неистовый корсиканец» чувствовало искусственность собственного венценосного положения, его мучил своего рода «комплекс династической неполноценности». Он хотел иметь «законного наследника», утвердить во Франции новую Династию. Однако его брак оказался бездетным.

В 1809 году Наполеон развелся со своей первой женой креолкой с острова Мартиника Жозефиной Богарне[1] (1763–1814). Она была старше своего супруга на шесть лет, имела детей от первого брака и до встречи в 1796 году с генералом Бонапартом прославилась своими эпатажными любовными увлечениями.

После развода выбор Бонапарта пал на сестру Александра I. Русский же Царь не проявил по этому поводу никакого

энтузиазма. Он передал повелителю Франции, что его предложение «делает честь России», но заметил, что, «по мнению матери», Анна еще слишком молода, чтобы вступать в брак. Наполеон воспринял отказ как оскорбление, и это не добавило ему симпатий к России. Вскоре он женился на дочери Австрийского Императора Франца I принцессе Марии-Луизе (1791–1847).

Однако прошло некоторое время, и Романовы породнились с родственниками Наполеона: в 1839 году дочь Николая I Мария стала женой герцога Максимилиана Лейхтенбергского, приходившегося внуком Жозефине Богарне.

Несостоявшаяся же невеста Наполеона великая княжна Анна Павловна через шесть лет после предложения «великого француза», вышла замуж на наследника Нидерландской короны Вильгельма (Виллема) Оранского (1892–1849). Его, одного из героев битвы при Ватерлоо, с почестями принимали в России, где летом 1816 года и состоялась свадьба. На то событие откликнулся стихами молодой Пушкин, посвятив жениху восторженные строки:

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона…

В 1840 году Вильгельм стал королем Нидерландов под именем Виллема II, а сестра Царей Александра I и Николая I – королевой. Сын Анны Павловны Александр (1817–1890) под именем Виллема III занимал престол Королевства Нидерланды более сорока лет, начиная с 1849 года. Этот представитель Оранско-Нассауской Династии приходился Царю Николаю I племянником, а Александру II – двоюродным братом (кузеном).

Во второй половине XIX века династические связи Романовых продолжали множиться, возникли близкие родственные узы с королевскими домами Дании, Англии, Греции.

К числу важнейших родственно-династических событий той эпохи относилась женитьба в 1866 году наследника Александра Александровича (Александра III) на дочери Датского Короля Христина IX принцессе Марии-Софии-Фредерики-Дагмар (в России – Мария Федоровна). Этот брак не только сблизил Романовых с Датской Королевской Семьей, но и породнил их с Английским и Греческим королевскими домами.

Старшая сестра принцессы Дагмар Александра с 1863 года состояла в браке с наследником Британской Короны Альбертом-

Эдуардом (будущим королем Эдуардом VII), а ее брат Вильгельм правил в Греции под именем Георга I. Последний в 1867 году сочетался браком с внучкой Николая I Великой княгиней Ольгой Константиновной (1851–1926), ставшей Королевой Греции.

В 1874 году возникла и прямая династическая уния между Царской и Английской Династиями. Единственная дочь Александра II Мария (1853–1920) вышла замуж за третьего сына Королевы Виктории (1817–1901) Альфреда-Эрнста-Альберта (1844–1900), герцога Эдинбургского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

К этому времени Дом Романовых включал 41 лицо, к началу XX века их уже насчитывалось более 50, а перед революцией 1917 года Царская Фамилия составляла уже 65 персон.

Позже возникли и еще две близкие родственные унии между Романовыми и правившей в Англии Ганноверско-Саксен-Кобургской Династией. В 1884 году внучка Королевы Виктории Гессенская принцесса Елизавета (1864–1918) обвенчалась с братом Императора Александра III Великим князем Сергеем Александровичем, а в 1894 году ее младшая сестра принцесса Алиса (1872–1918) вышла замуж за Царя Николая II, став последней Русской Царицей Александрой Федоровной.

Английский Королевский Дом (получивший в 1917 году название Виндзорского) до сих пор имеет сильные генетические связи с Домом Романовых. Отцом супруга Королевы Елизаветы II герцога Эдинбургского принца Филиппа (родился в 1921 году) был сын Греческой Королевы Ольги, кузен Николая II принц Андрей (1882–1944), а матерью – племянница Последней Царицы Александры Федоровны принцесса Алиса Баттенберг-Маунтбеттен (1885–1969).

Ныне именно принц Филипп имеет наиболее близкую генетическую степень родства с коронованными правителями России. Он – четвертое поколение от Царя Николая Павловича (Николай I – Константин – Ольга – Андрей – Филипп).

В отличие от прочих потомков Романовых его родители, дед и бабка состояли в равнородных браках, и формально супруг Английской Королевы имеет наибольшие родственно-генетические права на Русский Престол. И только. Ни с историко-правовой, ни с нравственно-психологической точек зрения никаких «прав» герцог Эдинбургский не имеет и иметь не может. Надо отдать ему должное: сам герцог Эдинбургский и не помышляет ни о чем подобном.

Все вышесказанное должно помочь читателю уяснить вопрос, по сию пору все еще порой вызывающий жгучие споры о «законных» и «незаконных» претендентах на Русский Престол.

Никаких действительно «законных» Тронопреемников в настоящее время не существует. Все «законные» были убиты, а те, кто из Царских родственников выжил, настолько деклассировались и морально деградировали, что своими скандальными потугами лишь дискредитируют Царскую титулатуру и образ Последнего Царя-Страстотерпца.

Все, кто прямо или косвенно выставляет «права» на несуществующий «престол», – самозванцы, и побудительные мотивы их претензий никакого значения не имеют. Это – область психиатрии, мелкого человеческого самолюбия, корыстных интересов, а потому и не может быть предметом какого-либо серьезного историко-правового обсуждения. Династия Романовых ныне не существует.

В начале же XX века все выглядело совсем по-иному. В 1901 году на Престоле в России находился Император Николай II, дедушка Которого (Христиан IX) являлся королем Дании, дяди Королями Англии (Эдуард VII) и Греции (Георг I), а Императором Германской Империи был кузен Царицы Александры Федоровны Император Вильгельм II.

Помимо Королевских Домов Англии, Дании, Греции, Германии, родственные узы связывали Царскую Династию с коронованными правителями Норвегии, Болгарии, Швеции, Италии, Румынии, Испании, Нидерландов, Бельгии, Черногории.

Практически все сколько-нибудь значительные монархические дома Европы (кроме правившего в Австро-Венгрии Дома Габсбургов) состояли в родстве с Романовыми.

Глава 3. Начало династии

В январе-феврале 1613 году Собор Земли Русской единомысленно призвал на Царство юного Михаила Фёдоровича Романова. Собрания происходили в Успенском соборе; в Москве в тот период не существовало иного помещения, способного вместить столь многочисленное общество.

По заключению историка С.Ф. Платонова, в Соборе приняло участие не менее 700 человек (при избрании царя Бориса Годунова их насчитывалось 476). Это было действительно «Русское национальное собрание», представители которого особо были озабочены тем, чтобы их решение выразило волю «всей земли». Выборные хотя и имели широкие полномочия, но свои решения все-таки рассылали на опрос городов.

Собравшись после многолетних жестоких событий, люди были разделены недавним прошлым. Пережитое на первых порах давало о себе знать взаимными упреками и обвинениями, тем более что среди претендентов на русский престол фигурировали лица и роды, напрямую втянутые в политические коллизии Смуты: князь Д.Т. Трубецкой, князь В.В. Голицын, князь Ф.И. Мстиславский, князь Д.М. Пожарский и некоторые другие. Все они отличались древностями рода, но ни у одного из них не было явных преимуществ.

Дебатировалось и имя шестнадцатилетнего племянника Царя Федора Ивановича, боярина Михаила Романова (1596–1645). Очевидец и участник событий, знаменитый описатель истории той поры Авраамий Палицын (ок. 1550–1627) вспоминал: «И многие дни о том говорили всякие люди всего Российского Царствия с великим шумом и плачем».

Впервые имя боярского отрока Михаила как единственного лица, достойного Царского сана, после падения Шуйского летом 1610 года назвал Патриарх Ермоген (Гермоген). Тогда слова Святого Пастыря не были услышаны. Теперь же они приобрели характер великой исторической политической акции. Решение в пользу Михаила Романова оказалось всеобщим. Как справедливо заключил один из авторов, «только внушением Святого Духа можно объяснить столь единодушное решение собрания людей, которые еще год назад смотрели один на другого как на злейших врагов».

О Соборе 1613 года, ставшего судьбоносным в истории России, много написано и сказано. Между тем, как констатировал С.Ф. Платонов, о ходе самого Собора «мы ничего точного не знаем, потому что в актах и литературных трудах того времени

остались только отрывки преданий, намеки и легенды, так что историк здесь находится как бы среди бессвязных обломков древнего здания, восстановить облик которого он не имеет сил».

В подавляющем большинстве случаев имеющиеся в историографии умозаключения и выводы касаются исключительно фактической стороны этого события, которое произвольно вырывается из общеисторического духовного контекста.

В качестве характерного примера подобного подхода можно привести следующее заключение. «Различные группировки, – пишет современный исследователь, – продвигали своих кандидатов, блокировали других. Дело грозило затянуться. И тут был найден компромисс. Казаки назвали имя 16-летнего Михаила Романова, который после освобождения Кремля находился в своей вотчине в Костромском уезде… Боярство также поддержало его, так как Романовы входили в элиту русской аристократии, а Михаил приходился внучатым племянником Анастасии Романовой, первой жены Ивана Грозного. Кроме того, боярская группировка не отказалась от старой идеи – поставить на русский трон зависимого от нее монарха и тем самым ограничить самодержавный деспотизм. Один из влиятельных бояр-выборщиков утверждал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел, и нам будет поваден».

Наверное, на Соборе проявлялись и корыстные интересы, велись и какие-то тайные переговоры, возможно даже, и заключались некие политические «сделки». Обо всем историки строят догадки уже давно, но именно догадки. Можно, конечно, допустить, что имели место распространенные при избирательной кампании различные махинации, в том числе и коррупционные. Но это всё из области предположений и поздних «логических» измышлений.

Ясно одно: каких-либо надежных документальных свидетельств ни о явной, ни уж тем более о закулисной стороне Собора практически не сохранилось.

Однако это – не самое важное. Абсолютизация любого из субъективных элементов, или даже их совокупности, ведет к игнорированию духовно-исторического содержания Русской истории. Думается, что только через православную оптику можно действительно полномерно узреть, воспринять и оценить то великое историческое событие.

Никогда не удастся выяснить, каким образом праведному Патриарху Ермогену открылась благодатность для Руси нового Царя в образе непорочного и не замешанного ни в каких боярских интригах отрока Михаила Романова. Но и сам этот факт, как и то,

что 21 февраля 1613 года в Успенском соборе – перед главным алтарем Руси – имя Михаила Федоровича Романова было единогласно утверждено, – в том явлен был знак особой Божией благодати Руси.

Дважды до того: и в 1598, и в 1606 годах – Соборами Земли Русской провозглашался Царь, и дважды этот выбор оказывался неудачным. Подобные ошибки слишком дорого стоили, и об этом все знали. В 1613 году априори никакого бесспорного фаворита не существовало.

Стоит особо подчеркнуть, что речь шла не о «выборе» как некоей механической процедуре получения максимального числа голосов тем или иным претендентом, а об установлении «достойности».

О православном восприятии процедуры цареизбрания очень точно написал генерал М.К. Дитерихс (1874–1937), занимавшийся расследованием обстоятельств убийства Царской Семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года. Он составил об обстоятельствах того злодеяния подробный отчет. Одновременно генерал провел историческую реконструкцию народных представлений о Царской власти, в системе понимания которых события 1613 года имели сакраментальное значение.

«К Михаилу Федоровичу Романову, – писал М.К. Дитерихс, – нельзя применить определения, что он был «выборный царь», так как те действия, которые имели на Земском Соборе 1613 года, совершенно не подходят к понятиям о «выборах», установленных правилами и тенденциями современных «гражданских идей»… Дебаты на Земском Соборе сосредотачивались не на вопросе «кого избрать», а на вопросе «кто может быть царем на Руси» соответственно тем идеологическим понятиям о власти, которые существовали в то время в русском народе «всея земли»… Земские люди 1613 года, собравшись на «обирание» Государя, предоставляли «избрать» Царя Господу Богу, ожидая проявления этого избрания в том, что о Своем Помазаннике Он вложит в сердце «всех человецех единую мысль и утверждение».

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын пишет в свом «Сказании об избрании Царя»: «Возведен же бысть благородный и благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий Государь Царь и Великий князь Михаил Феодорович всея Русии Самодержец на великий и превысочайший царский престол… И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождениа его от Бога избранный и из чрева матери помазанный Великий Государь Царь и Великий князь Михаил Феодорович всея великиа Росиа Самодержец на своем на царском столе Московского государства, восприим скипетр

Росийскиа державы многих государств».

Ни о каком «избрании» тут и речи нет.

Царя посылает людям Господь, и посылает тогда, когда они сподобятся заслужить Его милость. И удел земных – разглядеть этот промыслительный дар и принять с благодарственной молитвой. Таков высший духовный смысл события, происшедшего 21 февраля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля.

В истории никогда не бывает прямых событийных совпадений, но на уровне духовно-семиотическом диспозиционная сопоставимость исторических явлений существует. В случае со вторым явлением царства на Руси знаковую перекличку можно найти не в анналах отечественной истории, а в событии, произошедшим за две с половиной тысячи лет до того. Речь идет об ниспослании Царя израильскому племени, как это изложено в ветхозаветной 1-й Книге Царств.

Как явствует из библейского повествования, у израильтян тоже было «нестроение», разрушительное общественное безначалие, вызванное неправедностью властителей-судей. Народ захотел иметь во главе себя царя, «чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8:5). С этим ходатайством старейшины обратились к Самуилу – последнему великому судье Израиля. Самуил же молитвенно обратился к Господу. И Он, услышав зов народа и молитву верного Себе, открыл имя будущего Царя. Это был отрок ничем не примечательный. Принадлежал он к одному «из меньших колен Израилевых». Но, по неизъяснимому Промыслу Всевышнего, именно он удостоился Царского служения.

Самуил, передавая Волю Всевышнего народу, предупреждал соплеменников об угрозе произвола правителя, получившего неограниченную властную прерогативу. Но народ был непреклонен: «Пусть царь будет над нами» и «судить будет царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (8:19–20).

Сам Саул, имя которого в буквальном переводе значит «испрошенный», и не подозревал о грядущем царском предназначении. Библия не сохранила свидетельств того, как Саул реагировал, узнав про свою царскую участь. Библейский рассказ позволяет заключить, что молодой человек, очевидно, был глубоко потрясен. Он полностью и безропотно подчинился всем распоряжениям Самуила, который и помазал Саула на Царство.

Бог же наделил Своего избранника даром пророчества и «дал ему иное сердце» (10:9). Когда же надо было явиться народу, Саул настолько перепугался, что скрылся от глаз людских. С помощью

Божией его отыскали в «обозе» и явили всем коленам Израиля. И тогда Самуил обратился к народу и сказал: «Видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» (10:20–24).

Даже при самой тщательной документальной реконструкции ситуации 1613 года значение события, его внутренний смысл невозможно постичь без учета промыслительного предопределения. Все фактурные доказательства и логические аргументы всё-таки не проясняют главного: почему же именно Михаил Романов стал Царем на Руси?

Михаил Романов мало кому был известен, родители своего отпрыска на престол, как бы теперь сказали, не «лоббировали». Отец Фёдор Никитич (ок. 1564–1633), принявший монашество в 1601 году под именем Филарет, томился в польском плену; мать, принявшая по принуждению Годунова постриг под именем Марфа (урождённая Ксения Ивановна Шестова, умерла в январе 1631 года), находилась в монастыре.

Все главные боярские роды, передравшиеся за свои преимущества, фактически склонялись в пользу царя-иностранца. И только праведный Патриарх Ермоген (Гермоген) в своем молитвенном усердии распознал имя будущего Царя. И народ, и все делегаты Собора, просвещенные Святым Духом, склонились безропотно в пользу единого решения. Как заметил С.Ф. Платонов, «по общему представлению, Государя сам Бог избрал, и вся земля Русская радовалась и ликовала».

Участник тех событий келарь Троице-Сергиева монастыря (лавры) Авраамий Палицын заключал, что Михаил Фёдорович «не от человека, но воистину от Бога избран». Он видел доказательство этой исключительности в том, что при «собирании голосов» на Соборе не случилось никакого разногласия. Сие же могло случиться, как заключал Палицын, только «по смотрению Единого Всесильного Бога».

Все участники Собора принесли крестоцеловальную присягу на верность Царю Михаилу и его потомству «до скончания веков». Это была клятва на все времена от имени Земли Русской. Она гласила, что ежели кто «не захочет слушаться сего соборного уложения, которое Бог благословил», не важно, от какого чина и звания, то, согласно правилам святых Апостолов и Семи Вселенских соборов, «да будет извержен из чину своего и от Церкви Божией отлучён, и лишён приобщения Святых Христовых Тайн, как раскольник Церкви Божией и всего православного христианства мятежник».

Уместно заметить, что от этой клятвы перед Лицом Божиим «Землю Русскую» никто соборно не освобождал, а потому в

духовно-историческом смысле Россия остаётся Монархией, независимо от всех политических пертурбаций, последовавших за 1917 годом…

Уже после избрания Михаила, после рассылки грамот о том «во все концы Русской земли» и после присяги и крестоцелования в Москве не знали, где находится новый Царь. Направленное к нему в начале марта 1613 года посольство отбыло в Ярославль или «где он, Государь, будет». Избранник же скрывался в костромской родовой вотчине Домнино, а позже вместе с матерью переехал в костромской Ипатьевский монастырь, где его и отыскала делегация Земского Собора.

Первоначально и сама инокиня Марфа, и ее сын наотрез отказались от царской участи. Еще были памятны все измены и предательства, совершенные после клятв верности и по отношению к Борису Годунову, и по отношению к Лжедмитрию и Василию Шуйскому.

После многочасовых молитв, увещеваний, просьб и слез согласие было получено.

Удивительный исторический акт национального единения, который в современных выражениях, можно назвать и «пафосной ораторией», и «патетической симфоний», происходил в центре Ипатьевского монастыря – Троицком соборе. Храм этот был воздвигнут при Царе Фёдоре Иоанновиче, заботами Царицы Ирины Фёдоровны, умершей монахиней в 1603 году, и её брата Бориса Фёдоровича Годунова, ставшего в 1598 году Царём.

Годуновы чтили Ипатьевский монастырь под Костромой, так как, согласно преданию, относящему к XIV веку, родоначальником рода Годуновых являлся татарский мурза Чет (или Чета), принявший Православие под именем Захарий, перешедший на службу к московским князьям и основавший эту обитель. На этом месте ему было видение Божьей Матери с предстоящими апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским, результатом которого стало исцеление Чета-Захарии от болезни. В благодарность за это на этом месте и был основан монастырь.

При Годуновых монастырь украсился и архитектурными строениями, и произведениями церковного искусства. В подклети Троицкого собора были погребены родители Царя Бориса – боярин Фёдор Иванович и Степанида Ивановна, тесть и тёща Царя Федора Иоанновича.

Торжество новой Династии у алтаря храма стало своеобразным символом исторической преемственности.

Конечно, никто подобную событийную композицию специально не создавал и не режиссировал, да никто её тогда и

не осознавал. Однако трудно удержаться от предположения, что и в этом необычном стечении обстоятельств проявился некий промыслительный знак.

Михаил Романов был благословлён на Царство чудотворной Иконой Божией Матери, получившей название Фёдоровской. Она явилась на Руси еще в XII веке, именовалась Городецкой по месту своего нахождения – в городе Городце, одном из древнейших русских городов на Средней Волге.

В 1239 году, в эпоху Батыева разорения, Икона явила своё чудодейство и стала называться Фёдоровской, так как заняла свое место в церкви Святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата, погибшего в начале IV века от рук римских язычников.

С этой Иконой впереди и шествовала процессия из Костромы в Ипатьевский монастырь, и именно с этим образом Богоматери связывала свои упования инокиня Марфа: «Тебе, Владычице, поручаю сына моего! Да будет Твоя святая воля над нами».

2 мая 1613 года Царь Михаил Фёдорович торжественно въехал в Москву, а 11 июля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание его на Царство.

В событиях 1613 года победили не мирские страсти, не «политические технологии», не групповые интересы, а религиозная Идея. Михаил стал Царем не по воле родовитых и именитых, не в силу прагматических или корыстных расчетов тех или иных сил и групп, а, как заключил исследователь, «давлением народной массы». Потому Династия так прочно и утвердилась.

Михаил Романов занимал Царский Престол с 1613 по 1645 год. При нём сложился удивительный союз между Священством и Царством, не имевший аналогов ни до, ни после. Такое установление фокусировало в себе два начала – духовное и светское, однако неизбежно породило и противоречие при определении первенствующего начала в делах государственного управления.

При Михаиле Фёдоровиче функции «Царства» и «Священства» были как бы гармонизированы в пользу Церкви, когда духовному пастырю принадлежала решающая роль и в мирских делах. При этом «симфония» зиждилась не на институциональном торжестве, а на тесной родственной близости: Патриарх Филарет (1619–1634) – отец Царя Михаила Фёдоровича. Первосвятитель официально носил титул Великого Государя вместо традиционно принятого патриаршего титулования «Великий Господин»; занимал в государстве место, по значению не уступавшее царскому.

Как написал знаток канонической традиции протоиерей Лев Лебедев: «В России сложилась ситуациям уникальная, пожалуй, не только для Русской истории, но и для всемирной истории Церкви, когда родные отец и сын становились двумя главами единой православной державы!..Между Церковью и Государством устанавливаются подлинно родственные (в прямом и переносном смысле) отношения, обеспечивающие особую внутреннюю крепость всей русской жизни. Этот промыслительный урок как определенное Божье указание был хорошо понят в России».

Очень важной исторической заслугой, в которой можно разглядеть и промыслительный знак, было то, что Патриарх Филарет возвратил сакральный ореол верховной власти, чрезвычайно подорванный политическими пертурбациями Смуты, слишком частыми сменами правителей в Москве, как и претензиями различных самозванцев на царское звание.

Все решения верховной власти, указы и грамоты непременно транслировались в мир не только как воля Царя, но и как воля Церкви, то есть исходили от лица двух суверенов.

Доклады о государственных делах выслушивались Царём совместно с Патриархом, а иностранные послы представлялись обоим носителям неслиянной, а теперь и нераздельной высшей властной прерогативы.

В некоторых случаях государственные вопросы вообще решались одним Патриархом. По словам историка Церкви Карташева А.В., «Филарет своим высшим иерархическим авторитетом реализовывал номинальное самодержавие Михаила, облекая его в сакральные одежды. После Смуты, разлагающей и профанирующей мистику всякой власти, это невесомое Филаретово воздействие на укрепление верховной власти было бесспорно его исторической заслугой».

После смерти Филарета положение начало меняться. Попытка возродить политическое значение Священства и придать ему статус некоей независимой корпорации в Государстве, а Церковь вообще фактически вывести из-под государственного контроля связана с именем Шестого Патриарха – Никона…

После периода разложения всего миропорядка и фактического крушения государственных институтов периода Смуты начала XVII века Русь возродилась с неимоверной быстротой, приобретя и по чаянию, и по факту образ мировой православной державы – «Благословенного Царства». Поражает тут не только то, что опять, как и в эпоху становления Древнерусского государства, из «ничего появилось всё», но что это «всё» стало ещё крепче и выразительнее.

Быстрое экономическое, политическое, но главное – духовное

возрождение Царства иначе, как чудесным, и назвать невозможно. Потому данный феномен и не имеет сколько-нибудь внятного объяснения в секулярной историографии. Без православной оптики понять и осмыслить второе рождение Царства в России невозможно.

При Царе Михаиле Фёдоровиче Москва становилась вселенским духовным центром не только потому, что в ней пребывал Православный Царь, но и потому, что имела бесценную сокровищницу духовных реликвий, которая постоянно пополнялась.

В 1624 году Митрополит Ираклийский Дионисий доставил в Россию Царю Михаилу Фёдоровичу Крест Императора Юстиниана, который позже находился в Троице-Сергиевой лавре.

В 1636 году Архиепископ Синайский Иеремия прислал в Москву три посоха того куста, от которого Моисей взял жезл, а также была прислана хоть и не духовная, но великая историческая реликвия – печать Александра Македонского.

В 1644 году в Москву была перенесена с Афона «десница» Апостола Андрея Первозванного.

Невозможно не сказать и ещё об одной бесценной святыне, которая оказалась в Москве при Царе Михаиле Фёдоровиче, хранившейся в золочёном ковчеге в главном храме России – храме Успения Пресвятой Богородицы (Успенском соборе) в Кремле. Это – хитон Иисуса Христа. Его прислали на Русь не благочестивые пастыри Востока, а могучий повелитель персидской державы Шах Аббас I (Великий, 1571–1629, правитель с 1587 года).

Во время покорения и разграбления Грузии в 1614 и 1616 годах персами в одной из старых грузинских церквей ими был обнаружен хитон Господень. Согласно преданию, раньше он пребывал в одной из церквей Царьграда, а затем, во время падения его, тайно был вывезен и более полутора сот лет хранился в Грузии «прикровенно».

У Шаха Аббаса, сумевшего несколько раз нанести серьезные поражения туркам, установились дружеские отношения с Царем Михаилом Фёдоровичем. Турецкая Империя являлась смертельным врагом как для Руси, так и для Персии, и перед лицом общего врага два столь разных государства оказались в дружеском общении. Для подтверждения своих чувств правитель Персии (Ирана) и прислал Царю, которого называл в посланиях «братом», бесценную христианскую реликвию. В прилагавшемся письме Шах извещал, что он, покорив Грузию, обрёл реликвию в ризнице митрополита, сокрытую в кресте.

Ходили слухи, что французский Король Людовик XIII (1610–

1643) обращался к Аббасу с просьбой продать хитон, обещая огромные деньги. Но тот отказал. По словам Павла Алеппского, описавшего путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в середине XVII века, он сам воочию лицезрел реликвию в 1655 году. Это – «хитон из тонкого полотна, тёмного цвета, наполняет ковчег доверху, так что крышка с трудом закрывается. Вот какое бесценное сокровище, о коем вздыхают все цари христианские, приобрёл Московский Царь!»…

Царь Михаил по своему малолетству вступил на Престол неженатым. Вопрос же о его браке живо интересовал не только родственников: Романовых (по линии отца) и Шестовых (по линии матери). Он занимал всю боярскую верхушку тогдашней Руси. Породниться с Царём – о том мечтали все родовитые боярские фамилии, впрочем, как и не очень родовитые. Таковая брачная партия неизбежно открывала дорогу к общественному и материальному возвышению всего рода.

Родители Михаила, прекрасно понимая, что подобная перспектива неминуемо вела к нарушению равновесия в высших слоях общества, пытались решить брачную задачу так, как на Руси её раньше не решали: подыскать невесту в закордонной стране. В поисках претендентки российские послы отправились в Данию к «Королю Дании и Норвегии» Христиану IV (1577–1648), у которого было две племянницы. Однако Король, сославшись на «болезнь», отказался принимать русских послов, что было справедливо истолковано как отказ.

В 1623 году послов с богатыми подарками отправили к Шведскому Королю Густаву II Адольфу (1594–1632, Король с 1611 года), чтобы подыскать невесту среди правившей в Швеции Династии Ваза. Переговоры завершились на самой ранней стадии, так как Король даже и обсуждать не захотел возможный переход шведской невесты в Православие. После провала этих робких попыток отыскать будущую Царицу на стороне пришлось обратиться к русской матримониальной традиции.

Царь Михаил Фёдорович был женат дважды. Первый раз – в сентябре 1624 года на родовитой княжне Марии Владимировне Долгоруковой. По поводу бракосочетания близкий к Царскому двору «Новый летописец» сообщал:

«В лето 7133 (1624) году Государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Русии, поговорив с отцом своим, с Великим Государем Святейшим Патриархом Филаретом Никитичем московским и всея Русии и со своей матерью, с Великой Государыней старицей инокой Марфой Ивановной, захотел сочетаться законным браком, и взял за себя Государь [дочь] боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукого,

Царицу Марию Владимировну. А радость его Государева была сентября в 18-й день, а тысяцкий был у Государя боярин князь Иван Борисович Черкасский; а дружки с государевой стороны были бояре: князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский да князь Дмитрий Михайлович Пожарский с княгинями, а с Царицыной стороны были дружки боярин Михаил Борисович Шеин да князь Роман Петрович Пожарский с женами. В первый же день была радость великая».

Брак был по любви, но счастья не принёс; наоборот, пришлось Царю плакать неутешно, так как молодая Царица через пять месяцев умерла, страдая весь срок супружества от тяжёлого и непонятного недуга.

«Новый летописец» сообщал: «Грехов же ради наших, от начала враг наш дьявол не хочет добра роду человеческому, научил враг человека своим дьявольским ухищрением, и испортили Царицу Марию Владимировну. И была Государыня больна от свадьбы и до Крещения Господня. В том же году, в самое Крещение, предала свою праведную душу Богу, и погребена была в Вознесенском монастыре (в Кремле. – *А.Б.*) с благочестивыми царицами».

Второй раз, в феврале 1626 года, двадцатидевятилетний Царь женился на юной девице Евдокии Лукьяновне Стрешневой (1608–1645), бедной сироте, дочери мелкопоместного калужского дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева и княжны Анны Волконской.

Будущая Царица Евдокия рано потеряла мать, а отец ушёл на несколько лет в ополчение, так что фактически она «осиротела ещё в пелёнках» и воспитывалась у родственников по материнской линии, где её никто не любил. С дочерью дальней родственницы Евдокия и приезжала в Москву в качестве её «подружки».

Евдокия Лукьяновна была выбрана овдовевшим Царём Михаилом Фёдоровичем на смотре невест, устроенном в январе 1626 года. Она не входила в число отобранных красавиц, а прибыла с одной из них, дочерью окольничего Григория Волконского, в качестве наперсницы.

Михаилу не приглянулась ни одна из двухсот девиц, прибывших на смотрины, но по просьбе родителей он осмотрел всех ещё раз, и именно Евдокия тронула его душу «красотой, обходительностью и кротким нравом». Родители Царя были разочарованы этим выбором; род Стрешневых ведь был «неказистым». Однако Михаил остался непреклонен. Государь ссылался не только на возникшее у него чувство, но и на свой христианский долг помочь благородной не по крови, а по

существу девице покинуть дом притеснявших её родственников.

В браке Михаила Фёдоровича и Евдокии Лукьяновны родились 10 детей, семь дочерей и три сына. Ирина (1627–1679), Пелагея (1628–1629), Алексей (1629–1676), Анна (1630–1692), Марфа (1631–1632), Иоанн (1633–1639), Софья (1634–1636), Татьяна (1636–1706), Евдокия (1637–1637), Василий (1639, умер вскоре после рождения).

Только один из сыновей – Алексей – дожил до зрелых лет, и именно ему пришлось воспринять Корону Русского Царства.

Глава 4. Время Царя Тишайшего

Волей всей Русской земли – Земским Собором – была призвана на Царство новая Династия – Романовы.

За всю многовековую историю на Руси правили три династии: Рюриковичи (862-1598), Годуновы (1598–1605) и Романовы (1613–1917). Правда, в 1605–1606 годах на престоле Государства Российского пребывал самозванец под именем Царя Дмитрия Ивановича, прозванный Лжедмитрием, а в 1606–1610 года престол занимал В.И. Шуйский. Однако оба этих правителя назывались «Рюриковичами», а потому и не могут представлять отдельные династии.

В 1613 году начался долгий и трудный процесс национально-государственного возрождения и нового русского исторического самоявления. Закончился тот век утверждением у кормила единоличного правления в 1696 году Царя Петра Алексеевича (1672–1725), получившего в истории прозвание Петра Великого.

В центре же того судьбоносного века находится фигура Царя Алексея Михайловича – отца Петра Первого; родился он 9 марта 1629 года, а вступил на Престол Государства Российского в июле 1645 года. Он получил ещё при жизни в народе прозвание Тишайшего, что очень точно отражало нравственно-психологический портрет второго Царя из Династии Романовых.

Алексей был порфиророждённым, то есть происходившим от отца, носившего Царский венец. О рождении престолонаследника как о важнейшем государственном событии летописец сообщал: «В лето 7137 (1629) году, марта в 17-й день, родился у Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Русии благочестивый Царевич князь Алексей Михайлович всея Русии, и крещен был в Чудовом монастыре, а крестил его, Государя, сам святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всея Русии, а отец крестный [был] Троицкий келарь Александр».

О детских и отроческих годах Царя Алексея Михайловича известно чрезвычайно мало. Семейный уклад Царской Семьи был делом заповедным; в этот мир мало кто был допущен, а кто и имел доступ хранил всегда молчание. Никаких личных «дневников» на Руси тогда никто не вел; не существовало традиции, да и «мемуаров» никто писал. Их эпоха наступит только в следующем, XVIII веке. Потому и свидетельств о воспитании, образовании, времяпрепровождении юного Алексея Михайловича, да и вообще о внутреннем укладе жизни Царского Дома сохранилось чрезвычайно мало.

Известно только, что Алексея Михайловича, еще не

достигнувшего пятилетнего возраста, начали учить грамоте. С малолетства, кроме разных игрушек и музыкальных инструментов, дедушка его, Патриарх Филарет, начал дарить ему книги. В десять лет у Царевича уже была своя «библиотека», состоявшая главным образом из книг Священного Писания и богослужебников.

В учителя к нему определили дьяка Василия Прокофьева, считавшегося «великим грамотеем». В свои зрелые лета Алексей Михайлович приятно удивлял «гостей из Европы» своей образованностью и кругозором. Один из иностранцев, имевших возможность общаться с Царём, потом написал, что «посвящая немало времени на чтение книг, он приобрел основательные познания в науках естественных и политических».

Исключительное место в жизни молодого Алексея Михайловича принадлежало боярину Борису Ивановичу Морозову (1590–1661), которого Царь Алексей глубоко чтил до самой кончины последнего и даже счёл необходимым присутствовать на погребении боярина, что являлось случаем из ряда вон выходящим.

Борис Морозов оставил заметный след на страницах истории в первую очередь потому, что Царь Михаил Фёдорович в 1634 году назначил его «дядькой» к своему сыну Алексею, одновременно присвоив воспитателю боярское звание.

В компетенцию боярина Морозова входила вся система жизнеобеспечения и обучения будущего наследника Престола. Он, ставший позже одним из крупнейших земельных магнатов на Руси, был «своим» в Царском дворце, куда он был взят «на жительство» еще в 1615 году. Прослыл умным и чрезвычайно образованным человеком, за что его ценили и Царь Михаил, и, что особенно показательно, Патриарх Филарет, мало к кому имевший личное расположение.

Под попечительством боярина Морозова Алексей Михайлович рос тихим, образованным юношей; владел в совершенстве чтением и письмом (самостоятельно читал Псалтырь уже в семилетнем возрасте), знал назубок множество молитв и весь церковный богослужебный чинопорядок. Он всегда неукоснительно соблюдал посты, к чему его по требованию деда – Патриарха Филарета – начали приучать с двухлетнего возраста.

С ранних пор мальчик был необычайно строг к себе, не делая себе никаких послаблений. В Великий пост обедал только три раза в неделю, а в остальные дни кушал в день только по куску чёрного хлеба, по солёному грибу и огурцу и даже почти не пил воду. В церкви он стоял по пять-шесть часов кряду, клал по тысяче земных поклонов, а то и больше, и никогда потом не

испытывал никакого «изнеможения». По точной характеристике известного историка В.О. Ключевского (1841–1911), это был «истовый древнерусский богомолец».

Один из современников-католиков с некоторым даже удивлением констатировал: «Большую часть дня он употребляет на дела государственные, немало также занимается благочестивыми размышлениями, и даже ночью встаёт славословить Господа песнопениями Венценосного Пророка (Царя Давида)… Посты, установленные Церковью, соблюдает так строго, что в продолжение сорока дней перед Пасхой не пьет вина и не ест рыбы. В напитках очень воздержан и имеет такое острое обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку». Это написано об Алексее Михайловиче последних лет его жизни, но указанные качества и привычки ему были присущи с ранних лет.

Алексея Михайловича отличали с молодости великодушие, незлобивость и сострадательность к чужому горю. Он сам говорил, что «нас Бог установил, чтобы беспомощным помогать». Он всегда проявлял сочувствие к чужому горю и никогда не стеснялся выражать его особенно тем, кто ему был хорошо знаком. Потому этого Царя чтили, почитали, уважали, но перед ним никогда не трепетали; леденящий душу смертный страх никогда не овладевал теми, кто общался с Самодержцем.

В качестве показательного примера царского великодушия и сострадательности можно сослаться на случай с «ближним боярином» Н.И. Одоевским (†1689), который был «дружкой» на свадьбе Алексея Михайловича с М.И. Милославской в январе 1648 года. Сам Одоевский был значительно старше Царя; известно, что службу он начал ещё в 1618 году, а боярство получил в 1640 году. Он был женат на Евдокии Фёдоровне Шереметевой (†1671), от которой имел пятерых детей.

Страшное горе в доме Одоевских случилось в ноябре 1653 года, когда первенец, радость отца и матери, молодой Михаил Никитич Одоевский скончался. В этот момент Никита Одоевский исполнял «царскую службу» – находился в качестве первого воеводы в Казани. И повелитель Руси-Московии, имевший двадцать четыре года от роду, сочувствуя всем сердцем верному сподвижнику, пишет пространное письмо в Казань, утешая убитого горем отца.

Послание – поразительный по яркости слова и силе искренности документ, раскрывающий во всей красе душевные качества Самодержца всея Руси. Естественно, что Царь по своему статусу никому писать был не обязан, тем более касательно чьих-то семейных дел. Все подданные считались «холопами», «рабами», а Хозяин Земли Русской не имел никаких перед ними

официальных обязательств, но имел, как христиан, неофициальные – морального свойства. И Царь их проявил, совершенно не думая о том, что этим может якобы «уронить достоинство сана».

Послание Алексея Михайловича от 21 ноября 1653 года совершенно не напоминает обращение хозяина к своему слуге; это – слово доброго пастыря, утешающего раненную горем душу своего чада. Царь рассказывает воеводе историю «огненной болезни»[2] Михаила, очевидцем которой он был, продолжавшуюся «три недели без двух дней». Самодержец посещал поместье Одоевских в подмосковном селе Вешняки и передавал отцу в послании, как он с его сыном поводил время, что тот говорил до болезни и вовремя неё. Он рассказывал и о симптомах болезни Михаила; как она начиналась, как протекала, а затем как Михаила Одоевского причащали и как он преставился. Смерть его оказалась «тихой», юноша «как уснул»; не было «ни рыданий, ни терзаний».

Далее Царь увещевает своего верного слугу, чтобы тот «не горился через меру», чтобы «Бога не прогневать». И напоминает, что сына Одоевского «Бог взял» в «небесные обители», а Вседержитель «всё на лучшее нам строит». Затем следует фрагмент, демонстрирующий православное мировосприятие земной жизни, которая есть всего лишь приуготовление к жизни вечной: «И если бы твой сын без покаяния умер или с лошади убился и без покаяния отошёл, тебе как бы им владеть; а теперь радуйся и веселись, что Бог совершил, изволил взять с милостью Своей, и ты принимай в радостью сию печаль, а не в кручину себе и не в оскорбление». Завершалось послание припиской: «Князь Никита Иванович! Не оскорбляйся, только уповай на Бога и на нас будь надёжен»…

Одно непременное качество христианской натуры Царя – почитание старших. Он не только благоговел перед родителями и безропотно слушал их наставления и принимал к исполнению, но и почитал тех, кто по должностному праву находился рядом. В их числе на первом месте пребывал боярин Борис Морозов, которого Цесаревич видел куда чаще, чем родного отца.

После восшествия на Престол в июле 1645 года Алексей Михайлович имел от роду всего полных шестнадцать лет. Мать его скончалась всего через несколько недель после смерти отца (Царица Евдокия преставилась 18 августа 1645 года), и юный Царь оказался один на один с огромным и мало знакомым миром – Московским Царством, которым ему теперь надлежало самодержавно управлять. Самой близкой, «родной душой» стала для него старшая сестра Ирина Михайловна (1627–1679), которую

он и после воцарения называл «матерью».

В делах государственных юный Царь доверился своему наставнику, которому были фактически переданы главные рычаги управления государством. Но умный, образованный, чрезвычайно хваткий Борис Иванович страдал существенными нравственными изъянами – самомнением и корыстолюбием.

Морозов фактически возглавил правительство Руси. Три года, с 1645 по 1648 год, можно назвать временем полного торжества этого боярского временщика, ставшего в этот период самым богатым человеком на Руси, сумевшим даже породниться с Царём. Взяточничество и казнокрадство приобрели невиданные до того размеры. Как писал известный немецкий путешественник и учёный Адам Олеарий (в 1643 году ездил в Москву и описал свои путешествия), «кто больше всего приносил подарков Борису Ивановичу Морозову, тот с милостивой грамотой, весёлый возвращался домой».

Описывая тридцатилетнего Царя Алексея, англичанин Самуэль Коллинс, служивший в 1659–1667 годах лекарем при Царском дворе, написал: «Наружность Императора красива; он двумя месяцами старее Короля Карла II и здоров сложением; волосы его светло-русые, он не бреет бороды, высок ростом и толст; его осанка величественна; он жесток во гневе, но обыкновенно добр, благодетелен, целомудрен, очень привязан к сестрам и детям, одарен обширной памятью, точен в исполнении церковных обрядов, большой покровитель веры; и если бы не окружало его густое облако доносчиков и бояр, которые направляют ко злу его добрые намерения, то его, без сомнения, можно бы было поставить наряду с добрейшими и мудрейшими государями».

Англичанин был прав в том отношении, что «ближние бояре», особенно первой поры царствования, творили немало недобрых дел, тень от которых неизбежно падала и на Самодержца. И здесь особо неприглядное место принадлежало боярину Борису Морозову.

Морозов играл важную роль и при выборе невесты для Царя Алексея Михайловича. В начале 1647 года Государь задумал жениться. Собрали до двухсот девиц; из них отобрали шесть и представили Царю. Алексей Михайлович остановил свой выбор на красавице Евфимии Фёдоровне Всеволожской (1630–1657), дочери касимовского помещика; она перед свадьбой была помещена в кремлёвском царском тереме «наверх» (дворцовая половина Царицы).

При одевании в первый раз в царскую одежду сенные девушки так затянули волосы на голове Всеволожской, что,

взволнованная и без того, красавица упала в обморок при женихе. Естественно, поползли слухи, что молодую, недавно цветущую здоровьем девицу извели злые люди по дьявольскому наущению. Современник событий Григорий Котошихин, будущий известный русский эмигрант (†1667), написал, что царскую невесту завистники из других знатных боярских родов «опоили отравами».

Царь был потрясён, а всесильный боярин Морозов приписал обморок «падучей болезни», обвинив отца невесты в умолчании о «порченой» дочери и сослал его со всей семьей в Тюмень. После женитьбы Царя на Милославской всем Всеволожским было объявлено прощение…

Происшествие с невестою так подействовало на Царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотами. Молва, однако, приписывала несчастья Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей Царицы не отодвинула его от рычагов управления страной, а следовательно, и от источника имущественного благополучия.

Морозов всеми силами старался остаться навсегда у Алексея Михайловича первым и главным советником, удаляя от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подалее на воеводства, а других – в ссылку. Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к Царю, его родного дядю по матери С.Л. Стрешнева (1616–1666). Царского дядю обвинили «в волшебстве» и сослали в Вологду; Алексей Михайлович не мог ещё перечить своему всесильному наставнику.

Для упрочения своей власти Морозову хотелось женить Царя так, чтобы новая родня была с ним близка; и он нашёл подобный способ. Был у него верный, лично ему преданный подручник, незнатного роду дворянин Илья Данилович Милославский (1595–1668), у которого имелись две красивые дочери: Мария и Анна. Морозов составил план: выдать одну из них за Царя, а на другой жениться самому.

Боярин расхвалил дочерей Милославского и предоставил Царю случай увидеть их в Успенском соборе на литургии. Самодержец засмотрелся на Марию, пока она молилась. Вслед за тем Алексей Михайлович повелел позвать её с сестрою к царским сестрам, явился туда сам и, разглядевши поближе, нарек её своею невестой. Эта партия была необычной и вызвала различные слухи о том, что «Царя околдовали», «опоили зельем». Ведь избранница Царя была на три года его старше! Такого в истории Царского Дома ещё не бывало.

16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с

Мариею Ильиничною Милославской (1624–1669). Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям Царя, отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий.

Брак этот оказался в полной мере счастливым; Алексей Михайлович нежно любил свою жену все двадцать один год супружества. Супругов несомненно сближало то, что оба были ревностными, полноправными православными людьми. Мария, считавшая своей небесной покровительницей Марию Египетскую, была столь же последовательной и столь же непримиримой, как и супруг, в соблюдении церковного обряда, в исполнении всех обиходных норм благочестивого жизнеустроения. Она много и всегда с открытой душой помогала бедным и неимущим, опекала своей заботой некоторые обители и храмы. В народе Мария Ильинична пользовалась почитанием; её называли «благочестивой» и «церковлюбивой».

В летописи чудес от иконы Богородицы в Успенском девичьем монастыре Александровской слободы сохранилось предание о явлении покровительницы монастыря Царицы Марии монахиням обители. Это бесхитростно-трогательное и эмоциональное повествование – свидетельство высокого почитания Марии Милославской в православной среде.

«Прихожанка некая девица именем Мавра из слободы Александровы, била челом отцу Корнилию (настоятелю храма), приходя в монастырь 5 лет, дабы её принял во святую обитель и причёл ко избранному стаду. Отец же Корнилий, видев её слезы и прилежное прошение, принял её. Она же поживе лето едино, отец же Корнилий возложи на неё ангельский образ. Она же жила 11 лет в монашестве, в тяжких трудах и службах монастырских. По сем диавольским наваждением, от неразумия своего, прокляла жизнь свою. И в тот час ударилась о землю, и пребывала в той болезни лютой годичное время. Видя же себе толико страждущую сильно, начала со слезами молится Богу и Пресвятой Богородице с великою верою и с сокрушенным сердцем. По сем видит в видении благоверную Царицу Марию Ильиничну со двумя ангелами, среди трапезы стоящую. Монахиня же затрепетала. Благоверная (Царица) говорит ей: «Старица, приближься ко мне». Она же рече: «Не смею, госпожа моя, приближаться к тебе, понеже заповедано нам от наставника нашего не приближаться к Вашему Царскому Величеству». Рече же ей Царица: «Приближься ко мне, не бойся». Она же, пришедши и припав к честным ногам её, и начала со слезами молится. Благоверная же Царица и Великая княгиня Мария Ильинична глаголила ей: «Встать». Она же,

восставши от земли, просящи прощения. Благоверная же Царица великим гласом рече к ней: «Старица! Почто так клянёшься? Престань клясться – и исцелишься от недуга твоего». Паки было видение старица Мария, держали в своей руце икону Успения Пресвятой Богородицы, а в другой руце – икону Казанской Богородицы. Тогда глас бысть от образа Успения Пресвятой Богородицы, глаголющее ей: «Престани клятися, Мария, и здрава будешь от недуга твоего». И тако невидима бысть».

Брак Алексея Михайловича и Марии Милославской принёс тринадцать детей, из них двое – Фёдор (1661–1682) и Иоанн (1666–1696) станут царями, а дочь Софья (1657–1704) будет фактической правительницей государства в 1682–1689 годах.

Совсем иным оказался семейный союз Морозова, который через десять дней после царского венчания женился на сестре Царицы Анне Милославской, став царским свояком. Алексей Михайлович сделал своему теперь уже родственнику поистине «царский подарок»: карету, обитую снаружи и внутри золотой парчой с подкладкой из соболей, причём большая часть металлических деталей, включая и обода колес, были сделаны из литого серебра. Этот шикарный морозовский экипаж был уничтожен в июне 1648 года восставшими во время Соляного бунта.

Морозов был женат в первый раз еще в 1617 году. Разница в возрасте во втором браке между мужем и женой составляла более тридцати лет. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению царского врача англичанина Самуэля Коллинса, вместо детей «родилась ревность», которая познакомила молодую жену старого боярина с кожаною плетью в палец толщиной.

Боярин Морозов полагал, что теперь-то он сделается всесильным, станет полноправным «хозяином жизни», но временщик жестоко обманулся.

Всё его благополучие было сокрушено вмиг народным восстанием в Москве в начале июня 1648 года. Этот восстание получило название Соляного бунта и было вызвано широким недовольством своекорыстной политикой правящей верхушки во главе с Морозовым. Общественное недовольство накапливалось несколько лет.

В марте 1646 года введён был повышенный налог на соль. Этой пошлиной хотели заменить разные старые мелкие поборы: проезжие мыты, стрелецкие и ямские деньги. Новую пошлину следовало собирать на местах добывания соли «гостям и торговым людям», которые туда приезжали, а за ней потом уже этим гостям и вообще всем торговым людям можно было торговать по всему государству солью беспошлинно.

Мера эта, упрощая сборы, должна была служить облегчением; но вышло совсем иначе. Народу пришлось платить за необходимый жизненный предмет двумя гривнами на пуд более, чем он платил в прежние годы, что вызывало повсеместное недовольство. По причине дороговизны соли рыбные торговцы стали недосаливать рыбу, а так как соленая рыба составляла тогда главнейшую пищу русских, то, с одной стороны, потребители не стали покупать дурной рыбы, а с другой – у торговцев попортился товар, и они несли большие убытки: соленая рыба чрезмерно поднялась в цене.

Вместе с пошлиной на соль разрешено было употребление табака, что, по православной традиции, считалось делом «нечистым». Склонность боярина Морозова к иноземным обычаям сильно раздражала благочестивых людей, которые составили уже себе понятие об этом растении как о «богомерзкой траве». В 1634 году указом Царя Михаила Фёдоровича была запрещена торговля табаком, как и его употребление. Теперь же, во имя фискальных интересов, этот давний запрет был отменён.

Как бы в знак милости по поводу царского бракосочетания ненавистная народу соляная пошлина была отменена, но у московского народа и без того уже накипело сильное неудовольствие.

Брак Царя увеличил это неудовольствие. Морозов стал выдвигать родственников молодой Царицы, а они все были люди небогатые, отличались жадностью и стали брать взятки. Сам царский тесть Илья Милославский получил возможность воспользоваться новым положением для своего обогащения и, что называется, «брал без разбору».

Но никто так не опротивел народу, как двое подручных Морозова, состоявшие в родстве с Милославскими: Леонтий Степанович Плещеев и его шурин Пётр Тихонович Траханиотов.

Первый заведовал Земским приказом, а второй – Пушкарским. Плещеев обыкновенно обирал тех, которые приходили к нему судиться, и, кроме того, завел у себя целую шайку доносчиков, которые подавали на людей ложные обвинения в разных преступлениях. Обвиняемых сажали в тюрьму и вымучивали у них взятки за освобождение. Траханиотов поступал жестоко с подначальными служилыми людьми и удерживал следуемое им жалованье.

Торговые люди были озлоблены против Морозова еще и за потачку иностранцам, и за разные новые поборы, кроме соляной пошлины; так, например, для умножения царских доходов выдуман был казенный аршин с клеймом орла, который все должны были покупать, платя в десять раз более против его

стоимости. Никакие просьбы не доходили до Царя; всякое челобитье решал Морозов или его подручники. Наконец, толпы народа стали собираться у церквей на сходки; толпы роптали, проклиная жадных и жестоких сановников.

1 июня 1648 года возмущённые москвичи решили вручить челобитную Царю, возвращавшемуся с богомолья из Троице-Сергиева монастыря. На Сретенке кортеж царский был остановлен. Алексей Михайлович молча выслушал претензии, в числе коих главными были: наказать мздоимцев и погубителей и созвать Земский Собор. Реакции не последовало, а по приказу Морозова толпу начали разгонять нагайками, причём было арестовано около двух десятков человек.

2 июня 1648 года огромная толпа недовольных собралась на Красной площади, а затем двинулась в Кремль. Это было первое восстание русского народа против высокопоставленных мздоимцев, или, выражаясь современным языком, против «коррупции» и «коррупционеров».

Собравшись вокруг царского дворца, горожане шумно требовали «выдать головой» главных виновников своего разорения – боярина Морозова, окольничего Петра Траханиотова и Леонтия Плещеева. Морозов вышел на Царское крыльцо и от имени Царя пытался пристыдить собравшихся, но встретил такой шквал негодования и ненависти, что должен был быстро ретироваться; его еле успели уберечь от самосуда охранявшие дворец стрельцы.

Двор боярина Морозова в Кремле был разгромлен. При этом никто из погромщиков не позарился на богатство боярина. «То наша кровь», – кричали москвичи и бросали боярское добро в огонь. Восставшие не застали самого Морозова в его великолепном дворце, хозяин скрылся в царских палатах в Коломенском, но обнаружили там его молодую жену. По словам Олеария, они якобы заявили насмерть перепуганной боярыне: «Не будь ты сестра Великой княгини (т. е. Царицы. – *А.Б.*), мы бы изрубили тебя на мелкие куски».

Вслед за этим восставшие разорили двор думного дьяка Назария Чистого, возглавлявшего Посольский приказ. Сам хозяин был убит ударом дубины, а тело его брошено в выгребную яму. Плещеев был приговорён по царскому указу к казни, но народ забил его насмерть, как только того вывели на площадь. Траханиотов при начале беспорядков захотел скрыться из Москвы, но его настигли по царскому указу в двенадцати верстах от столицы, вернули обратно, и толпа растерзала его на Красной площади.

Московские стрельцы, кроме наиболее приближенного к

Царю Стремянного полка, отказались подчиняться власти. Разгрому подверглись дворы Траханиотова, Плещеева, а также князей Н.И. Одоевского, А.М. Львова, дьяка Г. Ларионова, купца В. Шорина; считается, что около семидесяти дворов 2–4 июня 1648 года было уничтожено в Москве.

В довершение всех бед в этот же день в Москве вспыхнул сильный пожар, в результате которого выгорели улицы Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбат, Чертолье. Положение в городе сложилось катастрофическое.

Царь, по требованию бушующей многотысячной толпы, вынужден был удалить своего любимца; Морозов был выслан в Кирилло-Белозерский монастырь, где он пробыл несколько недель. Ссылка не изменила дружеского отношения Алексея Михайловича к Морозову, которого он вскоре возвратил в Москву. Однако Морозов не занимал больше официального положения во внутреннем управлении потому, что Царь хотел выполнить данное народу обещание. Несмотря на это, Морозов всё время находился при Царе, во время военных походов он неизменно получал высшее военное назначение.

Избежал расправы и царский тесть Илья Данилович Милославский, скрывшийся в царских хоромах, который хоть и сохранил свой общественный статус, но к делам управления допускаем не был. Алексей Михайлович вообще был невысокого мнения о своём родственнике и довольно пренебрежительно всегда называл его просто Ильей; так, по имени, обращались обычно к дворне.

События июня 1648 года оставили неизгладимый след в памяти Царя и в памяти народной. Это – первое за много лет городское восстание в Москве, перевернувшее обычный ход вещей, утвердившийся ещё при Царе Михаиле Фёдоровиче. Даже Патриарх (1642–1652) Иосиф, потрясенный народной стихией, как бы потерял дар речи и не попытался утихомирить разбушевавшиеся толпы. Лишь одна фигура не подвергалась в тот момент шельмованию в среде народной – Царь Православный.

Для Алексея Михайловича те события стали тяжелым испытанием и горьким уроком. Ему пришлось в свои девятнадцать лет в один миг повзрослеть, стать самостоятельным. Стало совершенно и навсегда ясно: за все дела и за всех людей ответственность несёт он, Самодержец, Царь всея Руси. Все последующие годы царствования Алексея Михайловича на вершине властной пирамиды уже никогда не появлялись самовластные временщики.

Душевной отрадой Царя Алексея всегда являлась семья. Он, как истинно православный человек, воспринимал свой

счастливый семейный союз с Марией Милославской как Божье предопределение. Тринадцать детей принесло это супружество, длившееся более двадцати лет (1648–1669). Появление каждого ребёнка воспринималась как милость Всевышнего, который по неизъяснимому Своему Промыслу не единожды забирал к Себе юных царскородных отпрысков. Почти никто из детей от первого брака – восемь девочек и пять мальчиков – не дожил до «седых волос».

Ни одна из царских дочерей от Милославской, даже из круга тех, кто и прожил сравнительно долго, не вышла замуж. Не дано было Царю Алексею узреть в царском доме зятя. При этом у всех цесаревен сложилась непростая, а порой и трагическая судьба.

Царевна Анна Алексеевна, родившаяся во время московской эпидемии чумы в Вязьме 23 января 1655 года, преставилась в 1659 году и была погребена в Вознесенском монастыре Московского Кремля.

Царевна Евдокия Алексеевна, родившаяся в феврале 1650 года, преставилась в феврале 1669 года. Процедура похорон её описана в царском «Объявлении о кончине», где излагался традиционный чин погребения царскородных детей:

«Февраля, в 28 день, преставилась благоверная Царевна Евдокия Алексеевна; благовест был в Успенской колокол в один край, а по теле её приходили со кресты, а кресты, рипиды, да запрестольную Богородицы икону, да фонарь пред образом носят из собора; а как пойдут со кресты, в то число звон, и с большим колоколом в один край во вся; а как с телом пойдут, по тому же образу звон, а проводя тело в Вознесенский монастырь, Патриарх встречал у святых врат в монастыре, и поставя тело, ектенью говорил. А как надгробное отпели, и погребли тело, то Государь в дом свой поиде, и после его кресты в собор понесли, а при встрече крестов звон был…»

Ужас ситуации для Алексея Михайловича состоял в том, что он похоронил дочь за несколько дней до кончины свой супруги Марии, последовавшей 3 марта того же года. Горе было бесконечное…

Царевна Марфа Алексеевна (1652–1707) оказалась в оппозиции к преобразованиям своего сводного брата Царя Петра I. После Стрелецкого бунта 1698 года, во время которого она участвовала в обмене информацией между стрельцами и заключенной Царевной Софией, Царевна Марфа была сослана в Успенский монастырь Александровской слободы и пострижена. Остаток жизни провела в молитве, покаянии и трудах. Там же и упокоилась.

Ещё одна дочь, Царевна Екатерина Алексеевна (1658–1718),

получила своё имя в память о видении Царю Алексею I Святой Великомученицы Екатерины, происшедшем незадолго до её рождения. В честь этого события Государь основал Екатерининскую пустынь в окрестностях села Царицыно. После Стрелецкого бунта 1698 года Царевна была арестована, но затем оправдана и освобождена. Стала восприемницей при принятии Православия будущей Императрицей (с 1725 года) Екатериной I (урождённой Мартой Скавронской, 1684–1727). Ей удалось сохранить приязненные отношения с Петром I, а потому она тихо до конца жизни проживала в Москве, где и скончалась. Погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Царевна Мария Алексеевна (1660–1723) при Петре I пережила опалу и арест за поддержку, оказывавшуюся ею Царевне Софии Алексеевне и первой жене Петра Алексеевича – Царице Евдокии Федоровне, урождённой Лопухиной (1669–1731). В ходе расследования «изменного дела» Царевича Алексея Петровича (1690–1718) заключена в Шлиссельбургскую крепость и после нескольких лет заточения освобождена в 1721 году. Погребена в родовой усыпальнице Дома Романовых – Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Младшая дочь Алексея Михайловна Феодосия родилась в мае 1662 года в Москве, где неприметно прожила сорок пять лет своей жизни. В последние годы, по настоянию своего неугомонного сводного брата Царя Петра Алексеевича, вынуждена была переехать в Санкт-Петербург, где и скончалась в декабре 1713 года. Завещала же себя похоронить рядом с Царевной Марфой Алексеевной в Успенском монастыре Александровской слободы, что и было исполнено.

Однако самая трагическая участь была уготована дочери Царя Алексея Михайловича Царевне Софье (1657–1704). После кончины единородного брата Царя Феодора (1682) она возглавила «партию Милославских», воспрепятствовавшую устранению из порядка престолонаследия своего брата Иоанна Алексеевича (1666–1696), ставшего 26 мая 1682 года «первым Царём», наряду со «вторым Царём» – сводным братом Петром.

В мае 1682 года в Москве вспыхнул Стрелецкий бунт, повлекший за собой гибель нескольких представителей «партии Нарышкиных». В связи с болезненностью Царя Иоанна V и малолетством Царя Петра I Софья стала Правительницей государства при соцарствующих братьях. Властолюбие Царевны постепенно привело её к мысли об окончательном утверждении у власти в государстве.

В 1689 году Царь Петр I, родившийся 30 мая 1672 года, достиг совершеннолетия и вступил в брак с Евдокией Лопухиной,

что лишало власть Царевны Софьи легитимной основы. Сторонники Царевны планировали заговор с целью устранения молодого Государя. Получив известие о готовящемся на него покушении, Петр I бежал из Преображенского села под защиту Троице-Сергиева монастыря.

Святейший Патриарх (1674–1690) Иоаким и большинство государственных деятелей поддержали Царя Петра. Царевна Софья была заключена в Новодевичьем монастыре с достойным содержанием и прислугой. После Стрелецкого бунта летом 1698 года, в ходе которого Царевна попыталась вернуться к участию в политической жизни, условия её жизни ужесточили. В октябре 1698 года Софья была пострижена в монашество под именем Сусанны; перед кончиной приняла схиму. Погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря…

Особая забота, внимание и надежда Царя и Царицы неизменно возлагались на сыновей. Ведь сын, особенно первенец, – это будущий носитель «скифетра Российского Царствия». Он не только продолжатель рода, но и продолжатель и охранитель дела отца. Здесь у Алексея Михайловича были как большие радости, так и тяжёлые печали.

Первенец, Царевич Дмитрий, появившийся на свет 22 октября 1648 года, умер, не дожив до года, и был погребён в Архангельском соборе.

В феврале 1654 года, 5-го числа, появился на свет второй сын – Царевич Алексей Алексеевич, нареченный своим именем в честь высокочтимого в Царской Семье святителя Митрополита Киевского и всея Руси Алексия (1305–1378). Алексей Алексеевич получал воспитание и образование под руководством князя И.М. Пронского и Симеона Полоцкого (1629–1680). Оба, особенно Симеон, принадлежали к кругу самых образованных и просвещенных людей своего века.

На Руси существовал древний обычай: родители старались не показывать детей никому из посторонних, особенно в ранние годы, чтобы уберечь малюток от худого глазу. Однако это поверье не распространялось на старшего царского сына – правопреемника. Отец обязан был не только являть Цесаревича, что называется, «граду и миру», но и указывать его имя в официальных документах. 31 августа 1656 года появилась царская «грамота», извещавшая должностных лиц, что отныне царскородный сын должен упоминаться во всех официальных бумагах как «Великий Государь, Царевич и Великий князь Алексей Алексеевич». К тому времени «Великому Государю» ещё не исполнилось и трёх лет…

В 1667 году торжественно и официально Алексей Алексеевич

был представлен народу как будущий Государь. В этой связи в царской грамоте говорилось: «По милости всемогущего в Троице Славимого Бога, изволили Мы, Великий Государь, нашего Царского Величества сына благоверного Царевича и Великого князя Алексея Алексеевича объявить в народ, и для той Нашей Государевой и всемирной радости, пожаловали Мы, Великий Государь, бояр и окольничих, и думных людей, и дворян московских, и жильцов, и дворян и детей боярских городовых, велели к прежним окладам чинить придачи по указанным статьям». Далее шло перечисление, кому и сколько полагается получение денег по «царской милости».

Но не суждено было этому Царевичу носить титул Русского Самодержца. Немного не дожив до 16-летия, Алексей Алексеевич скончался. Как всегда случалось в подобных случаях, причина смерти не объяснялась. В царском извещении говорилось. «В нынешнем 1670 году, января 17 числа, в 7 часу дня, во второй четверти часа, в понедельник, изволением Всесильного Господа Бога, Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России Самодержца, благоцветущая отрасль, сын Его Государев, Благоверный Государь, Царевич и Великий Князь Алексей Алексеевич всея Великой и Малой и Белой России, от жития своего отыде, и переселился в вечное блаженство Небесного Царствия, от рождения своего в 16 лето».

Погребли наследника в Архангельском соборе 18 января, и церемония сопровождалась «рыданиями, великим стенаниями и воплями».

Уместно добавить, что имя Царевича Алексея Алексеевича использовалось бунтовщиками под водительством Степана Разина, которые выступали против существующих политических порядков, но не дерзали, по крайней мере явно, нарушить Соборную Клятву 1613 года о верности Дому Романовых. Участники восстания даже принесли присягу «Государю Алексею Алексеевичу». Потом несколько самозванцев играли роль Царевича, будто бы спасшегося от злоумышления бояр и соединившегося с простым народом…

Ещё один сын, Царевич Симеон Алексеевич, скончался 18 июня 1669 года, вскоре после того, как ему исполнилось четыре года, и был похоронен в Царской усыпальнице – Архангельском соборе Московского Кремля.

Только третьему сыну Алексея Михайловича, Фёдору (Феодору, 1661–1682), выпала доля носит корону Русского Царства. Он вступил на Престол после смерти отца 29–30 января 1676 года и венчался на царство в Успенском соборе Московского

Кремля 18 июня 1676 года. Несмотря на слабое здоровье, он сумел прекрасно подготовиться к Царскому служению и получил блестящее образование под руководством упоминавшегося Симеона Полоцкого. Знал латинский и польский языки, сам писал музыку к церковным песнопениям и явился одним из основателей Славяно-греко-латинской Академии.

Подобно своему отцу Царю Алексею Михайловичу, Царь Фёдор III отличался глубочайшим благочестием. В его царствование учредили ряд новых епархий. Осуществлялись меры по изживанию раскола, шла борьба с внутрицерковными «бесчиниями и нестроениями». Основной внешнеполитической задачей царствования стало противостояние Турции и Крымскому Ханству, пытавшимся отторгнуть территории в союзе с предателями на Украине.

Царь Фёдор III был женат дважды: в 1679 и 1682 годах. Первая его супруга Царица Агафья Семёновна (урожденная Грушецкая, 1661–1681) скончалась 14 июля 1681 года вместе с только что родившимся Наследником Царевичем Илией Феодоровичем. Во втором супружестве, длившемся два месяца, Государь состоял с Царицей Марфой Матвеевной (урожденной Апраксиной, 1664–1715), не успевшей произвести на свет потомства.

…В марте 1669 года, 3-го числа, скончалась горячо любимая и высокочтимая супруга Алексея Михайловича Царица Мария Ильинична. Царь был безутешен: ведь с Марией он прожил практически всю свою сознательную жизнь. С ней он делил все радости и печали – вместе молились, совершали паломничества по святым обителям, обсуждали все важные государственные дела; с ней вместе радовались появлению детей и вдвоём тихо горились, когда те, до срока, умирали. А теперь нет её, и он один в опочивальне; Мария, или, по-семейному, Маруся, больше не придёт и не с кем перед сном слово молвить.

Похоронили Царицу 4 марта, и в официальном объявлении о «преставлении Царицы Марии Ильиничны» говорилось, что процедурой отпевания и похорон руководил Патриарх и звон «был плачевный».

Оставшись вдовцом, Алексей Михайлович затосковал. Все чаще призывал он к себе «ближнего советчика» Артамона Матвеева (1625–1682), которого ценил за ум, честность и образованность. Матвеев мог интересной беседой и добрым словом развеять царскую печаль, отвлечь от грустных мыслей. Однажды, в самом конце 1670 года, Алексей Михайлович сообщил своему другу, что намерен пожаловать к нему в гости, но желает, чтобы его приняли не как Царя, а просто как доброго

знакомого, без церемоний. Матвеев, вернувшись домой, позвал жену и свою воспитанницу – дочь давнего подчинённого стольника Кирилла Полуектовича Нарышкина (1623–1691) Наталью (1651–1694) и приказал подготовить дом к встрече Государя.

По всем представлениям той поры Нарышкины принадлежали к числу «худородных», «неказистых», полунищих родов. Кириллу Нарышкину чрезвычайно повезло, что его дочь Наталью взял на воспитание в свой богатый и открытый дом Артамон Матвеев. Здесь Наталью приняли как родную, начали величать «племянницей», хотя каких-либо надёжных свидетельств о близких кровнородственных связях между Матвеевыми и Нарышкиными не существует.

Матвеев являлся одним из первых русских «западников»; в этой семье уже знали вкусы и нравы «из Европы». Его жена Евдокия Григорьевна была по происхождению шотландкой, урождённой Гамильтон. Царь Алексей Михайлович приобрел через эту женитьбу хотя и весьма отдалённое, но свойство с Королевским Домом Стюартов в Англии. По линии своей прабабки Евдокия являлась прямым потомком Эдварда Брюса (1275–1318) – последнего «Верховного Короля Ирландии». Эдвард Брюс приходился родным братом Королю Шотландии (1306–1329) Роберту I, от которого и ведёт своё начало Королевский род Стюартов.

Существует предположение, согласно которому записанный в VI часть дворянской родословной книги Тульской, Самарской и Московской губерний род нетитулованных дворян Хомутовых (в Российской Империи было известно три одноименных рода) происходил от шотландца Томаса Гамильтона, выехавшего в Россию из Великобритании в 1542 году вместе с малолетним сыном Петром, который при Иоанне Грозном состоял «на службе по Новогороду». Принято в генеалогии считать, что английское «Hamilton» превратилось в русском языке в понятное «Хомутов». Одна из представительниц рода потомков Томаса, его правнучка Евдокия Григорьевна Гамильтон, и являлась женой боярина Артамона Матвеева.

Хотя Матвеев имел в это время скромное звание «думного дворянина» (боярином он станет только в 1674 году), но благодаря царскому расположению управлял Посольским приказом, то есть ведал всеми внешнеполитическими делами государства.

Царь прибыл к ужину и пожелал, чтобы вся семья вместе с ним села за стол. Это была довольно необычная просьба; во времена Алексея Михайловича женщины жили на своей половине

и в мужские компании не допускались. У Матвеева домашний уклад жизни был менее патриархальным, поэтому жене и воспитаннице позволялось выходить к гостям. И теперь, по просьбе Царя, женщины присутствовали на ужине.

Алексею Михайловичу очень приглянулась девятнадцатилетняя Наталья Кирилловна Нарышкина. Он заговорил с ней, а она, оправившись от первого смущения, начала отвечать весьма бойко и толково, чем просто обворожила Государя. Наталья была необычной барышней. Она не только отличалась красотой, но и разбиралась в таких вещах, о которых иные и не слышали. Она увлекалась химией и физикой, и было известно, что её благодетель – Артамон Сергеевич – выписал специально для неё из Голландии какой-то «физический кабинет». Сам чрезвычайно любознательный от природы, Царь был просто поражён; девиц с подобным широким кругозором он ещё в жизни не встречал.

Через несколько дней Алексей Михайлович без предупреждения пришёл в дом к Матвеевым и просил у Артамона Сергеевича руки его воспитанницы. Матвеев испугался, побелел весь, подумал, что это какая-то странная, если не сказать, опасная шутка. Но Царь и не думал шутить. Он приказал пойти и спросить Наталью Кирилловну, согласна ли она стать царской невестой.

Матвеев побоялся подобного поворота событий. Не того, что Наталья станет Царицей, а того, как она ею станет. Ведь скороспелое желание Царя выходило за рамки устоявшегося порядка вещей. Царь обычно выбирал избранницу на смотре невест, куда отбирались самые красивые и самые «достойные». Это была публичная государственная процедура, готовившая несколько недель. А тут в раз – и невеста!

Наталья – невеста из небогатого и незнатного рода, и выбери её Царь вот так, не по обычаю, неизбежно – сплетни, гнусности, доносы, способные погубить и Наталью, и всю её семью. Об этом открыто сказал Матвеев Государю, и просил сделать так, как обычай велит: принято было собирать в царские палаты на подобные смотрины барышень из разных семейств, которые жили там несколько дней, в течение которых Царь должен был выбрать себе из них невесту. Матвеев просил, чтобы и в этот раз также было, чтобы не говорили потом, что боярин перехитрил или околдовал Царя, навязав ему свою воспитанницу. Алексей Михайлович согласился. Шестьдесят знатных девушек были собраны на смотрины. Но сердце Царя уже принадлежало Наталье Кирилловне, и вскоре она была объявлена царской невестой.

Алексей Михайлович был на два десятка лет с лишком старше невесты. Однако это не могло служить преградой.

Никогда ещё не бывало, чтобы какая-либо избранница смогла отказать самому Царю! К тому же по всем русским бытовым эстетическим представлениям Алексей Михайлович – мужчина хоть куда: голубоглазый, дородный, светлолицый. Вот как описал его современник: «Царь Алексей Михайлович – росту среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное, волоса среднего между чёрным и рыжим, глаза голубые, поступь величавая; на лице его выражается строгость вместе с милостию, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха».

Брачный выбор Самодержца был одобрен и царским духовником с 1666 года Андреем Савиновым (Постниковым), настоятелем храма Георгия Неокесарийского в Дербицах. Алексей Михайлович чрезвычайно ценил и любил «отца Андрея». По наблюдению Якова Рейтенфельса, Алексей Михайлович «никогда не разлучается со своим духовником». Именно в этом храме и состоялось венчание Царя и Натальи Кирилловны; существует предположение, что в этом же храме и был крещён их первенец – Пётр Алексеевич.

Свадьба состоялась 22 января 1671 года. Самодержец не хотел придавать своему второму браку характер помпезного государственного торжества, и вся свадебная церемония была обставлена довольно скромно.

Милославские, в первую очередь три здравствовавшие взрослые царские дочери от первого брака – Марфа, София, Екатерина, невзлюбили Наталью Нарышкину с первого момента, как только узнали об отцовской симпатии. Не имел расположения к Нарышкиным тогда Митрополит Новгородский и будущий Патриарх (1674–1690) Иоаким, который, став Первосвятителем, просто возненавидел царского духовника, который «был слишком хорош» с Нарышкиными и «сочувствовал» низложенному Патриарху Никону. Когда Алексей Михайлович скончался, то вскоре Андрей Савинов по настоянию Иоакима был арестован и выслан из Москвы в дальний Кожеозерский монастырь, тот самый, где в молодости подвизался Патриарх Никон…

Матвеев не ошибся, предрекая наветы, клевету и наговоры на него и его семью. Как же так: Царь выбрал себе в жены не знатную боярышню, а какую-то Нарышкину, у которой за душой и гроша-то ломаного не было! Но Алексей Михайлович, всё прекрасно понимая, не желал строить семейную жизнь с чужого голоса. Ведь ни его первая супруга (Милославская), ни его мать (Стрешнева) к числу именных, «золотых боярских родов» не принадлежали, но стали достойными избранницами.

Потому Царь и не обращал внимания на доносы и сплетни в

отношении своего любимого Матвеева, которого недоброжелатели называли и «колдуном», «еретиком», «чернокнижником». Столь же нелестными эпитетами стали награждать и Наталью Нарышкину, как только весть о расположении к ней Царя с быстротой молнии разнеслась по Москве. Несмотря на все злые наветы и козни, Наталья Кирилловна стала Русской Царицей. Но на протяжении еще очень многих лет конфликт между Милославскими и Нарышкиными будет определять судьбу Русского Престола.

Вот как выглядела новая Царица в описании Якова Рейтенфельса, не раз видевшего избранницу Алексея Михайловича: «Это – женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с чёрными глазами навыкате, лицо имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах изящная соразмерность, голос звонкий и приятный, и манеры самые грациозные».

В 1672 году, 30 мая (12 июня), Наталья Кирилловна родила первенца – сына Петра, ставшего впоследствии самым знаменитым Царём-реформатором – Петром Великим. До этого времени имя Пётр никогда не давалось членам Царского Семейства, и почему Алексей Михайлович и Наталья Кирилловна остановились на этом имени, так до конца и неясно. Крестниками мальчика стали: его тетка, сестра Царя Ирина Михайловна, и его сводный брат, старший царский сын и наследник Фёдор Алексеевич.

Новая Царская Семья внесла некоторые новшества в принятые правила поведения при Дворе. Так, Царь, неизменно любивший охоту, брал с собой свою супругу, выезжал с нею в карете с незанавешенными окнами, то есть женщина стала получать некоторые послабления и, несомненно, больше свободы, чем то ранее было.

Женитьба на Наталье Нарышкиной и семейное «сближение» с укладом дома Матвеева сказывалось на вкусах и интересах Царя и его ближайшего окружения. Появление в России театра стало одним из таких результатов.

В конце 60-х годов XVII века в Москве, в Немецкой слободе, подвизался в качестве лютеранского пастора Иоганн Грегори (†1675) – пасынок немецкого врача Лаврентия Блюментроста (1619–1705), который с мая 1668 года являлся лейб-медиком Царя Алексея Михайловича. Этот самый пастор Иоганн при своей кирхе учредил школу для детей православного и лютеранского исповеданий, при которой основал домашний театр для представления пьес духовно-нравственного содержания. Для Москвы того времени то была редкая «диковина», о которой Царю

и поведал всесведующий Артамон Матвеев.

Самодержец пожелал, чтобы пастор Грегори «учинил комедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь и для того действа устроить хоромину вновь» (в селе Преображенском). Грегори вместе с учителем приходской школы Юрием Михайловым собрал в Москве «детей разных чинов служилых и торговых иноземцев, всего 64 человека» и стал с ними разучивать собственную пьесу об Есфири, или так называемое «Артаксерксово действо», разыгранное 17 октября 1672 года в Преображенском.

Прежде чем отправится на представление, Царь долго беседовал со своим духовником, который в итоге одобрил намерение «смотреть комедию». Царь руководствовался правилом, которое стало новой русской поговоркой, с которой начиналось его книга о соколиной охоте: «Делу время, а потехе час».

Невиданное дотоле на Руси зрелище очаровало Царя, следившего за ходом пьесы в продолжение почти 10 часов непрерывно; он щедро наградил комедиантов и Грегори, который получил «40 соболей во 100 рублев, да пару в восемь рублев». Спустя некоторое время Грегори и комедианты «Артаксерксова действа» «были у Великого Государя у руки и видели его светлые очи»…

В последние годы жизни Царь увлекся европейской музыкой. 21 октября 1674 года Алексей Михайлович устроил для себя и ближних людей пир, который сопровождался очень необычной потехой: «Играл в арганы немчин, и в сурну (то же что зурна), и в трубы трубили, и в суренки (маленькие дудочки) играли, и по накрам, и по литаврам били ж во все». Самым необычным в этом царском веселье было то, что некий «немчин» (немец) играл на органе, звуки которого в царском тереме никогда не звучали. Орган считался отличительной особенностью католической мессы, а потому инструментом «нечистым», «зазорным» и «позорным». Однако Самодержец всея Руси имел право быть выше распространённого мнения.

Несмотря на любовь к иностранным «диковинам» и «забавам», Царь оставался русским во всем, что касалось духовно-нравственных устоев русского православного миропорядка. Здесь никаких отступлений и послаблений чужестранцам и чужеверию не допускалось до самого конца царствования.

Период его правления – 31 год – не явился временем безмятежного покоя ни для страны, ни для правителя. Изнурительная войны с Польшей (Речью Посполитой) в 1654–1667 годах и Швецией в 1656–1658 годах, народные мятежи –

Соляной бунт 1648 года, Медный бунт 1662 года, как и антиправительственное движение под руководством донского казана Степана Разина в 1670–1671 годах, – стали испытанием на прочность и государственного устроения и компетентности власти.

С эпохой Алексея Михайловича неразрывно связано и одно ещё потрясение русского национально-государственного бытия, имя которому – Раскол. Начавшись по частному поводу, касавшемуся обрядовой стороны церковного священнодействия, постепенно расширяясь, противостояние между нововерами и староверами начало приобретать характер непреодолимого и тотального противостояния. Хотя численность староверов в общей массе населения была невелика (около ста тысяч), но их фанатическая приверженность своим обрядовым церковным принципам была столь нерушима и неколебима, что возникала угроза духовной основе Русского государства – Православию.

Фактического же «раскола» Церкви тогда не произошло, хотя умозаключения противоположного свойства часто встречаются на страницах исторических сочинений. Однако потенциальная и вполне серьёзная угроза подобного развития событий существовала. По существу своему, точнее всё-таки говорить не о «расколе», а об «отколе» части православного социума от единого национально-церковного организма, поставившего некое «умозрение» выше и значимее соборно-церковного волеизъявления.

Царь Алексей первым из русских правителей гласно провозгласил защиту Вселенского Православия от притеснений иноверцев не только как сокровенное чаяние своей души, но и как высшую установку царского служения. В 1656 году перед лицом Антиохийского Патриарха (1647–1672) Макария произнёс: «Я боюсь, – говорил Царь, – что Всевышний взыщет с меня за них (гонимых православных. – *А.Б.*), и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву своё войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Подобный обет – наглядное проявление вселенского мироощущения вождя Третьего Рима.

Личность Царя Алексея Михайловича являлась эпонимом эпохи. В нём замечательно, порой до причудливости, переплетались и совмещались черты старомосковского человека, преданного всей душой, порой до самозабвения, «старине», обычаям и нравам былого, но одновременно открытого всему новому, особенно в областях текущего государственно-бытового жизнеустроения.

Во второй половине XVII века наблюдалась трансформация

всей системы русской религиозной культуры; возникает светская литература, в том числе поэзия, зарождается светская живопись, а при Царском дворе устраиваются первые «комедийные действа».

Царь был до самой смерти человеком чрезвычайно любознательным. К своему же царскому служению относился неизменно требовательно и щепетильно. Он не признавал в любом государственном служении «мелочей»; всё являлось значимым и чрезвычайно серьёзным. Он не сомневался, что Господь на Страшном суде спросит с каждого и за его личное благочестие и за его службу.

Алексей Михайлович являлся богобоязненным, милосердным и добросердечным человеком. Первым из Русских Царей нарушил традицию и стал собственноручно подписывать документы. Ему приписывается и ряд литературных сочинений: «Послание на Соловки», «Повесть о преставлении Патриарха Иосифа», «Урядник сокольничья пути» и др. Сохранился и целый комплекс (около ста) личных посланий Царя различным лицам. Кроме того, Алексей Михайлович известен и как гимнограф, автор распева стиха «Не тебе Пресвятая Богородице диво».

Алексей Михайлович в полной мере осознавал свою Царскую миссию как духовно-подвижническую. В послании своему сподвижнику князю Н.И. Одоевскому (1602–1689) в 1652 году Самодержец выразил сокровенное, признавшись, что молится ежедневно Всевышнему, чтобы Господь Бог даровал бы «людей Его рассудить в правде, всех равно».

Правда Божия – вот смысл, путь и ориентир для человека, но и для государства. В подобных сентенция слышится и отголосок мечтаний Первого Царя Иоанна Грозного о превращении Руси в обитель христианско-монастырского благочестия, но вместе с тем и голос духовного пастыря.

Нельзя принять за полностью достоверные встречаемые в литературе утверждения, что Русь стала «Святорусским Царством». Она им не стала и стать не могла. Но если и существовал в Русской истории период, когда сакральные эталоны и земные упования приблизились друг к другу в максимально возможной степени, то это – годы правления Царя Алексея Михайловича. При нём Закон Сакральный и закон земной находились в полной смысловой гармонии, причём закон формальный, государственный весь был пронизан духовной интенцией. Защита и отстаивание церковного установления и церковного священнодействия ставились первее и выше всех прочих государственных интересов. Это в полной мере отразил выдающийся универсальный правовой свод той поры – Уложение 1649 года.

Русь позиционировала себя Государством-Церковью, где воцерковлённость жизни была всесторонней, где духовные приоритеты безусловно преобладали, а любые выступления против Веры и Церкви квалифицировались как первостатейные преступления.

…Один из современников заключил, что «Алексей Михайлович такой государь, какого желают иметь все христианские народы, но не многие имеют».

Царь Всея Руси Алексей Михайлович тихо почил в ночь на 30 января 1676 года в возрасте 47 лет и был погребён в церкви Святого Архистратига Михаила (Архангельском соборе) Московского Кремля. Перед кончиной он благословил на Царство сына Фёдора (1661–1682), приказал отпустить на волю всех заключённых и сосланных, а должникам простить их долги. Это была кончина благочестивого православного монарха, оставившего светлый след в памяти народной.

Глава 5. Разрушение Московского Царства

Царь Алексей Михайлович почил в период расцвета Московского Царства. Казалось, что мощная и цветущая твердыня будет стоять века, только укрепляя и расширяя свою силу. Однако этого не случилось. Прошло всего двадцать лет после смерти «Тишайшего Царя», и Русь-Россия вступила в период потрясений, который с полным правом можно назвать Русской Реформацией.

За последующие четверть века всё в стране было переиначено, изменено и преобразовано, да так существенно, что время Алексея Михайловича начало представляться какой-то далёкой и небывшей сказкой, а вся жизнь в Московском Царстве уже людям XVIII века стала казаться каким-то сонным, скучным и тёмным прозябанием.

Наступала эпоха европейского «политеса» и «куртуаза», эпоха «Петербургской Империи». И эта вселенская пертурбация, это немыслимое самоотречение связано с именем и делами младшего сына Алексея Михайловича, его любимого «Петруши». В историческом контексте самое печальное, что ощутимый удар духовной силе Московского Царства нанес не внешний враг, а Русский Царь. В этом отношении Пётр I – национально-духовная катастрофа в истории России.

Почему так случилось, почему сын стал ненавистником и отвергателем дела отца и деда, да и усилий всех прочих царей, созидавших и охранявших Московское Царство? Это великая социо-психологическая загадка, не разгаданная доныне, хотя количество сочинений о Первом Императоре не поддаётся учёту…

Сокрушив правление сводной сестры Софьи и расправившись со стрельцами в августе-сентябре 1689 года, клан Нарышкиных делает Петра, по существу, повелителем России. К тому времени ему едва минуло семнадцать лет. После же смерти в 1696 году старшего сводного брата Пётр Алексеевич становится единоличным неограниченным правителем.

Разрыв с русским прошлым начался для Царя летом 1698 года, когда он вернулся из длительной поездки за границу и подавил восстание стрельцов. Именно тогда Пётр явил свой дикий лик, не только расправляясь с личными врагами, но со всеми, кто смел ему перечить. И впервые в русской истории Самодержец лично рубил головы «преступникам» (стрельцам), получая от этого кровавого занятия явное удовлетворение…

В положительной оценке Петра сходились совершенно разные люди: от Екатерины II и Вольтера до Карла Маркса и русских революционеров. Все они приветствовали главное дело повелителя Руси – разрушение Московского Царства, Третьего Рима, место которого занимал цивилизационный фетиш, а по сути – Рим Первый, языческий.

Православный Святорусский идеал подменялся и заменялся секулярной идеей Великой России. Понятия «смысл жизни» и «цель жизни» наполнялись светским, внецерковным смыслом; содержательная обусловленность установочных понятий начала терять сакральную ориентированность и надмирную устремлённость.

Петровская Россия, или, как её иронически называли славянофилы с подачи пресловутого маркиза де Кюстина (1790–1857), «имперские фасады», вырастила поколения людей, не знавших и не чувствовавших, что за этими «фасадами» может скрываться полноводная и многоцветная жизнь. Русский исторический опыт был ошельмован и предан долгому забвению, а все привычки, нормы, эталоны начали черпаться извне – «из Европы». Как точно выразился Н.М. Карамзин, с Петра «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

Россия не просто стала «учиться у Запада»; сама по себе полезность «учения» не подлежит сомнению. Она начала заимствовать, перенимать, копировать, часто без всякого разбора и без всякой критической оценки, не только технические, технологические, цивилизационные новации, но и весь строй культурной жизни. Подобное безоглядное копирование и позволяло таким националистам, как Германский Император Вильгельм II, потом презрительно называть Россию «страной-обезьяной». Государственная власть, а в широком смысле весь монархический истеблишмент, формировались теперь под знаком западоцентричных координат. Потому уже, в XVIII веке, многие были искренне уверены, что «настоящая история» России начинается именно с Петра I и его пресловутого «окна в Европу».

Отношение к Петру – давний разделительный мировоззренческий ориентир. По сути дела, здесь – исходный фокус всех идеологических противостояний XIX–XX веков. Восторги и безусловное одобрение дел Петровых – верный признак европоцентричного, западнического, дерусифицированного сознания. Ведь он, по справедливому замечанию одного из «отцов славянофильства» И.В. Киреевский (1806–1856), – «разрушитель русского».

Пётр I действительно насильственно насаждал «европейскую

цивилизацию». Правда, при этом обычно не принято поднимать вопроса о цене преобразований, которая, среди прочего, выражалась и в бесчисленном количестве загубленных человеческих жизней. За время правления Петра I, за неполных тридцать лет, население России, по разным оценкам, уменьшилось от 20 до 40 %. Кстати сказать, за сорок лет безраздельного правления «кровавого тирана» Иоанна Грозного численность населения в подвластной ему Московии увеличилась почти вдвое.

Все «материалисты», «прогрессисты», «эволюционисты» тут как в оцепенении. Хотя уже давно установлено, что эпоха Петра Великого – пик государственного насилия, в том числе и в применении смертной казни. Никто даже приблизительно не установил количество погибших «во славу преобразований». Однако правда состоит и в том, что никто из «русских европейцев» и не проявлял желания такие потери считать. В других случаях «математические выкладки» и «статистические показатели» – излюбленный прием при доказательстве «русской отсталости». Здесь же статистика замолкает.

Сам Пётр Алексеевич, его клевреты и многочисленные симпатизанты трактовали как человеческие потери, связанные с военными кампаниями Преобразователя, так и многочисленные казни неугодных – как неизбежные жертвоприношения на петровский «алтарь Отечества». Метафорически злодеяния Царя-Императора так часто воспринимаются до сих пор. Но при этом почему-то не возникает вопроса: что же до Петра I на Руси не существовало «алтаря Отечества»? Конечно же, он наличествовал. Только тогда «алтарь Отечества» и церковный алтарь значили одно и то же. И лишь со времени Петра Великого они стали существовать и восприниматься раздельно.

В один исторический миг на Руси всё чужое начало признаваться властью «своим», а все исконное в одночасье стало третироваться как «негодное». Это явилось потрясением национально-религиозного сознания. Историк Церкви Смолич И.К., в целом весьма высоко оценивавший «петровскую революцию», вынужден был признать, что «все преобразования Царя были проникнуты духом секуляризации, который поколебал всю совокупность норм народной жизни».

Впервые в Русской истории властью завладел и ей безраздельно начал распоряжался не просто «плохой правитель». Суть несчастья состояла не в «самодурстве», «кураже», «прихотях» и «жестокостях» – такие качества и проявления верховной власти русские готовы были сносить, не ропща. Самое страшное состояло в том, что правитель «от Бога» стал творить «небожье дело»,

начал «разрушать русское». В таком восприятии происходящего сходились и сторонники протопопа Аввакума из числа староверов, и приверженцы ортодоксального Православия.

Грубые и безоглядные нововведения Петра Алексеевича способствовали обострению эсхатологических переживаний и ожиданий, которые никогда в православном мире не исчезали, но обострялись до чрезвычайности в моменты исторических потрясений. По заключению исследователя, «пришествие антихриста ожидалось в 1666 г., когда оно не исполнилось, стали считать его, 1666 г., не от Рождения Христа, а от Его Воскресения, т. е. стали ждать его в 1699 г. (1666 + 33 = 1699). И всего за несколько дней до начала этого года (25 августа 1698 г.; следует иметь в виду, что новый год начинался 1 сентября) явился Пётр из первого своего заграничного путешествия, причем его пребывание было сразу же ознаменовало целым рядом культурных нововведений (уже на следующий день началась насильственная стрижка бород; уничтожение бород было ознаменовано в новолетие 1699 года; тогда же началась и борьба против национальной русской одежды и ряд других реформ того же порядка).

С этим естественно связывали слух о том, что настоящего Царя за границей «убили» или «подменили», причем слухи эти начались еще до возвращения Петра. Надо полагать, что легенде о «подменённом царе» «способствовал и карнавальный маскарад Петра, который во время вояжа принял на себя роль урядника Петра Михайлова».

Надвигающуюся угрозу русскому благочестию православные пастыри разглядели на самой ранней стадии её явления. В своем «Завещании» Патриарх Иоаким (1674–1690) заповедовал: «Всякое государство свои нравы и обычаи имеет, в одеждах и поступках свое держит, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют». Голос Архипастыря Петром Алексеевичем услышан не был.

Нет никаких оснований приписывать Петру I изначальный злокозненный русофобский замысел. Он, конечно же, руководствовался в своей деятельности идей «блага» страны, понимая его лишь с позиции властного прагматического расчета. Он хотел неограниченной власти не во имя власти, а «во имя России».

Иногда можно встретить утверждения, что Пётр I «унизил Церковь». Думается, что такая формулировка – бессмыслица. «Церковь» в своем исходном, высшем, абсолютном значении никакой смертный, даже наделенный безбрежной властью,

«унизить» не в состоянии.

Он может изменить и даже упразднить земное установление, «общину людей», историческое социальное явление, но «отнять» Церковь, «лишить» Веры он не в силах. Однако оскорбить чувства верующих, умалить святыни своим святотатством повелитель может, в особенности если отмечен знаком сакрального избранничества, как то и произошло с Царём-Императором Петром Алексеевичем.

Отказ от наследия Алексея Михайловича проявился в принципиальном изменении отношения верховной власти к Церкви. Пётр I решительно и безоглядно постарался разорвать эту органическую историческую связь. Русь становилась светской Империей, в которой Православие сделалось лишь главной конфессией. Теперь Церковь пребывала в Империи, а не Империя была в Церкви; отныне, по протестантскому образцу, Церковь становилась как бы ведомством, обязанным обслуживать «государственный интерес».

Государство начало преподноситься как самодовлеющая и самоценная историческая субстанция, а «дело Государя» заменялось «государственным делом». Причем любое уклонение от защиты интересов его признавалась преступлением, достойным смерти. Петровский указ от 24 апреля 1713 года устанавливал жесточайшее наказания «вредителям государственного интереса»: «Сказать во всём Государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякие пощады казнить смертию, деревни и животы брать, а ежели кто пощадит, тот сам казнен будет».

Особым указом от 23 октября 1713 года подданные поощрялись доносить лично «Его Царскому Величеству» о «преступниках и повредителях интересов Государства», за что им полагалось щедрое вознаграждение в виде движимого и недвижимого имущества «повредителей».

Что такое «интерес государственный», в законе не разъяснялось. Из контекста же всего петровского законодательного творчества следовало, что это – «воля Государя», которая напрямую не коррелировалась с сакральным заданием, адресованным христианскому правителю. Теперь государственный закон в первую очередь не охранял больше достоинство Церкви и её пастырей, как то было при Алексее Михайловиче. Отныне только отвлечённый «интерес государственный» становился самоценной приоритетной заботой Законодателя.

Конечно, Пётра Алексеевича нельзя назвать примитивным «атеистом на Троне», как его иногда именуют. Он был слишком умным и так сказать масштабным; для этого он был «слишком русским». Во всяком случае, он прекрасно понимал то первейшее значение, которое имело Православие в жизни его подданных. Он не отвергал Бога. Мало того, силой своего беспощадного закона он оберегал Имя Божие, Имя Пресвятой Богородицы от возможных оскорблений и поношений. За подобные деяния по петровскому указу полагалась смертная казнь – «отсечение главы». В его «Воинских артикулах», увидевших свет в 1716 году, об этом говорится со всей определённостью.

Одновременно с этим Петру I, любившему различные «регламенты», потребовалось, «как в Европе», сформулировать и верховные властные прерогативы, ему принадлежавшие. Так впервые в русской истории появилась формула, определяющая формальной юридической категорией, «письменным словом», права Самодержца. «Его Величество, – говорилось в «Артикулах», – есть самовластный Монарх, который никому на свете ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять».

Формулировка была явно неудачной; она не проясняла источник «самовластной» прерогативы, а само это выражение подменяло самодержавное определение монаршей власти. Ведь понятия «самовластье» и «самодержавие» хотя и можно поставить в один семантический ряд, но в семиотическом, историко-духовном значении это – две разнозначимые величины.

При Петре I начался принципиальный, глубочайший разлад между физическим и метафизическим мирами. Традиционное русское миросозерцание теряло свою цельность и универсальность. Имея в виду Петра и его окружение, ученый-богослов Протоиерей Лев Лебедев очень точно заметил, что общество это, не отрекаясь от веры и Церкви, «отрекалось от образа жизни, к которому звала Церковь, в поклонении которому она старалась, поелику возможно, удержать все общество в целом».

Вряд ли возможно утверждать, что до Петра Алексеевича «образ жизни» и «образ правления» царских особ всегда находились в гармоничном единении и полностью отвечали Христианскому Завету. Однако трудно спорить с тем, что именно при Петре I Богоугодная жизнь перестала служить жизненным ориентиром для Монарха, а исходная православная интенция – в русском выражении «истина», «правда» – мало что стала определять в делах государственных. Состояние христианского

катарсиса («духоочищения») начинает уходить из высших кругов в социальную толщу. Пётр фактически перестал быть Самодержавным Царём, утвердив себя в роли светского неограниченного монарха, а потому Царское Самодержавие при нём и приобрело облик западноевропейского абсолютизма.

В детстве Пётр получил духовное образование и, как писал В.О. Ключевский, «свободно держался на клиросе, читал и пел своим негустым баритоном не хуже любого дьячка» и утверждал даже, что «мог прочесть наизусть Евангелие и Апостол».

Его отец Царь Алексей Михайлович, его мать Царица Наталья Кирилловна, его старший сводный брат Царь Фёдор Алексеевич – все являлись благочестивыми русским людьми. Его тетка Татьяна Михайловна (1636–1706), сводные сёстры Марфа (в иночестве: Маргарита, 1652–1707), Екатерина (1658–1713), Мария (1660–1723), Феодосия (1662–1713) и горячо любимая родная сестра Наталья (1673–1716) – все без исключения принадлежали к числу благочестивых православных верующих, никогда не покушавшихся на святые устои Веры Христовой, на церковные каноны и законы, удостоверяемые исторической традицией.

Пётр I на традицию не только покушался, но и легко, «одним указом», её перечёркивал и отбрасывал, что свидетельствовало о том, что духовного воспитания Царь-Император не получил, или получил явно недостаточное. Во всяком случае, все, кощунственные с точки зрения православной традиции, петровские известные «шутейные забавы», бесчисленные и умышленные унижения церковного клира иначе и расценить невозможно. Пётр I, не отрицая Бога, умалял, а по сути дела – отрицал, самозначимость Божьего установления – Церкви. Иначе, как богоотступничеством, подобную политику и назвать невозможно.

Неизвестно, каялся ли Пётр в своих грехах, в грехах перед Россией и перед Церковью, притом что православный обряд он в общем-то соблюдал, хотя в зрелые лета посты «не держал», на исповеди бывал время от времени. При огромном количестве сочинений о Петре I этот важнейший момент, раскрывающий религиозно-нравственный облик Царя от «древа Царского», так и не прояснён. Просто удивительно, что никто из историков (и неисториков), писавших о Петре, нравственно-духовную сторону личности Первого Императора фактически не затронул.

Здесь невольно возникает сравнение Первого Императора с Первым Царём Иоанном Грозным, который ощущал свои человеческие слабости и нравственные падения, в чём не раз признавался и каялся не только частным образом, но и перед церковными соборами, что свидетельствовало о живом чувстве

Христапреданности в душе Иоанна.

У Петра же Алексеевича подобных покаянных слов найти невозможно. Неизбежно возникают две главные интерпретации подобного поведения: он или не ощущал своей греховности, или не считал нужным публично в том признаваться.

Если верно первое предположение, то тогда можно утверждать, что он был одержим страшным смертным грехом – гордыней, которую Иоанн Златоуст называл «болезнью души», «причиной всех зол».

Если же согласиться со вторым предположением, то, значит, Пётр Алексеевич считал отношения с Богом своим личным делом, что можно расценить как признак торжества протестантской религиозной философии. В православной же традиции у Царя «личного дела» быть не может; его душа открыта людям и миру; он ведь пастырь, обязанный вызывать не только страх и трепет своей властью, но и любовь чистотой души и высотой помышлений. «Царское дело» – это ведь «Божье дело», там нет места ничему «личному». Так было в случае с Алексеем Михайловичем, но его младший сын придерживался совершенно иного взгляда.

Не существует надёжных свидетельств того, что Пётр Алексеевич готов был порвать с Православием. При нём строились известные православные храмы. По его инициативе одновременно с закладкой Петербурга в 1703 году была заложена и первая церковь новой столицы – во имя Первоверховных святых апостолов Петра и Павла (Апостол Пётр – небесный покровитель Петра I). Имя Петра Первого неотделимо и от сооружения в Петербурге Исаакиевского собора.

Самым же замечательным духовным памятником, напрямую связанным с первым Императором, навсегда остался Александро-Невской монастырь (Лавра), который задумался Преобразователем как центральная и великолепнейшая обитель всей России.

Уместно ещё сказать и о том, что в России с 1700 по 1725 год было открыто около ста монастырей – этих русских обителей благочестия, милосердия и просвещения.

При всём том протестантский «уклон» религиозного сознания Петра трудно подвергнуть сомнению. Находясь в Западной Европе, он не раз отзывался с восхищением о Лютере. Существуют даже свидетельства, что во время своего первого пребывания за границей, с марта 1697 по август 1698 года, Русский Царь демонстрировал там удивительный вероисповедный индифферентизм.

Он обсуждал с различными лицами вопросы веры так, как

будто Русь стояла на пороге нового религиозного обращения. Царь якобы даже рассматривал вопрос о признании Папы, от чего его отговорил Король Нидерландов Вильгельм (Виллем) III (1650–1703), посоветовавший русскому гостю «сделаться самому главой религии», как то было в протестантских странах, без чего «он никогда не будет у себя полным господином». Хотя Царь напрямую данную рекомендацию в жизнь и не воплотил, но церковную организацию он полностью подчинил компетенции государства.

Царь не собирался ни отменять Веру, ни даже отделять Церковь от государства; он лишь намеревался, как удачно выразился Ф.А. Степун, «ввести её в государственный оборот». Эта философия власти в полной мере отразилась в собственноручном указе Петра I от мая 1722 года по поводу комплектования руководства Правительствующего Синода: «В Синод выбрать из афицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управлять управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применительно к инструкции генерал-прокурора Сената». Первым главой Синода, «обер-прокурором», и стал полковник И.В. Болтин, «исполнявшим должность» с июня 1722 по май 1725 года.

Петровское «брадобритие» стало не просто введением новой обиходной нормы, но явилось покушением на духовную традицию. Патриарх Филарет в 1628 году соборно проклял это «псовидное безобразие». Брадобреев предавали проклятию патриархи Иоаким и Адриан (1690–1700). Сызмальства русский человек видел бороды на ликах святых, которые даже визуально являлись образцом и эталоном. Бритыми и в немецком, «фряжском» платье в иконографии обычно изображались бесы. В такой наряд было принято наряжаться на святочных представлениях, изображая нечистую силу.

Брадобритие считалось и знаком ереси, и вывеской «содомского греха». Митрополит Московский Макарий еще в середине XVI века писал, что «вопреки Божественной и Царской заповеди некоторые творят дела латынской ереси, накладывают бритву на свои бороды, творя угодие женам и поругаясь образу Божию; другие содевают срамные дела нецеломудрия». И вдруг сам Царь запретил бороды и повелел носить шутовской наряд повседневно, а потому и говорили, что «Царь нарядил людей бесом».

Царь много лет выступал гонителем всего русского, причём гонение не только часто было безумно-мелочным, но, надо прямо сказать, малорезультативным. Так случилось с его пресловутым указом от декабря 1701 года, называвшимся: «О ношении всякого

чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких кресел».

Царь повелевал всем подданным, кроме «духовного чина, священников и дьяконов и церковных причётников и пашенных крестьян», носить исключительно одежду и обувь или немецкую, или французскую. Это касалось как мужчин, так и женщин, которым тоже предписывать вплоть до исподнего (!) носить только одежду заграничного фасона! Категорически запрещалось ношение «русского платья», включая сапоги и шапки, а «мастеровым людям» приказывалось подобной одежды и упряжи не делать «и в рядах не торговать». За нарушение повеления полагался значительный штраф, а «мастеровым людям» предписывалось телесное наказание.

Поразительно, насколько «вполне взрослый» Царь, которому шёл тридцатый год, не хотел считаться ни с какими обстоятельствами, со сложившейся народной традицией. Ведь быстрый переход на новую «форму одежды» был невозможен ни по финансовым соображениям («немецкое платье» было чрезвычайно дорогим), ни по природно-климатическим условиям. Щеголять в башмаках и тонких камзолах уместно было где-нибудь в Голландии или Германии, но не в России с её суровым климатом и многомесячной распутицей.

Однако Преобразователь ни с чем считаться не хотел; он вел себя как взбалмошный ребёнок, отдававшийся целиком импульсивным желаниям. Нет нужды говорить, что результатов быстрых на этой «ниве европеизации» он не добился: если царское окружение и восприняло подобные меры как норму, то основная Россия как жила традицией, так и одевалась традиционно. Штрафы и запреты мало помогали. Но при этом, безусловно, воля Царя оскорбляла и потрясала исконные миропредставления.

Нарочито и кощунственно выглядели петровские «всешутейные соборы», которые не могли восприниматься иначе, как глумление над Церковью, церковной службой. Участники и очевидцы подобных оргий могли воспринимать их как дьявольские игрища. Так, князь Иван Хованский (†1701) потом рассказывал: «Имами меня в Преображенское и на генеральном дворе Микита Зотов (дьяк, воспитатель Петра Алексеевича с 1677 года) ставил меня в «митрополиты» и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а во отречении спрашивали вместо «веруешь ли», «пьешь ли», и тем самым своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше мне было мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить».

Вообще вся личная жизнь Петра Великого – это какая-то бесконечная «грязная эскапада», которая неизбежно дискредитировала исторический облик Русского Царя, исстари считавшегося не только повелителем страны, но и хранителем моральных традиций, оберегателем нравственных устоев всего Царства.

Традиционный образ Христианского Царя дискредитировала в глазах народных и предосудительная семейная жизнь Петра I. По настоянию матушки – Царицы Натальи Кирилловны – его женили в 1689 году на Евдокии Лопухиной (1669–1731), к которой он никогда не питал симпатии. Этот брак принёс трёх сыновей: Алексея (1690–1718), Александра (1691–1692) и Павла (1693).

Пётр Алексеевич тяготился тихой, благочестивой супругой и быстро нашёл себе стороннюю привязанность в Немецкой слободе, в том самом Кукуе, который в царствование Алексея Михайловича считался прибежищем «нечистых» и «безбожной слободой».

Пётр уже в юности «проторил дорожку» в это злачное место за городской заставой на реке Яузе. В этом московском «оазисе Европы» он и находил себе разнообразные телесные услады. Москвичи между собой шушукались: «Царь на Кукуе и всяк день пьян».

Там, в доме виноторговца и карточного шулера Иоганна Георга Монса, он в 1690 или в 1691 году и познакомился с младшей дочерью хозяина Анной Монс (1672–1714). Этой родившейся в Вестфалии, плохо говорившей по-русски фривольной девицей, он увлёкся, да так серьёзно, что находился с ней в интимной связи более десяти лет. До этого у молодого Самодержца в «фаворитках» числилась подруга Анны некая «фройляйн» Елена Фадемрех, которую в Немецкой слободе называли «безотказной»…

Вся Москва знала о предосудительной связи Царя с распутной Анной, и москвичи заглазно презрительно величали Анну Монс «Кукуйской царицей» и «Монсихой». До связи с Самодержцем всея Руси пресловутая Анна состояла любовницей сотоварища и собутыльника Петра I швейцарского уроженца Франца (Франсуа) Лефорта (1655–1699), которому Пётр в 1690 году пожаловал чин генерал-майора.

По возвращении из-за границы в 1698 году (поездку организовывал Лефорт) Пётр сразу же отправился к «Монсихе», а свою супругу приказал постричь в монахини, что и было исполнено, несмотря на протесты Патриарха Адриана. Царица Евдокия получила имя Елена и была заточена с Суздальском

Покровском монастыре. Судьбу же сына-наследника Алексея он вознамерился решить на «новый манер»: отправить «обучаться» за границу и женить на иностранной принцессе.

Слух об этих планах быстро распространился не только в России, но достиг и далеких пределов. Православный мир узрел в этом признак умаления благочестия Русского Царства. Свою обеспокоенность выразил Вселенский Патриарх Гавриил (1702–1707). В декабре 1705 года Святейший заявил русскому послу (1702–1714) в Константинополе П.А. Толстому (1654–1729): «Говорят-де в народе, будто Царское Величество изволяет сына своего сочетать законного брака на сестре цесаря римского и ежеле сие учинит, конечно-де латинское мудрование в Российском государстве возрастет, а благочестие умалится, и Царское Величество в государстве сыну своему не изволит избрать невесту, или-де мало в Москве благородных честных девиц избранных и благочестивых, и какие-де ради причины сопрящися с крайним свойством со иноверными».

Пётр же Алексеевич не считался с мнением православных первоиерархов. В 1711 году он устроил свадьбу своего сына на принцессе Софии-Шарлотте Браушвейг-Вольфенбюттельской (1695–1715). Эта брачная партия создала печально-гротесковую ситуацию. Принцесса сохранила евангелическое вероисповедание, что было особо оговорено в брачном контракте. Хотя родившийся от этого брака Пётр Алексеевич (1715–1730, с 1727 года – Император Пётр II) был воспитал в Православии, но происходил он от матери-лютеранки. Когда же он наследовал престол в 1727 году, то оказалось, «что он как Царь носил священнический чин в Церкви, а исповедание его матери подвергалось ежегодной анафеме со стороны Церкви в Неделю Православия!».

В феврале 1712 года Пётр I вступил во второй брак с женщиной сомнительной репутации, с которой уже давно, предположительно с 1703 года, состоял в интимных отношениях. Это – уроженка Лифляндии Марта Скавронская (1684–1727), принявшая в 1704 году Православие под именем Екатерина Алексеевна Михайлова. Её отец – Самуил Скавронский, а мать – Доротея Ган. Марта уже ранее состояла в браке со шведским драгуном Иоганном Крузе и носила фамилию Крузе!

Во втором браке Царя Петра Алексеевича произошло святотатственное смешение духовного и плотского родства. При переходе Марты в Православие её восприемником являлся Царевич Алексей Петрович. Поэтому Екатерина стала крестной дочерью Алексея (она получила отчество Алексеевна в честь своего крестного отца). По отношению к самому Петру она

оказывалась в духовном родстве внучкой. В православной традиции духовное родство не отделялось от плотского, оно признавалось ещё значимее. Как справедливо заключает исследователь, «обвенчавшись с Екатериной, Пётр как бы женился на своей внучке. Это не могло расцениваться иначе, как своего рода духовный инцест, кощунственное попрание основных христианских законов».

Рационалистическая самодостаточность петровского мировоззрения в полной мере проявилась в деле церковной реорганизации. Патриарх Адриан, занявший в 1690 году Патриарший престол по меркам того времени в весьма немолодых летах (родился в 1627 году), был избран на церковном соборе вопреки желанию Петра Алексеевича; за однозначно высказался весь епископат и Царица Наталья Кирилловна. Сразу же по избрании в особом послании – «Увещевание к пастве» – Патриарх выразил своё понимание роли Церкви и роли государства. «Два начальства устроил Бог на земле, священство, глаголю, и царство». Каждое из них имело свои функции: «Царство убо власть имать точию на земли, Священство же власть имать и на земли и на небеси».

В своём наставлении Патриарх в весьма осторожной форме прокламировал мысль о первенстве священства в царстве. И по складу характера, и в силу «телесной немощи» Адриан не собирался, как Никон, идти на открытую конфронтацию с Миропомазанником и придать конфликту политический характер. К тому же и общие условия в стране к концу XVII века существенно изменились, и у Патриарха не было никаких надежд на успех в борьбе за торжество священнического начала.

Поэтому, не подвергая критике лично Петра I, Адриан в своих проповедях и наставлениях критиковал различные царские нововведения (насильственное бритье бород, употребление скоромной пищи в постные дни, курение табака). Он проявлял и личное «своеволие», приводившее к вспышкам царского гнева, – отказывался постричь в монашество Евдокию Лопухину, «печаловался» (заступался) за стрельцов, чем показал большое человеческое мужество.

Как заметил историк Церкви А.В. Карташев, «Патриарх Адриан не знал, что ему делать с явлениями нового, чуждого ему времени, и потому просто в своих церковных поучениях обличал и отрицал новые формы жизни». Тем не менее державный властелин проявлял знаки личного внимания к Патриарху, а во время предсмертной болезни Святейшего посещал его и даже произносил «боголюбивые тирады» о том, «что евангельское учение – вот знание Божеское, больше всего в жизни сей нужное

людям».

Без колебаний, уничтожая всех и вся, что мешало его делу государственно-имперского созидания, Пётр I свою «венценосную руку» на Патриарха всё-таки не поднял. При этом сомнений, что Церковь, в первую очередь в лице самого Святейшего, «государево дело» не только не одобряет, но и часто и осуждает, у Царя не имелось. Смерть в октябре 1700 года Патриарха Адриана не привела к скорой ликвидации института Патриаршества в России, хотя Пётр и противился созыву очередного церковного собора.

Начиная с декабря 1700 года, более двадцати лет, Русскую Православную Церковь возглавлял «Местоблюститель Патриаршего престола» блестяще богословски образованный Рязанский митрополит Стефан Яворский (1658–1722). При этом полномочия «экзарха-блюстителя» по сравнению с патриаршими были существенно ограничены.

В Указе о Сенате от 2 марта 1711 года, носившем название: «О власти и ответственности Сената», Монарх прямо обозначил ведомственные приоритеты в России, подчинив духовенство компетенции государственного учреждения в образе Сената и установив жесточайшее наказание за ослушание. «Повелеваем всем, кому о том ведать надлежит, как духовным, так и мирским, что Мы, для всегдашних Наших в сих войнах отлучках, определили управительный Сенат, которому всяк и их указам да будет послушен так, как Нам Самому, под жестоким наказанием или смертию, по вине смотря».

Ещё более определённо ведомственная подчинённость земной Церкви была обозначена в Указе Сената от 22 января 1716 года, который был доведён до сведения всех архиереев. Этим Указом все священнослужители под присягой обязывались исполнять следующие требования: 1. Не отлучаться из своих епархий, кроме «крайних случаев». 2. Мягко обращаться с противниками Церкви. 3. Не строить Церквей «более необходимого». 4. Назначать новых священников только по мере потребности. 5. Объезжать свои епархии не реже одного раза в два-три года. 6. Не вмешиваться во внецерковные дела («В мирские дела не входить ни для чего»).

Теперь Церковь фактически подчинялась не только царской воле, но и распоряжениям государственного ведомства. Подобное положение неизбежно должно было привести к полной административной интеграции церковного управления в систему административного аппарата, что и произошло через несколько лет с возникновением Святейшего Синода.

Сама продолжительность реформирования управления Церковью свидетельствовала о том, что Царю, никогда не

любившему долгих процедур в деле преобразований, было весьма непросто решиться на кардинальную меру. Насколько известно, впервые публично Царь высказал мысль о замене Патриаршего управления коллегиальным в ноябре 1718 года. Когда Местоблюститель Стефан Яворский написал Царю, что ему неудобно постоянно жить в столице, так из-за этого страдает управление Рязанской епархией, то Пётр наложил резолюцию: «Для рязанских дел надлежит епископа устроить», а для «лучшего впредь управления (Церковью. – *А.Б.*) мнится быть удобно Духовной Коллегии».

Идейным обоснованием замены единоличной власти Патриарха коллегиальным управлением под государственным контролем стал «Духовный регламент», к подготовке которого, по приказу Царя, в том же 1718 году приступил пламенный сторонник всех царских преобразований, его самый преданный клеврет из круга церковной иерархии – епископ Псковский Феофан Прокопович (1681–1736). Затем несколько лет этот документ обсуждался в Сенате с привлечением церковных иерархов, а также в местных епархиях. В конце концов, все архипастыри, включая и Местоблюстителя, поставили свои подписи.

В январе 1721 года появился «Регламент, или Устав Духовной коллегии», согласно которому церковное управление переходило к Духовной коллегии. Пётр I ясно провозглашал свою волю: «Устанавливаем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем здесь Регламенте, имеет всякие духовные дела во Всероссийской Церкви управлять». В феврале того же года Духовная коллегия была переименована в Святейший Синод. 14 февраля 1721 года появился царский указ, предписывавший на церковных службах вместо имени Патриарха возносить имя Святейшего Синода.

Петровский «духовный коллегиум» – Синод – стал, по существу, государственным «ведомством духовных дел» во главе с чиновником-обер-прокурором. Закон определял права Синода как «равнопатриаршие» и вменял ему в обязанность «сообразовываться с правилами Вселенских Соборов». Фактически же «Духовный регламент» игнорировал историческое понимание соборности, а вся практика Синода являлась нарушением принципов Вселенских Соборов. Очень точно это внутренне противоречие обозначил Л.А. Тихомиров: «Синод должен заменить и Соборы и Патриарха. Но в действительности власть собора и власть патриарха совершенно различны. Если Синод есть Собор – то он не патриарх. Если Синод есть патриарх, то он не Собор. В действительности Синод не есть ни то ни другое и не

может исполнять обязанности ни собора, ни патриарха». Такое заключение вытекало из всей последующей деятельности Синода.

Монарх стал верховным распорядителем земных церковных дел, что и было законодательно зафиксировано. «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния».

Утверждение безраздельной супрематии светской власти в делах церковного земного устроения привело к каноническому абсурду: в 1797 году в Акте о престолонаследии Павла I Император был назван «главой Церкви». Эта явная цезарепапистская формулировка была столь вопиюще несуразна, что потребовала особого законодательного уточнения, где церковная прерогатива Монарха была оговорена функциями защиты и попечения. В закон было внесено специальное примечание, гласившее, что исключительно в этом смысле «Император в акте о наследовании престола именуется Главою Церкви».

«Воля монаршая» начинала определять не только общие вопросы церковного управления, но и регламентировать мельчайшие формы церковного обряда. Один характерный пример. 15 марта 1721 года появился царский указ, носивший название: «Пункты о иеромонахах, состоящих на флоте». В законе говорилось, что иеромонахи на флоте призваны «не властительствовать», но только «духовные дела править». Им предписывалось три функции: «молитвы читать», исповедовать и причащать, «больных посещать и утешать», а «более ни в какие дела не вступать». На этом детализация функций не заканчивалась. Пастырям приказывалось, «службу церковную исполнять», «собирать на молитву» в «назначенное время» следующим образом: «Поставить дароносицу со Святыми Тайнами» и «иконы две или три, на которых письмо видно было бы», а «свеч излишних не налепливать», чтобы «кораблю повреждений не учинить». В свободное же от общей молитвы время пастырь обязывался «сидеть в своей каюте тихо» и «служителей корабельных к себе не созывать».

Пётр I утвердил абсолютную власть царя земного в делах Церкви, которая до сих пор служила Царству Небесному. Отныне Церковь привязывалась к государственной службе и ставилась под управление «соборного правительства». Его главу Монарх назначал не из клира. Отношение власти к традиционной Святоотеческой вере стало напоминать форму религиозных преследований. Руководствуясь «Регламентом», Синод издавал указ за указом, «воспрещавшим» и «отменявшим» исторические

формы церковности. Эти меры касались обрядности, крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах, умножения часовен, годичного хранения пасхального артоса (просфор) и богоявленной воды. Говоря о петровских церковных нововведениях, один из архипастырей удачно заметил, что это была «колкая сатира на религиозность наших предков».

Указ от 22 апреля 1722 года вообще превращал духовенство фактически в государственных служащих. Священники не только при вступлении в должность должны были приносить присягу на верность Монарху, но и обязывались доносить о всяком ущербе интересам Императора и даже, что было вообще беспрецедентным в истории Православия, нарушать тайну исповеди и сообщать властям «об открытых на исповеди воровстве, измене и бунте на государя или иное злое умышление на честь и здравие государево и фамилию Его Величества». Подобное распоряжение – каноническое преступление, так как тайна исповеди – нерушимая основа Церкви Христовой с самого момента её возникновения.

Насилия над церковным сообществом искажали, порой до неузнаваемости, свою предшествующую систему церковно-государственных отношений. Соборное мнение Церкви, если оно не соответствовало видам Преобразователя, не имело для него никакого значения. Сохранилась красочная зарисовка поведения Царя-Императора в момент утверждения нового церковного устроения. «Его Императорское Величество, присутствуя в собрании с архиереями, – писал очевидец, – приметив некоторых усиленное желание к избранию Патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынул одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный Регламент и, отдав, сказал им грозно: «Вы просите Патриарха; вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударяя оным по столу) вот булатный патриарх!» Потом, встав, пошел вон. После сего оставлено прошение о избрании Патриарха и учрежден Святейший Синод».

Самоуправство правителя, вызывая глухой ропот православного сообщества, к открытым столкновениям его с властью не привело. Пётр Алексеевич являлся Царем природным, законным, миропомазанным, а это парализовало все возможные попытки противодействия. Сам же факт несправедливого и незаконного царского своеволия в пастырской среде всегда осознавался. Озвучивать критику решались немногие, но тем не менее такие голоса звучали.

После заключения Ништадтского мира со Швецией в августе 1721 года и победного окончания двадцатилетней Северной войны Пётр заявил: «Зело желаю, чтобы наш народ прямо узнал,

что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостью благодарить; однакож, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так сталось, как с Монархиею Греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ».

Новое национально-государственное воплощение институционально выразилось в провозглашении Петра I Императором в 1721 году. Примечательно, что титул был предложен по инициативе Синода, а не Сената. Событие состоялось 22 октября, а «Акт поднесения Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименование: Великого и Отца Отечества» был опубликован 1 ноября. В нём говорилось, что за величайшие заслуги «именем всего народа Российского просить, дабы изволил принять, по примеру других, от них титло: Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Далее в документе утверждалось, что Пётр первоначально «уклоняться изволил», то потом согласился. Затем были торжественный молебен, речи, царский пир на 1000 персон и «салют с иллюминацией».

В указанном «Акте» весьма примечателен мотивационный импульс: сделать Петра Императором «по примеру других». Трудно сказать, кто тут имелся в виду, но, учитывая высоту панегирических титулов, скорее всего, римские императоры-язычники.

Вопреки распространённому утверждению, вошедшему во многие энциклопедии, что в «в 1721 году Пётр I провозгласил Россию империей», ничего подобного на самом деле не случилось. Глава государства провозглашался Императором, а отдельного юридического акта о переименовании государственного звания не появилось. Изменялась только властная титулатура. 11 ноября 1721 года появился именной указ «О Императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах», где было сформулировано новое обозначение повелителя страны: «Божьею поспешествующей милостью Мы Пётр Первый, Император и Самодержец Всероссийский…»

Титульных нововведений в этот момент появилось немало. Пётр повелел называть себя без отчества, как раньше величали лишь духовных лиц и святых. Принял звание «Отца Отечества», который носили языческие императоры Рима (pater patriae), и звание Великого. До Петра титул Императора (кесаря) на Руси носил лишь Лжедмитрий I.

Имперская интронизация не сопровождалась церковной

церемонией и не означала расширения полномочий, которые и так были уже беспредельны. По заключению исследователя, превращение носителя верховной власти в императора означало «культурную переориентацию», которая органически вписывалась «в общую тенденцию петровских реформ, так или иначе – буквально или метафорически – сводившихся к переодеванию России в европейское платье».

Западная Европа и языческий Рим служили теперь историческим ориентиром. «Если титулы канцлера и вице-канцлера, – заключает исследователь, – демонстрируют ориентацию на Священную Римскую Империю, то учреждение Сената (1711 год) знаменует ориентацию на Рим античный… Очевидным образом переименования такого рода предвосхищают принятие императорского титула. Совершенно так же и Лжедмитрий, который также объявляет себя «императором», переименовывает боярскую Думу в Сенат. Семиотическая стратегия Лжедмитрия и Петра обнаруживает поразительное сходство».

Пётр Алексеевич титульно оставался Самодержцем, но уже перестал считать себя Русским Царем. Но ведь Царь искони, как устроение Божие, олицетворял главу всего мирового христианского сообщества. Так воспринимали этот институт в Константинополе, так мыслили и в Московской Руси. Пётр же отбросил христианскую историческую модель, став и предикативно, и фактически только неограниченным владыкой. Вопреки всем каноническим нормам, Император начал превозноситься и как глава Церкви. Причем эту еретическую трактовку главный идеолог и клеврет первого Императора Феофан Прокопович обосновывал ссылками… на Империю Константина. В своем труде «Розыск о понтифексе», относящемся к 1721 году, Владыка писал: «В книжице об Императоре-понтифексе ясно показано, что Царь всему духовному есть судия и повелитель, а они, всякий чин и сам Патриарх, Царю суть подвластны и подсудны, как прочие подданные».

Как уже говорилось, ничего подобного на самом деле не существовало. Трудно сказать, насколько данная трактовка отражала богословское и историческое невежество Прокоповича, а в какой явилось результатом верноподданнического «усердия», но одно несомненно: стараясь угодит своему патрону, Прокопович выдумывал «историческую традицию». По заключению современного ученого-богослова протоирея Владислава Цыпина, «властной рукой Петра Церковь была отодвинута с авансцены национальной жизни. И сам он, и его преемники смотрели уже на Церковь не столько как на

высочайшую святыню народа, воплощающую в себе весь смысл его существования, как это было на Руси искони, со времени ее Крещения, сколько как на одну из опор государства».

Христианский модернизм Петра не мог не отразиться и на внешних проявлениях священнического царского служения. В этой области он одновременно и учреждал нечто принципиально новое, и модифицировал устоявшиеся приемы. Претерпел изменения обряд венчания на царство, что проявилось уже при короновании супруги Императора Екатерины в мае 1724 года. Главное новшество состояло в том, что отныне Монарх начинал играть ключевую церемониальную роль. Если раньше венчальный убор на голову коронующегося возлагал митрополит или патриарх, то теперь эта функция перешла к Царю. Шапка Мономаха была исключена из обрядового действия, и Пётр впервые водрузил на голову коронующейся императорскую корону, как то было принято на Западе.

Сама процедура, как и раньше, происходила в Успенском соборе, где впервые короновался не «царь всея Руси», а его жена, с которой Царь состоял в фактическом браке более десяти лет. Несмотря на эту причину, а может быть, благодаря ей вся процедура была обставлена с небывалой для России пышностью. В кульминационный момент священнодействия, после того как Императрица произнесла Символ Веры, а архиерей прочитал молитву «Господи Боже наш, Царю-царствующих», Петру I поднесли императорскую мантию, и он «возложил её на Императрицу», а затем «возложил также и корону и вручил в руки Императрице державу и сам подводил Императрицу к царским вратам для священного миропомазания». Такая процедура, как подчеркивает исследователь, «была беспрецедентным явлением на Руси». Подобное произошло единственный раз в мае 1606 года, когда была коронована Марина Мнишек, но и тогда её короновал не Лжедмитрий, а Патриарх.

«Хотением» Петра I в России появилась чужеродная Царица не только в качестве супруги повелителя, но и после смерти Реформатора именно она, не только нерусская, но и неправославная по рождению, стала полновластной самодержицей. Такого в Русской истории еще не случалось, и эта «новация» нанесла урон национальному восприятию Царского Престола как Богоосененного места.

Новый императорский коронационный ритуал фактически стал зримым воплощением принципа беспредельной и бесконтрольной власти. Отбросив духовное наставничество Церкви, Пётр фактически отбросил и самодержавный принцип власти, и хотя предикативно термин сохранялся, но никакого

вассалитета царя земного по отношению к Царю Небесному в повседневной практике уже не просматривалось. Ведь «венчание на Царство» или «коронование» – это мистический брак с Россией, это соединение перед Лицом Господа навеки. Без руководящей роли священства в этом мистическом акте обойтись невозможно. Пётр же спокойно обошелся.

Петровским новшеством, непосредственно касающимся прерогатив Монарха и масштаба его волеизъявления, стал «Устав о наследии престола», появившийся 5 февраля 1722 года. Это законоположение иначе, как деспотическим и даже безумным, и назвать невозможно.

Вопреки многовековой традиции – наследованию прав по закону рода, Пётр провозгласил принцип свободной воли властителя в деле назначения себе преемника: «Кому оной хочет, тому и определит наследство». Здесь уже философия неограниченной прерогативы проступает во всей своей новаторской бесцеремонности.

Акт, вытекающий непосредственно из сложной династической ситуации, показал узость исторического мировоззрения Первого Императора. К этому времени – началу 1722 года – здравствовали две царские дочери: Анна (1708–1728), Елизавета (1709–1761) и малолетний сын Пётр (1719–1723). Имелся у него и внук Пётр Алексеевич (1715–1730, с 1727 года – Император Пётр II), но Первого Императора указанные обстоятельства ни к чему не обязывали. Дочерей он не видел в роли правительниц, а Пётр Алексеевич – сын нелюбимого сына Алексея, настолько ему был ему ненавистен, что он и не думал о возможности его наследования. Почему он не видел в роли наследника трёхлетнего единородного сына Петра (1719–1723) – осталось неясным.

В «Уставе» личные страсти и предпочтения полностью возобладали у Преобразователя, затмив здравый смысл и пресловутую «пользу государственную». В нём, обосновывая новую юридическую норму, говорилось о том, что погибший сын Алексей оказался «недостойным». В то же время наличествовала ссылка и на исторический прецедент более ранней поры, на случай с внуком Великого князя Московского Иоанна III Дмитрием (Димитрием, 1483–1509), который в 1498 году был провозглашен наследником («венчан на Великое княжение»), а затем был дедом отстранён от всех видов на власть, лишён звания Великого князя и посажен «за караул».

Пётр требовал всеобщей присяги на верность «Уставу» по всей христианской форме, а тем, «кто сему будет противен» или начнёт выражать сомнения в правильности «воли Монаршей», тот

«изменник», подлежавший смертной казни. Примечательно, как в конце «Устава», подписанного Петром, он самоопределялся: «Пресветлейший и Державный Пётр Великий Император и Самодержец Всероссийский».

Как заключал историк С.Ф. Платонов, «этот закон Петра после его смерти не раз подвергал колебаниям судьбу русского престола, а сам Пётр им не воспользовался». Бурные государственно-династические пертурбации на протяжении всего XVIII века, когда порой и корона, и судьба России зависели от случайного стечения обстоятельств, во многом, если не целиком, являлись следствием этого, вызванного текущими интересами, рокового решения.

Стремясь во всех сферах жизни России ввести «регламенты», «Пресветлейший» в самом главном сегменте державного «устроения» утвердил принцип личной прихоти, или, проще говоря, произвола. Как заметил церковный историк А.В. Карташев, «как раз этот революционный принцип и породил сплошные смуты и дворцовые перевороты в течение всего века. Спасала положение только тоненькая ниточка легитимизма». Всю сознательную жизнь, оправдывая свои провалы, насилия и злодеяния «пользой Отечества», «Пётр Великий» нанёс подлинному, а не воображаемому Отечеству такой удар, который вряд ли бы нанёс какой-нибудь иностранный агрессор.

Ещё раньше ощутимый ущерб сакральному ареолу царской власти был нанесен «делом цесаревича» Алексея Петровича (1690–1718). История его «измены» в главных чертах хорошо известна, несмотря на то что многие аспекты следствия и обстоятельства самой кончины (убийства) в июне 1718 года старшего сына Царя окружены предположениями, так как почти все документы «дознания» и «суда» были уничтожены по велению Петра I.

Без всякого преувеличения можно считать, что на «алтарь Отечества», который по своему усмотрению и своеволию воздвигал правитель, на тот алтарь в качестве жертвы он принёс и жизнь собственного сына. Смерть Алексея показала, что даже царскородность не гарантирует право на жизнь, если такая жизнь не отвечает нуждам «государева дела». В данном печальном эпизоде петровского царствования особо рельефно проступала та новая для России идея власти, когда «правда» земного царя обозначалась первее, чем Правда Царя Небесного. Насколько можно судить по некоторым косвенным свидетельствам, Пётр, очевидно, остро переживал «подлую измену» Алексея.

Прежде чем выносить окончательное решение, Царь просил духовенство дать ему «наставление от Священного Писания, как

ему поступить с сыном», но в конце концов милосердия так и не проявил, хотя сын каялся и выдал всё и всех. В реальности же «заговора» никакого не существовало. Были разговоры и возмущения разрушением русского миропорядка; ну в ту эпоху редко кто не возмущался и не горился, видя наступление «Каиновых времён». Пётр I прекрасно понимал, столь широкое недовольство вызывают его действия в стране, а потому старался железной рукой подавлять даже малейшие признаки проявления его.

При нём возник институт фискалов[3], особая категория чиновника-соглядатая, которым вменялось в обязанность доносить об исполнении должностными лицами воли государевой и выявлять недовольных. Петровские фискалы действовали тайно, сплошь и рядом выдумывая «нарушения» и «преступления», для поднятия собственного статуса и получения за усердие монарших милостей.

Следствие по «делу Алексея» было тщательное и пристрастное; в «соучастники» было записано немало лиц, которые никакими подлинными «противогосударственными» действиями себя не проявили, а только «посмели» (!) высказывать недовольство теми или иными аспектами петровских новаций. Однако и этого было достаточно для жесточайших репрессий, которые коснулись и епископата. Ростовский епископ Досифей (Глебов), Крутицкий митрополит Игнатий (Смола) и Киевский митрополит Иоасаф (Кроковский) были зачислены в число врагов верховной власти. Местоблюстителя Стефана Яворского по делу привлечь не удалось, но Пётр I потребовал от него одобрения смертного приговора для «повредителей государственного интереса». Яворский же высказался за помилование не только Алексея Петровича, но и епископа Досифея.

Пётр Алексеевич был неумолим: «повредителей» даже из круга высшей иерархии ждала смертная казнь. Были казнены несколько священников и Ростовский епископ Досифей. Митрополит Игнатий Крутицкий был лишён сана и отправлен в монастырь, а Киевский митрополит Иоасаф успел во время следствия умереть, избежав царской кары.

Царь «явил милость» к убиенному Царевичу Алексею, разрешив Стефану Яворскому исполнить последние обряды над телом и совершить погребение. Тело было погребено со всеми подобающими почестями 30 июня 1718 года в строящемся Петропавловском соборе, под колокольней, рядом с могилой его супруги, похороненной 27 октября 1715 года. В 1732 году Императрица Анна Иоанновна распорядилась снять надгробия с могил Цесаревича, его жены и сестры Царя Петра царевны Марии

Алексеевны. В 1909 году, по распоряжению Императора Николая II, надгробия над тремя могилами были восстановлены.

«Дело Царевича Алексея» не давало покоя; оно навсегда запечатлелось в памяти народной как акт святотатственного произвола. Известно по крайней мере о семи случаях появления в России самозванцев под именем Алексея после смерти Цесаревича в 1718 году…

Пётр Алексеевич не просто отрешил своего сына от прав на престол, подверг его аресту и пыткам и, возможно, даже чуть ли не собственноручно умертвил. Первый Император всему этому делу придал публичный характер. Впервые в русской истории «царская кровь» подлежала суду «общественности». То, что под этим определением подразумевалась в то время группа сановных лиц в основном из ближайшего окружения монарха, принципиально дела не меняло. Такое решение перечеркивало многовековую традицию, резко диссонировало со строем мыслей подданных Царя. Выразительно это противоречие отразило высказывание одного из известнейших сподвижников Петра I графа Б.П. Шереметева (1652–1719), единственного, кто из 127 членов «государева суда» отказался подписать смертный приговор Алексею Петровичу, говоря, что «он рожден служить своему Государю, а не кровь его судить».

Жестокие испытания были предуготованы России по воле «Премудрейшего» Императора Петра. Колебания монаршего престола, а следовательно, и всего государственного устроения начались в первые часы после его смерти. Выяснилось, что завещания ни письменного, ни устного не существует, а следовательно – нет и преемника, назначенного Монархом. «Устав» 1722 года показал полную неспособность установить «регламент»; можно даже сказать, что тот исторический «регламент», который существовал ранее, – наследование по праву первородства – был им отринут и перечёркнут. Потому сразу же разгорелась борьба сановных клик; одни ратовали за воцарение Екатерины, другие – за восшествие на Престол малолетнего внука Петра Алексеевича.

Победили сторонники Екатерины во главе с худородным и вороватым фаворитом Петра I А.Д. Меншиковым (1673–1729). Екатерина стала Императрицей, но её положение оставалось непрочным. Во-первых, она была женщиной, да ещё незнатного рода, а женщины вообще в роли самодержавных повелителей России ещё никогда не выступали. Во-вторых, она – неправославная по рождению, имела «распутную» репутацию и рожала Петру детей ещё до официального брака, что считалось страшным грехом. И, в-третьих, здравствовал десятилетней внук

умершего Петра, которого лишили законного, Богом установленного права.

Императрица Екатерина I правила немногим более двух лет, ничем примечательным себя в истории не проявила, стараясь следовать по стопам «незабвенного супруга». Но в её царствование чрезвычайно актуализировалась тема престолонаследия, которой была озабочена не только правительница, но и группа влиятельных сановников, сделавших себе карьеру и нажив огромные богатства при Петре, а при Екатерине их приумножившие. Опять на авансцене оказался главный «идеолог» Петра I Феофан Прокопович со своей «Правдой воли Монаршей», изданной ещё в 1722 году и целиком посвящённой оправданию деспотического произвола в деле престолонаследия, который наступил после появления в феврале 1722 года петровского «Устава».

В 1726 году, 21 апреля, сочинение Прокоповича было издано в виде законодательного акта с преамбулой, в которой говорилось, как это было и в 1722 году, что если «явится противник» петровского «Устава о наследовании престола», то наказывать смертной казнью. А такие противники при Екатерине появились; были обнаружены «подметные письма» и выявлены случаи «дерзких речей», суть которых сводилась к тому, что Екатерина – «самозванка».

Что творилось после смерти «державного гения» – хорошо известно. Борьба родовых клик, заговоры, перевороты следовали один за одним. Ни наличие «завещания», как было в 1727 году в случае с Екатериной I, ни его отсутствие, как то было после смерти Петра II в январе 1730 года, ничего принципиально не меняло. Народ никакими «правильными догадками» ничего не решал и решать не мог. Всё решала группа лиц, оказавшихся в данный момент у кормила власти при помощи гвардейских полков. С 1725 по 1730 год, за пять лет, в России сменилось четверо монархов: Пётр I, Екатерина I, Пётр II, Анна I.

После восшествия на Престол Анны Иоанновны (1693–1740) в феврале 1730 года – племянницы Петра I, хотя была жива дочь Преобразователя Елизавета, – Россию постигла страшная напасть: нашествие немцев, та самая бироновщина, которая навсегда осталась знаком полного презрения власть имущих к России и русским. И всё это возникло в значительной степени благодаря тому произволу, который установился в делах престолонаследия монаршей прихотью.

В переориентации всего национально-государственного строя жизни Пётр I добился много, но не осуществил главного. Ему не удалось «отменить Русь» и на её основе учредить исключительно

светскую великую империю, хотя формально и зримо она с Петра I и началась. Однако до самого конца монархической власти в России духовные установки давали о себе знать в разных направлениях политической деятельности Империи: от отмены смертной казни дочерью Петра Императрицей Елизаветой (1709–1761, Императрица с 1741 года) до вступления России в Первую мировую войну в 1914 году.

Вместе с тем нельзя не согласиться с исторически обусловленным выводом замечательного нашего культуролога Ф.А. Степуна (1884–1965) о том, что революции всегда начинаются «с революционных поджогов господствующего миросозерцания», а следовательно, к тому всеобщему «пожару», который сжег Россию в 1917 году, Пётр I не может не быть непричастным.

Глава 6. Принцесса с невинным выражением лица

Екатерина I стала монархом, положив начало династической чехарде, сотрясавшей Россию большую часть XVIII века. Екатерина Алексеевна открыла печальную эпоху «бабьих царств», со всеми их «фаворитами», капризами и эмоциональным произволом, длившуюся две трети того века.

Реальная власть всё больше и всё дальше удалялась от царского первородного древа. После смерти Екатерины I в мае 1727 года очередная аристократическая клика князей Долгоруковых свергла всесильного временщика «генералиссимуса» Меншикова и возвела на Трон Петра Алексеевича – внука Петра Первого, сына убитого им Алексея. Не достигший ещё и двенадцати лет, юный отрок стал Императором Петром II. После его смерти от оспы в январе 1730 года Род Романовых в мужском колене пресёкся.

На Престоле оказалась племянница Петра I Анна Иоанновна (1693–1740) – дочь сводного брата Петра Иоанна Алексеевича (1666–1696), правившего вместе с Петром в 1682–1696 годах. Ее матерью была Прасковья Фёдоровна Салтыкова (1664–1723). Анна по воле Петра I в 1710 году была выдана замуж за племянника Прусского Короля (1701–1713) Фридриха I, герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма (1692–1711). Герцогство Курляндское включало западную часть современной Латвии со столицей в городе Митаве (нынешнее название – Елгава). Династия Романовых породнилась с прусским владетельным Домом Гогенцоллернов.

Анна не отличалась ни красотой, ни умом; выделалась же она только своим высоким ростом и, как злословили современники, «необъятной окружностью». Анна в качестве герцогини-вдовы прозябала в Курляндии, и вряд ли бы о ней кто вспомнил, если бы не тот династический «цугцванг», в котором оказалась верховная власть после смерти Петра II. Единственная живая к тому времени дочь Петра I Елизавета была нежеланна аристократической клике князей Долгоруких и Голицыных, вершивших дела государства. Потому они «позвали» на Престол Анну. Как казалось, она была слишком проста и неумна, и можно было править от её имени и за неё.

«Тонко рассчитанная комбинация» провалилась. Созданный в 1726 году Верховный тайный совет, который в январе 1730 года пригласил Анну и где верховодили князья Долгорукие и

Голицыны, просчитался. Анна Иоанновна не оказалась безропотной простушкой, быстро вошла во вкус власти и в марте 1730 года разогнала Верховный тайный совет, став полноправной повелительницей России.

Началась одна из самых мрачных страниц в истории государства, получившая по имени «фаворита» Императрицы Эрнста-Иоганна Бирона (1690–1772) название бироновщины. Все русское умалялось и третировалось, а главные посты в государстве получали понаехавшие немецкие голодранцы, ставшие в России князьями и баронами: Остерманы, Минихи, Левенвольде, Шумахеры и другие. Смерть Анны Иоанновны не привела Россию к избавлению от власти тех, многие из которых даже и по-русски изъясняться не умели. Императрица назначила себе преемником своего внучатого племянника Иоанна Антоновича (1740–1764) – дальнюю «поросль семени» сводного брата Петра Иоанна Алексеевича, которому к моменту «воцарения» едва минуло два месяца от роду.

Фактически власть перешла от ветви Петра I к ветви Иоанна Алексеевича, и род Петра должен был пресечься. На Престоле теперь находился человек, имевший чрезвычайно отдаленное родственное отношение к Петру I, – правнук его сводного брата Иоанна (1666–1696).

Трудно сказать, как бы развивалась в этом случае история России, если бы не решительность дочери Петра Елизаветы. На нее падал отсвет величия Петра, и она пользовалась большим почитанием в гвардии и кругах русской аристократии. В конце концов, в ноябре 1741 года гвардейцы свергли годовалого Иоанна Антоновича и Елизавета Петровна стала Самодержицей.

Вступив на Престол Государства Российского в результате бескровного дворцового переворота, «дщерь Петра Великого» Елизавета ни мужа, ни детей не имела, хотя ей уже было почти тридцать два года. При Анне Иоанновне Елизавета являлась изгоем, так как оставалась претенденткой на Трон по праву первородства. Императрица Анна свою кузину терпеть не могла; единственным её истинным желанием было «задвинуть подальше» дочь Петра I. Устраивать свадьбу, выводить опасную соперницу на главную арену – такого Анна Иоанновна допустить не могла. Пусть эта ветвь родового древа засохнет и отомрёт!

Когда же Елизавета Петровна пришла к власти, то устроить брак стало ещё сложнее. Он должен был быть «равнородным»; а где же найти такого суженого, чтобы был под стать правительнице Великой Империи. К тому же Елизавета была слишком православной, целиком русской, а потому семейное сожительство с каким-нибудь немецким владетельным князем не

могло быть приемлемо. Так Елизавета и осталась бессемейной и бездетной, хотя свою личную жизнь имела.

За двадцать лет царствования Елизавета имела двух возлюбленных. Первый – красавец украинец Алексей Розум (1709–1771). Она заприметила его ещё тогда, когда тот был певчим в придворной капелле. Приблизила к себе, сначала в качестве камердинера, а после своего восшествия на престол осыпала чинами, наградами и поместьями. Теперь это было граф Алексей Григорьевич Разумовский – один из самых богатых и знатных людей в России. Следующим фаворитом стал Иван Иванович Шувалов (1727–1797), блестяще образованный и воспитанный человек. Ему Россия обязана созданием Московского университета.

Перед Елизаветой сразу же после воцарения возникла мучительная проблема престолонаследия, которую она решила единственно возможным путём: в ноябре 1742 года наследником (Цесаревичем) объявили единственного здравствующего внука Петра, племянника Императрицы, четырнадцатилетнего герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петера.

Это был сын старшей сестры Императрицы Елизаветы Анны Петровны (1708–1728). В ноябре 1724 года состоялась помолвка дочери Пётра I Анны с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом (1700–1739); свадьба же произошла уже после смерти Императора Петра I в мае 1725 года. Брачный договор не предусматривал изменения конфессиональной принадлежности; мать оставалась православной, а отец – лютеранином, и венчались они в двух церквах.

Муж Анны принадлежал к древнему роду Ольденбургов, и предки Карла-Фридриха занимали королевские престолы в нескольких североевропейских странах. Мать Карла-Фридриха приходилась родной сестрой Шведскому Королю (1697–1718) Карлу XII, тому самому, с которым так упорно воевал Петр I и который был окончательно разгромлен Россией в битве при Полтаве в 1709 году.

Фридрих и Анна и после замужества жили в Петербурге, находясь фактически на содержании русского правительства, и только в 1727 году, после смерти Императрицы Екатерины I, вынуждены были покинуть Россию и отбыть в столицу Голштинии город Киль. Там 10 (21) февраля 1728 года у них и родился сын, которого нарекли Карлом-Петером в честь и Карла XII и Петра I. Мать Карла-Петера Анна Петровна умерла через несколько недель (4 (15) мая 1728 года), и внук Петра I, крещенный по лютеранскому обряду, рос и воспитывался в немецкой среде, не умея даже разговаривать по-русски. В 1739 году, после смерти

отца, он наследовал титул герцога Гольштейн-Готторпского. Его жизнь невероятным образом изменилась после воцарения в России его тетки – Императрицы Елизаветы Петровны.

Карла-Петера привезли в Петербург 5 февраля 1742 года, начали усиленно обучать русскому языку, крестили по православному обряду с именем Петра Фёдоровича, а 7 ноября 1742 года объявили наследником Престола. Но он так и не стал в полной мере русским, а церковные православные службы всегда воспринимал с явным индифферентизмом. Немецкое лютеранское воспитание давало о себе знать до самой гибели этого внука Петра I.

Жену Петру Фёдоровичу подыскала Императрица Елизавета. Она остановила свой монарший взор на принцессе Софии-Фредерике-Августе Ангальт-Цербстской.

Будущая Императрица Российская родилась на севере Германии, в городе Штеттине, 21 апреля (2 мая) 1729 года. Ее отец – князь Ангальт-Цербстский Христиан-Август (1690–1747), дослужившийся до генерала на прусской службе, исполнял обязанности коменданта города Штеттина. Мать – урожденная герцогиня Гольштейн-Готторпская Иоганна-Елизавета (1712–1760). По матери София приходилась троюродной сестрой Петру Фёдоровичу.

Принцесса Ангальт-Цербская вместе с матерью прибыла в Петербург в феврале 1744 года и быстро завоевала сердце Императрицы Елизаветы. Она нашла, что девушка умна, скромна, воспитанна. К тому же её рекомендовал Прусский Король Фридрих, которого в тот период Елизавета весьма ценила. Выбор был сделан: 26 июня 1744 года принцесса приняла Православие с именем Екатерина Алексеевна.

Прошел год, и 21 августа 1745 года в Санкт-Петербурге состоялись венчание и пышная свадьба наследника Престола Петра Фёдоровича и «благоверной Великой княгини» Екатерины Алексеевны. К этому времени мужу исполнилось семнадцать лет, а жене – шестнадцать.

Известно доподлинно, что Пётр Фёдорович искренне любил свою тётку – Императрицу Елизавету, которую называл «матерью». Свою родную мать он не знал и не помнил, отца потерял весьма рано и был фактически лишён родительской любви и ласки. Его воспитателем был прямой до грубости гофмаршал Брюммер, который не заботился о духовном и интеллектуальном развитии своего подопечного; главное было сделать из него примерного унтер-офицера. В детстве Пётр знал и розги, и подзатыльники, и стояние в углу «на горохе», и голод, и холод.

Тётушка же Елизавета дарила Петру нерастраченные материнские чувства, что вызывало отклик в душе юного Цесаревича. Императрица баловала его, осыпала подарками, и бывший голштинским герцог, когда бывали вместе, «ластился» к ней, за что она называла его «котёнком». Сам «котёнок» не стеснялся своей привязанности, и первое слово, которое он научился произносить без акцента, было «матушка», которое он и адресовал тётке-благодетельнице.

Вообще Пётр Фёдорович был всегда искренним человеком, не умевшим «играть на публику», чем очень вредил себе в глазах окружающих. Зато искусством лицедейства в полной мере владела его супруга Екатерина, обольстившая немалое число людей, своим «обхождением». Умная, расчетливая и талантливая, она сумела блистательно «сыграть жизнь», и за внешней маской многие современники, да и потомки, так и не смогли разглядеть её истинный облик.

Трудно даже сказать, когда, в какие периоды и моменты своей бурной биографии, она была подлинной. Неизвестно, в какой степени она «расслаблялась» в альковах, со всеми своими «фаворитами»; в этот заповедный мирок Екатерины никто из посторонних допущен не был, никто не оставил никаких «записок» и «мемуаров». На официальной же арене доминировали позы, фразы и жесты, которые сегодня могли быть одними, а назавтра совершенно другими. Мастерством перевоплощения Екатерина II владела в совершенстве. Она была воистину великой актрисой…

Императрица Елизавета выказывала недовольство своим племянником, точнее говоря его публичным поведением. Пётр Фёдорович не оправдывал её надежд. Он за несколько лет так и не стал в полной мере русским. В семнадцать лет всё ещё продолжал играть оловянными солдатиками в войну, но, что ещё ужасней, весьма критически отзывался и о России, и о русских, а на церковных службах вел себя предосудительно. Болтал, передразнивал священников, хихикал и ухмылялся при церковных таинствах.

Для Елизаветы, которую в народе величали «церковлюбивой», подобное поведение представлялось недопустимым. Она пыталась влиять на племянника, делала ему наставления и замечания, но этого воспитательного воздействия хватало ненадолго. Елизавета полагала, что когда её племянник повзрослеет, то, само собой, образумится и поумнеет.

Позже в своих «Записках» Екатерина II приводила нелестные высказывания Императрицы Елизаветы о Петре, которого якобы называла «уродом». Однако свидетельствам Екатерины, особенно

касательно её супруга, доверяться можно с большой осторожностью; её отношение было явно тенденциозным. Она не жалела сил и времени, чтобы любым путем и любым способом дискредитировать сначала имя, а потом и память нелюбимого мужа.

После женитьбы Петра и Екатерины новая семья фактически так и не сложилась. Это был династический брак, один из самых (если не самый) несчастливых в истории Рода Романовых. Любви не было, и она, вопреки надеждам Елизаветы, так и не приходила.

Каждый из супругов жил своей жизнью, вынося другого порой с трудом. Русская поговорка «слюбится – стерпится» в данном случае не сработала. Пётр отдавался собственным интересам: тётка разрешила ему в 1755 году пригласить контингент пруссаков, и он с упоением занимался с ними маршевой и караульной службой. Ещё к числу любимых занятий относились игра на скрипке, охота, дружеские пирушки, а в последние годы – любовь к Елизавете Воронцовой.

Екатерина же «играла по правилам»: была учтива, любезна, демонстрируя примерное отношение к церковным обрядам, хорошо зная, что неуважение к Православию недопустимо, что таким путем в России, кроме нелюбви и презрения, ничего иного заслужить невозможно. Она на публике была подчеркнуто, даже нарочито, «благочестивой», прекрасно понимая, что русские простят многое; не простят же они никогда неуважения к их святыням и обрядам.

Она рьяно изучала русский язык, всеми силами стремясь изгнать немецкий акцент, чтобы стать «совсем русской». Императрица Елизавета считала всё это достойным похвалы, но душевного расположения к Цесаревне не имела. «Ты считаешь себя умнее всех», – в сердцах однажды заметила Елизавета Петровна, обращаясь к Екатерине.

Императрица чувствовала, что эта девица слишком скрытна и слишком умна, а такое сочетание может принести нежданные и нежеланные плоды. Опасения Елизаветы потом в полной мере и оправдались: тихая принцесса из нищего и захолустного Цербста обыграла и переиграла всех.

В письме английскому посланнику Ч. Уильямсу от 12 августа 1756 года Екатерина сформулировала своё жизненное кредо: «Я буду или царствовать, или погибну». Она с юности мечтала стать «великой», и она добилась своего.

У Пётра и Екатерины долго не было детей, что служило поводом для сплетен; самая грязная из них, что Пётр не был отцом Павла. Для подобных умозаключений не существует никаких документальных оснований. Жизнь по соседству с

Императрицей Елизаветой являлась жизнью в стеклянном доме. Всё обо всём и обо всех было известно. «Разврата» в своём доме Императрица бы никогда не потерпела.

Елизавета жаждала одного: чтобы у Петра появился сын, и в конце концов 20 сентября 1754 года в Летнем дворце в центре Петербурга на свет появился Павел Петрович. То был день памяти убиенного святого благоверного Князя Михаила Черниговского, убитого 20 сентября 1246 года в Орде за отказ следовать татарским языческим обычаям. Тело мученика пребывает в Архангельском соборе Московского Кремля.

Несколько недель гремели салюты, расцвечивали небо фейерверки, раздавались царские награды и милости. Балам же и маскарадам и счета не было; весь аристократический Петербург, чтобы достать удовольствие и радость Императрице Елизавете Петровне, той осенью веселился без удержу.

7 октября 1754 года появился Высочайший Манифест, гласивший: «Объявляем во всенародное известие. Всемогущему Господу Богу благодарение, наша возлюбленнейшая племянница Её Императорское Высочество Великая княгиня Екатерина Алексеевна, от имевшегося бремени благополучно разрешение получила, и даровал Бог Их Императорским Высочествам первородного сына, а Нам внука Павла Петровича, что учинилось минувшего сентября в 20-й день».

За неделю до Манифеста последовал именной указ Императрицы, в котором предписывалось Синоду возносить имя Великого князя на ектеньях.

«Мы при должном благодарении Господу Богу за благополучное разрешение от бремени Нашей племянницы, её Императорского Высочества Великой княгини… определили: имя его вознести во всех церковных служениях на Нашем и по Императорским Высочествам именах, благоверным Государем Великим князем Павлом Петровичем и сие Наше определение повелеваем публиковать во всех церквах Нашего государства, дабы везде по сему исполняемо было неотменно».

Из круга родственников настоящую радость испытала лишь Императрица Елизавета Петровна, ставшая крестной матерью Павла Петровича. Ни отец, ни мать восторгов не выражали. Только для Елизаветы Петровны Павел стал долгожданным лучом света во мраке династической безнадежности, существовавшей в Доме Романовых уже не один десяток лет.

Елизавета немедленно взяла дитя под свое полное покровительство. Позже Екатерина с грустью писала, что ребенка отняли у неё сразу после рождения, а о ней совсем забыли и она стала никому ненужной. Сочиняя свои «Записки», Екатерина

надеялась на сочувствие потомков, совсем как бы и позабыв, что когда у её сына Павла рождались старшие сыновья, сначала Александр (12.12.1777 года), а затем Константин (27.04.1779 года), то она повела себя совершенно так же. Не зря же Павел Петрович потом говорил, что «старших детей у меня украли»…

Через два года, в декабре 1757 года, Екатерина родила и второго ребёнка: дочь Анну, которая скончалась, не дожив и до двух лет. Ходили слухи, что это якобы была дочь Екатерины от польского графа Станислава-Августа Понятовского (1732–1798), избранного в сентябре 1764 года Королем Польши.

Императрицу же Елизавету интересовал только маленький Павел, который обеспечивал продолжение рода. Отныне племянник Пётр занимал её мало, а его жена Екатерина не интересовала вовсе. Она могла делать всё что угодно. И Екатерина, что называется, пустилась во все тяжкие. Ума и характера ей хватало, чтобы оказаться в центре придворных интриг. И одна такая история чуть не привела к крушению. Возникло «дело Бестужева», в котором Екатерина оказалась напрямую замешанной.

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1768) являлся одним из влиятельных сановников в царствование Императрицы Елизаветы: канцлер, руководитель внешней политики России. В середине 50-х годов он сблизился с Великой княгиней Екатериной, интригуя в её пользу. Новая династическая комбинация, которую отстаивал Бестужев и которая была желанна Екатерине: отстранить от видов на власть Петра, возвести на Престол малютку Павла и установить регентство Екатерины.

В феврале 1758 года Бестужев был арестован, началось следствие, и вина в противогосударственном злоумышлении была полностью доказана, Бестужев был приговорён к смертной казни, но Императрица явила милость: граф был сослан в свое имение. После своего прихода к власти Екатерина II тут же вернула Бестужева из ссылки, сняла с него все обвинения и специальным Манифестом от 31 августа 1762 года сделала его членом только что образованного Императорского Совета и сенатором.

Естественно, что Императрица воспылала ненавистью и к Екатерине, которую назвала «змеёй». Сама виновница понимала, что всё теперь поставлено на карту, что о будущей «великой роли», возможно, теперь придётся забыть навсегда. Она добилась свидания с Елизаветой, которая её видеть не хотела. Встреча состоялась глубокой ночью в покоях Императрицы, и Екатерине пришлось унижаться так, как, может быть, она не унижалась никогда ни до, ни после. Она буквально валялась в ногах, рыдала,

просила прощения, ссылалась на свою «глупость» и «неведение».

Драматичность момента требовала от лицедейки настоящего трагического мастерства. И она его явила, попросив её, недостойную, выслать в Германию. Это был тонко рассчитанный ход: Екатерина прекрасно понимала, что она – законная, венчанная супруга Цесаревича и такое изгнание невозможно без расторжения брака. Аннулирование же брака, заключенного по православному обряду, было сопряжено с большими сложностями и всеевропейским скандалом, на который Императрица Елизавета не пойдет.

Екатерина правильно оценила «диспозицию». Елизавета её «простила», приказав только больше не показываться на глаза. Очевидцем всей этой сцены «покаяния» явился Цесаревич Пётр Фёдорович, которого тётушка попросила сидеть тихо за ширмой. Конечно, он не поверил ни единому слову «змеи», но с волей Императрицы спорить не стал. Его же отвращение к «законной супруге» теперь стало полным и окончательным.

Весь ужас ситуации состоял в том, что свою взаимную антипатию муж и жена перенесли на сына Павла. Первые свои годы Павел провел в окружении нянек и «мамушек». Императрица Елизавета вначале уделяла ему много внимания, но постепенно, в силу своих болезней и слабости, видела его от случая к случаю. Не имея личных навыков общения с детьми, она тяготилась долгим детским присутствием.

Мать в первый год жизни Павла видела его всего три раза, а потом не чаще раза в неделю и с грустью писала, что ей не дозволялось видеться чаще. Однако не сохранилось ни одного свидетельства, чтобы она просила о более частых встречах со своим малышом. Она не страдала «чадолюбием»; всю свою жизнь у нее было одна непроходящая любовь, которую пронесла до гробового входа: любовь к самой себе.

Её тщеславие было безмерным, и когда все кругом её славили за созидание «величия России», то в этом была только часть, причём, так сказать, вторичной правды. «Великая Россия» была нужна ей, чтобы тешить своё самолюбие, чтобы наслаждаться и упиваться властью и силой, которые принесла ей, бывшей голодранке, корона величайшей в мире Российской Империи.

Конечно, она была умна, можно даже сказать, изощренно умна и умела использовать людей в своих интересах, которые часто совпадали с интересами России. В этом заключалась сила мастерства Екатерины II. В понятиях нашего времени её с полным правом можно было бы назвать архиталантливым «топ-менеджером»; она умела подбирать способный «персонал» и управлять им.

В качестве Великой княгини Екатерина многие годы жила двойной жизнью: тихая, смиренная на публике и совершенно другая за кулисами. Она ни на один день не переставала работать «в свою пользу». Нет, планы династического переворота после случая с Бестужевым она больше не обсуждала и, во всяком случае, не вела по этому поводу переписку. Но «общественное мнение» относительно порочности и умственной ущербности своего супруга она искусно создавала.

В своих «Записках» Екатерина II потом с обескураживающей откровенностью признавалась, что во имя роста своей популярности она ничем не гнушалась. «И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье… терпеливо слушала бесконечные их рассказы, сама спрашивала их советов в разных делах, потом искренне их благодарила. Я узнавала, как зовут их мосек, болонок, попугаев; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял её от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая похвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии Русского Престола, очутилось на моей стороне значительное большинство».

Последние два года жизни Императрица Елизавета постоянно болела, и было ясно, что её кончина не за горами. А дальше? Дальше надо было творить будущее, и Екатерина его творила. Если учесть, что «общественное мнение» для середины XVIII века определялось, по сути дела, разговорами и настроениями в нескольких столичных дворцах, в кругу русской знати, то человеку умному, да к тому же наделённому актёрским дарованием, такому как Екатерина, удалось без особо труда заиметь там немало симпатизантов.

Здесь самое время остановиться на одном известном случае екатерининского обольщения. Речь идёт о Екатерине Романовне Дашковой[4], урожденной Воронцовой, о которой ранее упоминалось как о младшей сестре Елизаветы Романовны – возлюбленной Петра III. После общения и бесед с Екатериной Дашковой в 1770 году французский философ Дени Дидро написал, что «княгиня Дашкова любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего отечества». Может быть, к этому времени она и «научилась разбираться в людях», но в молодости она безоглядно отдавалась симпатиям и антипатиям. И главной её тогдашней «симпатией» стала Великая княгиня

Екатерина, за которую юная девица Воронцова готова была пожертвовать жизнью.

В «Записках», которые княгиня Е.Р. Дашкова написала на склоне лет, она подробно изложила историю своих отношений с Екатериной. К тому времени давно уже не было в живых всех участников дворцового переворота, который в июне 1762 года привел к власти Екатерину, переворота, активным участником которого была княгиня Е.Р. Дашкова. Прошло более сорока лет после тех событий. Дашкова, научившаяся «разбираться в людях», узрела уже некоторые «пятна» на короне Екатерины II, но блеск и величие этого образа для неё не подлежали сомнению. Она всё ещё было уверена, что свержение Петра III было «делом спасения России», дистанцируя Екатерину II от факта гнусного убийства Императора, который являлся крестным отцом самой княгини Воронцовой-Дашковой! Для княгини 28 июня – день свержения с Престола внука Петра I Императора Петра III – навсегда остался «самым славным и достопамятным днём для моей родины».

Дашкова познакомилась с Великой княгиней Екатериной осенью 1758 года: ей только минуло пятнадцать; Великой же княгини было уже почти тридцать. Разница в возрасте как будто не имела значения, и Екатерина Романовна с упоением вспоминала, как они беседовали о литературе, естественно, о французской, потому что ни о какой другой ни та, ни другая собеседница не знали и не подозревали. «Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила меня своим разговором. Возвышенность её мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели её образ в моём сердце и в моём уме, снабдившим её всеми атрибутами, присущими богато одарённым натурам», – с умилением писала Дашкова через десятилетия.

Так как муж Екатерины Романовны князь Дашков был полковником лейб-гвардии Преображенского полка, а Наследник Великий князь Пётр Фёдорович являлся командиром, то встречи жён офицеров – так называемых «полковых дам» – с командиром делались неизбежными. К тому же Дашкова происходила из знатной, приближенной к Трону семьи, что неминуемо создавало условия для таких встреч. Дашкова горела желанием общаться с Великой княгиней Екатериной, но при этом старалась уклоняться от встреч с Великим князем. Это носило вызывающий характер, и Пётр Фёдорович своей крестной дочери выражал пожелание, чтобы при встречах она была больше с ним, чем с Великой княгиней. Увещевания не производили на Дашкову никакого впечатления. Она была очарована и пленена Екатериной, не желая видеть и слышать её супруга.

Простая и восторженная девушка, полная сентиментальных

чувств и возвышенных устремлений, создала себе кумира, не желая замечать ничего, что хоть как-то могло поколебать это фанатическое чувство. Её крестный отец, знавший свою супругу достаточно хорошо, старался предупредить заблуждения юности, призывал смотреть на мир без розовых шор на глазах. Однажды он прямо сказало княгине Дашковой: «Помните, что благоразумнее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон». Приведя эту сентенцию, Дашкова заметила, что она «знает источник», откуда она исходила, и этим ограничилась. А ведь Пётр Фёдорович был совершенно прав. Княгине и на старости лет никак не хотелось признать, что она фактически оказалась тем самым «лимоном», которым Екатерина II пользовалась по мере надобности и по своему усмотрению.

Дашкова имела стойкое чувство неприятия и Пётра Фёдоровича, и всей его компании, украшением которой была её старшая сестра Елизавета Воронцова. Её влекло к Екатерине, которую она воспринимала в качестве своей задушевной подруги, не зная и не понимая, что та была не способна на «задушевность». Молодая и романтическая княгиня Дашкова была нужна ей, чтобы распространять в высшем свете угодные ей, Екатерине, настроения. И Дашкова их распространяла, неизменно восхищаясь «умом и тонким вкусом» своей старшей конфидентки. Первое горькое разочарование случилось уже после переворота 28 июня 1762 года, когда Екатерина захватила Трон.

На следующий день в Императорском Дворце Дашкова явилась свидетелем отвратительной сцены, которую на первых порах ей трудно было объяснить. Отправляясь в очередной раз теперь уже к Государыне Екатерине, она в одной из ближних комнат «увидела Григория Орлова, лежащего на канапе и вскрывавшего толстые пакеты», присланные на имя Монарха. Екатерина Романовна немедленно спросила, что он делает, и получила спокойный ответ: «Императрица повелела мне открыть их». Это было шокирующее зрелище. Вскоре Дашкова узнала, что у Екатерины давно уже была любовная связь с Григорием Орловым, связь, о которой «её лучшая подруга» ничего не подозревала.

Не знала юная Дашкова, что Екатерина уже давно «крутит амуры» с Григорием Григорьевичем Орловым (1734–1783), плохо образованным и воспитанным сыном Новгородского губернатора, отличавшимся чрезвычайной нахрапистостью и бесцеремонностью. Несколько лет несведущая Дашкова и не подозревала, что её «богиня» Екатерина, такая умная и деликатная, которая так благопристойно вела себя на людях, а в

храме вообще являла образец настоящей русской богомолки, что называется, не остыв ещё от исповеди и причастия, стремглав неслась в свои покои и падала в объятия почти вечно полупьяного Григория Орлова. Да, действительно, тут была «бездна вкуса» и «такта», которые так импонировали княжне Дашковой.

Род дворян Орловых не был титулованным и не принадлежал к числу богатых. При Императрице Анне Иоанновне генерал-майор Григорий Иванович Орлов был назначен Новгородским губернатором. Женат он был на Лукерье Ивановне Зиновьевой, от брака с которой имел шестерых сыновей: Ивана, Григория, Алексея, Фёдора, Михаила и Владимира. Кроме Михаила, умершего в малолетстве, все остальные служили в гвардии и были в числе активных участников переворота 1762 года. Это стало для них «золотым» выигрышным билетом. Орловы по воле Екатерины II сделались магнатами, получили графские титулы и заняли ведущие посты в системе государственного управления.

Екатерина настолько увлеклась Григорием Орловым, что первое время после воцарения была готова выйти за него замуж. Весть о том, как громом, поразила весь придворный мир и вызвала столь бурную протестную реакции, что Екатерина отступила. Став Императрицей, Екатерина интимную связь эту особо уже и не скрывала. Но это в другом статусе – имперском. Раньше же надо было таиться.

11 апреля 1762 года Екатерина родила от Григория Орлова сына Алексея Григорьевича, получившего «по высочайшему повелению» фамилию Бобринский (1762–1813). Вся эта история похожа на детективный роман. Екатерина умело скрывала свою беременность до самого конца; несколько недель, ссылаясь на болезнь, не выходила из своих покоев. Счастье и спасение её состояло в том, что Пётр Фёдорович нисколько не интересовался здоровьем Екатерины и её не навещал.

Когда же настало время рожать, преданный Екатерине гардеробмейстер В.Г. Шкурин поджёг свой петербургский дом. Пётр III, который всегда выезжал на тушение пожаров, не остался в стороне и на этот раз. И пока Император тушил пожар, Императрица родила в Зимнем Дворце младенца, которого немедленно унесли и скрыли. Когда вернулся Император, то ему доложили, что в покоях Императрицы происходит какая-то непонятная суета. Пётр III немедленно туда направился, но Екатерина нашла в себе силы через час после родов встретить супруга уже одетой и с невинным выражением лица.

Когда к власти пришёл Павел, то он признал родство с Алексеем Бобринским и в 1796 году пожаловал графский титул своему незаконнорожденному сводному брату. Алексей

Бобринский стал родоначальником известного позже графского рода.

Существует предположение, что Императрица, помимо связи с Григорием Орловым, имела интимные отношения и с его младшим братом Алексеем (1735–1807), главнокомандующим с 1770 года флотом и после победы над турецким флотом при Чесме получившим фамилию графа Орлова-Чесменского. От связи с Екатериной родился сын Александр Алексеевич (1763–1808), носивший фамилию Чесменского…

Пётр III находился на Престоле недолго, всего шесть месяцев. Он не снискал не только любви, но и признания у своих подданных, хотя был человеком незлобивым и совсем неглупым. Его можно назвать легкомысленным, что в конце концов и погубило его. Он никогда всерьез не задумывался насчёт возможности своего отстранения от власти: он ведь внук Петра I, а такое неоспоримое достоинство отнять невозможно. Он устраивал смотры, парады и балы, не подозревая, что вокруг него плетётся паутина заговора, главным действующим лицом которого стала его постылая жена.

Пётр Фёдорович имел несколько пристрастий. Главное и очевидное – преклонение перед Прусским Королем Фридрихом II, прозванным Великим (1712–1786, Король с 1740 года). Фридрихом тогда многие восхищались, и не только в пределах Германии. Он создал дееспособное государственное управление, сильную и прекрасно организованную армию и способствовал культурному и хозяйственному развитию Пруссии. Король по своему интеллектуальному уровню превосходил большинство коронованных особ в Европе, написал несколько философских и литературных произведений, принесших ему общеевропейскую славу. «Философ на троне» вел регулярную переписку с Вольтером, и самый известный французский вольнодумец настолько проникся к Королю симпатией, что в 1750–1753 годах проживал в качестве гостя Фридриха в Потсдаме.

Король Фридрих знал о том, что в далекой России наследник Престола является его симпатизантом. Умный и расчетливый Король прекрасно понимал, что это обстоятельство сможет принесли несомненные выгоды дорогой Пруссии. И внук Петра I действительно оказался спасителем своего кумира, в чём Фридрих узрел «руку Провидения».

В ходе начавшейся в 1756 году так называемой Семилетней войны армия Пруссии одержала ряд военных побед над австрийцами и французами. Когда же в военную кампанию за гегемонию в Центральной Европе в мае 1757 года вступила Россия, то положение стало меняться не в пользу Пруссии. В

январе 1758 года русские войска взяли Кёнигсберг и Восточная Пруссия была включена в состав России. В ходе дальнейших военных действий «непобедимая» прусская армия была фактически разбита, и в конце сентября 1760 года русские войска вошли в Берлин. «Фридрих Великий» бежал и стал задумываться о самоубийстве.

Нежданное спасение к Фридриху пришло из России.

25 декабря 1761 года (5 января 1762 года) умирает Императрица Елизавета и на Престол Государства Российского восходит Пётр Фёдорович под именем Петра III. Он сразу же прекращает военные действия и возвращает Пруссии все отвоеванные территории без всякой компенсации. Мало того, Пётр Фёдорович в своём восторженном восхищении пошел дальше: распорядился ввести в русской армии прусский мундир. Вполне понятно, что прусские пристрастия, превращавшиеся в направления государственной политики, не могли принести ему симпатий в России.

Фридрих Великий присылал своему почитателю пламенные послания, в которых призывал проявлять твёрдость, без которой управлять Россией невозможно. Он убеждал Петра как можно быстрее короноваться, но Император не спешил с этим важным делом. Коронация подчеркивала сакральный смысл Царской властной прерогативы; это был нерасторжимый мистический брак с Россией. К слову сказать, расчетливая Екатерина вела себя совершенно иначе и как только захватила власть, то уже через три месяца короновалась в Успенском соборе Московского Кремля.

Однако было бы совершенно неверно считать, что при Петре Фёдоровиче наступил столбняк в делах управления государством, а сам правитель большую часть времени бражничал со своими голштинцами и занимался строевой подготовкой. Были приняты важные решения, свидетельствующие о серьезном отношении Петра III к положению подвластной Империи.

Уже в феврале 1762 года появились два важных манифеста: о ликвидации Тайной канцелярии, т. е. об отмене тайного сыска и дознания; и о Вольности дворянства. Отныне «благородное сословие» освобождалось от обязательной службы и сохраняло абсолютную монополию на владение землей и крепостными. Эта мера вызвала восторг в дворянской среде, а Сенат даже выступил с предложением установить золотую статую Петра III. Дело до статуи не дошло, но Екатерина потом как бы «переиздала» Манифест о вольности дворянства, приписав себе инициативу и заслугу его появления.

Ещё одной важной мерой, затрагивающей органику русской

жизни, стал Указ от 21 марта 1762 года о секуляризации церковных земель. Ещё Пётр I хотел наложить государеву руку на огромные земельные угодья Церкви, как то произошло в Западной Европе, но не успел. Внук «довершил» начинание деда.

Однако были решения и поступки, которые встречали почти повсеместное осуждение. Во-первых, как уже было сказано, окончание войны с Пруссией и возвращение ей всех завоёванных земель без всякой компенсации. Несколько лет русская армия одерживала тяжелые победы на полях сражений, стоившие многих жертв. Теперь же Петербург и Берлин, по воле одного человека, а именно – Русского Царя, стали союзниками.

Всплеск возмущения в России вызвало и еще одно внешнеполитическое действие Петра III. Он вознамерился начать войну с Данией, чтобы отвоевать у нее некоторые территории Голштинии. Это было совершенно неслыханно: Россия должна была воевать за интересы какого-то герцогства только потому, что Император являлся когда-то владетельным князем этой немецкой Тмутаракани. Это было неосмотрительно и просто опасно: порождать ропот своих подданных через несколько месяцев после воцарения – на это мог пойти лишь человек действительно легкомысленный. Кумир Петра Фридрих Великий прислал в Петербург послание, призывая Царя отказаться от этой, как казалось многим, сумасбродной идеи.

Атмосфера в Петербурге накалялась; в редком доме теперь не говорили о необходимости «сменить монарха». Наступал звездный час Екатерины, которую некоторые уже без всяких экивоков называли главной претенденткой на Престол.

Несколько недель «весь Петербург» обсуждал «ужасное» деяние Императора, случившееся 9 июня 1762 года на банкете в честь подписания мирного договора с Пруссией. Что же там произошло? Обратимся к Н.К. Шильдеру, который целиком принял на веру версию Екатерины из ее «Записок»; она господствовала в историографии более двухсот лет.

«Одно непредвиденное событие ускорило развязку. 9-го июня Пётр III праздновал в Зимнем Дворце заключение мира с Пруссией, и в этот день состоялся обеденный стол на 400 персон, приглашены были особы первых трех классов и иностранные министры. Император ознаменовал этот торжественный пир тем, что оскорбил Екатерину, назвав её громогласно «дурой»; затем приказал арестовать Императрицу, но заступничество принца Георга спасло на этот раз Екатерину».

Вот так: взял прилюдно и «унизил» скромную и добродетельную маленькую женщину, а потом решил её заточить в темницу! Ужас, да и только! Про «темницу» чуть позже. Пока

остановимся на самом действии и рассмотрим более подробно, так сказать, фабулу. Сохранилось описание всей этой сцены непосредственного участника того застолья, им была упоминавшаяся княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она не читала «Записок» Екатерины, а потому и скорректировать собственное изложение в угоду «богини» не могла. Вот как Дашкова описала тот инцидент.

«Императрица заняла своё место посреди стола; но Пётр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье Императорской Фамилии, Его Величества Короля Пруссии и за заключение мира. Императрица начала с тоста за Императорскую Фамилию. Тогда Пётр III послал дежурного генерал-адъютанта Гудовича, стоявшего за его стулом, спросить Императрицу, почему она не встала с места, когда пили за здоровье Императорской Фамилии. Императрица ответила, что, так как Императорская Фамилия состоит из Его Величества, его сына и её самой, она не предполагала, что ей нужно встать. Гудович сообщил её ответ Императору; тот велел передать Государыне, что она «дура» и что ей следовало бы знать, что к Императорской Фамилии принадлежат и оба его дяди, голштинские принцы; опасаясь, однако, что Гудович не передаст Императрице его слов, он сам сказал ей их громко на весь зал».

Вся сцена была довольно несимпатичной, можно даже сказать, грубой, но, прежде чем оценивать её, необходимо обратить внимание на некоторые нюансы. Екатерина не встала во время произнесения тоста, демонстративно не подчинилась примеру Императора, что по тем временам считалось делом не только предосудительным, но и наказуемым. Конечно, со стороны Екатерины это была демонстрация. Пётр III, прекрасно знавший коварный нрав «жены-змеи», не мог этого не понимать и бросил в лицо ей обвинение, которое не отвечало нормам политеса, но соответствовало тяжести проступка. К тому же Пётр произнес не русское «дура», а французское «folle», которое можно перевести и более мягким по смыслу словом «глупая».

Екатерина после этого залилась слезами, изображая из себя оскорбленную добродетель. Но через некоторое время она уже весело болтала и смеялась над шутками графа А.С. Строганова. Однако она ничего не забыла и ничего не простила; она вообще никогда ничего не забывала и ничего никому не прощала. Как написал Шильдер, «оскорблённая как женщина и тревожная за будущность Империи, от которой она не отделяла себя, решилась встать во главе движения, направленного против Петра».

Это версия самой Екатерины, которая при этом никому

никогда не объяснила, почему она «возглавила движение» не только против Императора, но и против его сына. Речь о воцарении Павла вообще не заходила в кругу «Русской Минервы», как любили величать Екатерину II различные пиетисты. Минерва – в древнеримской мифологии богиня мудрости, покровительница искусств и ремесел.

Павла как бы и не было, хотя, например, Никита Панин, недовольный Петром Фёдоровичем, видел после него на Престоле именно Павла Петровича. Когда же случился переворот, воцарилась Екатерина, то старый царедворец и дипломат не стал выступать против течения, хотя до самой смерти в душе так и не смирился с вопиющим актом самоуправства.

Наступало время кануна. Все это чувствовали, все, кроме Императора. Конечно, глупости о том, что он хотел «заточить» Екатерину, оставим на совести самой Екатерины, хотя офицеры разъясняли солдатам в казармах, что следует выступить на защиту Императрицы и Наследника, так как им якобы «угрожает опасность». Было ясно, что семейной жизни у Петра и Екатерины уже не будет никогда и вопрос этот как-то следовало решать. И он был решен дворцовым переворотом. Горячие головы из среды молодого гвардейского офицерства во главе с Орловыми горели желанием «послужить России» и убрать ненавистного многим Императора. 28 июня 1762 года переворот свершился. Судьба России была решена за несколько часов.

Рано утром того дня в сопровождении группы офицеров Екатерина прибыла из Петергофа в Петербург в казармы Измайловского полка, который приветствовал её уже в качестве «Величества». Далее то же самое повторяется в казармах Семёновского и Преображенского полков. К Екатерине прибывают некоторые вельможи, которые присоединяются к свите теперь уже «Императрицы». Окруженная гвардейцами и народом Екатерина отправилась в Казанский собор, где её уже ожидали архиепископ Новгородский и духовенство. Пропели благодарственный молебен, и торжественно провозгласили Екатерину «Императрицей всея Руси», а Великого князя Павла – наследником Престола.

Екатерина явила в этот момент свои немалые организаторские таланты. Были загодя составлены манифесты, послания командирам воинских частей и начальникам областей и губерний, был взят под контроль Кронштадт, а дипломатический корпус получил уведомление о перемене царствующей особы.

Во всей истории этого судьбоносного для России переворота много неясного и удивительного. Невозможно не поразиться, с какой легкостью офицеры и сановники приносили присягу на

верность Екатерине, хотя от присяги на верность Императору Петру III их никто не освобождал. А ведь присяга – клятва на Евангелии Именем Божиим служить «не желая живота своего» Монарху!

Были и немногочисленные исключения и самое известное – канцлер и граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767), дядя княгини Дашковой. Он прямо заявил Екатерине, что принёс присягу Императору Петру и присягать вторично не будет, но сохранит по отношению к Екатерине полную лояльность. Екатерине такой афронт был крайне неприятен: граф являлся влиятельнейшим лицом, руководителем внешней политики России. С ним нельзя было расправиться втихомолку: он был взят под домашний арест. Когда же после смерти Петра граф принес всё-таки присягу Екатерине, то арест был отменён.

Император Пётр встретил 28 июня в Ораниенбауме. Окруженный своими голштинцами, он узнал о событиях в Петербурге только в середине дня. После нескольких безуспешных попыток овладеть ситуацией, он отправил к Екатерине капитана П.И. Измайлова с сообщением, что готов отречься от Престола. Екатерина тут же призвала Петра сдаться, чтобы «предотвратить неисчислимые бедствия».

Екатерина обещала обеспечить ему «приятную жизнь» в каком-нибудь удаленном от Петербурга дворце. Пётр поверил, капитулировал, и в результате не было пролито ни капли крови.

Очевидной «слабостью» Петра III являлась русская княжна Елизавета Романовна Воронцова (1739–1792), которая была особенно близка сердцу Петра Фёдоровича в последние годы его жизни. Она была дочерью генерал-аншефа и сенатора князя Романа Илларионовича Воронцова (1707–1783) и доводилась родной сестрой Екатерине Романовне Дашковой (1743–1810), получившей известность сначала в качестве ярой приверженки Екатерины II, деятельно способствовавшей её воцарению, а затем прославившейся в роли президента Российской Академии Наук. Привязанность Петра Фёдоровича к «любезной Лизавете» была так сильна, что когда его свергли с Престола, то он просил свою жену только о двух милостях: не разлучать с Елизаветой и не лишать любимой скрипки, на которой он играл каждый день с великим усердием.

Фридрих Великий по этому поводу с досадой заметил, что Пётр «позволил свергнуть себя с Престола, как ребёнок, которого посылают спать». Сам Фридрих никогда бы не капитулировал; как настоящий солдат, он стоял бы насмерть до самого конца, но его русский Император-поклонник не обладал силой воли Прусского Короля.

После отказа от власти поверженный Монарх был арестован и препровожден в Ропшу, которая ему принадлежала ещё в бытность его Великим князем. Екатерина лично подобрала группу доверенных лиц, которым приказывалось неотлучно находиться при Петре Фёдоровиче. Поверженный проявлял полное смирение; он лишь прислал письмо с просьбой отпустить его в Голштинию. «Ваше Величество может быть во мне уверенною: и я не подумаю и не сделаю ничего против Вашей особы и против Вашего царствования». Для подозрительной Екатерины эти заверения не стоили ровным счётом ничего.

Здесь возникает вопрос, который до сего дня не прояснён, да и который вообще трудно встретить в сочинениях по поводу указанных событий: как Екатерина видела будущее своего супруга, с которым она разведена не была? Сама она того не объяснила, да и никто того не объяснил и из числа её клевретов. Невозможно предположить, чтобы изощрённую натуру Екатерины не занимала эта проблема. Но она была действительно умна и расчетлива, прекрасно понимая, насколько ситуация взрывоопасна.

Передавали, точно тут ничего установить нельзя, что Екатерина намеревалась заключить Петра в Шлиссельбурге, а томящего там Иоанна Антоновича перевести в другое место. А дальше что? Держать под арестом годы, а может быть, и десятилетия?

Но ведь уже более двадцати лет томился в заключении Император Иоанн Антонович, свергнутый в 1741 году Елизаветой Петровной. Елизавете было проще, чем Екатерине; она ведь дочь Петра I, а Екатерина свергла внука Петра I.

Было ясно, что не может Екатерина спокойно наслаждаться властью, пока жив Пётр. Его должно было бы не быть. Это решило бы многое раз и навсегда. Нет никаких оснований утверждать, что Екатерина отдавала приказ «извести» своего мужа. Для этого она была слишком умна и слишком осторожна. Но невозможно дистанцировать Екатерину от того злодеяния, которое формально исполнили верные ей люди, просто-напросто «вычислившие» и «прочитавшие» сокровенное желание своей госпожи.

Пётр прожил в Ропше несколько дней, и 6 июля к Екатерине поступила краткая записка Алексея Орлова, извещавшая, что всё кончено. «Матушка, милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка! Его нет на свете! Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на Государя! Но, Государыня,

совершилась беда. Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Фёдором (Барятинским. – *А.Б.*), не успели мы разнять, а его уже не стало. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принёс – и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее кончить. Свет не мил, разгневали тебя и погубили души навек».

Как же реагировала Императрица? В екатерининской мифологии бытует масса сказаний и легенд, которые частью пустила в обращение сама Екатерина II, а частью – её многочисленные приближенные и почитатели.

Так вот, согласно распространенной версии, Екатерина, узнав о гибели ненавистного мужа, обливалась слезами, лишалась чувств и т. д. Почитательница Екатерины и её фрейлина графиня Варвара Николаевна Головина, которой в 1762 году ещё не было на свете (она родилась в 1766 году), через двадцать с лишним лет слышала рассказ графа Никиты Панина о тех событиях, который и запечатлела в своих мемуарах.

Панин был в кабине Екатерины, когда пришла весть о гибели Петра. «Она стояла посреди комнаты; слово *кончено* поразило её. Он уехал? – спросила она сначала. Но, узнав печальную истину, она упала без чувств. С ней сделались ужасные судороги и какое-то время боялись за её жизнь. Когда она очнулась от этого тяжелого состояния, она залилась горькими слезами, повторяя: «Моя слава погибла, никогда потомство не простит мне этого невольного преступления!»

Екатерина, которая «лишалась чувств» только на публике и в самые необходимые моменты, упала в обморок не потому, что убили монарха, её законного супруга. Она переживала только за свою общественную репутацию благородной, умной и справедливой правительницы. Гибель же Петра не могла не поколебать весь этот декоративный антураж.

Интересны в данном случае и признания княгини Дашковой, которая, узнав о гибели Петра, впала в состояние «огорчения и негодования». На следующий день, т. е. 7 июля, она преодолела себя и отправилась к Императрице. «Я нашла её грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: «Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!» И ни слова сожаления и человеческого сочувствия по адресу убиенного.

И самое примечательное: никто не зафиксировал того, чтобы после получения известия о смерти Петра, Екатерина отправилась бы в церковь, чтобы помолиться за упокоение души новопреставившегося мученика. Для выражения своих религиозных, как, впрочем, и иных чувств, ей нужна была публика; она ведь всю свою жизнь провела на сцене…

В тот день, когда Екатерина рассказывала Дашковой о своем «ошеломленном состоянии», появился монарший Манифест, к составлению которого Екатерина имела самое непосредственное отношение. Весь Петербург уже «был в курсе», из уст в уста передавали новость об убийстве Петра III, назывались имена участников. Уверенно говорили, что Пётр был удушен шарфом.

В Манифесте же всё было искажено и извращено до полного абсурда. Кого Минерва собиралась обмануть? Наверное, только потомков, современники фактически и так уже почти всё знали. Вот только несколько пассажей из этого поразительного документа:

«В седьмой день после принятия Престола Всероссийского получили мы известие, что бывший Император Пётр Третий, обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадкам геморроидическим, впал в прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христианского и заповеди святой, которую мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему всё, что потребно было к предупреждению следств, из того приключения опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что волею Всевышнего Бога скончался». Иными словами внук Петра I умер от «геморроидальной колики»! Это стало поистине «великим медицинским открытием».

Убийство Петра – позорнейшее деяние Екатерины II. Если даже прямого приказа убить мужа она и не отдавала, то она убийц выгораживала, вставая фактически на их сторону. Вообще, в истории с Петром III Екатерина предстаёт совсем не «великой», а мелкой, злобной и подлой натурой. У неё не хватило такта и масштаба души отдать покойному благопристойные почести.

Никакого траура объявлено не было; тело на три дня было выставлено в Александро-Невской лавре, причём близко к телу никого не допускали. Однако некоторые успели разглядеть, что лицо Пётра было «черным и опухшим» – характерное последствие удушения. Об этот тогда многие говорили, но подлинные детальные обстоятельства смерти Петра III так и остались неизвестными.

10 июля 1762 года убитого погребли в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, сразу за могилой несчастной регентши Анны Леопольдовны. Екатерина на отпевании и похоронах не была; публике было объявлено, что якобы Сенат «упросил» не ездить.

Екатерина, несмотря на все ухищрения, не могла не

понимать, что история гибели Петра будет вновь и вновь будоражить умы, вызывать вопросы. И главный – о её роли. Ей было непросто. Она никого не наказала из числа убийц; не могла же она карать тех, кто избавил её от бесконечной головной боли, вызванной мыслями о Петре III. Более того, преступники, совершившие гнусное злодеяние, вскорости были «облагодетельствованы» различного рода милостями Императрицы. Даже князь Федор Сергеевич Барятинский (1742–1814), тот самый, кого Алексей Орлов зачислил в «главного убийцу», и тот со времен невероятно вознесся, получив должность Обер-гофмаршала при дворе Екатерины II.

Екатерину всегда отличал религиозный индифферентизм. Нет, обряды и всю публичную церковно-государственную ритуалистику она знала назубок и исполняла без затруднений. Однако назвать её истинно верующей православной невозможно. На дворе стоял «век Просвещения», когда над религиозным усердием было принято издеваться; считалось, что вера – это пережитки, это отдушина для тёмных и необразованных людей. Образованные же верили в «человеческий разум», поклонялись «естеству человеческому», замутненному и искаженному государственными и церковными институтами и доктринами. Екатерина была достойной «дочерью века Просвещения»; она свободно находила общий язык с таким вольнодумцем и богохульником, как Вольтер.

Но она знала точно и другое: в России нельзя демонстрировать свое безразличие к Православию, которое веками благословляло и освящало царскую власть. Это был необходимый инструмент управления огромной Империей, а потому она не пошла на отделение Церкви от Государства, хотя сама, как протестантка по рождению и воспитанию, считала, что «вера – личное дело каждого». В душе Императрицы тяги, потребности в церковном действии, в каждодневном молитвенном общения с Богом не наблюдалось. А потому она и не боялась никакого Страшного суда, в который попросту не верила.

В Манифесте по случаю своего воцарения от 28 июля 1762 года Екатерина прямо объявляла себя «защитницей Православия», облыжно обвиняя Петра III в том, что тот намеревался переменить историческую веру «принятием иноверного закона». Какого именно – узурпаторша не объявила. Самодовольное величие личной персоны Екатерина явила в Манифесте по случаю своей коронации от 7 июля 1764 года. Он завершался велеречиво: «Он, Всевышний Бог, Который владеет царством и кому хочет даёт его, видя праведное и благочестивое оное Наше намерение, самым

делом так оное (переворот. – *А.Б.*) благословил». Иначе говоря, власть свою она получила по промыслительному предначертанию…

Мнения современников и потомков о своей персоне для Екатерины были весьма значимы. Тщеславие заставляло её постоянно работать над созданием собственного притягательного образа. Как выразился один из авторов, «хорошо разбираясь в искусстве рекламы, Екатерина была своим собственным министром пропаганды»[5]. Она прекрасно понимала, что если нельзя вообще предать забвению всю историю со свержением и убийством Петра III, то надо по крайней мере убедить всех в личной непричастности к этому аморальному делу. И главный козырь здесь – процитированная выше сумбурная записка Алексея Орлова. Она её показала некоторым близким и влиятельным лица, в том числе и княгине Дашковой.

Княгиня нашла письмо Алексея Орлова вызывающим, он писал «как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость» послания княгиня объяснила тем, что автор «был совершенно пьян». Дашкова, конечно, полностью отвергала причастность Екатерины к убийству, называла разговоры об этом «грязной клеветой!». Но Дашкова прекрасно знала, что если Екатерина не причастна к самому акту в Ропше, то она ведь этот акт одобрила, а значит, хоть и задним числом, но к убийцам присоединилась: никто не был наказан и даже следствия не проводилось. Что же расследовать, если Пётр умер от «приступа геморроя»!

Записка Орлова являлась для Екатерины II чрезвычайно ценным самооправдательным документом, который она хранила в особой шкатулке в личном секретере. После её смерти документ был извлечен на белый свет и с ним ознакомился Император Павел. Якобы после этого Император изрёк: «Слава Богу! Это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы ещё сохраниться у меня». Конечно, Императора могла радовать мысль, что мать не отдавала приказа убить отца, но он не мог не понимать, что так или иначе, но Екатерина виновна.

Павел Петрович много лет ничего не знал об убийстве отца. Он только на всю жизнь запомнил, как утром 28 июня 1762 года его, ещё спящего, растолкал Никита Панин и, не объясняя ничего, повез в Зимний Дворец (Павел пребывал в Летнем Дворце). Ему не дали даже одеться: накинули наверх какой-то плащ, а под ним ничего, кроме ночной рубашки и панталон не было.

В Зимнем мальчик, которому не исполнилось и восьми лет от роду, оказался в водовороте событий, в которых ему раньше находиться не доводилось. На улице перед Дворцом собрались толпы народа, а во Дворце – масса офицеров и штатских чинов,

все в парадных одеждах.

Панин успел сообщить ребёнку, что его батюшка скончался, а теперь будет царствовать матушка. Павел, научившийся с раннего детства не задавать вопросов, ничего больше не узнавал. Когда подвели к Екатерине, она взяла его на руки и вынесла на балкон для обозрения толпы, которая от этого зрелища пришла и неистовый восторг. Далее Павла отправили обратно в Летний Дворец. И всё.

Больше никогда в окружении матери об отце не говорили не только с ним, но даже между собой. Тема была навсегда изъята из обращения: все прекрасно знали, что любое упоминание о Петре III нежеланно Государыне, а кара ослушника настигнет незамедлительно. Павел не видел отца на смертном одре (на похороны его не допустили) и даже не присутствовал на заупокойных службах, которых в царских дворцах не проводилось.

Глава 7. Радость, печаль и снова радость

Весь 1772 год Императрица Екатерина была занята решением одного вопроса первостепенной государственной важности: женитьбой Павла. Эта мысль ею овладела ещё в 1768 году, когда сыну не исполнилось и четырнадцати лет. Летом того года она обратилась к бывшему представителю Дании в Петербурге Ассебургу с просьбой подыскать в Германии подходящий вариант.

Ассебург рьяно взялся за дело: наводил справки о возможных претендентках, с некоторыми из которых встречался лично, и посылал подробные отчёты в Петербург. Почему столько лет Екатерина с маниакальной настойчивостью стремилась устроить брак сына, при этом никоим образом не интересуясь мнением самого Цесаревича? Сама она того не объяснила; хитрая и расчетливая «Минерва» многое из своей биографии не объясняла, а если что-то и объясняла, то в этих объяснениях правды, как правило, не было ни на грош.

Можно предположить два взаимосвязанных объяснения той неутомимости, которая овладела Екатериной. Во-первых, брак сына отвратит его от праздного времяпрепровождения, займёт его натуру не мечтаниями и сомнительными беседами, а семейной повседневностью. Во-вторых, можно будет надеяться на появление внука. В случае такого исхода возникала возможность, устранив Павла, окончательно решить вопрос династической преемственности, мучивший Екатерину с первого дня воцарения.

Поиски невесты в конце концов принесли результаты. С помощью Ассебурга Екатерина остановила свой взор на трёх дочерях Ландграфа Гессенского. Она, правда, не догадывалась, что «сватом» в этой истории выступал Прусский Король Фридрих. Ассебург являлся не только формально прусским подданным, но и прусском в душе. Для него Король олицетворял высшее совершенство в мире коронованных особ; он его боготворил и, естественно, посвятил своего кумира в ту тайную миссию, которую ему поручила Российская Императрица.

Фридрих понял, что перед ним открывается новый шанс иметь рычаг влияния при Петербургском Дворе. Две предыдущие попытки – и с Екатериной, и с Петром III – не принесли желаемых результатов, но Король никогда не страдал неуверенностью. У Фридриха имелась на примете одна невеста – его родная племянница София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская. Но София была слишком юна: в октябре 1769

года ей исполнилось только десять лет.

В результате приоритет был отдан Гессенскому Дому, глава которого Ландграф Людвиг IX (1719–1790) был хоть и недалеким, но честным малым. Среди трех гессенских принцесс особого внимания удостоилась Вильгельмина (Августа-Вильгельмина-Луиза). Эту кандидатуру поддерживали не только Ассебург и его ментор Король Фридрих, но и русский министр иностранных дел Никита Панин, которому Ассебург регулярно посылал сообщения. Причём, как позже выяснилось, содержание этой переписки Императрице не сообщалось.

Из посланий Ассебурга можно было заключить: Вильгельмина – девушка серьезная и довольно необычная, что особенно и подкупало Панина. Граф был сторонником женитьбы бывшего своего подопечного. Во-первых, это укрепит общественный статус Павла Петровича, но, самое главное, обратит его внимание и энергию на семейную жизнь.

Панин все время опасался, что Павел – прямой и импульсивный – может в какой-то момент не сдержаться и позволит себе нечто, что вызовет гневную реакцию Екатерины. Нет, Цесаревич никогда не допустит каких-то действий, никогда не станет плести нити интриг и заговора. А вот высказаться о матери, о её моральном облике может. Этого будет достаточно; последствия в таком случае могут быть непредсказуемыми. Потому Панин так и интересовался Вильгельминой…

Ассебург сообщал. «Принцесса Вильгельмина до сих пор ещё смущает каждого заученным и повелительным выражением лица, которое её редко покидает»; «Удовольствия, танцы, парады, общество подруг, игры, наконец, всё, что обычно возбуждает живость страстей, не затрагивает её. Среди всех этих удовольствий принцесса остаётся сосредоточенной в самой себе». Единственными её недостатками Ассебург признавал внешнюю скрытность и внутреннюю сосредоточенность, чем она очень напоминала Цесаревича Павла. «Нет ли сокровенных страстей, которые бы овладели её рассудком?» – вопрошал Ассебург. И отвечал: «Тысячу раз ставил я себе этот вопрос и всегда сознавался, что они недосягаемы для моего глаза… Насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у неё гордое, нервное, холодное, быть может, несколько легкомысленное в своих решениях».

Все предварительные переговоры и обсуждения совершенно прошли мимо Павла Петровича. Екатерина посвятила в суть дела сына только тогда, когда встал вопрос о приезде в Россию Ландграфини Гессенской Генриетты-Каролины с дочерями, только тогда Екатерина поговорила с сыном в самых общих

чертах. Предстоящие смотрины сами по себе окончательно ничего не решали; потенциальная невеста должна была понравиться не столько молодому человеку, но в первую очередь – его матери. Екатерина повторила тот же сценарий сватовства, который когда-то использовала Императрица Елизавета. Не жених должен был ехать к потенциальной невесте, а невеста прибывала на смотрины к жениху, и должна была понравиться не столько ему, сколько будущей свекрови.

Пылкое воображение Павла Петровича не раз рисовало ему собственную семейную жизнь. В 16–17 лет у него появились друзья, с которыми он не раз отдавался мечтаниям, обсуждал, как устроить быт, как надо любить, сколько должно было быть детей. Конечно, все эти разговоры походили только на юные грёзы, но они будоражили душу. Его друзья: племянник Никиты и Петра Паниных князь Александр Борисович Куракин (1752–1818) и граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836) – были чуть старше Цесаревича, но это не создавало преграды.

Павел любил своих друзей, был с ними всегда предельно откровенным. Только одну тему друзья никогда не обсуждали, хотя Разумовский не раз пытался вывести Павла на разговор: о его правах на Престол. В таких случаях Цесаревич моментально серьезнел и обрывал беседу. На эту тему Павел наложил табу на несколько десятилетий, и не сохранилось ни одного свидетельства, что хоть единожды с кем-то и когда-то он пустился бы в рассуждения на сей счёт. Никто не знает, выступал ли в данном случае Разумовский как провокатор, действовал ли он по своей инициативе, или его попытки вывести Павла на щекотливую тему были неким заданием Императрицы, которая к Разумовскому имела стойкое расположение, невзирая на его близость к сыну. Но то, что в конечном итоге Андрей Разумовский предал дружбу, наводит на предположение, что некая внешняя провокативная установка в его действиях могла существовать.

Александр Куракин не предавал Цесаревича, за что его и настигла кара повелительницы России: в начале 80-х годов он был выслан из Петербурга в дальнее родовое имение без права возвращаться в столицу. Его свобода и права были восстановлены только после воцарения Павла Петровича…

Цесаревич узнал о том, что ему подыскивают невесту, уже тогда, когда вопрос о приезде в Петербург Ландграфини Гессенской с дочерями был решен. Для него это стало потрясением, заставшим по-новому оценить себя. Он понял, что отныне – он взрослый и должен мыслить и чувствовать совершенно иначе; впереди маячила семейная жизнь, и он обязан

был не растрачивать себя больше на пустые страсти былых неудовольствий. Эти настроения Павел выразил в письмах графу Андрею Разумовскому в конце мая 1773 года.

«Я проводил своё время в величайшем согласии со всем окружающим меня, – доказательство, что я держал себя сдержанно и ровно. Я всё время прекрасно чувствовал себя, много читал и гулял, настоятельно помня то, что Вы так рекомендовали мне; я раздумывал лишь о самом себе, и благодаря этому (по крайней мере, я так думал) мне удалось отделаться от беспокойства и подозрений, сделавших мне жизнь крайне тяжелой. Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомненно, в этом отношении Вы найдёте меня лучшим. В подтверждение я Вам приведу маленький пример.

Вы помните, с какого рода страхом или замешательством я поджидал момента прибытия принцесс. И теперь я поджидаю их с величайшим нетерпением. Я даже считаю часы… Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил вчера графу Панину и который он одобрил – это как можно чаще искать возможности сближения с матерью, приобретая её доверие как для того, чтобы по возможности предохранить её от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против неё, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям».

Через несколько дней Цесаревич продолжил свою исповедь. «Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, – вот мой план… Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставить работать мой ум и применять к делу мои мысли. Не переходя в сплетничание, я сообщаю графу Панину обо всём, что представляется мне двусмысленным или же сомнительным».

Ландграфиня Гессенская Каролина с дочерями несколько дней провела в гостях у Короля Фридриха в Потсдаме, где умный монарх наставлял её, как вести себя при Дворе в Петербурге, чтобы произвести благоприятное впечатление. Екатерина II отправила в Германию для встречи гессенских визитёров эскадру из трёх судов, одним из которых – пакетботом[6] «Быстрый» – командовал друг Цесаревича граф А.К. Разумовский.

29 мая 1773 года Каролина с дочерями отбыла из Любека в Ревель, куда и прибыла 6 июня.

Павел Петрович ко времени сватовства производил впечатление приятного, по-европейски образованного светского человека. Граф Сольмс писал Ассебургу из Петербурга летом 1773 года:

«Великому князю есть чем заставить полюбить себя молодой особе другого пола. Не будучи большого роста, он красив лицом, безукоризненно хорошо сложён, приятен в разговоре и в обхождении, мягок, в высшей степени вежлив, предупредителен и весёлого нрава. В этом красивом теле обитает душа прекраснейшая, честнейшая, великодушнейшая и в то же время чистейшая и невиннейшая, знающая зло лишь, с дурной стороны… одним словом, нельзя в достаточной степени нахвалиться Великим князем, и да сохранит в нём Бог те же чувства, которые он питает теперь. Если бы я сказал больше, я заподозрил бы самого себя в лести».

Ландграфиню с тремя дочерями встречали в России с царскими почестями. Екатерина II приветствовала гостей в бывшем имени Григория Орлова Гатчино 15 июня, и в тот же день по дороге в Петербург их встречал Цесаревич Павел, о котором Каролина в тот же день написала Королю Фридриху, что он «благороден и чрезвычайно учтив».

Императрица предоставила сыну «свободу выбора», но на всю процедуру выделила всего три дня. Павел должен был принять судьбоносное решение после нескольких светских бесед и парадных трапез. На третий день Павел уже точно знал: его женой может стать только Вильгельмина. Екатерина этот выбор одобрила, хотя и не без удивления: Вильгельмина представлялась ей «замухрышкой с прыщавым лицом». На следующий день Императрица обратилась к Ландграфине с официальным предложением, на которое тут же было дано согласие.

Павел, как цельная и бескомпромиссная натура, принимал решения бесповоротно. Он уже несколько недель только и слышал о том, что Вильгельмина – самая умная и самая серьезная среди прочих принцесс. Ему об этом говорили не раз, но самое весомое мнение высказал Никита Панин, разделявший подобную точку зрения. Панин в глазах Цесаревича являлся бесспорным моральным авторитетом. Когда Павел лично увидел и поговорил с Вильгельминой, то он уже питал к ней расположение, быстро переросшее в большое чувство.

Через три недели после первой встречи Павла и Вильгельмины Ландграфиня Каролина сообщала своему ментору Королю Фридриху: «Никогда не забуду, что я обязана Вашему Величеству устройством судьбы моей дочери Вильгельмины. Великий князь, сколько можно заметить, полюбил мою дочь и даже более, чем я смела ожидать».

Далее события начали развиваться с неумолимой быстротой. К Вильгельмине немедленно был приставлен архиепископ Платон, начавший обучать её нормам Православия. Будущая

Цесаревна обязана была быть православной. 15 августа в церкви Зимнего Дворца совершилось миропомазание принцессы Вильгельмины, которая получила новый титул и новое имя – Великая княжна Наталия Алексеевна. На следующий день, 16 августа, в церкви Летнего Дворца состоялось обручение Цесаревича Павла и княжны Натальи.

Императрица Екатерина невероятно спешила: она хотела как можно быстрей закончить «дельце» и выпроводить Каролину с двумя дочерями и их свитой за пределы Империи. Соглядатаи и наушники Короля Фридриха в своём окружении ей были не нужны. Молодая Великая княжна, которой в июне 1773 года только исполнилось восемнадцать лет, которая ещё ни слова не понимала по-русски, не знала наизусть ещё ни одной молитвы, должна была идти под венец с Наследником Престола и принять титул Цесаревны.

Бракосочетание состоялось 29 сентября 1773 года в Казанской церкви Петербурга. Свадьба была отмечена пышными торжествами, продолжавшимися в столице двенадцать дней. Гремели салюты, сверкали фейерверки, приемы и балы следовали сплошной чередой. О состоянии Павла Петровича в этот период ничего не известно; какие-либо документы на сей счёт отсутствуют.

После женитьбы Павел Петрович заметно изменился: он стал более мягким и открытым, его глаза светились теперь радостью, а на публике он блистал красноречием и уже не искал уединения. Будучи рыцарем по натуре, он поклонялся любимой женщине, как его литературный герой Дон Кихот. Павел не видел в Наталье никаких недостатков и при каждом случае всем рассказывал о её добросердечии, воспитанности и уме.

Екатерина, для которой всё, что было связано с сыном, являлось вопросом первостепенным, заметила эту перемену. В своём окружении она произнесла фразу, которую потом передавали из уст в уста: «Я обязана Великой княгине возвращением мне сына и отныне всю жизнь употреблю на то, чтоб отплатить ей за услугу эту». Влюбленность же Павла вызывала у нее ухмылку: глупый наивный человек, ничего не понимающий в жизни!

Однако Екатерина оставалась сама собой; она никогда надолго не давала забыть, что именно она вершительница дел на земле, что только она вправе распоряжаться всем и вся по личному усмотрению. В ноябре 1773 года она назначила на место, которое занимал ранее Никита Панин, своего доверенного человека генерала Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816), который должен был отныне заведовать Двором Цесаревича.

Павел Петрович Салтыкова почти не знал; это был чужой для него человек, получивший по инструкции Императрицы огромные полномочия: заведовать штатом и распорядком двора Цесаревича, определять круг приглашённых к столу, следить за всеми сторонами повседневного уклада.

Трудно было не понять, что мать будет контролировать жизнь сына и после его женитьбы. Она сама это подтвердила в письме Павлу. Там она уверяла, что всё это делается исключительно в его интересах. «Ваши поступки невинны, я знаю и убеждена в том; но Вы очень молоды, общество смотрит на Вас во все глаза, а оно – судья строгий; чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем… С женитьбою кончилось Ваше воспитание; отныне невозможно оставлять Вас долее в положении ребёнка и в двадцать лет держать Вас под опекою; общество увидит Вас одного и с жадностью следить будет за Вашим поведением. В свете всё подвергается критике; не думайте, чтобы пощадили Вас либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх; она оставляет его окружённым молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце…»

Павел смирился с неизбежным, как смирялся с обстоятельствами и ранее. С Салтыковым, который состоял при Павле десять лет и в 1790 году получил графский титул, у Цесаревича постепенно сложились вполне дружеские отношения. Но первые месяцы семейной жизни его внимание целиком занимала супруга.

Екатерина, которая инстинктивно отвергала и отторгала всё, что было дорого и любо сыну, и здесь осталась верной самой себе. Первоначальная симпатия к невестке быстро сошла на нет. И уже через несколько месяцев после брака сына она признавалась своему конфиденту барону Фридриху Гримму:

«Великая княгиня постоянно больна, да и как же ей не быть больной? Всё у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляет пешком, то двадцать верст, если танцует, то двадцать контрдансов и столько же менуэтов; чтобы избегнуть жары в комнатах, их вовсе не топят; если кто-нибудь трёт себе лицо льдом, то всё тело становится лицом; одним словом – середина очень далека от нас… До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всём этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и всё хотят делать по-своему».

Первоначально Императрица была уверена, что тихая простушка из Дармштадта останется робкой и послушной, а

оказалась – своенравной, скрытной и упрямой, в точности как Павел. Екатерина с этим не могла смириться, и к невестке у неё появилось чувство, близкое к неприязни. Хотя внешне всё выглядело благопристойно, и вся подноготная отношений вскрылась позже.

Семейная идиллия Цесаревича и идиллия отношений его с матерью длились недолго. Всего полтора года. Потом случилась катастрофа, нанесшая страшный удар моральным принципам Павла Петровича и приведшая его чуть ли не на грань помешательства. Эта была трагедия воистину шекспировского масштаба, которую Шильдер обозначил как «приговор судьбы».

С начала 1776 года уже все при Дворе знали: Цесаревич и Цесаревна ждут прибавления семейства. Весной Цесаревна должна произвести на свет потомство. Долгожданные, но трагические события начали разворачиваться в Зимнем Дворце 10 апреля. Их подробно описала Екатерина II в письме Московскому генерал-губернатору князю М.Н. Волконскому. Это самое полное и подробное изложение дошедшее до наших дней, а потому здесь и уместна обширная цитата.

«Великий князь в Фоминое воскресенье по утру, в четвертом часу, пришёл ко мне и объявил мне, что Великая княгиня мучится с полуночи; но как муки были не сильные, то мешкали меня будить. Я встала и пошла к ней и нашла её в порядочном состоянии и пробыла у ней до десяти часов утра, и, видя, что она ещё имеет не прямые муки, пошли одеваться и паки к ней возвратилась в 12 часов. К вечеру мука была так сильна, что всякую минуту ожидали её разрешения. И тут при ней, окромя самой лучшей в городе бабки, графини Катерины Михайловны Румянцевой, её камер-фрау, Великого князя и меня, никого не было; лекарь и доктор её были в передней.

Ночь вся прошла, и боли были переменные со сном: иногда вставала, иногда ложилась, как ей угодно было. Другой день паки проводили мы таким же образом, но уже призван был Круз и Тоде (придворные врачи. – *А.Б.*), коих советов следовала бабка, но без успеха оставалась наша благая надежда… В среду Тоде допущен был, но ничего не мог предуспеть. Дитя был уже мёртв, но кости оставались в одинаковом положении. В четверг Великая княгиня была исповедана, приобщена и маслом соборована, а в пятницу предала Богу душу. Я и Великий князь все пятеро суток и день и ночь безвыходно у неё были.

По кончине, при открытии тела, оказалось, что Великая княгиня с детства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова S, но часть та, коя должна быть выгнута, была воткнута и лежала дитяти на затылке; что кости имели четыре

дюйма в окружности и не могли раздвинуться, а дитя в плечах имел до девяти дюймов… Скорбь моя велика, но, предавшись в волю Божию, теперь надо помышлять о награде потери».

Кончина Натальи Алексеевны случилась 15 апреля 1776 года. Уже в последние дни она рассказала, что ещё в детстве у неё обнаружилось искривление позвоночника. Мать, Ландграфиня Каролина, отыскала некоего «костоправа», который и «вправил» позвоночник дочери. В результате тазобедренные кости оказались искривленными, что и привело к трагедии при родах. Императрица Екатерина о возможных физических недостатках своей невестки не знала; естественно, никто ей этого не сообщил. В результате оказалось, что Гессенское семейство и Король Фридрих, как Екатерина однажды выразилась, «подсунули» России недоброкачественный «товар». Мальчик, которого так желала Императрица, погиб вместе с матерью.

Было бы большим упрощением обвинять Екатерину II в данном случае в бездушии. Она действительно проводила много часов у постели Великой княгини и как женщина не могла не сопереживать несчастной. Но Екатерина была не только женщиной и матерью, но в первую очередь – Императрицей, которой оставалась все 24 часа в сутки. Потому политические и династические интересы никогда не предавались забвению. Потому она и обмолвилась в письме к князю Волконскому, что «надо помышлять» о восполнении потери.

Сохранилось несколько писем Екатерины разным корреспондентам с описанием агонии и смерти Великой княгини, где красочно описывались собственные переживания, но где нет ни звука о страданиях Павла Петровича. Её эта тема мало занимала, хотя для Цесаревича смерть любимой супруги стала крушением мира. Екатерине Павел был нужен живым и здоровым; на нём лежала миссия нового деторождения, и чтобы вернуть его из мира трагической отрешенности, из состояния рыданий и стенаний, «дорогая маменька» решила «открыть глава» сыну на истинный облик покойной супруги. Это была одна из великих подлостей матери по отношению к Павлу.

Сохранились «Записки» князя Ф.Н. Голицына (1751–1827) – одного из блестяще образованных русских аристократов, снискавшего себе известность в качестве куратора Московского университета. В 70-х годах XVIII века Фёдор Голицын только начинал свою служебную карьеру и в тайны закулисной придворной жизни лично посвящён не был. Но его родственники занимали заметные роли при Дворе и в государственном управлении. Например, его дядя граф Иван Иванович Шувалов (1727–1797) был фаворитом Императрицы Елизаветы Петровны и

потом не потерял своего влияния. Фёдор Голицын принадлежал к самому высокому кругу российской аристократии, где хорошо знали все придворные «диспозиции». Так вот, в своих «Записках» князь привел некоторые обстоятельства, сопутствующие смерти Натальи Алексеевны.

«Что случилось при сём печальном происшествии с графом Андреем Кирилловичем Разумовским, достойно примечания. Он находился беспрестанно при Его Императорском Высочестве, и, по силе его милости, Великая княгиня его также очень жаловала. В самый день её кончины Императрица заблаго рассудить изволила и увезла с собой Великого князя в Царское Село, дабы его отдались от сего трогательного позорища».

У Голицына фигурируют понятия, казалось бы, совсем не имеющие отношения к трагедии: «Разумовский» и «позорище». Далее говорится о том, что граф после смерти Натальи Алексеевны был удостоен немилости Императрицы и выслан в Ревель.

Разумовский являлся любимцем Павла Петровича, его ближайшим другом и тяжело переживал смерть Цесаревны; не стесняясь, рыдал и чуть ли не сходил с ума от горя. За такое, конечно же, не наказывают и уж тем более не ссылают. Правда, немилость было недолгой. Вскоре молодого графа вернули, и Екатерина назначала его на важные дипломатические посты: посланника в Неаполе, Копенгагене, Стокгольме и в Вене. Крушение карьеры Разумовского произошло после восшествия на Престол Павла I: он был отозван из Вены и сослан в своё родовое имение без права выезда. Павел Петрович не простил страшного предательства, которое совершил некогда его интимный друг: Разумовский оказался любовником Натальи Алексеевны.

Существует предположение, что симпатия между ними возникла ещё в тот момент, когда граф сопровождал принцессу Вильгельмину из Любека в Ревель на борту пакетбота «Быстрый». Разумовский, как состоявший при особе Павла Петровича, имел возможность постоянно встречаться с Вильгельминой-Натальей, а с осени 1774 года, по особому распоряжению Екатерины II, ему дозволено было проживать в Зимнем Дворце. Некоторые биографы Павла I даже утверждали, что Павел, Наталья и Разумовский олицетворяли классический любовный треугольник, что это был «брак втроём»[7]. Подобные категорические утверждения ничем не подтверждены. Самое же главное – не отсутствие «документов»: тайные адюльтеры всегда плохо «документируются», а порой не «документируются» совсем. В данном случае необходимо особо подчеркнуть, что Павел Петрович, как человек чести и долга, никогда бы не мог вынести

супружеской неверности.

Скорее всего, опьяненный любовью, целиком отдавшийся рыцарскому почитанию свой «Дульцинеи», он просто не видел скрытую сторону жизни своей любимой. Но кто не мог не знать об этом, так это Екатерина II, имевшая обширный штат соглядатаев. Фактически все придворные служащие, все караульные, все были или по факту, или потенциально её осведомителями. Во Дворце не бывает настоящих тайн. Это жизнь в стеклянном тереме, где за каждой дверью, в каждом коридоре, на каждой лестнице пребывает некто, готовый донести тайно увиденное и ненароком услышанное до слуха Повелительницы России, тем более если такое сообщение ей будет интересно. А все знали, что жизнь Цесаревича и его времяпрепровождение Императрицу всегда живо занимали.

Во всей вышеуказанной истории доминируют только предположения и догадки. Согласно самой распространенной версии, Екатерина в день смерти Натальи увезла Павла в Царское и там представила ему любовную переписку между покойной и графом Разумовским. Якобы эти письма были найдены в будуаре покойной в отдельной шкатулке. Если это так, то, значит, Вильгельмина-Наталья была женщиной совсем небольшого ума. Хранить подобные компрометирующие документы в доме, где всё подвластно оку свекрови, – на такое могло решиться существо безрассудное или попросту глупое. Дошедшие же свидетельства той поры рисуют Наталью Алексеевну совершенно иначе.

Никаких отпечатков этой переписки, если она и существовала, до наших дней не сохранилось. Бытует утверждение, что Екатерина знала об интимной связи своей невестки и якобы «предупреждала» письменно и устно сына Павла о «недопустимой близости» его друга и Натальи. Опять же тут всё строится неизвестно на каких основаниях. Если бы Екатерина знала и хотела прекратить сложившуюся связь, то достаточно было бы лишь одного слова, чтобы Разумовский не только навсегда покинул дворцовые пределы, но и, что называется, на пушечный выстрел к ним больше никогда не приближался. Дружеские чувства сына тут не играли никакой роли; она так поступала не раз и до этой истории, и после неё. Между тем Разумовский сохранял свое положение и даже получил право проживать в императорской резиденции.

Можно только догадываться о том потрясении, испытанном Павлом при известии о смерти Натальи и всей непристойной любовной истории, которая вослед выплеснулась наружу. Он был дважды предан – женой и другом, он, который с ранних пор стремился и к настоящей дружбе, и к высокой любви. Как после

этого можно верить людям, кому после этого можно верить? Ведь было даже непонятно, от кого был умерший во чреве матери ребёнок. Горе и потрясение Павла были так велики, что он не поехал даже на похороны.

Великая княгиня Наталья Алексеевна была похоронена 26 апреля 1776 года в Александро-Невской лавре в присутствии Екатерины II и графа А.К. Разумовского, которому Императрица «предписала» там быть. На следующий день Разумовский получил «высочайшее повеление» покинуть Петербург…

В письме Гримму, расписывая свои страдания у одра умирающей невестки Натальи, Екатерина II восклицала: «Я начинаю думать, что если после этого события моя нервная система не расстроится, то она несокрушима». Нервная система не расстроилась. Она была несокрушима настолько, что Императрица начала вынашивать новый план женитьбы Павла ещё тогда, когда не завершились траурные церемонии. Как признавалась в письме князю М.Н. Волконскому, она «старалась ковать железо, пока горячо, чтоб вознаградить потерю, и этим мне удалось рассеять глубокую скорбь, которая угнетала нас».

Необходимо было решить две задачи.

Во-первых, отвратить сына от воспоминаний об умершей, вселить в него интерес к жизни грядущей. Эта операция была блестяще проведена после того, как мать ознакомила Павла с любовной перепиской его жены. Какое потрясение при этом испытал молодой человек, матушку совершенно не волновало.

Во-вторых, надо было подыскать подходящую невесту. Эта задачка представлялась проще первой: во время предыдущих поисков все потенциальные претендентки были выявлены. Наиболее перспективной тут представлялась внучатая племянница Короля Фридриха принцесса Вюртембергская София-Доротея-Августа-Луиза, которая была моложе Павла на пять лет (родилась 15 октября 1759 года в Штутгарте). Екатерина так спешила побыстрее «провернуть дельце», что её даже не смутило, что новая потенциальная претендентка – протеже нелюбимого Прусского Короля. Её отцом был герцог Фридрих-Евгений II (1732–1797), а матерью – племянница Фридриха Великого Фредерика-София-Доротея (1736–1798).

Правда, к этому времени София-Доротея уже была помолвлена с братом покойной Натальи Алексеевны принцем Гессен-Дармштадтским. Но Король Фридрих Великий брался устранить это «несущественное» препятствие. Принц получил солидные отступные, и София оказалась свободной. Эта «блестящая операция» была проведена Прусским Королем за русские деньги.

Задача сватовства облегчалась удачным обстоятельством: в начале апреля 1776 года в Петербург прибыл брат Короля Фридриха принц Генрих (Генрих-Фридрих-Луис) Прусский (1726–1802), который должен был вести переговоры с Императрицей о судьбе Польши. Однако, помимо своей воли, он оказался втянутым в драматические пертурбации при Русском Дворе. Екатерина обратилась к Генриху за содействием в устройстве второго брака Павла. Принц охотно согласился, тем более что принцессу Софию-Доротею он знал лично, считал её умной, деликатной и чистой девушкой.

В письме Гримму Екатерина в шутливой форме, что было для неё характерно, пересказала, как она сообщила сыну о том, что у неё «есть в кармане» другая претендентка на роль жены. По её словам, это «возбудило любопытство Павла», который стал спрашивать: кто она? Какая она: брюнетка, блондинка, маленькая, большая? Ответ Императрицы не оставлял сомнения, что это – земной идеал. «Кроткая, хорошенькая, прелестная, одним словом, сокровище, сокровище; сокровище, приносящее с собой радость». Затем был показан портрет Софии-Доротеи, доставленный Екатерине уже в мае. И хотя это была небольшая миниатюра, но она передавала умное выражение глаз и миловидность лица. По словам Екатерины, её вкусу портрет «вполне удовлетворял».

Более чем «удовлетворил» он и Павла Петровича, который лишь только увидел изображение, сразу же убрал его в свой карман, а потом смотрел на него снова и снова. За несколько дней он просто влюбился в принцессу и готов был ехать в Германию. Его романтической, впечатлительной натуре не требовались долгие сроки для «выяснения» и «узнавания». Императрицу обрадовал столь быстрый ход событий, и она согласилась отправить сына для окончательного объяснения, тем более что принц Генрих уверенно брал на себя все организационные приуготовления.

13 июня 1776 года Цесаревич в сопровождении свиты во главе с графом П.А. Румянцевым-Задунайским (1725–1796) отбыл из Царского Села в Берлин, где должны были произойти встреча и сватовство. Екатерину II совсем не смущало, что сватом фактически будет выступать Король Фридрих. Во имя больших государственных дел можно поступиться мелкими неудовольствиями! Но умная Императрица не учла одного: далекоидущие планы Фридриха II, который совершенно не собирался ограничиваться только ролью доброжелательного посредника. Он намеревался получить и вполне осязаемые политические дивиденды…

Павел Петрович сам описал свои впечатления от встречи со своей возможной суженой и её родителями.

«Я нашёл невесту свою такой, какой только желать мысленно себе мог; не дурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если ли сделала действо в сердце моём, то не без чувства и она с своей стороны осталась. Сколь счастлив я, всемилостивейшая Государыня, если, Вами будучи руководим, заслужу выбором своим ещё более милости Вашу. Отец и мать не таковы снаружи, каковыми их описывали: первый не хромает, а другая сохраняет ещё остатки приятства и даже пригожества.

Дайте мне своё благословение и будьте уверены, что все поступки жизни моей обращены заслужить милость Вашу ко мне. Принц (Генрих) мне столько дружбы и приязни оказывает, что я не знаю, чем за оное ему воздать: он снисходит до самых мелочей и забывает почти сан свой». Письмо заканчивалось: «Послушный сын и верноподданный».

В этом послании трудно найти хоть какие-то намёки на неудовольствия и обиды. Павел всегда обладал одной неизменной чертой: обо всем говорить прямо и откровенно. Если же существовали какие-то темы нежеланные или двусмысленные, то подобные темы он никогда не обсуждал; ни в публичном, ни даже в эпистолярном обращении они просто не существовали.

Прошло два дня, и Цесаревич уже мог сообщить Императрице о благоприятном исходе важного дела.

«Бог благословляет все намерения Ваши, ибо благословляет Он всегда добрые. Вы желали мне жену, которая бы доставила нам радость и утвердила домашнее спокойствие и жизнь благополучную. Мой выбор сделан, и вчера по рукам ударили; припадаю с сим к стопам Вашим и с тою, которая качествами своими и расположениями приобретет милость Вашу и будет новым домашним союзом… Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу Вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, пристрастен, но сие глас общий. Что же касается до сердца её, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднёю и ею. Ум солидный приметил и Король сам в ней, ибо имел с ней о должностях её разговор, после которого мне о сем отзывался; не пропускает она ни одного случая, чтоб не говорить о должности её к Вашему Величеству. Знаниями наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так её разговор со мною о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтоб приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкой, жадничает учиться по-русски,

зная, сколь сие нужно, и помня пример предместницы её».

Женитьба наследника Русского Престола являлась новостью всеевропейской, и то, что это событие проходило под эгидой Короля Фридриха, не могло оставаться незамеченным у старых оппонентов Пруссии – Франции и Австрии. Самого Цесаревича это мало занимало, он всё время думал о своей любимой (теперь она уже точно такой являлась), радовался тому, что его совсем недавно, как казалось, совершенно разбитая жизнь снова обретала полнокровное содержание.

София – невероятно учтива и умна. Она, в отличие от покойной супруги, всё время интересовалась, как ей себя вести, что ей делать, чтобы заслужить признание и любовь не только Цесаревича, но и Императрицы. Она горела желанием изучать русский язык и за несколько дней овладела самостоятельно русским алфавитом, что умилило Павла до слёз. Ведь умершая Наталья так по-русски говорить даже не научилась; изъясняться же на немецком или французском языках у себя дома, в своей России – вещь недостойная. Теперь же, можно не сомневаться, всё будет совсем иначе.

Екатерина могла быть вполне довольной. Всё сладилась быстро и как нельзя удачней. О событиях в Берлине ей сообщал не только Павел. Граф Румянцев каждый день посылал рапорты, из которых следовало, что Король Фридрих – умный старик, – чествуя Цесаревича, всё время изъявлял радость и восхищение по её адресу. Екатерина, хорошо разбираясь в политической игре, не могла не признать, что в Берлине, куда были устремлены все взоры Европы, именно она – главное действующее лицо. Это была «игра по правилам», которую Императрица высоко ценила. В письме Цесаревичу сообщала, что «наидружественнейшие сантименты Короля и всей фамилии соответствуют совершенно моему желанию и ожиданию взаимности».

София-Доротея, эта жизнерадостная «вюртембергская толстушка», Императрице давно приглянулась. Она и сама не могла объяснить, почему ещё в 1767 году, когда впервые задумалась о женитьбе Павла, именно эта, тогда только восьмилетняя, девочка привлекла внимание. И вот минует уж скоро десять лет, а София всё ёще мила сердцу, и, как написала Императрица, она всё время имела Софию «в уме и предмете». С первой невесткой нужного «сообщества» не получилось; та была слишком неуживчивой, своенравной. Даст Бог, теперь всё будет иначе, и будущая супруга Павла окажется покладистой и послушной. От неё большего и не требовалось. Екатерине необходим был внук, а пышущая здоровьем София должна исполнить давнюю и сокровенную мечту Императрицы –

произвести на свет полноценное потомство.

Фридрих Великий почти за две недели постоянного общения неплохо изучил Цесаревича. Он ему так напоминал старые годы и другого русского принца, а затем Императора Петра III, трагически погибшего. И Король позже высказал предчувствие, ставшее пророчеством. «Мы не можем обойти молчанием суждение, высказанное знатоками относительно характера этого молодого принца. Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».

В конце июля 1776 года Цесаревич отправился обратно на родину и 8 августа был уже в Риге. Перед расставанием с Софией он вручил ей собственноручное «Наставление», состоявшее из четырнадцати пунктов. В них разъяснялось, как вести себя по отношению к Императрице, как строить свои отношения с будущим супругом и как относиться к общим условиям жизни в России, к кругу разноименных лиц, с которыми придётся общаться. Особо примечательны наставления, касающиеся отношений с Императрицей, отражавшие собственный кодекс поведения самого Павла.

«Принцесса, приехав одна в эту мало известную и отдалённую страну, поймёт, что её собственная польза требует, чтобы она сблизилась с Её Величеством и снискала Её доверие, дабы иметь в Ней вторую мать и личность, которая будет руководить ею во всех её поступках, без всяких личных видов и целей. В отношении к Императрице принцессе следует быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на Неё кому бы то ни было; объяснение с глазу на глаз всегда будет наилучшее. Этим она избавит себя от многих интриг и происков, которые не замедлят коснуться её».

Павел Петрович довольно обстоятельно изложил и взгляды на принципы совместной жизни, особо подчеркивая, что исключительный общественный статус диктует особые правила повеления. Основой нерушимости семейного союза могут быть только симпатия, искренность, снисходительность и доброта. При этом будущий муж прекрасно осознавал личные недостатки, не преминув о них сообщить в «Наставлении».

«Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, – заявлял Великий князь, – ибо это вполне зависит от счастливой случайности; но что касается дружбы и доверия, приобрести

которые зависит от нас самих, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением, своей сердечной добротой и иными своими достоинствами, которыми она уже известна.

Ей придётся прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость. Я желал бы, чтобы она принимала снисходительно всё то, что я могу выразить даже, быть может, довольно сухо, хотя и с добрым намерением, относительно образа жизни, уменья одеваться и т. п… Я желаю, чтобы она была со мною совершенно на дружеской ноге, не нарушая, однако, приличия и благопристойности в обществе. Более того, я хочу даже, чтобы она высказывала мне прямо и откровенно всё, что ей не понравится во мне; чтобы она никогда не ставила между мною и ею третьего лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали в разговоре с нею, потому что это не отвечает тому расстоянию, которое должно существовать между особою её сана и моего, и подданного».

Пройдут годы, и София, давно ставшая Марией Фёдоровной, напишет на полях данного «Наставления»: «Благодаря Бога, оно мне не понадобилось, так как моя привязанность к нему (Павлу. – *А.Б.*) всегда побуждала и всегда будет побуждать меня предупреждать его желания; муж мой сознал сам, что требования, им предъявленные, были внушены злополучным опытом его первого брака»…

Всего через несколько дней после приезда Цесаревича в Петербург надо было готовиться к встрече принцессы Софии-Доротеи. 14 августа она была уже в пограничном Мемеле, где её поджидала свита во главе со статс-дамой и женой фельдмаршала графиней Е.М. Румянцевой-Задунайской (1752–1779). Павел Петрович встречал принцессу на подъезде к столице, и 31 августа 1776 года торжественный кортеж прибыл в Царское Село. В свите находилась подруга принцессы баронесса Генриетта-Луиза Оберкирх (1754–1803). В своих воспоминаниях баронесса оставила описание того момента и облика будущей Императрицы: «Она была хороша, как Божий день; высокого для женщины роста, созданная для картины, она соединяла с нежною правильностью черт лица в высшей степени благородный и величественный вид. Она рождена была для короны».

Императрица Екатерина, конечно же, не видела в Софии-Доротеи короносительницу, а увидела милую, умную и учтивую барышню, которая ей понравилась. Она назвала её «очаровательной». По её словам, о такой принцессе только и можно было мечтать. «Она стройна, как нимфа, цвет лица – смесь

лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете; высокий рост, с соразмерною полнотою, и лёгкая поступь. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у неё на лице. Все от неё в восторге, и тот, кто не полюбит её, будет не прав, так как она создана для этого и делает всё, чтобы быть любимой». В письме Гримму Екатерина назвала принцессу «Психеей»[8] и признавалась, что та «вскружила мне голову».

Екатерина не любила в сердечных делах долгих процедур. На 14 сентября было назначено миропомазание принцессы, а на следующий день – обручение. Все эти дни для Павла, но особенно для принцессы были как в лихорадке. Софии приходилось срочно учиться целыми днями и русскому языку, и основам Православия, которые ей преподавал архиепископ Платон. Кроме того, надо было постоянно постигать нормы придворного этикета, которые не походили ни на что, ранее известное.

Двор Императрицы Екатерины не только считался самым блестящим в Европе, но и самым многолюдным и самым строгим в смысле этикета. Все трудности принцесса преодолела; она всегда отличалась оптимистическим бесстрашием, и житейские сложности её никогда не пугали. Она увидела роскошь и изысканность, которые раньше не встречались, но которые ей пришлись по нраву. Она очень хотела, чтобы эта новая жизнь стала её навсегда, и она ею стала.

Отношения с Павлом развивались «крещендо». К моменту обручения она уже обожала своего суженого, который всегда был подтянутым, серьезным и, при сравнительно небольшом росте, всегда величественным. Он был невероятно галантным, никогда не позволял себе не только каких-то грубостей, но даже ни одного лишнего слова. Она ещё в Берлине поняла, что это не маска, а состояние натуры: быть всегда и везде ответственным носителем высокого сана. Со своей стороны, Цесаревич был без ума от своей избранницы. Он уже с первых дней стал вести с ней откровенные разговоры, посвящая в тайны своей души. Никто не знает, что именно сообщал ей Великий князь; но сохранилась записочка, в которой принцесса благодарила Павла за доверие.

14 сентября принцесса из Вюртемберга приняла новое имя – Великой княжны Марии Фёдоровны, а на следующий день – день обручения – стала невестой Цесаревича. Вечером того дня она написала своего рода клятвенное обещание, гласившее: «Клянусь этой бумагой всю мою жизнь любить, обожать Вас и постоянно быть нежно привязанной к Вам; ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к Вам. Таковы чувства Вашего навеки нежного и вернейшего друга и невесты». Не исключено, что Павел Петрович поведал принцессе о своей сердечной ране – измене

покойной жены Натальи, что вызвало сочувственной отклик в душе новонаименованной Великой княжны.

26 сентября в церкви Зимнего Дворца произошло венчание; Павел и Мария стали мужем и женой. Помимо прочих соображений Павла Петровича радовала мысль, что он породнился с Фридрихом Великим. Никто другой об этот не думал, но Павел думал и в дискуссии с Королем Швеции (1771–1792) Густавом III в 1777 году прямо заявил, что он – родственник Короля Фридриха и не желает слышать дурные высказывания о нём. (Густав хотел «открыть глаза» Цесаревичу на якобы существовавшие козни и агрессивные замыслы Фридриха.)

Весной 1777 года Цесаревич узнал, что Мария Фёдоровна беременна. Это было так радостно и так трепетно ожидаемо. В начале и муж и жена всё ещё сомневались, но когда всё окончательно определилось, то Павел увидел в том милость Божию и 3 июня написал архимандриту Платону: «Сообщаю Вам хорошую новость, услышал Господь в день печали, послал помощь от Святого духа и от Сиона заступил: я имею большую надежду о беременности жены моей. Зная Ваши сантименты ко мне и патриотические Ваши расположения, сообщаю Вам сие, дабы Вы вместе со мною порадовались».

Екатерина уже с весны стала получать сведения, что Цесаревна, возможно, в «интересном положении». Однако сама Мария Фёдоровна ничего не рассказывала, боялась обнадёживать до срока. В апреле 1777 года Цесаревна писала мужу, что матушка «бранит меня», что «ничего не говорю ей о своём здоровье, и настойчиво желает, чтобы я что-нибудь сказала ей по этому поводу. Позволяете ли Вы мне сообщить ей об имеющихся подозрениях, оговорив при этом, что это ещё не наверно. Я боюсь, что если отложить сказать ей об этом, она узнает это от других».

Когда Императрице стало известно, что она в скором времени станет бабушкой, то испытала большое удовлетворение. Всё идёт как нельзя лучше, исполняются её долгожданные ожидания. Вюртембергская малышка оправдывала её надежды. В знак свой признательности Императрица летом 1777 года подарила невестке земельные владения в нескольких верстах от Царского, где в том же году начали воздвигать большой усадебный дом. «Павловск» – такого названия удостоилось это место. Помимо главного дворца был создан великолепный пейзажный парк с множеством мостов, беседок и павильонов. В 1778 году Цесаревич с Цесаревной начнут обживать собственное поместье.

Павел последние месяцы перед родами Марии чрезвычайно волновался, много молился, уповая на милость Всевышнего. Духовному наставнику архиепископу Платону писал в октябре

1777 года: «Молите теперь Бога о подвиге, которым счастие и удовольствие моё усугубятся удовольствием общим. Начало декабря началом будет отеческого для меня звания. Сколь велико оное по пространству новых возлагаемых чрез сие от Бога на меня должностей! Его рука мне всегда видна была. Грешил бы, если бы при сем случае усумнился… Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствием, происходящим от чистой совести. Пожалейте и молите Бога, чтоб Он нам навеки её сохранил, без чего ни пользы, ни славы быть не может».

Прошел месяц, и, когда до знаменательного события оставались считаные дни, Цесаревич снова нашел нужным обратиться к молитвеннику Платону: «Благодарю Вас за доброе Ваше о мне мнение. Стараться буду его вящее заслужить, а особливо исполнением новых должностей, вступлением чрез короткое время в новое звание, столь важное по отчёту, которым всякий в оном должен, а особливо каждый, в моём месте находящийся. Помолитесь обо мне. Бог, благословлявший меня в столь различных случаях, меня и при сем да не оставит».

12 декабря 1777 года в Зимнем Дворце Великая княгиня Цесаревна Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном, который, по воле Императрицы, получил имя Александр в честь небесного покровителя Санкт-Петербурга, святого благоверного князя Александра Невского. Радость родителей была неописуема; а бабка просто ликовала. Её очередной «прожект» получил желанное завершение; будущее Династии теперь надёжно обеспечено. И Екатерина пошла на то, за что сама критиковала Императрицу Елизавету и что окончательно возвело непреодолимую преграду между ней и сыном с невесткой.

Она забрала Александра от родителей под свою полную опеку. Отныне всё, что касалось Великого князя Александра, находилось исключительно в компетенции Екатерины II. Когда через полтора года (27 апреля 1779 года) у Павла и Марии родился второй сын, Константин, то и он тотчас так же оказался в бабушкином плену. Родителям дозволялось только время от времени «навещать» своих сыновей.

Сыновья были лишены родительского ухода, а у родителей отняли их неотъемлемые родительские права.

Все же пиетисты Екатерины II не усматривали в подобном кощунстве ничего предосудительного. Шильдер по поводу произвола, связанного с Александром Павловичем, ограничился бесстрастной сентенцией: «Признавая сына и невестку неспособными воспитывать будущего Русского Государя, Екатерина, как глава Императорского Дома, считала своим правом и обязанностью взять на себя заботы по воспитанию

внука, в надежде увидеть в нём впоследствии воплощение лучших своих дум и стремлений». Но ведь будущим «Русским Государем» должен быть Павел Петрович, а отнюдь не Александр. Да и почему родители «были неспособными» воспитывать своих детей? Апологеты Екатерины Великой два века умиляются её «великодушию»: она, видите ли, в отличие от Елизаветы, «разрешила» родителям видеть своих сыновей…

Забегая вперед, уместно заметить, что Екатерина II оказала плохую услугу и Александру Павловичу, и России. Она хотела его воспитать сильным, умным и благородным человеком, она желала воплотить в нем идеальный образ будущего правителя, который прогремит в истории своими славными делами; она видела в нём второго Александра Македонского. На самом же деле все оказалось совсем не идеальным. Его так «хорошо готовили» к роли будущего правителя православной России, что он долго не мог сносно изъясняться по-русски, а Евангелие открыл первый раз в жизни только в 1812 году, накануне вторжения в Россию Наполеона.

Личность Александра, воспитанного под нежным крылышком бабушки, формировалась между двумя враждебными мирами. В результате лицемерие и беспринципность стали органическими признаками его натуры.

Уже будучи отроком, он постоянно письменно клялся Екатерине в любви, бесконечно повторял, что «целует её ножки и ручки», но никогда её не любил. Он настолько вжился в образ услужливого, преданного, любящего человека, что когда, по воле Екатерины, женился в 1793 году, то получал разрешение на первый поцелуй у Императрицы! Он вообще никого по-настоящему не любил и когда начал царствовать, то терпеть не мог разговоров о своей бабушке.

Отца он боялся; его ведь нельзя было убаюкать сладкими речами и любезными словами. Он боялся его прямоты и нелицеприятности, боялся всю свою молодость, боялся до такой степени, что стал соучастником его убийства. Потом он трепетал перед матерью и старался как можно реже с ней видеться. Жену свою, Елизавету Алексеевну, он выносил с трудом, завёл себе «вторую семью», о которой знал весь Петербург. Государственные обязанности его всегда тяготили; он настолько привык конспирироваться и лицемерить, что фактически привел Россию на край гибели. Военный мятеж в декабре 1825 года в Петербурге во многом явился следствием позиции Александра Павловича, не желавшего предотвратить его и скрывшего от России имя истинного Наследника Престола!..

Глава 8. Граф и графиня Северные

Летом 1780 года в Петербурге случилось важное событие: в столицу прибыл «граф Фалькенштейн», но все знали, что за этим декоративным титлом скрывался Император (1765–1790) Священной Римской Империи и Австрийский Император Иосиф II[9]. Это был «личный друг» Государыни, отношениями с которым она очень дорожила. Миссия Иосифа преследовала цель: укрепить дружеский союз между Россией и Австрией и постараться развеять пропрусские настроения в России, главными носителями которых, как считали в Вене, был Цесаревич и Цесаревна. Повод для поездки в Россию представлялся весьма важным. Император намеревался обсудить проект женитьбы своего племянника эрцгерцога Франца (1768–1835, Австрийский Император Франц II с 1806 года)[10] на младшей сестре Марии Фёдоровны – принцессе Елизавете-Вильгельмине (1767–1790).

Впечатления от встреч и бесед с Императрицей у Иосифа остались наилучшими. Но что явилось для гостя неожиданно-радостным, так это общение с Павлом и Марией. С Марией Фёдоровной они беседовали на общие темы, брак сестры не вызывал у Марии никаких возражений; по ее мнению, всё должна была решать сама Елизавета, ну и, конечно, родители. Общение с Цесаревичем стало приятным открытием. Император не обнаружил у Павла никакой «прусской узости» и высказал управляющему ведомством иностранных дел А.А. Безбородко (1747–1799) мнение, что он – «украшение нашего века».

«Я люблю в нём ту точность, с которой, как все меня уверяют, отправляет все дела, какие он на себе имеет. Такая точность есть вещь редкая в молодых людях, но она нужна и в особах его состояния тем полезнее, что, без сомнения, в своё время и сделанное удержит, и недоконченное завершит». Осталось неясным, была с такой оценкой ознакомлена Екатерина II, и если да, то вряд ли она ей понравилась.

Император покинул Петербург, и далее начались длительные закулисные переговоры о возможности нового европейского брачного союза, который должен был не только дать потенциальному Наследнику Австрийского Престола невесту, но и установить близкую династическую связь между Династией Габсбургов и Домом Романовых. Ведь сестра Марии Фёдоровны становилась претенденткой на роль Императрицы! В этой закулисной деятельности живейшее участие принимала Екатерина II: роль «европейской свахи» ей особенно нравилась. К весне 1781 года вопрос был окончательно решён: эрцгерцог

Франц и принцесса Елизавета должны были стать мужем и женой.

Одновременно следовало решать и другой вопрос, который Екатерине совсем не импонировал: разрешить или нет Марии Фёдоровне и Павлу присутствовать на брачных торжествах в Вене. Если бы Императрица могла следовать всегда только собственным желаниям, то она отправила бы Марию и Павла совсем в другую сторону, и уж точно не на европейскую арену. Но даже у неограниченной повелительницы существовали пределы возможного. Надо было делать большую политическую игру, «вся Европа» будет наблюдателем, а потому пришлось переступить через нежеланное.

В мае 1781 года Императрица в присутствии Цесаревича и Цесаревны совершенно неожиданно затеяла разговор о том, как хорошо делает Император Иосиф, что много путешествует, посещает различные страны, что даёт ему «массу полезных знаний». Мария Фёдоровна описала этот эпизод в дневнике: «Мы вполне одобрили всё, что она (Императрица. – *А.Б.*) сказала относительно Императора, и в особенности всё, касавшееся пользы, извлечённой им из своих путешествий, а Великий князь прибавил, что как счастливы те из лиц его положения, которые могут делать то же самое и таким же образом, как он; что он ввел в моду путешествия».

Павел Петрович и Мария Фёдоровна, конечно же, тут же поняли, что, возможно, и им будет предоставлена возможность отправиться в европейское путешествие. Тему эту сами не затрагивали и не развивали, так как одно неверное слово могло навсегда похоронить подобную мечту. Как записала Мария Фёдоровна, супруги дали Императрице «почувствовать, что мы ценим и понимаем преимущества, которые должны представлять путешествия». Всё. Дальше того рубежа идти было нельзя. Попытка выразить сокровенное желание отправиться в дальние края могла быть тут же истолкована как признак своеволия. А такие поползновения Екатерина умела пресекать раз и навсегда и никогда (почти никогда) свои запреты не отменяла.

В один из следующих дней Императрица опять затеяла разговор о пользе путешествий и об Императоре Иосифе, причем Павел Петрович отважился сказать, что «было бы любопытно увидеть Императора в Вене монархом, после того как его видели здесь в качестве частного лица». В ответ на это Екатерина, по словам Марии Фёдоровны, заметила, это «конечно, любопытно и улыбнулась».

О, эта незабываемая улыбка повелительницы России! Она далеко не всегда передавала внутреннюю человеческую радость и расположение. Иногда это – снисходительная ухмылка палача,

смотрящего с радостью на лицо жертвы. Павел Петрович понял, что опасный рубеж достигнут и больше нельзя произносить ни единого слова.

Он слишком хорошо распознал мать: за внешними любезностями и улыбками скрывается чёрная душа, которая способна на любое злое дело. Павел Петрович не мог не знать о том, что она сотворила с епископом Ростовским и Ярославским Арсением (Мацеевичем, 1697–1772), находившимся в преклонных летах. «Дело» считалось секретным, но о нём немало было разговоров и в церковной среде в петербургских гостиных.

Всё началось с того, что в своём обращении в Синод в марте 1763 года Владыка позволил себе немало нелестных выражений, затрагивавших всю систему государственно-церковных отношений. «Горе нам, бедным архиереям, – восклицал Владыка, – яко не от поган, но от своих, мняшихся были овец правоверных, толиковое мучительство претерпеваем! От тех, кому надлежит веровати, яко мы…»

На подобный вызов «матушка-императрица» среагировала тотчас. Ее положение на Престоле еще не могло считаться прочно обеспеченным. Не прошло и года с того июньского дня в 1762 году, когда группа гвардейских офицеров свергла с престола внука Петра I Императора Петра III, через несколько недель «случайно убитого». Екатерина прекрасно осознавала, что, по сути дела, она – самозванка, «узурпаторша», что никакими традиционными законами и историческими прецедентами её воцарение не объяснялось и не оправдывалось. Об этом же в своих речах не раз бесстрашно упоминал и Арсений.

Будучи умной и расчетливой, Екатерина сразу же узрела огромную потенциальную опасность ее властительству в православной стране, исходившую от таких независимых авторитетов, как Ростовский Митрополит. Потому и преследовать его она начала с лютой беспощадностью. Арсений был арестован, препровожден под усиленным военным конвоем в Москву и помещен под «крепкий караул» в Симоновом монастыре.

Императрица лично следила за всем ходом «дела Арсения» и давала инструкции по его содержанию. Мало того, она лично решила допросить Арсения, который и в её присутствии повторил свои доводы и против секуляризации, как и вообще против вторжения в церковные дела светских лиц. Не утаил он и своих сомнений по поводу законности властепреемственности самой Екатерины. С «великой государыней» при этом случилась чуть ли не истерика, и она завопила, чтобы ему «закляпили рот».

Волю повелительницы приспешники исполнили немедля. Арсений уже в апреле 1763 года был привлечен к синодальному

суду по обвинению «в оскорблении Величества». Суд был скорый и неправый; его решение определяла сама Екатерина II. Снять священнический сан, сослать в отдаленный северный Николо-Карельский монастырь и «строго смотреть» за тем, чтобы он не смог и там «развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей».

Владыка же и в отдаленной ссылке оставался честным и простодушным. Он не только не прекратил «возмутительных речей», но и «совратил» монастырскую братию, среди которой очень быстро стал пользоваться почитанием. Естественно, что нашлись «доброхоты», оповестившие о том «венценосную особу», которая просто пылала огнем неугасимой ненависти. Арсений был снова судим и лишен монашеского чина. В 1767 году он был под охраной перевезен из Архангельской губернии в Ревель. Там полуживого Арсения поместили в крепостном каземате, запретив с ним всякие разговоры.

Но и на этом Екатерина не успокоилась. Она лично написала коменданту, чтобы, когда арестант будет умирать, «попа при смертном часе до него допустить с потребою, взяв с попа подписку под смертной казнью, что не скажет о нем никому». Повелительница объяснила и причину: «Народ его очень почитает, исстари и привык его считать святым». В конце концов камеру просто замуровали, оставив лишь маленькое оконце для передачи пищи. Да и ту давали от случая к случаю, истязая страдальца и голодом. Заживо погребенный Арсений прожил еще некоторое время и преставился 28 февраля 1772 года, и в тот же день он был тайно погребен. Фактически Екатерина II убила престарелого Владыку, а его «дело» навсегда осталось темным пятном её царствования. Конечно, почитатели «Екатерины Великой» в своих восторженных описаниях это злодеяние обходят стороной…

Цесаревич и Цесаревна оказались в трудном положении. Разговоров «о пользе путешествий» в присутствии Императрицы больше не возникало. Время шло, и надо было что-то делать. За советом было решено обратиться к мудрому Никите Панину. Мария Фёдоровна написала «проект условий», которые «нужно соблюсти, чтобы привести в исполнение планы о путешествии». Рука Марии выводила на бумаге планы, которые формулировал ей Цесаревич. По вполне понятным причинам он не рискнул сам в этом щекотливом случае корреспондировать сановнику, находившемуся в полуопале. Речь ведь шла, по сути дела, о том, как обыграть Императрицу и заставить её согласиться на то, что не соответствовало её намерениям. В том же, что такого желания у Самодержицы не имелось, не приходилось сомневаться.

Указанный план действий Никита Панин внимательно прочитал и сделал важные дополнения и пояснения. Он-то хорошо знал Фике, знал, что этой тщеславной особе нельзя ничего навязать, её нельзя ни в чём убедить; она будет намертво стоять на своём, и никакие аргументы тут не сработают. Исключение составляли лишь фавориты, которые могли и капризами и лестью заставлять Самодержицу изменять свои решения и принимать то, что буквально ещё вчера отвергалось. Для всех же остальных подобный путь был навсегда закрыт. Императрицу можно лишь тонко привести к принятию необходимого решения, но так, чтобы это решение вроде бы ей самой и пришло в голову. Здесь нужны были ненавязчивые, но целеустремленные приемы; это была «высшая придворная дипломатия», приемами которой Панин и поделился с Павлом и Марией.

В первом пункте «записки» Марии Фёдоровны значилось, как затевать беседу о желании совершить заграничное путешествие: ссылаться на пример других монархов, в первую очередь Императора Иосифа. Начинать же подобный разговор надо «в подходящее время». Этот пункт Никита Панин прокомментировал следующим образом:

«Даже не это, а путём разговора и рассуждений по поводу устанавливающегося обычая, что молодые принцы путешествуют для приобретения познаний. Здесь было бы недурно вставить похвалу пользе, извлечённой Императором. При сем следует заметить, что всё это не должно быть высказано разом и, не выжидая ответа или возражения, которые могут сделать на каждую отдельную мысль, а следует вести разговор таким образом, что не идти дальше прежнего, чем предшествовавшая мысль не будет вполне закончена».

Еще были пункты о формировании свиты, в состав которой надо просить Императрицу «как о милости» включить тех людей, которых они хотели бы иметь с собой рядом в путешествии. Панин тут сделал приписку: «Конечно, как о милости, но крайне осторожно и не настаивая сразу».

Пункт пятый гласил: «Дети. Нужно сказать, что нельзя было бы доверить их в лучшие руки, чем в руки их бабушки; что таким образом мы вверяем ей наше драгоценнейшее достояние, будучи вполне бесспорно уверены, что они не могли бы быть под лучшей охраной; одним словом, на эту тему следует говорить ей самые дружественные и самые нежные вещи». Оценка Панина данной позиции была: «Очень хорошо».

Далее в плане значилось: «Сначала нужно сказать, что мы начнём с Вены; при этом случае можно наговорить ей лестных

вещей для неё и для Императора». Панин полностью одобрил этот тактический приём. «Очень хорошо», – написал он на полях.

Затем следовали размышления о сроках, о конкретном маршруте поездки и о странах, которые следует посетить. Панин считал, что не надо добиваться здесь никакой конкретизации. «В случае, если бы пожелала сократить время путешествия, по-видимому, можно возразить, что хотели бы увидеть поболее стран и не ограничиваться каким-либо одним государством… Не нужно торопиться указывать страны, которые именно хочется видеть, так как не нужно восставать против воли, которую выскажут во время рассуждений с вами, так как после того, как уже уедете, можно будет с большей легкостью избрать одну дорогу вместо другой».

Старый царедворец понимал, о чём шла речь. Будучи сам поклонником Короля Фридриха, он знал, что и Цесаревич его чрезвычайно почитает, но Императрица придерживалась совсем иной точки зрения. Визит же Павла Петровича в Берлин в 1776 году и царские почести, ему там оказанные, привели Екатерину в гневное состояние. Он боялся, что она вычеркнет из плана поездки Пруссию, и он не ошибся: единственной страной, посещение которой было запрещено Цесаревичу и Цесаревне, являлась именно Пруссия. Как доносил в Лондон английский посол Джеймс Гаррис, стоило только Цесаревне заикнуться о визите в Берлин, как она «получила гневный отказ».

Екатерина II после первого разговора о «пользе путешествий» еще несколько недель «думала». Она не говорила ни «да», ни «нет», явно этим подчёркивая, что данная «экспедиция» ей не симпатична. Помощь Павлу и Марии неожиданно пришла с той стороны, откуда они никогда и не ожидали: фаворит Екатерины II, её «последняя страсть» генерал-адъютант А.Д. Ланской (1758–1784) стал просить «благодетельницу» отпустить сына и невестку в Европу. Императрица и сама понимала, что поездку следует разрешить, да и отказать «милому Саше» (Ланскому) у неё не было сил.

В начале июля 1781 года Екатерина II «соизволила» дать согласие на поездку. О том она собственноручным письмом уведомила Императора Иосифа II и, как всегда, о важном умолчала, а многое извратила. По её словам выходило, что Великий князь «заявил мне о своем желании посетить иностранные земли и в особенности Италию. Я могла только согласиться на такое желание, столь благоприятное для увеличения его познаний. Осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество разрешить проезд его через Ваши владения и позволить ему и его супруге представиться Вам этой

зимою в Вене».

Императрица решила, что поездка Великокняжеской четы будет предпринята «инкогнито» под именем «графа Северного с супругой». Это соответствовало желаниям Павла и Марии: таким путём можно было избежать утомительных династических церемоний и обязательных визитов. Екатерине же этот вариант нравился по той причине, что Павла не будут принимать и чествовать по высшему разряду. Императрица отпускала «дорогих детей» за границу на долгий срок с легким сердцем ещё и потому, что они, особенно Мария, ей смертельно надоели. Эти вечные слёзы в глазах, эта печаль на лице по поводу своих сыновей, как будто она их отдала в рекрутский набор! Может быть, за это долгое отсутствие дети родителей забудут и исчезнут потом трагические позы и взгляды.

Павел Петрович до конца не верил, что мать разрешит ему с женой уехать на многие месяцы за границу. Когда же решение состоялось, то его охватили мрачные предчувствия. Нет, неспроста «матушка» отпустила. Не иначе как что-то замышляет в их отсутствие. Первое, что пришло на ум Павлу (и не только ему), так это то, что Екатерина может воспользоваться моментом и провозгласить наследником Престола внука Александра. Она на всё способна, в особенности – на дело тёмное.

Опасениями Павел поделился со своими конфидентами Репниным и Паниным. Репнин письменно откликнулся увещеваниями «изгнать недобрые мысли», а Никита Панин лично прибыл в Петербург и имел встречи с Цесаревичем. О чём они говорили, неизвестно, но вряд ли, как утверждал Шильдер, Панин хотел «отклонить Цесаревича от заграничной поездки». Данное утверждение ни на чём не основано. Панин не мог не понимать, что в той фазе всего этого дела переиграть его не имелось никакой возможности. Маршрут, свита, деньги – все было обговорено и приготовлено, русским представителям при иностранных дворах были посланы уведомительные депеши, и вдруг всё отменяется. Для такого шага должно было произойти экстраординарное событие, но такового в наличии не имелось.

«Конфиденции» Павла и Панина не остались незамеченными: Екатерина II об этом узнала и в качестве наказания отстранила графа от всех дел по дипломатическому ведомству.

Уезжали Павел и Мария 19 сентября, накануне дня рождения Павла Петровича. Екатерина II не желала принимать участие в чествовании годовщины рождения сына; она даже в таких мелочах оставалась сама собой, злобно-непримиримой…

«Графа и графиню Северных» сопровождала свита примерно из двадцати человек. В день отъезда случился неожиданный

конфуз: Мария Фёдоровна при прощании с детьми три раза теряла сознание: и это на публике, перед сотнями глаз. Её на руках внесли в карету. Вся эта сцена выглядела не как радостное и долгожданное событие, а как отправка в ссылку. Екатерина II негодовала и готова была вообще отменить поездку, но в последний момент сдержалась. Она сама никогда не падала в обморок и вообще считала, что это – удел молодых барышень, но не взрослых («зрелых») женщин. Свое возмущение она излила в письме, отправленном через два дня вдогонку:

«Если бы я могла представить, что при отъезде она три раза упадёт в обморок и что её под руки отведут в карету, то уже одна мысль о том, что её здоровье придётся подвергнуть таким тяжелым испытаниям, помешала бы мне согласиться на это путешествие… Спросивши свое сердце и ум, я прихожу к заключению, что вам, если вы не находите никакого удовольствия продолжать путь, следует решиться тотчас же возвратиться назад под предлогом, что я написала вам вернуться ко мне».

О возвращении не могло быть и речи. Мария Фёдоровна быстро оправилась от потрясения, а Павел Петрович готов был нестись во весь опор куда угодно, лишь бы подальше от постылого и постыдного Двора матери. Он впервые в жизни вырвался на свободу, и, хотя в свите находились агенты и клереты Императрицы – Н.И. Салтыков, подполковник Х.И. Бенкендорф, князь Н.Б. Юсупов, он всё равно получал свободу, которой за двадцать семь лет своей жизни не имел. Он отсутствовал в России четырнадцать месяцев. Маршрут Великокняжеской четы пролегал через Польшу, Австрию, Италию, Францию, Бельгию, Нидерланды, некоторые германские княжества, Швейцарию и обратно через Вену в Россию. Павел Петрович многое узнал, увидел и заново осознал.

В Вену путешественники прибыли 10 ноября в сопровождении Императора Иосифа, встретившего их ещё задолго до столицы. В столице Австрии произошла встреча Марии Фёдоровны с родителями и сестрой Елизаветой. Павел же целыми днями был занят поездками и ознакомлениями с незнакомой страной и системой её управления. Своему доброму знакомому барону К.И. Остен-Сакену писал: «Скажу Вам насчёт моего здесь пребывания, что мы живём как нельзя лучше, осыпанные любезностями Императора и пользуясь вниманием со стороны прочих; вообще это прелестное место, в особенности когда находишься в кругу своего семейства. Я желал бы удвоиться или утроиться, чтобы проявить нашу признательность. Но зато у нас почти нет минуты покоя как для того, чтобы выполнять обязанности, налагаемые на нас оказываемыми нам вниманием и вежливостью, так и для того,

чтобы не упустить чего-либо замечательного по части интересных предметов; а правду сказать, государственная машина здесь слишком хороша и велика, чтобы на каждом шагу не представлять чего-либо интересного, в особенности же в виду большой аналогии её в общем с нашей. Начиная с главы (Императора. – *А.Б.*), есть что изучать для моего ремесла».

В конце ноября – начале декабря 1781 года в Вене происходили пышные торжества, связанные с помолвкой принца Франца (1768–1835) и принцессы Елизаветы-Вильгельмины Вюртембергской (1767–1790), на которых Павел и Мария были дорогими гостями. Благодаря этому браку Дом Романовых породнился с Домом Габсбургов. Цесаревич Павел становился свояком австрийского Кронпринца.

Павел Петрович немало узнал и увидел благодаря любезности и расположению высшего общества и лично Императора Иосифа II. Последний проникся такой симпатией, что даже ознакомил Павла с секретным австро-русским союзным договором. Когда об этом узнала Екатерина II, то весть её обескуражила. Получалось, что иностранный правитель доверял Наследнику больше, чем его собственная мать. Так оно и было.

Самодержица отправила Императору письмо, в котором высказала свою досаду: «Смею думать, что сын мой, в силу данного им обещания, сохранит всё это в самой строгой тайне, исполняя тем желания Вашего Императорского Величества, хотя его юные годы мало обеспечивают его от происков людей, которые делают своим промыслом выведывание подобных тайн».

Два месяца Великокняжеская чета провела в Вене, а затем отправились в Италию, где провела зиму и весну 1782 года. В Тосканском герцогстве задержались подольше: во Флоренции правил муж сестры Марии Фёдоровны эрцгерцог Франц (герцогство Тоскана входило в состав Священной Римской Империи), с которым у Павла сложились самые доверительные отношения. Цесаревич изучал архитектурные и художественные достопримечательности Флоренции, а несколько вечеров провёл в дружеских беседах со своим свояком, Великим герцогом. Атмосфера бесед располагала к откровенности, и Павел Петрович себе это позволил и скоро убедился, что он не имеет на неё право. Франц передал содержание разговоров своему дяде Императору Иосифу, а тот – Екатерине II.

В общеполитической оценке «граф Северный» не сказал ничего такого, что не было бы известно матери. Его мировоззренческое кредо оставалось неизменным с 1773 года, когда им было составлено известное «Рассуждение». Россия не должна расширять свои пределы, войны истощают

государственный организм, и надо заниматься внутренним обустройством, а не внешними захватами.

Однако Цесаревич на этом не остановился и пошёл дальше, дав самую негативную оценку ближайшим сотрудникам Императрицы, некоторые из которых, по его мнению, были подкуплены Венским двором. «Я их знаю, я Вам их назову: это князь Потёмкин, секретарь Императрицы Безбородко, Бакунин, графы Семён и Александр Воронцовы и граф Морков, который теперь посланником в Голландии. Я Вам называю их, потому что я очень рад, если узнают, что мне известно, кто они такие и лишь только я буду иметь власть, я их высеку, разжалую и выгоню». Это был эмоциональный срыв, понятный по человеческим меркам, но не допустимый в том положении, в котором находился Цесаревич.

Здесь самое время оттенить момент, чрезвычайно важный в понимании психологического строя личности Павла Петровича. Его эмоция далеко не всегда переходили в политическое действие. Будучи человеком отходчивым и незлопамятным, он не помнил долго плохое и переступал, не спотыкаясь, через свои, так сказать, «эмоциональные пороги». Примечательно, что даже в минуту страстного возбуждения Павел Петрович не позволил себе выпадов лично против Императрицы; всё зло и нестроения в России происходили от «окружения».

Что же касается «окружения», то уместно сказать о следующем. Каких-либо фактов о «подкупе» до сего дня добыто не было, да и трудно предположить, что, например, Потёмкина – одного из самых богатых людей той эпохи – можно было «подкупить». У иностранных правительств и денег для подобной операции не нашлось бы. Здесь важно другое.

Когда Павел Петрович стал Императором в 1796 году, то указанных лиц не настигла не только «порка», но даже сколько-нибудь серьезная кара. Правда, к тому времени первый враг Г.А. Потёмкин уже умер (1791). Ещё раньше (1787) скончался и член Иностранной коллегии П.В. Бакунин. Остальные же здравствовали.

Князь А.А. Безбородко (1747–1799), по воле Павла I, занимался разбором бумаг Екатерины II и снискал полное доверие Императора. Семён Романович Воронцов (1744–1832) с 1785 года исполнял обязанности посла России в Лондоне и был отставлен от должности в самые последние дни царствования Павла, но ему было дозволено оставаться в Лондоне (решение было отменено Александром Павловичем сразу же после воцарения). Александр Романович Воронцов (1741–1805) при Екатерине II был сенатором и президентом Коммерц-коллегии и

опале не подвергался. Не потерял своего положения и граф А.И. Морков (1747–1827), составивший себе карьеру в качестве посла в Стокгольме, а потом в Париже…

Помимо Флоренции Великокняжеская чета посетила в Италии Венецию, Падую, Болонью, Анкону, Ливорно, Парму, Милан, Турин, Рим и Неаполь. Три с половиной месяца они путешествовали, изучали и восхищались. Из Рима Павел писал архиепископу Платону: «Здешнее пребывание наше приятно со стороны древностей, художеств и самой летней погоды». После осмотра величественного собора Святого Петра в Риме высказал Платону свою мечту, чтобы тот в такой же церкви «служил в Москве».

В Неаполе случился неприятный инцидент: встреча с графом Андреем Разумовским, отправлявшим тут уже пять лет должность посланника при Короле Неаполитанском. В Павле Петровиче давняя история с первой женой Натальей опять вдруг ожила, опять резанула душу. Рассказывали, что, увидев Разумовского, Цесаревич, схватившись на оружие, воскликнул: «Шпагу из ножен, господин граф!» Свитские стеной встали между Цесаревичем и графом, и до непоправимого дело не успело дойти.

В Неаполе, где «графа Северного» радушно принимали Король Фердинанд и Королева Мария-Каролина, русским гостям стало известно, что предатель и соблазнитель, ненавистный граф Разумовский, не потерял вкуса к громким любовным приключениям: теперь он числился «любовником Королевы». Королева Каролина-Мария (1752–1814), урожденная австрийская принцесса, славилась на всю Европу ненавистью к революциям и своими эпатирующими любовными связями. Позже её «интимной подругой» станет известная авантюристка и любовница адмирала Горацио Нельсона (1758–1805) пресловутая «леди Гамильтон» (?-1815)…

В Риме у Цесаревича состоялось несколько встреч с Папой (1775–1799) Пием VI. Подробности этих бесед неизвестны, но не исключено, что речь могла идти о необходимости «воссоединения церквей» перед напором вольнодумства и атеизма. Сама эта идея всегда была близка Павлу Петровичу; он был уверен, что раскол Христианства ослабляет веру и способствует распространению суеверий и антицерковных настроений. Будучи сторонником стройной монархической системы, Павел Петрович прекрасно понимал, что только сакральный ареол власти делает её по-настоящему легитимной.

Павел Петрович или не знал, или не принимал к сведению тот очевидный факт, что все предшественники Пия VI, папы Бенедикт XIII (1724–1730), Климент XII (1730–1740), Бенедикт

XIV (1740–1758), Климент XIII (1758–1769), Климент XIV (1769–1774), являлись ярыми противниками Православия. Они фактически поощряли чудовищные гонения на православных на польских территория и в пределах Габсбургской Монархии, вплоть до обрезания носов и ушей у «схизматиков» («диссидентов») – приверженцев греко-православного обряда. В этих условиях ни о каком «объединении» не могло быть и речи. Павел же Петрович считал, что оно «в принципе» возможно. Это была его романтическая монархическая грёза – единение мира, порядка и законности под скипетром Русского Царя и духовным водительством Римского Папы. Он видел идеальное, желал его, но порой не замечал реального. Так было и в данном случае.

Здесь уместна интерлюдия более общего порядка. Когда Павел Петрович стал Императором, то проявил великую снисходительность к Католичеству и к латинской пропаганде. 29 ноября 1798 года Самодержец торжественно возложил на себя корону магистра Мальтийского ордена. Он вел свое родословие от «Иерусалимского Ордена Святого Иоанна», основанного рыцарями-монахами в XI веке, во время начала крестовых походов. К концу XVIII века, лишенные своих владений в разных частях Европы, мальтийские рыцари были изгнаны из своего главного бастиона в Средиземном море – острова Мальта.

При Павле I резиденция Ордена была перенесена в Петербург. Через папского нунция в Санкт-Петербурге Ю. Литта (1763–1839) Императору были переданы святыни Ордена: Крест из Животворящего Древа Господня, чудотворная икона Богородицы и рука Иоанна Крестителя, помещенные в дворцовую церковь Гатчины. Павел Петрович начал исполнять обязанности духовника Ордена. Как сообщал очевидец, «Командор Литта публично покаялся в своих грехах, и Великий магистр принял это покаяние со слезами умиления».

Ордену были переданы доходы от обширных земельных угодий, ранее принадлежавших мальтийцам, но отошедших к России после раздела Польши. Сам же Литта получил графский титул и уже при Александре I стал членом Государственного Совета. Мало того, в угоду политическим «потребностям момента» Россия де-факто оказалась ревнительницей прав Папского престола. В 1800 году при помощи русских войск в Рим вступил Папа Пий VII (1800–1823), утвержденный во владениях согласно Люневильскому мирному договору, заключенному между наполеоновской Францией и антифранцузской коалицией, в которой Россия играла ведущую роль. Победы Суворова и его легендарных «чудо-богатырей» способствовали восстановлению светской власти римских пап!

Встав на защиту гонимого папства, Император руководствовался убеждением, что встает за защиту веры и порядка, против атеизма и революции. Он воспринимал всех врагов Католичества как врагов Христианства, милостиво относясь даже к иезуитам. Среди Русского Двора возникли даже слухи о соединении Православной и Римской церквей. При этом утверждалось, что Павел Петрович относился к этой мысли «сочувственно».

По утверждению «генерала ордена иезуитов» патера Г. Грубера (1740–1805), в одной из бесед Император якобы заявил ему, что он «католик сердцем». Свои письма к Пию VII Павел Петрович подписывал: «Искренний друг Вашего Святейшества». Папа же признавал Русского Царя не только протектором Мальтийского ордена, но и всей Римско-католической церкви. Это был единственный в истории случай, когда папы отдали себя под покровительство православного правителя.

В последние месяцы царствования Павла Петровича иезуиты были чрезвычайно деятельными. Им казалось вполне возможным волей Императора осуществить давнюю католическую мечту – унию Православия с Римом. Тем более что сам повелитель России, обуреваемый рыцарскими теократическими мечтаниями, давал к тому повод: он не раз говорил о необходимости объединения Церквей. Потому паписты так и опечалились, когда Павла не стало. «Погиб великий покровитель Римской церкви и Общества Иисуса», – сообщал в Рим патер Грубер.

Вряд ли можно серьезно говорить о возможности унициональной капитуляции Православия. Павел I был слишком импульсивной натурой, способной самозабвенно увлекаться и столь же скоро охладевать к различным начинаниям. Настроение самого Монарха, при всей безбрежности его властных прерогатив, не могло бы заставить Церковь, не иерархию, а именно Церковь как совокупность всех физических, институциональных, канонических и догматических своих частей, принять то, что Она много веков безоговорочно отвергала. Изменить церковный климат, церковную практику и церковную психологию, отказаться от великого мессианского предназначения Православия во имя торжества, по личной прихоти, каких-то скоротечных политических интересов и текущих государственных целей – подобный «проект» был не способен осуществить никакой правитель…

В конце апреля 1782 года «граф Северный» покинул Италию и 7 мая был уже в «столице мира» – Париже. Большой шумный город, не спящий ни днём ни ночью, каскад лиц, круговорот вещей и событий на первых порах сбивали с толку. Так как ничего

подобного раньше наблюдать не доводилось, то предыдущий опыт не играл никакого значения. Надо было сообразовываться с обстоятельствами в новых, необычных условиях. Барону Остен-Сакену Цесаревич писал 14 мая 1782 года: «Вы видите, откуда я Вам пишу, – из настоящего водоворота людей, вещей и событий; молю Бога, что Он даровал мне силы справиться со всем. Друг мой, я вижу здесь совершенно иное, чем то, что мне известно было доселе. Я ещё не знаю, что я буду делать, я едва помню, что со мной было; вот какой я веду образ жизни в данный момент, но когда немного заботишься о своей репутации, то труды и бдения не кажутся страшными. Сеешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденным за всё».

Король Людовик XVI (1754–1792, Король с 1774 года) и Королева Мария-Антуанетта (1755–1793) стремились произвести на русских гостей наилучшее впечатление. Прием в Версале затмил всё, что ранее приходилось видеть Павлу в Петербурге, Берлине и Вене. Оперный спектакль в великолепном Версальском театре, а затем роскошный бал во дворце Малый Трианон потрясали изысканностью и роскошью. По словам очевидца, Мария Фёдоровна «имела на голове маленькую птичку из драгоценных камней, на которую едва можно было смотреть, так она блистала. Она качалась на пружине и хлопала крыльями по розовому цветку». Великая княгиня произвела впечатление; ничего подобного присутствовавшие не видели.

В честь гостей были и другие королевские балы, в том числе в Зеркальной галерее Версаля, расписанной знаменитым французским живописцем Шарлем Лебреном (1619–1690). Русские гости смогли поразить воображение пресыщенной версальской публики. Павел, свободно владевший французским языком, сыпал остротами, которые потом передавались из уст в уста.

Родственники Короля тоже желали отличиться: Людовик-Жозеф Бурбон принц Конде (1736–1818) в своем замке в Шантильи устроил трёхдневный праздник в честь русских гостей – праздник, по своему великолепию превзошедший блеск Версаля. Здесь после спектакля «граф Северный» с супругой ужинали на «Острове Любви», а на следующий день была охота на оленей…

Были не только балы и спектакли. Уже в первый день пребывания в Париже, 7 мая 1782 года, Павел инкогнито посетил католическую мессу, а потом наблюдал процессию «кавалеров Святого Духа». Затем были смотры войск, осмотры казарм, больниц, приютов, библиотек; он интересовался всем. Бомарше читал ему не напечатанную ещё «Свадьбу Фигаро», а на обратной дороге из Шантильи Великокняжеская чета посетила могилу

писателя и мыслителя Жан-Жака Руссо (1712–1778) в Эрменонвилле, совершенно не подозревая, что они находятся во Франции накануне крушения. Страшная революции через несколько лет сметёт монархию, а «отцом» этой революции по праву назовут ненавистника существующих устоев – Руссо. 21 января 1793 года в центре Парижа под улюлюканье толпы Людовику XVI отрубят голову; 16 октября того же года революционные маньяки так же поступят и с Марией-Антуанеттой.

Некоторые из утончённых аристократов, блиставших при Дворе Людовика XVI, спасшиеся чудом и обезумевшие от революционного ужаса, будут скитаться по всей Европе в поисках приюта и пропитания. Среди них будут и те, которые когда-то в своих великолепных дворцах принимали у себя «графа Северного», – Принц Конде, граф д'Артуа, граф Прованский. Они получать покровительство и субсидии от Императора Павла…

Но все это случится через годы. В 1782 году подобное и вообразить было невозможно. Гримм не без восхищения сообщал Екатерине: «В Версале Великий князь производил впечатление, что знает французский двор, как свой собственный. В мастерских наших художников (в особенности он осмотрел с величайшим вниманием мастерские Грёза и Гудона) он обнаружил такое знание искусства, которое могло только сделать его похвалу более ценною для художников. В наших лицеях, академиях своими похвалами и вопросами он доказывал, что не было ни одного рода таланта и работ, который не возбуждал бы его внимания… Его беседы и все его слова, которые остались в памяти, обнаружили не только весьма проницательный, весьма образованный ум, но и утончённое понимание всех оттенков наших обычаев и всех тонкостей нашего языка».

Неизвестно, какое впечатление подобные донесения производили на Екатерину II, но вряд ли она испытывала особую радость. С одной стороны, она могла гордиться, что Цесаревич так блестяще себя показывает в Европе. Но с другой – чувство личной неприязни не давало возможности забыть, что Павел – угроза, Павел – враг и его подлинное место совсем не в золотых залах Версаля. И она испортила пребывание Павла Петровича во Франции.

Цесаревич получил письмо матери, из которого следовало, что в Петербурге раскрыт «заговор» против Самодержицы и главными «преступниками» явились добрые знакомые Павла Петровича: флигель-адъютант Павел Бибиков и находившийся в свите Цесаревича князь Александр Куракин. Как писала Императрица, она приказала арестовать Бибикова «по причине

предерзостных его поступков, кои суть пример необузданности, развращающей все обязательства».

В основе «заговора», как справедливо утверждали, лежала «копеечная история». Была перехвачена переписка между Бибиковым и Куракиным, в которой молодые люди без стеснения критиковали нравы при Дворе и особенно главного фигуранта – Г.А. Потёмкина, или «кривого»[11], который подыскивал для повелительницы «ночные грелки» по своему усмотрению из числа темпераментных офицеров и придворных. Эти, как позже выразилась Екатерина, «бабьи сплетни» произвели на «вольнолюбивую» Императрицу просто оглушительное впечатление. Она устроила публичную историю на основании нескольких фраз из частной переписки. Да, видно, уроки её общения с Вольтером на темы «свободы», «прав личности» и всеобщей «справедливости» для Екатерины прошли даром…

Поразительно, но многочисленные симпатизанты Екатерины никогда не видели в позиции Императрицы ничего предосудительного. Наоборот, они традиционно метали стрелы критики по адресу Цесаревича, обвиняя его в том, что он вращался в «непозволительной умственной атмосфере». Но ведь о произволе Г.А. Потёмкина, о его самодурстве и грубости говорили тогда многие, или, как выразился Куракин в ответном письме Бибикову, «все честные люди».

Екатерина II, которая всегда старалась быть выше «бабьих сплетен», в данном случае показала себя именно мелкой и склочной бабой. Вся данная история была раздута исключительно для того, чтобы устроить публичную выволочку, нет, ни Бибикову или Куракину – эти молодые люди её мало интересовали. Она желала нанести оскорбление Цесаревичу, которому переслала письмо Бибикова и своё собственное описание «его покаяния». Павел должен был знать, что она – «Великая Государыня» – видит и знает всё и одним мановением руки может уничтожить любого, кто вздумает умалять её величие. Павел Петрович тут не являлся исключением; он первый верноподданный, он холоп, и она может обращаться с ним так, как ей заблагорассудится.

И ещё одно, что должен был усвоить Павел: он не имеет права на дружбу, на душевную привязанность; у него не может быть никакого «своего мира», не устроенного по «милостивому» разрешению Самодержицы. Так случилось и в данном случае. Павел Петрович переживал, что вскорости последует отзыв из его свиты князя Александра Куракина – единственного человека, которому доверял полностью. Князю пришлось писать покаянное письмо Императрице и уверять её, что он никогда не имел никаких «тайных мыслей» и не разделяет мнений своего друга

Бибикова. Князь Куракин[12] отозван не был, но, как только вернулся в Россию, был немедленно выслан из Петербурга в свое имение под Саратовом без права возвращаться «без особого разрешения». Ещё раньше в Астрахань был сослан Бибиков.

Не сохранилось свидетельств того, как Павел Петрович переживал бибиковскую историю. Однако трудно усомниться в том, что он тяжело её переживал. Ужасное ощущение не иметь права на дружбу, невозможность никогда быть самим собой – напрягали нервы выше всякой меры. Цесаревич держался, но однажды высказал то, что было на душе. На одном из вечеров в Версале, во время дружеской беседы в узком кругу, Людовик XVI спросил «графа Северного»: «Имеются ли в его свите люди, которым он полностью доверяет?» Павел Петрович дал ответ, который мог смутить Короля: «Я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель: прежде чем мы оставили бы Париж, мать моя велела бы бросить его в Сену с камнем на шее».

Поклонники Екатерины всегда усматривали в этом высказывании «оскорбление Императрицы». Конечно, это была метафора, но, по сути, в ней выражено истинное положение вещей. И чему тут двести лет возмущаться? Тому ли, что Павел Петрович позволил сказать правду? Что он выразил не какие «нервные импульсии», а ясное представление о беспрестанном произволе своей матери? Может быть, такие высокопоставленные персоны, как Король и Королева, не должны были сие слышать? Но почему? О недоброжелательном отношении Екатерины к сыну знали при всех европейских дворах; тут не было никакой ни «династической», ни «государственной» тайны.

Почти три месяца «граф и графиня Северные» провели во Франции, затем была поездка в Нидерланды, в Германию, Швейцарию, откуда вернулись в Вену, а оттуда 7 октября 1782 года отбыли в Россию. Иосиф II заметил некоторую перемену в своих высоких гостях и в письме брату Леопольду (1747–1792, Император с 1790 года) предсказал, что «по всей вероятности, Великий князь после возвращения встретит, быть может, более неприятностей, чем он испытывал ранее, до своего путешествия». Предположение оказалось пророческим…

Павел и Мария вернулись в Россию, где им мало кто был рад. Первая встреча с Самодержицей длилась всего несколько минут, и Екатерина дала ясно понять, что она недовольна и возмущена. Английский посол в Петербурге сообщал в Лондон, что «Их Высочества так же недовольны приёмом, им оказанным, как Императрица сожалеет об их возвращении и что взаимное неудовольствие, преобладающее с обеих сторон, вызовет

неприятные сцены».

Глава 9. Императрица и фаворитка

Мария Фёдоровна проживёт в России более пятидесяти лет; скончается 24 октября 1828 года в Петербурге. Она произведёт на свет здоровое потомство; подарит Династии и России десятерых детей, воспитанию и образованию которых будет уделять много времени и внимания. Два её сына – Александр (1777–1825) и Николай (1796–1855) – будут носить Корону Российской Империи. После гибели супруга в марте 1801 года Мария Фёдоровна будет титуловаться «Вдовствующей Императрицей». В этом звании прославится делами благотворительности, помощью сиротам и неимущим, а её имя будет увековечено в названии самой крупной благотворительной организации России, получившей название: «Ведомство учреждений Императрицы Марии»…

Мария Фёдоровна испытает на своём веку много превратностей судьбы, переживёт немало трагедий. Однако никогда её благопристойный образ не будет запятнан никакими адюльтерами, ни единой внебрачной «амурной историей». Её отношения с Павлом переживут разные фазы. В последний год жизни Павел Петрович будет поддерживать с ней исключительно формальные отношения, лишенные былой нежности и доверительности. Но Мария Фёдоровна до конца своих дней будет верна Павлу и не отступит ни на йоту от клятвенного обещания, данного ею на заре их совместной семейной жизни.

С начала 80-х годов начинается целенаправленная кампания по шельмованию Цесаревича и его супруги. Екатерина теперь уже «не любила» не только сына, но и Марию Фёдоровну, которая ей стала представляться «мелкой» и «неумной».

Мария Фёдоровна, обжившись при Дворе, очень быстро поняла, что нравы здесь господствуют предосудительные. Простая, романтическая, добропорядочная, она испытала потрясения от увиденного. Праздность и куртизанство определяли атмосферу придворной жизни. Её Павел представлялся страдальцем и праведником в мире разврата и лжи; он вызывал лишь восхищение и сострадание. Она не могла сдержаться и написала о том матери. Вюртембергская герцогиня откликнулась сочувственным письмом: «Вы правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность Императрицы… В природе нет ничего более жесткого, как сердце, которое предалось своим страстям и в этом самозабвении не видит ничего кругом себя. Я понимаю страдания, которые Вы должны испытывать, присутствуя при всех возмутительных сценах».

Иногда Императрица на публике расточала дежурные любезности, но было ясно, что Павел опять оказался в той же роли, в которой пребывал и до поездки, – в роли изгоя. Детей, как и раньше, им лишь разрешалось видеть и всё. И всякий раз с позволения правительницы. Незадолго до прибытия в Россию, в дороге, Мария Фёдоровна получила письмо от Екатерины, в котором предписывалось при возвращении «быть сдержанной» и не пугать детей своими обмороками. Мария Федоровна сдержалась, обмороков не было, но была горечь в душе и слёзы на глазах…

Посвященный в мир придворных интриг той поры князь Ф.Н. Голицын в своих «Записках» позже написал: «Согласие и любовь Их Императорских Высочеств заслужили им приверженность петербургской публики, но возбудили некоторым образом какую-то беспокойную зависть у Большого Двора». Распущенные нравы екатерининской камарильи резко диссонировали с образом добропорядочной Великокняжеской семьи. И началась интрига, направленная на то, чтобы разрушить семейный союз Павла и Марии, посеять между ними рознь и недоверие. Трудно удержаться от предположения, что «дирижировала» этой самой «интригой» Екатерина, которая всегда любила подобные «штучки»…

Усилия интриганов не прошли даром. Разуверившемуся в людях Павлу, недоверчивому, ждущему ежеминутно со всех сторон предательства и подлости, удалость внушить, что Мария Фёдоровна служит орудием известных людей и намеревается подчинить его своей воле. В числе этих «поводырей» Марии Фёдоровны якобы выступали её фрейлина, привезенная из Германии, Анна-Юлиана Шиллинг фон Канштадт (1759–1797), вышедшая в 1782 году замуж за полковника Х.И. Бенкендорфа (1749–1823)[13], библиотекарь и бывший педагог Павла Петровича Франц-Герман Лафермьер (1737–1796) и некоторые другие лица из окружения Цесаревича.

Среди главных нашёптывателей назывались имена барона К.И. Остен-Сакена (1733–1808), к которому Павел Петрович имел расположение ещё с детства, и князя Николая Алексеевича Голицына (1751–1809). Так оно было или нет, неясно, но очевидно одно: отношения Павла и Марии стали постепенно терять былой характер доверительности и откровенности. Павел Петрович сердечную дружбу, искреннюю человеческую привязанность ставил выше любви. Не раз и не два он убеждался, что Мария не всё ему рассказывала, что у нее появлялись темы и события, которые она изымала из круга совместных бесед. Это вызывало сначала удивление, затем – тревогу, а потом и

опасение.

По этому поводу князь Ф.Н. Голицын заметил: «Его (Павла. – *А.Б.*) самолюбие, уже и без того стесненное обыкновенным его положением, будучи встревожено наущениями, привело его не токмо в неудовольствие и не токмо разорвало сей драгоценный союз, но первая возродившаяся в нём мысль и желание были, чтобы доказать Великой княгине, что она никакого влияния над ним иметь не может». Князь знал, что писал. Он в эти годы служил при Цесаревиче…

Вскоре после рождения в семье Цесаревича в июле 1783 года третьего ребёнка – дочери Александры (1783–1801) Императрица подарила ненавистному сыну мызу Гатчино[14] со всеми «мебелями», «мраморными вещами» и двадцатью принадлежавшими мызе деревнями. О мотивах этого щедрого дара, последней милости «великой Государыни» по отношению к Павлу, можно только догадываться. Екатерина желала заиметь третьего внука; появление внучки её не особенно обрадовало. Как она с игривой непосредственностью признавалась в письме Гримму, «по правде сказать, я несравненно более люблю мальчиков, чем девочек».

Сама мыза незадолго до того была выкуплена Екатериной у наследников Григория Орлова, некогда её возлюбленного, который в апреле 1783 года скончался в Москве в состоянии глубокой меланхолии[15]. Рассказывали даже, что перед смертью отставленный фаворит сошел с ума…

Павел Петрович был рад подарку; связь Гатчины с именем ненавистного временщика его никак не смущала. Он с самого начала знал, что там ничего не останется от Орлова; всё будет построено заново или перестроено до основания. Своему духовному наставнику Платону сообщал, что «место само собой весьма приятно, а милость сама по себе особенно дорога!». Главный дворец, который с 1766 года возводился в Гатчине по проекту придворного архитектора Антонио Ринальди (1710–1794), ещё не был до конца завершён, но Павел Петрович не внес в проект существенных изменений. Дворец напоминал английский замок и чрезвычайно понравился новому хозяину своей монументальностью и архитектурной выдержанностью.

Гатчина располагалась в отдалении от Петербурга: почти шестьдесят верст, что по меркам той поры считалось дальним захолустьем. Поездка в Гатчину была сопряжена с большими затратами времени; из центра Петербурга в экипаже надо было добираться несколько часов. Было ясно, что это станет препятствием для визита гостей. С другой стороны, уединенное место позволяло находиться вдали от ушей и взоров Большого

Двора; а это – желанная приятность.

Единственно, что постоянно печалило Павла и Марию, так это разлука с детьми. Они их и так видели от случая к случаю, а теперь встречи станут совсем редкими. Екатерина полностью отстранила родителей от ухода и воспитания своих детей.

Александр, Константин, а затем Александра были размещены в апартаментах бабушки в Зимнем Дворце, и она, и только она, решала все вопросы, их касающиеся. Воспитатели и наставники к детям подбирались исключительно по желанию Императрицы; с родителями такие темы даже не обсуждались.

Когда в 1784 году воспитателем к Великому князю Александру Павловичу был определён швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838), то родители узнали об этот от третьих лиц. Возмущало и оскорбляло не только то, что адвокат из Швейцарии имел стойкую репутацию республиканца, но и то, что с родителями не консультировались и даже пристойно не уведомили об этом.

По странному стечению обстоятельств, когда Екатерина размышляла о будущей судьбе Павла, сам он занимался составлением завещания. Он как будто предчувствовал, что дни его жизни могут оборваться в любую минуту. Потому помимо собственно завещания составил духовные наставления для детей и супруги. Именно в конце 1787 – начале 1788 годов у Павла Петровича сложились те идеи, которые потом нашли законченное выражение в его знаменитом Законе о престолонаследии, который он огласил в день своей коронации в апреле 1797 года.

Основная его идея – установление ясного порядка наследования Трона по праву старшинства и первородства. «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избегать затруднения при переходе из рода в род».

Закон должен был быть непеременяемым, и впервые в русской законодательной практике писаная норма ставилась выше воли Самодержца. Всё это в полном виде будет подробно сформулировано позднее. Пока же он попросил Марию Федоровну дать письменное обязательство, чтобы после его смерти не она, а его сын стал восприемником власти. Павел Петрович слишком хорошо знал историю XVIII века, издержки и безобразия всех этих «бабьих царств», начиная от воцарения в 1725 году Екатерины I до утверждения в 1762 году у власти его матери Екатерины II.

Мария Фёдоровна подобное обязательство дала. Потом

циркулировал слух, что после гибели в 1801 году супруга Мария Фёдоровна якобы хотела взять бразды правления в свои руки. Но всё это так и осталось в области исторической мифологии; каких-либо убедительных фактов на сей счёт в наличии не имеется.

Завещательное обращение Цесаревича к супруге пронизано такой нежностью, содержит столько интересных деталей, раскрывающих мировоззрение Павла Петровича, что из него уместно привести обширную выдержку:

«Тебе самой известно, сколь я тебя любил и привязан был. Твоя чистая душа перед Богом и человеками стоила не только сего, но почтения от меня и от всех. Ты мне была первою отрадою и подавала лучшие советы. Сим признанием должен заявить пред всем светом о твоем благоразумии. Привязанность к детям залогом привязанности и любви ко мне была. Одним словом, не могу довольно тебе благодарности за всё сие сказать, равномерно и за терпение твоё, с которым сносила состояние своё, ради меня и по человечеству случающиеся в жизни нашей скуки и прискорбия, о которых прошу у тебя прощения, и за всё сие обязан тебе следующими советами.

Будь тверда в Законе (Божием. – *А.Б.*), который ты восприняла, и старайся о соблюдении непорочности Его в государстве. Не беспокой совести ничьей. Государство почитает тебя своею, ты сие заслуживаешь, и ты его почитай Отечеством. Люби его и споспешествуй благу его. Я преподаю тебе средства к тому. Ты прочти мои бумаги, и в них найдёшь то, чего я от тебя желаю и от детей своих, и по тому исполняй… Благоразумие твоё тебя наставит на путь правый, и Бог благословит твои добрые намерения. Старайся о благе прямом всех и каждого. Детей воспитай в страхе Божиим, как начале премудрости, в добронравии, как основании всех добродетелей. Старайся о учении их наукам, потребным к их знанию, как о том, что, преподавая знания, открываешь рассудок…»

В июне 1788 года Шведский Король Густав III (1746–1792), вступивший на Престол в 1771 году, чтобы погасить внутреннее брожение и повысить свой пошатнувшийся престиж, прибег к старому и проверенному средству: без всякого видимого повода он начал войну с Россией. Основные русские силы были завязаны на войне с Турцией, и Густаву казалось, что он без труда вернет под свою Корону Восточную Финляндию и все побережье Финского залива с Кронштадтом и Петербургом включительно! Густав грезил завершить «дело Карла XII», разгромленного под Полтавой в 1709 году. «Новому Карлу» виделись лавры победителя; он даже пригласил придворных на приём, который намеревался устроить в Петергофе!

Для защиты прибалтийских территорий и самой столицы пришлось срочно собирать силы, какие оказывались в наличии. Всего из состава гвардии и других воинских подразделений удалось набрать армию в 19 тысяч, которую возглавил граф В.П. Мусин-Пушкин (1735–1804). В этот состав были включены и гатчинцы: батальон Цесаревича из пяти рот. Свой батальон Павел Петрович хотел представить Императрице в Царском Селе, но та отказалась на него смотреть. В то же время смотр гвардейского Кирасирского полка под командованием Цесаревича она удостоила внимания и высоко оценила его готовность.

Павел Петрович получил разрешение следовать на борьбу со шведами и 31 июня прощался с Екатериной в Зимнем Дворце, причём, как записал статс-секретарь Императрицы А.В. Храповицкий, «оба плакали». На следующий день, 1 июля 1788 года, Павел Петрович находился уже в Выборге. Покидая Петербург, он отправил прощальную записку Марии Фёдоровне. «Моё дорогое сердце, мой друг, я ничего не могу сказать Вам, Вы видели моё горе, мои слёзы, всю мою жизнь я такой в отношении к тебе. Пока я жив, я не забуду того, чем обязан Вам. Во имя Бога, отдайтесь тому, кто хранит нас; пусть Он будет Вашим утешением, вашим защитником во всём. Прощайте!»

Война продолжалась два года, стоила больших жертв, но ни к чему не привела. Россия и Швеция в августе 1790 года заключили мирный договор, подтверждавший нерушимость прежних границ. Сам Король не мог успокоиться и начал вынашивать план европейской военной коалиции против республиканской Франции. В конце концов неугомонный Густав III на придворном маскараде был убит кинжалом шведским дворянином…

В те же 80-е и супружеская жизнь Павла Петровича подверглась испытаниям. При Дворе и в петербургском высшем свете сначала неясно, а потом всё увереннее стали говорить, что у наследника возникла «любовная связь», появилась «метресса». Имя её – Екатерина Ивановна Нелидова (1758–1839). О том, что Нелидова была «любовницей» Павла Петровича, начали говорить сразу же, как только выяснилось, что Цесаревич дарит ей повышенные знаки внимания. Ну а как же иначе? Иного, кроме альковного, развития отношений между мужчиной и женщиной в эпоху Екатерины II и представить не могли. Самое поразительное, что этот «вердикт» красуется и на страницах некоторых исторических сочинений, хотя никакого основания для него не существует.

Екатерина Нелидова происходила из небогатой дворянской семьи Смоленской губернии и в шестилетнем возрасте была отдана на воспитание и обучение в только что организованный

Институт благородных девиц в Петербурге. Институт, который чаще называли Смольным – по названию расположенного рядом Смольного женского монастыря, основан был в 1765 году Екатериной II по образу Сен-Сирского института мадам де Ментенон (фаворитки, а затем жены Людовика XIV, 1635–1719) [16]. Он предназначался для представительниц русских дворянских фамилий. Курс был рассчитан на двенадцать лет, причём родители при определении в Институт давали подписку, что не заберут воспитанниц до окончания срока.

Начальницей Института Императрица определила «русскую француженку» Софью Ивановну Делафон (де Лафон, 1717–1797). Почти за двадцать лет до того овдовевшая гугенотка-протестантка де Лафон с двумя детьми на руках бежала из католической Франции и после многих мытарств и лишений обрела свой второй дом в России. Здесь она стала статс-дамой[17], получила крест ордена Святой Екатерины.

Институт должен был готовить «благопристойных барышень», способных бегло говорить по-французски, вести непринуждённую светскую беседу и стать по-европейски образованной женой и матерью. Воспитанниц учили иностранным языкам, русскому письму и чтению, в самой общей форме – арифметике, истории, географии, физике, а также рисованию, рукоделию, музыке, танцам.

К четырнадцати годам смолянки считались уже взрослыми девушками. В это время по воскресным и праздничным дням им дозволялось устраивать спектакли и концерты, на которые приглашались «дамы» и «кавалеры» по строгому выбору, с которыми институтки могли совершенствовать свое мастерство светского общения. Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты из Шляхетского корпуса.

Екатерина Ивановна окончила Институт в первом выпуске в 1776 году, причём она вызвала симпатию Екатерины II своим умом, изяществом манер и природной грацией. Она назвала Нелидову «феноменом», подарила на выпускном акте бриллиантовый перстень и приказала художнику Дмитрию Левицкому (1735–1822) написать с неё портрет, где она изображена танцующей менуэт. Этот портрет так и остался единственным изображением Нелидовой…

Екатерина Ивановна сразу же в 1776 году была определена фрейлиной к первой супруге Цесаревича Великой княгине Наталье Алексеевне. После смерти Натальи и женитьбы Павла Петровича на Марии Фёдоровне Нелидова стала и её фрейлиной. Павел Петрович не питал расположения к фрейлинам. Он считал их пустыми созданиями, занятыми только туалетами и

сплетнями. К тому же все они назначались матерью, а значит – её наушницы. Мария Фёдоровна приняла этот взгляд и первые годы держала фрейлин на известном расстоянии. Сближение началось во время заграничной поездки Великокняжеской четы, в которой среди прочих их сопровождала и Нелидова.

Именно там Павел Петрович сделал приятное открытие: оказывается, и среди фрейлин встречаются интересные особы, интересные не в смысле внешней привлекательности, тут Екатерина Ивановна уступала чуть ли не всем прочим, а в смысле душевных и умственных качеств. Она была содержательным человеком, умевшим не только чётко сформулировать вопрос и дать вразумительный, логический ответ, но и остроумно оценивать людей и события. К тому же она всегда в разговоре смотрела прямо в глаза, что свидетельствовало о прямоте и честности. Павел Петрович сам всегда прямо глядел в глаза собеседнику, и редко кто выдерживал этот пронзительный взгляд. Нелидова выдерживала и никогда не прятала глаз.

После возвращения из-за границы регулярное общение с Нелидовой постепенно становится потребностью Цесаревича. Мария Фёдоровна на первых порах не придавала отношениям мужа и фрейлины особого значения: мысль о возможной измене мужа ей не приходила голову, так как Нелидова явно не блистала женскими прелестями. Зато в окружении Императрицы история эта вызывала повышенный интерес. Вот он, этот записной «праведник», то же не устоял и связался, надо же подумать, с самой некрасивой из всех возможных! «Два урода» – достойная пара! Появился повод в очередной раз позлословить насчёт Павла.

Здесь самое время обратиться к свидетельству информированного очевидца – мемуарам графини Варвары Николаевны Головной (1766–1819), о которой ранее уже говорилось. С 1783 года она стала служить при Дворе в качестве фрейлины и оставалась в этой должности более двух десятков лет. Её воспоминания интересны не только тем, что Головина многое знала, многих видела и со многими заметными людьми общалась. Она входила в небольшой кружок доверенных Екатерины II, а её преклонение перед Императрицей носило форму какого-то религиозного культа. Она являлась фанатичной почитательницей Екатерины, которую воспринимала чуть ли не земным богом. В свою очередь и Екатерина доверяла клевретке кое-что из того, что лежало на сердце. Потому воспоминания Головиной если не прямое выражение взглядов Императрицы, то несомненное отражение их. К этим взглядам теперь и обратимся.

«Это была особа небольшого роста и совершенно

некрасивая, – писала Головина о Нелидовой, – смуглый цвет лица, маленькие узкие глаза, рот до ушей, длинная талия и короткие кривые, как у таксы, ноги – вот это в общем составляло фигуру, мало привлекательную. Но она была очень умна, обладала талантами и, между прочим, хорошо играла на сцене. Великий князь Павел часто смеялся над нею, но, увидя её в роли Зины в «Сумасшествии от любви»[18], увлёкся ею».

Головина изложила подноготную отношений Павла и Нелидовой: основу её составляла «интрига». Якобы по наущению Николая Голицына, убеждавшего Павла, что Мария Федоровна хочет сделать его «орудием своих интересов», Цесаревич сблизился с Нелидовой, которая «стала предметом его особенного внимания». Далее произошло то, что и должно было произойти в соперничестве между женщинами за мужчину: между ними началась вражда. Цесаревна в отчаянии обратилась за помощью к Императрице, и та «помогла»: «госпожа Бенкендорф была отослана». Мемуаристке не казалось парадоксальным, что в итоге жалобы пострадало близкое к Марии Фёдоровне третье лицо, а отнюдь не Нелидова. Очевидно, Екатерина II совсем была не против стороннего увлечения Павла, но об этой «интриге» своего кумира строгая моралистка Головина умолчала.

Вслед за этим пассажем графиня скороговоркой запечатлела абрис дальнейших отношений между Павлом и Нелидовой, которые не отличались ровностью. В один момент между ними наступил разрыв, так как Павел «занялся другой фрейлиной», а Нелидова покинула Двор и поселилась в Смольном институте. «Ренессанс» отношений наступил после восшествия на Престол Павла Петровича; Нелидова опять появилась при Дворе и получила звание «фрейлины с портретом»[19], что являлось редчайшим отличием. К этому времени Марию Фёдоровну и Нелидову связывали дружеские отношения, так как Императрица Мария без помощи фрейлины часто не могла «влиять» на супруга. Такова общая картина, запечатлённая «альтер эго» Императрицы Екатерины.

В описании Головиной Нелидова – хитрая и злобная интриганка, озабоченная только тем, как сохранить своё влияние на Павла, а потому ненавидящая и презирающая всех прочих, особенно особ женского пола, кто мог вызвать хоть малейшую симпатию Цесаревича, а затем Императора Павла.

Общеизвестно, что любые мемуары всегда субъективны. Впечатления и представления последующего времени неизбежно влияют на описание предшествующего, неизбежно ретушируют его. Но многие мемуаристы все-таки стремятся придать правдоподобность ушедшему, демонстрируют нарочитую

объективность. Графиня Головина была не из числа таковых. Она фиксировала свои реминисценции на закате жизни, когда главных действующих лиц уже не было в живых. Однако графиня, к тому времени став католичкой и порвав фактически все связи с Россией, не нашла в себе сил подняться над страстями и пристрастиями давно минувших лет. Она ни разу не упомянула о позиции Екатерины II по отношению к Павлу, не привела ни одного её высказывания по адресу сына, однако пересыпала свои воспоминания множеством эпизодов-анекдотов, рисующих Павла Петровича и всех близких к нему лиц в самом непривлекательном свете.

В потоке её тенденциозных измышлений порой встречаются и неожиданные откровения: «Великого князя Павла Петровича было легче обмануть, чем кого-нибудь другого. Его характер, всё более и более недоверчивый, оказался очень удобен для тех, кто хотел погубить его». И здесь графиня на первое место ставила… жену Марию Фёдоровну. Супругу Павла, обладавшую различными достоинствами и явными недостатками, можно обвинять в чём угодно, но только не в коварных намерениях. Она всегда, невзирая на все перепады супружеских отношений, любила Павла и оставалась верна его светлой памяти многие годы и после убийства.

Головина, отмечая недоверчивость Павла, не объяснила причину этого качества, а она – на поверхности. Всю свою жизнь, начиная с первых сознательных лет, он встречал и видел вокруг только принуждение, ложь и предательство, и главным лицом этого мира насилия и лицемерия, его инспиратором была мать – Императрица Екатерина II. И кто бы в таких условиях мог сохранить доверчивость и открытость? Никто.

Отношения с Екатериной Нелидовой у Павла Петровича никогда не носили плотского характера. Это была преданная и чистая дружба, дружба высокая, а со стороны Павла – рыцарская. Он так ей дорожил, что летом 1788 года, отправляясь на войну со Швецией, адресовал Нелидовой записку на клочке бумаги: «Знайте, что, умирая, я буду думать о Вас».

К чести Павла Петровича следует добавить, что при всем своем душевном увлечении Нелидовой он никогда не позволил себе как-то унижать или третировать супругу: его отношение всегда оставалось уважительным, и он высоко всегда оценивал женские добродетели Марии Фёдоровны. Но её мир тихого, «немецкого» благополучия, ее растворённость в повседневных вещах и заботах надолго не занимали Павла. Она была настолько покорна мужу, что даже беседы никакой не получалось; она не умела спорить, выдвигать и отстаивать собственные взгляды и

идеи. Нелидова же могла; с ней было интересно.

В своих «Записках» командир эскадрона Конного полка Николай Александрович Саблуков (1776–1848)[20], проведший немало лет по долгу службы рядом с Павлом Петровичем, отметил одну важную черту личности Императора: «В характере Павла было истинное благородство и великодушие, и хотя он был ревнив к власти, но презирал те лица, которые слишком подчинялись его воле в ущерб истине и справедливости, а уважал тех, которые, для того чтобы защитить невинного, бесстрашно противились вспышкам его гнева». К числу таковых людей относилась и Екатерина Ивановна Нелидова.

В начале 1790 года, когда Павел Петрович вернулся из Финляндии, с полей военных баталий со Швецией, он тяжело простудился и его здоровье висело на воске. Он сам уже думал, что наступил его последний земной час, и в этот час он решил вступиться за честь Нелидовой, которую в высшем свете Петербурга третировали как его «любовницу». Павел обратился с мольбой к Императрице; это одно из самых проникновенных посланий Павла Петровича, свидетельствующее о высоте его душевных устремлений.

«Мне надлежит совершить пред Вами, Государыня, торжественный акт, как пред Царицею моею и матерью, акт, предписываемый моею совестью пред Богом и людьми; мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьёю и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между мадемуазель Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем Судилищем, пред Которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред Ним с совестью, свободной от всякого упрёка, как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою моей крови? Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь ещё раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог».

История не сохранила данных о том, как Екатерина II отнеслась к этой исповеди сына. Если бы она хотела, то скажи хоть единое слово в поддержку этой дружбы, то злобная сплетня если бы и не умерла, но приутихала. Однако мать такого слова не сказала, и мемуары её клевретки Головиной это вполне удостоверяют.

В какой-то момент Марию Фёдоровну начали озабочивать систематические и долгие общения супруга с фрейлиной; он проводил с ней по нескольку часов тет-а-тет; в вечерних беседах в

своём кабине, на дневных прогулках. Какая бы супруга могла спокойно взирать на подобное? Мария начала подозревать Нелидову в далекоидущих замыслах. Перед ней вставал зловещий образ мадам де Ментенон, портреты и бюсты которой она видела в Версале.

В начале 1782 года в письме Сергею Ивановичу Плещееву (1752–1802), с которым Мария поддерживала теплые дружеские отношения со времени своего прибытия в Россию, она излила горести сердца:

«Вы будете смеяться над моей мыслью, но мне кажется, что при каждых моих родах Нелидова, зная, как они бывают у меня трудны и что они могут быть для меня гибельны, всякий раз надеется, что она сделается вслед за тем второй мадам де Ментенон. Поэтому, друг мой, приготовьтесь почтительно целовать у ней руку, и особенно займитесь Вашей физиономией: чтобы она не нашла в этом почтении насмешки или злобы».

Мария Федоровна 7 июля 1792 года родила дочь Ольгу (1792–1795). Эта был седьмой ребенок и пятая дочь. До неё были рождены: Александра Павловна (1783–1801), Елена Павловна (1784–1803), Мария Павловна (1786–1859) и Екатерина Павловна (1788–1818).

Конечно, в Марии Фёдоровне говорило уязвленное женское самолюбие, лишь обострявшееся состоянием беременности. Никаких властных амбиций Нелидова не проявляла, что, впрочем, не помешало Цесаревне напрямую обратиться за помощью к Императрице. Этот свой шаг она не согласовала с Павлом, что не прибавило к ней его расположения.

Екатерина могла торжествовать. Наконец-то она добилась роли арбитра во внутрисемейной жизни Павла: это единственная сфера, куда ранее ей доступ был закрыт. Цесаревна умаляла Императрицу удалить Нелидову и получила урок «царской мудрости». Она подвела невестку к зеркалу и изрекла: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя мелкий монстр; перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях». Нелидова осталась фрейлиной при Малом Дворе ещё на несколько месяцев.

Павел Петрович в силу своего бурного темперамента не мог долго выносить укоры и сетования жены, но особенно её конспирации с матерью. Весной 1792 года он имел бурное объяснение с Марией Фёдоровной, а затем покинул Петербург и уехал в Гатчину. Это была первая серьезная размолвка в их семейной жизни. Теперь уже у Нелидовой не оставалось никакого выбора; она должна была удалиться, так как почти все бросали ей упреки в разрушении счастливого семейного союза. Через две неделе после рождения у Марии Фёдоровны дочери Ольги, 25

июня, Екатерина Нелидова подала Императрице прошение об отставке и дозволении поселиться на жительство в Смольном монастыре. Павел Петрович воспринял поступок своего друга как страшное огорчение и умолил Нелидову взять прошение обратно. В свою очередь Мария Фёдоровна увидела в этом поступке только «комедию».

Сохранилось письмо Александра Куракина, которое он отправил Павлу Петровичу из своей саратовской ссылки, после получения известия об уходе Нелидовой. «Новость, которую Вы изволили сообщить мне, мой дорогой повелитель, – писал князь, – озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша приятельница, после стольких опытов нашей дружбы и Вашей доверенности, дозволила себе возыметь намерение Вас покинуть? И как она могла при этом решиться на представление письма Императрице, без Вашего ведома? Мне знакомы её ум и чувствительность, а чем более я думаю, тем понятней для меня причины, столь внезапно побудившие её к тому. Во всяком случае, я рад, что дело не состоялось и что Вы не испытали неудовольствия лишиться общества, к которому привыкли».

Нелидова всей душой была предана Павлу Петровичу. Он был единственный человек на свете, ради которого она готова была пожертвовать жизнью. Но таковая жертва не требовалась. Требовалось же совсем иное: присутствовать на каждодневном испытании чувств, ума и самообладания. Нелидова имела развитое чувство собственного достоинства, а это заведомо делало её персоной мало пригодной для придворной жизни.

Павел Петрович ей доверял. Это была единственная причина, удерживавшая Екатерину Ивановну на фрейлинской службе. Но с некоторых пор она стала замечать, что её дорогой друг начинал с ней спорить по пустякам, не хотел слушать никаких суждений, не совпадавших с его собственными. Нелидова была снисходительной; она слишком хорошо знала, в атмосфере какого невероятного напряжения ему приходилось существовать каждодневно многие годы. Она сама это видела и понимала всю глубину человеческой трагедии, которую олицетворял её «дорогой друг».

Однако любая снисходительность имеет свои пределы. Нелидова совершенно не хотела превращаться в придворную «куклу для битья». Она прекрасно знала клеветы, которыми окружили её имя в Петербурге. Она не придавала им значения; сердце её не было замутнено неправдой, ум – интригами. Самое же главное: ей доверял тот, кого она чтила беспредельно, тот, чей образ для неё навсегда запечатлелся в портрете благородного рыцаря.

Она тяжело переживала, когда нарушилось многолетнее взаимное молчаливое взаимопонимание. Князю Куракину в начале 1793 года признавалась в письме: «Различные сцены, которые происходят у меня пред глазами, для меня так непонятны, что я вижу, что сердце этого человека – лабиринт для меня. Я не сделала ничего, чем бы я боялась скомпрометировать своих друзей, но я решилась, и даю в том клятву пред Богом, сделать вторую попытку удалиться от Двора».

Клятва перед Богом – самая высшая и неизменяемая клятва из всех возможных. Для Нелидовой, которая принадлежала Вере Христовой всем сердцем и всем помышлением, выбор был уже окончательным. Она поняла, что Павлу её душевная привязанность не требуется, а Мария Фёдоровна вообще воспринимала её с холодной отстраненностью. А при таких условиях находиться каждый день в кругу семьи, где ты не чувствуешь к себе расположения, было непереносимо.

В сентябре 1793 года Нелидова подала просьбу об отставке, которая была принята Императрицей. Ей было выплачено значительное денежное вознаграждение, назначена пожизненная пенсия, и она получила право жить при Смольном институте, где прошли годы детства и юности.

Павел Петрович вначале был категорически против отставки, но, поняв, что решение бесповоротно и уже санкционировано Императрицей, смирился. Нелидова сообщала Куракину: «Друг наш (Павел), я не могу отрицать этого, был чрезвычайно взволнован и огорчен моим поступком и особенно его успехом в более сильной степени, чем я желала бы видеть это… (но) теперь он несравненно спокойней». Цесаревич выдвинул два условия-просьбы, которые Нелидова приняла: во-первых, часто бывать у него в Петербурге и, во-вторых, гостить у него летом в Гатчине и Павловске.

Поступок Нелидовой открыл глаза и Марии Фёдоровне; она резко изменила свои былые представления, начав воспринимать бывшую свою фрейлину не как хитроумную «мадам де Ментенон», а как преданного друга семьи, которых у них с Павлом было совсем немного. В конце концов от удаления Нелидовой выиграли третьи лица, а совсем не Мария Фёдоровна. Именно в этот период входит при Павле в особую силу Иван Павлович Кутайсов (1759–1834); он становится не только самым приближенным к Цесаревичу лицом, но и наиболее доверенным. Эта была удивительная фигура, навсегда оставшаяся в исторической летописи благодаря расположению Павла Петровича.

Отношения между Павлом Петровичем и Нелидовой не

завершились после её удаления в Смольный. Лето 1794 года она провела с Великокняжеской четой в Павловске. Мария Федоровна приняла теперь её с большим расположением, хотя её всё время волновала мысль, как это воспримут при Большом Дворе. Она вообще считала, что по отношению в Императрице следует придерживаться только одной линии поведения: покорность, покорность и ещё раз покорность.

Павел Петрович так не считал и не находил нужным безропотно сносить укоры и притеснения. Его в этот целиком поддерживала и Екатерина Нелидова, уверенная, что Цесаревич имеет право на собственное мнение, имеет право иметь особую точку зрения. Здесь Мария Фёдоровна и усматривала теперь главную опасность. Как писала она Плещееву в 1794 году, «настоящее жестоко, но будущее внушает мне ужас, потому что если мужа моего постигнет несчастье, то не он один подвергнется ему, но и я вместе с ним». Однако Мария Фёдоровна не могла не признать, что Нелидова умеет умиротворяюще влиять на Павла в минуты его гнева.

Отношения между двумя женщинами ещё более укрепились после восшествия на Престол Павла Петровича. Император не забыл своего друга и пригласил её на жительство в Зимний Дворец, где специально для нее были оборудованы апартаменты, много лет потом носившие название «Нелидовских». Екатерина Ивановна уклонилась от переезда, оставшись жить в своем Смольном убежище. Но теперь она оказалась в центре интереса столичной публики. О ней стали говорить как о «всемогущей фаворитке», к которой наведывается «сам Император»! В начале декабря 1796 года Император впервые вместе со свитой посетил старого друга. Ещё раньше, 12 ноября, Мария Фёдоровна была назначена «начальствовать воспитательным обществом благородных девиц», и помощником ей стала Нелидова. Они превратились в верных подруг и уже навсегда.

Придворный врач Джон-Самуэль (Иван Самойлович) Роджерсон (1741–1823)[21] сообщал русскому послу в Лондоне графу С.М. Воронцову в середине декабря 1796 года: «Вам приятно будет узнать, что мир и согласие царствуют в Императорском семействе. Императрица, которая, без сомнения, есть самая добродетельная женщина в мире, пользуется влиянием, но не злоупотребляет им. Она занята тем, что делает добро. Она часто ездит в Смольный монастырь, который вверен её попечениям. Она прилагает все старания, чтобы побудить мадмуазель Нелидову возвратиться ко Двору, но та до настоящего времени остаётся непоколебимою в этом отношении. Девица эта ведёт себя таким образом, что возбуждает всеобщее удивление и

почтение: она изредка появляется на придворные обеды, но не хочет ни во что вмешиваться, хотя ей ни в чём не было бы отказа».

Нелидова ничего для себя не просила, не искала никаких выгод и привилегий. Она даже несколько раз возвращала дорогие подарки Императора, благодарила только за то, что он считал её своим другом. За прочих лиц она просила неоднократно: ходатайствовала за подвергшихся опале людей и рекомендовала некоторых знакомых, представлявшихся ей благонамеренными и преданными Государю.

Павел Петрович верил советам Нелидовой, зная, что она честная, прямая и верная. В мире придворной лжи и двурушничества такой человек был на вес золота. Потому он слушал её и нередко повиновался. В «Записках» А.С. Шишкова (1754–1841), состоявшего при особе Императора и ставшего впоследствии адмиралом, Министром народного просвещения и президентом Российской Академии Наук, приведён один яркий эпизод.

«Мне случилось однажды на балу, в день бывшего празднества, видеть, что Государь чрезвычайно рассердился на гофмаршала[22] и приказал позвать его к себе; без сомнения, с тем, чтобы сделать ему великую неприятность. Катерина Ивановна стояла в это время подле него, а я – за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Он тотчас почувствовал, что это значило, и ответил ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!» Она опять его дернула. Между тем гофмаршал приходит, и хотя Павел изъявил ему свое негодование, но гораздо кротчайшим образом, нежели как по первому гневному виду его ожидать надлежало». Шишков закончил описание восклицанием: «О, если бы при царях, и особливо строптивых и пылких, все были Катерины Ивановны!»

Нелидова часто не одобряла крутых мер наказания, к которым прибегал Павел I за различные проступки, порой казавшиеся совсем незначительными. Она писала Павлу Петровичу письма с просьбами о снисхождении и прощении. Эти своего рода «прошения о помиловании» иногда имели действие, иногда и нет. Летом 1797 года Император откликнулся собственноручным письмом, хотя, став Императором, письма писал редко, уверенный, что у государственного человека не может быть времени на переписку. Для «друга Кати» он делал исключение.

«Вы вправе сердиться на меня, Катя. Всё это правда, но правда также и то, что с течением времени, со дня на день,

делаешься слабее и снисходительнее. Вспомните Людовика XVI: он снисходил и дошёл до того, что должен был уступить. Всего было слишком мало и между тем достаточно для того, чтобы в конце концов его повели на эшафот».

Мария Фёдоровна нуждалась в обществе Нелидовой. С ней было спокойно; она умела влиять на Павла и гасить и смягчать порой излишние резкости и нетерпимость его. Летом 1797 года Двор переехал в Гатчину, но Нелидова осталась в Смольном. Любимая мадам Делафон, «гранд-мама́» всех смолянок, была совсем плоха, и Екатерина Ивановна неотлучно при ней находилась. Бедная старушка тем летом умерла, и Екатерина Ивановна так переживала утрату, что и сама занемогла.

В Гатчине же её ждали, Мария Фёдоровна прислала приглашение в самых нежных тонах, на полях которого Павел I сделал приписку: «Если я утратил право уговаривать Вас, то я не мог найти лучшего ходатая, чем та, которая пишет к Вам. Наше пребывание здесь началось при столь счастливых предзнаменованиях, и их нарушает лишь Ваше отсутствие. Недостаёт лишь Вас для моего счастья в этом месте, где Господь Бог дозволил мне предначертать то, что теперь исполняю. Приезжайте, Вас ждут – не нарушайте предзнаменований. Я Вас жду».

Смиренный, незлобивый нрав Нелидовой заставлял её вступаться за людей, которые её терпеть не могли и всеми средствами старались расстроить дружеское единение между ней и Павлом Петровичем. Здесь особую роль играл пресловутый «Иван» – Кутайсов. Один раз Павел Петрович так прогневался на него, что выгнал из дворца и собирался изгнать его вообще из Петербурга. На счастье Кутайсова, рядом оказалась Нелидова, которая вмешалась, умирила гневное настроение Императора, и «Иван» был прощен. Потом он пришел к ней, валялся у неё в ногах, старался облобызать руки и ноги в знак своей благодарности, клялся в вечной преданности. Эта сцена, происходившая в присутствии Императрицы, произвела на двух женщин тяжелое впечатление.

На самом деле Кутайсов давно озадачивался необходимостью разрушить дружескую привязанность Павла Петровича к бывшей фрейлине. Конечно, хитрый, но не очень умный Кутайсов осуществить подобный замысел в одиночку никак не мог. Рядом с ним находилась небольшая, но влиятельная группа сановников и придворных, помогавших «брадобрею» советами и наставлениями. Но главным поводом для охлаждения Павла и Нелидовой стали не интриги сами по себе, а его сердечное, страстное увлечение юной красавицей Анной Петровной

Лопухиной (в замужестве (1800) княгиня Гагарина, 1777–1805). Подробнее об этом речь пойдет дальше.

Пока же можно только подчеркнуть, что увлечение Императора привело к заметному охлаждению отношений между Павлом и Марией Фёдоровной и в этом противостоянии Екатерина Нелидова целиком приняла сторону Императрицы. В 1798 году более чем двадцатилетняя дружба закончилась. Павел Петрович погрузился в мир сладостных любовных грёз, а Нелидова осталась в своем Смольном убежище: занималась воспитанием смолянок, ухаживала за немощными, читала книги, играла на своей любимой арфе и подолгу ежедневно молилась.

Глава 10. Нравы во дворце

Одно важное и непременное, что заложил Платон в душу будущего Императора Павла: четкое и ясное понятие о нравственности, о том, что хорошо и что плохо. Этот кодекс был универсальным, так как базировался на вневременных постулатах Веры Христовой, на Завете Спасителя. Потому у Павла и сложилось резко негативное восприятие «матушки», всего уклада её Двора, всей дворцовой атмосферой разнузданного разврата. Он знал, что это – грех, и уже после смерти Екатерины молился Всевышнему, чтобы Тот смилостивился и простил родительницу – великую грешницу.

Любовный список Екатерины велик; там значатся разные имена, но среди общепризнанных «ночных любезников» фигурирует двенадцать человек. Вот их полный состав с указаний лет альковной близости. С.В. Салтыков (1752–1754), граф Ст.-А. Понятовский (1755–1758), граф Г.Г. Орлов (1760–1772), А.С. Васильчиков (1772–1774), князь Г.А. Потёмкин (1774–1776), П.В. Завадовский (1776–1777), С.Г. Зорич (1777–1778), И.Н. Римский-Корсаков (1778–1779), А.Д. Ланской (1779–1784), А.П. Ермолов (1785–1786), граф А.М. Дмитриев-Мамонов (1786–1789), князь А.П. Зубов (1789–1796). Некоторые из фаворитов делили альков с Екатериной многие годы; здесь на самом первом месте находился граф Г.Г. Орлов. Другие же, получив щедрые подношения, чины и награды, исчезали навсегда из дворцовых покоев всего через несколько месяцев, например С.Г. Зорич (1745–1799).

Екатерина, как правило, выбирала любовников из числа лиц значительно её моложе. Исключение составляли только Николай Иванович Салтыков (1736–1816, моложе на семь лет) и граф Станислав Понятовский (1732–1798, моложе на три года). Почти все остальные принадлежали совсем к другим поколениям. Некоторые не только ей по возрасту в сыновья годились, но и во внуки. Граф А.М. Дмитриев-Мамонов (1768–1803) был моложе на тридцать девять лет, граф П.А. Зубов (1767–1822) – на тридцать восемь. Лишь один из числа «фаворитов» превратился в крупную государственную фигуру – Г.А. Потёмкин (1739–1791). Все остальные ничем примечательным на государственной ниве себя не запечатлели.

Фике – таково было прозвище будущей Императрицы в родительском доме – тайно встречалась с любовниками лишь до той поры, пока не пришла к власти. Дальше начался откровенный, ничем не прикрытый кураж похоти. Теперь Екатерина уже никого не боялась и ничего не стеснялась.

Фавориты не просто делили ложе, но и выступали на первых ролях во всех дворцовых церемониях, занимали виднейшие места на царских трапезах, «принимали к рассмотрению» дела и ходатайства различных лиц. Екатерина как будто специально дискредитировала все нормы морали, все древние традиции устроения обихода Царского дома.

Возле каждого «фаворита» тут же образовывалась группа прихвостней и лизоблюдов, своего рода «ближний круг», с мнением которого вынуждены были считаться все прочие придворные и люди, занимавшие видные государственные должности. Сама Екатерина не стеснялась выражать на публике симпатии каждому своему очередному протеже, совершенно не интересуясь мнением окружающих. Дело доходило до вопиющих случаев, которые все пиетисты Екатерины, как правило, обходят стороной.

Чего только стоила история с «последней любовью» Императрицы – графом Платоном Зубовым. Надменный, самодовольный и умственно ограниченный, он вёл себя по-царски. Оскорблял презрением всех, кто ему не нравился, за трапезами и на вечерах у Императрицы говорил глупости, не стесняясь никого. Никто не перечил, никто не перебивал враля и фанфарона, потому что все знали: к нему благоволит Императрица.

Опьянённая похотью, старая Екатерина ничего не хотела слышать и знать, что противоречило её мнению. Она уже настолько вознеслась над миром, что можно вполне уверенно говорить о психическом расстройстве, именуемом «манией величия», которым в последние годы жизни Екатерина II явно страдала. Она хотела сделать из «дорогого Платоши» крупного государственного деятеля, такого, каким был умерший Григорий Потёмкин. Она поручала Зубову разные государственные дела, интересовалась его мнением на собраниях сановников, но все было напрасно. Не было ни «мнения», ни дел. Платона Зубова занимали куда более личные «важные проблемы»: как уложены локоны на его парике, какое впечатление произвели бриллиантовые пряжки на туфлях, как смотрятся его новые золотые пуговицы на камзоле.

Екатерина всей жалкой никчемности интересов её «шер ами» как будто и не замечала. Она осыпала его дарами и пожалованиями, которых другие не получали за десятки лет беспорочной службы. Уже после первого интимного вечера с Императрицей 21 июня 1789 года, на третий день, ему были пожалованы 10 000 рублей и перстень с портретом Государыни. Это было только начало. В 1791 году двадцатипятилетний Зубов

становится шефом Кавалергардского полка, затем полковником, адъютантом Её Величества и генерал-майором. Дальше – больше.

Генерал-адъютант, генерал от артиллерии, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, командующий Черноморским флотом; в 1793 году Зубов получает графский титул, а чуть позже Австрийский Император Иосиф II возводит Зубова и трех его братьев в княжеское достоинство Священной Римской Империи. К концу царствования Екатерины Зубов имел тринадцать государственных должностей и практически не исполнял ни одной!

Екатерина подарила своему любимцу, умевшему уверить старую обрюзгшую женщину, что «она не потеряла девичьей свежести», огромные земельные владения и более тридцати тысяч крепостных крестьян.

В 1795 году Зубов выдвигает фантастический план: завоевать Персию и весь Восток до Тибета, а затем начать поход для завоевания Константинополя. Екатерина Великая этот безумный план без колебаний одобрила, а начавшаяся вскоре война с Персией привела государственные финансы России в полное расстройство и деморализовало армию.

Не достигнув и тридцати лет, Платон Зубов мог уверенно говорить, что «жизнь состоялась». Однако наступил ноябрь 1796 года и последовал крах. Павел Петрович изгнал Зубова со всех должностей и запретил тому показываться в столицах. Лишь в конце 1800 года Император явил великодушие: Зубову было разрешено вернуться в Петербург, где он, его братья Валериан (1771–1804), Николай (1763–1805) и сестра О.А. Жеребцова (1766–1849) сделались активными участниками заговора с целью свержения Императора Павла.

Какие же уж тут «дела департамента», «нужды ведомства», интересы страны. Об этом в высшем обществе и говорить-то было не принято. Разложение – самое точное слово, передающее состояние административно-управленческой среды в последние годы правления Екатерины. Причём разложение, граничившее с деградацией, затронуло в первую очередь высший бюрократический слой, что в свою очередь не могло не отразиться на всей системе управления.

Особо удачливых ждали вечера у Императрицы, где в Бриллиантовом зале Зимнего Дворца, или Концертном Зале Екатерининского Дворца в Царском Селе, или ином каком-нибудь зале происходили важные «ассамблеи»: карточные игры под звуки арфы или флейты. А затем ужины в присутствии Государыни, продолжавшиеся порой до двух-трёх часов ночи. И так почти каждый день, из года в год, десятилетиями.

Дамам на балах чуть ли не все «прелести» можно было всему свету показать. Некоторые до того оголялись, что чуть ли полуголыми являлись: снизу еще прикрывались, а сверху – немного редких кружев и страусиных перьев, вот и весь наряд. Екатерина не поощряла, когда девицы фривольности вытворяли, а к «зрелым дамам» была снисходительна. Некоторые из них так напомаживались и обнажались, носили такие вырезы (декольте), что чуть ли не выскакивали из платья, почти как в бане. И без стеснения демонстрировали давно увядшие прелести, что всегда служило излюбленной темой для иронических замечаний Екатерины. Она по себе знала, что никакими помадами и перьями старость не одолеешь.

И где-то там далеко-далеко от золоченых столичных залов располагалась огромная и тёмная страна, которая называлась Россией. Миллионы «грязных» и «необразованных» людей сеяли и убирали урожай, растили скот, рожали детей, гнили на шахтах и рудниках, погибали в чаду заводов и фабрик, мёрзли на постах и в холодных казармах, но «настоящая жизнь» была именно в столичных дворцовых гостиных. Здесь, и только здесь, делалась «высокая политика», здесь, и только здесь, господствовал «высокий имперский штиль», европейский изыск и настоящий «политес».

Важно было улавливать все нюансы придворных рокировок: кого Императрица пригласила в свои партнёры за карточный столик, с кем она разговаривала, на кого смотрела, кого по плечу ударила веером и главное – что сказала, каким тоном и о чём был разговор. Во имя интересов карьеры необходимо было обязательно знать и благорасположение очередного фаворита; к кому он подошёл, кого позвал, с кем разговаривал. Все надо было зафиксировать в мельчайших деталях, а потом обсуждать и анализовать до следующего случая.

Разнузданный маскарад фаворитов практически на протяжении всей своей жизни мог наблюдать Павел Петрович. Зрелище было невыносимым, нетерпимым, но сделать он ничего не мог. Особенно омерзительными были отношения матери с Платоном Зубовым, которого она прилюдно обнимала, ласково гладила по голове, называя «черноволосым любимым чадом». И это при живом сыне и при взрослых внуках! Никто никогда не узнал и не написал о том, сколько душевных мук стоило Павлу Петровичу созерцание всего этого непотребства на протяжении тридцати с лишним лет. Известно только, что он стыдился свой распутной матери, а Зимний Дворец ненавидел всеми фибрами души. Там всё было пропитано и пронизано развратом, и он серьезно думал о том, чтобы превратить Дворец из царской

резиденции в казармы лейб-гвардии. Но не превратил, не успел…

Фривольные нравы возобладали при Дворе после воцарения Екатерины; это была нескончаемая череда демонстрации увлечений, «амурных историй», а проще говоря – похоти. Эту атмосферу «свободы нравов» повелительница России специально не насаждала, но ей и не препятствовала. Ведь когда все кругом погрязли в увлечениях, в адюльтерах и пороке, то и собственная развратность уже и не казалась вызывающей. Волей-неволей Павлу Петровичу с ранних пор приходилось не только наблюдать происходящее со стороны; но с некоторыми из «объектов» увлечения матушки общаться не раз. Особенно это было непереносимо в детстве, когда он не мог отказать, не имел права уклониться, так сам себе не принадлежал.

Екатерина явно хотела вовлечь сына в круг общения фаворитов; нечего ему сидеть сиднем за французской энциклопедией и за европейскими романами. Какие мысли у него там в голове бродят; одному Богу известно. Пусть он лучше уж начнёт ухаживать, волочиться за молоденькими барышнями, которых было немало среди фрейлин.

Ему ещё не было и двенадцати лет, когда Григорий Орлов взял на себя обязанности «амурного» поводыря. Он водил его в комнаты фрейлин на верхнем этаже Зимнего Дворца, пренебрегая смущением и девиц и Великого князя. Он всё время допытывался у Павла, какая ему особенно понравилась. Мальчик терялся, лепетал что-то нечленораздельное, а Григорий Орлов, без всякого стеснения, рассказывал, что в «его возрасте он испытывал страсть льва».

Не отставала от своего фаворита и матушка, которая возила Павла в Смольный женский монастырь, а потом допытывалась, какая ему девушка понравилась и не хочет ли он жениться.

Это насаждение чувственности не прошло бесследно: в одиннадцать лет у него появилась «любезная», которая «час от часу более пленяет». Имя её стало быстро известно. Это была Вера Николаевна Чоглокова – круглая сирота, которую Екатерина взяла к себе в качестве фрейлины. Очевидно, именно ей Павел Петрович посвятил стихи, которые дошли до наших дней.

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединяя…

В 1789 году Екатерине II исполнилось шестьдесят лет, и в последующие годы она начала дряхлеть на глазах. Как

иронически и метафорически выразился граф П.В. Завадовский (1739–1812) в январе 1792 года в письме графу С.Р. Воронцову в Лондон: «Солнце на закате: не тот свет имеет, которым действует на Востоке и во время полдня». Завадовский знал, о чём писал: он два года числился в фаворитах «солнца» и четырнадцать лет назад «получил отставку»…

Чрезмерная тучность вела к сердечным болезням и физической немощи Царицы; последние годы она даже стоять более нескольких минут не могла. Мировые проблемы и внутренние заботы Империи её занимали всё меньше и меньше, а рычаги управления по факту переходили в руки близких ей лиц, но особенно одного – последней страсти старой женщины Платона Зубова. Связь с Зубовым у Екатерины началась в год её шестидесятилетия. Он молодой, двадцатидвухлетний офицер лейб-гвардии Конного полка, стоявший в карауле в Зимнем Дворце, попал в объект внимания Императрицы, которая только недавно рассталась со своим последним «ночным бутоном» – графом А.М. Дмитриевым-Мамоновым (1868–1803). Конногвардеец «утешил одинокое сердце» и быстро вошёл в фавор.

Весьма красочное описание нравов, царивших при Дворе в последние годы царствования Екатерины, принадлежит перу польского князя Адама Чарторыйского (Чарторижского, 1770–1861). Князь оставил заметный след и в истории России: интимный друг Императора Александра I, министр иностранных дел России в 1804–1806 годах. Князь Адам вместе с братом Константином (1773–1860) прибыл в Петербург в мае 1795 года, чтобы уладить семейные имущественные дела. Их отец, Адам-Казимир Чарторыйский (1734–1823), как участник противороссийского движения, потерял все свои имения, а попытка вернуть их и привела его детей в Петербург.

У молодых Чарторыйских в столице Империи имелись достаточно высокопоставленные покровители, которые и посоветовали обратиться к Платону Зубову и добиться его благорасположения; без этого дождаться нужного решения невозможно. И князь Адам неоднократно ездил на поклон к фавориту, а потом описал, как эти приемы происходили. На этом «важном государственном действии» считал обязанным присутствовать чуть ли не весь сановный Петербург.

«Приёмы у князя Платона происходили ежедневно в 11 часов утра… Вся улица была полна каретами и экипажами самого разнообразного вида… В начале 12-го часа двери кабинета широко растворялись, Зубов входил в комнату небрежной походкой и, сделав общее приветствие легким кивком головы,

садился к туалетному столу. Он был в лёгком халате, из-под которого видно было бельё. Парикмахер и лакеи приносили парик и пудру, а все присутствующие старалась уловить его взгляд и обратить на себя внимание всесильного фаворита. Все почтительно стояли, и никто не смел проронить ни слова, пока князь сам не заговорит. Нередко он всё время молчал, и я не припомню, чтобы он когда-нибудь предложил кому-либо стул… В то время пока причёсывали князя[23], его секретарь Грибовский[24] приносил бумаги для подписи. Окончив причёску и подписав несколько бумаг, Зубов одевал мундир или камзол и удалялся во внутренние комнаты, давая знать лёгким поклоном, что аудиенция окончена. Все кланялись и спешили к своим каретам».

Так делались дела и вершились судьбы на излете екатерининского царствования. Столичный молодой щёголь (в 1795 году ему исполнилось двадцать восемь лет) восседал на вершине властной пирамиды и принимал решения, почти все из которых его коронованная обожательница одобряла!

Князь Адам зафиксировал одну отличительную черту настроений столичного общества, где господствовали весьма раскрепощенные нравы; всё и все подвергались обсуждению и осмеиванию. «В обществе этом, – констатировал Чарторыйский, – никого не щадили, не исключая и Цесаревича Павла; но едва произносилось имя Императрицы – все лица делались серьезными, шутки и двусмысленности тотчас смолкали». Все прекрасно знали, что Екатерина не забывает и не прощает никакой критики или даже острот по своему адресу. А Цесаревич? Он – далеко, он – безвластен, а мать его терпеть не может. Поэтому он – желанная мишень…

Павел Петрович был осведомлен о настроениях столичного света, о нравах, утвердившихся в управлении. Ведь куда ни глянь, везде непорядки, нераспорядительность, лень, безделье, воровство и разврат. Дошло до того, что офицеры гвардейских полков являлись на полковые смотры в шубах и даже в муфтах! А разговоры какие в салонах велись – оторопь брала. Когда в 1793 году пришло известие сначала о казни Людовика XVI, а в конце года о казни Марии-Антуанетты, то находились в Петербурге разгорячённые головы, которые, не стесняясь, ёрничали на сей счёт. Обсуждали, чуть ли не смехом, как выглядела и в какую корзину скатилась из-под гильотины голова Короля, в каком «неопрятном» туалете взошла на эшафот несчастная Королева!

Распущенные придворные нравы рождали «дам и кавалеров», у которых ничего святого в душе, которые не ведают Страха Божия. Это всё безбожие, это всё коварные якобинцы, некоторые

из которых пробрались на самый верх. Один из них – невыносимый Лагарп – воспитатель и наставник сына Александра, его ближайший друг! Однажды Павел не выдержал и задал сыну убийственный вопрос: «Этот грязный якобинец всё ещё при Вас?» У Александра от неожиданности подкосились ноги; в обморок он, правда, в этот раз не упал, но потом долго не мог прийти в себя.

Екатерина злословия и острословия по адресу коронованных особ не поощряла; о судьбе Короля и Королевы в её кругу говорить не дозволялось вообще. В других же домах Императрица «свободе мнений» не препятствовала. Её куда больше, чем история Бурбонов, занимала история Дома Романовых, и в первую очередь проблема престолонаследия. Шли годы, но от своей заветной идеи – отрешить Павла от видов на Престол – она не отказывалась до самой смерти. Она вела себя так, как будто Павла не существовала вообще; ну жил там где-то в Гатчине несмышленый младенец, какой с него спрос. Ни один вопрос государственной важности с ним не обсуждала и ни к каким делам государственным не допускала. Пусть там марширует со своими гвардейцами, и того с него довольно!

Самолично Екатерина II решала и вопрос о женитьбе своих внуков Александра и Константина; мать и отец к этому делу никак причастны не были. Для Александра Императрица подобрала «пристойную» партию в Германии, в Доме Баденском. Ей приглянулась тринадцатилетняя принцесса Луиза (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826), которая в октябре 1792 года в сопровождении небольшой свиты и своей младшей сестры прибыла из Карлсруэ в Петербург. Жениху в тот момент едва минуло пятнадцать лет, но всемогущая бабушка не считала столь юный возраст препятствием для брака. Принцесса всем при Дворе понравилась, но больше всех Императрице. Когда они стояли рядом, Александр и Луиза, то Екатерине казалось, что перед нею Амур и Психея.

Отца и мать познакомили с будущей невестой сына через три дня по прибытии Луизы в Петербург. Павел был отменно любезен, а Мария Фёдоровна осыпала принцессу ласковыми словами, вела себя с ней, как с дочерью. Однако Елизавета дочерью не стала, и Мария Фёдоровна в том совсем не виновата.

В мае 1793 года «Психея» перешла в Православие и стала Великой княжной Елизаветой Алексеевной. В сентябре 1793 года справили пышную свадьбу. Венчание состоялось в церкви Зимнего Дворца; его описала графиня В.Н. Головина в своих «Записках»:

«После свершения обряда венчания Великий князь и княгиня

спустились, держась за руки. Великий князь Александр преклонил колено перед Императрицей, чтобы поблагодарить её, но она подняла его, обняла и поцеловала со слезами. Такую же нежность Государыня выказала и по отношению к Елизавете. Потом они подошли к Великому князю-отцу и Великой княгине-матери и поцеловали их… Великий князь Павел был глубоко растроган, что очень удивило всех».

Удивление было вполне обоснованным: до последнего момента было неясно, будут ли присутствовать на брачной церемонии родители жениха. Павел Петрович был возмущен и оскорблен до глубины души тем пренебрежением, которым его удостоили: все переговоры о браке велись за его спиной, и он только отрывками и от случайных лиц узнавал подробности предстоящих событий. Он уехал в Гатчину и не собирался возвращаться в Петербург. Мария Фёдоровна была в отчаянии. Она продолжала придерживаться старой тактики: отступать, уступать и даже переступать через собственное достоинство, лишь бы не вызывать гнева той, которая может сделать с ними всё, что пожелает. На помощь была привлечена Екатерина Нелидова, и только тогда удалось уговорить Павла переменить решение. Железная логика Екатерины Ивановны была неотразима. Цесаревич присутствовал на свадьбе и вёл себя безукоризненно.

Павел Петрович и далее сохранял трогательное и внимательное отношение к Елизавете, хотя она приходилась племянницей его первой жене Наталье Алексеевне. Граф Ф.Г. Головкин (1766–1823) – камер-юнкер при Дворе Екатерины, которого одно время прочили даже на роль «фаворита», – был посвящен во многие закулисные истории, а потом написал книгу «Двор и Царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты». Ничего существенного в своём труде он потомкам не рассказал; в основном это – пересказ придворных слухов и сплетен, известных со слов и других современников.

По поводу отношения свекра к невестке Головкин написал: «Император Павел I под предлогом, что она ему напоминает его первую жену, питал к ней (Елизавете. – *А.Б.*) более чем отеческие чувства и в минуты досады на сына высказывал ему слишком ясно, что он недостоин столь совершенной жены». То, что подобные мысли Павел Петрович высказывал и такие чувства демонстрировал, – правда, но не вся. Это отношение со временем принципиально изменилось, и отнюдь не по причине «необузданности» характера Самодержца.

Павел Петрович ничего не забывал, но умел прощать. Он ни в чём предосудительном не подозревал Луизу-Елизавету.

Маленькая девочка, такая одинокая и беспомощная, вызывала сочувствие, и рыцарской натуре Павла хотелось её охранять и защищать от всех напастей. Ореол романтического рыцарства, характеризующий отношение Павла к Елизавете, через несколько лет улетучился без следа. Павел увидел в ней скрытную и порочную особу, ну почти ту же картину, которую когда-то явила недоброй памяти первая жена – Наталья Алексеевна…

Итак, брак, волею Императрицы и скроенный по её замыслу, состоялся, однако семьи не возникло. Здесь Екатерину ждал грандиозный и полный провал, хотя она рассчитывала совершенно на иное. В августе 1792 года, имея в виду грядущую женитьбу внука Александра, Екатерина писала Гримму: «Всему есть время, по словам Соломона. Сперва мой Александр женится, а там, со временем, и будет коронован со всевозможными церемониями, торжествами и народными празднествами. О, как он сам будет счастлив и как с ним будут счастливы другие!»

Императрица женила юного Александра на пятнадцатилетней Елизавете потому, что «так было надо», потому, что это отвечало её видам, тешило её тщеславие. Брак Александра являлся важнейшим элементом её замысла по отстранению Павла от престолонаследия. Александр должен быть вполне самостоятельным, иметь семью и детей, и тогда наступит тот час, когда Екатерина публично, Манифестом, оповестит Россию и мир о том, что её старший внук примет бразды правления в Империи. Но всё пошло с самого начала не по-задуманному.

Екатерина женила ведь еще почти детей! Уместно напомнить, что речь идёт о XVIII веке, когда никакой «акселерации» не существовало в помине, а сами новобрачные были ещё несовершеннолетними людьми. Императрица самоуверенно полагала, что может повелевать не только судьбами и жизнями людей, но и их чувствами. Эта мания величия дорого обошлась Александру и Елизавете и стоила многих переживаний Павлу Петровичу и Марии Фёдоровне.

В день приезда Баденского семейства в Петербург, 31 октября 1792 года, Императрица писала своему конфиденту Гримму: «Сегодня вечером ждём двух Баденский принцесс, одну 13-ти, другую 11-летнюю. Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими обычаями. Наш же малый (Александр. – *А.Б.*) об этом не помышляет, обретясь в невинности сердечной, а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение».

Циничное игривое признание не являлось только словесным оборотом, «шуткой во французском вкусе», которые Екатерина

так любила и которыми пересыпаны ее письма Вольтеру и Гримму. Она искушала юные натуры сознательно, беззастенчиво играла судьбами и жизнями даже близких людей; это было своего рода человеческое жертвоприношение на языческий алтарь, имя которому – «Екатерина Великая».

Исходя из личного опыта, она должна была прекрасно понимать, что династические браки, «равноправные брачные союзы», сплошь и рядом разрушают счастье и жизнь тех, кто стал заложником своего высокого происхождения. Екатерина сама была выдана замуж в шестнадцать лет за семнадцатилетнего Великого князя Петра Фёдоровича, которого не знала и которого не только не полюбила, но возненавидела. Потом она писала о себе, что была в то время «наивна и глупа». Тогда почему же её еще более юный внук был способен стать мужем и отцом семейства, притом что он жениться не хотел, о женитьбе не помышлял, а свою «суженую» первоначально воспринял как девочку-чужестранку? Ответа нет; Императрица его нам не оставила.

Известно только, что мать Александра Великая княгиня Мария Фёдоровна умоляла Екатерину повременить с браком, уверяла, что в столь юном возрасте брак не может стать счастливым. Императрица и слышать ничего не хотела, что не соответствовало ее видам. В конечном итоге, увы, Мария Фёдоровна оказалась пророчицей…

После свадьбы юные Александр и Елизавета вели себя так же, как и до свадьбы. Гуляли вместе, музицировали, вели беседы в узком дружеском кругу. И всё. Не складывалось ни душевной, ни физической близости. Свадьба состоялась 28 сентября 1793 года, и уже с конца зимы 1793–1794 годов многие при Дворе начали пристально вглядываться в облик юной Великой княгини Елизаветы Алексеевны, надеясь отыскать хоть малейшие признаки изменений в очертании девичьего стана, свидетельствующие о грядущем материнстве. Но ничего не происходило; к лету 1794 года стало очевидным, что Елизавета в обозримом будущем матерью становиться не собирается. Екатерина была раздосадована; она рассчитывала на иной ход событий.

И тут вдруг у юной княгини появляется не скрывающий на публике своих чувств пылкий поклонник, и некоторые влиятельные придворные начинают ему усиленно содействовать. Этим «Ромео» оказался… Платон Зубов! Сразу же возникли разговоры, что «страсть» фаворита Императрицы была, так сказать, санкционирована Екатериной, без соизволения которой «Платоша» и пальцем шевельнуть не мог. Екатерина любила

Зубова и остро переживала приступы его «невнимательности». Она ревновала его даже к своим горничным! Любой девушке или даме, на которую «Платоша» смотрел более мгновения, грозила участь «вылететь со свистом» из придворного круга, что называется, без выходного пособия. А тут почему-то Екатерина многие месяцы ничего не замечала…

«Штурм крепости» не удался. Елизавета была в ужасе от домогательств графа, в ужасе был и Александр. Вся эта любовная интермедия разом прекратилась по воле Императрицы. Так и осталось неясным, почему до конца 1794 года Екатерина не пресекала многомесячных ухаживаний фаворита; предположить, что она «была не в курсе», совершенно невозможно.

В этот период у Елизаветы Алексеевны сложились самые доверительные отношения с графиней В.Н. Головиной, которая, будучи старше на тринадцать лет (Головина, урождённая княжна Голицына, родилась в 1766 году, а Елизавета – в 1779 году), прекрасно разбиралась в запутанных придворных лабиринтах, или, как тогда говорили, в тонкостях «придворной политики». Она пользовалась расположением Императрицы и стала играть роль своего рода ментора при юной Великой княгине. Елизавета Алексеевна не раз раскрывала графине свое сердце; некоторые из этих исповедальных признаний Головина потом воспроизвела в своих «Записках».

Говоря об отношениях Александра и Елизаветы, Головина заключала: «Великий князь любил свою жену любовью брата, но она чувствовала потребность быть любимой так же, как она бы любила его, если бы он сумел её понять. Разочарование в любви очень тягостно, особенно во время первого её пробуждения».

Любви не было, была только дружба. Екатерину II это чрезвычайно заботило; всё шло совсем не так, как она намечала. Думала, что молодые привяжутся друг к другу, или, как говаривали на Руси, «слюбятся, стерпятся». В данном случае этого не наблюдалось. Шли месяцы, а Александр и Елизавета так и оставались братом и сестрой. Однажды Екатерина, которая получала сведения обо всех и обо всем с разных сторон, решила расспросить свою почитательницу Головину о состоянии дел. Она была постоянно в кругу Александра и Елизаветы, а последняя, как точно знала Екатерина, имеет с Головиной самые тесные отношения.

Вопрос Императрицы был поставлен в самой общей форме: «Скажите мне, Вы их видите постоянно, действительно ли они любят друг друга и довольны друг другом?» Согласно светскому этикету дальше этого идти было нельзя, хотя Екатерину интересовала только одно: живет ли внук со своей женой

полноценной семейной жизнью. Трудно предположить, чтобы Головина не поняла этого сокровенного смысла, но сделала вид, что не поняла. Она стала говорить о том, что это – замечательная пара, что отношения их наполнены нежностью, и другие подобные обиходные глупости. Екатерина прервала пустой монолог своей почитательницы; ей всё это было неинтересно. «Я знаю, графиня, – заключила Императрица, – что не в Вашем характере ссорить супругов. Я вижу всё, знаю больше, чем об этом думают».

Она действительно знала и видела всё (или почти всё), что происходило при Дворе. Реагировала же она только на некоторые вещи, которые касались её лично. Брак Александра являлся историей именно такого рода.

Великая княгиня Елизавета, принимая роскошь и комфорт Двора Императрицы Екатерины II, смотрела на окружающую жизнь глазами стороннего наблюдателя. Она трепетала перед Императрицей, а к свекру и свекрови относилась без всяких родственных чувств. Она их не любила, она вообще почти никого за свою жизнь по-настоящему не любила. Этим она очень напоминала супруга, который тоже оказался законченным эгоцентриком. По словам фрейлины Елизаветы Алексеевны графини Р.С. Эдлинг (урождённой Стурдза, 1786–1844), много лет наблюдавшей свою госпожу, «воображение у неё было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное к настоящей привязанности. В этих немногих словах вся история её». Не всё было так просто, как казалось со стороны; Елизавета была способна не столько даже на любовь, сколько на необузданные порывы страсти.

Елизавета с упоением читала роман Жан-Жака Руссо «Новая Элоиза», где поэтизировались «свободные» женские чувства, которым надлежало следовать без оглядки. Всё же, что мешает движениям и порывам «нежного сердца», называлось «предрассудками». Екатерина II эту книгу осудила как «порочную», но при Дворе её читали, а некоторые читали с жадным интересом. Хотя такого понятия, как «эмансипация», ещё в обращении тогда не существовало, но «свободные нравы» при Дворе рождали уже «эмансипэ», к числу каковых можно отнести и Елизавету Алексеевну, ставшую в 1801 году Российской Императрицей.

У Елизаветы Алексеевны «Элоиза» оказалась стараниям фрейлины графини А.А. Шуваловой (1775–1847), которая была в числе тех, кто стремился «разжечь страсть» в душе Елизаветы применительно к Платону Зубову. Замысел не удался, но трактат Руссо ей очень понравился. Это так соответствовало общим

умонастроениям и мужа, который под воздействием проповедей Лагарпа сделался «либералом», «республиканцем» и сторонником «свободы».

Его «сестра-жена» тоже превратилась в «республиканку», у которой вызывали «возмущение» «произвол» и «тирания», царившие вокруг. Естественно, что «республиканцы» свои мысли вслух не выражали; только в узком кругу, за закрытыми дверями. При Екатерине оглашение подобных настроений было опасно по причине морального осуждения со стороны повелительницы; при Павле же Петровиче – по причине неизбежной гневной реакции и непредсказуемых последствий.

В момент «цветения свободных чувств» на горизонте появился молодой красивый аристократ, который первоначально не вызывал никаких особых предпочтений у Елизаветы. Это был Адам Чарторыйский, который с лета 1795 года обретался в высшем свете Петербурга, имел придворный чин камер-юнкера и вместе со своим младшим братом Константином пользовался вниманием Двора. Великий князь Александр быстро и близко сошёлся с князем Адамом, называл его «другом» и вел с ним многочасовый задушевные беседы.

Отношения между Александром и Чарторыйским стали совершенно интимными летом 1796 года, когда Двор переехал в Царское Село. В июне того года Александр разместился со своим малым двором в специально построенном для него по проекту архитектора Дж. Кваренги Александровском Дворце, расположенном в некотором удалении от помпезного Екатерининского Дворца. Уместно заметить, что именно Александровский Дворец явился любимым домом Семьи Последнего Русского Царя Николая II (1868–1918), а после Февральской революции 1917 года Семья Царственных Страстотерпцев пребывала здесь под арестом пять месяцев…

К этому времени князь Чарторыйский стал адъютантом Великого князя Александра и по должности общался с ним ежедневно. Но помимо должности, существовала тесная дружеская привязанность, и после окончания дневных занятий, вечерами, Александр приводил князя в свои апартаменты, где за ужином в приятной беседе они проводили еще несколько часов. Ужины были совершенно интимного свойства; стол накрывали на три персоны, причём состав ужинающих никогда не менялся: Александр, Елизавета и князь Адам.

Елизавету первоначально «фраппировали»[25] подобные посиделки, тем более что Александр нередко, извинившись, ложился спать, заставляя жену «продолжать беседу» с князем. Она и продолжала. Неизвестно, что являлось предметами этих бесед;

наверное, молодая княгиня и молодой князь беседовали не только о торжестве «свободы» в мире или о восстановлении Польши, тема, волновавшая сердца всех «поляков-патриотов», к числу которых относился и Чарторыйский.

Имея в виду 1796 год, графиня В.Н. Головина написала, что Елизавета Алексеевна тяжело страдала от ухаживаний старшего из Чарторыйских. Особенно её тяготила «перемена в своём муже; каждый вечер она была вынуждена терпеть в своем семейном кругу присутствие человека, явно влюбленного в неё, со всеми внешними признаками страсти, которую, как казалось, Великий князь поощрял».

Графиня описала эпизод, свидетелем которого являлась. Фрейлина Елизаветы Алексеевны Головина прожила в Александровском Дворце на втором этаже, а Великокняжеская чета – на первом. Однажды вечером Головина увидела в проёме окна одинокую фигуру Елизаветы и подошла к ней и поинтересовалась, почему она сидит в одиночестве, притом что Александр недавно вернулся вместе с Чарторыйским. «Я предпочитаю быть одной, – ответила Великая княгиня, – чем ужинать наедине с князем Чарторыйским. Великий князь заснул у себя на диване, а я убежала к себе и вот предаюсь своим далеко не веселым мыслям».

Елизавета боролась, как могла: убегала, рыдала, закрывалась в своем будуаре, но Александр Павлович был неумолим и навязывал жене общество князя Адама снова и снова и постоянно пользовался одним и тем же приемом: при удобном случае ускользнуть, чтобы оставить жену и Чарторыйского наедине. Пошли разговоры; при Дворе не могло это остаться незамеченным. Все же, кто хоть намёком давал понять Александру, что в его доме творится «непонятное» и «неподобающее», тут же становился врагом.

Неизвестно, насколько в эту историю была посвящена Екатерина и была ли она ей известна вообще. Последние месяцы своей жизни она мало во что вмешивалась, но невозможно предположить, чтобы она осталась в стороне от столь скандального «брака втроём». В конце её царствования при Дворе уже шушукались, что Александр – «неспособный мужчина», и это было тяжело слышать. Она его так любила, так им гордилась, и вот на тебе: полный конфуз. Но настоящий конфуз наступил позже, когда Екатерины II уже давно не было в живых.

Почти через пять лет после замужества, 18 мая 1799 года, в Павловске Елизавета Алексеевна разрешилась от бремени девочкой, которую в честь Марии Фёдоровны окрестили Марией. Через несколько недель после появления на свет малютки слухи о

связи Елизаветы с Чарторыйским вдруг получили, так сказать, визуальное подтверждение. Император Павел и Императрица Мария Фёдоровны были смущены одним обстоятельством: у белокурых родителей родился темноволосый ребёнок. Сохранилось свидетельство, что Император обратился с вопросом к статс-даме графине Шарлотте Ливен (1743–1828): «Мадам, верите ли Вы, что у блондинки жены и блондина мужа может родиться ребёнок-брюнет?» Ливен прекрасно тут же всё поняла и дала «исчерпывающий» ответ: «Государь, Бог всемогущ!» Эту истину Император знал и без госпожи Ливен, но факт оставался фактом необъяснимым; давние смутные и грязные слухи, которым Павел ни мгновения не верил, вдруг начали приобретать правдоподобный характер. Князь же Адам Чарторыйский являлся жгучим брюнетом…

В Царской Семье разыгралась драма. Император Павел всегда считал, что устои брака священны и уж тем более в том случае, если супруги – члены Императорской Фамилии. Случай с Екатериной II являлся нонсенсом, который имел объяснение, но не имел оправдания. И тут вдруг возникает предположение, что внучка Императора – незаконнорождённое дитя! Императрица Мария Фёдоровна была вообще категорически нетерпимой ко всему, что нарушало придворный этикет или хоть как-то умаляло престиж верховной власти. Слух о неверности Елизаветы её больно ранил, и именно Императрица «раскрыла глаза» Павлу на сомнительность происхождения внучки. Она занялась тщательным «расследованием».

В Павловске в августе 1799 года трёхмесячный ребенок был доставлен к бабушке, которая затем отнесла его в кабинет к Императору. Когда она вышла, то Павел Петрович находился в состоянии сильного возбуждения, что перепугало даже Ивана Кутайсова. Император приказал немедленно призвать вице-канцлера графа Ф.В. Ростопчина (1763–1826), и «Иван», исполняя приказание, сказал Ростопчину: «Боже мой, зачем эта несчастная женщина (Мария Фёдоровна. – *А.Б.*) пришла расстраивать его своими сплетнями!» Сплетни были слишком серьезными, чтобы на них не реагировать. Как передает графиня В.Н. Головина, Ростопчин услышал следующий монолог Самодержца: «Идите, сударь, и напишите как можно скорее приказ о ссылке Чарторыйского в Сибирский полк. Моя жена сейчас вызвала у меня сомнения относительно мнимого ребёнка моего сына. Толстой знает это так же, как и она». Ссылка на то, что гофмаршал граф Н.А. Толстой (1765–1816) «знает», свидетельствовало о том, что при Дворе уже все осведомлены.

Ростопчину удалось убедить Государя, что столь резкое и

открытое изгнание князя в дислоцированный в Сибири полк, станет публичным признанием скандала. Потому лучше отправить Чарторыйского менее эпатажно в тихую и пристойную ссылку. Выход был найден: Чарторыйский получал назначение представителя при Сардинском Короле. Он должен был в течение нескольких дней покинуть Петербург и отбыть в Турин, где в то время пребывал Сардинский Король.

Известие потрясло не только Чарторыйского, но и Великого князя Александра Павловича, который тем не менее не счёл возможным вступиться за своего друга.

Как написал князь Чарторыйский в своих «Записках», «это неожиданное назначение, которое застало меня совершенно врасплох, сильно меня огорчило. Естественно, мне было особенно тяжело расставаться, быть может на долгое время, с Великим князем, к которому я был искренне привязан, и с теми немногими друзьями, дружба с которыми была для меня большим утешением на чужбине». Ничего больше князь не написал, «грязную сплетню» не опровергал, а имя Елизаветы Алексеевны вообще обошел стороной. Одним словом, «джентльмен»…

Порочащие Елизавету слухи, как казалось, совершенно не затрагивали и не интересовали только одного человека – Александра Павловича. Граф Головкин и через годы с удивлением писал, что «Великий князь в этом случае проявлял удивительное и крайне неуместное равнодушие». Кстати сказать, когда Мария скончалась 27 июля 1800 года, Александр явил всё то же равнодушие.

Павел Петрович же был не из разряда людей, способных делать вид, что ничего не происходит, когда на самом деле что-то случалось. Поведение Елизаветы его лично оскорбило; он ей так доверял, так был нежен и снисходителен, а получил в «подарок» нехорошую историю. После принятия решения о высылке Чарторыйского Император Павел отправился в апартаменты Елизаветы Алексеевны, подвёл её к окну и стал на неё в упор смотреть. Он так делал часто, когда хотел добиться правды от своего визави. Невестка отвела глаза, но ничего не сказала и ни в чём не повинилась. Павел Петрович понял, что подозрения не беспочвенны, и прекратил всякое общение с Елизаветой.

Елизавета же вела себя так, как будто ничего не происходило. Она разорвала всякие общения с В.Н. Головиной, с которой ранее была неразлучна, подозревая графину в низкой интриге: она ведь была противней князя Чарторыйского, а следовательно, могла порассказать о нем нечто. У графини было много недостатков, она всегда отличалась резкой нетерпимостью, но в данном случае Головина была совершенно ни при чём. При этом Елизавета

начала демонстративно пренебрегать правилами придворного этикета, за соблюдением которого зорко следила Императрица Мария Фёдоровна. Приходила не тогда, когда требовалось, уходила без разрешения, одевалась не так, как подобало. Это был вызов установленному регламенту. Император не мог оставить такое поведение без последствий: к дверям комнат Елизаветы был поставлен часовой, чтобы она не смела отлучаться без разрешения и не могла принимать кого вздумается. Страж стоял на своём посту несколько месяцев.

К мужу Александру Елизавета относилась с холодной учтивостью, никак не стараясь сломать стену отчуждения между ними, к чему её постоянно призывала в письмах мать – маркграфиня Баденская Амалия (1754–1832). Нежность к мужу у неё проснётся через десятилетия: она будет находиться рядом и переживать за него в последние дни жизни Александра I в Таганроге.

До этого всё было неизменно: у неё своя жизнь, у него своя. Александр был «так учтив», что рассказывал ей перипетии своих отношений с единственной в его жизни возлюбленной – красивой полькой Марией Антоновной Нарышкиной, урождённой княжной Святополк-Четвертинской (1779–1854). Об этой связи Императора тогда знал не только её законный супруг Дмитрий Львович Нарышкин (1758–1838), но и, что называется, весь Петербург.

Елизавета прекрасно была осведомлена о негласной любовной связи мужа и не выражала по этому поводу никаких чувств. Её только возмутило поведение Нарышкиной, когда она на одном из балов подошла к Елизавете и сообщила, что беременна. Было ясно, кто отец ребёнка, и скрытную Елизавету шокировала исключительно публичная форма «уведомления». Когда Нарышкина в 1807 году родила от Императора дочь Софью, то об этом жене поведал сам Александр и потом постоянно рассказывал, какой это чудесный ребёнок. Софья умерла в 1824 году, накануне своей свадьбы с графом А.П. Шуваловым (1802–1873), и горе Императора Александра было неподдельным…

Елизавета, как уже упоминалось, считала себя «республиканкой», но одновременно она являлась еще и записной ханжой. Своих свекра и свекровь она «терпеть не могла», но, естественно, общественно своих сокровенных чувств не демонстрировала. Она выплескивала их на страницы посланий матери; там можно найти немало критических пассажей и моральных обвинений, особенно по адресу Павла Петровича.

После смерти Екатерины II Елизавета отправила Амалии обширное письмо-отчёт, где сообщила немало деталей происшедшего и излила свою скорбь. Она была возмущена, что

новый Император не проявлял «должных чувств». «Меня оскорбило то, – сообщала Елизавета, – что Государь не выражал скорби по кончине матери, ибо он говорил только об отце, украшал свои комнаты его портретами, про мать не говорил ни слова… Конечно, он поступил хорошо, засвидетельствовав своё почтение отцу всеми способами, какие только возможно себе представить, но, ведь как бы худо ни поступала его мать, всё же она остаётся матерью; между тем можно было думать, что скончалась только Государыня».

Какие высокие моральные принципы демонстрировала бывшая Баденская принцесса! Но эти «принципы» не являлись универсальными, о них она вспоминала лишь от случая к случаю. В основном она руководствовалось своим личным, «дамским убеждением», не стесняясь распространяя по Европе заведомую клевету. Вот, скажем, её пассаж, касающийся Императора, Императрицы и Нелидовой. «Конечно, она добрая, прекрасная, неспособная сделать кому-либо зло (имеется в виду Мария Фёдоровна. – *А.Б.*), но чего я не могу в ней переносить, это её заискивания у Нелидовой, у предмета мерзкой страстишки (!!! – *А.Б.*) Императора».

Елизавета была убеждена, что «Россия – страна рабов», что «вся Россия» изнывает под ярмом «тирании», находясь в руках «деспота» – Императора Павла. Правда, никакой России она не знала, русским языком не владела – несколько слов и отдельных нечленораздельно произносимых фраз в расчёт можно не принимать. Россию она только и видела в образах горничных, камердинеров и лакеев, да и то не всех; немало было приглашенных из других стран. Что же касается аристократии, то многие её представители только по фамилии и были русскими; кругом – французская и немецкая речь, мысли, настроения, привычки, моды и интересы – исключительно «из Европы».

Елизавета всё время правления Павла «изнемогла от тирании» и в своей ненависти к Императору дошла до того, что фактически одобрила его свержение. Её смущали только методы, которые использовались при свержении «тирана». «Честно говоря, я рада» – таково резюме невестки убиенного…

Елизавета Алексеевна после восшествия Александра Павловича на Престол в марте 1801 года стала Императрицей. Её тщеславие было вознаграждено: столь нелюбимая свекровь теперь только «Вдовствующая Императрица». С Марией Федоровной она общалась только на торжественных церемониях. У Елизаветы не нашлось ни человеческой потребности, ни светской деликатности утешать свекровь в период тяжелейших переживаний, которые обрушились на неё после гибели Павла. Формально она

находилась рядом, но сердце её горю не принадлежало.

Вдове Павла I Императрице Марии Фёдоровне довелось дожить до страшного позора, который принесла в Императорскую Семью её невестка – Императрица Елизавета Алексеевна. Обвиняя многих в «моральном непотребстве» Елизавета явила пример морального падения, став жертвой той самой «мерзкой страстишки», в которой она когда-то облыжно обвиняла Императора Павла Петровича.

Жена и Императрица стала возлюбленной молодого красивого кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова (1780–1807). Потом будут написаны статьи и книги, в которых эта связь будет поэтизироваться, а поведение Елизаветы будет оправдываться ссылками на её «несчастную женскую судьбу». С обычной обывательской позиции такое поведение женщины, наверное, можно понять и оправдать, но данный случай был совсем не рядовой. Елизавета Алексеевна являлась Императрицей; на неё были устремлены миллионы глаз, она дала клятву перед Лицом Божиим хранить верность своему мужу, а потому, нравится это или не нравится, обязана была являть пример добродетельности и моральной незапятнанности. Произошло же совершенно обратное.

Молодой кавалергард не только стал её возлюбленным, который проникал к ней в спальню ночью, через окно, но он стал и отцом её ребёнка: 3 ноября 1806 года Императрица родила дочь Елизавету, которая скончалась в апреле 1808 года. Здесь не место описывать сколько-нибудь подробно эту тайную историю. Отметим только несколько важных событийных моментов.

Во-первых, Александр Павлович знал, что его жена произвела на свет незаконнорождённое дитя, получившее его отчество; в силу «братских супружеских отношений» он просто об этом не мог не знать.

Во-вторых, Охотников погиб – был смертельно ранен кинжалом при выходе из театра.

И, в-третьих, Елизавета настолько дорожила памятью о возлюбленном, что сохранила переписку с ним.

История покушения так и не раскрыта. Подозрение в его организации падало на разных лиц, но особенно подозревался брат Императора Александра I Великий князь Константин Павлович, стремившийся положит конец адюльтеру, порочащему Императора.

Елизавета тяжело переживала за возлюбленного и даже посещала умирающего на дому, а потом выделила деньги для сооружения надгробия на его могиле.

Могила Охотникова и надгробие на Лазаревском кладбище

Александро-Невской лавры сохранились до настоящего времени. Памятник изображает скалу со сломанным дубом, а у подножия скалы – коленопреклоненная женская фигура, держащая в руках погребальную урну. Беломраморное изваяние было установлено через шесть месяцев после смерти Охотникова, последовавшей 30 января 1807 года.

Елизавета Алексеевна умерла 4 мая 1826 года по дороге из Таганрога в Петербург в городе Белёве. После смерти её дневники и вся корреспонденция оказались в распоряжении Императора Николая I, который настолько был шокирован открытием, что приказал уничтожить все документальные и вещественные доказательства порочной связи покойной. Но перед уничтожением он показал некоторые документы жене – Императрице Александре Фёдоровне (1798–1860) и матери – Императрице Марии Фёдоровне.

Для вдовы Императора Павла подобное не стало шокирующим открытием. Она давно подозревала невестку в предосудительном поведении; и вот теперь эти подозрения – и о связи с Чарторыйским, и о другой связи – получили документальное подтверждение. Сохранились дневниковые записи статс-секретаря Г.И. Вилламова (1773–1842), которого Императрица Мария Фёдоровна знала многие годы и с которым нередко делилась сокровенными мыслями. Как явствует из этих записей, для неё в личной жизни невестки не было никаких тайн задолго до её смерти. Вот запись от 26 сентября 1810 года.

Императрица «призналась, несмотря на моё сопротивление и нежелание слышать ничего плохого об Императрице Елизавете, что двое детей Императрицы были не от Императора; что касается первого (Марии. – *А.Б.*), были ещё сомнения, и она не хотела этому верить, несмотря на чёрные волосы девочки, привлекшие внимание покойного Императора, однако, что касается второго, она полностью ошиблась, она приняла его за ребёнка Императора, хотя последний признался, что не был близок с Императрицей… После смерти малышки (Елизаветы. – *А.Б.*) она узнала из беседы с ним (Александром Павловичем. – *А.Б.*), что это был результат второй измены Императрицы».

Для супруги же Николая I, Императрицы Александры Фёдоровны, не прошедшей «школу фривольных нравов» Двора Екатерины II, открытие подробностей интимной жизни Елизаветы Алексеевны стало настоящим морально-психологическим потрясением, которое и отразили её дневниковые записи.

«Боже мой! И эту женщину вся Россия и Европа почитали за святую и безупречную, за невинную страдалицу и жертву!.. Дважды согрешить и скомпрометировать себя, будучи супругой

столь молодого, любезного человека, имея перед глазами пример Императрицы-Матери, сумевшей сохранить такую чистоту в развратное и безнравственное царствование Екатерины, – вот почему её труднее простить, чем других…» (15 мая 1826 года).

«Если бы я сама не читала это, возможно, у меня остались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, Императрице Елизавете, в которых он называет её «моя женушка», «мой друг, моя жена, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя» и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом Дворце, и они проводили вместе 2–3 часа… Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье…» (4 июня 1826 года).

«Матримониальная деятельность» Императрицы Екатерины II только в одном случае оказалась плодотворной. Брак Павла и Марии Фёдоровны хоть и нельзя назвать идеальным, но, во всяком случае, он был полноценным и многие годы дарил радость супругам. Все же другие брачные проекты и комбинации Екатерины оканчивались печально и плачевно.

В феврале 1796 года Екатерина женила своего второго внука семнадцатилетнего Константина Павловича на пятнадцатилетней принцессе Саксен-Заалфельд-Кобургской Юлиане-Генриэтте-Ульрике, принявшей Православие под именем Анны Фёдоровны (1781–1860). Как и в случае с Александром, родители совершенно были отстранены от выбора невесты; их только «уведомляли».

Константин, женившись, не оказался примерным мужем. Юная принцесса пошла под венец с человеком, который не имел буквально ни одной добродетельной черты. Константин начал издеваться над своей избранницей еще до свадьбы: вламывался к ней в спальню под грохот барабана еще затемно, заставлял «держать караул» у постели, заламывал ей руки, кусал, в общем – истязал, как мог.

Венчание ничего в поведении Великого князя не изменило. Он требовал, чтобы жена непременно бывала на «учениях» в манеже, где любимым «аттракционом» для супруга была стрельба из пушек живыми крысами! Анна Федоровна от этого зрелища падала в обморок, что необычайно веселило Великого князя.

Несчастная Великая княгиня проводила дни и ночи в рыданиях, но самое худшее ждало ее впереди. Будучи по своей натуре балбесом-фельдфебелем, Константин Павлович в личной жизни вел себя соответственно. Он не чурался связями со шлюхами самого низкого пошиба, и все закончилось тем, чем и

должно было закончиться: Константин Павлович наградил жену венерической болезнью.

Княгиня готова была умереть от стыда и позора; она терпеть не могла своего мужа-садиста, но, запуганная и сломленная, боялась пожаловаться свекру – Императору Павлу Петровичу. Лишь только Александр Павлович и его жена Елизавета Алексеевна знали перипетии этой трагической «семейной жизни», сочувствовали, но ничем помочь не могли. Анна Федоровна мечтала о разводе, но боялась о том даже заикнуться! Перелом наступил после смерти Павла I. За восемь дней до его убийства в Михайловском замке Анна Федоровна родила мертвого ребенка. Передавали, что эта смерть очень опечалила Императора Павла, якобы даже намеревавшегося посадить Константина под арест!

Когда на Престол взошел Александр Павлович, то очень быстро Константин Павлович пустился, что называется, во все тяжкие. Он все больше и больше отдалялся от жены и со временем совсем перестал с ней видеться. Хотя он числился Наследником Престола и носил титул Цесаревича, но совершенно не интересовался такой перспективой. Он занимая пост командующего польской армией, находился большую часть времени в Польше, где чувствовал себя вполне спокойно. Там Великий князь увлекся молодой польской красавицей Иоанной (Жаннет) Грудзинской (1795–1831), дочерью польского графа Антона Грудзинского.

Константин пренебрег всеми своими династическими обязанностями, родовым долгом и добился от Брата-Императора согласия на развод с Анной Федоровной, который и был оформлен Царским манифестом 12 мая 1820 года. Через некоторое время Великий князь женился на Жаннет, получившей титул «княгини Лович».

А как же реагировала Анна Федоровна? Никак. Она еще в 1801 году вырвалась из «семейного ада» и навсегда покинула Россию. Александр I позаботился о ее имущественном положении, и материальных неудобств Великая княгиня не испытывала ни до формального развода с Константином в 1820 году, ни после. Большую часть своей оставшейся жизни она провела в Швейцарии на вилле «Буассьер» около Женевы…

Третий «брачный проект» Екатерины II окончился европейским скандалом ещё до того, как новобрачные дошли до алтаря.

Очередной матримониальный замысел Екатерины был связан с внучкой Александрой Павловной (1783–1801), которую она вознамерилась выдать замуж за молодого Шведского Короля Густава IV Адольфа (1778–1837)[26]. Он только в начале 1796 года

вступил на Престол, а в августе вместе со своим дядей-регентом, герцогом Карлом Зюдерманладским, прибыл в Петербург просить руки внучки Царицы, Великой княжны Александры Павловны. Бабушку совершенно не смущало, что её внучке в июле 1796 года исполнилось только тринадцать лет!

Эта партия была желанна Екатерине II; она фактически являлась ее инициатором. Она видела в брачном союзе определенный политический смысл: женитьба Короля на русской Великой княжне должна была способствовать складыванию союзнических отношений между Россией и Швецией. После смерти Австрийского Императора Иосифа II у Екатерины не осталось больше в Европе «друзей-союзников».

Густава принимали с необычайным радушием; на внимание и затраты не скупились. Однако получилось все совсем не так, как предполагала Императрица. В последний момент Король Густав отказался принять условие брачного контракта, позволявшее жене сохранять верность Православию[27]. Случился этот «конфуз» 11 сентября 1793 года в Тронном зале Зимнего Дворца, где все ожидали выхода Короля и объявления помолвки. Шло время, Король не появлялся, и наконец появился бледный как полотно Платон Зубов и сообщил на ухо Императрице, что «всё кончено», «Король уезжает». Впервые за многое годы самообладание изменило Екатерине. Она объявила собравшимся в Тронном зале сановникам и дипломатам, что «Король не здоров» и помолвка откладывается. Ударив тростью приставленного к Королю графа А.И. Моркова (1747–1827), «Екатерина Великая» сорвала мантию и разгневанная удалилась в свои покои.

Это был её личный скандальный провал, списать его на кого-нибудь другого не было никакой возможности; ведь все предварительные переговоры проходили под контролем Платона Зубова, её любимого «Платоши». Ей, «Екатерине Великой», отказали, ей нанёс оскорбление какой-то мальчишка! После этого случая в Петербурге возникли предположения, что Императрица «это так не оставит», что война со Швецией «неизбежна».

Екатерина намерения бряцать оружием не проявляла, но настроение у неё в последние недели жизни было самое безрадостное. Преданная ей графиня В.Н. Головина описала вид Императрицы на одном из балов, который давал в Зимнем Дворце вскоре после размолвки с Королем Великий князь Александр Павлович.

«Государыня тоже присутствовала на празднестве, она тоже была вся в черном, что я в первый раз видела[28]. Она носила всегда полутраур, кроме совершенно исключительных случаев. Ее

Величество села рядом со мной; она показалась мне бледной и осунувшейся… «Не находите ли Вы, – спросила она меня, – что этот бал похож не столько на праздник, сколько на немецкие похороны? Черные платья и белые перчатки производят на меня такое впечатление».

История не сохранила свидетельства, находились ли Цесаревич и Цесаревна в Тронном зале в момент провала помолвки их старшей дочери; если они даже там и находились, то, как и во всех предыдущих случаях, им уготована была только роль сторонних наблюдателей. Их мнением Екатерина не интересовалась и ни в какой форме с ними не советовалась. Уместно добавить, что Александра Павловна была выдана замуж уже в эпоху царствования Павла I. В октябре 1799 года она стала женой эрцгерцога Австрийского, палатина Венгерского, сына Императора Леопольда II (1747–1792) Иосифа-Антона (1776–1847). Александра Павловна скончалась от послеродовой горячки в марте 1801 года в Будапеште…

Глава 11. Ненависть без срока давности

28 июня 1762 года правнук Императора Петра I, сын Императора Петра III, Павел Петрович был лишён всех видов на Престол.

Повелительницей России на долгих 34 года сделалась его мать.

Никогда не любившая сына, Екатерина II обладала одним качеством натуры, которое являла на протяжении всей своей долгой жизни. Её ненависть не проходила за истечением «срока давности». Она могла быть великодушной, она часто меняла личные пристрастия, но она не забывала и не прощала ничего и никого, что или кто хоть как-то ущемлял её нераздельное властвование.

Павел являлся живым укором, и мать всегда смотрела на него не просто с холодным отчуждением, но и с опаской. Хотя Цесаревич не делал ничего, что могло быть истолковано как «протест» или «неповиновение», но умной правительнице и прожжённой интриганке Екатерине этого и не требовалось.

Она знала, что Павел – враг, а потому многие годы царствования насаждала в своём окружении не просто высокомерное, но именно враждебное отношение к сыну, который третировался как умственно «неполноценный» и психически «неуравновешенный». Она готовилась устранить навсегда Павла от прав на Престол, передав их своему воспитаннику и любимчику – внуку Александру. И если бы она прожила дольше, то можно почти с полным правом утверждать, что довела бы это грязное дело до конца. «Минерва» вообще не любила останавливаться на полпути. Но не случилось: апоплексический удар и последовавшая затем смерть помешали «Екатерине Великой» совершить ещё одно великое злодеяние…

Вся эта история – отношения матери и сына – давно служит предметом смысловых спекуляций. Так как в данном тандеме Екатерина изначально пользуется преобладающим расположением среди историков и прочих «специалистов по прошлому», подавляющая часть авторов целиком на стороне матери. В оправдание Екатерины приводятся разнообразные логические аргументы, в то время как Павлу совершенно бездоказательно вменяются в вину различного рода «злокозненные намерения», которыми тот якобы был переполнен с самых младых лет. В качестве типичного образчика подобного

рода умозаключений можно сослаться на сочинение генерала Н.К. Шильдера, который в своей биографии Павла Петровича запечатлел целый букет умозрительных измышлений.

Вполне понятно, что Шильдер не употребляет выражение «преступление» применительно к акту свержения и убийства Петра III, правление которого он, вослед за Н.М. Карамзиным, называл «вредным». По мнению автора, Екатерина, «обладая совершенно исключительными свойствами ума и характера… не могла добровольно снизойти до жалкой роли правительницы, вроде Анны Леопольдовны». Не «могла» – и всё тут. А как же закон и традиция, когда всегда и везде сын – наследник и преемник отца. Никак. При таких умозаключениях ни кровнородственный закон, ни закон сакральный в расчёт не принимаются. Между тем когда описывается свержение в 1741 году Иоанна Антоновича и воцарение Елизаветы Петровны, то факт её родственный связи с Петром I выпячивается как главный аргумент. В связи же с Павлом история интерпретируется совершенно иначе, хотя Павел Петрович прямая «поросль древа Петра Великого», в то время как Екатерина лишь случайный нарост на нём.

Шильдера особо интересовало отношение Павла Петровича и к перевороту, и к воцарению матери. Напомним, что Павлу к этому моменту не было ещё и восьми лет, что само по себе исключало возможность наличия неких «документов», раскрывающих «злостные намерения» фактически малыша. Шильдер их, естественно, не обнаружил, что, впрочем, не помешало ему создавать широкие психологические обобщения. Оказывается, «уличная обстановка» 28 июня произвела «потрясающее впечатление на нервного ребёнка, одаренного к тому же болезненным воображением». Шильдер всё время намекает, а порой и говорит открыто о том, что Павел с малолетства страдал «нервным расстройством», что «в уме маленького Павла прочно засело предубеждение против матери». Откуда же сие известно? Ниоткуда. Это очередные тенденциозные вымыслы, которых в большинстве сочинений о Павле Петровиче предостаточно.

Шильдер привёл одно высказывание Екатерины II из её переписки с немецким критиком и дипломатом Фридрихом Гриммом (1728–1807): «Не всегда знают, что думают дети, и трудно узнать детей, особливо когда доброе воспитание приучило их слушать с покорностью». Почти наверняка это сетование вызвано было отношением сына Павла, который никак и никогда не позволял себе нечто, похожее на критику матери. Екатерине же хотелось бы знать самые сокровенные мысли сына, но в этот мир

она допущена не была. Не были туда допущены и историки, которые тем не менее всегда позволяли себе интерпретировать покорность Павла в самом негативном смысле.

У Шильдера в этой связи можно прочитать следующее: «Павел повиновался с покорностью и, конечно, об известных вещах научился своевременно молчать, но от этого, разумеется, нисколько не выигрывали его сыновние чувства по отношению к матери. После 6 июля (день убийства Петра III. – *А.Б.*) взаимные отношения получили ещё новый, отсутствовавший дотоле, неприязненный оттенок. Между матерью и сыном появилась тень, хотя и не грозная, но наложившая, однако, неизгладимую печать на отношения Императрицы к своему первому верноподданному. Между ними окончательно создалась отныне глубокая пропасть, над которой Цесаревич много лет предавался пагубным размышлениям».

Исследователь фактически обвиняет маленького мальчика в создании атмосферы вражды с матерью и Императрицей, не приводя в подтверждение никаких фактов, потому что таковых не существовало (да и не могло существовать) в природе. Если же даже и признать, что Павел с детства «не любил» родительницу, то невольно возникают и другие вопросы, которые почти все обходят стороной. А сама Екатерина любила ли Павла? Что она, став Императрицей, сделала для сближения с сыном? Окружила ли она его вниманием и лаской? Об этом оправдатели Екатерины стараются не писать, потому что ответы могут быть только: нет, нет и нет.

Вскоре после воцарения Екатерина сделала «красивый жест», которые она всегда так любила. Императрица предложила известному французскому философу и математику, члену Парижской Академии Жану Даламберу (1717–1783) приехать в Россию и стать воспитателем Цесаревича. При этом она предлагала французскому академику баснословное содержание в 100 тысяч франков. Даламбер любезно отклонил предложение русской повелительницы. Это Екатерину не остановило, и она через несколько месяцев вторично обратилась к Даламберу, теперь уже предлагая тому устроить в России и всех друзей философа по его выбору. Результат вторичного обращения закончился ничем.

Почему Екатерина так настойчиво домогалась получить в воспитатели сына европейскую знаменитость? Часто писали о том, что она хотела, чтобы Павла Петровича наставляли лучшие умы Европы. Такой побудительный мотив исключить нельзя, хотя он и не представляется особо значимым. Более правдоподобной звучит другая версия: это была политическая комедия,

разыгранная для получения, как бы теперь сказали, имиджевых дивидендов. Екатерина любила декоративные акции, особенно такие, которые имели широкий общественный резонанс.

Придя к власти как самозванка, она всеми силами старалась развеять негативный ореол, окружавший историю её воцарения. Ей надо было утвердиться в роли просвещённого монарха, в роли, которая была в большой моде в Европе. И ей это удалось. Даламбер не приехал в Россию, но о Екатерине заговорили в парижских салонах, в которых в тот период формировалось «мнение Европы». Самого Даламбера «просвещенной государыне» обмануть не удалось. В письме к Вольтеру он язвительно заметил: «Я очень подвержен геморрою, а он слишком опасен в этой стране»…

Конечно, провозгласив сына Цесаревичем, Екатерина обязана была соблюдать весь имперский антураж. Уже 4 июля 1762 года Павел Петрович был пожалован в полковники лейб-гвардии Кирасирского полка, а 20 декабря Цесаревич произведён в генерал-адмиралы[29]. 10 июля 1762 года Императрица назначила ему содержание в 120 тысяч рублей в год, а в 1763 году подарила Каменный остров в Петербурге.

Сохранилось несколько описаний облика, манер и образования юного Цесаревича Павла Петровича, принадлежавших иностранцам, которым довелось общаться с ним лично.

Подробное описание физического и умственного состояния Цесаревича оставил англичанин Фома Димсдаль (Димсталь, Димсдэль, 1712–1800). Занимая пост врача в английской армии, он сделался европейской знаменитостью, став зачинателем важного дела: прививками против оспы. Екатерина II пригласила Димсдаля в России, где от оспы умирало множество людей, чтобы покончить с этим страшным бедствием. Она решила показать прочим личный пример, и 12 октября 1768 года в Зимнем Дворце английский врач привил оспу Императрице. На очереди была прививка и у Павла Петровича, но тот несколько недель проболел ветрянкой, и процедуру пришлось отложить до 1 ноября, когда прививка и состоялась. Причём она была сделана с согласия самого Цесаревича.

Когда Димсдаль в августе 1768 года прибыл в Россию, то сразу же с ним встретился Никита Панин и обратился к гостю с куртуазной речью по поводу Павла Петровича, желавшего получить прививку. «Он (Павел. – *А.Б.*) желал даже, чтобы она была произведена. Поэтому, прежде чем будет приступлено к делу такой важности, я должен просить Вас исследовать предварительно его телосложение и состояние его здоровья. Его

высочество знает, что Вы приехали, хочет Вас видеть и приглашает Вас кушать с ним завтрак. Смею Вас уверить, что Его высочество будет весьма доступен и вполне расположен познакомиться с Вами».

Однако только этими общими фразами дело не ограничилось. Панин попросил Димсдаля и о другой услуге, в круг английского визитёра первоначально не входившей. «Будьте с ним сколь возможно больше, наблюдайте за ним во время стола и при его забавах, изучайте его телосложение. Не будем торопиться, но, когда каждое обстоятельство будет достаточно соображено, представьте Ваше донесение с полною свободою».

Этот эпизод английский врач позже описал в своих воспоминаниях, и нет никаких оснований сомневаться в их достоверности. Он может показаться несущественным, если только не принимать в расчёт реальную ситуацию при Дворе. Никита Панин прекрасно знал её; знал многие скрытые и тайные эпизоды и настроения, которые такому опытному царедворцу ничего не стоило разглядеть за фасадом фальшивых поз и фраз. Павлу – четырнадцать лет; он на пороге совершеннолетия, он имеет все законные природные права на Престол, которого его беззастенчиво лишили.

Димсдаль наблюдал на Цесаревичем несколько недель, проводил не раз полное освидетельствование, беседовал с ним на разные темы, и его заключение не оставляло никаких возможностей для двусмысленного толкования.

«Цесаревич и Великий герцог Голштинский Павел Петрович, единственный сын Её Величества, росту среднего, имеет прекрасные черты лица и очень хорошо сложён. Его телосложение нежное, что происходит, как я полагаю, от сильной любви к нему и излишних о нём попечений со стороны тех, которые имели надзор над первыми годами Наследника и надежды России. Несмотря на то, он очень ловок, силён и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что нетрудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия. Что касается до его воспитания, то едва ли есть принц, которому было оказано более заботливого внимания. Он имеет по всем наукам отличных учителей, которые каждый день приходят его наставлять, и им он посвящает большую часть своего времени. Утро проводит он весьма прилежно с ними. Около полудня он отправляется изъявить своё почтение Императрице; после того он проводит несколько времени с придворными, которые имеют честь обедать за его столом. Окончив обед, после кофе, он отправляется к своим учебным занятиям, в свои внутренние покои, до самого вечера».

И через двести пятьдесят лет после Димсдаля его заключение

остаётся наиболее полной зарисовкой физического и умственного развития четырнадцатилетнего Павла Петровича.

Летом 1771 года произошёл один эпизод, повлиявший не только на придворную жизнь. В начале июня Цесаревич заболел «горячкой» и болезнь быстро приняла угрожающий характер. Врачи сбились с ног, а Никита Панин не отходил от Цесаревича ни днём ни ночью. Екатерина оставила свои увеселения в Петергофе и вернулась в Петербург, чтобы ежедневно видеть сына и получать известия о состоянии его здоровья.

Самое же непредвиденное случилось не в Зимнем Дворце, а вокруг него: весть о болезни Цесаревича быстро облетела всю столицу и вызвала неожиданно-сочувственную реакцию у населения. Толпы горожан ежедневно в течение пяти недель, пока продолжалась болезнь, собирались перед Дворцом, чтобы узнать новости о состоянии здоровья Павла. Молились, крестились, ставили в храмах свечи о здравии.

Эти всеобщие переживания, зримые знаки любви к Наследнику, не могли не поразить Императрицу. Она всегда болезненно воспринимала любые формы симпатии к Павлу; ей чудилось в этом неуважение к собственной персоне. А тут вдруг всколыхнулось такое море! Хозяйка Зимнего Дворца ничего поделать не могла и молчаливо взирала на происходившее действие, в котором нетрудно было различить признаки недовольства её режимом. Не прошло ещё и десяти лет со дня её воцарения, а русские уже стенают и плачут о Наследнике, видя в нём (откуда они сие взяли?) надежду и радость своего будущего.

Лучше всех выразил всеобщее состояние известный писатель и комедиограф Денис Иванович Фонвизин (1744–1792), написавший восторженное «Слово» по случаю выздоровления Павла:

«Настал конец нашему страданию, о россияне! Исчез страх, и восхищается дух веселием. Се Павел, отечества надежда, драгоценный и единственный залог нашего спокойствия, является очам нашим, исшедши из опасности жизни своей, ко оживлению нашему. Боже, сердцеведец! Зри слёзы, извлечённые благодарностью за Твоё к нам милосердие; а ты, Великий князь, зри слёзы радости, из очей наших льющиеся. Любезные сограждане! Кого мы паки зрим! Какая грозная туча отвлечена от нас Десницею Всевышнего!»

Этот отпечатанный пафосный панегирик не мог доставить радости Екатерине. О шестнадцатилетнем Павле говорили как о каком-то спасителе России, который в будущем подарит стране и людям «блаженство». Конечно, тут не обошлось без «доброхотов», раструбивших о болезни и взвинтивших нервные настроения.

Приближалось совершеннолетие Цесаревича. Законом этот возраст определён не был, но в соответствии со старой традицией таковым рубежом считалось восемнадцать лет. Некоторые надеялись, что Екатерина уступит Павлу Петровича место на Троне; сама же она ни о чём подобном не помышляла. До её ушей долетали подобные разговоры, она их считала «глупыми», а распространителей их – «дуралеями». Не для того она столько лет терпела и боролась, чтобы по доброй воле отдать завоеванное тени ненастного Петра III.

В 1763 году Екатерина II совершила паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, где Платон, обладавший даром слова, произнес перед Императрицей проповедь «О благочестии». Повелительница была «очарована», надо думать, не только услышанным словом, но и статью молодого профессора. Оттого и прозвучал кокетливый вопрос Императрицы: почему он пошел в монахи? История сохранила и ответ молодого Платона: «По особой любви к просвещению».

В 1764 году Платон был приглашен в законоучители к Цесаревичу Павлу и исполнял свои обязанности до первой женитьбы Цесаревича в 1773 году. Нет никакого сомнения в том, что благодаря Платону Павел Петрович из числа русских монархов XVIII века являлся самым богословски образованным. Сохранился отзыв Платона о своем подопечном, в данном случае чрезвычайно важный:

«Великий князь был горячего нрава, понятен, но развлекателен. Разные придворные обряды и увеселения немалым были препятствием учению. Граф Панин был занят министерскими делами, но и гулянью был склонен. Императрица самолично никогда в сие не входила. Однако высокий воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему ещё было со млеком покойною Императрицею Елисаветаю Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными от неё набожными женскими особами. Но при том Великий князь был особо склонен и к военной науке и часто переходил с одного предмета на другой».

…Цесаревич не скрывал, что его во многом не устраивает течение дел в государстве, но при этом он даже и мысли не держал о том, чтобы бросить вызов существующему порядку вещей. Всегда находились люди, желавшие подтолкнуть Цесаревича к активным действиям; сделать его центром противоправительственных интриг или даже заговора. Этого опасалась и Екатерина, болезненно реагировавшая на малейшие

подобные признаки. Толпы агентов и осведомителей каждодневно подслушивали и подглядывали за всем, что происходило в окружении Цесаревича, а потом доносили «по принадлежности». Но ничего государственно-преступного не выяснялось. Да, велись разговоры на политические темы, да звучала критика, но критика исключительно по адресу отдельных лиц и мероприятий. Имя же Императрицы в этих критических разговорах не затрагивалось никогда.

Позиция неприкасаемости престижа Императрицы прозвучала в разговоре Павла Петровича и с представителем Короля Фридриха: «Я – подданный российский и сын Императрицы Российской, что между мной и ею происходит, того знать не подобает ни жене моей, ни родственникам, ни же кому другому».

Всегда оставался открытым вопрос: почему Екатерина II, придирчиво следившая за занятиями и увлечениями Павла и неизменно стремившаяся пресечь любые формы проявления его общественной самостоятельности, столь снисходительно относилась к «Павловской армии», насчитывавшей почти две тысячи человек? Убедительного ответа нет до сих пор. Не исключено, что, наблюдая за военными упражнениями Павла, Императрица смотрела на всё это как на «безделицу», не несущую в себе никакой угрозы ей лично. Ну, ведь была когда-то у Петра III подобная «игрушечная армия», его голштинцы. Ничего они не решили и самому несчастному их командиру помощи не оказали. Правда, те по преимуществу были чужаками в России – родом все почти немцы. У Павла же – большей частью православные, из русских и малороссов. Рядовые набирались по вербовке, а офицеры рекрутировались из отставных.

Не исключено, что, смотря сквозь пальцы на «Павловскую армию», Екатерина II надеялась, что нелюбимый сын попытается как-то использовать её в своих властолюбивых планах. И когда подобное намерение проявится хоть в зародыше, можно будет одним ударом уничтожить и эти потешные войска, и их предводителя. Не получилось, не дождалась «Екатерина Великая» ожидаемого «заговора»…

В 1787 году возникла реальная угроза новой войны с Турцией, второй в её царствование (первая – завершилась в 1774 году). Всего при Екатерине Россия вела семь войн – две с Турцией, три с Польшей, по одной с Персией и Швецией. Войны истощили финансовые ресурсы государства; государственный долг достигал астрономической суммы в 200 миллионов рублей. Административный аппарат пребывал в параличе, дела не рассматривались годами и даже десятилетиями. Только в Сенате таковых накопилось около одиннадцати тысяч!

Турция не могла смириться с потерей Крыма, в Стамбуле господствовали реваншистские настроения. Подстрекаемое Англией и Францией правительство султана в августе 1787 года предъявило России ультиматум: вернуть Крым, признать Грузию вассальной территорией султана и согласиться на досмотр русских судов, идущих через проливы Босфор и Дарданеллы. Естественно, что русское правительство отвергло подобные требования, и тогда 13 (24 августа 1787 года Турция объявила войну России. В свою очередь, 9 сентября появился Высочайший Манифест о войне с Оттоманской Портой.

Война продолжалась более четырех лет и завершилась подписанием 29 декабря 1791 года Ясского мирного договора. Турция признавала военное и стратегическое поражение. К России отходили земли между Южным Бугом и Днепром, на Кавказе устанавливалась граница по реке Кубань и Турция обязывалась не нападать на грузинские и кубанские земли.

Когда 9 сентября 1787 года появился Манифест о войне, то уже на следующий день Императрица получила письмо от Цесаревича, в котором он просил отправить его на войну «волонтёром», т. е. разрешить идти на войну не в качестве командира, а рядового добровольца. Екатерина совсем не собиралась отправлять сына на войну ни в каком качестве. Там главные военные операции находились в руках Г.А. Потемкина, а потому столкновение между Павлом и Потёмкиным представлялось неизбежным. Но это было не самым главным аргументом: Екатерина совершенно не хотела, чтобы Цесаревич представал перед войсками, чтобы он играл публичную роль, да ещё на полях сражений!

Следом к Императрице поступило нижайшее прошение и от Цесаревны Марии Фёдоровны, которая просила разрешить ей следовать за мужем и поселиться где-нибудь поближе к армии. Тут уж «великая государыня» не выдержала и написала невесте письмо-отповедь, не оставляя у просителей никаких иллюзий и в будущем:

«Отдавая полную справедливость Вашим чувствам, прошу позволения сказать Вам, что мужу Вашему нет никакой необходимости, ни обязанности ехать в армию, что он сам добровольно заявил о своём желании отправиться в качестве волонтёра, на что я согласилась, хотя в том не предстоит никакой надобности или обязанности, но единственно из снисходительности, и если бы он не ехал или же не выражал своего желания ехать, то поступил бы так, как поступают тысячи лиц одинакового с ним происхождения…»

Императрица проговорилась о самом сокровенном, что

лежало на сердце: Павел не может рассчитывать на особое отношение, он ничем не отличается от «тысяч лиц», имевших якобы такое же «происхождение». Однако дело было в том, что в России не имелось ни одного человека, который мог бы сравниться по общественному статусу с Павлом Петровичем. Сын Императора, сын Императрицы, правнук Петра I. Что же Екатерина об этом забыла? Конечно же, нет. Дело было совсем не в плохой памяти. Она просто очень хотела низвести Павла на уровень обычного подданного, чтобы раз и навсегда закрыть ему дорогу к Трону. Потому она и писала Потёмкину, что Павел не являлся сыном Петра III, зная, что «верный Григорий» быстро сделает это «тайное признание» известным всему свету.

Екатерина несколько месяцев чинила различного рода препятствия для поездки Цесаревича в армию, о чем он её просил письменно и устно многократно, а в начале 1788 года окончательно закрыла тему. Мария Федоровна готовилась снова стать матерью[30], и Императрица предписала Павлу находиться при ней. Удостоив надоедливого отпрыска собственноручным письмом, Екатерина обрушилась на него с гневным обличением за то, что ей «дорогие дети» ничего не сказали о беременности Марии. «Полагаю, что имею множество прав на то, чтобы узнавать о беременности Великой княгини не из расспросов, не из городских слухов и не после всех».

Павел и Мария ничего не говорили Екатерине не из суеверного родительского страха; просто для них грядущее событие виделось радостью со слезами на глазах. Ведь появление ребёнка означало скорую и неизбежную разлуку с ним…

В этот период Екатерина уже серьезно готовилась к официальному отрешению Павла Петровича от всех видов на власть, для чего начала знакомиться с историческими прецедентами. В дневнике статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого (1749–1801) точно указана дата, когда она увлеклась этой темой: 20 августа 1787 года. Её, конечно, особо занимала история сына Петра I Цесаревича Алексея Петровича. Несчастный сын неистового преобразователя пал жертвой и собственных ошибок, и злой воли отца, усмотревшего в нём угрозу своим преобразованиям.

Изучив всю эту жуткую историю, Екатерина, естественно, полностью одобрила действия Петра I. Она находилась в состоянии такого восторженного возбуждения, что даже оставила потомкам особую «записку» с изложением собственных умозаключений.

«Признаться должно, что несчастный этот родитель (Петр I. – *А.Б.*), который себя видит принуждённым для спасения общего

дела отрешить своё отродье. Тут уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. И так, я почитаю, что премудрый Пётр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына. Сей наполнен был против него ненавистью, злобою, ехидной завистью; изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинки худого, слушал ласкателей, отдалял от ушей своих истину, и ничем не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он же сам был лентяй, малодушен, двояк, нетвёрд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья».

Екатерина использовала все возможные уничижительные эпитеты, чтобы показать, что поступок Петра I не подлежит спору. Правда, она прямо не сказала, что Алексей достоин был смерти, но из контекста вышеприведённого обличения это вытекает с неумолимой неизбежностью. Согласно данной логике, Пётр, и как Самодержец, и как родитель, имел полное право отрешить сына от наследования Трона, а значит, и она, на основании той же властной прерогативы, может смело идти вослед за «премудрым».

Екатерина II «во имя общего дела» уже уничтожила двух Императоров – Петра III и Иоанна Антоновича, и у неё не дрогнет рука расправиться и с Павлом. Самое поразительное во всей этой истории, что Екатерина II так и не осуществила подобного намерения. Её восторженные почитатели не могли этого объяснить и с тайной грустью всегда намекали, что это было бы великое благодеяние.

Но не случилось, не получилось. Тут так и хочется сослаться на «Провидение», или волю Божию. Подобная трактовка напрямую замыкается на истолкование Божьего Замысла, однако подобные произвольные силлогизмы в светской литературе совершенно недопустимы.

Думается, что Екатерину, всегда руководствовавшуюся прагматическими земными расчётами, именно здесь и поджидала самая большая трудность, которую она преодолеть не сумела. Чтобы сделать Павла из избранника простым смертным, надо было предать всему делу публичный характер. Одно дело – задушить кого-то в скрытой от глаз комнате (Пётр III) или убивать шпагой в каземате (Иоанн Антонович), а потом пускать в публику желаемые версии. Совсем другое – вершить дела на свету, перед лицом всего мира.

Павла Петровича надо было в чём-то обвинять, надлежало доказать его или умственную неполноценность, или причастность к государственному заговору. Петру I в этом смысле «повезло»:

его сын Алексей бежал из страны и почти два года обретался в Европе, ведя переговоры с тайными и явными врагами и недоброжелателями России.

Павел Петрович такого «подарка» Екатерине не сделал. Мало того, он вел себя по отношению к ней безукоризненно; толпы соглядатаев так ничего преступного зафиксировать и не смогли. Ну не за критику же Потёмкина и некоторых других её любимцев лишать сына прав на Престол! Объявить же Павла «сумасшедшим» тоже не представлялось возможным. Его знало множество людей и в России, и за границей, которые такой диагноз за подлинный никогда бы не приняли.

Тайно же покончить с Павлом не имелось никакой возможности. Екатерина слишком хорошо знала, сколько язвительных стрел было выпущено в Европе по её адресу в связи с «геморроидальной коликой», от которой якобы скончался Петр III в 1762 году. Вроде бы теперь злобные сарказмы поутихли; четверть века прошло. Снова же вызывать вал критики и сатиры она совсем не собиралась. Потому она так долго и тянула, думая, что как-нибудь все решится само собой, но так до самой её смерти и не решилось…

В 90-х годах XVIII века Россия вступила отягощенная грузом мировых проблем, важнейшие из которых стали результатом глобальной мегамании, которой страдала Екатерина II. Она выражала её уже без всяких прикрас: «Ежели бы я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена была бы Российскому скипетру. Я не умру без того, пока не выгоню турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осною торговлю».

При Екатерине II возник так называемый «Греческий проект», предусматривавший ликвидацию правления султана в Европе и восстановление православной власти в Константинополе. Русские победы над турками в 70-80-х годах XVIII века вызвали в православном мире восторженный прилив радужных надежд; ширилось убеждение, что дни беспощадного исламского ига подходят к концу. Идея сокрушить власть османов, серьезно занимавшая воображение Императрицы Екатерины, казалось бы, отвечала этим вековым православным чаяниям.

Титулом «Императрица Греков» российскую повелительницу наградил ее симпатизант, немецкий публицист и дипломат барон Фридрих Гримм (1723–1807), которому она писала после рождения своего второго внука Константина (1779–1831): «Этот важнее старшего, и едва на него пахнёт холодным воздухом, прячет носик в пеленки; он любит тепло, да мы знаем с вами то, что мы знаем!»

Новорожденного Великого князя Императрица прочила на

роль обладателя «греческого скипетра». Кормилицей к нему была приставлена гречанка по имени Елена; Константина Павловича обучали не только классическому, но и новому греческому языку, чего при Императорском Дворе никогда ранее не делалось. В 1781 году была выбита медаль, на которой Константин был изображен вместе с христианскими добродетелями – Верой, Надежной и Любовью – на берегах Босфора.

Осенью 1782 года Екатерина сообщала «своему другу и брату» Австрийскому Императору (1765–1790) Иосифу II о желании, совместно с Австрией, изгнать мусульманскую власть из Константинополя и усилиями двух стран «восстановить монархию Греческую». При этом она брала на себя обязательство сохранять новое государство в полной независимости от России. Монархом там она видела «младшего внука моего, Великого князя Константина», который должен был дать обязательство «не иметь никаких претензий на Престол Российский».

«Греческий проект» являлся лишь частью амбиционных мировых мечтаний Екатерины II. Хотя она и говорила, что намеревается изгнать из Европы «врагов имени Христианского», но никакой собственно православной интенции в ее устремлениях не просматривалось. Примечательно, что свой план по ликвидации власти султана в Константинополе (Стамбуле) она обсуждала с Австрийским Императором. Именно с ним, личным конфидентом и политическим союзником, она намеревалась изгнать «врагов Христа», как будто не ведая, что ее адресат – католик. Православная правительница находилась в состоянии такого имперского ослепления, что совершенно не замечала очевидного и непреложного: никакой «проект», связанный с Православием, никогда не встретит не только открытой поддержки, но и молчаливого сочувствия у пап в Риме, а следовательно – и у всех верных «сынов» и «дочерей» кафедры Святого Петра.

В последние месяцы жизни Екатерина снова вернулась к старой теме – отлучению Павла Петровича от видов на Престол. Она решила наконец-то придать всему этому проекту «законный» вид. Екатерина ознакомила ближайших сановников с намерением назначить наследником Александра, но, к её удивлению, даже среди них нашлись несогласные. Главным оппонентом оказался Александр Андреевич Безбородко (1747–1799).

Выпускник Киевской духовной академии, хитрый и умный малоросс сделал блестящую карьеру при Екатерине II. В 1775 году, по рекомендации фельдмаршала и графа П.А. Румянцева (1725–1796), Безбородко был назначен к Императрице секретарём по принятию прошений на Высочайшее имя. В 1780 году

Екатерина привлекла Безбородко к обсуждению вопросов внешней политики. Он был причислен к Коллегии иностранных дел и фактически сменил Никиту Ивановича Панина на этом посту, хотя формально главой внешнеполитического ведомства состоял граф И.А. Остерман (1725–1811); Безбородко же числился только вторым членом Коллегии. В 1786 году Безбородко был введен в состав «Совета при Её Императорском Величестве» и стал одним из самых доверенных лиц.

Уместно заметить, что после смерти Екатерины именно Безбородко передал Императору Павлу бумаги, касающиеся деятельности по отстранению его от Престола, чем и завоевал расположение. Безбородко получил должность государственного канцлера, был возведён в княжеское достоинство и щедро награждён поместьями.

Так вот, на собрании Совета, имевшем место через несколько месяцев после женитьбы Александра Павловича, Безбородко произнёс монолог, который мог стоить карьеры; все ведь знали о желании Императрицы. Он заявил о возможных «худых последствиях» для Отечества подобного решения, так как «вся Россия привыкла почитать Наследником сына Её Величества». Екатерина быстро закрыла дискуссию; единогласия не было, а возражения она слушать не хотела.

Конечно, отдельные голоса несогласных Екатерину никогда бы не остановили; её смущало другое: позиция самого Александра, о чём звучали вопросительные голоса в Совете. В ответ сказать было нечего; ясной определённости не существовало. Она знала, что Александр не раз высказывался критически против «гатчинских порядков», но при этом постоянно бывал в Гатчине и, как ей не раз передавали, маршировал со всеми прочими на плацу с видимым усердием. Бабушка приписывала эту двойственность «юному характеру» и вознамерилась воздействовать на внука с той стороны, с которой он был воздействию восприимчив. Она обратилась к Лагарпу, «демократические» настроения которого были хорошо известны.

Позже Лагарп изложил в своих воспоминаниях эту драматическую коллизию, которая стоила ему многих переживаний и закончилась отбытием из России. Как явствует из воспоминаний швейцарца, Екатерина 18 октября 1793 года имела с ним весьма обстоятельную беседу, продолжавшуюся около двух часов. Во время этого разговора вещи своими именами не назывались. Императрица рассуждала как бы на отвлеченную тему о «благе государства», а Лагарп, прекрасно понимавший подноготную, изо всех сил изображал, что он не понимает самого

главного, что так заботило повелительницу России. Он не питал никакого расположения к Павлу, знал и о том, что Павел его ненавидит, но все-таки человеческая порядочность не позволила Лагарпу втянуть себя в это грязное дело. В подготовке государственного переворота он не хотел участвовать, хотя и называл Павла Петровича «новым Тиберием».

Екатерина была разочарована. В 1794 году Лагарпу было объявлено, что его роль наставника Александра Павловича и Константина Павловича закончена и он – свободен. 31 января 1795 года появился рескрипт Императрицы, оповещавший, что Лагарп произведён в полковники, уволен со службы, награждён пенсией и на проезд из России в Швейцарию ему выдавалась солидная сумма. Лагарп же не спешил покинуть пределы страны, в которой он провел одиннадцать лет, но которую так и не полюбил. У него оставались моральные обязательства перед некоторыми людьми, которыми он не мог пренебречь.

«Я был возмущен до глубины души, – писал Лагарп, – предстоящей насильственной мерой и ломал себе голову, каким образом предостеречь Павла, постоянно окружённого шпионами и злонамеренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собой самые гибельные последствия».

Лагарп, конечно же, не знал, насколько Павел Петрович был осведомлен о злокозненных намерениях матери. С Цесаревичем он никогда не разговаривал; их отношения ограничивались случайными встречами на некоторых придворных церемониях, причём Павел Петрович уже несколько лет при встречах демонстративно отворачивался. Потому Лагарп принял смелое и опасное решение: с одной стороны, настраивать Александра против согласия на насильственные меры, а с другой – встретиться с Павлом и объяснить ему сложившуюся ситуацию. И республиканцу Лагарпу удалость осуществит оба намерения.

Самое трудное – войти в сношения с Павлом Петровичем. Несколько недель он пытался получить доступ к Цесаревичу, и наконец, 27 апреля 1795 года, приглашение последовало. Лагарп прибыл в Гатчину рано утром, что уже само по себе произвело на Цесаревича благоприятное впечатление. Это был день рождения Великого князя Константина Павловича; ему исполнилось шестнадцать лет. По этому поводу в Гатчине на вечер был назначен бал.

Павел принял Лагарпа в своём кабинете почти тотчас, как только оказался в приёмной, что являлось свидетельством расположения. Беседа продолжалась около двух часов, подробности её неизвестны, но общий ход разговора, как это

следует из воспоминаний Лагарпа, касался необходимости установить добрые отношения между отцом и сыновьями. Бывший наставник уверял Павла, что дети питают к нему самые возвышенные чувства и для достижения полной гармонии отношений необходимо более сердечное, открытое отношение и со стороны отца.

Естественно, Лагарп ничего не сказал о позиции Екатерины, о её происках, да этого и не требовалось. Павел весьма благосклонно выслушал наставления швейцарца, обнял его и пригласил на бал. Вечером произошёл забавный эпизод: Мария Фёдоровна пожелала, чтобы Лагарп был её кавалером в полонезе, но у того не оказалось необходимых в таком случае перчаток. Павел Петрович тут же снял и подарил свои, и их Лагарп потом хранил до самой смерти…

В своих «Записках» графиня В.Н. Головина рассказала одну историю, чрезвычайно показательную для оценки той атмосферы предательства, наушничества и лжи, в которой существовал Павел Петрович в последние годы своего гатчинского затворничества.

Некоторое время особым расположением Павла пользовался граф Никита Петрович Панин (1771–1837) – племянник его высокочтимого воспитателя графа Никиты Ивановича Панина (1718–1783), сын его брата графа Петра Ивановича Панина (1721–1789). В 1793 году Никита Петрович получил придворное звание камергера, и именно в этот период он становится частым гостем и в Павловске, и в Гатчине. Воодушевляемый намерением «окончательно рассорить» Павла с матерью молодой Панин задумал коварную интригу. В один из дней он добился конфиденциальной встречи с Павлом и сообщил, что ему стало известно о «заговоре», составленным против него Императрицей.

Великий князь встретил сообщение спокойно и спросил: известны ли графу имена участников? Получив утвердительный ответ, Павел Петрович попросил Панина написать имена «заговорщиков» на листе бумаги. Панин написал несколько фамилий, после чего Цесаревич попросил графа подписать сей документ. Дальнейшее совершенно не соответствовало видам графа. Павел Петрович взял бумагу и произнес фразу-приговор: «Убирайтесь отсюда, предатель, и не показывайтесь никогда мне на глаза!» Цесаревич заслуженно расценил акцию графа как провокацию; для того чтобы «убрать» сына, Екатерине совершенно не требовалось составлять какой-то «заговор».

Чтобы довести всю историю до конца, Павел отправился с панинской бумагой к Императрице, которая «была также возмущена». Головина не указала время этой истории, но,

возможно, это был 1794 год, так как в начале 1795 года Панин совершенно неожиданно был вынужден покинуть Петербург, получив назначение на место губернатора в Гродно. Почётная ссылка длилась недолго; уже в 1796 году Панин – член Коллегии иностранных дел…

25 июня 1796 года в Царской Семье на свет появился новый царицын внук, которого при благодарственной молитве нарекли Николаем – будущий Император Николай I. Бабушка была чрезвычайно рада и, как и раньше, взяла новорождённого сразу же под своё покровительство. Павел Петрович так и не смог смириться с очередным актом насилия и сразу же после крестин, через неделю после родов, уехал в Павловск.

Цесаревна же Мария Федоровна осталась в Царском Селе ещё на несколько дней. И в этот момент Императрица Екатерина решила нанести «решительный удар», который почитатели Екатерины II расценивали потом как «неудачный», хотя его с полным правом можно назвать если уж и не безумным, то глупым – наверняка. Она потребовала от невестки дать письменное обязательство не претендовать на Престол и добиться от Цесаревича согласия на передачу прав Александру Павловичу!

Мария Фёдоровна, хоть и не оправилась ещё полностью от родов, проявила неожиданно такую волю, которая потрясла Екатерину: супруга Павла категорически отказалась подписывать подобную бумагу и наговорила Императрице «дерзостей». Очевидно, Императрица настолько пренебрежительно относилась к невестке, что ей и в голову не могло прийти, что та способна на отпор. Вряд ли бы в другое время для Марии Фёдоровны подобное «своеволие» прошло бы без последствий; но Екатерина доживала свои последние недели, и времени для «мести» уже не оставалось. Однако одно неприятное последствие Мария Фёдоровна все-таки получила.

Неизвестно почему, но она не рассказала об этой истории Павлу: возможно, просто побоялась, чтобы не травмировать. После же восшествия на Престол у него в руках оказалась та самая «отреченная» бумага, раскрывшая коварный замысел покойной матери. Павел Петрович, любивший во всем ясную определённость, не терпевший в своём кругу лицемерия и инспираций, заподозрил супругу в неискренности; её объяснения и слёзы не могли снять все подозрения. Так или иначе, но эта история способствовала охлаждению супружеских симпатий.

Неменьшее разочарование ждало Екатерину и тогда, когда она вознамерилась обсудить ситуацию с Александром Павловичем, которому и собиралась переадресовать Корону. Есть основания считать, что беседа имела место 16 сентября 1796

года, т. е. через несколько дней после скандала со Шведским Королем. Александр не хотел ни принимать участия в дворцовом перевороте, ни возлагать на себя ношу власти вообще; желание бабушки не вызывало у него никакого энтузиазма. По своей давней привычке, он не сказал ни «да», ни «нет», просил время на «размышление».

Екатерине II ясно стало, что при столь вопиющей нерешительности внука, которую она приметила в нём давным-давно, нечего было и помышлять о дворцовом перевороте. Тут требовался железный характер, а его-то у любимого «Амура» как раз и не оказалось.

Сохранить в тайне эту историю не было никакой возможности, хотя в подробности её были посвящены только отдельные лица. По Петербургу начали курсировать зловещие слухи: якобы готовится Манифест, который будет опубликован или 24 ноября – день тезоименитства Императрицы, или 1 января 1797 года, в котором наследником Престола будет объявлен Александр. Утверждали, что участь Павла Петровича уже предрешена: он, отрешённый от всех видов на власть, будет сослан под арест в замок Лоде в Эстляндии.

Трудно сказать, в какой степени указанные слухи имели подлинное основание, но одно несомненно: Императрица никогда не отступала от намеченной программы и невозможно предположить, чтобы в таком стратегическом вопросе она бы пошла на попятную. Существует легенда, что Екатерина составила особую «духовную грамоту» – завещание, в котором называла восприемником власти Великого князя Александра. Если таковая бумага и существовала, то, как и некоторые другие документы по этому делу «о государственном перевороте», исчезла без следа.

Достоверно известно то, что в последние недели жизни матери Павел Петрович ждал возможного ареста не только каждодневно, но и буквально ежеминутно.

«Минерва» не успела осуществить свой коварный замысел; земной срок её подходил к концу. Последний свой Указ – Об устройстве почты в Виленской и Слонимской губерниях – она подписала 29 октября; последний же раз на публике Императрица появилась в воскресенье 2 ноября 1796 года. Был обычный дворцовый прием с ужином, но Императрица за стол не садилась. Давно уже, борясь с тучностью, Екатерина II отказалась от вечерних трапез в Тронном зале. Так было и на сей раз, но многие заметили бледность и грустное выражение на её лице. Верная графиня В.Н. Головина потом написала: «Она ушла после того, как положила мне на плечо руку, которую я поцеловала в

последний раз с непреодолимым чувством печали и тревоги. Я проводила её взглядом до двери, и, когда я перестала её видеть, моё сердце так сильно забилось, как будто оно хотело вырваться из груди. Я вернулась домой и не могла спать».

5 ноября 1796 года Императрица встала довольно рано, не было ещё и девяти часов; пребывала в хорошем расположении духа. Затем прошла в уборную и долго из неё не выходила. Верный камердинер Захар начал беспокоиться, но долго не решался потревожить Государыню. Наконец набрался храбрости и приоткрыл дверь. Зрелище было ужасным: Екатерина лежала на полу и, увидев слугу, с выражением сильного страдания поднесла руку к сердцу. Это был единственный признак сознания, который явила Екатерина; затем она потеряла сознание и в последующие 36 часов больше его не являла. С ней случился «удар» – кровоизлияние в мозг, и она уже ничего не видела, не чувствовала и не осознавала. Фактически с утра 5 ноября она находилась в состоянии клинической смерти.

Весть об апоплексическом ударе у Императрицы с быстротой молнии распространилась по Зимнему Дворцу и за его пределами. Во Дворец начали прибывать придворные и высшие сановники Империи, но в апартаменты Императрицы никого не пускали.

Все распоряжения делал фельдмаршал и глава Военной коллегии граф Н.И. Салтыков, который советовался только с Платоном Зубовым, состояние которого было ужасным. Всклокоченные волосы, безумные глаза, мертвецкая бледность лица – вот его портрет в те часы. Он то удалялся к себе, где жег какие-то бумаги, то возвращался в опочивальню к своей благодетельнице, которую с превеликим трудом вытащили из уборной и положили на матрасе в спальне; поднять на кровать грузное тело Самодержицы у горничных и лакеев не хватило сил. Так Екатерина и лежала все последующие часы. Были призваны придворные медики, они суетились около умирающей, но никаких обнадёживающих слов не произносили.

Граф Салтыков с самого начала занял твердую позицию. У дверей личных покоев был поставлен караул с целью никого не допускать, особо наблюдая за тем, чтобы никто не проник в личный кабинет Императрицы, а то проникнет, вынесет на свет некую бумагу и далее – брожение. Даже Александра Павловича несколько часов не подпускали к телу бабушки. Граф Николай Иванович Салтыков знал одно: наследник – Павел Петрович. Эту мысль принял и Платон Зубов, который попросил своего старшего брата Николая отправиться в Гатчину и уведомить Цесаревича.

Около шести вечера 5 ноября Александра вместе с женой

Елизаветой пустили в спальню: было полутемно, на матрасе около кровати лежала Екатерина II, у ног которой стояли фрейлины Протасова и Алексеева, рыдающие навзрыд. Только эти рыдания и хрипы, доносившиеся время от времени из горла умирающей, нарушали тишину в золочёной спальне, походившей теперь на жуткий склеп.

…Накануне Павлу приснился сон, о котором он рассказал перед обедом обществу, находившемуся в Гатчине. Здесь были: граф Ю.М. Виельгорский, вице-адмирал С.И. Плещеев, Г.Г. Кушелев и камергер П.А. Бибиков. Павлу приснилось, что неведомая сила возносила его к небу; что сие значило было, неясно. Павел и Мария всё утро терялись в догадках; сновидение казалось вещим, тем более что и Мария Фёдоровна проснулась, увидя нечто подобное.

Павел Петрович узнал о предсмертной агонии матери около трёх часов пополудни. В середине дня в Гатчину на взмыленной лошади прискакал брат фаворита Николай Александрович Зубов (1763–1805) с известием, что «Государыня при смерти», Павла не было во дворце; он находился на прогулке в парке.

Немедленно гатчинский гусар был послан с оповещением. Сохранился живописный рассказ о краткой беседе, состоявшейся между гусаром, почти все из которых происходили из малороссов, и Цесаревичем. «Шо там таке?» – спросил Цесаревич, завидя гусара. «Зубов приехал, Ваше Высочество». – «А богацько (много) их», – был следующий вопрос. «Один, як пёс, Ваше Высочество». – «Ну, с одним можно справиться», – резюмировал Павел Петрович, снял шляпу и перекрестился. Через несколько минут он был уже в кабинете, где и узнал подробности происшедшего.

Было немедленно отдано распоряжение: готовиться к отъезду. Сборы были недолгими; не прошло и часа после сообщения Зубова, как Павел Петрович вместе с Марией Фёдоровной в карете отбыли из Гатчины. Только отъехали несколько верст, начали попадаться курьеры с посланиями от разных лиц и ведомств. На полпути встретился Ф.В. Ростопчин, который оставил описание дальнейшего:

«Не было ни одной души из тех, кои, действительно или мнительно, имея какие-либо сношения с окружающими Наследника, не отправили бы нарочного в Гатчину с известием: между прочим, один из придворных поваров и рыбный подрядчик наняли курьера и послали. Проехав Чесменский Дворец, Наследник вышел из кареты. Я привлёк его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая: холода было не более 3 градусов, луна то показывалась из-за облаков, то опять скрывалась… Говоря о погоде, я увидел, что Наследник устремил

взгляд свой на луну, и, при полном её сиянии, мог я заметить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слёзы по лицу».

Около девяти часов вечера 5 ноября Павел и Мария прибыли в Зимний Дворец. Когда сын увидел почти бездыханное тело матери, то расплакался, не стесняясь окружающих. За многие годы это был первый случай, когда Павел плакал на людях. Во Дворце была масса народа; сыновья Александр и Константин встречали родителя в гатчинских мундирах, которых в Зимнем Дворце никогда не носили. И все прочие пытались выразить свое раболепие. Хотя Екатерина ещё дышала, но все чувствовали и понимали, что её время закончилось, наступает новая эпоха.

Павел Петрович прошел в кабинет Екатерины, который стал на ближайшие часы мозговым центром Империи. Он желал знать закулисную сторону жизни государства, к чему его никогда не допускали, он хотел иметь ясное представление и о той судьбе, которую ему готовила умирающая за стеной мать. Столько было слухов, сплетен, предположений. Настало время во всем разобраться.

В ту ночь, с 5 на 6 ноября 1796 года, Павел Петрович практически не ложился спать. Было не до того. Его советчиком, его «чичероне» по тайным политическим лабиринтам в тот момент стал самый сведущий в государственном управлении сановник – А.А. Безбородко. Пришел и Платон Зубов, был тих и смиренен и показал тайный ящик в секретере, где хранились самые сокровенные бумаги Екатерины, касающиеся лишения Павла прав на Престол. Когда пакет оказался в его руках, то Безбородко глазами показал на горящий камин. Мельком просмотрев некоторые бумаги, будущий Император предал их огню.

В 6 часов утра Павел Петрович имел беседу с докторами, в один голос заявившими, что надежды на выздоровление нет никакой.

Екатерина II испустила свой последний вздох около десяти вечера 6 ноября 1796 года, и, как вспоминал очевидец Ф.В. Ростопчин, «слезы и рыдания не простирались далее той комнаты, в которой лежало тело Государыни».

За дверями спальни возобладали совсем иные настроения. Когда генерал-прокурор и казначей граф А.Н. Самойлов (1744–1814) вышел из спальни Екатерины в прилегающие комнаты, где ожидала новостей целая толпа царедворцев, и объявил: «Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский Престол», то толпа взорвалась ликованием.

Графа чуть не задушили в радостных объятиях. Здесь

невольно приходит на ум старое римское изречение: «Sic transit gloria mundi» («Так проходит мирская слава»). Екатерину искренне оплакивали только несколько фрейлин и верных слуг, все остальные думали уже совсем о другом.

Менее чем через час после кончины «Екатерины Великой» в Большой церкви Зимнего Дворца началась присяга новому Императору. Одним из первым её принёс Платон Зубов…

Долгих 34 года – от момента смерти отца до смерти матери – Павел Петрович ничего не мог узнать достоверного. Он прекрасно понимал, что все окружающие его лица являются осведомителями матери, а потому те и теряли дар речи при самом невинном вопросе типа: «Вы видели, как военный смотр устраивал мой батюшка?» Потому и не ставил людей в неловкое положение и не пытался выведать подробности кончины отца. Он даже не знал наверняка, умер ли он или ещё жив. Ведь в усыпальнице Императорского Дома в Петропавловском соборе Петропавловской крепости его могилы не было, а в царском помяннике имя Императора Петра III отсутствовало. Может быть, заточён где-нибудь, Россия ведь такая огромная, так что и следов не осталось. А в могиле в Благовещенской церкви может покоиться кто угодно: у матушки вдоволь мастеров чёрных дел.

Теперь же Павел мог открыто спрашивать и получать любую информации. Потому так понятен его вопрос графу А.В. Гудовичу (1731–1808), состоявшему при Петре III флигель-адъютантом: «Жив ли мой отец?» Отрицательно-однозначный ответ закрыл тему. Сын решил восстановить историческую справедливость и отдать последний достойный долг памяти своего отца. Он принял решение, которое так шокировало и возбудило современников: перезахоронить Петра III одновременно с погребением Екатерины II. Вся екатерининская камарилья возопила в один голос: это «святотатство», это – «оскорбление великой государыни». Никто старался не вспоминать отвратительную несправедливость, совершенную относительно Петра III: Император был погребен без необходимой для такого случая торжественности. У Екатерины не хватило благородства души отдать долг внуку Петра I.

Сын решил исправить бесчестное дело и перезахоронить останки отца в петербургской усыпальнице Дома Романовых – Петропавловском соборе, где к тому времени покоились Пётр I, Екатерина I, Анна Иоанновна и Елизавета Петровна. В акте перезахоронения многие узрели и писали о том многократно, что Павлом двигало желание «отомстить матери», «унизить её после смерти» перед подданными. На самом деле злобная мстительность ничего не определяла в политике Павла I. Он

всегда лишь стремился добиваться торжества справедливости.

Екатерина II преставилась 6 ноября 1796 года, а уже 8 ноября появился Императорский указ за имя князя Юсупова, Обер-церемониймейстера Валуева и статского советника Карадыкина, в котором говорилось: «По случаю кончины нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, для перенесения из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в соборную Петропавловскую церковь тела любезнейшего родителя нашего, блаженной памяти Государя Императора Петра Фёдоровича, для погребения тела её Императорского Величества в той же соборной церкви и для наложения единовременного траура, учредили Мы печальную комиссию, в которую назначили вас к присутствию…» Одновременно был объявлен траур на год.

Первый раз Павел посетил могилу отца ещё 8 ноября, когда произведено первое вскрытие гроба. Второй раз тоже случилось уже в присутствии Императорской Фамилии 19 ноября, когда была отслужена панихида. Начиная с этого дня в Благовещенской церкви ежедневно служились панихиды и дежурили особы первых четырёх классов по Табели о рангах. 25 ноября Павел совершил коронование своего отца, который при жизни не успел короноваться. Государь вошел в Царские врата алтаря, взял приуготовленную там корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам отца, и при возглашении вечной памяти снял корону и положил её на гроб отца.

Тело же Екатерины II с 25 ноября находилось в гробу в Большом зале Зимнего дворца, позже получившем название Николаевского.

1 декабря в Благовещенскую церковь Александро-Невской лавры были доставлены Императорские регалии: корона, скипетр и все высшие ордена, которыми Император награждался по праву властного приоритета. Среди них были и такие, которые учредила Екатерина II: Святого Георгия и Святого Владимира.

2 декабря 1796 года состоялось перенесение гроба Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний Дворец. Вдоль всего пути были выстроены полки гвардии и армейские полки, а траурную процессию возглавил Император Павел Петрович. Всех доживших участников цареубийства 1762 года ждало возмездие: граф Алексей Орлов нёс корону, а рядом, еле передвигая ноги, плёлся Обер-гофмаршал Екатерины II Фёдор Барятинский. По воле Самодержца убийцы отдавали последний долг убиенному. На просьбу дочери Барятинского Екатерины (1769–1849), в замужестве княгини Долгоруковой, пощадить её отца Павел Петрович сказал как отрезал: «У меня тоже был отец, сударыня».

Гроб с телом Петра III был уставлен в том же зале, где

покоились останки Екатерины II. Разница была лишь в том, что гроб Императора был закрытым и его украшала корона, гроб же Екатерины был открытым и корона украшала голову усопшей. Постоянно шли поминальные службы, и при гробах дежурили особы, имевшие штатные должности при Дворе. Вся эта траурная церемония далеко не всем пришлась по душе. Придворные Екатерины, давно забывшие и не вспоминавшие убитого Петра III, были шокированы.

Графиня В.Н. Головина в своих мемуарах в полной мере отразила впечатления недовольных: «Всё было величественно, красиво и религиозно, но гроб с прахом Петра III, стоявший рядом, возмущал душу. Это было оскорбление, которого и могила не может стерпеть; это кощунство сына в отношении матери делало горе непереносимым».

Поразительно, с какой легкостью и как безответственно представители русского общества играли словами, искажавшими их первичный смысл. «Оскорблением» и «кощунством» называется акт перезахоронения Императора, убитого и погребённого в нарушение всех норм. Сын восстанавливал справедливость по отношению к отцу, поруганную Екатериной II и ее камарильей. И всё.

Примечательна и ещё одна реакция, не столько на перезахоронение Петра Фёдоровича, сколько на события 1762 года. Екатерина Дашкова, которой в момент смерти Екатерины II не было в Петербурге, не могла лично наблюдать за всем происходящим. 5 декабря в Москве она получила предписание Императора Павла покинуть Первопрестольный град и отбыть в свои дальние имения и там «вспоминать 1762 год». Гневу престарелой княгини не было предела. В присутствии многочисленной публики она произнесла пафосный монолог, последний в своей жизни, свидетельствующий о том, что княгиня ничего не поняла и не раскаялась в личном соучастии в страшном преступлении: свержении и убийстве Царя.

«Я ответила громко, так, чтобы меня слышали присутствующие, что я всегда буду помнить 1762 год и что это приказание Императора исполню тем охотнее, что воспоминания о 1762 годе никогда не пробуждают во мне ни сожалений, ни угрызений совести…»

Императора Павла не занимали сетования и возмущения аристократов; он их мнением вообще не интересовался. Вступив на Престол, он тут же воочию узрел всю низость человеческой природы. Перед ним начинали лебезить и низкопоклонничать те люди, которые её вчера были «любезниками» матери, третировали Павла, а теперь падали на колени перед ним и

готовы были лобызать ему руки. Павел руководствовался врожденным чувством справедливости, личным пониманием чести и долга, делая то, что подсказывали ему ум и сердце.

5 декабря 1796 года гробы Екатерины II и Петра III на двух катафалках доставили в Петропавловский собор, где 18 декабря 1796 года и были погребены по соседству с могилами Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Там они пребывают до сего дня.

Глава 12. Последняя любовь и смерть Императора

Историю отношений Павла I с Нелидовой не рискуют выставлять в качестве «факта» аморальности Императора. В свое время ещё историк Е.С. Шумигорский с документами в руках опроверг нечистоплотные измышления на сей счёт.

Зато имя другой женщины спрягают без устали до настоящего времени. Это – княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная Лопухина (1777–1805). Она – дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина (1744–1827), получившего при Павле I княжеский титул, и Прасковьи Ивановны, урождённой Левшиной. В феврале 1800 года девица Лопухина вышла замуж за генерал-майора князя Павла Гавриловича Гагарина (1777–1850).

О том, что Лопухина-Гагарина являлась «любовницей» Императора, уверенно повествуется во многих сочинениях. Одним из первых этот сюжет «раскрутил» уроженец Германии, сделавший себе имя в России в качестве историка, Александр Густавович Брикнер (1834–1896). Его главные работы, неоднократно издававшиеся, посвящены Петру I, Екатерине II и Павлу I. Книга «История Павла I» вышла в Москве уже в новом тысячелетии.

В своих сочинениях он совершенно беззастенчиво шельмовал Императора Павла как «душевнобольного». Однако этим историк не ограничился. Он прямо называл Анну Лопухину-Гагарину «любовницей», изменявшей мужу без всякого стыда. «Из достоверного источника мы знаем, – изрекал учёный муж, – что Лопухина, выйдя замуж за Гагарина, покинула своего мужа, чтобы всецело принадлежать Государю».

Подобное утверждение должно было на чём-то основываться. Неужели Брикнеру удалость получить какие-то свидетельства самого интимного свойства, которые обосновывали столь безапелляционное заключение? Ничуть не бывало. В качестве «достоверного источника» он ссылался на книжку некоего Фр. Бинемана «Из времён Императора Павла», изданную в Лейпциге в 1886 году и целиком построенную на пересказе исторических анекдотов и сплетен. Никаких доказательств любовной связи Павла и Анны Лопухиной-Гагариной никто не привёл.

До сего дня данный сюжет всё ещё и воспроизводится по методике Брикнера…

Павел Петрович не просто был увлечён, но именно влюблён в Анну Лопухину – тому действительно есть немало

подтверждений, в том числе и со стороны самого Императора. Однако его влюблённость являлась в чистом виде рыцарским увлечением, совсем не подразумевавшим обязательное плотское наслаждение. «Любить» и «обладать» – в русском языке понятия отнюдь не тождественные…

Некоторые считают, что история возникновения отношений между Императором и Лопухиной – продукт «интриги», во главе которой стоял пресловутый Кутайсов, намеревавшийся свести на нет влияние на Павла Императрицы и Нелидовой. В качестве менторов при «верном Иване» назывались такие имена, как Ростопчин и Безбородко. Ясное дело, что тут трудно отделить «зерна от плевел», но подобная точка зрения была широко распространена. Её принимали на веру такие лица, как и Мария Фёдоровна, и Нелидова. В этом смысле существует весьма показательный документ – «Записки» барона К.А. Гейкинга (1752–1809).

Барон Гейкинг происходил из курляндских дворян и до 1796 года был председателем суда в Митаве. Удивительное служебное возвышение началось с приходом к власти Императора Павла. Барон становится сенатором, тайным советником и президентом Юстиц-коллегии по делам Лифляндии и Эстляндии. В 1798 году барон впал в немилость и был выслан в свое курляндское имение. Взлет карьеры Гейкинга был связан с тем, что он был женат на баронессе Ангелике – дочери мадам де Лафон (Делафон), директрисы Смольного института, с которой в теснейших дружеских отношениях находилась Е.И. Нелидова. Естественно, что Гейкинг входил в «партию Императрицы и Нелидовой» с самого начала своего пребывания в Петербурге и прекрасно был осведомлен о настроениях, царивших на «женский половине» Двора. Вот как барон излагает начало конца «влияния» Марии Федоровны и Нелидовой. Дело происходило в Москве, куда Император прибыл 11 мая 1798 года для проведения военных учений.

«Императора встретили в Москве, – пишет Гейкинг, – восторженно… Преисполненный радостью, он сказал Кутайсову в тот же вечер: «Как отрадно было сегодня моему сердцу! Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский; мне кажется, что там меня гораздо более боятся, чем любят». – «Это меня не удивляет», – заметил хитрый Кутайсов. «Почему же?» – удивился Император. «Не смею выразиться яснее». – «Я приказываю».

И далее, как повествует Гейкинг, Кутайсов «открыл глаза Государю» на причину столь разного восприятия. «Обещайте мне, Государь, не передавать этого ни Императрице, ни фрейлине

Нелидовой». После получения подобного заверения Кутайсов продолжал:

«Государь, дело в том, что здесь Вас видят таковым, каковы Вы в действительности – добрым, великодушным и чувствительным, между тем как в Петербурге если Вы оказываете какую-либо милость, то говорят, что у Вас её выпросили или Императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Таким образом оказывается, что когда Вы делаете добро, то его делают они, если же Вы караете, то это исходит от Вас».

Услыхав подобные откровения, Павел Петрович необычайно разволновался; ему не давала покоя сама мысль о том, что им управляют женщины. Реакция его оказалась соответствующей. «Ну, мои дамы, я покажу вам, как мною управляют!» В изложении Гейкинга, Император намеревался тут же написать некое распоряжение, но «Кутайсов бросился к его ногам и умолил действовать с притворством по отношению к упомянутым особам»…

Упомянутый диалог вполне мог иметь место. Но в равной степени его могло и не быть. Никто не знает и уже никогда не узнает, каким образом разговор Монарха с его слугой сделался общественным достоянием; вариации на эту тему можно встретить и в других воспоминаниях. Возможно, что Кутайсов сам раструбил, передавая «по секрету» содержание беседы, которая, несомненно, повышала его общественное значение. В конечном счёте всё это не самое главное. Главное же состояло в том, что именно весной 1798 года стали ясно различимы признаки сердечного увлечения Императора московской красавицей Анной Лопухиной, которую он первый раз увидел за год до того, во время Коронации.

Теперь самое время обратиться в зарисовкам графини Н.Н. Головиной, которая, как записная «вольнодумка», самым тщательным образом фиксировала всё, что хоть как-то могло дискредитировать Императора Павла. Естественно, Анна Лопухина оказалась в центре её внимания. Портрет, запечатленный графиней Головиной, конечно же, написан в самых невзрачных тонах.

«У Лопухиной была красивая головка, но она была невысокого роста, дурно сложена, с впалой грудью и без всякой грации в манерах. У неё были красивые глаза, чёрные брови и такого же цвета волосы. Наиболее прелестными у неё были прекрасные зубы и приятный рот. У неё был маленький вздернутый нос, но он не придавал изящества её физиономии». Графиня признавала, что «выражение лица была мягкое и доброе», но тут же добавляла, что «она была недалёкого ума и не

получила должного воспитания».

Головина на этих выпадах не остановилась и пошла в своем страстно-негативном повествовании ещё дальше. Объектом нападок стала мачеха Анны Лопухиной – Екатерина Николаевна Лопухина, урождённая Шетнева (1763–1839), награждённая в 1798 году орденом Святой Екатерины и получившая звание статс-дамы. Так вот, оказывается, она не только была «незнатного происхождения, а манеры её обнаруживали полное отсутствие воспитания, но, кроме того, она была известна своим далеко не безукоризненным поведением». Иными словами, мачеха была развратна, что, согласно подобной логике, не могло не сказаться и на поведении падчериц.

У князя Петра Васильевича Лопухина было от первого брака три дочери: старшая Анна, затем шли Екатерина и Прасковья. Екатерина вышла замуж за гофмейстера графа Петра Львовича Демидова (1780–1832), а Прасковья стала женой сына Ивана Кутайсова – графа Павла Ивановича Кутайсова (1780–1840). Понятно, что, по представлениям графини Головиной, Анна была «полностью развратна», но ей не уступала в «разврате» и сестра – Екатерина Демидова. Она якобы «бегала» за Великим князем Александром, и этот порыв, не страсти, а расчёта, поддерживал… Император Павел! Много и иной нелепицы можно встретить не только на страницах мемуаров В.Н. Головиной. Оставим в стороне салонные злопыхательства и видения и обратимся к подлинным событиям.

Существует версия, что после встречи Павла Петровича с Анной Лопухиной на балу в мае 1798 года Император отправил своего доверенного Кутайсова уговорить семью П.В. Лопухина переехать из Москвы в Петербург. Так или иначе, но в августе семейство перебралось в первую столицу, где их ждали царские дары.

Отец семейства сенатор П.В. Лопухин уже 1 августа 1798 года был приглашён на обед у Его Величества, а 8 августа последовало назначение его генерал-прокурором вместо Алексея Борисовича Куракина, отставленного от должности. Последнему вменялось в вину, и не без основания, слишком «свободное» распоряжение государственными средствами. Кстати сказать, П.В. Лопухин в этом отношении проявил себя безукоризненно; даже его враги не могли его ни в чём предосудительном обвинить.

20 августа 1798 года сенатору Лопухину был подарен дом на Дворцовой набережной, 23 августа ему было велено присутствовать в Совете при Императоре, а 6 сентября Лопухин произведён был в действительные тайные советники: чин II класса в Табели о рангах, соответствующий в армии званию

генерала, а во флоте – адмирала.

23 августа жена Лопухина Екатерина Николаевна пожалована была в статс-дамы – получила звание старшей придворной дамы в свите Императрицы. В тот же день Анна Лопухина получила звание камер-фрейлины. Иными словами, в окружении Императрицы Марии Фёдоровны, помимо её воли, оказывались дамы, которые ей были неприятны и которых она вообще не знала. Однако воля Самодержца – закон, и Мария Федоровна утешилась слезами и молитвами.

За несколько недель до этого она вместе с верной Е.И. Нелидовой пыталась бороться с новыми веяниями, которые окружили Императора после его майской московской поездки. Существует даже утверждение, что Мария Фёдоровна написала резкое письмо Анне Лопухиной, в котором дошла якобы до личных угроз. Письма этого из мемуаристов никто не видел, но упоминание о нём встречается не раз. Далее якобы произошло следующее: Анна, «вся в слезах», показала эту грозную эпистолу Императору, и Павел Петрович разгневался не на шутку. Он окончательно решил сбросить с себя «женское иго».

Павел Петрович, воспитанный с детства в атмосфере унижений, имел необычайно ранимое чувство собственного достоинства. Став Императором, он порой видел знаки неуважения к себе даже в тех случаях, когда попыток умалить его престиж в наличии и не имелось. Мария Фёдоровна была из породы таких же натур; она готова была идти на эшафот, но не уронить достоинство сана. Она прекрасно осознавала, что её и Императора сковывает одна цепь исторической судьбы и предназначения. Она беспощадно боролась за соблюдение этикета не потому, что страстно обожала придворный протокол; она видела в этом необходимое условие почитания особы Государя. Она пыталась окружать его «верными» людьми, понимая, как Павлу тяжело, как он обременён и как мало вокруг людей, по-настоящему преданных и толковых. Но эта её борьба «за благо» порой оборачивалась мелочной опекой и придирками, которые раздражали Императора.

В присутствии Марии Фёдоровны и Е.И. Нелидовой Павел Петрович не чувствовал себя спокойно и независимо; почти всегда, каждый день, следовали какие-то упреки, просьбы, возражения. И ещё одно, «дамское средство», которое Павла угнетало особенно сильно: слезы. Как чуткая и ранимая натура, он не мог на них не реагировать, но с некоторых пор он начал сомневаться в душевной искренности их проявления. Ему начинало казаться, и не без основания, что слезы жены – уловка, это – игра, в которой он только статист.

В январе 1798 года Мария Фёдоровна родила сына, нареченного в честь небесного покровителя Императора Архангела Михаила Михаилом (1798–1848). Роды проходили трудно; какое-то время Мария находилась между жизнью и смертью, но всё обошлось. Ребёнок был здоровым и жизнерадостным. Павел Петрович испытывал настоящую отцовскую гордость и обоснованную династическую радость. У него четыре сына! Это великая милость Всевышнего: ведь ни у кого из его предков столь щедрого потомства в мужском колене не имелось. Единственное, что расстраивало, – болезненное состояние Марии. Она несколько месяцев себя так плохо чувствовала, что не вставала с постели.

Муж был внимателен, готов был исполнять любые желания и капризы жены, но постепенно стал утверждаться в мысли, что это затянувшееся «недомогание» – актёрский трюк. Ему передавали, что Мария постоянно принимает посетителей, обсуждает все новости и сплетни, бывает при этом жива, весела и имеет отменный аппетит. Стоило же только ему приблизиться к её опочивальне, так сразу же всё менялось: показная немощь, стоны, но при том почти всегда непременные просьбы, которые он не мог не исполнить. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал отказ Марии «по недомоганию» от поездки в Москву в мае 1798 года.

Если в действиях Императрицы действительно наличествовал элемент дамской игры, то можно смело сказать, что весной 1798 года она явно переиграла. Она пошла дальше возможного, не учтя одной, но неизменной черты характера Императора: когда он чувствовал фальшь в отношении к себе, признаки лицемерия, то охладевал к человеку. Иногда это приводило к полному разрыву отношений, иногда нет, но результат был всегда один и тот же: больше никакой сердечности в отношениях быть не могло.

Императрица летом 1798 года почувствовала охлаждение со стороны супруга, что выплескивалось даже на публике; несколько ледяных слов и нарочитых знаков невнимания не оставляли сомнений: между Венценосцами наступила размолвка. Это не могло не сказаться на всей придворной «диспозиции» настроений. Мария пыталась объясниться и 13 июля 1798 года отправила Самодержцу письмо, в котором излила наболевшее:

«Осуждайте моё поведение, подвергните его суду всякого, кого Вам будет угодно; будучи выше всякого порицания и подозрения, всякого упрёка, я не чувствительна к оценке моих действий, но не могу быть такою по характеру публичного обращения со мною, и это не ради себя как отдельной личности, но ради Вас как Императора, который должен требовать уважения

к той, которая носит Ваше имя».

Конечно, Мария Фёдоровна любила Императора; Павел в том не сомневался, но эта любовь порой превращалась в тяжелые оковы, нести которые не хватало сил.

Барон Гейкинг описал день тезоименитства Императрицы, приходившийся на 22 июля. Обычно это было радостное торжество, но в 1798 году картина была уже совершенно иной. «22 июля Двор находился в Петергофе. Так как то было день Императрицы, то и я был принуждён туда отправиться. Государь был в явно дурном настроении: со мною обошелся холодно и не сказал мне ни слова. Фрейлина Нелидова казалась мне погружённою в глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Бал этот был похож на похороны, и все предсказывали новую грозу».

Павел I восстал, решив покончить с женской опекой. Этот «мятеж» не только радостно был приветствуем придворными интриганами, но он в значительной степени был ими подготовлен. Анна Лопухина стала орудием грязной комбинации, «инструментом» борьбы против Императрицы, но не за Монарха, а как раз против него. Павел Петрович не разглядел здесь потаенного смысла…

Никто доподлинно не узнал, любила ли в полном смысле этого слова Лопухина Императора. На публике она изображала кроткое создание, со слезами умиления смотревшее на повелителя. Она в его присутствии краснела, млела, трепетала, но так и осталось неясным, что являлось причиной приступов чуть ли не «лихорадки», охватывавшей Анну. То ли действительно неизъяснимое пленительное чувство, то ли экстатическое обывательское осознание приобщённости её, тихой и довольно забитой московской барышни, к «центру вселенной» – Императору Всероссийскому.

Император же, когда видел Лопухину, испытывал доселе незнакомое чувство восторга; он становился каким-то беззаботным и радостным юнцом, который смотрит на мир широко раскрытыми и беззаботными глазами, не ведая ещё, какие испытания и потрясения он ему готовит. Павел Петрович влюбился, и это переполнявшее его чувство побороло даже инстинкт страха, который был привит ему почти с рождения.

Современников и потомков всегда живо интересовала тема: являлась ли Анна Лопухина-Гагарина любовницей Императора, его «наложницей»? Многие уверенно говорили «да», приводя в качестве «бесспорного доказательства» многочисленные «факты любви». Анна Лопухина стала одной из двух лиц женского пола, не принадлежавших к Императорской Фамилии, удостоенных

ордена Святого Иоанна Иерусалимского[31]. Имя Анна, в буквальном переводе с древнееврейского – «милостивая», «благодатная», он воспринял как знак сакрального благорасположения, что стало девизом Государя. Слово «благодать» было помещено на штандарте Конногвардейского полка. «Благодать» – так был назван 130 пушечный фрегат, спущенный со стапелей в 1798 году. Малиновый цвет, любимый Лопухиной, сделался излюбленным цветом Императора.

По желанию Лопухиной Император устраивал балы и разрешил танцевать вальс, запрещенный ранее как танец «безнравственный». Анне же этот танец чрезвычайно нравился. Любовь Самодержца сломала запрет, как и запрет на строгие танцевальные костюмы; теперь барышни и дамы могли его выбирать по своему усмотрению. Приводились и иные подобного рода примеры «любовного закабаления». Но все они ничего не подтверждали, кроме того, что Павел Петрович был влюблён, чего он и сам никогда не скрывал.

Передавали, что Монарх чуть ли не ежедневно посещал дом Лопухиных на Дворцовой набережной, куда приезжал «инкогнито» в карете, запряженной парой лошадей, в сопровождении только одного лакея. Там он оставался на несколько часов. И всё. Из всего вышесказанного совершенно не следует, что между Монархом и Лопухиной существовала альковно-интимная связь.

Даже такая ненавистница Императора Павла, как княгиня В.Н. Головина, вынуждена была признать, что он «придавал своей страсти и всем её проявлениям рыцарский характер, почти облагородивший её». Словечко «почти» сути не меняет и лишь показывает, что у врагов Самодержца не существовало бесспорных «улик» адюльтера. Смело можно утверждать только одно: Анна Лопухина являлась возлюбленной Императора.

Имея рыцарский характер, Павел Петрович и Анну воспринимал в категориях рыцарства. Она предстала перед ним в образе чистой, светлой девы, которую надо защищать и которой надлежит поклоняться именно как «гению чистой красоты». Он впервые, как ему показалось, за свою жизнь встретил создание, которое боготворило его не как Цесаревича или Императора, а именно как человека и мужчину. Он принял это как подарок судьбы, как дар Небес и не освободился от этого чувство до самой кончины.

«Дама сердца» на первых порах ничего у коронованного почитателя не просила, и это бескорыстие только увеличивало расположение, а потому он, как истинный рыцарь, стремился предвосхитить её желания и делать то, что должно было быть

радостным и приятным ей. Когда же он узнал, она «ненароком» проговорилась, что давно любит князя Павла Гавриловича Гагарина (1777–1850), который в тот момент находился в армии А.В. Суворова, то немедленно послал гонца с приказанием вернуть князя в столицу, где в феврале 1800 года по воле Самодержца была устроена пышная свадьба.

Постепенно Анна Петровна стала всё-таки кое о чём просить повелителя, и самая главная ее просьба: не встречаться больше с Е.И. Нелидовой. И такое обещание Павел Петрович дал и его сдержал: последние полтора года жизни он ни разу не виделся с человеком, которого многие годы считал своим ближайшим другом…

Борьба против «женского ига» скоро завершилась полной победой. Первой жертвой нового курса стал военный губернатор Санкт-Петербурга Фёдор Федорович Буксгевден (1750–1811), которому в 1897 году Павел присвоил титул графа. Собственно, повод к удалению от власти подал не сам граф, а его супруга – графиня Наталья Алексеевна, урождённая Алексеева (1758–1808), имевшая чрезвычайно «длинный и острый язык». На призывы быть осторожной в разговорах, графиня повторяла, как заклинание: «Я – женщина и говорю, что думаю».

Утверждали, что хотя она официально числилась дочерью полковника Алексеева, но «на самом деле» являлась внебрачным ребёнком Григория Орлова от его связи с Екатериной II. Так или нет было на самом деле, точно неизвестно, но известно, что графиня Буксгевден на все лады спрягала «негодяев», стремившихся подчинить Императора своему влиянию после майской поездки в Москву в 1798 году. Естественно, что о подобном «непотребстве» донесли Императору, расписав и, как водится, приумножив и насочиняв небывшее. Кара была неизбежна, и она последовала.

Самое важное было то, что графиня Буксгевден являлась близкой подругой Екатерины Нелидовой и, естественно, вместе со своим супругом принадлежала к «партии Императрицы». Всем было хорошо известно, что именно Мария Фёдоровна и Нелидова добились назначения Ф.Ф. Буксгевдена на важнейший пост в Империи годом ранее. 25 июля 1798 года Буксгевден был отстранён от должности, а 5 сентября его участь была окончательно решена: ему было приказано выехать из Петербурга.

Граф с графиней отправилось в своё имение в Эстляндии, в тот самый замок Лоде, куда некогда собиралась заточить Павла Екатерина II. Этот замок Павел подарил Буксгевдену, а теперь он становился местом ссылки и для семейства графа Ф.Ф.

Буксгевдена, и для… Нелидовой.

По горькой иронии судьбы в церкви при замке был похоронен мёртвый ребёнок Цесаревны Натальи Алексеевны от её связи с графом А.К. Разумовским. Об этой могиле мало кто знал – Екатерина II приказала всю эту историю держать в секрете.

«Милая Катенька» не могла смириться с несправедливостью, она прекрасно знала имена «мерзавцев», нанесших руками Императора свой подлый удар. Она не могла больше оставаться в Петербурге, видя, как началось ниспровержение всех друзей и добрых знакомых. Пал Буксгевден, пали братья Куракины и Плещеев, удалён барон Гейкинг, изгнан статс-секретарь Государя князь Ю.А. Нелединский-Мелецкий (1752–1828).

Повод к удалению последнего развеял окончательно сомнения. Стало ясно: Император удаляет всех высших сановников, преданных лично Марии Фёдоровне. Нелединский, находящийся в родстве с Куракиными, которому покровительствовала Императрица, сам рассказал историю своего служебного падения. 21 июля 1798 года Нелединский поздно вечером возвращался из покоев Марии Фёдоровны, где вообще-то по протоколу находиться без соизволения Монарха в поздний час не имел права. В коридоре Петергофского дворца Нелединский натолкнулся на Императора с его тенью – Кутайсовым. Последний при встрече радостно возопил: «Вот кто следит за Вами днём и ночью и всё передаёт Императрице». Видно было, что эта мысль давно уже муссировалась в окружении Самодержца, который воскликнул: «Вот как, значит, всё это – правда». Не прошло и нескольких дней, как Нелединский исчез из императорского окружения навсегда.

Нелидова после изгнания семьи Буксгевден, понимая, что теперь уже новые люди будут задавать тон при Дворе, чтобы избежать унижений и ухмылок придворных, решила последовать за Буксгевденами в изгнание. В семье графа она была давно «своей», а с графиней Натальей они – задушевные подруги.

Это был, конечно же, демарш, и, возможно, Екатерина Ивановна надеялась, что Император не допустит отъезда старого друга и продемонстрирует свое благорасположение. Она написала ему письмо, где объяснила причину своего решения. «Я не искала ни почестей, ни блеска, – напротив, я оставляю их с радостью», – восклицала Нелидова. Она отметала все подозрения в отношении нелояльности графа и графини Буксгевден и высказывала уверенность, что это – результат интриги таких людей, как Кутайсов.

Письмо было не столько резким, сколько сухим и прощальным навсегда. Павел Петрович решению Нелидовой

препятствовать не стал; пусть едет, если хочет, но написал ответное послание, которое никак «прощальным» назвать нельзя. Он не готов был расстаться с «милой Катенькой» навеки. Это очень важный документ, раскрывающий мироощущение Самодержца в сентябре 1798 года.

«Если письмо Ваше, – писал Павел I, – должно было доставить мне удовольствие, то лишь потому, что в нём видна сердечность Ваша, к которой я и обращаюсь. Всё, что Вы говорите о своём сердце, есть убедительное доказательство моих чувств к Вам. Я не понимаю, при чём тут Кутайсов или кто-либо другой в деле, о котором идёт речь. Он или кто другой, кто позволил бы внушить мне или что-либо делать противное правилам моей чести и совести, навлёк бы на себя то же, что постигло теперь многих других. Вы лучше, чем кто-либо, знаете, как я чувствителен и щекотлив по отношению к некоторым пунктам, злоупотребления которыми, вы это знаете, я не в силах выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я сам – точь-в-точь такие же.

Я очень мало подчиняюсь влиянию того или другого человека, Вы это знаете. Никто не знает лучше моего сердца и не понимает моих слов, как Вы. И я благодарю Вас за то, что Вы дали мне случай поговорить с Вами откровенно. Впрочем, никто не увидит ни моего настоящего письма, ни Вашего, которое я даже возвращаю при сём, если Вы хотите этого. Клянусь пред Богом в истине всего, что я говорю Вам, и совесть моя пред Ним чиста, как желал бы я быть чистым в свой смертный час. Вы можете увидеть отсюда, что я не боюсь быть недостойным Вашей дружбы. Павел».

5 сентября 1798 года Нелидова покинула Петербург, и Павла Петровича она уже больше не видела.

К власти призывались те, кто был явным или тайным, но непременно – врагом Императрицы. Новые люди плели новые интриги, и только некоторые из них имели далекоидущие цели. Чаще всего в качестве главного инспиратора «переворота» 1798 года называют Ивана Кутайсова. Это верно, но только до известной степени. Кутайсов чаще и больше всех общался с Павлом Петровичем, он мог передавать ему слухи и сплетни, интерпретируя их в нужном ракурсе. Но при всём том Кутайсов был скорее марионеткой, но отнюдь не режиссёром очередной придворной диспозиции. И в силу своего умственного развития и по причине природной простоватости он не мог парить высоко, там, где парили интриганы экстра-класса.

Однако Кутайсов обладал одним качеством, которым очень ловко пользовались более умные и опытные фигуры. Он был

необычайно тщеславен. То ли низкое происхождение, то ли ущербный статус при Дворе сделали его необычайно восприимчивым к знакам внимания, отличиям, наградам и… к лести. Он обожал всё это, и постепенно, по мере того, как росли его служебные звания, увеличивалось и его патологическое самомнение. Став Обер-гардеробмейстером, он начал себя считать чуть ли не Обер-гофмаршалом.

Между тем и Императрица, и Нелидова воспринимали его как слугу; он навсегда оставался для них «Иваном», к которому можно относиться снисходительно, как и к любому лакею. Чувствуя эту свою ущербность, Кутайсов ненавидел Марию Фёдоровну и Нелидову так, как только может ненавидеть раб, претендующий на положение рабовладельца. Почва была готова. Нужен был поводырь для Кутайсова, и он нашёлся.

Первым из таковых стал умница и прожженный интриган граф и князь Александр Андреевич Безбородко (1747–1799). Один из самых (если и не самый) богатый магнат, он имел почестей, наград и отличий выше всякой меры. При Екатерине II он занимал ключевое место в государственном управлении; при Павле I сохранил свое положение: канцлер, действительный тайный советник I класса. По степени своей значимости с ним никто из сановников не мог сравниться.

Его антипавловские настроения диктовались совсем не тем, что он был обойден при раздаче царских милостей; его тщеславие, казалось бы, не могло страдать. Однако Безбородко оставался человеком Екатерининской эпохи; царедворцем «политеса» и «куртуаза»[32], мастером дворцовых комбинаций и интриг. С воцарением Павла I жизнь начала принимать совсем иную окраску, иной стиль, другой характер и ритм. Теперь нельзя было быть уверенным ни в чём. Прошлые отличия отнюдь не обеспечивали спокойное и беззаботное существование.

Безбородко же хотелось жить не по установлению сверху, а по своему хотению. Он собирал картины, произведения искусства, и ему совершенно не нравилось вставать ни свет ни заря и отправляться на дворцовые разводы и слушать распоряжения Императора, передаваемые через каких-то безродных вестовых. Он считал, что имеет полное право на особое положение в Империи, делу процветания которой он отдал много лет и сил. Кроме того, его угнетало, что братья Куракины фактически отстранили его от управления внешней политикой, хотя формально он оставался общепризнанным «главным знатоком» международных дел.

Не существует никаких надёжных подтверждений того, что Безбородко намеревался организовать некий заговор по

свержению Павла I. Для такой безрассудной авантюры он был слишком мудрым и слишком старым. Внести же разлад в Императорскую Семью было его сокровенным желанием. Там, где разлад, где противоречия, где нестроения, – там его стезя, там он может принять на себя роль рефери, которая ему всегда была так мила. Недалёкий Кутайсов тут оказывался весьма кстати. Стоило провести с ним несколько умных бесед, намекая на то, что он «неоценен», что его третируют и затирают «известные особы», как этот «турецкий дурачок» начинал смотреть на тебя влюбленными глазами и готов был делать для тебя всё что угодно. А ничего особенного делать и не требовалось. Надо было только регулярно, раз за разом, намекать Монарху на «противодействие» его воле, ненароком расхваливать людей, явно не расположенных к Императрице и её компаньонке Нелидовой.

Закулисная «менторская» деятельность Безбородко начала приносить плоды, что стало очевидным уже в конце июля 1798 года после отставок Буксгевдена, Нелединского и Плещеева. Но, наверное, самое сладостное мгновение Безбородко ощутил в августе того года, когда получил письмо от Императрицы, в котором она взывала к нему за защитой и поддержкой. Никакой «поддержки» старый интриган оказывать не собирался, но сам факт подобного «падения» гордой Марии к его ногам доставил ему истинное наслаждение. Однако в пылу закулисной борьбы по свержению «женской партии» канцлер не разглядел, что с его помощью был выпущен из бутылки страшный джинн, имя которому – барон П.А. Пален.

Именно Пален сменил Безбородко в роли ментора Кутайсова и стал главным действующим лицом в интриге по свержению Павла Петровича после смерти канцлера Безбородко 6 апреля 1799 года. Потом о Палене говорили, что его душа «черна, как бездна ада». Но это всё вскрылось позже, когда он уже сыграл свою преступную партию. В июле же 1798 года, когда Пален вознёсся на самый верх иерархической пирамиды, его скорее рассматривали как «второго Аракчеева», но совсем не как фатальную фигуру.

В начале царствования Павла I, несмотря на свое феноменальное чутьё, Пален – тогда правитель Рижского наместничества – совершил невероятную ошибку. Когда в феврале 1797 года проездом в Риге оказался Платон Зубов, отправлявшийся в Европу для лечения из-за «расстроенных нервов», правитель Наместничества устроил ему пышную встречу и потом лично отправился его сопровождать до границы. Павел Петрович воспринял это как вызов и отреагировал незамедлительно: «за учиненные подлости» Пален был уволен в

отставку. Потом несколько месяцев он обращался к разным лицам, слезно просил о помиловании, клялся в верности до гроба Императору.

Его стенания возымели действие: 20 сентября 1797 года Пален был возвращен на службу. Он командует лейб-гвардии Конным полком, 31 марта 1798 года производится в генералы от кавалерии и награждается орденом Андрея Первозванного. Час же служебного триумфа наступил в июле 1798 года, когда Пален сменил Буксгевдена по посту военного губернатора Петербурга. Наконец 22 февраля 1799 года Пален получает графский титул.

Вопрос о том, кто способствовал возвышению Палена, до сих пор остаётся открытым. В качестве ходатаев чаще всего называются имена Кутайсова и воспитательницы Царских детей и «главы немецкой партии в Петербурге» Шарлотты-Карловны Ливен, урождённой фон Гаугребен (1743–1828), ставшей в 1799 году княгиней. Представляется маловероятным, чтобы Павел Петрович руководствовался в своей кадровой политике мнением Кутайсова и Ливен. Первого он так до конца и продолжал считать «брадобреем», а госпожу Ливен, при всех несомненных воспитательных способностях и преданности делу, он не мог воспринимать человеком государственного склада ума.

Более обоснованным выглядит предположение, что мнения таких людей, как Ф.В. Ростопчин – в 1798 году генерал-адъютант и генерал-лейтенант, но особенно князь А.А. Безбородко, сыграли важную роль. Были какие-то и другие восхвалители, но их имена не столь значимы. Атмосфера придворного «восхищения» не могла не повлиять на настроения Императора, которые передал в своих воспоминаниях барон К.А. Гейкинг:

«Однажды Павел, находившийся в небольшом кружке приближённых, выразился так: «Странно! Никогда я не слыхал, чтобы о ком-либо говорили так много хорошего, как о Палене. Я, значит, довольно ложно судил о нём и должен эту несправедливость поправить».

Дорога к власти для Палена была открыта; он смог обаять Императора своим усердием, исполнительностью, беспрекословным послушанием. Но вместе с тем он сумел использовать в своих видах то качество, которое так всегда высоко оценивал Павел Петрович: прямоту суждений и критические самооценки. Конечно, как показало дальнейшее, всё это была тонко рассчитанная и талантливая игра. Пален клялся собственной жизнью служить Императору до последнего земного вздоха, но многие месяцы не просто грезил, но деятельно подготовлял его убийство…

В какой степени Лопухины, и в первую очередь Анна

Петровна, были вовлечены в антипавловскую деятельность? Была ли возлюбленная Императора рупором его врагов и была ли она осведомлена о подготовке заговора? Совершенно точно известно, что сенатор, а затем обер-прокурор Сената князь Пётр Васильевич в подобной деятельности не участвовал и вообще сторонился придворных интриг. В 1799 году он попросился в отставку, её получил и отбыл на жительство в Москву. Что же касается его дочери, то здесь столь однозначный ответ дать невозможно.

Доподлинно известно, что Анна Гагарина, сохраняя звание камер-фрейлины, имела свои апартаменты в Михайловском замке, куда из покоев Императора вела потайная дверь. Все последние недели жизни Павла Петровича, связанные с Михайловским замком, Анна Петровна провела в непосредственной близости от Императора. Ежедневно, после окончания вечерних трапез в замке ровно в 10 часов вечера, Император проводил у Гагариной родно час и в 11 часов отправлялся спать.

Существует одно свидетельство, косвенно подтверждающее если и не прямое участие Анны Лопухиной-Гагариной в заговоре, то определённо её осведомлённость о его наличии. Оно принадлежит принцу Евгению Вюртембергскому (1788–1858) – племяннику Императрицы Марии Фёдоровны. По приглашению Императора Павла тринадцатилетний принц Евгений 6 февраля 1801 года прибыл в Петербург, где Император оказал ему самые сердечные знаки внимания. Пошли даже разговоры о том, что Павел Петрович хочет «усыновить» Евгения, а остальных членов Семьи «заточить в темницу». О природе подобных слухов речь пойдет отдельно. Пока же следует только констатировать, что Евгений оказался в эпицентре событий в последние дни царствования Павла I.

В шестнадцать лет, в 1804 году, Евгений Вюртембергской написал воспоминания на французском языке, в переводе звучащие следующим образом: «Правдивый рассказ о моих приключениях в 1801 году, написанный в 1804 году и представленный господину д'Оржелету, моему учителю французского языка в Эрлангере, Евгением, принцем Вюртембергским».

Принц повествует, что 7 февраля его принял Император, расточал любезности. Но это в данном случае не самое главное. Наиболее интересное случилось в последующие дни. Нанося необходимые визиты, он в одном из домов познакомился «с очень красивой особой…про которую утверждали, что ей покровительствует Император». Нет сомнения, что имелась в виду именно Анна Лопухина-Гагарина.

В последующие дни события начали принимать необычный и для юного принца прямо загадочный характер. На одном из придворных приемов упомянутая красавица попросила Евгения сесть рядом и завела разговор, который совершенно не укладывался в обычное русло светской беседы. Она предложила ему не просто «дружбу», но именно защиту и при этом произнесла мрачно-таинственные слова: «Мы живём в такое тяжелое время, когда самые блестящие надежды бывают обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны».

Что под этим имелось в виду, не совсем понятно. Ясно только одно: единственным покровителем и Анны Гагариной, и принца Вюртембергского в тот момент являлся Император Павел. Подобное предсказание принцу показалось непонятным, необъяснимым. На этом роковая красавица не успокоилась.

В один из дней в придворной церкви она затеяла разговор совершенно неуместный. Она напомнила Евгению судьбу английских принцев, «которых Ричард III велел бросить в подвалы Тауэра» и с жаром начала расхваливать Великого князя Александра, на которого призывала смотреть как на спасителя. Беседа завершилась многозначительной фразой: «Если когда-либо Вам понадобиться приют, то Вы найдёте его у меня».

Всё это выглядело как-то странно; Евгений не был посвящён в атмосферу придворной жизни, где многие знали и желали погибели Императору Павлу. Однако он чувствовал, что «вокруг нарастает напряжение и общее беспокойство». Встречи с русской покровительницей у принца на том не закончились

За день до убийства, 10 марта 1801 года, в Михайловском замке давался концерт, на котором они опять встретились, при этом таинственная дама, «на глазах которой блестели слёзы», успела шепнуть юноше, чтобы он после ужина пришел к ней на встречу, определив и место. Встреча в описании принца выглядела следующим образом: «Я нашёл мою молодую приятельницу при выходе из столовой в одном из скудно освещенных коридоров… Она крепко схватила меня за руки, поцеловав в лоб, а затем довольно пылко заключила меня в объятия и воскликнула: «О Вас позаботятся, Господь не оставит нас, не забывайте меня». Это были последние слова, больше я её никогда не видел».

Думается, что принцу Евгению не было надобности сочинять подобную историю. Он готовил свои заметки не для печати – они были опубликованы только после его смерти. Из них следует, что Лопухина-Гагарина была осведомлена о готовящемся злодеянии и имела некоторое соглашение с руководителями заговора,

очевидно, с самым главным из них – графом Паленом.

…Заговорщиков, и первого среди них Палена, особо заботила одна тема: поведение членов Императорской Фамилии, и в первую очередь Императрицы Марии. Если Александр был бесхарактерным и излишне впечатлительным, мог сплоховать в последнюю минуту, но все-таки он – «свой», он «посвящён в дело». Мария же Фёдоровна совсем другая: у нее есть и воля, и ум, и она может стать опасной конкуренткой при занятии Престола. Да и прецедент был: Екатерина в 1762 году стала же правительницей при живом сыне. Поэтому, когда Павла Петровича не стало, Пален только на минутку забежал в спальню, а затем далее – к Александру, распорядившись, чтобы немедленно перед опочивальней Марии Фёдоровны был выставлен караул. Об этом же чуть раньше сделал распоряжение и Беннигсен.

Фактически в ту ночь Императрица Мария Фёдоровна была арестована, хотя приказ об этом отдал не новый Император, а такие люди, как Пален и Беннигсен, никаких прав на то не имевшие. Но, с другой стороны, о каких «правах» вообще можно говорить, учитывая, что речь идёт о шайке негодяев.

Существует несколько версий того, как Марии Федоровне стало известно о гибели Павла Петровича и как она себя вела в первые часы после получения сокрушительного известия. Надежных документальных свидетельств тут мало, и некоторые возникли через многие годы после события. Великий князь Николай Михайлович, со ссылкой на признания Беннигсена, написал, что «после кончины мужа и первого порыва отчаяния Мария Фёдоровна явно хотела взять бразды правления». Однако ни сам Николай Михайлович, ни другие историки это самое «явное» доказательствами подтвердить и не смогли.

Спустя четверть века после катастрофы 11 марта 1801 года, Великий князь Константин Павловича рассказ генералу А.Ф. Ланжерону следующее. Его комнаты находились, как и покои Павла Петровича, в бельэтаже Михайловского замка, только с противоположной, восточной стороны. Он в ту ночь мирно спал, и «через час после кончины отца» в «комнату вошел пьяный Платон Зубов».

Он начал бесцеремонно стягивать с Великого князя одеяло и «дерзко» сказал: «Вставайте, идите к Императору Александру, он Вас ждёт!» Второй сын Императора Павла с трудом соображал и подумал, что всё это он видит во сне. Но то был не сон, а горькая явь. Наскоро одевшись, Константин отправился в апартаменты Александра Павловича. Там он увидел картину, достойную воспроизведения.

«Вхожу в переднюю моего брата, застаю там толпу офицеров,

очень шумливых, сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги. В гостиной моего брата я нахожу его лежащим на диване в слезах, как и Императрица Елизавета. Только тогда я узнал об убийстве моего отца. Я был до такой степени поражён этим ударом, что сначала мне представилось, что это был заговор извне против всех нас. В эту минуту пришли доложить моему брату о претензиях моей матери. Он воскликнул: «Боже мой, ещё этого не хватало!» Он приказал Палену пойти убедить её и заставить отказаться от идей, по меньшей мере странных и весьма неуместных в подобную минуту».

Из данного рассказала можно вывести два заключения. Во-первых, Пален находился рядом с Александром. Во-вторых, именно ему было поручено идти и «образумить» Марию Фёдоровну. Кто же принёс Александру Павловичу весть о претензиях Марии Фёдоровны?

Графиня В.Н. Головина, очевидно, со слов Беннигсена, с которым Головины «дружили домами», описала ход событий в опочивальне Императрицы. «Мария Фёдоровна проснулась и узнала про эту ужасную катастрофу. Она побежала в покои своего супруга, но Беннигсен не пустил её. «Как Вы смеете меня останавливать, – кричала она. – Вы забыли, что я коронована и что это я должна царствовать». Сцена выглядит странно: женщина, только узнавшая о кончине супруга, которого безусловно любила, озабочена только своими властными преимуществами.

Далее Головина привела монолог Беннигсена: «Ваш сын, Ваше Величество, объявлен Императором, и я действую по его приказу. Пройдите в помещение рядом; я извещу Вас, когда будет нужно». После этих слов значится: «Императрица была заперта Беннигсеном вместе с графиней Ливен в соседней комнате, где и находилась более часа. В это время гримировали лицо несчастного Императора, чтобы скрыть нанесённые ему раны».

Одно из двух: или Беннигсен действительно получил устный приказ Александра Павловича «изолировать» матушку, или действовал по своему усмотрению, без всякого повеления. Второе предположение представляется более реальным. Заговорщики боялись вторжения Марии Фёдоровны в ситуацию и арестовали её на то время, пока происходила присяга новому Императору войск и караула, находящихся в замке и вокруг него. А чтобы запугать Александра, придумали ход с «претензиями». Александр Павлович не только всю жизнь боялся отца, но и всегда внутренне трепетал в присутствии матери; она подавляла его силой характера и нравственной бескомпромиссностью. Он не захотел

её видеть в самый трагический момент и её, и своей жизни.

Весть о смерти Павла Петровича Марии Фёдоровне принёс не старший сын, а по расхожей версии – графиня Ливен. Александр Павлович боялся встречи с матерью и, если бы то было в его власти, вообще бы с ней никогда не встретился. Через два часа после Цареубийства, около двух часов ночи, Александр Павлович отбыл в Зимний Дворец. Новый Император фактически бежал из Михайловского замка, где находилось истерзанное тело отца, которое он не хотел видеть, и где пребывала убитая горем мать.

По словам обер-шталмейстера С.И. Муханова (1762–1842), находившегося 12 и 13 марта рядом с Марией Фёдоровной, она было «бледная, холодная, наподобие статуи». Её допустили к телу супруга только через восемь часов после кончины Павла Петровича! Она с первого мгновения была уверена, что Павла Петровича убили, и когда увидела уродливо загримированное лицо супруга на кровати в спальне, то последние сомнения отпали. Её хотели обмануть, шептали слова об «апоплексическом ударе», но она воочию узрела, что это был за «удар».

По воспоминания Фридерики Клюгель, она спала в соседней комнате вместе с драгоценностями Марии Федоровны и, когда услышала шум и крики, подумала – пожар. Страх пожара владел воображением Императора Павла, и эти страхи передались и многим другим обитателям Михайловского замка. Первым делом Клюгель спрятала бриллианты в особый секретный шкаф, а затем выбежала в коридор и, увидев у служебной лестницы истопника, спросила: «Где огонь?» «Какой огонь? – был ответ. – Меня разбудили криком, что Император выбросился в окно и убился!» Услышав такое, Клюгель решила, что истопник пьян. Тогда она посмотрела в комнату Марии Фёдоровны, которая оказалась пустой, и побежала по коридору в комнаты Императора.

Спальню Павла Петровича и Марии Федоровны разделяли три комнаты, но этот путь предназначался исключительно для Царствующих Особ. Пройти можно было и по коридору, но этот путь был значительно длиннее. Перед дверью царской опочивальни Клюгель натолкнулась на толпу «очень бледных» офицеров. (Беннигсен и Пален назначили тридцать человек для охраны подступов к спальне Павла Петровича!) Один из них сказал Клюгель: «Император скончался от апоплексического удара». И далее верная камер-фрау заметила: «Мысль о том, что его убили, нам не приходила в голову, все думали о пожаре».

В воспоминаниях А.О. Смирновой-Россет (1809–1882) запечатлён рассказ о событиях той злопамятной ночи камер-фрау Императрицы Марии Фёдоровны миссис Кеннеди. Верная «Сара Ивановна» спала в одной комнате с Императрицей, и, когда после

полуночи в коридоре раздался шум, а затем сильный стук в дверь, то госпожа и её «комнатная девушка» проснулись и первоначально решили, что это – пожар. Накануне сон подобного рода приснился Императору Павлу, и разговоры о возможности пожара велись постоянно.

Далее по тексту: «Кеннеди подала пеньюар и обула её, Императрица сказала ей: «Надо предупредить Клюгель и пойти к Императору» – и велела открыть дверь. Часовой остановил её, заградив дверь штыком, преградив ей путь, и сказал: «Берегитесь, Ваше Величество». Дюжина заговорщиков была перед дверью, и солдат думал, что они пришли убить Императрицу, ибо у них был такой возбуждённый вид. Один из них (Пален) сейчас же объявил ей, что Император мёртв, ей стало дурно, один из офицеров (Яшвиль) бросился за водой, часовой встал между нею и заговорщиками. В тот момент, когда граф Пален подал стакан воды миссис Кеннеди, поддерживавшей Императрицу, часовой отодвинул графа рукою, схватил и сам опустошил стакан и вскрикнул: «Вы убили нашего Императора. Вы способны умертвить и Императрицу!»

Бесхитростные рассказы камеристок Императрицы Клюгель и Кеннеди, несмотря на неточности, вызванные давностью события (воспоминания записывались почти через три десятка лет), всё-таки внушают куда больше доверия именно в силу своей бесхитростности, чем красочные мелодраматические картины, оставленные потомкам цареубийцами или их симпатизантами. Примечательная деталь: сохранилось имя того гренадёра, который стоял на страже опочивальни Марии Фёдоровны, – Перекрестов. Потом Мария Фёдоровна взяла его к себе в Павловск, где впоследствии он доживал свои дни на пенсию от хозяйки Павловска. Он неизменно пользовался уважением вдовы Императора Павла, которая говорила окружающим, что «очень обязана этому человеку». Очевидно, Мария Фёдоровна считала, что этому простому солдату она обязана своей жизнью и что цареубийцы могли без колебаний расправиться и с ней…

Беннигсен и Пален, которых ненавидела Мария Фёдоровна и которую в свою очередь так же страстно ненавидели, распространяли сплетни, касавшиеся поведения её в первые часы и дни после Цареубийства. Они оклеветали убитого Императора, а теперь старались всеми силами опорочить и Вдовствующую Императрицу. Потому пошли гулять по свету и запечатлевались на страницах разных сочинений всякие истории, где Мария Фёдоровна представала истеричной и взбалмошной. Беннигсен, например, повествовал, как она кричала о своих правах, рвалась в спальню супруга, целовала колени охраняющих солдат и руки

самого Беннигсена, умоляла его начать служить ей и прочее, прочее, прочее. Все эти «исторические реминисценции» стоят немногого.

Существует письмо невестки Марии Фёдоровны, с 12 марта 1801 года – Императрицы Елизаветы Алексеевны, которое она написала своей матери маркграфине Баденской. Оно датировано 13 марта, т. е. написано через день после Цареубийства. Это единственный непосредственно привязанный к событию документ, но документ весьма специфический. Невестка не любила свекровь, и это плохо скрываемое чувство сквозит во всех её оценках и суждениях, касающихся Марии Фёдоровны. Из письма нельзя узнать о подлинном ходе событий – в основном это рассказ о личных чувствах и переживаниях. Елизавета не сообщает, по какой причине она отправилась к свекрови вскоре после получения известия о кончине Императора Павла. В её изложении дело выглядело следующим образом.

Ей сообщил о гибели Павла Петровича супруг Александр Павлович, который вскоре отбыл в Зимний Дворец «в надежде увлечь за собой народ; он не знал, что делал, думал найти в этом облегчение». Затем Елизавета говорит, что она «поднялась к Императрице; она ещё спала, однако воспитательница её дочерей пошла подготовить её к ужасному известию». Тут имеется в виду графиня Шарлотта Ливен; по одной из версий, именно она стала для Марии Фёдоровны вестником трагедии.

Далее в тексте значатся следующие слова: «Императрица сошла ко мне с помутившимся разумом, и мы провели с нею всю ночь следующим образом: она – перед закрытой дверью, ведущей на потайную лестницу, разглагольствуя с солдатами, не пропускавшими её к телу Государя, осыпая ругательствами офицеров, нас, прибежавшего доктора, словом, всех, кто к ней подходил (она была как в бреду, и это понятно)».

Это какой-то путаный и местами просто несуразный текст. Куда Императрица «сошла», если они находились в соседнем с опочивальней Павла Петровича зале, что значит «разглагольствовала» и почему Елизавета «провела с ней всю ночь», хотя это – неправда? Вообще из этого письма «очевидца» напрашивается два вывода. Во-первых, Елизавета Алексеевна имела явное нерасположение к свекрови. Во-вторых, она сама была достойна только сочувствия и сострадания, так как ей, такой романтичной и возвышенной, явно через силу приходилось находиться в обществе человека «с помутившимся разумом».

Невозможно не сказать об одной оговорке, допущенной Елизаветой Алексеевной в самом начале послания. Сообщая о реакции Александра Павловича на известие о гибели Императора

Павла, она написала, что он был «совершенно подавлен смертью своего отца», но тут же уточнила: не смертью как таковой, а именно сопутствующими «обстоятельствами».

Точно известно следующее: с первых минут царствования Александра Павловича и его самого, и ту камарилью, которая окружила молодого Императора, заботило одно: как добиться присяги Вдовствующей Императрицы. Она наотрез отказалась присягать и признать нового Императора, пока не увидит тело своего супруга. Это искреннее и понятное желание истолковывалось в том смысле, что Императрица Мария «надеялась» получить Корону. Инсинуаторы, конечно же, человеческие, нравственные и христианские принципы и установки в расчёт не принимали. Они сами руководствовались исключительно злобой и корыстью и полагали, что и все остальные люди никаких иных жизненных установок не имеют.

Между семью и восьмью часами утра 12 марта Марии Фёдоровне было дозволено пройти к телу супруга. Вся эта сцена описывается со слов Беннигсена, который даже в деталях пытался умалить и опорочить поведение Вдовствующей Императрицы. Спальню Императора Павла и Марии Федоровны разделяло три зала, и во время прохода по ним Императрица села на стул и произнесла: «Боже, помоги мне!» В этом цареубийца Беннигсен увидел почему-то «театральную сцену»…

Вдову Императора Павла сопровождали дочери – пятнадцатилетняя Екатерина и тринадцатилетняя Мария, лейб-медик Роджерсон, графиня Ливен, две камер-фрау, лакей и пресловутый Беннигсен. Войдя в спальню и увидев облаченное в мундир Преображенского полка лежащее на кровати тело Павла Петровича, Мария Фёдоровна громко вскрикнула, упала на колени, поцеловала руку Павла и произнесла: «Ах, друг мой!» Затем, всё ещё стоя на коленях, она потребовала ножницы и отрезала прядь волос с головы Императора. Поднявшись, обратилась к дочерям: «Проститесь с отцом!» Дочери, вслед за матерью, упали на колени, начали целовать руку отца, при этом обе чуть не лишились чувств.

Когда они поднялись и печальная процессия двинулась в обратный путь, то Мария Фёдоровна неожиданно для всех резко повернулась, упала на колени перед кроватью, обняла тело усопшего и произнесла: «Я хочу быть последней!» После этих слов показалось, что Мария Фёдоровна потеряла сознание. Рождерсон и Беннигсен с трудом оторвали несчастную вдову от покойного и сопроводили в её апартаменты. Там она облачилась в траур и больше его уже не снимала. Вскоре сообщили, что поданы кареты для следования в Зимний Дворец, где в 9 часов была назначена

присяга новому Императору.

Мария Фёдоровна ещё не раз увидит тело своего «дорого друга» Павла; она будет приходить и одна, и вместе с детьми, в том числе и Императором Александром. 17 марта тело покойного было перенесено из опочивальни в большой парадный зал Михайловского замка, окна которого находились над главным воротами.

Мария Фёдоровна 12 марта не хотела никуда уезжать из Михайловского замка. Однако долг члена Династии не позволял руководствоваться личными чувствами и желаниями. В 10 часов утра кортеж придворных экипажей отъехал от Дворца. В первой карете находилась Мария Фёдоровна – бледная, «как мрамор», величественная, но безутешная в своём горе, которое ей, как позже выразилась, навсегда «разбило сердце»…

Свою последнюю избранницу сердца Павел Петрович, как истинный рыцарь, вознес на пьедестал, но он в ней, как в целом ряде других лиц, ошибся.

Не было там ни простоты, ни искренности. Осыпанная вместе с родственниками дарами и знаками внимания со стороны Самодержца выше всякой меры, которые она принимала с упоением, княгиня Гагарина вольно или невольно, но оказалась в числе сочувствующих заговорщикам, думая только о себе и своём благополучии. Судьба «верного рыцаря» её совершенно не интересовала.

Вместо невинной, сентиментальной и романтической девицы Лопухина-Гагарина оказалась мелкой и лицемерной особой, при этом почему-то полагая, что, соучаствуя в страшном грехопадении – Цареубийстве, – она может рассчитывать на милость Господа.

Она бежала из Михайловского замка 12 марта 1801 года с первыми лучами солнца и не была ни на панихидах, ни на похоронах.

Лопухина-Гагарина предала любовь, она всё предала, чем наградила её судьба, но ничего не получила взамен. Она вырвалась за границу, не имея никого и ничего. Муж был к ней равнодушен, родственники смотрели на неё как на изгоя, а единственная дочь – Александра Павловна Гагарина – скончалась в 1802 году вскоре после родов. Сама княгиня умирала на чужбине долго и тяжело от чахотки, никому не нужная и всеми позабытая…

Не сохранилось прямых сведений о том, как Нелидова пережила убийство Павла Петровича. Известно только, что традиционное смирение её оставило; она требовала расследования и жесточайшего наказания всех негодяев-убийц. В

те страшные дни марта 1801 года она разом поседела и постарела; люди, которым приходилось её видеть потом, были потрясены происшедшей переменой.

Она прожила после того марта тридцать восемь лет и не изменила образу жизни, ставшему для неё привычным ещё при Павле Петровиче. Её изредка навещали дети Павла – Императоры Александр I и Николай I. Но до последних дней своей жизни постоянно была рядом «Вдовствующая Императрица» Мария Фёдоровна.

Императрица и её бывшая фрейлина часто будут видеться. Иногда вечерами будут сидеть вдвоем в полумраке, разговаривать и плакать. И в этих задушевных беседах двух немолодых уже женщин незримо будет присутствовать Павел Петрович, образ которого для обеих являлся незабвенным.

Мария Фёдоровна умерла 24 октября (5 ноября) 1828 года.

2 января 1839 года в возрасте 82 лет скончалась Екатерина Ивановна. Покойную отпели в церкви Общества благородных девиц, где в давние годы она слушала первые проповеди и наставления в Законе Божиим.

Похоронили Нелидову скромно на кладбище Большой Охты – как раз напротив Смольного института, на другом берегу Невы. На это кладбище выходили комнаты Нелидовой, и она полвека почти каждый день взирала на это тихое последнее людское пристанище на земле.

Глава 13. Тихая обитель, нерушимый бастион

25 июня 1796 года, в 3 часа с четвертью утра, в Царском Селе, в Большом Дворце, невестка Императрицы Екатерины II Цесаревна Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном. При благодарственной молитве его нарекли Николаем. В истории Династии Романовых появился Великий князь, впервые нареченный именем Святителя Мирликийского…

До конца неясно, почему третий сын Павла Петровича получил имя Николай, но бесспорно одно: имя выбирали не только родители, но и могущественная бабушка. Без одобрения Екатерины II не могло такого произойти. Она зорко следила за всем, что творилось в окружении ее сына Павла, и принимала решения, которые тот обязан был лишь исполнять. Она являлась «Самодержицей» и для родственников.

Крошка Николай стал отрадой для бабушки. Сразу же после появления его на свет она сообщала своему доверенному корреспонденту барону Фридриху Гримму (1723–1807) в Париж:

«Сегодня в три часа утра мамаша родила громадного мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков[33] (более 60 сантиметров. – *А.Б.*). А руки немного поменьше моих. В жизнь свою в первый я раз вижу такого рыцаря… Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Потом Николая Павловича будут множество раз называть «рыцарем», имея в виду не только физический облик, но и душевно-нравственные качества. Первой же раз подобный эпитет употребила именно Екатерина II.

Через несколько дней Императрица продолжила радостное описание в письме Гримму: «Рыцарь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. Я полагаю, что никогда еще осьмидневный ребенок не пользовался таким угощением; это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего».

Через многие годы, говоря о своем рождении, Император Николай I заметил: «Я родился и думаю, что рождение мое было последним счастливым событием, ею (Императрицей. – *А.Б.*)

испытанным; она желала иметь внука, – я был, говорят, большой и здоровый ребенок. Она меня благословила, сказав при этом: «Экий богатырь».

Николай Павлович был обычным ребенком, оказавшимся с колыбели в совершенно необычных условиях. Ему надо было делать то, что другим детям было незнакомо. Он буквально с первых недель своей жизни был окружен блеском, суетой, роскошью и звуками, с которыми другие знакомились в куда более зрелые годы. Грохот барабанов, крики часовых, гвардейские приветствия сотен молодых голосов пугали, заставляли искать какого-то тихого уголка.

Известно точно, когда закончилось детство: 1812 год. Тогда орда Наполеона напала на Россию; вся страна встала на борьбу. Николаю – уже шестнадцать лет; его душа рвется в бой, он умоляет Александра Павловича взять его на войну. Однако вердикт матери непререкаем: не бывать этому.

В молодости Николай Павлович никогда не задумывался, никогда не грезил о роли Монарха. Каких-либо документальных доказательств подобного не существует, хотя иногда в литературе можно встретить и утверждения противоположного характера. Однако матери такая возможность представлялась вполне вероятной. Секретарь Марии Федоровны Г.И. Вилламов (1773–1842) зафиксировал в дневнике 16 марта 1809 года признание Вдовствующей Императрицы:

«Она видит, что Престол все-таки со временем перейдет к Великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу». К этому времени старшие сыновья – Александр и Константин – уже давно состояли в браке, но наследников не имели[34]. Подобными соображениями Мария Федоровна с сыном не делилась…

Впервые внимание на будущую невесту Николая Павловича обратила фрейлина Императрицы Елизаветы Алексеевны графиня Р.С. Эдлинг (1786–1844). Случилось это еще в январе 1813 года; в семье Короля Фридриха-Вильгельма III из девочек ей особенно запомнилась младшая. Графиня вспоминала: «Дочери производили впечатление сиротства, от которого терпело их воспитание, но милая наружность и детская доброта принцессы Шарлотты предвещали ей счастливую будущность».

Принцесса Шарлотта Гогенцоллерн отбыла в окружении свиты на встречу со своим женихом 31 мая 1817 года. Ее провожали отец и все прусское высшее общество. Матери, Королевы Луизы (1776–1810)[35], уже не было в живых; она скончалась за несколько лет до того, предсказав Шарлотте завидное будущее:

«Моя дочь Шарлотта замкнута в себе, сосредоточенна, но, как и у отца, под холодной, по-видимому, внешностью бьется горячее сочувствующее сердце; вот причина, по которой в ее обращении проглядывает нечто величественное. Если Господь сохранит ее жизнь, я предчувствую для нее блестящее будущее». Предвидение матери оправдалось вполне.

Принцессе Шарлотте к моменту отъезда из Германии не исполнилось и девятнадцати лет; душа ее была полна мечтаний, но и страхов хватало. Про Россию ее родственники и придворные редко отзывались с симпатией; многие считали, что это «страна варваров», куда ей предстояло отбыть навсегда.

В Берлине намечавшуюся брачную партию рассматривали в первую очередь с позиций политических выгод и преимуществ. Россия – величайшая держава; без нее невозможно решить ни один сколь-нибудь значимый вопрос не только в Европе, но и в мире. Династическая уния позволяла установить тесные и неформальные отношения с Петербургом.

Конечно, сам Король прекрасно помнил ту ноябрьскую ночь 1805 года в Потсдаме, когда он и Император Александр у гробницы Фридриха Великого поклялись в вечной дружбе и союзе на всю жизнь. В 1815 году, когда возник Священный союз, заверения, данные когда-то в подземелье Потсдамского пантеона, приобрели форму международно-правового трактата.

Однако в Пруссии не забыли то, как победоносно русские войска маршировали по улицам Берлина осенью 1760 года. Тогда в ходе Семилетней войны они наголову разгромили «непобедимую армию» Короля Фридриха II (Великого), бежавшего из столицы Королевства с мыслью о самоубийстве.

Прекрасно помнили пруссаки и более близкое – войны с Наполеоном. Тогда русские являлись союзниками. Только благодаря Императору Александру Павловичу Пруссия сохранилась как государство, хотя Наполеон намеревался стереть ее с карты Европы.

В Берлине были благодарны Императору Александру, но чувство исторической неполноценности, связанное с превосходством России над «гением» прусских правителей и полководцев, неизбежно порождало недоверие и неприятие, плодило разговоры о «русском Левиафане». Потому Пруссия не считала зазорным извлекать из «сердечной дружбы» выгоды чисто политического характера, в то время как в Петербурге ни о чем подобном и не помышляли.

Историк Н.К. Шильдер в своей книге о Николае Павловиче привел потрясающую по цинизму инструкцию, которую вручил Король генералу Натцмеру, сопровождавшему принцессу

Шарлотту на свадьбу в Петербург. Как писал Шильдер, в каждой строчке этого наставления «проглядывает недоверие к России и высказывается полное сомнение в бескорыстности политических намерений Императора Александра».

Король, выдавая дочь замуж за брата Царя, был убежден, что со стороны России – это тонкая политическая комбинация; истинное же желание Императора Александра – «играть первую роль» в Европе. Мирным заверениям и явленному политическому бескорыстию Императора Александра – после разгрома Наполеона одна Россия отказалась от территориальных «приращений» и от всех видов контрибуции – его будущий родственник не верил. А как же клятвы в верности, слезы у гробницы, «священные» союзы? Для Короля – все это лишь слова и эмоции; главное же и непререкаемое – политические выгоды, интересы дорогого «Фатерланда» – Пруссии!

Одной королевской инструкцией дело не ограничилось. Начальник прусского Генерального штаба поручил Натцмеру и конкретное задание: во время пребывания в России собирать шпионские сведения о состоянии дорог, крепостей и других оборонительных сооружений! Генерал исправно выполнил задание и представил в Берлин целый том соответствующих сведений!

Нет никаких оснований полагать, что принцесса Шарлотта хоть как-то была осведомлена о закулисной подоплеке намечавшегося династического брака. За десятилетия своего пребывания в России сначала в качестве Великой княгини, а затем – Императрицы ни единожды она не пыталась использовать свое положение на пользу «первой родины». В 1817 году она ехала в Россию не потому, что того требовали интересы «Фатерланда», а потому, что любила русского Великого князя.

Воспитанная в сентиментально-романтическом духе, знакомая с юных лет с произведениями и героями Гёте и Шиллера, она в юности вокруг себя видела совсем иное. Парады, приемы, блеск орденов, оружия и эполет – все это было вовсе не то, к чему рвалась ее душа. Принцесса нередко чувствовала себя одинокой и ненужной в королевском дворце в Шарлоттенбурге, где она родилась и прожила большую часть ранней жизни.

Еще в детстве она в полной мере познала неустроенность и даже нищету. Пруссия была покорена и разорена Наполеоном, а Королевской Семье пришлось много скитаться. У юной принцессы порой не было сменного белья и платья, а иногда и случалось ночевать голодной на каких-то грязных постоялых дворах. Она выросла в атмосфере простоты и скромности и никогда не предполагала, что со временем станет Императрицей и будет

блистать при самом богатом Дворе Европы. Первые в своей жизни драгоценности она получила и надела только тогда, когда оказалась в России.

Да, отец любил ее, но у него появилась новая, совсем молодая привязанность, вскоре ставшая его супругой. Мачеха не питала к Шарлотте никаких нежных чувств[36]. Но принцесса верила в Промысел Божий, верила своему жениху – «дорогому Ники», который последние два года занимал все ее воображение. Еще она, как истинная пруссачка, с ранних пор ставила долг выше всего на свете. Преклонение перед авторитетом старших, почитание родителей, беспрекословное выполнение норм и предписаний – все это органически уживалось в ней с романтической мечтательностью.

Когда она вышла замуж, то супруг стал для нее не просто олицетворением старшинства, власти, но и объектом преклонения и почитания. Она любила его не только как мужчину, но и как посланца Промысла. Она знала, что обязана до последнего земного вздоха быть рядом, следовать безропотно за ним, какие бы удары судьбы ни пришлось перенести.

Два характерных эпизода раскрывают нравственный кодекс прусской принцессы, ставшей русской Царицей. В трагический день 14 декабря 1825 года, когда решался вопрос о воцарении Николая Павловича, а в столице Империи бушевал мятеж, муж сказал жене: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, а если придется умереть – умереть с честью». Она, не колеблясь, дала такое обещание.

Через несколько месяцев после того, как закончился суд над декабрьскими мятежниками и они отправлялись в Сибирь, некоторые из жен решили последовать за своими мужьями. Узнав об этом, Императрица Александра Федоровна просто, как выдох, произнесла лишь одну фразу: «О, на их месте я поступила бы так же»…

Поездка принцессы Шарлотты в Россию была долгой и морально трудной. Радость доставляло лишь то, что ее сопровождал брат, принц Вильгельм (1797–1888), с которым у Шарлотты существовали самые доверительные из всей родни отношения. Принцесса, ставшая Императрицей Александрой Федоровной, не доживет до того момента, когда Вильгельм наденет Корону Короля Пруссии (в 1861 году). Конечно же, она и не увидит его имперского торжества: в 1871 году брат станет Императором Германской Империи (Второго Рейха) под именем Вильгельма I.

Принцесса мало что знала о России. Правда, ее сопровождал в поездке протоиерей Николай Музовский (1772–1848)[37],

который несколько месяцев находился в Берлине, где обучал принцессу нормам Православия и азам русского языка. Но этого багажа знаний было слишком мало, чтобы понять жизнь огромной Империи, которую и глазами на карте трудно было охватить.

К тому же наставник не очень хорошо знал немецкий язык, а французским Шарлотта еще не владела в совершенстве. Позже, имея в виду Музовского, она запишет в дневнике, что «не такой человек был нужен, чтобы пролить мир в мою душу и успокоить ее». Но другого не было, а дочь Короля умела приспосабливаться к самым неожиданным обстоятельствам, чему помогала ее природная деликатность и бытовая невзыскательность.

Переезд через границу Пруссии и России произошел 9 июня 1817 года в районе города Мемель (с 1923 года – Клайпеда). Здесь совершенно неожиданно оказался жених, «инкогнито» прибывший встречать невесту, которая таким вниманием была тронута до слез.

На обеих сторонах границы были выстроены войска, и принцесса Шарлотта перешла ее пешком под руку с братом Вильгельмом. Как только оказались в России, Николай Павлович, обращаясь к невесте, произнес: «Наконец-то вы среди нас, дорогая Александра», а затем, во всеуслышанье: «Добро пожаловать в Россию, Ваше Королевское Высочество!» Начиналась русская биография прусской принцессы; в России ей суждено будет прожить более сорока лет…

Великий князь Николай провел принцессу вдоль строя войск, а затем, представляя офицерскому корпусу, произнес: «Это не чужая, господа; это – дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего Государя».

Принцессе был представлен ее придворный штат: престарелая обер-гофмейстерина княгиня А.Н. Волконская (1756–1834), фрейлины: графиня Е.П. Шувалова и В.П. Ушакова, обер-шенк граф Г.И. Чернышев (1762–1831), обер-гофмейстер барон П.Р. Альбедиль (1764–1830), камергер князь В.В. Долгоруков (1787–1858) и другие. Почти все они останутся при Александре Федоровне многие годы.

На подъезде к Петербургу принцессу встретили Император Александр, Императрица Елизавета Алексеевна и Вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Принцесса уже хорошо знала Императора; они познакомились еще в 1813 году и потом несколько раз виделись, когда он приезжал к ним в Берлин. Шарлотта всегда чувствовала с его стороны нежное внимание, которое умела ценить. С Императрицей Елизаветой отношения быстро установились самые близкие.

Больше всего дочь Короля волновалась по поводу Марии Федоровны. Рассказывали, что ее будущая свекровь слишком надменна, порой резка и неимоверно требовательна ко всему, что касалось норм этикета. На удивление, Мария Федоровна оказалась по-матерински заботливой. Как потом написала Александра Федоровна, она «отнеслась ко мне так нежно и ласково, что сразу завоевала мое сердце».

Кортеж сиятельных особ прибыл в Павловск, который и стал временным пристанищем принцессы. Она плохо помнила первые дни пребывания в России и проживания в Павловском Дворце. Запомнились мелочи, порой совершенно для нее необычные. Как только она уединилась в отведенных ей помещениях Дворца, дверь неожиданно отворилась и без всякого предупреждения перед ней оказалась некая грозная пожилая дама, которая изрекла: «Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером».

Фамильярная сцена показалась Шарлотте «весьма странной». Подобная бесцеремонность могла обескуражить, но только не натуру принцессы. Она воспринимала подобные нежданные эпизоды скорее с улыбкой, чем с раздражением. «Старой дамой» оказалась графиня (позже светлейшая княгиня) Шарлотта Карловна Ливен, урожденная фон Поссе (1743–1828), которую потом Александра Федоровна искренне полюбила.

В Павловске состоялся и первый публичный выход Шарлотты, ее, так сказать, светский дебют. Поскольку гардероб принцессы еще не прибыл, ей пришлось выйти в том, в чем была. Александра Федоровна всю жизнь хорошо помнила сцену в длинной дворцовой галерее, а в своих автобиографических записках подробно ее описала, заключив: «Сколько раз впоследствии мне говорили о моем первом появлении в этой галерее; юную принцессу осматривали с головы до ног и нашли, по-видимому, не столь красивой, как предполагали; но все любовались моей ножкой, моей легкой походкой, благодаря чему меня даже прозвали «птичкой».

Два дня Шарлотта провела в Павловске, а 19 июня 1817 года состоялся ее торжественный въезд в Петербург. Она вместе с двумя Императрицами ехала в золоченом ландо. Кругом стояли войска и гвардейские части, а на тротуарах толпилась масса народа. Была ясная жаркая погода, город украшали флаги двух стран, гирлянды живых цветов; кругом царила атмосфера праздника.

В Зимнем Дворе поднялись по парадной лестнице, а затем вышли на балкон, и публика на Дворцовой площади радостными возгласами приветствовала ее появление.

Особенно принцесса боялась грядущего события – принятия Православия. Живя неделю в своих роскошных апартаментах в Зимнем, она только об этом и думала; плакала бессчетное множество раз. Она волновалась, что не сумеет исполнить священный обряд, переживала от неизвестности и трудности иного духовного бытия.

Шарлотта по рождению принадлежала к Лютеранской церкви, прошла конфирмацию, когда давала клятву хранить ей верность. Предстоящий брак требовал нового религиозного обращения. Она знала, что так должно быть, но не знала, как то будет на самом деле.

24 июня она отправилась в дворцовую церковь, куда ее под руку ввел Император. Все в православном храме ей было внове. Церковь внешне очень напоминала известные храмовые сооружения – весь зал был украшен лепниной и позолотой, но атмосфера была совершенно для нее необычной. Величественное церковное пение на непонятном церковнославянском языке, мерцание бесчисленного множества свечей и какой-то особый аромат, до того неведомый. Казалось, что лики Спасителя, Апостолов и Святых смотрят прямо на нее, маленькую и запуганную девушку, находящуюся в каком-то сомнамбулическом состоянии.

Вспоминая этот момент, Александра Федоровна написала: «С грехом пополам прочла я Символ Веры по-русски; рядом со мной стояла игуменья в черном, тогда как я, одетая в белое, с маленьким крестом на шее, имела вид жертвы; такое впечатление произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая с состраданием и со слезами на глазах видела появление бедной принцессы Шарлотты в церковном обряде, столь мистическом и странном в глазах протестантов».

Случилось потом необъяснимое: как только принцесса приобщилась Святых Тайн, к ней сразу же вернулась спокойная радость, и больше она уже не плакала. В тот день Шарлотта получила свое новое имя. Отныне она – благоверная Великая княгиня Александра Федоровна. В тот день окончательно завершилась история прусской принцессы Шарлотты; начиналась биография русской Великой княгини, а затем – Императрицы Александры Федоровны.

На следующий день, 25 июня, был день рождения Николая Павловича, ему исполнилось 21 год – рубеж совершеннолетия. И в этот же день произошло обручение. Прошло еще несколько дней, и 1 июля (в Пруссии было уже 13-е число) в церкви Зимнего Дворца состоялось венчание.

По словам Александры Федоровны, «мой жених становился

все нежнее и с нетерпением ожидал дня, когда назовет меня своей женой и поселится в Аничковом Дворце[38]. Накануне, 1 июля, который был в то время и днем моего рождения, я получила прелестные подарки: жемчуг, бриллианты; меня все это занимало, так как я не носила ни одного бриллианта в Берлине, где отец воспитал нас с редкой простотой».

Невесту облачили в подвенечное платье, которое все было усеяно драгоценными камнями, а на голову надели бриллиантовую корону. Под грузом этой тяжести новобрачная была «еле жива», но как только начался сам обряд, перестала замечать ношу. «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились…»

Венец над головой невесты держал брат, Вильгельм, а над женихом – его младший брат, Михаил Павлович.

Потом были поздравления, церемониалы, торжественный обед и бал, а затем новобрачные отбыли на жительство в Аничков Дворец. На следующий день все опять закрутились в вихре придворной суеты. Вручение подарков, визиты, балы, приемы. От этого «сна» Александра Федоровна пробудилась лишь несколько дней спустя, когда вместе с мужем уехала в Павловск, в буколическую деревенскую тишь и благодать.

«Образ жизни в Павловске, – вспоминала Александра Федоровна, – показался мне особенно приятным; так как я привыкла с детства сообразовываться с привычками других, то мне и в голову не приходило жаловаться на то, что я должна обедать, гулять и ужинать при Дворе, более или менее заботясь о своем туалете».

Жизнь Николая Павловича и Александры Федоровны все время протекала под неусыпным взором Вдовствующей Императрицы. Мария Федоровна уделяла браку Николая повышенное внимание. После неудачного супружества ее старших сыновей, она с особым вниманием ждала того, что ей было так желанно: тихого, достойного, благочестивого союза. Брак Николая Павловича и Александры Федоровны именно таким и оказался.

Невестка, выросшая в среде почитания старших, совершенно спокойно относилась ко многим этикетным требованиям свекрови и никогда не проявляла обид или неудовольствия, хотя некоторые из них могли показаться чрезмерными или просто безапелляционными. В этом отношении они с мужем очень походили друг на друга.

Она, в отличие от Императрицы Елизаветы, не ставила личные амбиции выше этикета, а потому ее отношения с матерью мужа никогда не осложнялись и не обострялись. Александра

Федоровна по этому поводу заметила, что Мария Федоровна «баловала меня снисходительностью».

Верная хранительница незыблемых дворцовых устоев и норм придворной жизни Шарлотта Ливен, которой мало кто мог угодить, однажды призналась Александре Федоровне: «Вы – любимица Вдовствующей Государыни!» Это была высшая оценка. Придворные сразу же заметили, что старая Императрица относилась к третьей невестке с такой нежностью, с которой никогда не относилась даже к своим дочерям…

Николай Павлович и Александра Федоровна одинаково спокойно-безразлично воспринимали великосветскую суетную жизнь. Они понимали ее неизбежность, никогда не пытались сокрушить или проигнорировать заведенные порядки, но никогда и не были их пленниками. Правда, если Александра Федоровна все-таки умела получать удовольствие от балов и приемов, то Николай Павлович так до конца и не сумел преодолеть стойкое убеждение, что это – «пустая трата времени».

Будучи прекрасным танцором, Николай Павлович редко танцевал; владея мастерством светской беседы, весьма неохотно поддерживал пустопорожние разговоры на балах и приемах. Матушка не раз выражала неудовольсвие по поводу того, что ее младшие сыновья Николай и Михаил на балах «усаживались в углу с вытянутыми, скучающими физиономиями, точно медведи или марабу».

Николай Павлович, чтобы доставить матери удовольствие, выходил в танцевальный зал, иногда беседовал с кем-нибудь о чем-то малозначительном и неинтересном, но сам всегда смотрел на это только как на исполнение необходимого ритуала. Он был рад и весел только тогда, когда уединялся со своей милой женой.

По словам Александры Федоровны, «у моего Николая лицо было слишком серьезно для 21 года, особенно когда он посещал общество или балы. Он чувствовал себя вполне счастливым, впрочем, как и я, когда мы оставались наедине в своих комнатах; он бывал тогда со мною необычайно ласков и нежен».

Надолго уединяться и избегнуть публичной жизни в положении Николая Павловича было невозможно. На него были возложены вполне конкретные обязанности. В апреле 1817 года он был назначен шефом Третьего Бранденбургского кирасирского полка, а через три дня после свадьбы, 3 июля 1817 года, – Генерал-инспектором по инженерной части и в январе 1818 года вступил в управление Инженерным корпусом.

Почти ровно через девять месяцев после венчания, на Пасхальной неделе, 17 апреля 1818 года в Великокняжеской семье случилось событие, которого все ждали и которого

молодожены так опасались: у них родился сын. Произошло это в Москве, в Кремле. Тот момент описала Александра Федоровна: «Никс целовал меня и плакал, и мы поблагодарили Бога вместе, не зная даже еще, послал ли Он нам сына или дочь, но тут подошла Maman и сказала: «Это сын». Мы почувствовали себя еще более счастливыми при этом известии…»

Ребенка при крещении в Чудовом монастыре назвали Александром; появился на свет будущий Император Александр II.

Это явилось великим, ни с чем не сравнимым событием для Великокняжеской четы. Но не только. Это стало и делом государственной важности. Возникала надежная династическая перспектива, которой так долго не существовало. Особенно в те дни была весела и возбуждена Вдовствующая Императрица. Она давно уже предполагала, что Трон со временем перейдет к Николаю, а после рождения у того сына, подобные предположения только укреплялись.

Нет никаких оснований считать, что Николая Павловича и Александру Федоровну в тот период хоть как-то занимали мысли о Короне и преемственности власти. Они были счастливы безмерно родительским счастьем и благодарили Всевышнего за ниспосланное.

Николай Павлович переживал за здоровье супруги весь период беременности, хотя она и протекала довольно спокойно. Тревожила и другая мысль: старшие братья Александр и Константин не удостоились милости дождаться рождения сына. А как будет у него? И вот, все решилось самым наилучшим образом.

Состояние отца прекрасно передают строки его письма к митрополиту Московскому и Коломенскому Августину (Виноградскому), написанного вскоре после рождения сына Александра. В нем он уведомлял, что сделал пожертвование церкви и объяснил побудительные мотивы:

«Со страхом, свойственным человеку слабому, и с надеждою, не покидающею человека верующего, видел я приближение решительнейшей минуты в моей жизни. Не зная, что определило мне Провидение, радость или горесть, я подкрепил душу свою обещанием и ожидал с покорностью воли Божией. Ему угодно было благословить меня счастием отца; Он сохранил и мать, и младенца. Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души; но оно необходимо душе благодарной».

Великий князь Николай раскрыл, в чем состояла суть обета, данного накануне родов: воздвигнуть в церкви Нового Иерусалима придел в честь святого князя Александра Невского. Далее, обращаясь лично к Владыке, писал: «Вас, преосвященнейший Владыко, прошу быть мне помощником и

руководителем во исполнении сего обета, священного моему сердцу. Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодатностью отца, приносятся молитвы и о матери и о сыне, да продлит Всемогущий их жизнь для собственного их счастья, на службу Государю, на честь и пользу Отечеству».

Николай Павлович и Александра Федоровна были счастливы в браке. Это счастье было вознаграждено появлением многочисленного потомства. Помимо Александра, женившегося в 1841 году на Гессен-Дармштадтской принцессе Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии (1824–1880), в России – Мария Александровна, у них родилось еще шестеро детей.

Мария (1819–1876), в замужестве (1839) за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852).

Ольга (1822–1892), в замужестве (1846) за Королем Карлом Вюртембергским (1823–1891).

Александра (1825–1844), в замужестве (1844) за Фридрихом-Вильгельмом ландграфом Гессен-Кассельским (1820–1884).

Константин (1827–1892), женат (1848) на принцессе Саксен-Альтенбургской (Александра-Фредерика-Генриетта-Паулина-Марианна-Елизавета), в России – Александра Иосифовна (1830–1911).

Николай (1831–1891), женат (1856) на принцессе Ольденбургской (Александра-Фредерика-Вильгельмина), в России – Александра Петровна.

Михаил (1832–1909), женат (1857) на принцессе Баденской (Цецилия-Августа), в России – Ольга Фёдоровна (1839–1891).

Жена и дети составляли для Николая Павловича его заповедный и светлый мир; общение с ними всегда приносило радостное успокоение душе. Однако случались и потрясения, вызывавшие горечь и слезы.

После тяжелых родов Александра Федоровна 10 июля 1820 года родила в Павловске мертвого ребенка! Тогда только муж, дорогой Никс, сумел вывести жену из состояния глубокой депрессии.

В последующие за неудачными родами дни и недели он все время находился рядом, некоторые дни – неотступно; старался отвлечь супругу от грустных мыслей, помочь ей преодолеть морально-психологический кризис. Он часами читал ей увлекательные романы Вальтера Скотта, тогда входившие в моду, старался развеселить пересказом столичных новостей и анекдотов.

Прошло менее пятнадцати лет, и родителей настигло новое испытание. Их младшая дочь Александра, любимица Адини, отрада матери, но особенно отца, после долгих мучений в июле

1844 года умерла в Царском Селе. Только недавно, в феврале, она вышла замуж за Фридриха-Вильгельма, была счастлива. Осенью уже ждали появления у нее потомства; но все внезапно и трагически оборвалось: преждевременные роды, смерть матери и ребенка.

Через несколько дней после смерти Адини отец признавался своему другу И.Ф. Паскевичу. «Почти 9 недель ожидания того, что третьего дня совершилось, так сокрушили мою душу, что я с трудом исполнил часть только своих обязанностей, ибо все это время был занят другой – святою. Наконец, Богу угодно было прекратить страдания нашего ангела и призвал его к себе! И мы, хотя сокрушенным сердцем, благодарим Господа, ибо он ангелу дал верно ангельское место. Теперь в грусти одно утешение – молитва и служба; я займусь по-прежнему всеми обязанностями, и авось Бог подкрепит нас».

Вторая дочь Николая Павловича Ольга Николаевна вспоминала о тех мучительных днях: «Мама́ могла плакать и облегчала этим свое горе. Папа́, напротив, старался бежать от него и проявлял необычную энергию. Он избегал всех траурных церемоний. Не любил черного и слез. Он не вернулся больше в Царское Село и распорядился изменить там клумбы, балкон и все, что напоминало о болезни Адини».

Николай I «бежал от горя» не потому, что страшился смерти. Ее он никогда не боялся, зная твердо всегда, что жизнь и смерть ниспосылает Господь, а спорить с Его волей недопустимо. Он опасался за жену, боялся, что свалившееся несчастье может преждевременно убить ее.

Когда не случалось печальных событий, семья Великого князя, а затем Императора представляла собой почти идиллическую картину. Ни ссор, ни склок, ни обид, ни несправедливостей.

Николай Павлович придерживался в вопросах воспитания и образования совсем иных принципов и методов, чем те, которые ему самому пришлось испытать в детстве. Никакого принуждения. Никаких категорических запретов и выговоров. Только убеждение, но при том – развивать с малых лет чувство ответственности, чувство долга, понимания того, что необходимо непременно соблюдать морально-поведенческий кодекс.

Сохранилась переписка Николая Павловича с детьми. В этих посланиях, адресованных и малым, и уже взрослым, доминирует чувство отцовской любви и заботливости. Приведем полностью только одно письмо, адресованное дочери Ольге и датированное 26 декабря 1845 года.

В этот момент Ольга вместе с матерью находилась в Палермо

на Сицилии, где врачи советовали Императрице провести зиму. В этом «апельсиновом раю» Александра Федоровна не только набиралась сил, но там же решался и вопрос о замужестве Великой княжны.

«Благодарю тебя, милая Оли, за доброе письмо твое от 10 (22) числа. Ты вообразить себе не можешь, с каким счастьем я читал уверение, что нашей доброй Мама́ точно лучше, что силы ее примерно поправляются. Это одно мое утешение в разлуке и вознаграждение за приносимую жертву. Слава Богу и дай Боже, чтобы все ваше пребывание так же счастливо кончилось, как началось, и чтобы через пять месяцев я мог бы прижать вас к сердцу дома.

Теперь ты отгадаешь, что меня более занимает! Как ты, по Божию наитию, решила свою участь? С полной свободой, с спокойным испытанием твоего сердца, без предупреждений и без наущений, сама ты одна. Минута важная, решительная на всю жизнь.

Твое сердце, твой здравый ум мне порукой, что то, что ты одна решишь, будет к лучшему, будет изречением Божией воли, ибо ты одному Богу предаешься; потому я и спокоен, и оттого жду, чему быть.

Никто не может тебе советовать; ты одна можешь и должна судить об твоем деле; мы же можем только судить о положении общественном, как я уже тебе писал, в пользу предлагаемого тебе.

Если б прежнее и могло быть, то сравнения нет между двух предложений, в отношении условий твоего положения. Видав же ныне вблизи, в какую семью ты могла бы попасть и до какой степени. С одной стороны, беспорядок, а с другой – фанатизм у них сильны, я почти рад, что дело не состоялось[39].

Теперь выбирай только между предлагемого или всегдашнего пребывания дома в девицах; ибо нет, вероятно, какого-либо иного предложения, достойного тебя, когда нет на то лица[40]. Повторяю, что ты решишь, то будет, по моей вере, к лучшему: ибо по моему чувству к тебе я той веры, что в тебе будет в эту минуту глас Божий изрекаться. Аминь.

Надеюсь, что мои безделки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящегося ребенка мила; это ангел, который за тебя молится, как за своего товарища. Бог с тобой, мой Ангел! Люби Папа́, как он тебя любит. Обнимаю тебя от души. Твой старый друг Папа́».

Все в послании пронизано сочувствием и любовью; ни одного неверного, а уж тем более резкого слова. Все его письма детям таковы; никогда он не прибегал ни к запретам, ни к «выговорам». Читая такие тексты, трудно предположить, что они принадлежат

перу грозного властелина. В процитированном письме он абсолютно снисходителен и внимателен к сердечным симпатиям дочери даже там, где речь шла о династическом браке, затрагивавшем престиж Империи. Княжна все должна была решать по зову своего сердца, а отец готов принять любой ее выбор.

Как бы ни любил Николай Павлович всех детей, но особую заботу и внимание обязан был уделять старшему сыну Александру. После того как он сам стал Императором в декабре 1825 года, его семилетний сын одновременно превратился в Наследника Престола. И отец, и мать с особой тщательностью относились ко всему, что было связано с жизнью, образованием и воспитанием Александра Николаевича.

Сохранилось собрание из 23 писем Николая Павловича Цесаревичу за 1837 год. Александру – девятнадцать лет, и он тогда предпринял многомесячное путешествие по России с целью ознакомления с ее природой, климатом, хозяйством и устройством. Эта поездка была организована отцом, который в мельчайших деталях интересовался ее ходом и постоянно корреспондировал ему в различные города и пункты. Вот лишь некоторые фрагменты, отражающие сердечные чувства, которыми одаривал отец. Он всегда их подписывал: «Твой старый верный друг».

«Сегодня утром, вставая, нашел я письмо твое, любезный Саша из Костромы, и благодарю милосердного Бога, что путешествие твое до сих пор идет благополучно, и молю Его, чтоб дал тебе довершить все сходно с нашим желанием и ожиданием. Радуюсь, что ты ознакомился с частью сердца России и увидел всю цену благословенного сего края, увидел и как там любят свою надежду. Какой важный разительный урок для тебя, которого чистая душа умеет ощущать высокие чувства!» (19 мая 1837 года).

«Благодарю тебя, любезный милый Саша, за доброе твое письмо из Екатеринбурга, которое вчера утром получил. С душевной радостью его читал, ибо вижу в нем явно твое доброе чистое сердце. Все твои чувства мне доказывают, что желания мои исполняются и что благословением Божиим предмет твоей поездки будет достигнут. Ты зреешь умом, учишься видеть сам и сравнивать с собственным ответом; учишься судить о вещах и делах, и этим сбираешь себе запас драгоценных знаний для будущей службы» (9 июня).

«Искренно благодарю тебя за все твои добрые чувства ко мне по случаю дня моего рождения. Знай же, что лучший для меня подарок есть ты сам; тогда, когда имею случай и причину тебе сказать, что я тобою доволен… В мои лета начинаешь другими

глазами смотреть на свет и утешение свое находишь в детях, когда они отвечают родительским справедливым надеждам. Этим счастьем, одним, величайшим, истинным, наградил нас досель милосердный Бог в наших милых детях» (24 июня).

Однако далеко не все в отношениях было всегда ясным и умилительным. Возникали и сложные ситуации, доставлявшие немало переживаний и матери и отцу.

При Дворе в качестве фрейлины Великой княжны Марии Николаевны состояла Ольга (Северина) Осиповна Калиновская, происходившая из небогатого польского дворянского рода. Она нравилась Цесаревичу Александру. Отец знал об этой симпатии и был весьма снисходителен. В своих письмах к сыну Император находил необходимым упомянуть и об «Осиповне» – так ее в придворном кругу называли.

25 мая 1837 года сообщал Александру Николаевичу: «Бедная Осиповна захворала, во время ужина с ней сделался столь сильный обморок, что я на руках ее положил на кушетку в прихожей внизу у Мама, и до часу с ней провозились, ей лучше…»

Когда Александр Николаевич вернулся из поездки осенью 1837 года, то его чувства к мадемуазель Калиновской очень быстро начали принимать характер серьезного увлечения; весной 1838 года дело дошло до серьезных объяснений. Он объявил родителям, что готов во имя брака с Калиновской «пожертвовать всем», в том числе и правом на Престол. Императрица настолько была потрясена, что заболела.

Чуть раньше, когда Александр еще не стал окончательно рабом своих личных желаний, мать писала ему: «Меня огорчает, что с возрастом ты не приобретаешь твердости характера, которой тебе так не хватает, а, напротив, все более становишься рабом своих страстей. Как ты будешь управлять Империей, если не можешь управлять собой? Неужели ты хочешь, чтобы Папа́ и я когда-нибудь краснели за тебя?»[41]

Император тоже был потрясен. Он видел, что Саша находится от любви почти в невменяемом состоянии; уговоры на него не действовали. Отец жалел его, никаких «сцен» сыну не устраивал и не прибег ни к каким запретительным мерам; «высочайших повелений» не последовало.

Он решил по-отечески побеседовать с Калиновской. Эта личная встреча была долгой и трудной. Фрейлина в основном плакала, а Император объяснял юной девушке, что на карту поставлена не только судьба двух сердец, но и судьба Империи. Он призывал ее к благоразумию, к необходимости личной жертвы во имя большого и общественного.

Калиновская все поняла и с благодарностью приняла доверительность Императора. Она покинула Двор и Петербург. Николай I, сочувствуя ей и зная ее материальную необеспеченность, выделил ей средства, чтобы она могла устроить свое семейное счастье. И она его устроила: через некоторое время вышла замуж за графа Огинского.

Здесь уместна одна историческая ремарка. Пройдет без малого тридцать лет, и сын Александра II Цесаревич Александр Александрович (1845–1894) встретит свою юношескую любовь в лице княжны М.Э. Мещерской (1844–1868). В мае 1866 года он заявит отцу, что «любит Мещерскую» и собирается соединить с ней жизнь и готов отречься во имя этого от прав на Престол.

Реакция Александра II оказалась совсем не такой, как у его отца. Сыну он устроил «нагоняй», выгнал из кабинета, а беседовать с Мещерской не только не собирался, но и вознамерился выслать ее из Петербурга!

Указанные сопоставления показывают, насколько у «жестокого» Николая I было больше такта и сочувственного понимания, чем у его сына Александра II, «либеральнейшего из монархов», как его нередко величают!..

Семейная жизнь Николая Павловича и Александры Федоровны, казалось, не могла иметь нареканий со стороны. Их отношения всегда были взаимно нежными, они делили общую постель[42], вместе проводили все свободное время (если таковое имелось). Никто и никогда не зафиксировал холодного или даже безразличного взгляда друг на друга.

Александра Федоровна смолоду не отличалась крепким здоровьем, а с годами ее состояние начинало порой внушать серьезное беспокойство. Приступы слабости, нездоровья случались все чаще и чаще. И Император нередко бросал все и мчался домой, чтобы быть рядом с занемогшей супругой. В его присутствии она всегда оживала. Он сам ей готовил лечебное питье, делал компрессы, а когда надо было, то кормил.

Его волновало все, что было с ней связано. В июле 1837 года наставлял сына Александра, который должен был встретиться с Александрой Федоровной в Москве:

«Ты ее хорошенько береги в особенности в народе и помогай под мышку, когда прикладываться будете в Успенском соборе. Не дай ей ходить по высоким лестницам, но вели всегда носить. На балах уговаривай не много танцевать и пуще всего не долго оставаться в ночь». Николай Павлович всю жизнь относился к ней как преданный рыцарь; она так навсегда и осталась его единственной «Дульцинеей».

Наблюдательная и язвительная фрейлина А.Ф. Тютчева дала

яркую метафорическую картину семейных отношений Царя и Царицы:

«Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными каменьями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золотых решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках».

Очевидное и благородное не всеми принималось в расчет; как уже отмечалось, для высшего света подобная супружеская добродетельность являлась скорее исключением, чем правилом. Возникали слухи и версии, ставившие под сомнение безукоризненность этих отношений.

В высшем свете не составляли «донжуанский список» Императора, но некоторые приписывали ему различные «амурные» истории.

Одно время ходили слухи, что его «пассией» была красавица фрейлина княжна Софи Урусова (1806–1889). Разговоры об этом прекратились лишь после того, как она в 1832 году вышла замуж за поручика Гродненского полка князя Л.Л. Радзивилла (1808–1885).

В число «фавориток» записывали и сестер Бороздиных. Из трех дочерей генерал-адъютанта Н.М. Бороздина (1777–1830), появившихся в качестве фрейлин при Дворе, в разряд таковых зачислили двух: среднюю – Анастасию Николаевну (1809–1877) и младшую – Наталью Николаевну (1816–1876).

В кругу «наложниц» фигурировали и фрейлины Александры Федоровны сестры Бартеневы: Надежда Арсеньевна (1821–1902) и Наталья Арсеньевна (1829–1893). Называли и другие имена молодых, красивых и не очень, молодых барышень, оказывавшихся в «поле зрения» Повелителя Империи.

Расхожая точка зрения, особенно популярная за границей, находившая своих почитателей и в России, сводилась к следующему: Русский Царь – безграничный правитель, полный хозяин всех и вся в стране, имеющий право казнить и миловать, его воле никто не смеет перечить.

В политическом отношении так оно вообще-то и было. Что же касается морально-этических норм и правил, нравственных принципов и устоев, то здесь Император не только не был

«безграничным» распорядителем, но он был и первым их исполнителем и хранителем.

Подобное разграничение прерогатив западные «знатоки России» не могли, а может быть, и не хотели различать. В высшем свете России всегда находились люди, с упоением повторяющие «мнение Европы», хотя, казалось бы, они имели возможность судить своим умом и верить собственным глазам. Но заемные суждения представлялись «свободными» и «современными», а некоторым так хотелось иметь подобный ярлык в «царстве тирании»…

О «развратном характере» и «аморальности» Николая Павловича потом написали горы чепухи. В этой области упражнялись А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов и другие «светочи общественной мысли», до садиста-большевика В.И. Ленина включительно. А уж об их эпигонах и приспешниках и говорить не приходится.

Разгадать «тайну» личной жизни Императора многие пытались, но лишь некоторые из таких «разгадчиков» находили в себе мужество признать отсутствие компрометирующих «доказательств».

В качестве подобного «эксперта» невозможно обойти стороной даму, имя которой широко известно всем, кто занимается и историей русской художественной жизни первой половины XIX века, и Императорского Двора. Речь идет об Александре Осиповне Россет.

Выйдя замуж в январе 1832 года за чиновника Министерства иностранных дел Н.М. Смирнова (1808–1870), она прибавила к девичьей фамилии и фамилию мужа. Отныне она стала А.О. Смирновой-Россет. Опубликованы ее дневник и воспоминания, ставшие важным документальным свидетельством эпохи.

Смирнова многое видела, со многими известными людьми была лично знакома, а с некоторыми, в их числе А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, князь П.А. Вяземский, поддерживала многолетние дружеские отношения. В данном случае эта сторона ее жизни не есть объект внимания. Интересно другое.

Александра Осиповна прекрасно была осведомлена о жизни Двора. Шесть лет состояла фрейлиной, да и потом, после замужества, оставалась в ряду видных светских дам, сохраняя многочисленные связи и знакомства. Ее муж пробился в «большие чины»: был Калужским (1845–1851), а затем Петербургским гражданским губернатором (1855–1860), удостоился камергерского звания и должности сенатора.

Она прекрасно лично знала Императора Николая, много лет наблюдала официальный и неофициальный уклад жизни Царской

Семьи. Будучи женщиной умной и образованной, она имела острое зрение, умела различать то, что другие не различали. Еще она была, так сказать, «эмансипэ» – свободная в общениях и суждениях, привязанностях и пристрастиях.

Николай Павлович относился к Александре Осиповне с несомненным расположением, ценил ее совсем «неженский» ум, знания, изящную речь, а порой и резкое словцо. Он даже не раз бывал на «суаре» (званых вечерах) в ее доме, где собирались известные поэты, музыканты, художники.

Сама Александра Осиповна относилась к Повелителю куда эмоциональней; можно даже говорить о более чем простой симпатии, выходившей далеко за рамки светского почитания.

В ее записках Император – в числе главных действующих лиц. Она воссоздавала его образ, избегая темных красок. В палитре ее портрета преобладают светлые, а порой и нежные тона. Именно поэтому воспоминания Смирновой потом многократно клеймились как «недостоверные» и «неподлинные». В них Император представал совсем не тем мрачным «фельдфебелем», которого только и требовалось изображать…

Можно с некоторой долей уверенности предположить, что Александра Осиповна – женщина, несомненно, внешне привлекательная и обаятельная, к тому же и чуждая нерушимых условностей, не прочь была пронзить «стрелой амура» сердце Николая Павловича. Но ничего не получалось. Как не получалось у немалого числа других искательниц ключей от сердца Императора.

Примечательный в этом смысле диалог двух светских «львиц» Смирнова запечатлела в дневнике. Одна из них – сама мемуаристка, другая, не менее авантажная дама, – дочь баварского посланника в Петербурге баронесса Амалия Максимилиановна Крюднер, урожденная Лерхенфельд (1810–1887). Дело происходило на балу в Аничковом Дворце зимой 1838 года.

Смирнова только что вернулась в Петербург после трехлетнего пребывания в Париже; была полна парижских впечатлений и потрясала всех своими туалетами. Особенный интерес вызвал яркий головной шелковый наряд в виде восточного тюрбана; ничего подобного в Петербурге еще не носили.

Государь с улыбкой одобрил одеяние, сказал несколько теплых слов, но особого внимания не уделил. Это задело женское самолюбие, так как Повелителя занимали другие. Комментарий Смирновой это уязвленное женское самомнение и отразил: «Государь занимался в особенности баронессой Крюднер, но

кокетствовал, как молоденькая бабенка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер».

После ужина, когда начались танцы, Император исключил из поля своего внимания и баронессу Крюднер, которая сидела одна «за углом камина». Естественно, чтобы быть в курсе последних «диспозиций», Смирнова немедленно вступила в общение с баронессой, которая хоть и числилась «пассией», но в тот момент оказалась в роли отверженной.

Обе «эмансипэ» внимательно изучали мизансцену, происходившую на их глазах. «Она (баронесса. – *А.Б.*) была в белом платье; зеленые листья обвивали ее белокурые волосы; она была блистательно хороша, но не весела». Причина «невеселья» была зримой, находилась перед глазами.

«Наискось в дверях стоял Царь с Е.М. Бутурлиной, которая беспечной своей веселостью более, чем красотой, всех привлекала, и, казалось, с ней живо говорил; она отворачивалась, играла веером, смеялась иногда и показывала ряд прекрасных белых своих жемчужных зубов…» Бутурлина Е.М. (1805–1859) – жена генерал-майора Д.П. Бутурлина (1790–1849).

Вполне понятно, что Смирнова, как прекрасный знаток женского характера, обращаясь к баронессе, произнесла с виду невинную, но явно провокационную фразу: «Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее». Тут баронессу прорвало, и она сказала то, что было на уме у многих, но что не решались оглашать публично.

«Это странный человек, нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним никогда конца не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры (имелся в виду флирт с Бутурлиной. – *А.Б.*) ничего не доказывают».

Дамы же желали «результата», они жаждали, чтобы Император не только с ними кокетничал, но чтобы он распахнул им свои объятия. Однако, к сожалению, у Николая Павловича существовало, на взгляд «львиц», странное представление о верности. Потому «результата» никто из самых знающих и умеющих обольстительниц добиться и не мог. Смирнова не возражала; в этом пункте она была согласна с баронессой…

Однако далеко не все с подобной очевидностью соглашались. Какие-либо «доказательства» для констатации адюльтеров не требовались. «Так было, потому что иначе не может быть». Вот формула, руководимая подобными искателями разгадки «тайн алькова».

Дочь Николая Павловича Королева Вюртембергская Ольга, прожив долгую жизнь, пережив многое и многих, в свои зрелые

годы не раз видела и слышала намеки и ухмылки, когда возникала тема о характере семейных отношений отца и матери. В своих воспоминаниях она не обошла стороной эту тему, сделав единственно возможный и исторически обусловленный вывод: «Никто другой, кроме Мама́, никогда не волновал его (Отца) чувств, такая исключительная верность многим казалась просто чрезмерной добросовестностью».

Ольга Николаевна слишком долго и слишком близко находилась с любимым отцом, чтобы знать, понимать и чувствовать, как все было на самом деле.

Семейная жизнь Николая Павловича являла полную противоположность семейному укладу старших братьев. Прожив в браке тридцать восемь лет, он никогда не только не раскаивался в своем выборе или уж тем более тяготился им, но был всегда счастлив.

Император Николай I был счастлив в браке; можно даже сказать, что брак этот по всем канонам и признакам являлся образцовым. Такого вокруг Царского Престола давно не наблюдалось. Практически весь XVIII век семейная жизнь Царей представляла удручающую картину. Внебрачные связи, сторонние любовные увлечения – всё было в порядке вещей.

Любимая жена и дети – это был тот нерушимый бастион, та тихая обитель, где всегда находила пристанище душа Императора Николая I. Там он отдыхал, там он получал заряд жизненной бодрости и оптимизма, даже в те моменты, когда в окружающей действительности разглядеть что-то светлое было уже почти и невозможно.

Великосветский мир был слишком распущенным и злоязыким, чтобы примириться с образцовой семейной жизнью Императора. «Свобода нравов», возобладавшая в «блестящий век Екатерины», а затем лишь расцветшая в царствование Александра I, формировала весьма растяжимые представления о нормах семейной морали. Потому так пристально и пристрастно вглядывались в обиход Царской Семьи, стараясь отыскать там «факты» и «приметы», подтверждающие то, что было так желанно и понятно. Потому и «находили» там то, чего не было на самом деле, но то, что казалось, оправдывало великосветскую двойную мораль, а по сути – аморали.

О Николае Павловиче современники, не говоря уже о последующих «интерпретаторах», пустили в обращение много лживых измышлений. Может, самые непристойные и совершенно бездоказательные, но уверенно произносимые инвективы о его «бурных» любовных увлечениях. Некоторые при этом, без тени сомнения, называли Смольный институт чуть ли не личной

«племенной фермой», «гаремом»; приводились иногда и имена «фавориток».

При этом ничего подлинного; лишь слухи, сплетни, которые возникли еще при жизни Николая Павловича. Их производство, что называется, на поток первым поставил пресловутый миллионер-революционер А.И. Герцен. О некоторых образчиках лживого «варева» ниже придется еще говорить…

Николай Павлович не был романтической натурой; ему не были присущи ни отвлеченная мечтательность, ни лирическое самоотречение. Он был настоящим мужчиной, не умеющим произносить красивых фраз о любви, но способным любить по-рыцарски, беззаветно, навсегда. Поэтому практически отсутствуют его любовные послания, но сохранился образец его супружеской жизни.

Через много лет Александра Федоровна, вспоминая день свадьбы с Николаем Павловичем, запишет в дневнике, что тогда «с полным доверием отдала я свою жизнь в руки моего Николая и он никогда не обманул этой надежды!».

Помимо Николая I Династия Романовых времен Империи, т. е. с Петра I, оставила еще лишь два примера полноты, безыскусности, совершенства семейных отношений, явленных внуком Николая Павловича – Императором Александром III и правнуком – Императором Николаем II.

Подобное безукоризненное супружество не есть только показатель «полноты чувства» по отношению к своим избранницам, которое, несомненно, существовало. Одновременно это и показатель их абсолютной преданности Вере Христовой. Перед Лицом Господа у алтаря они клялись в верности своим суженым, а измена – это не только факт морального падения, но и клятвопреступление. На подобное святотатство никто из них не был способен…

Глава 14. И слезы, и любовь

1855 год встречали в Петербурге без всякой радости. Несколько месяцев уже шла кровопролитная Крымская война и Россия напрягала все силы, чтобы отразить сплоченный военный натиск Турции, Англии, Франции и Сардинского Королевства. Форпост России на Черном море – Севастополь – героически выдерживал многомесячную осаду превосходящих сил. Помыслы всех и каждого были там, где решалась судьба страны.

Император Николай I целиком отдавался военным заботам. Все остальное отошло далеко в сторону. Придворная жизнь замерла. Усилия и мечты людей были устремлены к победе. Военное же положение не внушало оптимизма. В обозримом будущем завершения войны явно не предвиделось.

Императрица Александра Федоровна, давно испытывавшая недомогание, в ту зиму чувствовала себя особенно слабой. Супруг-Император подбадривал, но сам находился в таком грустном расположении мыслей, что впору было его самого успокаивать. Лишь молитва и вера в милость Всевышнего подкрепляли…

Недавно еще самый блестящий Двор Европы окутала пелена печали. Той зимой даже излюбленная тема о сердечных делах членов Династии надолго не занимала умы. Последний «бель флёр» Императора – фрейлина Варенька Нелидова (1834–1897) – на глаза мало показывалась.

При Дворе давно были уверены, что Нелидова – возлюбленная Императора. По удивительному совпадению она приходилась племянницей Е.И. Нелидовой (1757–1839), состоявшей, как утверждали, «для особых милостей» при отце Николая I – Павле Петровиче.

Хотя Варвара Аркадьевна, исполнявшая обязанности фрейлины Императрицы Александры Федоровны, входила в число самых доверенных, всегда вела себя чрезвычайно скромно и строго, но молва была неумолима: она – любовница Императора.

Эту «версию» внимательно изучала одна из самых замечательных женщин своей эпохи, ближайшая приятельница А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского все та же Александра Осиповна Россет (Смирнова). Ничего конкретного не установила. По ее наблюдениям, Царь «в 9-м часу после гулянья пьет кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или в 1 ½ опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садиться кушать, в 6-ть гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина сходит в

собрание, ужинает, гуляет в 11-ть. Около двенадцати ложиться почивать. Почивает с императрицей в одной постели».

Будучи в интимных и придворных делах женщиной весьма сведущей, Смирнова-Россет справедливо задавалась вопросом: «Когда же Царь бывает у фрейлины Нелидовой?» Никто того в точности не знал, но петербургское светское мнение поколеблено не было.

Император же неизменно окружал свою супругу вниманием и заботой, которые с годами даже стали еще более нежными. Александра Федоровна же просто обожала мужа и хотя до нее доходили слухи о каких-то сторонних «увлечениях» его, но никогда не придавала им серьезного значения. Она знала, что Николай не способен лицемерить. Он порой сам рассказывал ей о том, как ему понравилась та или иная «милая особа». О том, что ему симпатична Нелидова, Царица так же узнала от супруга. Императрица не сомневалась, что у ее Ники все эти «увлечения» лишь от любви к красоте вообще, только «отрада глазу» и не более.

Если роман Императора с Нелидовой так и остался неразгаданной шарадой, а вся эта история походила на придворную легенду, то другое династическое событие того периода было уже вполне реальным. Оно разворачивалась в последние месяцы царствования Николая I, и в центре его оказалась любимая дочь Царя, президент Императорской Академии Художеств, председатель «Общества поощрения художников» Великая княгиня Мария Николаевна.

Оплакав и похоронив в ноябре 1852 года своего преждевременно скончавшегося супруга Максимилиана Лейхтенбергского (ему только исполнилось 35 лет), дочь Царя погрузилась в меланхолию. Но довольно скоро княгиня-герцогиня воспрянула духом и опять стала появляться на публике, принимать у себя и с присущей ей энергией заниматься делами Академии Художеств.

Казалось, что время залечило душевные раны вдовы, что герцогиня Лейхтенбергская теперь лишь лицо общественное, что ее женские заботы – только воспитание дочери и четырех сыновей. Однако не только «лучший лекарь» – время сыграло свою роль. Была и еще одна причина, преобразившая Марию Николаевну. Она полюбила. Ее возлюбленным стал представитель славного рода купцов и дворян, меценатов и благотворителей граф Григорий Александрович Строганов (1824–1879).

Свои близкие отношения дочь царя и молодой граф держали в тайне. Однако Мария Николаевна, отличавшая решительным характером и христианским благочестием, не хотела

уподобляться какой-нибудь «даме полусвета» и проводить ночи с мужчиной без церковного благословения. Она для этого была слишком горда и самолюбива.

У Великой княгини возникло намерение обвенчаться. Формально, после истечения годичного траура по скончавшемуся супругу, на то она имела право. Все могло бы быть именно так, если бы не одно обстоятельство: она – Царская дочь. Требовалось согласие отца. Но чтобы его получить – о том не могло быть и речи!

Николай I всю жизнь старался придерживаться убеждения, которое стремился внедрить и в умы подчиненных: государственные законы надлежит выполнять неукоснительно. Уклоняющихся должна настигать кара. Это касалось всех подданных, но в особой степени родственников. Они на самом верху, на виду; здесь особый счет. Этому правилу учил детей сызмальства. И в своем завещании заклинал отпрысков «любить и чтить своего Государя от всей души, служить Ему верно, неутомимо, до последней капли крови, до последнего издыхания, и помнить, что Им надлежит примером быть другим верноподданным, из которых они первые».

Все дети Николая I знали, как он возмущался скандальной женитьбой брата Константина. Тот переступил закон, нарушил правило, и вот результат: волнения в Петербурге.

И другая история еще была свежа в памяти. В 1851 году брат Цесаревны Марии Александровны принц Александр Гессенский обвенчался с графиней Юлией фон Гауке. Двадцативосьмилетний принц происходил из рода владетельных правителей (сын Великого Гессенского герцога Людвига II), а его двадцатишестилетняя жена «к избранным мира сего не принадлежала». Она была дочерью Маврикия Гауке, генерала, родом венгра, сына цирюльника, получившего на русской службе дворянство и генеральский чин и погибшего во время польского восстания 1830 года.

Казалось бы, женитьба принца Гессенского не имеет касательства до русских дел. Император Николай I так не считал. Александр – Царский родственник, и здесь все имело значение. Император чрезвычайно разгневался и самим фактом, и тем, что его даже не сочти нужным заблаговременно оповестить. Он узнал о том лишь после того, как 14 октября 1851 года в австрийском городе Бреславле состоялось венчание. Через две недели Александру Гессенскому, состоявшему на русской военной службе, сообщили Царскую волю: ему на год запрещено возвращаться в Россию, а его супруге – навсегда.

Император Николай Павлович всегда воспринимал

морганатические браки чуть ли не как личное оскорбление. Трудно даже было вообразить, какой бы гнев вызвало известие о намерении дочери Марии. То, что она – любимица, ничего не меняло. Отец не делал никаких скидок в своих требованиях для детей. Сердечные увлечения дочери никакой роли не играли. Все личное всегда должно оставаться на потом. Главное же – долг.

Мария Николаевна за свою жизнь так измучилась «царскородным служением»: вышла замуж, не испытывая к своему супругу сильного влечения, которое и потом не появилось. Сын пасынка Наполеона герцог Лейхтенбергский был такой сухой, напыщенный, да к тому же и хворал постоянно. Великая княгиня могла бы на пальцах перечесть светлые моменты их супружества.

Когда встретила графа Строганова, то лишь тогда поняла, что значит любить, узнала, что значит быть любимой. Граф – образованный, учтивый, тонкий ценитель красоты. И дочь Царя, тридцатипятилетняя вдова, трепетала при встрече с ним, как какая-нибудь несмышленая провинциальная барышня, встретившая наяву свою заветную мечту – героя модного французского романа из жизни средневековых рыцарей. Граф Григорий Александрович и стал ее рыцарем.

Их связь началась еще при жизни герцога Лейхтенбергского, а после смерти супруга Великая княгиня уже не представляла себе жизни без «Жоржа». Позже ее наперсница и задушевная подруга Татьяна Потемкина на упреки в «недостойном попустительстве» этому браку говорила, что «темперамент Марии Николаевны не позволяет ей обходиться без мужа, не впадая в грех».

Так или иначе, но Царская дочь приняла решение, которому возлюбленный не смел перечить, хотя понимал, что рискует очень многим. Не исключено, что ему скоро придется коротать свои дни в изгнании, в каком-нибудь «Богом забытом» уголке дикой Сибири. Причем ссылка – далеко не самое страшное, что могло грозить. Не исключался и «белый камень» (надгробие). Граф со смирением, не ропща, принял свою участь, так как давно уже любил Марию и ради нее готов ко всему.

Летом 1854 года в уединенном селе Петербургской губернии Гостилицах – в церкви родового имения ближайшей приятельницы Великой княгини Татьяны Борисовны Потемкиной (1801–1869) – состоялось обручение, а 4 ноября того же года Царская дочь пред алтарем соединила свою жизнь с графом Строгановым. Свидетелем по чину бракосочетания были: князь Василий Андреевич Долгоруков (1804–1868) и граф Михаил Юрьевич Виельегорский (1787–1856).

Первый состоял военным министром, и раскрытие его участия в церемонии неминуемо бы привело к крушению всей

служебной карьеры. Но за сестру так просил брат-наследник Великий князь Александр Николаевич, что князь, питавший к Цесаревичу огромную симпатию, не устоял.

Второй же свидетель, Михаил Юрьевич Виельегорский, доводился старшим братом управляющему двором Великой княгини Матвею Юрьевичу, и первоначально Мария Николаевна к своему управляющему с деликатной просьбой и обратилась. Но граф испугался и предложил пригласить на эту роль своего брата, известного столичного «любителя муз», композитора и скрипача-любителя (по определению композитора Шумана «гениальнейшего из дилетантов»). Михаил Юрьевич слыл человеком рассеянным, «немножечко не от мира сего», и Государь вряд ли подверг бы его тяжелому наказанию.

Брачная церемония проходила в домовой церкви Великой княгиня в самом центре Петербурга – в Мариинском дворце. Со священником тоже вышла вначале «закавыка». Духовник Марии Николаевны отказался. Сослался на то, что «не имеет права» совершать церковные церемонии без оповещения о том своего прямого начальственного иерарха – протопресвитера всех придворных церквей Василия Борисовича Бажанова (1800–1883). Пригласили опять сельского священника из Гостилиц. Тот не мудрствуя быстро сладил дело, вслед за тем сразу же подал в отставку, получив от молодоженов щедрое вознаграждение.

Помолвка и венчание Великой княгини держались в большой тайне. Хотя о ней было осведомлено немало людей, но никто не обмолвился и словом, прекрасно понимая, что царский гнев может настичь не только тех, кто организовывал противозаконное действие, но и тех, кто знал, но молчал. Царь так и ничего не узнал.

Трудно сказать, коль долго оставался бы под спудом тайный брак старшей дочери царя; рано или поздно, но история непременно бы стала достоянием гласности. Светский мир слишком мал и слишком прозрачен, а придворные не умели хранить секретов. Главные действующие лица и соучастники тайной брачной церемонии кто с ужасом, кто с обреченным безразличием ждали неминуемой развязки.

Лишь одна Мария Николаевна была свежа, бодра, демонстрируя неизменно хорошее настроение. Она добилась своего, была более чем умиротворена. Своего супруга уверяла, что «со временем все объяснит Папа́», не сомневаясь, что «сумеет убедить его» принять свершившееся. Через несколько месяцев развязка действительно наступила, но совсем не так, как опасались тайно обвенчанные. В свои неполных 59 лет покинул земные чертоги грозный Царь.

Николай I скончался вскоре после полудня 18 февраля 1855 года, лежа на походной железной кровати в небольшой комнате, «в одно окно», на первом этаже Зимнего Дворца, укрытый простой солдатской шинелью. Все случилось так быстро, так неожиданно, что многие долго не могли прийти в себя от настигшей их печальной вести. За две недели до того у него случилась простуда, которой Император не придал значения. Потом, вопреки врачебным предписаниям, дважды отправлялся на полковые смотры гвардейских частей, находился на морозе и ветру по нескольку часов.

Легкое простудное заболевание перешло в пневмонию. К 16 февраля положение стало очень тяжелым, а через день – безнадежным. Вечером 17-го Царь прямо спросил лейб-медика Мартина Мандта (1800–1858): «Сколько осталось?» В ответ услышал: «Ваше Величество, Вы имеете перед собой только несколько часов». После заключения-приговора Царь сохранил удивительное самообладание, стал готовиться в дальнюю дорогу.

Страдания с каждым часом усиливались, но сознание не покидало умирающего. Отдавал последние распоряжения ровным и ясным голосом: позвал гренадеров и сановников для прощания, продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает, и прощался со своей старой столицей. Ушло высочайшее послание в Севастополь, где говорилось о том, что Царь будет молиться за доблестных защитников, отправилась депеша и в Берлин к Прусскому Королю. Царь просил Кайзера никогда не изменять союзу с Россией.

В ночь с 17 на 18 февраля 1855 года в Зимнем Дворце почти никто не спал. Императрица Александра Федоровна плакала почти не переставая и совсем обессилела. Ближе к утру она прилегла в соседней комнате на кушетке, но еще было темно, когда ее позвали к супругу.

Царь причащался Святых Тайн и твердым голосом прочитал молитву «Верую, Господи, и исповедую». Вся Императорская Семья теснилась вокруг кровати, почти у всех заплаканные лица. Умирающий с каждым из родни попрощался за руку, благословил всех и в конце сказал: «Напоминаю вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны».

В этот момент Императрица упала на колени, обхватила царя-супруга руками и, обливаясь слезами, воскликнула: «Оставь меня подле себя. Боже! Отчего я не могу умереть вместе с тобою!» – «Не греши, – ответил слабнувшим голосом Император, – ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром. Ты должна жить для них», – вымолвил Царь, обведя взглядом детей.

Затем обратился к сыну-наследнику со словами напутствия, которые Александр II помнил всю жизнь: «Ты знаешь, что все мои попечения, все усилия стремились к благу России, я хотел продолжать трудиться так, чтобы оставить тебе государство благоустроенное, огражденное безопасностью извне, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю. Видно, так угодно Богу. Тяжело тебе будет».

Цесаревич, рыдая, вымолвил, что надеется, что батюшка «там будет молиться Ему о России, о нас всех». Твердым, но уже прерывающимся голосом Царь ответил: «Да, я всегда молился Ему за Россию и за всех вас, буду молиться и там. Вы же останьтесь навсегда, как было доселе, в тесном союзе любви семейной». Осенил всех крестным знамением и попросил оставить его одного.

После того Николай I впал в забытье. Как только сознание воротилось, выказал новый пример великого мужества, отдав последние приказания. Сам назначил место в Зимнем дворце, где должны быть выставлены для прощания его останки, и указал место для могилы в Петропавловском соборе. Еще насчет одного распорядился: чтобы погребение было совершено с возможно большей скромностью, без пышного катафалка, без «всяких великолепных в зале и церкви убранств».

Потом нашел силы поблагодарить дворцовых служащих за верность. Царица предложила пригласить для прощания фрейлин, в числе коих прозвучало и имя Нелидовой. После минутной паузы умирающий изрек: «Не надо. Поблагодари ее от меня».

В последние часы жизни Царь мало говорил, по временам терял сознание. Дыхание становилось отрывистым, хрипы все усиливались. В один из моментов просветления неожиданно сказал: «Долго ли еще продлиться эта музыка? Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать».

Голос его с каждой фразой делался все тише и к полудню совсем пропал. До последней минуты не выпускал из своих рук руки Императрицы и Цесаревича. За несколько мгновений до конца к Императору вернулась речь и сознание и неожиданно, глядя на Цесаревича, изрек: «Держи всё, держи всё». Эти слова сопровождались крепким сжатием руки, что означало, что держать нужно сильно.

В середине дня, 18 февраля, в 20 минут первого часа, Царя не стало. На Престоле оказался новый Император – Александр II. Похороны же усопшего прошли 5 марта 1855 года.

Венценосцем стал человек, не только знавший о

противозаконном поступке своей сестры, но и способствовавший ему. Мария Николаевна обсудила свою ситуацию с братом-царем и с другим братом – Константином, и все они склонились к мнению, что рано или поздно, но о браке необходимо сообщить публично. Решили выждать несколько месяцев траура, а уж тогда и оповестить. Александр II не видел ничего предосудительного в подобном. Сестра Мери имеет право на счастье. С этим трудно было спорить, но оставалось одно препятствие – закон. Однако Император был уверен, что если вся Фамилия придет к согласию, то можно будет рассматривать этот брак как исключение.

Самое сложное было открыть все Мама́. Несколько раз обдумывали с сестрой, как поделикатней все обставить. Но все решилось неожиданным образом. В начале апреля 1855 года Александре Федоровне рассказали. Царь был все себя от гнева, пытался выведать, кто донес, но так ничего и не узнал.

Новость потрясла Царицу-Вдову. Она только немного стала приходить в себя после похорон супруга – и вдруг новый удар. Больная и сломленная, она в начале не поверила, но когда сомнений не осталась, то, обливаясь слезами, произнесла горькие и необычно для нее резкие слова:

«Я думала, что со смертью Императора я испытала горе в его самой горькой форме; теперь я знаю, что может быть горе еще более жестокое – это быть обманутой своими детьми». Упреков никому не высказывала, но однажды при детях, глядя на дочь Марию, обронила, что ей «теперь так трудно жить», так как «ее постоянно обманывают».

Потрясение матери подействовало на детей как ушат холодной воды. Тема тайного брака была «изъята из обращения» в Императорской Фамилии на несколько месяцев. Однако Мария Николаевна обладала твердым характером («вся в отца») и в начале 1856 года убедила Брата-Царя вернуться к «больному вопросу». Мама́ в тот момент находилась на лечении за границей, и можно было надеяться, что родня с пониманием и сочувствием отнесется. В пользу этого говорило, что братья Царя Великие князья Константин и Николай поддерживали намерение сестры.

На общем же семейном совете случилось непредвиденное: резко против выступила тетка, Нидерландская королева Анна Павловна, которая без обиняков заявила Александру II: «Ваше Величество в то время были первым подданным Вашего Отца и не должны были изъявлять согласия на свадьбу, которую Он не дозволял и которая совершилась в тайне от него. Теперь Вы сами царствуете: чтобы Вы сказали, Государь, если бы Вас послушались таким образом? Я полагаю, что брака моей племянницы, а вашей сестры, признавать официально невозможно».

После монолога Королевы воцарилось молчание. Аргументов у противоположной стороны не было. Тема была исчерпана и никогда уже больше не поднималась.

Великая княгиня Мария Николаевна и граф Григорий Строганов так все последующие годы и прожили вместе, оставаясь тайно обвенчанными. Их дочь Мария Григорьевна (1861–1908), приходившая племянницей Александру II и кузиной Александру III, никакими «законными» родственными привилегиями не обладала, хотя она и ее муж В.А. Шереметев (1847–1893) – полковник, командир Императорского конвоя – пользовались несомненным расположением при дворе Александра III.

Так уж получилось, что и почти все «законные» дети Великой княгини Марии Николаевны настолько оказались «в мать», что всегда ставили личные пристрастия и интересы выше и первее династических. Скандалы и мезальянсы Лейхтенбергских сотрясали Императорскую Фамилию до самого крушения Монархии в 1917 году.

Положил тому начало старший сын Марии Николаевны герцог Николай Максимилианович (1843–1891). Племянник Императора Александра II производил вначале благоприятное впечатление в высшем свете. Как вспоминал граф С.Д. Шереметев (1844–1918), он «был статен, довольно красив, несколько таинственен, потому что не договаривал, и за этим допытывались чего-то особенного. Он рано показался в свете, поглощал сердца и производил сенсацию».

Но очень скоро ореол «загадочного принца» развеялся почти без следа. Выяснилось, что это был человек довольно ограниченных запросов и кругозора, а его неразборчивые любовные увлечения довершили процесс развенчания репутации. Он увлекся дамой, которая не только была заметно его старше, но и состояла в браке. Это была Надежда Сергеевна Анненкова (1839–1891), в замужестве Акинфьева. Она числилась внучатой племянницей министра иностранных дел канцлера князя А.М. Горчакова (1798–1883), но всезнающая светская молва утверждала, что она «при дворе князя» Анненкова-Акиньфьева исполняла роль «одалиски».

Николай Лейхтенбергский увлекся «одалиской» и это увлечение довольно быстро переросло в роковой роман. Они несколько лет встречались тайно ночами в Мариинском дворце, под одной крышей с Великой княгиней Марией Николаевной. Сын не рискнул открыть матери тайну своего сердца, решив идти тем же путем, что и матушка: поставить родню и высший свет перед свершившимся фактом. В 1868 году Николай

Лейхтенбергский вместе с Анненковой, успевший к тому времени оформить развод, тайно отбыл за границу, где в октябре того же года они и обвенчались.

Для Великой княгини Марии Николаевны весть стала настоящим ударом; старшему сыну она желала совсем не такой партии. Изменить уже ничего было невозможно. Мать молча несла «этот крест», но свою невестку она видеть не желала.

Николай Лейхтенбергский и его жена обосновались за границей. У них родилось двое детей: Николай (1868–1928) и Георгий (1872–1929). Когда умерла Мария Николаевна, ее брат Император Александр II проявил по отношении к своему непутевому племяннику милость: в 1878 году его супруге был пожалован титул «графиня Богарне».

С годами принц Николай Лейхтенбергский начал хандрить; любовный угар давно был в прошлом. Некогда страстно любимая жена стала для него чужим и чуждым человеком. Одиночество и тоска пристрастили принца к принятию «бодрящих препаратов». Он умер совсем не старым человеком, будучи заядлым морфинистом.

Другой сын Великой княгини Марии Николаевны Евгений Максимилианович (1847–1901) отличался неменьшим темпераментом натуры и, как и старший брат, тоже «пал» жертвой роковой страсти. Причем «падал» он не один раз: вся его жизнь напоминала необузданный разгул. Первый раз он увлекся французской актриской, подвизавшейся в Петербурге на сцене Французского тетра, и тайно с ней бежал в Париж.

Через некоторое время его вернули в Россию, он вроде бы остепенился и в 1869 году женился на правнучке М.И. Кутузова Дарье Константиновне Опочининой (1845–1870). У них родилась дочь Дарья (1870–1937, Долли), а вскоре после родов мать умерла.

Евгений недолго грустил. Появились новые увлечения, новые привязанности. В конце концов его «прибрала к рукам» сестра прославленного генерала М.Д. Скобелева (1843–1882) Зинаида (1856–1899). Хоть она была и молода, но отличалась неимоверной изворотливость, удивительным темпераментом и деловой хваткой. Евгений Лейхтенбергский был «пленен» ею прочно. В 1898 году Евгений женился на Зинаиде Скобелевой, и она стала «герцогиней Лейхтенбергской», а в 1889 году получила титул «графиня Богарне».

Некоторые называли пышнотелую Зинаиду «инфернальной красавицей», другие – «пожирательницей мужчин». Она умерла от рака горла, прожив чуть долее сорока лет, успев стать одной из главных героинь скандальной хроники петербургского бомонда.

Евгений Лейхтенбергский был лишь одним из ее «шер ами», которым она распоряжалась «по своему усмотрению». Самым же известным ее поклонником стал брат Императора Александра III Великий князь Алексей Александрович (1850–1908). Зинаида Дмитриевна стала возлюбленной Великого князя. А как же «законный муж»? Он был рядом, многие годы играя какую-то карикатурную роль «привратника» при опочивальне своей жены, превратившись со временем в беспробудного пьяницу.

Зинаида не боялась ни пересудов, ни сплетен. Она без стеснения демонстрировала свою связь с Великим князем, открыто выставляя напоказ немыслимые драгоценности, которыми тот ее осыпал. В Петербурге сплетничали, что Алексей, отличавшийся недюжинной силой, не раз в прямом смысле выкидывал своего кузена Евгения Лейхтенбергского из постели, где нежилась Зинаида.

Этот «брак втроем» шокировал пуританское общество Петербурга, но самим героям сплетни не доставляли неприятностей. Они были «выше», они жили своей жизнью и, как могли, наслаждались ей. Зинаида стала полноправной хозяйкой в роскошном дворце Великого князя на Мойке, построенном в середине 80-х годов XIX века академиком архитектуры М.Е. Месмахером…

Не только старшие сыновья Великой княгини Марии Николаевны отличались своей неподобающей жизнью; встречались среди этой ветви потомков Императора Николая I и просто одиозные персонажи. Скажем, внучка Марии Николаевны, упоминавшая Дарья Евгеньевна Богарне (Долли), при советской власти служившая даже в тайной полиции большевиков…

Глава 15. Смерть в Ницце

В семье Императора Александра II и Императрицы Марии Александровны родилось восемь детей: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Александр (1845–1894), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1905). Двое последних являлись «порфиродными» – они появились на свет, когда их отец уже являлся Венценосцем.

Никто из них не прожил длинную и безмятежную жизнь. Лишь Владимир и Мария перешагнули порог шестидесятилетия. Некоторые умерли в ранних летах (Александра, Николай), другие ушли, не дожив до старости (Александр, Алексей), последние же сыновья Александра II, Сергей и Павел, пали жертвами русской смуты: первый погиб в 1905 году от бомбы террориста, а второго в 1919 году расстреляли в Петропавловской крепости…

После восшествия в 1855 году на престол Александра II его старший сын Николай в свои неполных двенадцать лет стал Наследником (Цесаревичем). Его воспитанию и образованию родители уделяли особое внимание. Это был серьезный, вдумчивый юноша, обладавший сильным характером и настойчивостью.

Он с детства был очень близок со своим братом Александром, и эта близость в юношеские лета переросла в крепкую дружбу. В семейном кругу Николая звали «Никсом», Александра – «Макой».

Александр был моложе Николая на полтора года. В силу этого, как и по причине своей «второродности», знал меньше, видел меньше. Цесаревич на этот счет не заблуждался. Однако ценил брата за честность и аккуратность, за умение сказать то, что другие никогда не говорили в глаза. Не раз отмечал, что у того «честная, правдивая, хрустальная душа». Еще уважал его преданность и силу.

Среди сыновей Александра II второй сын выдался самым рослым и крепким. Никс порой просто любовался Сашей. Особенно ему нравилось, как он работал молотобойцем в кузнице. Имелось у того такое странное, но «симпатичное» увлечение. Отдавался «кузнецкому делу» с упоением. Такой сосредоточенный, деловитый. Пот градом струился, видно, что устал, но держался, никогда не жаловался. Сильный, надежный человек.

Чем взрослее становились, тем чаще Николаю приходилось отлучаться. Ездил с отцом и другими по разным надобностям. Он же Цесаревич и должен знать страну, показываться народу. В

1863 году все лето прошло в большой поездке по России. Николай Александрович проехал по Волге, был на Дону, на Украине, в Крыму и на Кавказе.

На следующий год Александр II решил отправить Престолонаследника в поездку по Европе. Родители настаивали, чтобы цесаревич непременно посетил Копенгаген. Они хотели, чтобы Николай познакомился со второй дочерью Датского Короля Христиана IX (1818–1906) Марией-Софией-Фредерикой-Дагмар, которой еще не было семнадцати лет. Царь и Царица явно желали видеть маленькую принцессу избранницей своего сына. Они не раз расхваливали добродетели юной Дагмар, и у Цесаревича проявился искренний интерес к далекой незнакомке.

Царь надеялся, что датская принцесса и Никс полюбят друг друга и станут мужем и женой. Это было важно. Это соответствовало интересам Империи. Династический брак – сфера высокой политики, здесь все подвергалось обсуждению и тщательному изучению. Александр II был заинтересован в брачной унии с правившей в Дании династией Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбурских.

Никс показал брату фотографию юной датчанки, но Александр не нашел в изображении «ничего особенного»: так, милое личико, но заметил, что «принцессы бывают и получше». Никс воспринял подобное почти как личное оскорбление. Произошла резкая словесная перепалка. Александр уступил, признался, что «сказал глупость», после чего между братьями опять наступило полное согласие.

В августе 1864 года Цесаревич прибыл в Данию. Сердце молодого впечатлительного русского принцесса пленила сразу. Дагмар не блистала яркой красотой, не отличалась незаурядным умом, но в ней было нечто такое, что притягивало и завораживало. Она обладала тем, что французы обозначают словом «шарм». После первой же встречи с ней хотелось видеться еще и еще; она была из тех, кого трудно забыть. Дочь короля оказалась «настоящей душкой».

Принцесса выросла в большой и дружной семье. У Христиана IX и королевы Луизы было шестеро детей: Фредерик (1843–1912) – наследник престола, с 1906 года – король Дании Фредерик VIII, Александра (1844–1925), Вильгельм (1845–1913), с 1864 года – греческий король Георг I, Дагмар (1847–1928), Тира (1853–1933) и Вальдемар (1858–1934).

Особой любовью родителей пользовалась именно Дагмар за свою доброту, искренность и деликатность. Она умела всем нравится и могла завоевать симпатию даже у самых ворчливых и неуживчивых тетушек и дядюшек, каковых было немало. Датский

королевский Дом находился в родстве со многими династиями Европы, а в Германии подобные узы охватывали немало графских и княжеских родов. Вся родня звала ее Минни.

Дагмар знала о тайном смысле миссии русского Цесаревича, о чем ей говорили мать и отец. Дочь короля готовилась к встрече. С первого же момента Никс ей понравился…

Русский престолонаследник сразу же ощутил расположение Дагмар, но несколько дней не решался приступить к объяснению. Императрице Марии Александровне Николай писал с восторгом: «Если бы Ты знала, как я счастлив: я влюбился в Dagmar. Не бойся, что это так скоро, я помню твои советы, и не могу решиться скоро. Но как мне не быть счастливым, когда сердце говорит мне, что я люблю ее горячо. Как мне ее описать? Она так симпатична, проста, умна, весела и вместе застенчива. Он гораздо лучше портретов, которые мы видели до сих пор. Глаза ее говорят за нее: такие добрые, умные, бойкие глаза».

Цесаревич покинул Данию и поехал к родителям, чтобы получить от них соизволение на брак с дочерью Датского Короля. Александр II и Мария Александровна в конце августа 1864 года находились на родине Царицы в Дармштадте и именно туда сияющий от счастья Николай Александрович и прибыл 28 августа.

Родителям не надо было ничего долго объяснять, так как подобная брачная комбинация являлась и для них самой желанной. Безусловное согласие сын получил почти тотчас. Он готов был немедленно ринуться в Данию для решительного объяснения с принцессой, но пришлось выжидать определенный срок, и только 15 сентября он вернулся в Копенгаген.

Наконец, 16 сентября 1864 года он сделал предложение, и Дагмар тотчас сказала «да». Душа Никса воспарила. Он впервые в жизни ощутил безмерный восторг. О помолвке объявили официально; все их поздравляли, высказывали добрые пожелания. Был праздничный обед с шампанским и тостами. Вечером в дальнем уголке парка загородной королевской резиденции нареченные жених и невеста страстно целовались и дали клятву в вечной любви.

Николай Александрович писал отцу: «Dagmar была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу руки, и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил у Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставит».

Император Александр II и Императрица Мария Александровна прислали послание, где выражали радость и

поздравляли молодых. Родители жениха и невесты наметили свадьбу на лето следующего года.

С каждым днем чувства Цесаревича к Принцессе становилось все глубже и крепче. Он уже звал ее по первому имени – Мария; она принимала это как должное. Никс много рассказывал невесте о России, о которой Дагмар почти ничего не знала, и эти повествования слушала с большим интересом и вниманием.

Сын сообщал отцу: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества. Надеюсь, что Dagmar душою предастся нашей вере и нашей церкви; это теперь главный вопрос, и, сколько могу судить, дело пойдет хорошо».

Цесаревича переполняли восторженные чувства от предвкушения грядущей счастливой семейной жизни. Его хороший знакомый князь В.П. Мещерский (1839–1914), встретившийся с ним в Дармштадте вскоре после помолвки, был радостно удивлен происшедшей с наследником перемене. За два месяца до того он виделся с ним в Голландии. Тогда Николай Александрович произвел впечатление мрачного меланхолика, не раз говорившего о предчувствии своей скорой смерти. Ныне им владело уже совершенно иное настроение.

«Теперь я у берега, – с жаром говорил князю Престолонаследник, – Бог даст, отдохну и укреплюсь зимой в Италии, затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа. Пора… Жизнь бродяги надоела. В Скевенингене (курортный городов в Голландии. – *А.Б.*) все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала, с тех пор я живу мечтами будущего. Мне рисуется наш дом и наша общая жизнь труда и совершенствования».

Весть о помолвке Цесаревича стала в России важной новостью, превратилась в предмет оживленных обсуждений. В аристократических дворцах и салонах на все лады спрягались

плюсы и минуты этой брачной партии, обсуждались мыслимые и немыслимые политические последствия этого брака. Многие были искренне рады, что наконец-то женой Цесаревича и в будущем Царицей станет не очередная немецкая принцесса из захудалого княжества, а дочь Короля Дании, страны, к которой в России не было предубеждения.

Другие же просто радовались за Николая Александровича, которому посчастливилось встретить достойную невесту. Фотографии датской принцессы поступили в продажу в нескольких фешенебельных магазинах Петербурга и пользовались у публики большим спросом.

Задолго до того, счастливому жениху Николаю не исполнилось и десяти лет, он однажды поразил матушку своим странным высказыванием. Ребенок тогда изрек, что после дедушки Царем будет Папа́, затем – он, а после его смерти «царем будет Саша». Молодую мать позабавили подобные высказывания несмышленого существа. Ее второму сыну Александру вообще не суждена императорская корона. Законы престолонаследия строги, и их соблюдали неукоснительно: корона могла переходить лишь к старшему сыну Императора, а если такового не имелось, то к старшему по близости родства к последнему монарху члену Династии.

Никто не рассчитывал на печальные обстоятельства и не мог знать, как повернутся события в будущем, что слова малыша окажутся почти предсказанием. Но тем радостным сентябрем 1864 года никому и в голову не приходило ожидать грядущую трагедию.

В кругу Императорской Фамилии был лишь один человек, самый близкий друг Цесаревича, его брат Великий князь Александр Александрович, который не выражал особых восторгов по поводу предстоящей свадьбы. Он был уверен, что брак по расчету, а именно таким, по его мнению, только и мог быть династический брак, не будет радостным. Жениться надо непременно по любви. Лишь тогда люди будут по-настоящему счастливыми и создадут действительно крепкую семью. Какое же может быть согласие, если люди выросли в разных мирах? Правда, перед глазами был пример отца и матери, но это он воспринимал как исключение.

Никс прислал Александру подробное описание помолвки и своих чувств: «Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным и знать, что тебя любят также. Грустно быть так далеко в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты ее увидел и узнал, то верно бы полюбил, как сестру. Я ношу с ее портретом и локон ее темных волос. Мы

часто друг другу пишем, и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались, прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви! Хорошо было тогда, скучно теперь: вдали от милой подруги. Желаю тебе от души также любить и быть любимому». Никто тогда не предвидел, что через несколько месяцев все изменится бесповоротно…

Дагмар теперь корреспондировала и Царю и Царице, своим «новым родителям», проявлявшим к ней неподдельную симпатию. Особенно выказывал расположение Александр II. Царь был рад принять в свою семью дочку Датского Короля, которая ему нравилась и своими душевными качествами, и своей внешностью.

Конечно, интересы Династии, престиж Империи, благо государства – это то, чем обязан дорожить и что обязан пуще глаза своего защищать русский самодержец. Александр II и дорожил и защищал. Но ему не были чужды и обычные человеческие чувства. Он, еще совсем не старый мужчина, питал большую слабость к молодым, живым девушкам, и копенгагенская принцесса была как раз из числа таковых. Эта симпатия никогда ни на йоту не выходила за рамки допустимого, но она существовала многие годы.

Дагмар, девушка развитая и чуткая, несомненно, ощущала повышенную ласковость и доброту, исходившие от Русского Царя. Она платила ему тем же. Минни не умела лукавить. Нет, она, конечно, была достаточно умна и воспитанна, чтобы знать, как себя вести, чтобы понимать, «что говорить», «кому говорить» и «когда говорить». Фальши же в личных отношениях не переносила.

У Принцессы с Царем быстро установились добрые, сердечные отношения. Она писала ему, как пишет любящая дочь любимому отцу. Когда на следующий день после помолвки Цесаревич Николай отправлял отцу письмо-отчет о происшедшем событии, его нареченная невеста вложила в конверт свое небольшое послание:

«Мои любимые родители! Разрешите мне добавить эти несколько строчек к письму Вашего дорогого сына, моего любимого Никса, чтобы выразить Вам то счастье, которые я испытываю в этот момент от того, что чувствую себя связанной с Вами столь дорогими для меня узами. Пусть Бог своей добротой поможет мне сделать его также счастливым, чего я сама желаю от всего моего сердца. Отдайте и мне немного той любви, которую Вы испытываете к Вашему сыну, и Вы сделаете меня тоже счастливой. Преданная Вам Дагмар».

Жених и невеста расстались в октябре. Она осталась с родителями. Он же продолжил свою поездку и должен затем был

встретиться со своей матерью Императрицей Марией Александровной в Ницце, где та с младшими детьми намеревалась провести зиму. У нее были слабые легкие, и врачи рекомендовали ей пожить в теплом климате. Николай и Дагмар условились, что если все будет благополучно, то она приедет к нему в Ниццу. Пока же они писали друг другу письма, писали часто, объяснялись в любви, горевали от разлуки.

Перспектива безоблачной и счастливой жизни для Цесаревича и Дагмар неожиданно была омрачена. В начале ничто не предвещало серьезного и необратимого хода событий. Еще в апреле 1864 года, на военных учениях в Красном Селе под Петербургом, Цесаревич Николай Александрович упал с лошади и после падения ощутил страшный приступ боли в области поясницы. Он не придал тогда никакого значения этому, тем более что болезненные приступы вскоре прошли.

Врачи тоже не нашли ничего опасного в состоянии Цесаревича и прописали лишь несколько дней постельного режима. Однако уже через непродолжительное время состояние Николая снова ухудшилось. У него пропал аппетит, появилась бессонница, он стал быстро утомляться. Придворные врачи провели консилиум и пришли к заключению, что молодой человек должен пройти курс закаливания.

Во время путешествия по Европе летом 1864 года он пять недель провел в голландском городке Скевенингене около Гааги, где обязан был ежедневно совершать морские купания, невзирая на то что лето в тот год было очень холодным. Личный же врач цесаревича Н.А. Шестов (1831–1876) не только не прекратил эти водные процедуры, но настаивал на них во что бы то ни стало, хотя Николай с каждой неделей выглядел все хуже и хуже.

К концу «курса закаливания» он походил на живой скелет, обтянутый белой кожей. Именно тогда у Цесаревича развился тот туберкулезный менингит, который в конце концов и свел его в могилу.

В сентябре Николай Александрович вроде бы преобразился. Встреча с Дагмар и помолка, как казалось, вдохнули в него новые силы. Но уже в ноябре, в Италии, случился приступ тяжелого недуга. Причем боль в спине, то уменьшаясь, то усиливаясь, не отпускала несколько недель. Накануне 1865 года Никса с трудом препроводили в Ниццу, где ему прописали постельный режим. Отсюда ему выбраться уже не пришлось.

Во Флоренции и в Ницце царский сын скучал. Неделями даже на улицу не выходил. Матушка скрашивала одиночество, но она сама была плоха, быстро уставала, и виделись они всего по нескольку часов. Она жила на вилле Дисбах, для Никса сняли

недалеко виллу Бермон. Здесь он и прожил последние месяцы своей жизни.

Никто не знал, что они последние. Всем казалось, что эта болезнь временная, что молодой организм ее непременно осилит. В том уверяли и разные «медицинские светила». Они не раз осматривали больного, диагностировали «простудный ревматизм» и не усматривали серьезной опасности. Николай Александрович сам в это верил. Но мало-помалу уверенность уходила. Тосковал. Очень хотелось видеть Дагмар, это было первое желание. Однако встретились только тогда, когда Никс находился уже совсем на «краешке жизни».

В конце марта в Петербург пришли сообщения, что положение Цесаревича Николая ухудшается с каждым днем. Царь вызвал сына Александра и сказал, что тому надо ехать в Ниццу. Сам обещал отправиться следом вскорости.

4 апреля, в Светлое Христово Воскресенье, Александр Александрович встал, как обычно, еще не было 8 часов. Похристосовался с близкими, затем пошел к Папа́. Поздравил, получил напутствия. Уже в десять часов был в вагоне, и сразу же отправились. С ним ехал только его наставник Б.А. Перовский (1815–1881). Настроение было неважное, хотя обычно он так любил Пасху. Радовался предстоящей встрече с дорогим Никсом, но грусть не оставляла. Все так мрачно настроены, ждут печальных событий. Нет, нет, этого не может быть. Господь не допустит!

Император Александр II с сыновьями Владимиром и Алексеем отбыл из Петербурга вечером, 6 апреля. Царский поезд с невероятной скоростью пересек всю Европу; понадобилось всего 85 часов, и они были в Ницце. Во Франции, в городе Дижоне, в Царскому составу присоединился другой, шедший из Дании с Королевой Луизой, Принцем Фредериком и невестой Цесаревича. Утром 11 апреля прибыли в Ниццу.

Великий князь Александр оказался там уже 9-го числа, во второй половине дня. Он был полон «ужасных ожиданий». Они его не обманули. Свеча жизни Никса догорала.

Брат почти все время находился в забытье, бредил, редко кого узнавал. Все были подавлены, а дорогая Мама́ просто убита горем, плакала, почти не переставая. Александр зашел в комнату к брату, но тот спал. Вид его настолько изменился, что в первый момент трудно было и узнать. Невольно навернулись слезы на глаза…

10 апреля опять было худо. Никс так его и не узнал, хотя Александр не раз поднимался к нему. Он или спал, или тихо стонал, и от этих звуков у Александра сердце разрывалось. В тот

день, ближе к вечеру, приехал Папá с братьями и датчане. Перед сном у Мамá познакомился с Дагмар. Это была их первая встреча. Ни о чем почти не говорили и скоро разошлись.

11 апреля Александра, который остановился на вилле Бермон, разбудили около пяти часов утра вестью, что «Цесаревич слабеет». Тут же собрался и бросился на первый этаж к брату. И, о чудо, Никс узнал его, даже улыбнулся, протянул исхудавшую, почти прозрачную руку и сказал: «Славный человек». У Александра слезы текли сами собой, он поцеловал брата и сел рядом.

В девять утра пришла Дагмар. В первый раз она видела жениха после расставания в октябре. Что она пережила! В углу большой полутемной комнаты, в постели, она увидела того, которого так искренне и безнадежно любила. На изможденном, худом, жёлто-землистого цвета лице появилась слабая улыбка. Он ее узнал и был рад этой встрече. Она не могла сдержаться и разрыдалась. Цесаревич взял ее за руку, она поцеловала его.

Несколько часов Принцесса провела рядом, и он все время держал ее руку в своей. А с другой стороны сидел его брат Александр, державший вторую руку дорогого Никса. Здесь, у тела умирающего, дочь Датского Короля как бы соединилась с тем, кому суждено было стать самым важным человеком в ее жизни, стать для нее всем.

И будущий Царь Александр III у смертного одра брата тоже встретил свою судьбу. Как написал очевидец тех событий поэт князь П.А. Вяземский (1792–1878), «самый плодовитый вымысел изнемогает иногда перед ужасами действительности». Потом Александр и Мария Федоровна будут бессчетное количество раз возвращаться к этой истории и увидят здесь Промысел Всевышнего. Но это все будет потом.

Тогда же, в тот невероятно драматический момент, никто этого не знал и никто ни о чем не думал. Все ждали чего-то, молились, плакали и молчали. Днем Николай Александрович причастился и попрощался со всеми. В медицинском журнале появилась запись:

«Его Высочество окруженный Августейшим семейством приобщается Святых Тайн с глубоким умилением. Силы совершенно истощены».

Вечером сознание Николая покинуло, и он уже никого не узнавал. Вскоре после полуночи, 12 апреля, в 00 часов 50 минут, Цесаревич скончался. Последними его словами стали: «Стоп машина». По заключению врачей смерть наступила в результате «ревматизма почечных мышц и поясничной спинной фасции». Все было кончено.

Все плакали, страдали, но сильнее всех, наверное, Дагмар. Ей еще не исполнилось восемнадцати лет, но она уже невеста-вдова. Она как бы одеревенела. Не было ни сил, ни чувств, а лишь темнота и пустота. Небольшая, изящная, она сделалась как бы еще меньше, еще тоньше. На заупокойных службах от вида ее сжималось сердце. По окончании первой панихиды ее лишь с большим трудом удалось оторвать от тела усопшего и увести почти в бессознательном состоянии. Для родных Николая маленькая датчанка стала такой близкой…

Принцесса писала своему отцу Христиану IX через день после смерти Николая: «Я не могу не благодарить Бога за то, что застала его, мое дорогое сокровище, еще в живых и была узнана им в последнюю минуту. Ты не можешь поверить, дорогой Папá, как я благодарна за это Господу Богу. Никогда, никогда я не смогу забыть взгляд, которым он смотрел на меня, когда я приблизилась к нему. Нет, никогда!!! Бедные Император и Императрица, они были так внимательны ко мне в моем, а также в своем горе; они и его бедные браться, особенно Саша, который любил его так возвышенно и не только как брата, но как своего единственного и лучшего друга».

16 апреля 1865 года гроб с телом Цесаревича Николая Александровича на фрегате «Александр Невский» отбыл в Петербург.

Император Александр II, Императрица Мария Александровна, дети и приближенные отбыли в России по железной дороге. По пути домой Царская Семья на несколько дней задержалась у брата Императрицы, Великого Гессенского герцога Людвига III. Они уговорили побыть там с ними и Дагмар.

На берегу Рейна, в загородном замке Югенхайм, безутешная Дагмар провела несколько дней в окружении родственников своего скончавшегося жениха. Больше всего ей уделял внимания Александр, ставший теперь Цесаревичем. Они часами бродили по аллеям парка и говорили, говорили, говорили и только об усопшем.

Затем расстались. Она поехала домой в неизвестности и печали, а Царская Семья в Петербург – готовиться к последнему прощанию с дорогим Никсом.

«Александр Невский» прибыл в Кронштадт 21 мая, откуда гроб на Императорской яхте «Александрия» доставили в Петербург. 28 мая 1865 года тело Цесаревича Николая Александровича было погребено в Царской усыпальнице, в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, там, где покоились его предки, начиная с Петра I.

Глава 16. «Милая Дусенька»

После смерти старшего брата жизнь Александра переменилась. Он стал Наследником Престола, ему теперь надлежало быть чрезвычайно серьезным и требовательным к себе, к своему обучению и образованию; очень аккуратным и выдержанным в общении с людьми. Приходилось теперь безропотно делать то, к чему душа не лежала, но что входило в круг обязанностей Престолонаследника.

Отец начал приучать сына к государственным делам, стал приглашать на доклады министров, переправлял для ознакомления некоторые деловые бумаги. Александру было трудно. Помогали учителя и родственники. Он сам много читал, изучал, размышлял, и придворные наблюдали очевидную перемену. Недавний любитель простых удовольствий и бесшабашного времяпрепровождения теперь часами сидел за письменным столом, внимательно знакомясь с книгами и документами.

Но и та же жизнь, что оставалась за пределами государственных забот, для него не окончилась. Она продолжала интересовать и манить.

Лето 1865 года Царская Семья, как обычно, проводила частью в Петергофе, частью в Царском Селе. Туда переезжала Императорская Фамилия и Двор. Александр II наведывался от случая к случаю, редко оставаясь больше нескольких дней, и опять возвращался в столицу, где его ждали важные дела. Императрица же с детьми большую часть теплого времени года находились вне Петербурга.

Но и за городом, на природе, придворный этикет соблюдался неукоснительно. Правила поведения распространялись не только на придворных, но и Царских детей. Они обязаны были каждое утро являться «к дорогой Мама́» для поцелуя, справляться о здоровье, рассказывать о своих планах на день. Александр, как старший, вечерами обязан был непременно присутствовать на собраниях у Императрицы, куда приглашались лишь избранные. Читали, музицировали, играли в карты. Каждый день одно и то же.

Александра всегда раздражала придворная суета и пустота, все эти обязательные и вымученные приемы и вечера, но изменить он ничего не мог. Однако с некоторых пор посиделки у матушки стали радовать Александра. Нет, конечно, не сами эти собрания, а та возможность, которую они предоставляли: видеть «милое личико».

Еще весной 1864 года Александр заметил новою молодую фрейлину своей матери, неяркую, но очень живую и стройную княжну Марию Мещерскую. Она не поражала красотой, и Великий князь, может быть, и не обратил бы на нее особого внимания, но несколько коротких разговоров, случайных фраз, которыми они обменялись, остались в памяти. Она, несомненно, была умна, что сразу же выделило ее из толпы пресных и жеманных придворных дам.

После нескольких мимолетных встреч и непродолжительных разговоров с княжной он вдруг почувствовал, что с ним что-то необычное происходит. Молодой человек еще никогда не имел сильных сердечных влечений, и то, что ощутил теперь, ни на что знакомое не походило. Не мог себе объяснить, почему постоянно в памяти всплывают воспоминания о Марии, почему он снова и снова переживает и повторяет подробности их встреч и разговоров.

К весне 1865 года Александр Александрович уже определенно знал: Мари Мещерская ему симпатична значительно больше остальных, хотя при Дворе и было немало «хорошеньких мордашек». Он не думал, что это любовь, то чувство, которое захватывает целиком, о чем он читал в книгах, о чем часто говорил с друзьями.

Мимолетным видением перед глазами промелькнул трагический образ Датской Принцессы, и кто знал, увидятся ли они еще. После смерти Никса Папá и Мамá не раз затевали беседы о Дагмар, говорили о своем желании «оставить ее подле нас». Это желание мог осуществить лишь он. Александр все понимал, Принцесса ему была симпатична, именно такую девушку Цесаревич хотел бы видеть своей женой, но все это было так далеко и высоко от повседневности, где вдоволь было других приятностей.

Летом 1865 года чувства к Марии Мещерской стали принимать характер не просто симпатии, а большого и серьезного увлечения. Он уже не только ждал встречи, думал постоянно о ней; общение с княжной стало потребностью его молодой жизни. Она, как никто, была участлива, так сердечно отнеслась к его горю, так внимательно и сострадательно слушала его рассказы о смерти дорогого Никса! С Мещерской никакой неловкости не испытывал. С ней просто. Мари его понимала. Они «стали друзьями».

Она встречались на светских балах, где Мещерская неизменно представала в образе загадочной красавицы. Один такой эпизод – аристократический бал у известной в 60-х годах XIX века княгини Е.П. Кочубей (1812–1888)[43] – запечатлел в

своих воспоминаниях граф С.Д. Шереметев (1844–1918).

«Блестящее общество в разнообразных костюмах представляло удивительное зрелище. Тут был князь П.П. Вяземский в виде людоеда, граф Г.А. Строганов в виде современного писателя с пером за ухом, княгиня Е.Э. Трубецкая во всей откровенности своих тайн, «Grande misere ouverte!» – сказал кто-то, глядя на ее наготу[44]. Тут же задумчивая, словно подавленная грустью, почти неподвижная находилась княжна М.Э. Мещерская. Она была ослепительно хороша в этот день. Белая хламида спадала у нее с плеч, на голове была диадема с одним блестящим алмазом. То было изображение сфинкса, и сама она молчаливая, загадочная, как сфинкс».

Но оставался Двор, этикет, обязанности и нормы, мешавшие свободному и желанному для молодых людей общению. Он – Наследник Престола, она – фрейлина. Общественная дистанция между ними непреодолима.

Великий князь и княжна в Петербурге не имели возможности непринужденно видеться. В Царском Селе и Петергофе было все-таки проще. Можно было, условившись заранее, якобы случайно встретиться на прогулке в парке и провести в беседе час-другой. Конечно, подобные маленькие хитрости не могли оставаться долго незамеченными.

Придворный мир не позволял долго находиться за пределами его внимания. Кто-то непременно что-то видел, слышал, и в конце концов все становилось темой обсуждений. Тем более когда касалось жизни и увлечений Престолонаследника. Тут уже не существовало мелочей, все подвергалось особо внимательному наблюдению и пристрастному комментированию.

Летом и ранней осенью 1865 года в Царском они встречались регулярно на прогулках, но главным образом на вечерах у Императрицы. Там составлялись партии в карты, и Цесаревич старался выбрать себе партнершей Марию Элимовну, которую он обозначал в дневнике как «М.Э.». Неизбежно и довольно быстро об очевидных пристрастиях Александра Александровича стало известно, и ему пришлось иметь объяснения с Матушкой. Та нашла подобное поведение «не совсем приличным». Александр не спорил, но ничего с собой сделать не мог…

Мещерская была на год старше Цесаревича. У нее был значительно богаче жизненный опыт, чем у ее честного и наивного обожателя. За свои годы княжна успела узнать и перечувствовать немало и хорошо владела тонким искусством салонного обращения. Знала, как посмотреть, когда улыбнуться, в какой момент встать и пройти как бы невзначай около молодого человека, овеяв едва уловимым, но пленительным ароматом

дорогих французских духов, приведя в состояние почти невменяемое.

Александр долго не был уверен, любит ли его по настоящему М.Э., или это всего лишь игра, становившаяся порой для него нестерпимой мукой. Удостоверился в ее чувствах лишь через несколько лет. Накануне смерти, в свой последний час, уходя из жизни в тяжелых мучениях, Мария Элимовна призналась задушевной подруге Саше Жуковской (1842–1899)[45], что никого и никогда не любила… кроме Цесаревича. Александр, узнав об этом, испытал сладко-горестное чувство. Но это все будет позже, а пока шел еще 1865 год и Александр Александрович каждый день вспоминал о М.Э.

В сентябре, в первый день рождения Никса без него (ему бы исполнилось всего 22 года!), Престолонаследник пережил тяжелые минуты. На панихиде Александр не мог сдержать слез. Нахлынули воспоминания. Снова живо вспомнилась Дагмар, и опять она для него стала близкой, почти родной. Она связывала его с ушедшим, и эта связь была нерасторжима.

В тот день записал в дневнике: «Плакал как ребенок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может, не только теперь, но в будущем. С ним я разделял и радость, и веселье, от него ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Dagmar».

Полной уверенности в том не было, а Датская Принцесса все еще обитала где-то далеко-далеко, как будто на другой планете. На земле же, рядом, были другие, была его М.Э. Черная меланхолия несвойственна молодости; слишком много еще вокруг нового, интересного, неузнанного, непрочувствованного. Великий князь все еще не имел возможности видеться с Мещерской так часто, как того хотелось бы.

Он ждал встреч, а без них его одолевало непонятное и незнакомое чувство неуютности. «Сегодня опять несчастный день, не виделся совсем с М.Э.», – записал Цесаревич 18 сентября 1865 года. Молодой человек прекрасно понимал, что у их отношений нет будущего, что им никогда не суждено быть вместе, и именно потому, что он сам себе не принадлежит. Однако какая-то неодолимая сила тянула его к княжне. Они продолжали видеться на вечерах у Императрицы, на прогулках в парках. Ему все больше и больше хотелось уединенных встреч, которые так все и не случались…

28 ноября 1865 года его вызвал отец. Он сообщил, что получил письмо от Дагмар, в котором та передавала свою фотографию для Александра. Император попросил написать Принцессе ответ и поблагодарить за подарок. Но прошло почти три недели, прежде чем сын исполнил Цареву волю и отправил в Копенгаген несколько слов. Мыслями и чувствами он был далеко от Дании.

В начале декабря семья Царя переехала на постоянное жительство в Петербург. В столице все завертелось обычным порядком: учеба, встречи с родственниками, а вечером – театр и чтение. Незадолго до Нового года Императрица имела беседу с сыном о Дагмар, сказав, что она и Император «были бы рады», если бы Саша и Дагмар «стали мужем и женой». Александр вначале молчал, но затем выразил согласие «сделать все, что надо».

Через две недели, 11 января 1866 года, разговор был продолжен уже в присутствии Царя. При молчаливом согласии сына Царь и Царица решили, что Александру необходимо ехать в Копенгаген и просить руки. Он не возражал, считая, что «если Бог даст, все будет, как желаем».

Как желаем! Он подчинялся безропотно долгу. Через три дня у Императрицы Цесаревич осмотрел коллекцию драгоценных подарков – украшений для Датской Принцессы, которые начали делать еще при Никсе, но потом все остановили. Сейчас все было завершено и выглядело очень впечатляюще. В тот день занес в дневник, что «если Бог даст, она будет моей женой». Судьба семейной жизни, как казалось, окончательно обозначилась.

Император Александр II условился с Датским Королем Христианом, что его сын приедет в начале лета в Копенгаген. Смысл визита был вполне очевиден, и все исподволь начали готовиться к важному событию. Александр знал, что обязан отправиться в Данию и попытаться там добиться согласия Дагмар стать его женой. Все казалось простым, ясным и невыносимо тоскливым. Дагмар ему нравилась, она именно та, которую он только и мог видеть своей женой. Однако оставались другие привязанности, а до лета еще было так далеко…

Наступила капризная северная весна 1866 года, принесшая будущему Царю Александру III сильнейшие душевные переживания. Именно тогда ему удалось преодолеть невиданную силу страсти…

Цесаревич, конечно, все знал о предназначении, о долге и беспрекословно готов был нести крест судьбы. Однако оставались чувства, оставались желания, естественные и неизбежные для молодой и искренней натуры. Ему хотелось любить, быть

любимым, ежеминутно осознавать и ощущать свою нужность близкому человеку.

Юность проходила, мальчик становился мужчиной. Его уже не удовлетворяла отроческая влюбленность; он мечтал уже о нечто большем, хотел совсем иного, чем простых встреч и милых разговоров с симпатичной женщиной. Он жаждал настоящей близости.

Дорогая и желанная М.Э. находилась рядом. 15 марта записал: «Я ее не на шутку люблю и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился и уверен, что она была бы совершенно согласна».

В марте он окончательно решил, что пора расстаться с М.Э. Он уже несколько раз говорил с Мама́ о поездке в Данию. Они основательно все уже обсудили, и Цесаревичу надлежало теперь полностью оторваться от других симпатий и целиком сосредоточиться на подготовке к будущей встрече с Дагмар и к возможной женитьбе на ней. С Мещерской же они останутся, как и раньше, друзьями.

Он был уверен, ему удалось преодолеть себя и устремиться целиком в будущее, а милая М.Э. – это теперь прошлое. Радостное и счастливое, но – прошлое. Подведя эти итоги, Александр Александрович записал поэтические строки:

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

Это был его любимейший Лермонтов, стихотворение «Договор», которое они неоднократно читали вслух на вечерах. М.Э. тоже любила Лермонтова, ей, как и Александру, нравились одни и те же места. «Пускай толпа клеймит презреньем наш неразгаданный союз…» Им казалось, что это написано про них, про их тайну, про их печаль и радость.

В апреле Цесаревич узнал, что княжне сделал предложение князь Витгенштейн. Новость в первый момент пронзила, как ужалила, но вскоре успокоился, даже и обрадовался. Теперь все действительно будет кончено. «Прощайте, Дусенька!» – записал в дневнике. Приняв неизбежное, Цесаревич все же сожалел, что княжна ему «не принадлежала хоть на один час».

Однако прощаться было рано. Ничего не выходило. Избавиться от мыслей о М.Э. не удавалось. Его дорогая, желанная княжна скоро может принадлежать другому! Боже мой, за что такое наказание! Наследник потерял сон, днем места себе не

находил.

Иногда наступали периоды прозрения, и он опять с полной ответственностью относится к своим обязанностям. Тогда он спокойно и рассудительно обсуждал с родителями свою будущую семейную жизнь, предстоящую поездку в Копенгаген и объяснение с Дагмар.

Александру порой казалось, что он «пережил свои желания», но наступали другие минуты, и все опять возвращалось: тоска, грусть, неотступные мысли о М.Э.

Сын Царя, конечно же, знал, как «появляются дети» и у него были возможности найти простой и доступный путь к «ласкам и блаженству». Но его искренняя и цельная натура не принимала и не понимала, как можно вступать в отношения с женщиной без любви. А любовь – значит, брак, значит, на всю жизнь. В том не сомневался. Это вечное раздвоение личности, беспрерывная борьба между тем, чего хотелось, и тем, что он был обязан делать, истомила, измучила. В конце концов принял невероятное решение: отказать от Короны и жениться на Мещерской. Это был вызов всему и всем; на такое мог решиться только человек с сильным характером.

19 мая 1866 года вечером Император пригласил сына для разговора. Не успели затронуть никакой еще темы, как Александр сразу же выпалил: что не хочет ехать в Данию, так как чувствует, что не может любить Дагмар, потому что любит Мещерскую. Отец был ошарашен, онемел, а Александр решил все довести до конца, сказав самое страшное: он отказывается от прав на Корону.

Придя в себя, император разразился таким гневным монологом, пришел в такую ярость, в состоянии которой сын его никогда не видел. «Что же ты думаешь, – вопрошал Александр II, – что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание? Знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь я тебе приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а княжну Мещерскую я отошлю».

Это стало крушением всех надежд и мечтаний, всего того, о чем Александр так долго и основательно думал. Сын не ожидал, что разговор примет подобный оборот, что Папа́ откажется понимать его. Особенно его задели слова об участи «милой Дусеньки». Александр попытался вступиться за нее, взяв всю вину на себя. Император же не хотел ничего слушать и заявил, чтобы тот «вышел вон», так как «он его знать не желает». Это явилось жестоким ударом. Но воля Царя – закон, и здесь спорить не о чем.

Александр удалился, неся тяжелый груз разбитых чувств. На душе было черным-черно. Он себе не принадлежит. Теперь в том не оставалось сомнения. «О Боже, что за жизнь, стоит ли того

жизнь после этого. Зачем я родился, зачем я не умер раньше».

Прошло несколько дней, Наследник успокоился, а отец с матерью и словом его не укорили.

Он начал готовиться к встрече с Дагмар. Почти каждый день виделся с Мещерской. Встречи эти стали походить на те давние, когда были лишь добрыми друзьями. Потрясений уже не бывало.

Отъезд в Данию был назначен на 29 мая. Утром того дня он пошел попрощаться с некоторыми из придворных. Войдя в длинный коридор Лицейского корпуса, здания, примыкающего к Большому Царскосельскому дворцу, он увидел Мещерскую, шедшую по своим фрейлинским делам.

Что-то с ними вдруг необычное случилось. Прозвучали какие-то слова, затем взялись за руки, вошли в какую-то пустую комнату. Княжна бросилась на шею Александру, и они слились в страстном поцелуе. Время остановилось. Стояли, обнявшись, и трепетали, и целовались, целовались без конца. То, о чем он мечтал давно, о чем грезил в своих юношеских мечтаниях, сбылось: желанная М.Э. в его объятиях. Она принадлежала ему и страстно призналась, что всегда любила только его одного и никого никогда больше не любила. Эти слова наполнили душу Александра горестно-сладостной радостью.

Но все уже окончательно и навсегда определено. Им не суждено быть вместе. Судьбу нельзя выбрать и переиначить.

Простились. Цесаревич спешил на яхту «Штандарт», отправлявшуюся в Данию. У Марии – своя дорога.

В следующий раз их пути пересекутся через год, в Париже, куда Цесаревич приедет с отцом по приглашению Императора Наполеона III. Там, «в столице мира», он увидит княжну в доме ее тетки княгини Е.А. Барятинской (1826–1902)[46], а вскоре узнает, что княжна помолвлена с молодым и богатым Павлом Павловичем Демидовым, князем Сан-Донато (1839–1885).

Цесаревич будет рад за нее и искренне пожелает ей счастья. А еще через год до него дойдет скорбная весть, что Мария родила сына Элима (1868–1943) и умерла на следующий день в тяжелейших муках. Ей только исполнилось 24 года…

Глава 17. Счастье датской Принцессы

Дочь Датского Короля ждала русского гостя. Посланец далекой восточной Империи занимал все ее мысли. Она готовилась к своей будущей судьбе с трепетом и надеждой. Прошло менее года со дня смерти ее первого жениха, но Дагмар уже знала, что теперь второй сын Царя приедет просить ее руки.

Внешностью и характером он мало напоминал покойного Никса: молчаливый, не расположенный к шуткам и веселью. Но они познакомились при таких обстоятельствах, что было совсем не до шуток…

Королевскую дочь заворожило другое: сила, исходившая от этого Царского сына. Он был похож на могучего народного героя, волновавшего воображение девушки. Еще подкупала его честность. За непродолжительные моменты их встреч она то почувствовала не раз. Он так искренне переживал утрату брата, так неподдельно горевал, что никаких сомнений в доброте его натуры, в любвеобильности сердца не могло возникнуть. Образ Александра связал в сознании Принцессы прошлое и настоящее. Он стал ее надеждой…

В полдень 2 июня 1866 года Царская яхта «Штандарт» появилась в акватории копенгагенского порта, где и стала на якорь. Прошло несколько минут, и подошел королевский катер, доставивший Александра с несколькими сопровождающими лицами на пристань, где ожидал Король со свитой. Состоялись представление, обмен любезностями…

По завершении официальной церемонии Христиан IX пригласил высоких гостей в карету (вместе с Цесаревичем приехал и его младший брат Владимир), которая направилась в загородную резиденцию Королевской семьи Фреденсборг.

В парке кортеж встретился с экипажем, в котором находились Королева Луиза и Принцесса Дагмар. Александр был несколько сконфужен, но старался не показать смущения. Образ возможной невесты вызвал много чувств. «Ее милое лицо мне напоминает столько грустных впечатлений в Ницце и то милое и задушевное время, которое мы провели с нею в Югенхайме. Опять мысль и желание на ней жениться снова возникли во мне», – записал вечером Цесаревич в дневнике.

Было целование рук, приветствия. Король и Александр пересели к дамам, и кортеж тронулся. Через несколько минут сквозь густые зеленые заросли показалось светлое массивное

здание королевского дворца. Датский монарх лично проводил Русского Наследника до его апартаментов, не скрыв от него, что именно в этих комнатах останавливался в прошлом году его брат Николай.

Александр внимательно осмотрел помещения и нашел на стекле одного из окон нацарапанные имена: Nix и Dagmar. Он сразу же вспомнил, как милый Никса написал ему об этом. Стало невыразимо грустно, и ком подступил к горлу. Сдержался, не заплакал, помолился, прося Всевышнего помочь устроить его земное благополучие, его счастье с Дагмар.

Затем состоялся поздний завтрак в присутствии лишь членов Королевской Фамилии и русских гостей. Цесаревич сидел между Королевой и Принцессой. Чувствовал себя стесненно, не зная, как себя вести, что говорить, какие темы обсуждать. Почти ничего не ел и произнес за столом всего несколько общих фраз.

Александр Александрович впервые в жизни оказался далеко от дома, окруженный малознакомыми и незнакомыми людьми, проявлявшими к нему повышенный интерес. Надлежало не потерять лицо, надо было суметь показать себя светским и учтивым. Это было трудно, ой как трудно, в особенности для такой несветской натуры. Брат Владимир вел себя значительно уверенней и бойко рассказывал о путешествии. Слава Богу, завтрак быстро закончился.

После гуляли в парке, сидели и беседовали в апартаментах у Короля, отдыхали. В 6 часов – парадный обед. Мужчины – во фраках и орденских лентах, дамы – в вечерних туалетах. Цесаревич все еще чувствовал себя не в своей тарелке, мало говорил. Он даже стеснялся лишний раз посмотреть в сторону Дагмар, сидевшей от него по левую руку.

На вечернем рауте повторилось то же самое. Он лишь несколько раз улыбнулся, встретившись глазами с Дагмар, и она ответила ему улыбкой. На сердце потенциального жениха немного полегчало. Но настроение в общем-то мало изменилось. Разошлись около двенадцати. Первый день во Фреденсборге оказался для Наследника трудным. Он во многом не был уверен, терялся в догадках насчет будущего, но в одном теперь не сомневался: он хотел бы жениться на Дагмар.

На следующий день Александр Александрович чувствовал себя значительно уверенней. Неловкость исчезала, и роль дорогого гостя королевской семьи переставала угнетать. Потянулись длинные дни, которые были безмятежными для всех, кроме Александра и Дагмар.

Молодой человек все никак не решался приступить к решительному объяснению, чувствуя и понимая, что Принцесса

все еще горячо любит Никса. Сможет она и его полюбить? Того не знал. В письме отцу признавался: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучит. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе».

Дагмар же все больше и больше нравился. Она бы уже не смогла отвергнуть его предложение, но он его все никак не делал…

Дни шли, а Престолонаследник все никак не отваживался на объяснение. Ситуация становилась двусмысленной. Все знали, зачем Русский Принц приехал в Данию, никто не сомневался в благоприятном исходе его миссии, никто… кроме самого Александра. Сомнения мешали превозмочь себя и выяснить все и до конца.

Родителям сообщал: «Она мне еще больше понравилась теперь и я чувствую, что я ее люблю, и что я достоин ее любить, но, дай Бог, чтобы и она меня полюбила. Ах, как я этого желаю и молюсь постоянно об этом. Я чувствую, что моя любовь к Минни не простая, а самая искренняя и что я готов сейчас же все высказать ей, но боюсь».

Какой глупостью казалось теперь Александру его поведение весной, когда он хотел всем пожертвовать во имя Мари. Теперь он понял окончательно: его судьба – Дагмар.

Тень умершего Николая незримо витала над Фреденсборгом, сковывая действия и решения Цесаревича. Несколько раз он уже почти подходил к важнейшей для него теме, но в последний момент опять «духу не хватало». Минни ему становилась близкой. Он радовался каждой новой встрече, ему нравилось, как она играет на фортепьяно, как рисует, как смотрит, как смеется. Чем сильнее становилось чувство, тем больше он боялся ненароком разрушить его.

Дагмар постоянно говорила о Никсе, все время вспоминала его прошлогоднее пребывание в Дании. Это трепетное внимание свидетельствовало о том, что она все еще любит покойного.

В конце концов Цесаревич решился. Долгожданное объяснение случилось на десятый день пребывания в Дании. Этот день Александр Александрович помнил в мельчайших подробностях до конца своих дней.

Утром Минни пригласила посмотреть ее комнаты во дворце, где Александр еще не бывал. Дальнейшее описал сам будущий Царь Александр III.

«Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне

все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями. Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы решиться начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение… Тогда я решаюсь начать и сказал ей, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».

Наконец-то произошло то, чего так давно и напряженно ждали. К молодым пришли с поздравлениями: Королева, Король, родственники и приближенные. Почти все плакали от радости. Александр сиял. Страшная ноша спала с плеч. Минни впервые за долгое время заразительно смеялась и была счастлива.

На следующий день нареченные жених и невеста получили телеграмму от родителей из России: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».

Александр подарил Дагмар подарки от себя и от родителей, которые произвели большое впечатление на всех. Блеск бриллиантов, изумрудов, жемчугов привел Датскую Принцессу в неописуемый восторг. Ничего подобного она не только раньше не имела, но и не видела. Она восторгалась, как дитя.

Она всегда любила украшения и, переехав в Россию, имела огромную и изысканную коллекцию, состоявшую главным образом из подарков ее дорогого Саши.

День летел за днем, и приближалось время разлуки. Об этом ни Александру, ни Дагмар не хотелось думать. Они были беззаботны и веселы, как никогда прежде. В один из вечеров они поднялись на верхний этаж дворца во Фреденсборге и на окошке нацарапали перстнем свои имена. И много раз потом, приезжая сюда, они, как молодые влюбленные, непременно будут подниматься на антресольный этаж дворца, навещая свою эту надпись-талисман, и будут стоять, обнявшись, молчать и вспоминать.

День расставания жениха и невесты наступил 28 июня 1866 года. Цесаревича провожала вся Королевская семья. Свадьба была назначена на май следующего года, а до того времени жених обещал часто писать и непременно еще приехать.

Расставшись с Датской Принцессой, Александр Александрович быстро понял, что теперь ему без нее будет очень трудно. Она ему вспоминалась все время, и все эти мысли окрашены были такой нежностью, так согревали душу и представить было невозможно, как же ему теперь находиться так долго в отдалении от милой Дагмар! Уже в день приезда домой 1 июля записал в дневнике: «Так грустно без милой душки Минни, так постоянно об ней думаю. Ее мне страшно не достает, я не в духе и долго еще не успокоюсь».

У Александра созрело намерение: уговорить Папá и Мамá ускорить срок свадьбы и попросить их убедить в том Короля и Королеву. 10 июля в Петергофе во дворце Коттедж состоялось обсуждение плана с родителями. Александр показал письма Дагмар, рассказал о своих чувствах и подчеркнул, что ему очень хотелось бы ускорить свадьбу. Мария Александровна сказала, что сама того же желала, и обещала немедля написать Королю и Королеве. Цесаревич не сомневался, что Король и Дагмар будут целиком на его стороне, но вот Королева…

Здесь возникала неуверенность, так как «мама Луиза» была слишком щепетильна, слишком придавала большое значение формальной стороне дела и не исключено, что у нее могли возникнуть возражения. В этих видах Мария Александровна обещала миссию «исполнить деликатно». Они все подробно оговорили и пришли к заключению, что Минни могла бы приехать в сентябре с тем, чтобы свадьба состоялась в октябре. В тот же вечер послания и составили: Царица и Царь Королеве и Королю, а Александр «своей Минни».

Прошло три недели, и прибыл долгожданный гонец из Копенгагена с письмами и с известием о согласии. Радость была великая у Цесаревича.

Дагмар писала жениху: «Я надеюсь, что ты доволен и что ты мне признателен за то, что я готова без промедления, в любой момент покинуть родительский дом, только ради тебя, моя душка. Твое письмо так тронуло меня. Видя, как нежно ты меня любишь, я могу быть бесконечно признательна за это Богу, за все то добро, которое Он послал мне. Ты, конечно, можешь понять, мой ангел, насколько это грустно для меня так быстро собраться и покинуть отцовский дом. Ведь я надеялась остаться здесь еще на зиму. Но я уверена, что найду настоящее счастье подле тебя, милый Саша!!!!»

Последующие недели были для Цесаревича полны разнообразных забот. К тому, что было раньше: встречи, военные учения в Красном Селе, присутствие на докладах у Императора, вечера у Императрицы, беседы с друзьями, чтение, – прибавились

и новые. Они были связаны с будущей семейной жизнью. До того Александр жил под крылом родителей, а теперь надлежало готовиться к устройству семейного гнезда, собственного дома, куда он должен привести дорогую Минни.

Александр II и Мария Александровна договорились с сыном, что ему переходит Аничков Дворец. Это было большое здание в самом центре Петербурга на берегу реки Фонтанки, его окружал тенистый парк. Дворец боковым фасадом выходил на главную магистраль столицы – Невский проспект. Аничков очень нравился Александру, и он с энтузиазмом принялся за обустройство.

14 сентября 1866 года Цесаревич встречал свою невесту, прибывшею морем. На подходе к Кронштадту датскую Королевскую яхту «Шлезвиг» ждала Императорская яхта «Александрия» с членами Царской Семьи. По периметру же акватории стояла русская военная эскадра из более чем 20 судов.

На палубе Королевской яхты Александр наконец-то обнялся с Минни. Оба прослезились. Затем перешли на катер и поехали на «Александрию». Здесь ждали Царь с Царицей. Объятия, поцелуи, вопросы, рассказы. Яхта отбыла в Петергоф, и ей салютовали корабли и орудия прибрежных фортов.

На пристани творилось что-то невообразимое; такого количества народа здесь давно никто не видел. Сюда собрались не только жители этого столичного пригорода, но многие специально приехали ради такого события из Петербурга. Будущая Царица впервые сошла на Русскую Землю в Петергофе.

Императрица Мария Александровна сразу взяла под свое покровительство Принцессу, посадила ее с собой рядом в открытый экипаж, который скоро двинулся в Царское Село, где Дагмар провела несколько дней в окружении Царской Семьи и Двора. За это время Александру и Дагмар удалось лишь несколько раз побыть недолго наедине. Почти и не говорили, лишь целовались и целовались без конца.

Оказавшись в России, Принцесса поначалу сильно переживала. Впервые в неизвестной обстановке, на виду у массы незнакомых людей, вдалеке от дома. Находившийся с ней брат Фредерик постоянно подбадривал. Он был уже своим среди Царской родни, а Александр к нему относился совсем по-дружески.

Наступило 17 сентября – торжественный въезд невесты Цесаревича в столицу. Датская Принцесса вместе с Императрицей Марией Александровной ехала в золоченой карете в Петербург и не могла не поражаться пышности церемонии, атмосфере праздника, которой была захвачена многочисленная публика на всех дорогах. Ей кричали «ура», махали руками и головными

уборами.

Почти через два часа доехали до центра Петербурга и у Казанского собора, фамильного храма Династии Романовых, сделали остановку. Вышли из экипажей, приложились к образу Казанской Божией Матери. Затем тронулись дальше и через небольшое время прибыли к Зимнему Дворцу – главной Императорской резиденции.

Вечером в окружении Царя, Царицы, Цесаревича и почти всех членов Императорского Дома Дагмар была на иллюминации. Толпы народа приветствовали высоких особ восторженными возгласами, слышавшимися без умолку.

Царская Фамилия трогательно опекала Принцессу, которую все как-то сразу стали за глаза любовно звать «Минни». В ее присутствии никто не позволял себе говорить по-русски; все старались изъясняться или по-французски, или по-немецки. На этих языках при Русском Дворе говорили многие, и ими свободно владела и датская пока еще гостья.

Конечно, основное внимание уделял ей Цесаревич. Он находился с ней рядом каждую свободную минуту, многое показывал и объяснял. В первые же дни отвез невесту в Петропавловскую крепость, в Петропавловский собор, на могилу Никса. Молча стояли рядом со слезами на глазах. Рассказал ей о других родственниках, покоившихся рядом: дедушке Императоре Николае I, бабушке Императрице Александре Федоровне, старшей сестре Александре (Лине), умершей в семилетнем возрасте в 1849 году.

Дагмар были внове величественность и богатство, окружавшие Царскую Семью. Бессчетное количество прислуги, готовой удовлетворить любое желание, строгие придворные ритуалы, множество сопутствующих лиц при любых выходах и проездах Императора и его близких, шикарная сервировка стола и изысканные яства на Царских трапезах, бессчетные толпы народа на улицах, красочность кортежей.

Ничего подобного в Дании Принцесса не знала. Она приняла новую обстановку как должное, и со стороны могло показаться, что в атмосфере богатства и надменной чопорности она прожила все предыдущие годы. Но это было совсем не так.

До того как ее отец стал Королем в 1863 году, она – лишь Шлезвиг-Голштинская Принцесса, далекая от придворного мира. В ее детстве все было скромным, тихим, бесхитростным. Она прекрасно научилась обходиться без слуг, умела сама убирать поутру постель, причесываться и умываться без посторонней помощи, запросто общаться с простыми людьми. Когда же судьба сделала ее дочерью Короля, то многое вокруг стало иным. Она с

легкостью приняла новые правила жизни-игры.

Принцесса Дагмар приехала в Россию уже влюбленной в Престолонаследника и чувствовала, что и он к ней питает большое чувство. Нельзя было не заметить, как он волнуется, когда остаются одни, с какой нежностью смотрит, как трепещет при поцелуе. Она старалась не разочаровать своего жениха, тонко и умело вела себя. Не отличаясь яркой природной красотой, Принцесса покоряла своей добротой, искренностью, какой-то чарующей женственностью, что на такого открытого человека, как Цесаревич Александр, производило самое благоприятное впечатление.

Чем ближе узнавал Принцессу Александр, чем больше с ней общался, тем сильнее и удивительней были впечатления. В один из дней он сидел у нее, они мирно беседовали, и вдруг будущая Цесаревна совершенно неожиданно встала, оперлась руками на два кресла и совершила переворот через голову.

Жених был потрясен, и потом они вдвоем хохотали от души. Он знал, что Дагмар каждое утро делает гимнастику, что она ежедневно тренируется, обливается холодной водой, но что она способна на подобные «антраша» – он никогда и не подозревал.

Цесаревич видел выступление акробатов в цирке, а теперь выяснилось, что и его будущая жена способна выделывать «подобные кренделя». При этом Дагмар сказала, что не очень хорошо себя чувствовала, так как грустила после полученных из Дании писем и к тому же целый день мучилась желудком. Но внешне это было совсем незаметно.

Она была такая шаловливая, такая непосредственная, и это тоже вызывало симпатию. Она и потом много раз, к вящей радости мужа, будет делать при нем «колесо», и эти «забавные манипуляции» прекратятся лишь в зрелых летах.

По своему темпераменту они – довольно разные люди, но это различие не отдаляло, а сближало. Дагмар нравилось, как он улыбался, как курил свои любимые сигары, как гордо восседал на лошади; нравилась его молчаливая сосредоточенность, серьезная основательность. У него имелась своя лодка, и когда ей перевели, что она называется «Увалень», то невеста не могла по-доброму не рассмеяться. Увалень, ее увалень…

И не было сомнений, что Цесаревич защитит ее, слабую иностранку, от всех жизненных неурядиц, от злых, нехороших людей. Рядом с ним – надежно и спокойно. Существовала уверенность, что Александр любит ее сильно и глубоко. Даже начинал ревновать, что удивляло и радовало.

Они начали играть дуэтом: он на корнете, она – на фортепьяно. Незатейливые, веселые мелодии Штрауса и

Оффенбаха у них стали получаться сразу. Вместе рисовали. Дагмар уже неплохо владела карандашом и пером, а ее излюбленная тема – морские пейзажи. Она выросла у моря, и водная стихия никогда не оставляла равнодушной.

Каждый день Дагмар приходилось по нескольку часов заниматься. Нормам православия обучал священник Иван (Иоанн) Леонтьевич Янышев (1826–1910) (позднее он станет духовником царской семьи), помогал и Александр. Она ему вслух читала по-русски молитвы, и Цесаревич удивлялся, как хорошо и быстро она это делала.

Службу миропомазания несколько раз повторили, а затем показали Императрице. Мария Александровна была удовлетворена и в маленькой домовой церкви учила будущую невестку, как надо подходить к образам, как делать поклоны. Все получалось неплохо.

В среду, 12 октября 1866 года, наступил день миропомазания. Церемония происходила в Зимнем Дворце. Около 11 часов из Царских апартаментов по залам Дворца тронулась торжественная процессия. Виновница торжества была в простом белом платье и впервые – без всяких украшений. Вошли в Большую Дворцовую церковь. Молитва прочитана безукоризненно. Свидетельницей по чину миропомазания была сама Императрица, которая подводила будущую жену сына к иконам и святому причастию. В России появилась новая «благоверная Великая княгиня Мария Федоровна».

В этот день была перевернута последняя страница в книге о Датской Принцессе Дагмар. Начиналась совсем другая жизнь. Еще давно, когда впервые возникли предположения о переходе в Православие, получила заверение Императора Александра II, что в России будет сохранено ее первое имя – Мария (полное ее имя – Мария-София-Фредерика-Дагмар). И вот все исполнилось.

На следующий день, 13 октября, был обряд обручения. Опять тем порядком, что и накануне, процессия прошла по залам главной Императорской резиденции и вошла в церковь. Службу вел митрополит. Император взял за руку сына и его невесту и подвел их к алтарю. У молодых сильно билось сердце, и Цесаревич позднее написал, что оно никогда раньше «так не билось». Слова были сказаны, молитвы прочитаны. Александр и Мария вышли из церкви с кольцами на руках. Все было трогательно и торжественно.

Свадьбу назначили на 26 октября. Но затем, по нездоровью Императрицы, отодвинули на 28-е. Времени оставалось мало, и Александр целыми днями был занят встречами, обсуждениями, заседаниями в Государственном Совете, хлопотами по устройству

Аничкова Дворца. Эта круговерть изматывала и раздражала. Бесконечные визитеры с поздравлениями, депеши из всех концов света, суета, суета.

Радости только и было, когда видел Минни. Они теперь вместе говели перед свадьбой, вместе молились. Невеста впервые исповедовалась в России. Но еще накануне церковной исповеди сообщила своему жениху, что в ее жизни была и еще одна любовь. В юности она увлеклась молодым аристократом, сыном датского премьер-министра графа Мольтке. Александра эта откровенность ничуть не обескуражила. Все это было когда-то давно, в старые времена, а теперь все забыто и прощено. У них начинается совсем другая жизнь.

Стали съезжаться гости на свадьбу. Брат Дагмар Фредерик прибыл 20 октября, и сестра так радовалась снова видеть брата. Ей было в эти дни очень непросто, требовалась поддержка, а никого из близких часто не бывало рядом. Родители далеко, Царица больна, Царь все время занят, а Александр, ее дорогой жених, мог бывать с ней лишь урывками.

Затем приехали Прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм, принц Герман Веймарский, а 25 октября, в сопровождении блестящей свиты, прибыл Наследник Английского Престола герцог Уэльский Альберт-Эдуард, муж сестры Александры.

Цесаревич встречал всех высокородных гостей, а с Принцем Уэльским быстро установились самые дружеские отношения. Сын Королевы Виктории попросил Русского Престолонаследника называть его просто «Берти» и быть с ним на «ты»…

Каждый день череда приемов, проходов, балов, официальных обедов, вечеров. Александр Александрович был вконец заторможен и за два дня до свадьбы записал в дневнике:

«Я теперь нахожусь в самом дурном настроении духа в предвидении всех несносных празднеств и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения. Даже в такие минуты жизни не оставляют в покое и мучат целых две недели. Это просто безбожно! И потом будут удивляться, что я не в духе, что я нарочно не хочу казаться веселым. Господи, как я буду рад, когда все кончится и, наконец, можно будет вздохнуть спокойно и сказать себе: теперь, можно пожить тихо и как хочешь. Но будет ли это когда-нибудь или нет? Вот это называется веселье брачное. Где же оно и существует ли оно для нашей братии? Пока я еще не отчаиваюсь и уповаю на Бога, хотя и тошно приходится иногда.

Что меня больше всего огорчает, так это то, что прихожу иногда к моей бедной душке в таком расположении духа и не могу удержаться, чтобы скрыть это. Каково же ей выдерживать все

это и слышать от меня вечное ворчание и неудовольствие. А она, душка, для меня пожертвовала всем и даже оставила своих родителей, мать и отца, родину свою покинула, а теперь я в таком настроении духа прихожу к ней и постоянно почти такая история. Да укрепит нас Господь Бог в эти важные минуты нашей жизни. Все упование мое на Него!»

Наконец-то настало это долгожданное число – 28 октября, день, который навсегда останется в их жизни самым радостным и счастливым. Не только они его будут отмечать; на несколько десятилетий он станет праздником Императорской Фамилии.

Встали около половины девятого. Чашка кофе, приход друзей и родственников. Затем – обедня в Малой церкви, где присутствовали только четверо: Царь, Царица, Минни и Александр. По окончании разошлись по своим комнатам и стали одеваться к свадьбе. Цесаревич быстро надел щеголеватый мундир казачьего Атаманского полка, шефом которого был. Но потом долго пришлось ждать, пока облачат в свадебный наряд невесту.

Когда двери отворились, то Александр замер в восхищении: на его Минни был сарафан из серебреной парчи, малиновая бархатная мантия, обшитая горностаем, на голове – малая бриллиантовая корона. Невеста была великолепна.

Процессия тронулась в церковь. В начале 2-го часа состоялось бракосочетание по обычному чину. Император Александр II взял их за руки и подвел к алтарю. Венцы над головами держали: у него – братья Владимир и Алексей, у нее – Датский Кронпринц Фредерик и кузен жениха Николай Лейхтенбергский. Вся церемония не заняла много времени, но стоила многих переживаний и жениху и невесте, теперь соединивших свои жизни перед алтарем.

Последующее было утомительным и малоинтересным для новобрачных. Парадный обед в Николаевской зале с музыкой и пением. Поздравления, тосты за счастье молодых. Вечером в концертном зале молодые принимали поздравления дипломатического корпуса, а по окончании в Георгиевском зале – полонезный бал. Народу «была пропасть», и стояла страшная духота. Затем, пройдя торжественным шествием по всем парадным залам, молодые в золотой карете отбыли в Аничков, где был накрыт ужин для членов фамилии.

Цесаревна первый раз оказалась в своем доме. Теперь здесь она полноправная хозяйка, но находилась в таком подавленном состоянии, что мало что видела и никак не могла освоиться. Ужин был утомительным, было видно, что новобрачные устали. Скоро все разъехались, остались лишь Александр II и Мария

Александровна. Царица удалилась в комнаты Минни, а Император остался с сыном. Родители готовили детей к брачному ложу.

Согласно старой традиции в первый раз жених должен войти к невесте в тяжелом и громоздком халате из серебреной нити. Но Александр не чувствовал ноши. Он был как в лихорадке, плохо соображал, мысли путались. Без четверти час ночи Императрица вошла к мужчинам и со слезами на глазах сказала, что «пора, Минни ждет». Александр встал, попросил родительное благословение и на подгибающихся ногах вошел в спальню, запер за собой дверь.

Огни были потушены, горела лишь одна свеча на маленьком столике. В полумраке на постели он увидел испуганное лицо Минни. Он подошел, обнял ее… И провалились куда-то, и закружились и полетели вдвоем. И перестал существовать весь остальной мир, а лишь он и она, вместе, в едином порыве, в радостном вздохе, навсегда. Они стали мужем и женой.

Глава 18. Золотой мальчик

Последний Царь Николай II – одна из самых загадочных фигур русской истории. О нем столь написано поверхностного и лживого, как, наверное, ни о ком ином из известных персонажей истории. Даже после того, как Он – последний христианский Царь в истории человечества – был причислен к лику Православных Святых, поток злобных измышлений не иссякает. Причины и импульсы подобных злонамеренных фабрикаций не являются предметом рассмотрения в настоящей книге.

Здесь важно подчеркнуть только главное: Царь Николай II и в историческом, и в духовном смысле – знаковая фигура переломного времени России. А потому в его опубликованных биографиях сплошь и рядом подлинное и настоящее переплетено, а часто и затемнено, мнимым и фальшивым.

Даже дата Его рождения вызывает споры. По принятому в прошлом веке в России Юлианскому календарю («старый стиль») Император Николай II Александрович родился 6 мая 1868 года в день Иова Многострадального. В XX веке дату Его рождения чаще всего почему-то отмечают 19 мая по утвержденному в 1918 году Григорианскому календарь («новый стиль»), хотя разница между двумя летоисчислениями для XIX века составляла 12 дней…

Он появился на свет солнечным майским днем в Александровском Дворце Царского Села близ Петербурга, в этом «русском Версале», где традиционно проводили летние месяцы члены Императорской Фамилии. Знаком царскородного происхождения отмечен с рождения: Он первый и любимый внук Императора Александра II. Его отец, тогда Цесаревич, Александр Александрович; мать – Цесаревна Мария Федоровна, урожденная Датская Принцесса Дагмар. Николай Александрович приходился внуком и Императору Александру II, и королю Дании Христиану IX…

Первые месяцы 1868 года доставили Цесаревичу и Цесаревне немало переживаний. Александр уже с конца предыдущего года знал, что жена в «интересном положении». Очень переживал. Минни переносила свое положение непросто: приступы слабости одолевали, боли мучили, да порой так, что свет был не мил. Хотя она держалась мужественно, редко жаловалась, но супруг и без слов все видел.

Первое время, как стало известно, что ожидается прибавление, муж с женой редко о том вслух говорили, боялись «спугнуть счастье». Один раз они уже ошиблись. Летом 1867 года, находясь в Дании, они решили, что Минни беременна. Все

признаки вроде бы были налицо; о том вполне определенно сказал доктор Юлиус Плум (1829–1915) – личный врач Датской Королевской Семьи.

Оповестили близких, а Царь Александр II и Царица Мария Александровна даже уже молились за благополучный исход. А потом пришлось оправдываться. Цесаревичу довелось иметь неприятный разговор с Папа́, который устроил сыну выговор за то, что не проверили все основательно, прежде чем разглашать. Это ведь дело государственной важности и никакое легкомыслие недопустимо!

С начала 1868 года сомнений никаких не оставалось, а грядущие роды занимали все помыслы. В середине апреля Цесаревич с Цесаревной переехали из Петербурга в Александровский Дворец Царского Села. Рядом, в Большом Дворце, обосновались Царь с Царицей. Важного события можно было ждать в любую минуту. Акушерка бессменно дежурила во Дворце.

Александр Александрович в эти дни почти не отлучался, лишь в самом крайнем случае, находясь все время или вместе с женой, или поблизости. 6 мая, в начале 5-го утра, Мария Федоровна проснулась, ощущая сильную боль в нижней части живота. Она немедленно разбудила мужа, который заволновался, не зная, что делать. Позвал акушерку, которая сказала: «Начинается».

Цесаревич тут же отправил записку матери: «Милая душка, Ма! Сегодня утром, около 4-х часов, Минни почувствовала снова боли, но сильнее чем вчера и почти вовсе не спала. Теперь боли продолжатся и приходила м-ль Михайлова, которая говорит, что это уже решительно начало родов. Минни порядочно страдает по временам, но теперь одевается, и я ей позволил даже ходить по комнате. Я хотел приехать сам к Тебе и Папа, но Минни умоляет меня не выходить от нее. Дай Бог, чтобы все прошло благополучно, как до сих пор и тогда – то будет радость и счастье».

Однако прошло еще несколько часов, пока все окончательно определилось. Дальнейший ход событий запечатлен в дневнике Цесаревича.

«Мама́ с Папа́ приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 121/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 1/2 3 час. пришла последняя минута, и все страдания

прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была – это нельзя себе представить.

Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселена и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно».

Еще до появления на свет сына мать и отец знали, что если будет мальчик, то назовут Николаем, в честь незабвенного для обоих Никса, «ангела-хранителя» их семейного счастья…

После того как стал отцом, у Цесаревича Александра просто «душа пела». Каждый день, как только вставал, направлялся к сыну и умилялся лицезрением улыбчивого Малыша, который почти всегда «был в духе». Вскоре после появления сына записал: «Да будет Воля Твоя Господи! Не оставь нас в будущем, как Ты не оставлял нас троих в прошлом. Аминь».

Императорская Фамилия отмечала праздничное событие: звучали салюты, устраивались фейерверки и гулянья. Раздавались Царские милости: сокращались сроки заключения арестантам, сыпались благодарственные пожертвования на богоугодные заведения.

Величие события подчеркивал и состав участников церемонии крестин, состоявшейся через две недели. Восприемниками по чину крещения стали: Царь Александр II, Царица Мария Александровна, Датская Королева Луиза, Кронпринц Фредерик (будущий Король Фредерик VIII).

Почти через тринадцать лет Николай Александрович станет Цесаревичем, а через двадцать шесть лет – Императором. С того времени вплоть до 1917 года 6 (18) мая будет государственным праздником России…

У Александра Александровича (Александра III) и Марии Федоровны, помимо Николая, родилось еще пятеро детей: Александр (1869), Георгий (1871), Ксения (1875), Михаил (1878), Ольга (1882). Дети дарили радость, наполняли жизнь теплом и уютом.

Однако родителям приходилось переживать и горькие события. Самое тяжелое – смерть. Цесаревичу Александру такое довелось испытать однажды, в 1870 году, когда умер малютка Александр. Марии же Федоровне судьба уготовала вообще неимоверно страшную для матери участь: пережить смерть всех сыновей, четверых внучек и внука…

Старший сын Николай с детства отличался спокойным нравом, редко плакал, почти не болел. Дворцовые няньки, выпестовавшие немало великокняжеских чад, просто поражались. Старая бонна-англичанка мисс Екатерина Струтон, служившая при Царской Семье почти тридцать лет, которую все, и большие и

малые, иначе, как «Китти», не называли, находила, что характером сын – «копия отца». Старая Китти то знала не понаслышке: на ее руках вырос будущий царь Александр III.

Николай, «милый Ники», был отрадой родителей. Господь их вознаградил за все переживания и волнения, подарил сына, от одного вида которого сразу же радостней становилось на сердце. «Золотой мальчик», «ангелочек», «солнечный луч» – так в детстве Его почти всегда называли родители, Дедушка-Император и Бабушка-Императрица.

Улыбчивый, со светло-синими глазами карапуз – просто изображение с рождественской открытки. Его золотистые кудрявые локоны Датскому Королю и Королеве напоминали их Дагмар; русские же дедушка с бабушкой считали, что внук очень походил на их сына Александра в юном возрасте.

Самому Николаю Александровичу детство запомнилось торжеством белого и золотого цветов, разлитых повсюду. Крахмальные передники нянек, огромные окна комнат, светлые обивки и портьеры дворцовых помещений, золоченая мебель, яркие колеры придворных мундиров, неповторимое свечение алтарей, хрустальное мерцание огромных люстр. Казалось, что «золотой ангелочек» только и мог появиться в блестящем мире Царской повседневности.

Он с ранних пор знал, что Он необычный мальчик, что Его дедушка Царь, а со временем Царем станет отец. Через много лет Николай II рассказывал своим дочерям:

«Когда я был маленьким, Меня ежедневно посылали навещать Моего деда. У него была такая приятная улыбка, хотя лицо его было обычно красиво и бесстрастно». Однажды «я был на всенощной с моим дедом в маленькой церкви в Александрии. Во время службы разразилась сильная гроза. Молнии блистали одна за другой. Раскаты грома, казалось, потрясали и церковь, и весь мир до основания. Вдруг стало совсем темно. Раздался продолжительный раскат грома, более громкий. Чем раньше, и вдруг Я увидел огромный шар, летевший из окна прямо по направлению к голове Императора. Шар (это была шаровая молния) закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк.

Мое сердце замерло, Я взглянул на Моего деда. Его лицо было совершенно спокойным. Он перекрестился так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетал около нас. Я почувствовал, что это и немужественно и недостойно так пугаться, как Я, и почувствовал, что нужно просто смотреть на то, что произойдет, и верить в милость Господа так, как мой дед это делал».

Сын Цесаревича со временем становился Цесаревичем, а затем – Монархом. То был предопределенный ход царскородной судьбы. Однако конкретный исполнения тех предначертаний известен был лишь Господу…

Ники готовили к будущей ответственной роли правителя с малолетства. Воспитывали по нормам, принятым в то время в высшем свете, давали образование в соответствии с порядком и традицией, установленными в Императорской Фамилии. Регулярные занятия у Великого князя начались в восьмилетнем возрасте. Для Него была составлена специальная учебная программа, включавшая восьмилетней общеобразовательный курс и пятилетний – высших наук. В основе лежала измененная программа классической гимназии: вместо латинского и греческого языков было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. В то же время курсы истории, русской литературы и иностранных языков были существенно расширены.

Цикл высшего образования включал: политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба). Были еще занятия по вольтижировке, фехтованию, рисованию, музыке.

В десятилетнем возрасте Николай Александрович имел еженедельно 24 урока, а к пятнадцати годам их количество превысило 30. Весь день был расписан по минутам, и старшему сыну Цесаревича, а затем Императора надо было почти каждодневно проводить по нескольку часов на уроках, а затем заниматься самоподготовкой. Даже летом, вдалеке от дома, в гостях, распорядок не менялся.

Пятнадцатилетний Николай Александрович писал своему другу Великому князю Александру Михайловичу (Сандро) в июле 1883 года из Дании: «Вот описание дня, который мы проводим здесь: встаем позже, чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 наш второй урок; иногда от 11 – половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три – гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день».

Все преподаватели отмечали усидчивость и аккуратность

Николая Александровича. Он имел прекрасную память. Раз прочитанное или услышанное запоминал навсегда. Прекрасно владел английским, французским и немецким языками, писал очень грамотно по-русски. Из всех предметов ему особо нравились литература и история. Уже в детстве стал страстным книгочеем, сохранив эту привязанность до последних дней земного бытия. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов – вот круг особо любимых, читаемых и перечитываемых авторов.

Учителей и воспитателей отец наставлял: «Ни я, ни Великая княгиня не желаем делать из них (детей) оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доказчику – первый кнут. Это – самое мое первое требование».

На самом деле ни с каким «кнутом» дети Александра Александровича знакомы не были. Отец пользовался у них огромным авторитетом. Хотя проказ и шалостей имелось вдоволь, но серьезных поводов для неудовольствия отпрыски не доставляли. «Дорогой Папа́» их не только ни разу пальцем не тронул и даже резким словом не обидел.

Главное внимание воспитанию и образованию уделяла мать – Мария Федоровна. Она с малолетства приучала Николая к неукоснительному выполнению своих обязанностей, и под ее постоянным контролем сын вырос аккуратным, даже педантичным человеком, редко позволявшим себе расслабиться и отложить исполнение «того, что надо».

И уже взрослого не оставляла без внимания. Когда Николай Александрович уже служил офицером в лейб-гвардии Преображенском полку (самом престижном подразделении Императорской гвардии), то и тогда внимание матери не ослабело.

«Никогда не забывай, – наставляла в письме, – что все глаза обращены на Тебя, ожидая, каковы будут Твои первые самостоятельные шаги в жизни. Всегда будь воспитанным и вежливым с каждым, так чтобы у Тебя были хорошие отношения со всеми товарищами без исключения, и в то же время без налета фамильярности или интимности, и никогда не слушай сплетников».

Когда Цесаревич в 1891 году оказался в Индии, Мария Федоровна писала: «Я хочу думать, что Ты очень вежлив со всеми

англичанами, которые стараются оказать тебе лучшие, по мере возможности, прием, охоту и т. д. Я хорошо знаю, что балы и другие официальные дела не очень занимательны, особенно в такую жару, но Ты должен понять, что Твое положение Тебя обязывает к этому. Отставь свой личный комфорт в сторону, будь вдвойне вежлив и дружелюбен и, более того, никогда не показывай, что Тебе скучно. Будешь ли Ты так делать, мой Ники? На балах Ты должен считать своим долгом больше танцевать, и меньше курить в саду с офицерами, хотя это и более приятно. Иначе просто нельзя, мой милый, но я знаю, Ты понимаешь, всё это прекрасно, и Ты знаешь только одно мое желание, чтобы ничего нельзя было сказать против Тебя, и чтобы Ты оставил о Себе самое лучшее впечатление у всех и всюду».

Ники не обманул ожиданий. Уже значительно позже Императрица Мария Федоровна очень точно определила нравственный облик Старшего Сына: «Он такой чистый, что не допускает и мысли, что есть люди совершенно иного нрава».

По старой имперской традиции Цесаревич Николай Александрович являлся шефом основных частей Гвардии и Атаманов всех казачьих войск. В семилетнем возрасте, в 1875 году, был зачислен в лейб-гвардейский Эриванский полк и в том же году произведен в прапорщики, а через пять лет получил поручика.

В день совершеннолетия, 6 мая 1884 года, как говорилось в его послужном списке, «произнес клятвенное обещание в лице Наследника Всероссийского Престола в большой церкви Императорского Зимнего Дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского имени Его Императорского Величества полка, по случаю вступления в действительную службу».

Это был первый серьезный экзамен на зрелость. Очевидец события Великий князь Константин Константинович описал важное событие. «Нашему Цесаревичу сегодня 16 лет, он достиг совершеннолетия и принес присягу на верность Престолу и Отечеству. Торжество было в высшей степени умилительное и трогательное. Прочитал он присягу, в особенности первую, в церкви детским, но прочувственным голосом; заметно было, что Он вник в каждое слово и произносил Свою клятву осмысленно, растроганно, но совершенно спокойно. Слезы слышались в Его детском голосе; Государь, Императрица, многие окружающие, и я в том числе, не могли удержать слез».

В 1887 году последовало производство Цесаревича Николая в штабс-капитаны, в 1891 году – в капитаны и, наконец, 6 августа

1892 года получил звание полковника. На этом офицерское производство закончилось, и в чине полковника он остановился до конца.

Воинская служба всегда вызывала самые восторженные чувства. В письме другу Сандро весной 1887 года восклицал: «Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить Мою радость: Я уже давно мечтал об этом, и однажды зимой объявил Папá, и он Мне позволил служить. Разумеется, Я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; Я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера[47]. Ура!!!»

Регулярно отправлял письма о своих служебных делах отцу и матери, особо подробные – «дорогой Мамá». Летом 1887 года сообщал: «Теперь я вне себя от радости служить и с каждым днем все более и более свыкаюсь с лагерною жизнью. Каждый день у нас занятия: или утром стрельба, а вечером батальонные учения, или наоборот. Встаем утром довольно рано; сегодня мы начали стрельбу в 6 часов; для меня это очень приятно, потому что я привык вставать рано… Всегда я буду стараться следовать твоим советам, моя душка Мама; нужно быть осторожным во всем на первых порах!»

С января 1893 года цесаревич служил в должности командира 1-го («Царского») батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Очень дорожил службой, безусловно, исполнял требования уставов, весь «воинский артикул».

Его непосредственный начальник – командир Преображенского полка Великий князь Константин Константинович – записал в своем дневнике 8 января 1893 года: «Ники держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в Нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность; ни тени фамильярности и много скромности и естественности».

Прошел год, впечатления командира не изменились: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к Цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у Него в нраве, выручает Его».

В 1882 году в жизни будущего Царя Николая II произошло приметное событие: начал вести дневник. С тех пор, почти до самой смерти, перед сном заносил туда описание истекшего дня. Первая страница дневника открывается записью – «Песня, которую мы пели». Далее следовал текст.

Вниз да по речке
Вниз да по Казанке
Серый селезень плывет
Вдоль да по бережку
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет
Он со кудрями
Он со русыми
Разговаривает
Кому ж мои кудри
Кому ж мои русые
Достанутся расчесать?
Достались кудри
Достались русы
Старой бабушке чесать
Сколь она не чешет
Сколь она не гладит
Только волосы дерет.

Далее тринадцатилетний автор изложил «технику вокала»: «После каждого куплета, чтобы удлинить песню, мы прилагали припев: «Иш-ты, подишь-ты», «что же ты говоришь ты», с повторением последнего стиха предыдущего куплета».

Роковым рубежом в жизни «золотого мальчика» стала смерть дедушки, павшего от рук заговорщиков. Он и через годы хорошо помнил тот первомартовский день 1881 года, когда во время дневного чая в Аничковом Дворце родители и Он услыхали страшную весть: совершено покушение на Государя. Цесаревич Александр тотчас бросился в Зимний Дворец, крикнув жене и детям, чтобы следом ехали. Они немедля и отправились. Увиденное потрясло мальчика.

«Когда мы поднимались по лестнице, Я видел, что у всех встречных были бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были Мои родители. Около окна стояли мои дяди и тети. Никто не говорил.

Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели. Папа́, – сказал он, повышая голос, – Ваш «луч солнца» здесь. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза Моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но

он не мог поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он, несомненно, узнал меня. Протопресвитер Бажанов подошел и причастил Его в последний раз. Мы все опустились на колени, и Император тихо скончался. Так Господу угодно было».

Императором стал Александр III. В тот день его Сын Николай стал Цесаревичем и одновременно, как-то было прописано в законе, Атаманом всех Казачьих войск.

Мальчик взрослел, становился юношей, возникли сердечные привязанности. У Николая II в молодости было четыре сердечных увлечения. В свои юношеские лета воображение захватила Его кузина-ровестница, дочь Альберта-Эдуарда и Александры Уэльских Английская Принцесса Виктория Уэльская (1868–1935) [48]. Цесаревич начал с ней переписываться еще почти ребенком. Виктория нравилась своей серьезностью, основательностью, «неженским» умом.

В 1889 году, характеризуя Принцессу, писал Александру Михайловичу: «Она действительно чудное существо, и чем больше и глубже вникаешь в ее душу, тем яснее видишь все ее достоинства и качества. Я должен сознаться, что ее очень трудно сначала разгадать, т. е. узнать ее взгляд на вещи и людей, но это трудность составляет для Меня особую прелесть, объяснить которую Я не в состоянии».

Этой Английской Принцессой, помимо Цесаревича, кратковременно увлекались еще двое русских Великих князей. Она очень нравилась Великому князю Александру Михайловичу, а уже значительно позже в нее влюбился брат Николая II Великий князь Михаил Александрович. Но жизнь распорядилась так, что Виктория умерла старой девой в 1935 году, пережив всех своих русских поклонников.

Потом русский Престолонаследник недолго симпатизировал княжне Ольге Александровне Долгорукой (в замужестве – Дитрихштейн), а позже у Него возникло романтическое увлечение балериной Матильдой Кшесинской (1872–1971).

Весной 1892 года, размышляя о своих сердечных увлечения, двадцатичетырехлетний Николай Александрович записал в дневнике: «Право, можно было заключить из этого, что Я очень влюбчив? До известной степени да; но Я должен прибавить, что внутри Я строгий судья и до крайности разборчив! Вот это и есть то настроение, которое вчера Я назван непонятным!»

Но единственной настоящей любовь Последнего Царя стала Та, с кем Он обвенчался у алтаря, уже после того, как надел на Себя Корону Российской Империи. Ею стала урожденная Гессенская Принцесса Алиса.

Глава 19. Роковая любовь Императора

19 февраля 1880 года исполнилось 25 лет со дня восшествия на престол Императора Александра II. Однако торжества не были радостными. В придворных кругах царила напряженная, почти унылая атмосфера.

За две недели до того, 5 февраля, было совершено очередное, пятое, покушение на Царя. Оно было организовано так хитро и изощрённо, что могла погибнуть вся Царская Семья. Злодеи умудрилось заложить мощное взрывное устройство в нижнем этаже Зимнего Дворца, и взрыв раздался как раз под так называемым «морганатическим залом», где должен был происходить Царский обед в присутствии всей Фамилии.

Но, слава Богу, трапеза была несколько задержана из-за опоздания брата Царицы, принца Александра Гессенского. Однако 10 солдат Финляндского полка, несших караул, погибли на месте, а несколько других позже скончалось от ран, десятки получили ранения. Потом были молебны и слова благодарности Всевышнему, рука Которого отвела очередную угрозу от особы Монарха.

Однако не только дерзкие покушения навевали уныние. Существовала и еще одна причина, вносившая в жизнь Двора атмосферу печали: состояние здоровья Императрицы Марии Александровны. Она только в январе вернулась из многомесячного пребывания в Крыму и за границей, на юге Франции, где врачи пытались спасти Царицу от разрушительного недуга – туберкулеза.

Мария Александровна болела уже давно, но в 1879 году состояние заметно ухудшилось. Царица была бледна как смерть, постоянно невесела. Ее терзало не только собственное нездоровье, но и не проходившее беспокойство за жизнь Государя. Только молитва и любовь детей поддерживали угасавшие силы. Любви супруга уже не ощущала.

Брак Александра II и Марии Александровны долго считался образцовым. При Дворе много говорили о мимолетных увлечениях Цесаревича, а затем Императора Александра Николаевича. Рассказывали, что, когда тому еще только исполнилось двадцать лет, он «без ума» влюбился во фрейлину своей сестры Марии красавицу польку мадемуазель Калиновскую и даже хотел на ней жениться.

Но как только попытался заикнуться о том императору

Николаю I, тот эту «сыновью блажь» даже и обсуждать не стал. Фрейлина была тотчас выслана из Петербурга, и, как говорили, «бутоны любви опали, не успев расцвесть».

Матушка же, Императрица Александра Федоровна, написала сыну сердитое письмо, где были такие строки: «Меня огорчает, что с возрастом ты не приобретаешь твердости характера, которой тебе так не хватает, а, напротив, все более становишься рабом своих страстей. Как ты будешь управлять Империей, если не можешь управлять собой?»

Цесаревич учился искусству самообладания. Женился он в 23 года на принцессе из Гессен-Дармштадтского герцогства Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии, принявшей Православие с именем Мария Александровна. Она вышла замуж в неполных семнадцать лет и переехала в Россию в 1841 году.

Потеряв мать в девятилетнем возрасте, свои юные годы Гессенская Принцесса провела почти безвыездно в Дармштадте, большую часть времени в загородном замке Югенхайм. Мало кого видела и мало с кем общалась. Это была скромная, даже нелюдимая барышня, но обладавшая несомненной прелестью простоты и искренности, «натуральностью», которая порой завораживала светских людей. Именно так и случилось, когда Цесаревич Александр Николаевич в 1839 году, во время поездки по Европе, случайно увидел пугливую голубоглазую пятнадцатилетнюю девушку (еще почти ребенка!) в Дармштадтском театре. Она стала его избранницей.

Переезд в Россию для нее был сопряжен с тяжелыми потрясениями. Она оказалась при таком блеске роскоши и многолюдье, которые и вообразить не могла. Она не могла уклониться, не умела защитить себя и бессчетное число ночей провела в слезах. Первые годы она пугалась всего: свекрови, свекра, фрейлин, придворных, своей несветскости, неумения произвести впечатление, неумения говорит по-русски, своего «недостаточного французского». Она все время переживала, как бы не доставить неудовольствие мужу, которого любила беззаветно. Цесаревич вел себя по-рыцарски и, как мог, опекал и защищал свою Марию от окружающего неласкового мира.

Ее свекор, Император Николай I, был педантом. Все, что касалось придворных программ, соблюдалось им неукоснительно и аккуратно. Он всегда и везде приходил и прибывал непременно в назначенное время; входил в церковь с боем часов, появлялся на балу ровно в момент начала, принимал именно в тот час, когда указал. Император не терпел нарушений регламента и не раз обрушивал свой верховный гнев на нерадивых.

Прожив при Русском Дворе в качестве Цесаревны почти

пятнадцать лет, Мария Александровна так и не переборола страх перед Самодержцем, хотя Николай I ни разу свою невестку ничем даже не укорил и ни одного не только грубого, но даже резкого слова не сказал.

Цесаревна смертельно боялась опоздать: на церковную службу, на бал, на прием, на выход, на утреннее представление Императрице Александре Федоровне. Она везде поспевала в срок. Случалось, что когда вдруг Императрица Александра Федоровна неожиданно назначала по своему капризу некое собрание у себя или приглашала вдруг на прогулку, на которую «Ее Величество отбудут через десять минут», то и тогда Цесаревна успевала собраться и преодолеть анфилады дворцовых зал. Иногда Мария Александровна просто бежала в покои Императрицы впереди фрейлин! Все это стоило огромных нервных усилий. Позднее вспоминала, что когда была Цесаревной, то «жила как волонтер».

Прибыв в страну, языка, верований и обычаев которой почти не знала, с немецкой основательностью погрузилась в изучение и постижение русского мира. Быстро освоила язык, стала образцовой верующей. Православие ее захватило и подчинило. Она и раньше была глубоко религиозна, но в России это чувство ей овладело целиком. Если бы был выбор, может быть, удалилась бы из повседневности. Но выбора не было.

Дочь поэта Тютчева Анна Федоровна (1829–1889) – фрейлина Цесаревны Марии Александровны – характеризуя ее, писала: «Душа Великой княгини из тех, что принадлежат монастырю. Ее хорошо можно было себе представить под монашеским покрывалом, коленопреклоненной под сенью высоких готических сводов, объятую безмолвием, изнуренную постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами, пышною торжественностью которых она бы с любовью руководила».

Ее супруг был значительно ближе к земным радостям. Даже в периоды хандры, которые у него порой случались, он вдруг необычайно оживлялся, как только оказывался в женском обществе, в особенности, когда там преобладали молодые барышни. Мария Александровна знала об этой слабости супруга, относилась к ней снисходительно, называя ее «умилениями сердца».

Близкая к Царской Семье фрейлина графиня А.А. Толстая (1818–1904) вспоминала, что «Император был весьма склонен к многочисленным сердечным увлечениям. Они иногда принимали довольно устойчивый характер, что очень огорчало Государыню, поскольку объектами этих пасторалей обыкновенно бывали юные особы из ее свиты, но, как правило, все эти увлечения были

далеки от того, что называется апофеозом супружеской неверности».

Несмотря на бесконечные разговоры о «сердечных увлечениях» Александра II, ничего серьезного замечено не было. Казалось, что они – всего лишь досужие домыслы, а до «апофеоза супружеской неверности» дело не доходило.

Однако с конца 60-х годов при Дворе и в петербургском высшем свете возникли слухи о том, что у Императора Александра II появилась постоянная серьезная привязанность: молодая фрейлина княжна Екатерина Михайловна Долгорукая.

Родилась она в Москве в 1847 году и происходила из древнейшего княжеского рода. Многие находили ее красавицей, другие же, и таких было немало, не разделяли подобных утверждений. Однако никто не решался опровергать очевидное и оспаривать несомненную привлекательность молодой и стройной княжны, смотревшей на мир широко раскрытыми глазами. Некоторые считали, что это взгляд «испуганной газели», недоброжелатели же полагали, что ее облик выдает в ней авантюристку.

Царь впервые увидел будущую свою привязанность, когда той только исполнилось десять лет. Он тогда проездом посетил имение Долгоруких Тепловку и невольно обратил внимание на шаловливую и улыбчивую девочку, нарушившую этикет и самовольно решившую познакомиться с императором. Живость и непосредственность черноглазой девочки умилили.

В конце 50-х годов отец княжны, Михаил Михайлович, увлекся предпринимательской деятельностью, и это увлечение закончилось полным разорением. Некогда большое состояние улетучилось без следа. Вскоре папенька умер, и дети князя (две дочери и четверо сыновей) остались без всяких средств. Александр II проявил трогательное участие: имение было взято в опеку, а сироты стали Императорскими подопечными.

Дочери покойного князя были определены в Институт благородных девиц в Петербурге, который чаще называли Смольным институтом (по названию расположенного по соседству Смольного монастыря). Царь регулярно посещал это аристократическое учебное заведение и всегда интересовался успехами своих подопечных, но особенно – Екатерины Долгорукой.

В 1864 году княжна окончила Смольный институт, получила шифр и стала фрейлиной Императрицы Марии Александровны. Ее переполняли романтические мечтания, однако бесприданнице устроить благополучно семейную жизнь было непросто. Но скоро все так резко и так бесповоротно вокруг переменилось, а ее жизнь

ей уже больше не принадлежала. В нее влюбился Царь.

Княжна давно заметила, что повелитель державы оказывал ее персоне невероятные знаки внимания: дарил подарки, часто и охотно беседовал, на зависть другим, подолгу прогуливался с ней наедине. Когда же однажды, в укромном уголке петергофского парка, объяснился в любви, она обомлела. Молодая и неискушенная княжна представляла себе любовь совсем иначе. Она ждала молодого красивого принца, а перед ней оказался человек, годившийся в отцы. Император был почти на тридцать лет старше княжны. В 1868 году ему исполнилось пятьдесят лет.

Княжна Долгорукая не восприняла вначале серьезно признания Монарха. Она готова была повиноваться Самодержцу, но ее сердце ему, как мужчине, тогда еще не принадлежало. Она приходила на тайные свидания с Царем, была мила, участлива, но умело ускользала из его объятий, играя роль шаловливой и беспечной девчонки. Позднее сказала своей ближайшей приятельнице Варваре Шебеко: «Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как я не полюбила его раньше».

Александр II считал свой брак счастливым. Его супруга, «милая Мари», два десятилетия являлась для него самой дорогой. Она – Царица, мать его детей, женщина, преданная ему беспредельно. Но после рождения в 1860 году сына Павла Царица стала часто и подолгу недомогать, уезжала на длительное время лечиться за границу, на отдых в имение Ильинское под Москвой. Муж и жена виделись все реже и реже. Случалось, по два-три месяца проводили порознь.

Полноценное супружество постепенно сходило на нет и в конце концов окончилось. Обожание супруги оставалось неизменным, но с его стороны все стало походить за заученный ритуал. Утром бесстрастный поцелуй, дежурные вопросы о здоровье, о занятиях и поведении детей, какие-то бесконечно-однообразные родственно-династические темы.

Человеческую верность и преданность Александр II к своей Мари сохранил. При свете дня, на людях, Мария Александровна оставалась женой Самодержца. Но с вечера и до утра их жизни больше не пересекались. Никогда. Ушло чувственное содержание отношений.

Император, занятый своими каждодневными многотрудными делами, ощущал мужское одиночество. Он хотел отдохновения, он хотел, чтобы любили не титул, пост, власть, корону, им олицетворяемые, а его самого; жаждал той самозабвенной страсти, которую может подарить только пылкое сердце влюбленной женщины.

Император хотя и был почти на тридцать лет старше княжны, но считался видным мужчиной. Французский писатель Теофиль Готье, увидевший Русского Царя на одном из балов в Зимнем Дворце в 1865 году, оставил красочный портрет Монарха:

«Александр II был одет в этот вечер в изящный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную и гибкую фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами и спускавшуюся до бедер. Воротник и рукава были оторочены мехом голубого сибирского песца. Светло-голубые брюки в обтяжку, узкие сапоги четко обрисовывали ноги. Волосы государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определенны, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Екатерина Долгорукая с каждым годом все больше и больше притягивала внимание Царя, и когда он увидел вместо ребенка перед собой живую и непосредственную девушку, вдруг ощутил то, что казалось, уж давно осталось в прошлом: душевный порыв, радость ожидания. Царь страдал. Вспоминал. Хотел видеть ее снова и снова. Он ждал отклика в ее сердце.

Император был настойчив и терпелив. Он полюбил молодую княжну со всем жаром своей души, и эта поздняя страсть не давала покоя ни днем ни ночью. Он ничего не мог с собой поделать и если долго не видел свою возлюбленную, то становился грустным и раздражительным. Постепенно и Екатерина Долгорукая все больше и больше привязывалась к своему влюбленному повелителю. Все должно было чем-то закончиться, и все закончилось грехопадением. Случилось это ранним вечером 1 июля 1866 года в Петергофе. Дата известна точно: Екатерина Михайловна тот день помнила до самой смерти, о чем не раз рассказывала. Забыть не могла и не хотела.

Именно тогда Царь впервые услышал то, что давно желал слышать: она его любит всем сердцем и будет ему верна до конца. И он ей сказал нечто, на что она не рассчитывала, но что так согрело ее истерзанное сердце: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне я навеки считаю тебя своей женой перед Богом».

С Монархом случилось что-то невероятное. Человек, обязанный Богом и судьбой всегда стоять неколебимо на охране основ и традиций, неукоснительно выполнять свой долг,

преодолевать собственные прихоти и наклонности во имя высших интересов династии и империи, все забыл и всему изменил.

Княжна Долгорукая, ставшая для Императора «дорогой Катрин», далеко вперед не заглядывала. Главное, она любит и сама любима. Все остальное вначале не имело особого значения. А «всего остального» было более чем достаточно, чтобы отравить жизнь. Не занимая видного поста при дворе, она, как фрейлина, обязана была участвовать во многих церемониях и смогла близко наблюдать и прочувствовать холодную и напыщенную атмосферу той «золотой клетки», где находился ее возлюбленный.

Позже она отказалась от своих фрейлинских обязанностей, но не в силу прихоти или своеволия, а потому, что находиться в придворной среде становилось непереносимо, и потому, что надо было воспитывать детей императора, которых у нее родилось четверо: Георгий (1872–1913), Ольга (1873–1925), Екатерина (1877–1959). Еще один ребенок – сын Борис, родившейся в марте 1876 году, – умер трех дней от роду.

Первые месяцы после того июльского события 1866 года в Петергофе Екатерина Долгорукая испытала немало волнений и переживаний. Она расставалась на несколько месяцев с Царем, чтобы избавиться от этого наваждения, но уже в 1867 году решила раз и навсегда предоставить все судьбе.

Она отдала любимому мужчине всю себя без остатка, все чувства, мысли, воображение, заботы. Княжна стала не только возлюбленной царя; она сделалась для него целым миром, миром тайным и сладостным, где Монарх находил успокоение и утешение от своей трудной и непрерывной миссии. Долгорукая знала, что Александр II сдержит обещание и если Богу будет угодно, то он преодолеет трудности и станет законным мужем. Она верила возлюбленному, когда он говорил, что после встречи с ней не имел близости ни с одной женщиной, в том числе и с женой.

Княжна следовала за Царем повсеместно. В 1867 году она инкогнито приехала в Париж, остановилась в небольшом отеле и каждую ночь встречалась с Александром II, который был гостем Императора Наполеона III. Самодержец, к ужасу русской тайной полиции, без сопровождения посещал ее в отеле; принимал в саду Елисейского Дворца, столь любимом когда-то легендарной фавориткой Людовика XV мадам де Помпадур. Она ездила за ним в Крым, жила на частной даче, и Император ее навещал. Они встречались в павильонах Петергофа, на прогулках в Павловске и Красном Селе.

В Петербурге местом их свиданий стали две небольшие комнатки на первом этаже Зимнего Дворца, где жил последние

годы и где скончался Император Николай I. Позже Екатерина Михайловна с потомством перебралась на третий этаж Дворца. Из личных Царских покоев на втором этаже сюда вела тайная лестница, и Император, проведя вечер в кругу родных и близких, ближе к полуночи спускался незамеченным вниз, чтобы встретить свою желанную. Она всегда его ждала. Он это знал и был рад, что есть человек, преданный ему целиком, до конца.

Императору было хорошо в обществе княжны, так свободно, так раскованно, как никогда раньше и не было. Не надо было ничего сочинять, не надо было быть Царем, а можно остаться лишь мужчиной и ощущать тихую радость простого семейного очага.

Катрин готовила чай, помогала снять сапоги, окружала таким теплом и заботой, которых в других местах и иных помещениях Царь и не знал никогда. Когда он целовал ее, то у него кружилась голова, и он, человек, проживший уже большую жизнь и испытавший на своем веку немало сердечных привязанностей, трепетал, как зеленый юнец. Царь был счастлив.

Но тайна Самодержца всех интересует и всем принадлежит. О серьезном увлечении Александра II и о его тайных свиданиях очень скоро стало известно сначала придворным, а затем и всему высшему обществу. Никто открыто не обсуждал столь щекотливую тему. В интимных же собраниях о том много судачили. Как всегда бывало в таких случаях, правда перемешивалась с вымыслом, факты с ложью.

В общих же чертах картина в начале 70-х годов XIX века сложилась вполне объективная: у Императора появилась вторая семья. Однако почитание Самодержца в России было еще столь прочным, что никто не решался хоть как-то осудить властелина.

Все стрелы критики и поношения направлялись лишь по адресу Екатерины Долгорукой. Беспощадная молва приписывала ей самые невероятные поступки, немыслимо скандальное поведения, шокирующие высказывания.

Говорили, что княжна была невероятно развратна чуть ли не с пеленок, что она ведет себя нарочито вызывающе и, чтобы «разжечь страсть у Императора», танцует перед ним обнаженная на столе, что в непристойном виде проводит целые дни и якобы даже принимает посетителей «почти не одетой», что она вымогает драгоценности и за бриллианты «готова отдаться первому встречному». И много чего еще говорили, рисуя облик молодой Долгорукой в самом непривлекательном виде.

Чадолюбивые мамаши, наслушавшись подобных разговоров, только и думали о том, как бы ненароком их молодые дочери, которых начинали вывозить в свет, даже издали не смогли бы

увидеть ту, которую называли то Мессалиной, то куртизанкой.

Княжна пожертвовала всем во имя любви и почти перестала таиться. Пусть будет так, как будет, а что делать – это должен решать Александр.

Когда эпатирующая связь Императора с молодой княжной уже ни для кого не составляла секрета, то у многих невольно возникали вопросы: как на это смотрит Императрица? Неужели она ничего не видит, ничего не знает?

Она видела и знала. Факты ей были не нужны. Женское сердце трудно обмануть, любящее женское сердце обмануть невозможно. Безмерно почитая своего супруга, Мария Александровна никогда не позволяла себе ни единого слова, ни малейшего намека на ее неудовольствие. Она не желала бросить хоть тень на официально-добропорядочный образ Супруга-Самодержца. В Царской Семье было наложено негласное табу на тему об увлечениях Императора. Имя Долгорукой в присутствии Царицы ни разу не прозвучало.

Дети Александра II неукоснительно соблюдали это правило и даже между собой никогда не приближались к опасному рубежу. Они все уже были взрослые, некоторые имели собственные семьи, детей и, конечно же, знали о скандальной истории не только с чужих слов. Случались неловкие сцены, неприятные встречи.

Однажды в Царском Селе отца на прогулке в экипаже сопровождали сын Сергей и дочь Мария (герцогиня Эдинбургская). Вдруг в глубине парка, почти у самого Павловска, Император попросил остановиться, попрощался с детьми и на их глазах пересел в экипаж, где помещалась Долгорукая со своими детьми.

Позднее, вспоминая этот эпизод, Великий князь Сергей Александрович заметил своей знакомой: «Поверите ли, во время всего пути от Павловска до Царского мы с Марией не только не обмолвились ни одним словом об этом событии, но и взглядом не обменялись». Эта «игра в молчанку» длилась долго, но она не могла продолжаться бесконечно. В 1880 году весь прозрачный камуфляж стал рушиться просто на глазах.

Когда Императрица Мария Александровна вернулась в начале того года в Россию, то мало у кого оставалась надежда, что она долго проживет. Она слабела с каждым днем, и врачи определенно уже говорили, что смерть наступит очень скоро. Царица почти не вставала с постели. Сил хватало лишь на молитву и на краткие встречи с детьми.

Порой приходил супруг, и в эти мгновения наступало просветление. В ней вдруг пробуждались какие-то силы, и она становилась бодрее, даже улыбка появлялась на бескровных

губах. Видя супруга, Мария оживала.

Ничем не упрекала, ни на что не жаловалась, лишь интересовалась его делами. Император же ощущал себя неловко. Лишь ненадолго присаживаясь на краешек стула у кровати, говорил какие-то, ничего не значившие слова, гладил ее руку и, уходя, целовал в мертвенно-бледную щеку.

Все ждали неотвратимого будущего. В наиболее сложном положении находился Цесаревич. Занимая второе место в династической иерархии, Наследник волей-неволей оказывался в центре неприятных и нежеланных событий. Он видел, что вокруг происходит, но сохранял самообладание, внешнее спокойствие.

Сдержанный и послушный Александр Александрович позволял себе обсуждать деликатную ситуацию только со своей Минни. Оба знали, что, в то время как Императрица умирает, Александр II проводит почти все вечера и ночи в обществе любовницы, начинавшей вести себя всё более заносчиво и самоуверенно. Но воля Папа́ священна, и лишь Бог ему судья…

Рано утром 22 мая 1880 года Императрица Мария Александровна умерла. Ангел смерти так тихо пролетел, что даже сиделки не могли с точностью указать минуту ее кончины. За несколько времени до смерти Императрица выразила свою мечту умереть в тишине и одиночестве, без душераздирающих сцен прощания с родными и близкими. «Не люблю я этих пикников возле смертного одра», – заключила она. Казалось, что Господь услыхал и исполнил ее последнюю волю.

Был объявлен годичный национальный траур, начались печальные церемонии, продолжавшиеся неделю. Два раза в день у белого гроба, покрытого национальными флагами России, служились панихиды: сначала в церкви Зимнего Дворца, а затем в соборе Петропавловской крепости.

На них непременно присутствовал Царь, и нельзя было не заметить, что поведение Монаха в этот период было безукоризненным. Свой последний долг усопшей жене и матери его детей отдавал как истинный христианин, как верный муж, глубоко опечаленный тяжелым несчастьем. Затем в присутствии Императорской Фамилии и самых близких придворных состоялось погребение.

Для Цесаревича Александра смерть матушки стала тяжелым потрясением. Он все первые месяцы находился в подавленном состоянии и плакал не раз. Брату Сергею писал 22 июля:

«Да, это потеря **громадная для нас всех** и, Боже, до чего **все** изменилось **во всем, во всем** с потерей этого дорогого и ангельского существа! Так грустно, так безотрадно, что выразить нельзя; я могу только чувствовать и глубоко чувствую, но не могу

высказать. Одно утешение и оно громадно, это то, что душка, дорогая Мама́, не забудет нас **и там,** и продлит свое благословение на нас и будет постоянно молиться за нас, как молилась за нас на земле!»

Он не мог о многом говорить, не мог обсуждать в письме «все изменения», но знал уже наверняка, что жизнь теперь будет совсем другая.

После похорон Императорская Фамилия переехала в Царское, но в середине июня семья Цесаревича неожиданно для многих отбыла на известный водолечебный и климатический курорт на западной окраине Российской империи Гапсаль. Этот отъезд был неприятен Александру II, который имел резкий разговор с Наследником, но тот объяснил, что Минни неважно себя чувствует, ей нужен отдых и морские купания. Скрепя сердце Царь уступил.

Дочь Императора Мария, герцогиня Эдинбургская, недоумевала: «Как старший брат мог оставить Папа́ в такую минуту». У нее у самой уже давно была семья и дети, но в этот момент она решила уделить всё свое внимание, все свои заботы исключительно отцу. Позднее она призналась одной из фрейлин, что ее тогда обуревало наивное желание сблизить отца с семьей и отвратить от общения «с той, другой». Это была зыбкая иллюзия, и герцогиня очень скоро это поняла.

Глава 20. Несостоявшаяся царица

Смерть Императрицы Марии Александровны развязала руки Александру II, и теперь, уже не скрываясь, он стал появляться с Юрьевской на публике. Давно не возобновлял разговора о браке с Катрин, но через месяц после смерти супруги вернулся к этой теме и объявил, что 6 июля обвенчается с ней. Сердце женщины радостно затрепетало, и она была так взволнована, что не нашлась что сказать.

Так как после смерти Царицы был объявлен годичный траур, то Самодержец решил обставить все дело тайно, без всякой огласки, посветив в свой план лишь нескольких верных людей. Всех, к кому бы он ни обращался, подобное намерение повергало в состояние шока. Монарх же нарочито того не замечал.

Неприятный разговор произошел с верным графом Александром Адлербергом (1818–1888), давнишним другом Александра II, министром Императорского Двора. Занимая столь влиятельный пост с 1870 года, граф прекрасно был осведомлен о жизни Императорской Фамилии. Его ведомство заведовало обширным хозяйством Династии, повседневным укладом, как большого Императорского Двора, так и малых великокняжеских дворов. Почти все денежные выплаты и расходы проходили через контору министра Двора, и Александр Владимирович Адлерберг прекрасно был осведомлен о многом, о чем говорить было не принято. Знал и о связи Императора с Долгорукой.

Если бы понадобилось, то с точностью до рубля мог определить, во что эта романтическая история обошлась его ведомству; все счета за подарки и подношения княжне проходили через его руки. Однако он и представить не мог, что Александр II вознамерится соединить свою жизнь с этой дамой у алтаря!

Вечером 4 июля 1880 года Царь пригласил к себе министра Двора, сообщил о решении вступить в брак и попросил того быть свидетелем. Граф вначале опешил, но затем, собравшись с духом, буквально выпалил все, что было на уме у многих: этот шаг будет иметь самые неблагоприятные последствия, он поведет к падению престижа Династии и Империи, к умалению ореола верховной власти и может вызвать даже брожение в стране.

Выслушав все это, Император остался непреклонен. Мало того, заявил, что, имея право давать разрешения на морганатические браки членам Династии, он вправе распорядиться и своей персоной. Хотя министру стало ясно, что Александр II желает брака любой ценой, но он все продолжал приводить какие-то аргументы, думая, что речь идет об

отдаленном будущем. Когда же сановник узнал, что венчание назначено на послезавтра, то понял, что все уже бессмысленно.

Затем у Адлерберга состоялась встреча тет-а-тет с Екатериной Михайловной, с которой он разговаривал впервые в жизни. Министр пытался и невесте доказать опасность, пагубность предстоящего, но быстро пришел к заключению, что с таким же успехом мог бы убеждать и «дерево».

Княгиня на все доводы и аргументы неизменно отвечала одной фразой: «Государь будет счастлив и спокоен, только когда повенчается со мной». В момент «диспута» дверь в комнату приоткрылась, и Самодержец робко спросил, может ли он войти. В ответ на это Юрьевская закричала: «Нет, пока нельзя». Это было сказано таким тоном, которым, по наблюдениям Адлерберга, приличные люди не разговаривают «даже с лакеем». Это потрясло царедворца. Граф был сломлен, растерян и когда Государь в очередной раз попросил его стать шафером, то уже с полным отрешением дал свое согласие.

Через два дня, 6 июля 1880 года, вскоре после полудня, в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у алтаря походной церкви состоялся обряд венчания. Государь был в голубом гусарском мундире, невеста в простом светлом платье. Священник трижды повторил: «Обручается раб Божий, благоверный Государь Император Александр Николаевич с рабой Божьей, Екатериной Михайловной».

Они стали мужем и женой. Свидетелями на церемонии были министр Императорского Двора граф Александр Владимирович Адлерберг, начальник Главной Императорской квартиры Александр Михайлович Рылеев (1830–1907) и генерал-адъютант Эдуард Трофимович Баранов (1811–1884).

Царь попросил всех присутствующих сохранять происшедшее в тайне. Но сразу же возник вопрос о реакции Наследника. На это Александр II заметил, что сам сообщит ему, когда тот вернется (семья Цесаревича отдыхала в Гапсале). При этом Александр II заметил: здесь он не видит никакой проблемы, так как Государь «единственный судья своим поступкам».

В тот же вечер Император подписал указ Сенату о предоставлении морганатической супруге и своим незаконнорожденным детям титула светлости и фамилии Юрьевских (этот указ держался в тайне шесть месяцев).

Император не скрывал своего счастья. В письме к сестре Ольге Николаевне (в замужестве королева Вюртембергская) сразу после венчания сообщал: «Княжна Екатерина Долгорукая, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую

привлекательность для девушек ее возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность. Не видя буквально никого, кроме своей единственной сестры, и не вмешиваясь ни в какие дела, несмотря на многочисленные происки тех, кто бесчестно пытался воспользоваться ее именем, она живет только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли нам только радость».

Цесаревич и Цесаревна узнали о происшедшем лишь после возвращения из Гапсаля 13 августа. Император призвал их быть добрыми по отношению к Екатерине Михайловне и заверил, что никогда не будет навязывать им ее общество. Мало того, он попросил сына войти в состав небольшой комиссии приближенных, готовивших указ об обеспечении прав Юрьевской и ее детей в случае его преждевременной кончины.

Цесаревич, как громом пораженный, безропотно принял волю Царя. Цесаревна же от полученного известия чуть не лишилась чувств. Затем появилась Юрьевская, которая поцеловала руку Марии Федоровне и сказала, что Император сделал ее супругой, что она вполне счастлива и никогда не позволит себе «выйти из своей скромной роли».

После расставания с Царем и «его дамой» у Цесаревны с мужем состоялся долгий, «просто душераздирающий разговор». Нет, они, конечно же, не исключали, что Император рано или поздно может осуществить свое намерение, но что это случится так скоро, всего через шесть недель после смерти Марии Александровны, – такого представить не могли. Испытанием являлись личные встречи с «новообретенной» женой Императора, которых Цесаревич и Цесаревна всеми силами старались избежать. Однако это было не в их власти.

Княгиня Юрьевская очень хотела стать «своей» в великокняжеском кругу. Однако все время ее обдавало лишь холодом светской учтивости. Однажды она не выдержала и спросила великого князя Алексея – четвертого сына Александра II, почему Великие князья и княгини так холодны с ней. «Я теперь замужем, в чем они могут меня упрекнуть?» Несдержанный на язык Алексей Александрович, услыхав такое, ответил, как думал: «Очевидно, они не могут забыть Вашего прошлого». Юрьевская это неделикатное высказывание Императору не передала, но больше подобных вопросов не задавала.

Александр II мало интересовался мнением родни. Его заботило главным образом ее уважительное отношение к его новой супруге. Здесь он поблажек никому не делал.

Вскоре у Царя возникла навязчивая идея сблизить старую

семью с новой, и в этом своем желании он не считался с чувствами сына и невестки. Однажды Мария Федоровна прямо заявила Александру II, что не желает общаться с Юрьевской, на что тот возмущенно заявил: «Попрошу не забываться и помнить, что ты лишь первая из моих подданных». Так с некогда любимой Минни Монарх никогда еще не позволял себе разговаривать…

В конце августа 1880 года император отбыл в Ливадию. Перед отбытием «настоятельно попросил» Цесаревича приехать к нему с семьей. Сын обещал. Обсудив ситуацию, Александр и Минни пришли к заключению, что во имя мира в Императорской Фамилии они должны смириться и беспрекословно выполнять волю Монарха. Они уже знали, что Юрьевская с детьми впервые открыто поехала в Царском поезде, хотя о браке Императора наверняка знал лишь ограниченный круг лиц.

Через три недели после отъезда Императора в Крым выехала семья Цесаревича. Александр и Мария тешили себя надеждой, что Государь сдержит обещание и не будет навязывать им общество своей новой семьи. Дорога была длинной. От Петербурга до главной военно-морской базы Русского флота на Черном море – Севастополя – ехали в поезде почти двое суток. Затем плыли на пароходе. Всю дорогу одна тема занимала. Терялись в догадках, не хотели верить плохим предчувствиям. Ситуация сразу же стала проясняться по прибытии в Ялту.

На причале встретил Александр II. После первых приветствий и поцелуев он огорошил заявлением, что княгиня нездорова и не могла приехать на встречу. Мария Федоровна не знала, как реагировать, а лишь спросила: «Как же я могу с ней видеться, если ваш брак содержится в тайне?»

Императора вопрос не смутил, и с видом беспечного ребенка он заявил: «О, здесь так трудно что-либо скрыть, моя свита не может ничего не знать». – «Но моя-то совершенно ничего не знает, потому что я верно хранила доверенную мне тайну», – возразила Цесаревна и разрыдалась к неудовольствию Императора. Пока ехали в экипажах из Ялты в Ливадию, Цесаревич и Цесаревна не проронили ни слова. Но испытания только начинались.

Войдя в Ливадийский Дворец, прибывшие были встречены Юрьевской и ее детьми: сразу стало ясно, что она во Дворце – полноправная хозяйка. И это в доме, который так долго, любовно и заботливо создавался покойной Императрицей, где все было пронизано воспоминаниями о ней, где кругом находились ее портреты и личные вещи! Цесаревна испытывала стыд перед слугами, ей казалось, что все они возмущены и опечалены происходившим.

Беззаботной была лишь новая хозяйка. Да и Императора

вполне устраивало всё, и он не чувствовал неловкости и двусмысленности сложившейся ситуации. Трудно было не заметить, что Монарх страстно любит эту женщину и находится под сильным ее влиянием. Не замечал даже бестактностей по своему адресу, которые всем остальным бросались в глаза.

«Эта Катрин» на людях говорила ему «ты», могла, без стеснения, прервать его на полуслове, и Монарх принимал все это как должное! Александр держался, как мог, а его жена плакала чуть не каждую ночь, и однажды «эта женщина» позволила ей, Цесаревне, сделать замечание, что у нее «почему-то по утрам красные глаза!».

Поводы для слез возникали постоянно. Как можно было сдержаться, когда видишь собак, лежащих в кресле покойной Царицы; как можно было сохранять самообладание, когда за семейном обедом княгиня по любому поводу начинала учить и давать советы.

Раздражали и эти ужасные дети, эти «бастарды»! Они совершенно невоспитанны и ведут себя «как в конюшне». Особенно досаждал старший, Георгий, «их Гого». Редкий день он не выделывал что-нибудь такое, от чего хотелось встать и выйти из Дворца навсегда. Он все время лез то к Императору, то к матери, то к ее Ники. Никакой управы на него не было. Мария Федоровна не могла не заметить, что Император с неподдельной нежностью и лаской относился к нему, с какими никогда не относился к законным внукам.

Невольно просыпались в душе какие-то смутные опасения, всплывали в памяти, как казалось, совершенно абсурдные слухи о том, что Император со временем намерен короновать Юрьевскую и сделать этого самого «Гого» Наследником. Конечно, подобный шаг мог сделать лишь безумец. Это привело бы к катастрофе, к распаду всех основ, к трагическому расколу не только Династии, но и всей Империи. Об этом страшно было и подумать. Самодержец не сможет подобного совершить.

Но, с другой стороны, то, что казалось абсурдным в Петербурге, здесь, при каждодневном общении, не виделось столь уж нереальным. Царь, несомненно, полностью закабален, почти лишен воли, и «эта дама» может заставить его сделать всё что угодно.

Особенно нестерпимым для Марии Федоровны являлось то, что подобное неприличие разворачивалось на глазах ее детей. Она горько сожалела, что послушалась мужа и привезла их в Ливадию. Какое воздействие подобное зрелище окажет на них, в первую очередь на старшего, Николая, которому исполнилось двенадцать лет и он уже многое видел и понимал? Мария

Федоровна воспитывала его честным и правдивым человеком. Теперь же ей самой приходилось лукавить, а иногда и просто лгать, объясняя происходящее.

Уже на первом семейном обеде Юрьевская так по-амикошонски вела себя с Императором, что мальчик спросил: «Эта дама нам родственница?» Мария Федоровна обомлела и рассказала сыну сочиненную наскоро историю о том, что Император женился на вдове и усыновил ее детей.

Матери показалось, что Ники ей не поверил, так как тут же последовал новый вопрос: «Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все». Позднее он сказал своему гувернеру: «Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмыслить, чтобы понять». У Цесаревны разрывалось сердце от горечи и досады.

Александр II забыл об обещании «не навязывать общество княгини» и всячески старался сблизить родственников. Но тут уж проявила характер Мария Федоровна. Она мирилась, когда их ставили в оскорбительные ситуации, но интересы детей для нее были выше собственных амбиций. При молчаливом поведении мужа она встала на защиту своего потомства и выиграла это тяжелое сражение. Вернувшись в столицу, цесаревна поделилась с одной доброй знакомой «незабываемыми впечатления» от отдыха в Крыму.

«Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать. Чтобы избежать этого отвратительного общества, мы часто уходили в горы на охоту, но по возвращении нас ожидало прежнее существование, глубоко оскорбительное для меня. Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вдохнуть.

Так или иначе, я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали как бы между прочим, пытаясь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и Императором разыгрались тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к дедушке поздороваться.

Однажды в воскресенье перед обедней в присутствии всего общества он жестоко упрекнул меня, но все же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила мне, что

не понимает, почему я отношусь к ее детям, как к зачумленным».

Цесаревна не осуждала мужа, который, стиснув зубы, наблюдал за происходившим. Ей было жаль его – большого, сильного и такого беспомощного, – страдавшего не меньше, но мало что высказывавшего вслух. Она видела, как он усердно молился, как был задумчив и печален все дни и знала, что он никогда не пойдет против воли отца. Она же будет с ним, чтобы не случилось потом. Саша ей дороже жизни. Его судьба – это и ее судьба тоже.

Ливадийская пытка продолжалась два месяца, и в ноябре Александр и Мария вернулись в Петербург. Они были разбиты морально и физически, но следовало вернуться к своим «церемониальным повинностям».

14 ноября наступил день рождения Марии Федоровны. Ей исполнилось 33 года. В Аничковом Дворце состоялся торжественный обед, прошедший в траурной атмосфере. У некоторых присутствующих возникло впечатление, что они находятся на панихиде. Фигурально говоря, так оно и было: не хватало лишь физического покойника. Но было прощание с прошлым, с дорогими воспоминаниями и чертами жизни, которым вряд ли найдется место в будущем, становившемся непредсказуемым. Все это понимали.

В декабре Цесаревич Александр послал письмо брату Великому князю Сергею Александровичу, находившемуся в Италии. В послании излил душевную боль.

«Про наше житье в Крыму лучше и не вспоминать; так оно было грустно и тяжело! Столько дорогих незабвенных воспоминаний для нас всех в этой милой и дорогой, по воспоминаниям о милой Мама́, Ливадии! Сколько было нового, шокирующего! Слава Богу, для вас, что вы не проводите зиму в Петербурге[49]; тяжело было бы вам здесь и нехорошо! Ты можешь себе представить, как мне тяжело все это писать, и больших подробностей решительно не могу дать ранее нашего свидания, а теперь кончаю с этой грустной обстановкой и больше никогда не буду возвращаться в моих письмах к этому предмету. Прибавлю только одно: против свершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет. Нам остается одно: покориться и исполнять желания и волю Папа́, и Бог поможет нам всем справиться с новым тяжелыми и грустными обстоятельствами и не оставит нас Господь, как и прежде!»

Единственная дочь Царя герцогиня Эдинбургская отправила из Лондона отцу резкое письмо, где написала беспощадные слова: «Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к Мама́, сумели бы однажды простить Вас». Александр II был

расстроен и говорил потом, что не ожидал от Мари такого удара.

Царь со своей новой семьей возвратился из Крыма в конце ноября, и сразу в Зимнем Дворце возобновились вечера и приемы. Раньше за право участвовать в таких собраниях избранных боролись; теперь же многие страшились получить приглашение. Некоторые находили в себе мужество, сославшись на болезнь, не являться, другие же – в тоске и печали – вымучивали положенное время во Дворце и потом долго приходили в себя от всего виденного.

Стали циркулировать упорные слухи о подготовке к коронации Юрьевской, причем некоторые при дворе уверяли, что уже даже заказан вензель для новой императрицы «Е.III» (Екатерина III). Терпение Наследника явно истощалось и он однажды прилюдно заявил, что мечтает «удалиться куда угодно, лишь бы не иметь больше ничего общего с этой кабалой». Александр сочувствовал отцу, считал, что его заманили «в сети», сделав «неспособным» выбраться оттуда. Наблюдая жизнь Монарха каждодневно, Цесаревича не оставляло чувство жалости по отношению к отцу.

В начале февраля 1881 года писал брату Сергею в Италию: «Как жаль бедного Папа́ во всем этом, ты себе представить не можешь, и как надо быть осторожным, чтобы нехотя его не обидеть, потому что он обращает внимание на самые мелочи, на которые прежде и не думал обращать внимание! Ах, вообще так тяжело и грустно и столько бы можно было написать об этом, но нет возможности всего пересказать. Зимний Дворец наводит такую грусть и такую скуку, что выразить нельзя и бедный Алексей, который теперь один живет там, просто иногда в отчаянии, и не знает, куда деваться; ваше возвращение будет для него истинным утешением и радостью».

В конце февраля 1881 года начался Великий Пост. По православной традиции в пятницу, накануне исповеди, все просили друг у друга прощения. Александр не выказывал своеволия, вел себя внешне как полагается, Мария же Федоровна не смогла с собой совладать. Быстро стало известно, что Цесаревна проявила своеволие и, встретившись в Юрьевской, отделалась лишь рукопожатием, но не обняла и прощения не попросила.

Царь был взбешен и устроил Марии Федоровне разнос, потребовал от нее «соблюдать приличия» и «не забываться». Александр II был уверен, что кругом одни интриги и у него стало складываться впечатление, да и дорогая Катрин о том не раз говорила, что и его невестка в том замешана.

Однако совсем неожиданно Мария Федоровна проявила

удивительную кротость и во время обличительной Царской тирады не проронила ни слова. Когда обвинительный монолог завершился, она подошла к Александру II и попросила у него прощения «за то, что обидела его».

Император был тронут до слез и сам попросил прощения у невестки. Обстановка разрядилась. В день причастия, 28 февраля, Монарх сказал своему духовнику Ивану Бажанову: «Я так счастлив сегодня – мои дети простили меня!»

1 марта 1881 года пришлось на воскресенье. По давно уж заведенному порядку, в этот день Император присутствовал на разводе караулов в манеже. Утром он принял некоторых должностных лиц, затем, прослушав обедню и позавтракав, зашел проститься с Юрьевской, сказав ей, что вернется около трех и тогда «если хочешь, мы пойдем гулять в Летний сад».

В огромном Михайловском манеже церемония не заняла много времени. Уделив несколько минут беседам с послами Германии, Австрии и Франции, присутствовавшими тут же, Царь заехал ненадолго в Михайловский дворец к своей кузине, Великой княгине Екатерине Михайловне (в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая), где наскоро выпил чашку чая. В начале третьего пополудни отбыл в Зимний Дворец.

Царскую карету сопровождали шесть казаков на лошадях, а один располагался на козлах. За каретой в двух санях ехали офицеры полиции. Через несколько минут кортеж выехал на Екатерининский канал и двинулся вдоль решетки сада Михайловского Дворца. Это место было малолюдным, и только несколько одиноких фигур маячило на всей перспективе. Вдруг раздался страшный взрыв.

Когда рассеялись клубы дыма, то перед глазами предстала страшная картина. На тротуаре лежали убитые наповал мальчик-прохожий и два казака. Все кругом было залито кровью людей и лошадей. Царская карета была полностью уничтожена, но сам Император не пострадал. Он бросился к лежащим, хотя чины полиции умоляли его немедленно в санях отправиться во Дворец.

Царь не послушался, так как хотел увидеть схваченного анархиста, бросившего бомбу. В это время другой заговорщик, стоявший опершись на перила канала, бросил еще одну бомбу прямо под ноги Царя. Через мгновение все увидели Александра II лежащего на земле, всего в крови, а из разорванного в клочья мундира торчали раздробленные ноги. Зрелище было ужасающим.

Глаза Самодержца были открыты, но казалось, что он ничего не видит. Подоспевшему брату Великому князю Михаилу Николаевичу прошептал: «Скорее во Дворец, там умереть». Это

были последние слова, произнесенные пятнадцатым самодержцем из Династии Романовых.

Как только узнал о трагедии, Цесаревич помчался в Зимний. Следом туда прибыла Мария Федоровна с детьми. На парадной мраморной лестнице там и тут виднелись следы крови. Император лежал на кушетке в своем кабинете, около письменного стола, почти под портретом дочери Марии.

Глаза были закрыты, и мертвенно-бледный цвет лица свидетельствовал о безнадежном состоянии. Около умирающего суетились врачи, металась княгиня Юрьевская, отдававшая распоряжения медикам и прислуге. Старого протопресвитера Рождественского так трясло, что он с трудом держался на ногах, но успел причастить умирающего, в бессознательном состоянии сумевшего проглотить святое причастие.

В ранних мартовских сумерках 1 марта 1881 года Император Александр II испустил свой последний вздох и душа его отлетела. Когда лейб-медик Сергей Боткин (1832–1889) объявил об этом, то новый Император Александр III бросился перед телом отца на колени, рыдая навзрыд. Это был первый случай в жизни, когда он так открыто проявлял свои чувства на публике. Плакали и многие другие.

Затем новый Самодержец поднялся, увидел княгиню Юрьевскую, находившуюся в полуобморочном состоянии, подошел к ней и обнял. К телу усопшего начали подходить другие родственники, приближенные, высшие сановники Империи. Смерть Монаха сняла все возражения, затмила все прошлые обиды и неудовольствия. Императорская Фамилия, двор, огромная Россия искренне горевали по поводу безвременной кончины Царя.

Мария Федоровна плохо соображала, находилась, как в тумане, и потоки слез лились, не останавливаясь. Вслед за мужем распростерлась перед телом покойного. Поднявшись, подошла к несчастной княгине, обняла ее, и обе женщины стояли обнявшись и плакали. Горе их было огромным и искренним.

В тот момент это были только две женщины, сердца которых страдали. Но то было лишь кратковременным единением. С каждой минутой дистанция между ними все увеличивалась, делаясь непреодолимой.

Одна, теперь уже Царица, другая, потерявшая безмерно любимого, которой, может быть, не хватило всего «пяти минут», чтобы стать хозяйкой Трона. Мария Федоровна получила судьбу, которую по праву рождения и положения должна была иметь, а Екатерина Михайловна не дождалась того, на что могла рассчитывать лишь как возлюбленная Венценосца. Все встало на

свои места. Царем стал Александр III.

Александр III и Мария Федоровна на первых порах участливо отнеслись к Юрьевской и ее детям. Старые неудовольствия предавались забвению, княгиню окружили заботой и вниманием. Александр III разрешил ей говорить ему «ты», а Мария Федоровна навещала ее, безропотно уступала ей первое место на траурных церемониях. По решению нового Монарха за ней сохранялись апартаменты в Зимнем Дворце (позже ей была отведен «на вечные времена» отдельный дворец); она до конца дней своих обеспечивалась рентой из казны, составлявшей 100 тысяч рублей в год (в нынешних ценах это составляет приблизительно миллион долларов). Ей были оставлены все вещи и подарки, принадлежавшие ранее. Дочери могли рассчитывать на Царское приданое, а сын имел право получить образование за счет государства.

Вела же себя вдова слишком эпатирующе, чтобы можно даже во имя светлой памяти покойного Монарха долго сохранять расположение. В одном из своих писем княгиня заметила, что все время «находится в полусознательном состоянии». Во всяком случае, благовоспитанностью и тактом княгиня не блистала.

Юрьевскую обуревали страсти и желания, подаваемые с отталкивающей аффектацией. То она вдруг начинала претендовать на одну из Императорских резиденций, то требовала к себе внимания, «соответствующего вдове Императора», то выражала негодование, что ей «умышленно» не вернули «два канделябра», купленные ей покойным.

Она могла без приглашения, совсем неожиданно, примчаться в Аничков и устроить скандал придворным, не желающим ее пускать к Императору, «которому она обязана сообщать важные вести», а затем сетовала и негодовала «за непочтительное отношение». Постоянные претензии почти неизменно обосновывались ссылками «на волю Того, который ушел, но который с небес все видит».

Играя на сыновних чувствах, «друг Екатерина» часто просила Александра III о невозможном. Причем непременно ссылалась на желания умершего Монарха. Так случилось, когда она потребовала себе орден Святой Екатерины (им награждались представительницы Династии и в редчайших случаях другие дамы, но лишь за выдающие заслуги), а затем стала настаивать на зачислении ее сына Гого в Царскую роту Преображенского полка, «как того желал его Отец». Домогательства нежеланной родственницы не находили отклика в душе Александра III.

Екатерина Михайловна рассчитывала занять прочное место возле Трона, наивно полагая, что ее ухищрения и напор могут

изменить ситуацию, сделают ее «своей» в семье нового Царя. Но чем дальше, тем больше здесь она встречала холодное безразличие, лишь усугублявшееся ее претензиями.

После похорон Александра II Юрьевская недолго оставалась в Петербурге и скоро уехала за границу. Первые годы она нередко приезжала в Россию, и эти «вояжи» доставляли немало переживаний Венценосцам. Мария Федоровна позже рассказывала:

«Она полагала, что обладает неоспоримыми правами на нас. Но время сделало свое дело, и она не находила у нас ничего, кроме простого проявления вежливости. Тогда она стала закатывать сцены. Государь ей предложил заняться воспитанием сына, она в ответ дошла до того, что заявила, будто он не заслуживает ее доверия из-за своего отношения к ней. Она была так груба, что даже я позволила себе сказать ей несколько нелицеприятных слов, чтобы напомнить, сколько мы перестрадали из-за нее.

В один из своих приездов в Россию княгиня заявила нам, что, как только ее дочери подрастут и станут выезжать в свет, она вернется в Петербург и станет давать балы. Эта затея ничуть мне не улыбалась, так как я предвидела, какие неприятности нас могут ожидать. Я ничего не ответила, но Государь, следивший за разговором, вмешался и произнес всего одну короткую фразу, которая подействовала на мечтания княгини, как ушат холодной воды. «На Вашем месте, – сказал ей Государь очень спокойным тоном, – вместо того чтобы давать балы, я бы заперся в монастыре».

Молодая вдова вела себя совсем неучтиво как по отношению к русской Императорской Фамилии, так и по отношению к памяти своего покойного мужа. Оказавшись в Берлине, она решила нанести визит Императору Вильгельму I (дяде покойного Царя) и «просить благословения для своих детей». Старый Кайзер демонстративно ее не принял, передав через адъютанта, что «не имел понятия, что Император Александр был второй раз женат», хотя в свое время и получил сообщение о том от убитого русского племянника.

Обосновавшись во Франции, на Лазурном Берегу, княгиня-вдова жила широко. Вояжировала по Европе, везде останавливалась в лучших отелях, устраивала приемы, содержала свой двор. Было ясно, что 100 тысяч рублей в год для такой жизни недостаточно.

Бывший начальник III Отделения, а затем посол в Лондоне граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889), имевший знакомства в европейском банковском мире, узнал достоверно, что

Юрьевская имела на своих счетах в банках Лондона и Парижа несколько миллионов.

Часть этой суммы составляли капиталы Императора Александра II, а другая часть – «подношения» фаворитке от железнодорожных магнатов за оказанное содействие в получении концессий. Александра III угнетало то, что Юрьевская «марает» имя Его Отца.

Ее жизнь за границей окружал ореол скандала. Рассказывали, что она с помощью одного французского журналиста, некоего Лаферте, издала книгу воспоминаний, где содержалось много интимных подробностей о ее отношениях с Александром II. Естественно, что это сочинение попало и в Россию, где и циркулировало в придворных кругах. Хотя «неприличие княгини» все и осуждали, но писания читали с жадным интересом.

Еще рассказывали, что несостоявшаяся Екатерина III открыто сожительствует со своим врачом, с которым без стеснения появляется на публике, что когда умерла любимая собака Царя, черный сеттер, то додумалась похоронить ее на кладбище французского города По, установить надгробие, где было начертано: «Здесь покоится Милорд, любимая собака Императора Александра II. Памятник ей воздвигнут неутешной вдовой». (Это было похоже на анекдот, но Царю рассказывали об этом люди, видевшие сей немыслимый монумент.) Много и другого сообщали.

Александр III знал, что похождения Юрьевской служат темой пересудов в высшем свете, понимал, что нежеланная родственница оскорбляет память об Отце, но сделать ничего не мог. Он никогда на людях не высказывался критически по поводу княгини, но среди своих не раз в сердцах называл ее «дурой».

Княгиня Юрьевская прожила после смерти супруга долго: она скончалась на юге Франции, в Ницце, в феврале 1922 года, где и была похоронена. К тому времени давно уже не было в живых Александра III, был убит вместе с семьей Последний Царь Николай II. Да и той страны под названием Россия, которую Екатерина Михайловна знала, где родилась, выросла, где обрела любовь-судьбу и где чуть было не стала царицей, той страны уже не было на карте. Появилось некое новое «красное царство», где беспощадно истреблялось все, что было связано с прежней жизнью.

Но еще задолго до падения монархии Екатерина Михайловна перестала бывать на родине. Она там была никому не нужна. Старость она встретила на удаленной вилле, в окружении мемориальных реликвий, связанных с Александром II. Его портреты, письма, его личные вещи скрашивали одиночество

старой женщины, превратившейся в живой реликт давно минувшей эпохи.

Глава 21. «Дорогая Душка!»

В кругу людей, с кем приходилось проводить время Императору Александру III, самым желанным и дорогим неизменно оставался только один человек – супруга Мария Федоровна.

Чувства Александра к его «душке-жене» не поблекли со временем. С годами они приобретали лишь новые оттенки, раскрывались неведомыми в молодости широтой и глубиной. Ни минуты не сомневался, что именно «дорогой Минни» он нужен всегда не как повелитель, а как человек. Что бы ни случилось, она-то никогда не оставит. Она навсегда осталась не только его единственной женщиной, но самым дорогими утешением в жизни.

Привязанность к жене с годами лишь возрастала. Последние годы они разлучались редко, но не надолго. Но эти недели и даже дни казались вечностью. Они так медленно тянулись. Разлука становилась пыткой. Ждал письма от нее, как пылкий юнец, и когда выдавался день без весточки, то настроение портилось.

Послания от Марии читал по нескольку раз, изучал во всех деталях. Непременно душевно радовался, хотя ничего существенного супруга не сообщала. Так, какие-то житейские мелочи. Но всё, что было с ней связано, умиляло. Почерк у супруги неважный, всегда скоропись, сокращения, помарки. Нередко приходилось просто расшифровывать «милые каракули». Видно, опять куда-то спешила!

Ей всегда недоставало времени, постоянно устремлена на какие-то встречи, беседы, занятия. То уйдет на полдня на каток (в её-то возрасте!), то отправится смотреть какую-то оранжерею, то несколько часов к ряду проведет среди сироток в детском приюте, а то начнет болтать о пустяках с какой-нибудь своей приятельницей. Их у нее всегда имелось в избытке среди родни и придворных.

Супруг не переставал поражаться: неужели интересно битый час говорить о том, кто был в каком туалете на недавнем балу? И ведь это мать семейства, жена, Царица, наконец! Сколько в ней еще ребяческого, наивного. Чуть ли не всем верит на слово и скрывает от него проступки прислуги, чтобы не последовало наказания. Какая у неё добрая душа и какое любящее сердце!

Хоть и ворчал, иногда и подтрунивал над женой, но Александру всё время не хватало её общества. Он был снисходителен к ней, как только и может быть влюбленный. Когда она уезжала, то следил за тем, чтобы ее комнаты не

потеряли жилой вид. Их убирали и отапливали, как всегда, и во всех вазах непременно стояли цветы, так любимые хозяйкой. И он приходил сюда каждый день и нередко сидел подолгу в одиночестве.

Дети скрашивали жизнь. Но и здесь не все было благополучно. У сына Георгия, их «Жоржи», в 1891 году врачи диагностировали начальную форму туберкулеза легких. Его осматривали лучшие специалисты в России, показывали и европейским медикам. По их рекомендациям родители отправили сына в высокогорное местечко Абас-Туман на дальнем юге России, почти на границе с Турцией. Бедный юноша там скучал. Отец был так занят своей «царской работой», что не мог надолго отлучаться из столицы. Мать же регулярно наведывалась к нему и одна, и вместе с дочерью Ксенией и сыном Николаем.

Мария Федоровна имела немало и других «адресных обязанностей». Необходимо было навещать отца с матерью в Дании, своих многочисленных родственников в различных других местах Европы. Все эти понятные и необходимые вояжи всегда расстраивали Александра III. И хотя жена писала часто, а телеграфировала каждый день, но живого общения это заменить не могло. Мир без Минни для Александра становился серым и неинтересным.

Он ей тоже часто писал. Хотя не мастак был «чувства складно излагать на бумаге», но всегда сообщал о своей тоске, о том, что любит и ждет. Непременно подписывал послания или «Твой верный друг Саша», или – «На всю жизнь твой от души Саша».

«Моя милая душка Минни! Нам с детьми очень, очень скучно и грустно без тебя, и Гатчина совершенно изменилась без твоего присутствия здесь, все не то! Твой маленький кабинет весь в цветах, и вазы все со свежими букетами» (13 мая 1884 года).

Он не сообщал ей о государственных делах, знал, что они ей интересны быть не могут. Времяпрепровождение с детьми, свои семейные дела и заботы, встречи с родственники, всякие забавные случаи – вот что Минни должна знать в мельчайших подробностях; о подобных же вещах и она всегда подробно ему писала. Ему без супруги даже родственников видеть не хотелось, но уклониться не мог. Никуда от родни не деться!

Горькие чувства овладевали, когда какую-нибудь знаменательную дату отмечали не вместе. Там произошло в 1884 году, в первую годовщину их Коронации, состоявшейся в Москве годом раньше.

«Милая моя душка Минни! Благодарю тебя очень за твое длинное и интересное письмо, которое наконец получил вчера вечером и которого я ждал с большим нетерпением. Вчерашний

день, 15 мая, счастливейший день по воспоминаниям о том, что было в Москве год тому назад, и вечное благодарение Господу, благословившего этот священный день для нас и всей России, которая с таким трогательным участием и вниманием ждала и встретила это великое событие для нас и доказала всей изумленной и нравственно испорченной Европе, что Россия самая святая, православная Россия, которой она была и при Царях московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно! Так грустно и тяжело было этот чудный, по воспоминаниям и ощущениям день провести без тебя и знать, что ты далеко от нас, конечно, только расстоянием, а не мыслями и чувствами, потому что я уверен, что ты перечувствовала все то же самое, что и я во время благодарственного молебна».

Он читал и перечитывал листки посланий он Минни, ему порой казалось, что он ей уж и не очень нужен. «Кажется, что мои письма прескучные или что ты так поглощена твоим семейством и радостью быть с твоими, что мы, бедные, оставшиеся в Гатчине, уже забыты. Я заключаю это из того, что про мои письма ты ничего не пишешь и только благодаришь за получение их… Это предпоследнее мое письмо, еще пошлю последнего фельдъегеря в среду 23 мая, а потом, Бог даст, увидимся наконец с тобою, моя милая душка Минни. Так грустно и скучно без тебя. Тебе было весело и приятно все это время, а нам скучно и неприятно. Разница большая!» (18 мая 1884 года).

Мария Федоровна знала, что Саше без нее грустно, что ему нужна ее поддержка. Но что она могла сделать? Если бы себе только принадлежала, то никогда бы со своим обожаемым супругом не разлучалась. Но ведь в мире у нее столько обязанностей, и Саша это знает. Она обязательно писала ему о своей любви, о том, что он самый дорогой и желанный. «Навеки твоя» – так непременно и завершала послания. Он знал, что это правда, но все равно хотелось то слышать снова и снова.

В мужском сердце женская нежность обязательно вызывала новый прилив подобных же чувств. «Моя милая душка, собственная моя маленькая жена!» В этих кратких словах был весь Царь Александр III: простой, немногословный, преданный и честный. Не умел витиевато на бумаге выразить то, что на душе. Такое удавалось, лишь когда вдвоем оставались…

Хотя расставались далеко не каждый год, но все разлуки казались «постылыми». Уныние овладевало, как только его Минни скрывалась из вида.

«Вот опять мы расстались и снова приходиться мне писать! Очень грустно и пусто здесь без тебя, и Гатчина совсем не то, что было; все на месте, а все-таки все как во сне, да вдобавок и погода

несносная: ясно, солнце, а холод страшный и всего 7 градусов в тени, а на солнце более 11 градусов не поднимается. Наше прощание и отъезд из Москвы до сих пор не забыл, так было грустно и тяжело разъезжаться в разные стороны и на такое огромное расстояние…

Твою телеграмму из Севастополя я получил в 3 часа; воображаю, какая радость была встретиться, наконец, с Жоржи и как он был счастлив увидеть, наконец, тебя и Ксению. Так тяжело и грустно не быть с вами в эту счастливую минуту, с нетерпением жду минуты свидания с милым Жоржи, а теперь, пока вы счастливы и рады, я грущу и тоскую здесь один! Какое счастье, что Миша и Ольга со мною, а то было бы невыносимо» (24 мая 1891 года).

Через два дня отправил новое письмо, наполненное все теми же меланхолическими чувствами:

«Жду с нетерпением твоего первого письма, но не знаю, когда получу его. Скучно и пусто без тебя здесь и весь день как-то иначе, все не то – отвратительно оставаться одному и опять быть в разлуке с тобой, милая душка Минни. Комнаты Ксении тоже наводят на меня тоску, каждый день проходу по ним к Мише и Ольге и так все пусто и безмолвно. Несмотря на то что у меня теперь больше свободного времени, я не могу покончить с массой бумаг и чтения и ложусь спать почти всегда в 1/2 4, а часто с чудным восходом солнца прямо в мои комнаты».

Апрель и май каждого года навевали на Александра грустные мысли. Всегда. Столько всего высвечивалось в памяти навеки незабываемого: смерть Никса в Ницце 12 апреля, смерть и похороны Мама́, рождение и смерть их второго сыночка Александра (20 мая и 20 апреля)… Они непременно с Минни молились за упокой душ усопших, но ноша воспоминаний Царю всегда была тяжелее, когда не было рядом Минни.

«Сегодня с утра получил я твою телеграмму, и мы совершенно сошлись в мыслях: я именно еще утром думал о грустном сегодняшнем дне, который только раз был радостный и счастливый и ты именно то же самое мне пишешь. Да, эта рана, которая во всю нашу жизнь не вылечивается и с каждым годом более и более раскрывается и ноет! Да, когда подумаешь, что нашему ангелу Александру было бы теперь уже 22 года, когда подумаешь, что все три старших мальчика были бы вместе, почти одних лет, и никогда его больше не видеть с нами в сей жизни, просто душа разрывается от отчаяния и грусти! Но и за то как не благодарить Господа, что Он его младенцем взял к себе обратно, т. е. прямо в рай, где, конечно, он молится за нас и вместе с тем нашим ангелом-хранителем. Все же грустно и тяжело! Да будет

воля Твоя, Господи!»

Младшие дети служили отрадой. Без них вообще не знал, как бы смог прожить хотя бы месяц без Минни. Они целый день были поблизости, нередко вторгались в самый неподходящий момент. То после доклада министра, когда Монарху надо было поставить резолюцию, что на столе у Императора, где всегда царил образцовый порядок, не осталось ни одного карандаша («Опять Мишка утащил!»). Потом выяснялось, что, несмотря на «пропасть прислуги», в Гатчинском Дворце тот умудрился исчеркать карандашами двери одной из гостиных.

То в тот момент, когда правитель обсуждал с сановниками важные государственные дела, дверь кабинета неожиданно отворялась и перед опешившими подданными Государя проносился с криками младший сын с обнаженной детской саблей и скрывался за другой дверью, прежде чем отец мог издать хоть один звук.

Много и другого подобного случалось. Михаил был вообще «озорник, каких поискать». Отец «делал выговоры», но к своему «Мишкину» относился с нескрываемой любовью, которая лишь возрастала.

Ольга же вообще, казалось, так никогда не будет взрослой. Она отличалась такой резвостью, что даже Мишкина превосходила. Они ее с Минни иначе, как «беби», и не называли. В 1891 году, девятый день рождения Ольги, прошел без Марии Федоровны. Александр подробно описал свои чувства в этот «памятный день»:

«Сегодня после чаю дал Ольге подарки, мы были только втроем с Мишей, происходило у меня в кабинете. Беби до того была рада и счастлива, что кидалась на меня благодарить несколько раз, а потом от радости валялась на диване и на полу. Грустно и странно мне было быть одному в эту минуту. Какой счастливый и радостный был этот день в 1882 году, и именно всегда я так желал, чтобы кто-нибудь из детей родился в Коттедже (дворец в Петергофе. – *А.Б.*). Этот день я люблю бывать здесь.

Теперь пора кончать, уже 21/2 часов утра, и порядочно устал. Прости за каракули, но перо отвратительно, пробовал переменить – еще хуже. Скоро буду еще писать. Ольга была так довольна твоим письмом из Москвы, которое я ей привез, я забыл об этом написать. Она уселась у меня в кабинете на полу и читала про себя, пока я читал бумаги».

Ему так не хватало общества жены. Конечно, и когда не разъезжались, а жили вместе, то и тогда днем виделись урывками: на приемах, за завтраком, дневным чаем, обедом. Даже

Царские трапезы редко обходились без посторонних. Почти всегда присутствовал кто-нибудь из семейства, приглашенные из числа сановников, царедворцев или именитые иностранцы. Но все равно душа радовалась, что Минни рядом, и всегда знал, что ночью они будут вместе и только вдвоем. Разлуки отнимали эти отрадные надежды. Оставалось лишь ждать весточек и грядущей встречи, всегда долгожданной.

«Ужасно благодарю тебя за твое милейшее письмо, которое получил вчера, и за рисунки цветов, которые на этот раз очень удались, и так на письмах это хорошо и мило. Письма твои доставляют мне огромное удовольствие и пополняют мою одинокую жизнь, а вместе с тем я из них знаю все, что вы делаете и как проводите время».

«Целый день ждал телеграмму от тебя и ничего; очень грустно! Это первый раз, что целый день прошел без вести от тебя, душка Минни! Дай Бог, это последнее письмо и что после этого мы, наконец, увидимся. С нетерпением жду вашего возвращения; страшно скучно и грустно одному здесь. Что за чудная, светлая ночь, но пора кончать и ложиться спать» (5 июня 1891 года).

Прожив в браке двадцать восемь лет, Александр III относился к Минни не менее трепетно, чем в первые годы брака. Она теперь для него даже значила больше, чем раньше. Она стала для него опорой, надеждой, источником сил, которых с каждым годом становилось все меньше. Если его маленькой жены не было рядом, и представить не мог, как бы сумел без перерыва тащить этот страшно тяжелый груз государственных забот. Она относилась к жизни с таким восторгом, умела наполнить окружающий мир радостью. Везде видела светлое, никогда долго не грустила. Жизнь озарялась светом при ней. Он учился у нее жизнелюбию.

«Наконец, получил твое письмо из Абас-Тумана. Я ждал его с большим нетерпением и страшно благодарю за него; такое длинное и интересное, и оно доставило мне огромное удовольствие. Я вижу, что путешествие было довольно утомительно в колясках и сидеть так довольно скучно, а в особенности еще в скверную погоду и холод. Но теперь зато ты наслаждаешься с милым Жоржи и хорошей погодой, а в особенности спокойной жизнью и чудесным горным воздухом…

В твоих комнатах все устроено, как будто ты здесь; масса цветов и чудесных роз. На грядках перед нашими окнами все покрыто крокусами, что очень мило, но утки решили, что это совершенно излишнее украшение, вырывают из земли и съедают, несмотря на энергичное сопротивление городового, который их

отгоняет».

Дети вырастали, у них складывалась своя жизнь, возникали интересы и заботы, не ведомые отцу. Он это чувствовал и знал, что по-другому и быть не может. Понимая умом, сердцем не мог примириться и делился обидами с женой. В апреле 1892 гола он отправил ей в Абас-Туман обширное послание, где выплеснул все сокровенное, наболевшее:

«Ники все еще в Петербурге, что он делает, я не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивает у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь (в Гатчине) он скучает, не знает, что делать, а знать, что он остается здесь только по обязанности и видеть скучающую фигуру для меня невесело. С маленькими детьми гораздо лучше, и они, и я довольны, и нам отлично вместе».

Но закон жизни был неумолим, маленькие неизбежно становятся большими. «Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать дома, невесело родителям, да что же делать? Так оно в натуре человеческой». Какими бы они ни были учтивыми и любезными, между родителями и детьми встает часто незримая, прозрачная, но стена.

«Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний: разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а рад был бы ей сделать удовольствие, хоть в чем-нибудь. Например, в прошлом году зимою, когда Ники не было, я ездил с нею раза два-три кататься в санях и сказал ей, что, если и когда она захочет, чтобы сказала мне и я с удовольствием возьму ее с собой. Она ни разу не попросила меня.

В эту зиму я надеялся, что она хоть раз сделает мне удовольствие и попросит покататься с ней; нет, так я и не дождался. Наконец, я сам предложил раз поехать со мной, но неудачно, так как она должна была поехать с тобой в тот день. Я надеялся, что она мне скажет хоть что-нибудь потом, что ей жаль, что не удалось и что она попросит меня поехать с ней в другой раз, но не слыхал от нее ни единого слова, как будто я ей ничего не говорил.

Меня это очень и очень огорчило, но я не хотел об этом говорить потому, что мне было слишком тяжело, а главное – к чему? Если этого чувства ко мне у нее нет, это значит я виноват: не сумел внушить доверия и любви ко мне. Если бы ей сказал об этом, она может быть и попросила меня в другой раз поехать с ней, но это бы шло не от нее самой, и мне было бы еще тяжелее».

Раньше Ксения была любимицей. Александр так радовался,

когда после появления трех сыновей, родилась дочь. Она внешностью и осанкой напоминала мать. Правда, с годами это сходство почти сошло на нет, но отца расстраивало совсем не это. Старшая дочь почти игнорировала отца, а это было больно, ранило в самое сердце.

«Я должен сказать, что постоянно радовался и ждал того времени, когда она подрастет, чтобы я ней мог кататься, ездить в театр, увеселять ее, но ничего этого нет; только утром поздороваемся, а вечером – спокойной ночи и все! Умоляю тебя ей ничего об этом не говорить, будет еще хуже, так как будет ненатурально, а для меня еще тяжелее, и окончательно это ее оттолкнет от меня. Я бы ни за что не сказал тебе об этом, да так уж с сердца сорвалось, слишком долго держал в себе и теперь, так как я один и далеко невесело мне, все это и вырвалось из груди!»

Да и второй сын Георгий, раньше такой внимательный, последнее время начал вести себя иначе. Отец терялся в догадках, и хорошего настроения это не прибавляло.

«Жоржи меня ужасно огорчил в эту зиму, написал только одно письмо, и это было еще в ноябре, после Крыма. К моему рождению я не получил ни одной строчки от него; мало того, он пишет тебе одно письмо из Абас-Тумана в самый день 26 февраля, говорит, что едет в церковь, и ни одного слова поздравления или пожелания тебе и мне.

Все это меня мучило за эту зиму, которая и без того была невеселая, но я не хотел об этом говорить, слишком тяжело было, ну а теперь все равно сорвалось, так уж нечего делать. Вот из всего этого и выходит, что для меня только утешение и радости от Миши и беби, и дай Бог, чтобы это было всегда и на будущее время, хоть эти дети мои будут любить своего Папá и будут его утешением и радостью. Но довольно об этих грустных впечатлениях, что раз пропало, то не вернешь».

Мария Федоровна пыталась уверить, что он «напрасно так думает», что и Ксения, и Жоржи так о нем «ласково отзываются», призывала супруга «преодолеть меланхолию». Преодолеть не удавалось. Дети не услышали от своего отца ни одного упрека. Этот горький осадок он хранил в своем сердце, о том ведала лишь Минни. В ее любви и верности за все супружество ни разу не усомнился.

Только ради нее последние годы он выдерживал эту «муку адову» – зимние балы в Петербурге. Последний полный бальный сезон при Александре III был в первые месяцы 1893 года, когда веселились «как угорелые».

Брату Сергею царь писал 11 февраля 1893 года: «Прости, что так поздно отвечаю тебе, милый Сергей, на твое письмо, за

которое сердечно благодарю, но времени у меня свободного было немного на масленице, и мы все порядочно были утомлены невозможной неделью.

Как я счастлив наступлению Поста; просто наслаждение отдых, и можно опомниться, а то я чувствовал, как с каждым днем я тупел и все забывал, а ложиться спать часто приходилось в 5 часов утра! Мы все-таки, несмотря на короткий сезон, дали 4 бала в Зимнем Дворце, 1 – в Эрмитаже и 2 – в Аничкове. На масленой Алексей дал бал у себя, а кроме того был ещё на балу у французского посла Монтебелло».

В следующую зиму такого веселья уже не было. В январе 1894 года царь заболел «скучной инфлуэнцией», переросшей в пневмонию. Несколько дней его положение оставалось очень тяжелым, и у многих стали возникать мысли о трагическом исходе. На Аничков Дворец были обращены взоры и России, и Европы.

В Петербурге знали, что Александр III занимает комнаты на третьем этаже с видом на Невский проспект. Всё время болезни, продолжавшейся почти две недели, за дворцовой оградой можно было видеть группы публики, ждавшей известий. Другие же, проходя по главной улице столицы, останавливались, снимали шапки и крестились, глядя на окна дворца. Они желали всей душой выздоровления императору.

Больше всех переживала Мария Федоровна. Она всегда беспокоилась за здоровье Саши, но тем январем это беспокойство чрезвычайно усилилось. У него была высокая температура, беспрестанно мучил кашель. Старый лейб-медик Густав Гирш (1828–1907) успокаивал, говоря, что это инфлюэнца, но волнение не проходило.

По настоянию царицы были вызваны другие врачи, которых сначала не хотел видеть Царь. Но Мария Федоровна проявила такой напор, что Александр уступил и позволил себя осмотреть и прослушать. Мнение было единодушным: положение серьёзное, но не очень опасное. Однако обстоятельного обследования проведено не было, и врачи не разглядели острую форму сердечной недостаточности.

Потом вроде бы всё нормализовалось. Но, как оказалось, лишь на время.

Глава 22. Великокняжеские страсти

Тайное замужество в 1854 году дочери Николая I Великой княгини Марии Николаевны с графом Г.А. Строгановым положило начало эпатирующим семейным происшествиям в Доме Романовых. Самое известное из всех – женитьба в 1880 году Императора Александра II на Е.М. Долгорукой.

Однако в последние десятилетия существования Монархии произошли и другие громкие «любовные истории», сотрясавшие Династию. Только затухала одна, как возникала новая. Светские сплетники почти всегда имели в наличии очередной Великокняжеский «сюжет». Строгие законодательные правила и традиция престижа Императорской Фамилии неустанно подвергались испытаниям.

В 1874 году произошел вообще невиданный случай. Старший сын великого князя Константина Николаевича двадцатичетырехлетний великий князь Николай Константинович позволил себе такое, о чем потом все Романовы старались не вспоминать.

За три года до того он познакомился с американской кафешантанной певичкой и танцовщицей Фанни Лир, которая, как потом уверяли некоторые «знатоки», выступала в самых известных американских и европейских притонах и за деньги, без всякого стеснения, показывала публике «все женские прелести». Ей-то и «увлекся выше всякой меры» Николай Константинович.

Этот внук Николая I хоть и слыл с детства жестокосердным, но в учебе и образовании отличался несомненными способностями. Окончил с блеском Академию Генерального штаба, поступил за службу в лейб-гвардии Конный полк. В 1873 году участвовал в сложном Хивинском походе, окончившемся присоединением к России обширных территорий в Средней Азии. Прославился удалью и выносливостью. К своим 24 годам имел звание полковника.

Сердце же великокняжеского удальца полностью принадлежало «кафешантанной диве». Дама «свободного нрава» преподнесла великому князю такие «дары сладострастия», что тот просто потерял голову. Все было забыто: происхождение, положение, обязательства. На уме была лишь одна «мисс Фанни».

Он даже заказал в Италии мраморную статую своей ненаглядной. Изваяние обнаженной прелестницы украсило спальню молодого великого князя в родительском дворце. Николай Константинович с ранних пор увлекался коллекционированием произведений искусства, и появление

женского мраморного изваяния не удивило близких. Об отношениях сына с «моделью» они ничего не знали.

О происхождении американской искусительницы известно мало. Рассказывали, что истинное ее имя Хетти (Гетти) Эли (Эйли), что она была дочерью лютеранского пастора из Филадельфии. Когда ей еще не исполнилось шестнадцати лет, она сбежала из дома вместе с неким Кельвином Блекфордом, от которого родила ребенка. Вскоре ребенок умер, а затем сошел в могилу от беспробудного пьянства и муж.

Затем она «пошла по рукам», жила с различными мужчинами, заимела стойкую репутацию «шлюхи». В Соединенных Штатах XIX века, где господствовала бескомпромиссная пуританская мораль, подобного рода дамочки не чувствовали себя уютно. Их преследовала полиция, а общественное мнение воспринимало их как «отбросы рода человеческого».

Намучившись в «отсталой Америке», дочери пастора в конце концов удалось «вырваться на свободу»: она перебралась в Париж, где и стала Фанни Лир (или Лиер). Будучи яркой и привлекательной, «свободная американка» быстро обрела «покровителей». Появились деньги, и мисс Фанни даже купила особняк на бульваре Малерб. Говорили, что среди посетителей этого дорого притона находился и принц Уэльский Эдуард – будущий Английский Король Эдуард VII.

Счастье удачливой кокотки было полным, но недолгим. Политические «осложнения» разрушили этот парижский «уголок любви». Поражение Франции в войне с Германий в 1870 году и последующие социальные катаклизмы лишили Фанни Лир и клиентов, и особняка. Надо было срочно уносить ноги из «столицы мира». Но куда? Выбор пал на Россию.

В мире парижской профессиональной проституции русские «клиенты» котировались необычайно высоко. Они не были скаредными, всегда расплачивались необычайно щедро. К тому они отличались необычайной страстностью и питали какую-то необъяснимую тягу к парижскому «интимному шику». Все это «высокую профессионалку» Фанни вполне устраивало.

В Петербурге в 1871 году она и познакомилась с племянником Императора Александра II Великим князем Николаем Константиновичем. Позже, когда «русская история» завершилась, «мисс Фанни» издала книгу о своих похождениях в столице Российской Империи, которая пользовалась у европейской публики большим интересом[50].

История ее отношений с Великим князем обычно и восстанавливается по этому «документу», который больше походит на авантюрный роман, переполненный различного рода

фантастическими сведениями и мифическими утверждениями. Однако другого «голоса очевидца и участника» уже не будет.

Если верить кокотке, то познакомилась она с Великим князем на бале-маскараде. Не теряя времени, Фанни той же ночью затащила Николая Константиновича к себе в кровать в одном из отелей Петербурга. А поутру якобы Великий князь захотел, чтобы парижская шлюха стала «его женушкой». Так или иначе, но отношения между внуком Царя и «актрисой» продолжались около двух с половиной лет и закончились грандиозным скандалом, невиданным в истории Империи[51].

Николай Константинович взял американку на полное содержание. Он путешествовал с ней по Италии и Франции, причем по самому высшему классу, под Петербургом снимал для нее на лето дачу, а в самой столице – особняк. Внук Императора осыпал свою «сильфиду» подарками, возил по самым дорогим ресторанам, устраивал изысканные пикники и прогулки. Даже в январе букеты живых роз каждое утро доставлялись к ней. При каждой встрече дарил драгоценности, до которых алчная американка была весьма охоча.

Денег на подобное мотовство не хватало. Первое время занимал, где придется. Ему давали. Трудно было отказать: внук Императора, да к тому же обещал вернуть с процентами. Но так как Николай Константинович возвращать не спешил, то вскоре кредит иссяк. Великому же князю денег требовалось много и впредь: у него возникло тайное намерение бежать со своей возлюбленной за границу и там обвенчаться. Пассия великого князя, имевшая стойкую репутацию куртизанки, готова была бежать куда угодно и с кем угодно, лишь бы ей платили. Князь Николай до поры платил…

С начала 1874 года в Императорской Фамилии начали происходить странные вещи. В Зимнем Дворце у Императрицы Марии Александровны после вечерних семейных собраний начали пропадать ювелирные украшения и безделушки. Потом стало известно, что в Мраморном Дворце пропали очень ценные изумрудные серьги – подарок Константина Николаевича своей супруге Великой княгине Александре Иосифовне. Инциденты не придавали огласке, хотя «тихие разбирательства» велись, но они не дали результатов. А потом «прогремел гром»…

В апреле 1874 года в самом центре Петербурга, в Мраморном дворце, семейной вотчине Константиновичей, «имел место факт святотатства»: была разорена семейная икона. Ее подарил в 1848 году Император Николай I в день свадьбы своего сына Константина, женившегося на Саксен-Альтербургской принцессе Александре (в России – Великая княгиня Александра Иосифовна).

Какой-то злоумышленник похитил из оклада Владимирской Божией Матери иконы крупные драгоценные камни, варварски разорив бесценную реликвию. Александра Иосифовна, склонная во всех загадочных случаях видеть «руку Провидения», после этого случая заболела. Она считала эту икону охранительницей семейного благополучия. Акт вандализма она восприняла как недобрый знак, суливший беду ее семье.

Ее же супруг, брат Александра II Константин Николаевич, узнав о том, рассвирепел, потребовал от шефа полиции провести тщательное расследование и выявить негодяя. В Мраморный Дворец понаехала полиция, начались дознания. За поимку преступника была назначена большая награда.

Икона висела в будуаре Александры Иосифовны, куда имел доступ ограниченный круг лиц: врач Великой княгини, придворные дамы и два камердинера. Естественно, туда могли заходить дети и супруг, но бросать даже тень на репутацию члена Императорской Фамилии никто не имел права. О том невозможно было и помыслить. Естественно, что служащие сразу же и попали под подозрение. Все они отрицали свою вину, и никаких улик против них не обнаруживалось.

Дело сразу же начало проясняться, как только расширили число опрашиваемых. Адъютант старшего сына Великого князя Константина Николаевича капитан Евгений Ворхоповский сделал убийственные признания. Оказалось, что Его Высочество Николай Константинович, при котором тот имел честь состоять, передал ему несколько крупных бриллиантов, приказав немедленно отправиться в Париж, где и продать их.

Капитан промедлил с отъездом, а после начала скандала об отъезде уже не могло быть и речи. Адъютант рассказал в деталях и о романе Великого князя с Фанни Лир. Выяснились такие подробности, что история приобрела государственный характер. Шеф полиции граф Петр Шувалов взял его под свое попечительство, и все материалы строго засекретили.

По закону полиция вообще не имела права проводить никаких дознаний и следственных действий по отношению к членам Династии. Как только возникли предположения о причастности Великого князя, то глава полиции обязан был немедля доложить Государю. Однако прежде он все-таки решил оповестить отца.

Одним из весенних вечеров 1874 года граф прибыл в Мраморный Дворец, где состоялась его беседа с Константином Николаевичем. В очень осторожных выражениях глава полиции поведал брату Царя, что есть указания на то, что именно его старший сын Николай замешан в хищении. Хозяин Мраморного

Дворца не произносил ни слова. Шувалов решил продолжить и заметил, что, понимая всю щекотливость ситуации, он предлагает ход: у него на примете есть один человек, готовый за деньги принят на себя вину Николая Константиновича.

Тут как прорвало. Константин Николаевич все уяснил и до конца не дослушал. Его сына Николу обвиняют в уголовном преступлении! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Великий князь сразу разглядел в речах Шувалова происки своих врагов, стремившихся опорочит его, второго человека в Империи, председателя Государственного Совета! Возмущению не было предела.

«Все это Вы изобрели лишь для того, чтобы распространять клевету о моем сыне, ваша жажда мести хочет его обесчестить. Я позову Николая, и посмейте в его присутствии повторить Ваши обвинения». Шеф полиции не собирался устраивать подобных разбирательств в столь неподходящей обстановке и немедленно откланялся.

Константин Николаевич тут же вызвал сына, который сразу же отмел все подозрения, назвав их «клеветой». Потом с отцом они долго возмущались, а Константин Николаевич решил, что Шувалов «мерзавец», которому его «подлость» не сойдет безнаказанно.

Шеф же полиции отправился к Царю, которого и оповестил о чрезвычайном происшествии. Александр II, выслушав доклад Шувалова, просто онемел. Обретя дар речи, стал задавать вопросы, выяснять, уточнять, и сомнений почти не осталось. Сын брата, его крестник, – вор и богохульник! Такого в истории Династии еще не случалось. Немедля вызвал Константина с сыном Николаем. Глядя племяннику прямо в глаза, спросил: «Ты это сделал?» И услышал в ответ тихое, но вполне различимое: «Да».

Если бы в тот момент земля разверзлась прямо под Зимним Дворцом, то, наверное, сыновья Николая I меньше были бы потрясены. Императора чуть удар не настиг. Красный, как кумач, Царь не нашел других слов, кроме одного: «Сумасшедший!»

Великого князя заключили под домашний арест, создана была секретная высочайшая тайная комиссия, призванная решить, что же делать с царским отпрыском.

События убыстрились, когда Царю доставили некий текст, то ли прошение, то исповедь, где, обращаясь к своему дяде Монарху, похититель драгоценностей восклицал: «Безумен я или я преступник? Если я преступник, судите и осудите меня, если я безумен, то лечите меня, но только дайте мне луч надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что вы

делаете, – жестоко и бесчеловечно».

И ни слова раскаяния, ни звука сожаления о содеянном! Александр II сам решил участь племянника: он был сослан под охраной сначала в Крым, затем в Оренбург, а потом и самый дальний угол Империи – в Ташкент.

Когда в 1881 году на престол вступил Александр III, то получил от своего двоюродного брата слезное послание, где тот просил дозволить вернуться, «чтобы поклониться праху незабвенного Государя» (Александра II).

Вначале новый Царь был склонен помиловать кузена Николу, разрешить ему вернуться. Но когда стал разбираться и выяснять, что тот делал и как себя показал, то благодушие улетучилось. Николай Константинович вел себя отвратительно. Поносил власть. Свою мать постоянно называл «дурой», обо всех прочих членах Династии отзывался не лучше и даже о нем, Императоре, говорил, что «у того ума не выше вершка». Александр III «собственноручно начертать изволил» ответ:

«Ты не достоин поклониться праху моего отца, которого ты так глубоко огорчил. Не забывай того, что ты покрыл нас всех позором. Пока я живу, ты не увидишь Петербурга».

Николай Константинович больше Петербурга так и не увидел. Почти безвыездно проживал в Ташкенте, пережил крушение Монархии и прислал даже по этому поводу радостную телеграмму А.Ф. Керенскому. Умер он от воспаления легких в начале 1918 года…

Когда случилась эта история с Николаем, осквернившим семейную икону, то мать, Александра Иосифовна, долго не могла прийти в себя. Потрясал сам факт участия ее Николы в таком возмутительном деле. Княгиня верила, что иконописный лик Богоматери охранял их семейный очаг, а что ждет их после случившегося? Страхи Великий княгини подтвердились, ничего хорошего впереди ей уготовано не было. Ее семейное счастье вскоре исчезло без следа…

Все оставшиеся годы жизни (а прожила она после «Николиной истории» тридцать семь лет) Великая княгиня никогда не забывала старшего сына. Портреты и вещи изгнанного украшали ее комнаты в Мраморном Дворце. Однако с ним самим больше встретиться не довелось. Старший сын ей не писал. Никогда. Сердце матери страдало от горя и печали, но, как член Царствующей Фамилии, она безропотно приняла волю Монарха.

Однажды, уже через шесть лет после тех несчастных событий, прошедшее напомнило о себе с неожиданной стороны. Принимая у себя американского посла в Петербурге, Александра Иосифовна вдруг услышала от него вопрос: «Что это за статуя стоит у Вас,

Ваше Высочество?» Княгиня ответила, что это статуя работы известного итальянского мастера. «Так это же американка!» – услышала в ответ. «Какая американка?» – задала совсем неуместный вопрос несмышленая Великая княгиня. «Вашего сына Николая!»

Александра Иосифовна чуть не лишилась чувств. После того светский разговор быстро был прерван, а статуя вскоре была отправлена в Ташкент. Отдавая подобное распоряжение, Великая княгиня не преминула заметить: «Пусть он там, в пустыне, наслаждается видом своей бесстыдницы»[52].

Но не только неприятности со старшим сыном мучили Александру Иосифовну. Через тридцать лет после замужества она окончательно поняла, что муж не имеет к ней никаких чувств. Но этого мало.

Константин Николаевич (1827–1892) уже давно имел связь с бывшей балериной Анной Кузнецовой (1847–1922), которая ему родила четверых детей. Обо всем сам рассказал супруге и призвал ее «соблюдать приличия». И это говорил человек, который отрекся от законной жены, которой обещал перед алтарем хранить верность до гроба, человек, которой когда-то любовно называя ее «моя Санни» («Солнышко»).

Теперь все пошло прахом. Забыта не только их любовь, но забыты и дети. Мать не знала, как им рассказать об этом, и ничего не говорила. Они были великодушны: ни разу не задали ни одного вопроса, хотя о второй семье Константина Николаевича знали в высшем свете если и не все, то очень многие.

Великий князь без стеснения ездил отдыхать с Анной Кузнецовой в Крым, прогуливался с ней в людных местах. Рассказывали, что он, представляя ее знакомым, говорил: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь – законная». В своем крымском имении Ореанда построил для второй семьи отдельный дом, где и проводил целые дни. Когда в 1881 году Константина отставили от государственных дел, то он вообще большую часть года там и проживал.

Санни же переехала в Павловск, под Петербургом, где и коротала свои безрадостные годы. В столицу приезжала ненадолго, только зимой. Великая княгиня не раз пыталась воздействовать на супруга. Рыдала, умоляла, заклинала Богом и детьми, один раз просто в ногах валялась. Со стороны же мужа встречала лишь безразличие, а порой и грубость. На Константина не действовали даже увещевания брата, Императора Александра II, просившего «опомниться». Все оказалось тщетным.

Когда молодая Альтенбургская Принцесса в свое время стала Великой княгиней, то считалась писаной красавицей, украшением

Фамилии. К пятидесяти годам от ее былой красоты не осталось и следа. Страдание стало ее уделом. Лишь молитва и забота детей подкрепляли.

Закат жизни неверного супруга Великого князя Константина Николаевича оказался печальным. Некогда грозный, почти всемогущий брат Александра II при Александре III утратил свое влияние. За несколько лет до смерти, последовавшей в полдень 13 января 1892 года, его разбил паралич. Пропала речь, почти никого не узнавал, двигаться без посторонней помощи не мог.

Князя перевезли в Павловск, где при нем бессменно находилась его «казенная жена», выполнявшая роль сестры милосердия. Александра Иосифовна все еще любила этого человека, доставившего ей столько горя. Императрице Марии Федоровне она однажды призналась, что в тяжелой болезни своего супруга видит «кару Божию».

В Павловске затворников навещали дети, а несколько раз Царь Александр III и Царица Мария Федоровна. Один из таких визитов в октябре 1889 года Александр III описал сыну Николаю:

«Поехали в Павловск к тети Сани, и, к нашему удивлению, дядя Костя пожелал нас видеть. Мы нашли его мало переменившимся. Он очень, по-видимому, обрадовался нас видеть, несколько раз обнимал и принимался плакать, а когда мы прощались, он вдруг вскочил и непременно хотел проводить нас до дверей. Говорить он ничего не может, правая рука и нога совершенно без движения, и вообще он делает страшно тяжелое впечатление».

Умер Константин на руках Александры Иосифовны. Через несколько дней после кончины его сын Константин Константинович записал в дневнике: «Мама́ опять провела день в моем кабинете. Она убита горем больше всех. А мы в течение 2 ½ лет успели приготовиться к мысли об этой утрате. Кажется, что мы лишились Папа́ еще в 89 году, когда его сразил недуг, приведший к могиле. С тех пор общение с ними почти прекратилось».

Семейная жизнь второго брата Александра II генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича (1831–1891) тоже была далека от праведной. В 1856 году он женился на Принцессе Ольденбургской Александре-Фредерике-Вильгельмине, получившей в России имя Великой княгини Александры Петровны (1838–1900). У них родилось двое сыновей: Николай (1856–1929) и Петр (1864–1931).

Жену свою Великий князь особо не любил, но первые десять лет относился с ровной учтивостью. Потом семейная жизнь становилась хуже и хуже, и в конце концов все «пошло кувырком».

Николая Николаевича сгубила страстность натуры и любовь к балету. Смелый рубака, грубоватый и порой бесцеремонный Великий князь, которого в Романовском кругу звали «Низя», в театре преображался. Лицезрение «воздушных фей» приводило его в состояние, близкое к экстазу. Была бы его воля, возможно, он бы стал театральным антрепренером, чтобы дни и ночи проводить в обществе «несравненных этуалей». Однако о таких занятиях можно было лишь грезить.

Николай Николаевич почти всегда после спектакля удалялся за кулисы, где с умилением проводил время в обществе раскованных и игривых созданий. «Богини сцены» были так желанны, так доступны. Он дарил им подарки, похлопывал без стеснения и щипал за самые аппетитные места. Они лишь повизгивали и смеялись. «Низе» было хорошо с «субретками». Он стал балетным завсегдатаем.

В Красном Селе под Петербургом, где в летние месяцы происходили лагерные сборы и учения гвардейских частей, Главнокомандующий Петербургским военным округом Великий князь Николай Николаевич распорядился построить большой деревянный театр, «для развлечения офицеров». По окончании дневных занятий, вечерами господа офицеры наслаждались там веселыми водевилями. Обязательно шли и балетные дивертисменты. Такие сценические действа очень нравились Главнокомандующему, и он был всегда самым преданным зрителем.

Свою жену Великий князь постепенно стал не просто не любить, а ненавидеть. Такая толстая, неповоротливая, ворчливая. После рождения сына Петра тяги к ней не испытывал. «Корова» только и называл, когда речь о супруге заходила.

На балетной сцене Великий князь узрел ту, которая вскоре перевернула всю его жизнь. Звали ее Екатерина, по фамилии Числова (1845–1889). Она была почти на пятнадцать лет моложе Николая Николаевича. Смешливая инженю вскружила голову Великому князю, и он «пал жертвой стрелы амура».

Первые годы она была такая ласковая, такая «жолли» (милашка). Ненаглядная Катенька «заключила князя в свои объятия», да так крепко, что генерал-фельдмаршал до самой ее смерти вырваться из них не мог. Он распорядился, чтобы в Красносельском офицерском театре образ его Катеньки был запечатлен в медальоне над сценой. Лишь через многие годы, при ремонте театра, выяснилось, что под изображением женской головки, известным нескольким поколениям офицеров, имелась подпись: Числова. Ранее об этой маленькой тайне красносельского театра знал лишь ее царскородный обожатель.

Числова бросила сцену и целиком занялась устройством «милого гнездышка», финансовое благополучие которого полностью легко на плечи Великого князя. В 70-х годах весь Петербург уже знал, что у брата Александра II появилась вторая семья. Его карету почти каждый день видели на Почтамтской улице, где в одном из домов обосновалась экс-балерина с семейством.

Жену Николай Николаевич совсем забросил и даже встречаться с ней не хотел. Когда же случались общественные события, надо было присутствовать вместе с супругой, то Николай Николаевич в таких случаях хоть и отбывал повинность, но на Александру Петровну даже не глядел. Она стала для него постылым и неодушевленным предметом. В конце концов обо всем узнал Царь.

Александр II, сам «опоенный любовным нектаром», сгоравший от любви к Долгорукой, по отношению к слабостям других был строг и непримирим. Когда ему доложили, что у брата Николая незаконная жена, незаконнорожденные дети (Числова родила от великого князя четверых), царя обуял гнев. Это все происходило не в среде трактирщиков, а в Императорской Фамилии!

Царь устроил нагоняй генерал-фельдмаршалу, а Числова была немедленно выслана из Петербурга в городок Венден (около Риги). Но возлюбленная фея недолго там прозябала.

Человек по духу сугубо военный, Николай Николаевич знал назубок, как молитву «Отче наш», правило: быстрота натиска и неожиданность атаки – залог успеха в сражении. В мирных условиях он решил прибегнуть к той же «тактике». Он публично обвинил Великую княгиню Александру Петровну в супружеской неверности. Но адюльтер требовал и второго виновного. И он был назван: духовник великой княгини протоиерей Василий Лебедев. Якобы тот на исповеди сам во всем признался.

Николай Николаевич проявил невероятную ярость, выгнал жену из своего Николаевского Дворца, отняв все драгоценности, в том числе и свои собственные подарки. Мало того, он лишил ее личных туалетов. Несчастная оказалась чуть ли не с котомкой побирушки прямо на улице. Слава Богу, нашлись сердобольные родственники, пригрели. Иначе бы впору было идти по миру чуть ли не в том, в чем мать родила.

Когда Александр II услышал обо всем том, то не стал выяснять достоверность, искать правого и виноватого. Вся эта «грязь» от начала и до конца вызывала лишь отвращение. Он отказался принимать Великую княгиню для объяснения и распорядился, чтобы та немедленно отправилась за границу «для

лечения» и без «особого уведомления» не появлялась больше в России. Все расходы по содержанию изгнанной Царь принял на свой счет.

Вскоре Александр II погиб, на престоле оказался Александр III, перед которым вся эта скандальная история и всплыла. Тетя Саша прислала новому Царю из Европы письмо:

«Прости великодушно, что я дерзаю беспокоить Тебя настоящим письмом. Милости ко мне Незабвеннейшего моего благодетеля велики, и Ты по своему благосердию повелеваешь продолжить таковые милости. К сожалению, здоровье не поправляется, ожидаемых благоприятных результатов нет. Мне хуже, чем было при отъезде. Пережито много весьма тяжелого. Ужасающая катастрофа 1-го марта. Это останется вечной раной сердца. Перед этим в январе, в Неаполе, во время посещения дяди Низи пережито то, что не желаю злейшему врагу и все это, и упадок сил все возрастающий, получаемый после нашего перехода, и притом сильнейшая тоска по родине, убивает последние силы.

Тянет и влечет на благодатную родину. Высказав все это, умоляю Тебя позволить мне возвратиться в Русь Святую и потихоньку, с помощью Божией, через Николаев и Одессу достигнуть Киева. Ты хорошо знаешь, что я сама по себе нищая, живу Царскими благодеяниями, стало быть, поселиться на осень и зиму в Киеве всецело зависит от Твоей воли и Твоих щедрот.

Жить в Петербурге при моем тяжелом недуге и при нестроении в нашем Доме, при моей слабости – гибельно, и доктор все еще не унывает, надеясь на восстановление параличного состояния обеих ног и правой руки. Да и левая очень слабеет.

Единственная надежда на исцеление – это покойная жизнь. Пожить в Святом Киеве для меня было бы душевною отрадою. Я слышала, что там есть незанятый дворец. Может быть, Ты благосердно примешь мою просьбу. Надеюсь, что хватит жизненных сил добраться до Киева, поклониться святыне. Все зависит от Тебя! Силы уходят, и мне более, чем кому-либо, надо помнить о смерти, и потому прошу Тебя любвеобильно выслушать вопль моего сердца…

Я взываю к Твоему благосердию. Пишу Тебе мое предсмертное письмо. Великое Тебе и Минни спасибо за Вашу ко мне дружбу. Да хранит Вас и деточек Небесная Владычица от всякого зла. Нежно обнимаю Вас, пишу насилу. Всем сердцем преданная Тебе Тетя Саша».

Царь позволил перебраться Александре Петровне в Киев. Там она основала Покровский монастырь, в котором в 1900 году и

скончалась…

Николай Николаевич, как только «разделался» с ненавистной «коровой», только и заботился, как бы вернуть из изгнания свою Катеньку. Смерть Александра II развязала руки. Александр III внял просьбе дяди, и Числова снова обосновалась в Петербурге. Она стала полноправной хозяйкой и в Николаевском Дворце в Петербурге, и в усадьбе Знаменка под Петергофом.

Но оставлять все как есть было нельзя, надо было как-то решать эти «несносные» матримониальные вопросы. Оба дяди – Константин и Николай – так просили узаконить положение «плодов любви преступной». (Рожденные вне церковного брака дети не имели никаких прав.)

В конце концов Александр III принял решение, порадовавшее «дядю Коко» и «дядю Низи». В 1883 году их гражданским женам и детям были пожалованы дворянские права и фамилии: Князевы (семье Константина Николаевича) и Николаевы (семье Николая Николаевича).

К тому времени старая привязанность Николаю Николаевичу явно наскучила; у него на примете появились новые «милашки» из кордебалета. Один раз на спектакле ему показалось, что вся стайка этуалей готова ему отдаться, и пятидесятипятилетний мужчина пережил страшное волнение. Но «ароматом закулисья» спокойно наслаждаться ему уже не пришлось. Его «несравненная» была начеку.

Числова не принадлежала к числу тех, кто безропотно принимает неблагоприятные обстоятельства. Она была не из светских (ее мать – кухарка), правила хорошего тона для нее не составляли преграды. «Катенька» устраивала Великому князю скандалы, гремевшие на весь Петербург.

Она зорко следила за тем, чтобы ее высокородный покровитель ни на шаг не приближался к театральному «розарию». Там полно кокоток, о том она точно знала, и какая-нибудь вполне сумеет закабалить «ее дурака». Пару раз она перехватывала игривые записки, и эти «улики» вызывали такие бури, которые Николай Николаевич с трудом пережил. Не стесняясь прислуги, Числова хлестала высоченного и беспомощного мужчину по щекам. Но этим «меры физического воздействия» не ограничивались. Еще она любила колошматить его своими туфлями и швырять в него фарфоровые предметы, некоторые из которых попадали в «бесстыжего».

Генерал-фельдмаршал не раз появлялся на публике с синяками на лице, происхождение которых не объяснял. Но в свете подноготную истории хорошо знали. Генеральша Александра Богданович в октябре 1888 года занесла в свой

дневник «последние новости», занимавшие столичный бомонд:

«Этой осенью – Николай Николаевич тогда выехал из Знаменки, распростился со всеми и переехал на ночь в Петербург – вдруг в ту же ночь прислугу Знаменки будят и говорят, что Великий князь вновь приехал с Числовой. Она направилась в его комнаты и в присутствии его камердинера Зернушкина стала вытаскивать все из столов, из комодов, бросать все на пол и кричать, что она найдет все, что ей нужно; что она должна удостовериться, есть ли у него любовные интриги. Зернушкин затем говорил, что жаль было смотреть на Великого князя, – он был сильно расстроен, все просил его собирать вещи, чтобы другие не видели этого беспорядка.

Теперь он запретил себе подавать письма, всю его корреспонденцию несут к ней, она за ним устроила целый строгий надзор. Великий князь рано встает, Числова – в 3 часа, и она ему не позволяет идти спать ранее 2 часов и долее, а если он уснет в кресле, она так сердиться, что заставляет его ложиться еще часом позже. Вот деспот! Как он все это терпит!»

«Несравненная любовь» продолжались еще целый год. Лишь в конце следующего, 1889 года пришло избавление. В тяжелейших муках 3 декабря умерла от рака пищевода Числова. Князь тяжело переживал потерю, плакал, заказывал заупокойные службы. Публику же особенно потрясло, что покойная бывшая балерина оставила огромное состояние: более миллиона рублей получили ее четверо детей.

Самому же Великому князю «насладиться свободой» не довелось. В том же году у него обнаружилась злокачественная опухоль десны («костоед»). Болезнь прогрессировала, перекинулась на мозг.

Безнадежного дядю Низю в 1890 году Александр III отправил в Крым, где тот, превратившись в полную развалину, и прозябал. Почти год длилась агония. 13 апреля 1891 года Великий князь преставился. Вскрытие установило, что у него было «разжижение мозга».

Глава 23. Чистая и сильная, как смерть!

Она родилась 25 мая (6 июня) 1872 года на западе Германии, в живописном прирейнском городке Дармштадте, столице Гессенского герцогства. При крещении по лютеранскому обряду ее назвали Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса.

Она стала шестым ребенком в семье герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV (1837–1892) и его жены, урожденной Английской Принцессы Алисы (1843–1878), второй дочери Английской Королевы Виктории. Ее имя на немецкий манер звучало как «Аликс», по-английски же – «Алиис».

Золотокудрую принцессу близкие звали «Санни» («Солнышко»). Мать писала про нее Королеве Виктории, что это «милая, веселая маленькая девочка, всегда смеющаяся, с ямочкой на щеке». «Санни, вся в розовом, прелестна, ее все обожают».

Английская Принцесса Алиса и Людвиг (Луи) Гессенский были счастливы в браке. Жена боготворила супруга, считая его образцом порядочности и искренности. Своей матери Английской Королеве с полной откровенностью писала: «Когда я говорю, что люблю своего мужа, то этого едва ли достаточно: здесь и любовь и уважение, увеличивающиеся с каждым днем и часом, и какие и он, со своей стороны, выражает мне так нежно и любовно.

Чем была моя жизнь раньше в сравнении с настоящей! Это – такое святое ощущение быть его другом, чувствовать такую уверенность, и когда мы вдвоем, то имеем тот мир, какого никто не может ни отнять от нас, ни нарушить. Моя судьба действительно благословенна, но все же, что я сделала, чтобы заслужить такую горячую и усердную любовь, какую дает мне мой дорогой Людвиг! Я восхищаюсь его добрым и благородным сердцем больше, чем могу сказать. Как он меня любит – ты знаешь, и он будет тебе хорошим сыном».

Обвенчавшиеся в 1862 году, Алиса и Людвиг более десяти лет наслаждались семейной идиллией. Несчастье пришло в 1873 году. Тогда умер шестой ребенок Фридрих, их трехлетний «Фритти», умер от страшной болезни – гемофилии. Это был первый знак беды, поразившей потомков Английской Королевы Виктории.

Через пять лет, осенью 1878 года, страшное событие обрушилось на Дармштадт, на семью герцога Людвига – эпидемия дифтерии. Заболели все дети, кроме Елизаветы. Мать самоотверженно боролась с недугом, сама ухаживала за

больными, ночи напролет просиживала у их кроваток. Несмотря на заботы, младшая дочь Алисы и Луи четырехлетняя Мария (Мэй) умерла в ноябре. Через несколько дней заболела и сама мать. Прошла неделя, и Герцогини не стало.

Принцесса Алиса умерла в 35 лет, оставив пятерых детей. К тому времени дочери Виктории было пятнадцать лет, Елизавете – четырнадцать, Ирэне – двенадцать, Эрнсту-Людвигу – десять, а Алисе – шесть.

Хотя Алиса и была еще совсем в юном возрасте, но помнила то событие в подробностях. Для золотокудрой девочки с «ямочками на щеках» смерть матери осталась неизлечимой сердечной раной. Той поздней осенью навсегда для Нее изменились цвета окружающего мира. «Это было безоблачное счастливое детство, постоянно солнечный свет, а потом – огромная туча».

С того времени Она себя считала сиротой. Ей потом постоянно не хватало той любви и ласки, которые может дарить лишь мать. Хотя своих внуков окружила вниманием бабушка Королева Виктория, у которой Алиса затем подолгу жила, где Она училась и воспитывалась, но детство ее закончилось в шестилетнем возрасте в Дармштадте. Не стало больше смеющейся «девочки в розовом».

Из четырех десятков внуков Королевы Виктории никто не отличался такой серьезностью и основательностью, как внучка Алиса. Она рано повзрослела, и это проявлялось не только во внешней серьезности. Ее духовные запросы и жизненные интересы находились в стороне от обычных увлечений мальчиков и девочек ее круга.

Серьезное чтение, размышление над загадками жизни и смерти, над тайным смыслом земного предназначения человека – вот что занимало Принцессу уже в пятнадцать лет. Ее мало волновали обычные девические переживания, связанные с флиртами, игрой сердечных увлечений. Она не отдавала им свои помыслы и чувства целиком.

Алису нельзя было назвать нелюдимой; когда требовалось, умела проявить себя с наилучшей стороны и в светском разговоре, на раутах в английских королевских резиденциях Виндзоре, Бальморале, Осборне. Дочь стала наследницей мировоззренческих принципов своей матери.

«Вера в Бога! Всегда и беспрестанно я чувствую в моей жизни, что это моя опора, моя сила, крепнущая с каждым днем. Мои мысли о будущем светлы, и теплые лучи этого света, какой является нашим спутником в жизни, разгоняют испытания и скорби настоящего».

«Вся наша жизнь должна быть приготовлением и ожиданием вечности».

«Жизнь – только странствие… Жизнь – это такое странствие, и так как неизвестна его длительность, то легко забываются и переносятся все маловажные заботы и огорчения, когда думаешь, для чего живешь».

«Грустно думать, как пробегают часы нашей жизни и как мало сделано добра в сравнении с теми неисчислимыми благодеяниями, выпавшими на нашу долю».

«Жизнь дана для работы, а не для наслаждения». «Вся наша жизнь должна быть приготовлением и ожиданием вечности». «Родина – там».

Такие сокровенные мысли излагала в письмах Герцогиня Алиса своей матери Королеве Виктории. Они с ранних пор были очень созвучны жизнепониманию и ее дочери Алисы.

Она с детства знала: окружающий мир – творение Божие и удел человека понять, принять и следовать Великому Промыслу, не уступать слабостям, не роптать и потом, когда завершиться «земное странствие»; стойкие получат высшую награду: пред ними отворятся двери рая.

Алиса не сомневалась, что для женщины Бог и семья – вещи неразделимые. Когда ей исполнилось 28 лет и она была матерью троих детей, то прочла книгу житейских притчей Дж. Миллера «Домостроительство, или Идеальная семейная жизнь». Там нашла слова и определения, дорогие, понятные и близкие. Немедленно занесла самое проникновенное, что безропотно приняло ее сердце, в свой дневник, подчеркнула самые сокровенные места.

«Смысл в брака в том, чтобы приносить радость. Подразумевается, что супружеская жизнь – жизнь самая счастливая, полная, чистая, богатая. Это установление Господа о совершенстве». «Брак – это Божественный обряд. Он был частью замысла Божия, когда Тот создавал человека. Это самая тесная и самая святая связь на земле».

Она знала задолго до своего замужества, что все именно так и обстоит. Знала Она и о том, что лишь с тем соединит свою судьбу, на кого укажет сердце. У Нее несколько раз была возможность устроить семейную жизнь.

Высокая, светловолосая, голубоглазая, с профилем, напоминающим изображения римских камей, она признавалась несомненной красавицей. Претендентов на ее руку находилось немало, за одного из них даже ходатайствовала Королева Виктория, но сердце Гессенской Принцессы они не покорили.

С двенадцати лет Принцесса знала имя своего избранника, с кем готова разделить все «земное странствие». Это был

Наследник Русского Престола Цесаревич Николай Александрович. Оно увидела Его впервые в конце мая 1884 года. Она прибыла вместе с родственниками на свадьбу старшей сестры Елизаветы, выходившей замуж за брата Царя Александра III Великого князя Сергея Александровича.

Тогда же Принцессу впервые увидел и Цесаревич Николай. Молодой человек сразу же заметил, как красивы четыре сестры – эти «дармштадтские цветы». После первого дня, проведенного вместе, записал: «В 1/2 восьмого обедали со всем семейством. Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась; Ella – еще больше». Но прошло пару дней, а Николай Александрович уже полностью был очарован юной Принцессой, которая при близком знакомстве оказалась умной и приятной девочкой.

Ей Он тоже очень и очень понравился. Через 32 года, в 1916 году, в письме Николаю II, вспоминая давнее время первой встречи, Александра Федоровна напишет, что тогда «Мое детское сердце уже стремилось к Тебе с глубокой любовью».

31 мая (9 июня) 1884 года Они тайком от всех нацарапали свои имена на окошке итальянского домика в Петергофе: Alix, Niki. Вечером Цесаревич занес в дневник: «Мы друг друга любим».

Но все имело свой срок. Через две недели родственники принцессы Елизаветы должны были уезжать. Цесаревич был опечален. «Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а еще больше, что милая Аликс покинет Меня», – запечатлел свои чувства в дневнике.

В следующий раз Алиса приехала в Россию зимой 1889 года, когда провела несколько недель в гостях у сестры Елизаветы в Петербурге. Гессенская Принцесса тогда неоднократно встречалась на балах и вечерах с Престолонаследником. В четверг, на Масленой неделе, традиционно давался большой танцевальный вечер («фолль-журнэ»). В тот год он состоялся 19 февраля в Александровском Дворце Царского Села, где Алиса стала «дамой мазурки» Цесаревича. Они провели несколько часов в оживленной беседе, много танцевали.

Записные знатоки «светской кухни» уверенно уже утверждали, что Гессенская Принцесса вскоре будет обручена с Николаем Александровичем. Но тогда под этими разговорами не существовало никакой почвы. Сам Цесаревич не решился поднять эту тему в разговоре с родителями, и все окончилось ничем.

В марте 1889 года Престолонаследник с грустью писал Великому князю Александру Михайловичу: «Ты, разумеется, слышал, что Моя помолвка с Аликс Гессенской будто состоялась, но это сущая неправда, это вымысел из ряда городских и газетных

сплетен. Я никогда так внутренне не страдал, как в эту зиму; даже раньше, чем они приехали в город, стали ходить слухи об этом; подумай, какое было Мое положение перед всеми на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась; такая милая и простая, очень возмужала…»

Вопрос женитьбы Сына-Наследника занимал родителей, в первую очередь Царицу Марию Федоровну. Имя Гессенской Принцессы среди желанных невест в Царицыном списке не значилось. 21 декабря 1891 года Наследник записал: «Вечером у Мама́ рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества: невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и надежду, которыми я живу изо дня в день…

Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно Ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился Моему чувству, стараясь обмануть Себя невозможностью осуществления Моей заветной мечты. Но когда Eddy[53] оставил Ее или был отказан, единственное препятствие или пропасть между Нею и Мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; Я почти уверен, что Наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милость, Я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Через месяц вернулся к этой теме. «В разговоре с Мама́ она Мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери графа Парижского[54], что Меня поставило в странное положение. Это Меня ставит на перепутье двух дорог: Самому хочется идти в другую сторону, а по-видимому, Мама́ желает, чтобы Я следовал по этой! Что будет?» Никто тогда на подобный вопрос ответить не мог.

Александр III и Мария Федоровна никогда бы не смогли навязать детям брачную партию. Они слишком дорожили их будущим благополучием, по собственному опыту зная, какое великое счастье брак по любви. Но Гессенская Невеста с твердостью заявила, что не сможет изменить лютеранской конфессии. Между тем невесту Цесаревича закон обязывал принять Православие. Для Аликс это было неприемлемо. Для нее это равнялось измене. Клятва верности, данная лютеранской церкви при конфирмации, не могла быть нарушена.

Алиса любила Николая. Первые коротенькие письма-записочки, которые Она отправила ему в 1889 году, подписывала – «всегда любящая Тебя Аликс». Никого другого не любила и ни о ком другом и не думала. Он был единственным Ее желанным. Однако долг выше страсти, надо уметь покорять сердечные

порывы, надо быть искренней перед Богом. Она клялась в верности лютеранской церкви, и как же сможет переступить через такой рубеж?

Ее уговаривали сестра Елизавета, ее муж Сергей, сестра Николая Ксения. Все твердили одно и то же: любовь – чувство, посланное Богом, перемена религии есть дело Твоей совести и если сердце подсказывает, то слушай его. Оно не обманет. Укажет правильный путь. Алиса все это знала, Она готова была пожертвовать жизнью за Николая. Однако долгие месяцы колебалась, сомневалась, плакала и переживала.

В конце 1893 года отправила Цесаревичу Николаю письмо, написанное с таким трудом, письмо, доставившее много переживаний и Ей и Ему. Она решила внести ясность в вопрос о возможности замужества, считая, что дальнейшее двусмысленное положение становится невыносимым.

«О моих чувствах Ты уже знаешь от Эллы, но Я считаю, что должна сказать Тебе о них Сама. Я долго все обдумывала и прошу Тебя только не воображать, что Мне это легко, это ужасно печалит Меня, и Я и так несчастна. Я пыталась взглянуть на это с разных сторон, но все время возвращаюсь к одному и тому же. Я не могу пойти против Своей совести. Ты, дорогой Ники, как глубоко верующий, поймешь, что для Меня грех переменить религию, и Я всю жизнь буду страдать, зная, что совершила дурной поступок…

Раз за все эти годы Я не переменила Своего решения, думаю, что теперь настало время снова сказать Тебе, что Я **никогда** не смогу переменить вероисповедание. Уверена, что Ты все правильно поймешь и, так же как и Я, увидишь, что Мы только мучаем друг друга из-за невозможного и было бы дурно позволить Тебе питать напрасные надежды, которые никогда не осуществятся. Теперь прощай, Мой дорогой Ники, благослови и сохрани тебя Бог». И далее следовало: «Всегда любящая Тебя Аликс».

Послание обескуражило Наследника, но не погасило надежды. Сердце подсказывало, что Гессенская Принцесса не потеряна безвозвратно. Необходимо лично с Ней объясниться, посмотреть глаза в глаза, и Ее душа – большая, чистая, искренняя – подскажет правильный путь.

Случай представился весной 1894 года. В апреле 1894 года в центре Германии, в городке Кобурге, влюбленные встретились на свадьбе брата Алисы Эрнста-Людвига с Принцессой Кобургской Викторией-Мелитой. Алиса и Николай встретились и провели в уединенных объяснениях несколько часов. Развязка наступила 8 апреля, когда Алиса сказала «да» Цесаревичу. Они стали женихом

и невестой. Ему – 26 лет, ей – 22 года.

Нареченных все поздравляли, желали счастья, отслужили благодарственный молебен. Но больше всех ликовал Цесаревич. В тот же день послал письмо родителям:

«Милая Мама́, Я тебе сказать не могу, как Я счастлив и также как Я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа́ в эту минуту. Для Меня весь свет перевернулся, всё, природа, люди, всё кажется милым добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись… хотелось страшно посидеть в уголку одному с Моей милой невестой. Она совсем стала другой: веселою и смешной и разговорчивой и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние».

В ответ Император отправил с фельдъегерем личное послание: «Милый, дорогой Ники, Ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о Твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче Твоей попытки, но Господь наставил Тебя, подкрепил и благословил, и великая Ему благодарность за Его милости. Если бы Ты видел, с какою радостью и ликованием все приняли это известие; мы сейчас же начали получать телеграммы и завалены ими и до сих пор…

Теперь Я уверен, что Ты вдвойне наслаждаешься и все пройденное, хотя и забыто, но, я уверен, принесло Тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю Твою будущность и всю Твою последующую семейную жизнь! Не могу тебя представить женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама́ было тяжело не быть с Тобой в такие минуты, не обнять Тебя, не говорить с Тобой, ничего не знать и ждать только письма с подробностями».

Мария Федоровна тоже была счастлива и сообщала Сыну: «Наша дорогая Аликс уже совсем как дочь для меня… Я более не хочу, что бы Она звала меня «тетушка»; «дорогая мама» – вот кем я для Нее буду с этого момента».

В том апреле для Цесаревича и Гессенской Принцессы время неслось необычайно быстро. Незаметно, «как один день», промелькнули две недели. Пришло время расставания. Ему надо было возвращаться в Россию; Она же отбывала в Дармштадт, а затем намеревалась на несколько месяцев уехать к Бабушке-Королеве. Свадьба была назначена на весну следующего года, а летом Николай Александрович обещал приехать в Англию.

Сестре Цесаревича Великой княжне Ксении Александровне Принцесса писала из Кобурга: «Осталось только 2 дня, а потом

Мы расстанемся. Я чувствую Себя несчастной при мысли об этом – но чего не вылечишь, надо вытерпеть. Тебе можно позавидовать, ведь ты видишь Сандро каждый день, а Я не увижу Моего Ники более месяца. Не могу описать Моего счастья – оно так велико, и Я могу лишь на коленях благодарить Бога за то, что Он меня вот так наставил. А какой ангел милый Мальчик – как рады вы будете, когда Он к вам вернется».

День расставания был грустным, но прошел без слез. Аликс передала Ники письмо, которое тот прочел уже в поезде. «Я никогда не забуду этих первых дней и какая гадкая Я была с тобой; прости Меня, Мой дорогой. Если бы Ты только знал, как Я тебя обожаю, а года только укрепили и углубили Мою любовь; Я бы только хотела быть достойной Твоей любви и нежности. Ты слишком хорош для Меня».

Той весной началась интимная переписка Последнего Царя и Царицы. Более шестисот посланий Они отправили друг другу. В них о многом рассказано, но главное – о любви, о том драгоценном даре, который оба всегда берегли.

Алиса впервые за многие годы ощутила полноту радости жизни, Она перестала чувствовать себя сиротой. Ей начали сниться сладостные сны, в которых почти всегда видела дорогое лицо Своего Возлюбленного. Она Ему все о Себе рассказывала. Ее исповедальные послания Он начал получать с апреля 1894 года.

«Милый, дорогой Мой! Лежу в постели, но не могу заснуть, не написав Тебе, т. к., увы, не могу с Тобой говорить. Ах, как Я скучаю без Тебя, и сказать не могу, и как Я мечтаю о тех двух часах, которые Мы проводили вдвоем – нет прощания и нет благословения, так тяжело. Но Наши мысли будут встречаться, не так ли? О, как Я хотела бы прижать Тебя к Моему сердцу и поцеловать Твою голову, дорогой Мой, милый! Я так одинока без Тебя. Да благословит и да сохранит Тебя Бог, дорогой Мой, и да ниспошлет Он тебе безмятежный и сладкий сон» (2 мая 1894 года).

«Только Я кончила одно письмо Тебе и уже хочется начинать второе; Я известная болтушка, а когда Ты со Мной, я немею, как старая сова. Если знаешь какую-нибудь книгу, переведенную с русского, и хотел бы, чтобы Твоя глупая лягушка ее прочла, то назови. Чернила водянистые, и Я так лежу, что Ты, пожалуй, ничего не прочтешь…

Дорогой Мой, как Я тебя люблю. Больше, больше с каждым днем, вернее, преданнее, глубже, чем могу высказать. Когда вечером меркнет дневной свет, погружаясь в тьму ночную – мрак облит солнечным светом при воспоминании о Твоем лице, а утром все мне шепчет любимое имя, и Я просыпаюсь для того,

чтобы любить Тебя больше и больше.

Спасибо за телеграмму, Я ей так обрадовалась. Хорошо представила Себе Твой восторг по прибытии домой; какое счастье целовать родителей и получить их благословение! Хорошо тому, кто не сирота. Как мило со стороны Твоей матери, что Она попросила Меня не называть ее больше тетей. Я с радостью буду их называть Отцом и Матерью, но говорить Папá и Мамá еще не могу решиться; это Мне слишком живо напоминает прошлое и опять пробуждается тоска по дорогим моим. Но Твои Родители всегда будут Моими, и Я буду их любить и уважать» (4 мая).

«Любовь – единственное, чего мы не теряем на земле. Она подобна прохладной реке, становящейся все шире и глубже, приближаясь к морю, которая заставляет зеленеть луга и цвести цветы. Она протекает через Рай, и ее называют Рекой Жизни. Да, воистину, любовь высшее земное благо и жаль того, кто ее не знает!» (5 мая).

«Я сегодня ужасно пишу, но Ты извини Мои ошибки, не будь слишком строгим судьей, но бывают дни, когда невозможно писать как следует. Дорогой Мой, Я тебя так люблю, еще и еще хочется сказать Тебе об этом. Я чувствую сильно и глубоко, но Я с рождения научилась скрывать чувства, так что теперь не могу высказать их по-настоящему, но Ты понимаешь Твою глупую старую… не так ли?» (7 мая).

И Он, и Она каждый день думали о встрече. Он служил в Гвардии, участвовал в учениях, присутствовал на государственных церемониях. Она тихо жила под крылом бабушки, читала книги о России, мечтала и ждала. Жених писал, что хотел бы устроить свадьбу раньше – год такой «безумно большой срок». Она это понимала не хуже; для нее и один день без письма от Ники казался таким тягучим.

Однако Она же будет не только женой, Она должна готовиться к роли Царицы. А здесь уже совсем иные резоны. Надо изучить православные обряды, необходимо освоить, хоть в самой общей форме, язык России, понять историю и культуру далекой страны, куда Она переедет навсегда. Принцесса была уверена, что с помощью Ники, при благословении Господа сумеет все преодолеть. Пока же все чувства – к ожиданию встречи.

Цесаревич приехал в Англию 8 июня и провел здесь пять незабываемых недель – «лучшие дни нашей жизни», как потом скажет Александра Федоровна.

Николая переполняли радостные эмоции. В день приезда записал в дневнике: «Снова испытал то счастье, с которым расстался в Кобурге!» С любимой не хотелось расставаться ни на минуту. «Выспался великолепно в Своей уютной комнате. Какое

счастье Я почувствовал, проснувшись утром, когда вспомнил, что живу под одной крышей с ненаглядной Моей Аликс!»

Однако Он – Наследник Престола, Она – внучка Королевы. Оставался двор, этикет, «церемониальные повинности». А еще «куча родственников» и Ее, и Его. Со всеми надо было встречаться, надо было «представляться» и вести бесконечные светские беседы. Но как только выдавались сводные минуты, старались уединиться.

За те недели и вообще выпадали редкие удачи: несколько дней провели вдвоем. Королева, несмотря на свой строгий, даже пуританский нрав, разрешила Им бывать вместе без посторонних. «Я сделался очень ленив и не могу решиться написать домой, хотя надо давать о Себе знать! Каждый час с моей милой Аликс для Меня дорог и как-то не хочется его потерять!» – записал Цесаревич в дневнике через три недели по приезде в Англию.

Они о многом говорили. Он рассказывал о Своей жизни, о родных, Она – о своих. Когда оставались вдвоем, то целовались и целовались, и голова кругом шла от блаженства. Цесаревич показал Алисе дневник, рассказал его историю. Она попросила разрешить и Ей туда записывать. Жених с восторгом согласился. Принцесса писала о самом важном и самом главном в жизни – о любви.

«С беззаветной преданностью, которую мне трудно выразить словами» (21 июня).

«Есть нечто чудесное в любви двух душ, которые воедино сливаются и которые ни единой мысли друг от друга не таят; радость и страдания, счастье и нужду переживают они вместе, и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу» (29 июня).

«Мой бесценный, да благословит и хранит Тебя Господь! Никогда не забывай Ту, чьи самые горячие желания и молитвы – сделать Тебя счастливым» (4 июля).

«Мне снилось, что я любима, и, проснувшись, убедилась в этом наяву и благодарила на коленях Господа. Истинная любовь – дар Божий – с каждым днем все сильней, глубже, полнее и чище» (6 июля).

«Бьют часы на крепостной башне и напоминают нам о каждом преходящем часе, но время, вдаль уходящее, пусть не смущает нас, ибо время может уходить безвозвратно, но любовь остается; Я ощущаю, как ее поцелуи горят на Моем челе. Если нам суждена разлука, о, зачем же сейчас? Не сон ли это? Тогда пробуждение будет страданьем, не буди Меня, дай Мне дальше дремать» (9 июля).

День разлуки неумолимо приближался. Условились:

Цесаревич еще приедет осенью, а потом Аликс, еще до свадьбы, погостит в России. Накануне отъезда суженого, 10 июля, невеста записала:

«Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть».

Всей своей жизнью Алиса-Александра доказала, что Ее любовь и верность именно такими и являлись.

Глава 24. Умереть и воскреснуть

В январе 1894 года Александр III перенес тяжелое простудное заболевание. Потом вроде бы всё нормализовалось. Царь стал появляться на официальных церемониях, принимал, посещал смотры и парады. 26 февраля ему исполнилось 49 лет, и никто не предполагал, что это последний день его рождения. Внешне он мало изменился, но состояние здоровья было неважным, о чем почти никто не догадывался, кроме его Минни.

В силу деликатности Царь не любил рассказывать даже супруге о своем самочувствии (ну зачем ее расстраивать!), но и без его рассказов Мария Федоровна видела, что Саше плохо бывает. Каждый день по нескольку раз спрашивала о состоянии. Он почти никогда не жаловался.

Летом же здоровье царя заметно ухудшилось, скрывать это уже было невозможно. Лейб-медик Гирш диагностировал хроническое заболевание почек. Однажды на учениях в Красном Селе Царю стало очень плохо, от резкой опоясывающей боли он чуть не потерял сознание, и его пришлось спешно отправлять домой, прекратив учебные занятия войск.

То лето жили в Петергофе, в милом дворце Коттедж. Одно время, как показалось, наступило улучшение. В начале августа для консультаций был приглашен известный врач-терапевт из Москвы Григорий Захарьин (1829–1907). После осмотра пациента он без обиняков сказал Царице, что «опасается за ближайшее будущее» и что «следует принимать решительные меры». Во-первых, необходима строжайшая диета, а во-вторых, надо немедленно перейти на лечебный режим и покинуть столицу.

После обсуждения с придворными, родными и лейб-медиками было принято решение ехать в Царскую резиденцию Беловеж, где Император любил бывать на охотах.

Своей невесте Цесаревич Николай сообщал в августе 1894 года: «Бедный Папа́ очень расстроен, теперь он попал в руки докторов, что само по себе очень невесело. Но не всегда можно этого избежать. Он реагирует острее, чем другие, потому что болел всего два раза в жизни – 22 года тому назад и прошлой зимой! Мы стараемся по возможности ободрить его, и теперь он уже доволен, что едет в Беловеж».

Царица надеялась, что чистый воздух хвойных лесов, размеренный режим дня и уход дадут благоприятный результат. Но в Беловеже лучше не стало. В начале сентября переехали в Спалу под Варшавой. Положение не улучшалось. Здесь, 8 сентября 1894 года, Александр III написал письмо дочери Ксении

в Крым. Это стало его прощальным посланием.

«Моя милая душка Ксения, прости, что только теперь отвечаю на твои милейшие письма, которые доставили мне огромное удовольствие. С тех пор, что переехали сюда, чувствую себя немного лучше и бодрее, но сна – никакого, и это меня мучит и утомляет ужасно, до отчаяния.

В Беловеже я совсем не охотился и бывали дни, что не выходил из дома, такая мерзкая была погода. Здесь я почти каждый день на охоте, и погода чудная, летняя. Радуюсь страшно увидеть тебя в Ливадии, на что ты похожа, как выглядишь и как поживаешь. Жоржи, слава Богу, поправился и будет с нами в Крыму, он очень наслаждается охотой и доволен своим пребыванием здесь.

Захарьин очень доволен Спалой и находит местность сухой и здоровой; сегодня он уезжает в Москву, а позже приедет в Крым. Надеюсь, что осень будет хороша в Крыму и что нам удастся еще погреться на южном солнышке, а то будет просто обидно».

Далее письмо продолжила Мария Федоровна:

«Папа́ ушел в уборную, чтобы умыться, и я пользуюсь случаем, чтобы от всего сердца благодарить тебя, милая душка Ксения, за твое дорогое письмо, которое я получила сегодня утром и прочла с величайшим удовольствием. Ты нам (так в тексте. – *А.Б.*) страшно не достает в милой Спале, и каждую минуту я думаю, что ты тут и хочу тебе что-то сказать. Беби живет в твоей комнате и ужасно счастлива быть здесь и потом поехать в Крым. Вчера мы ездили верхом, Георгий, Миша и она на пони».

Вернулся Александр Александрович и продолжил письмо:

«Сегодня катались с Мама́ и Беби, пока прочие занимались убиванием диких свиней в парке. Мама́ и Беби набрали много грибов, а я больше сидел в экипаже, так как очень слаб сегодня, и ходить мне трудно. К сожалению, я не обедаю и не завтракаю со всеми, а один у себя, так как сижу на строгой диете и ничего мясного, даже рыбы не позволяют, а вдобавок у меня такой ужасный вкус, что мне всё противно, что я ем или пью.

Больше писать сегодня не могу; так меня утомляет это. Сердечный поклон Сандро. Мама, братья и Беби тебя целуют. Еще раз благодарю тебя за милое письмо и от души целую. Дай Бог, до скорого свидания! Христос с тобой, моя душка! Твой старый и пока никуда не годный Папа».

Он больше уже никому и никуда не отправит послание. Ему оставалось всего 42 дня жизни.

В Спале пробыли недолго и 21 сентября уже были в Крыму. Врачи нашли, что сухой южный климат может улучшить состояние. В Ливадии Царь поселился не в Большом Дворце, а в

той сравнительно небольшой вилле, где он жил ещё Цесаревичем.

Ему всё время было плохо. Пульс не опускался ниже 100, ноги сильно опухли, полная бессонница по ночам и сонливость днём, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, сильная слабость. Он почти не мог ходить. Последний раз его вывели на улицу 2 октября, когда с женой совершил небольшую поездку в коляске. Со следующего дня он уже больше не покидал комнат на втором этаже.

Ужасно похудел. Некогда большой и мощный, он как-то усох; исчезли его могучие плечи, большая голова вдруг стала маленькой, с трудом державшейся на тонкой шее.

К началу октября 1894 года почти все приближенные чувствовали и знали, что Царь долго не проживет (об этом вполне определенно говорили врачи). Императрица же не теряла надежду. Мария Федоровна верила, что Господь не допустит такой несправедливости: она останется жить, а Саша умрет?

Она не раз говорила мужу, что уверена в том, что «уйдет раньше». Супруг не любил этих ёрнических разговоров и всегда порицал за них. Никому не дано знать о своем земном сроке. Но она даже вообразить не могла, что расстанется с бесценным мужем. Царица делала всё, что могла.

В Ливадии Мария Федоровна почти полностью изолировала Монарха от всех визитеров (кроме врачей и членов семьи, к нему никто не допускался), день и ночь не отходила от больного. Ее мольбы возымели действие: последние недели своей жизни Александр III передал большинство поступающих к нему бумаг на рассмотрение Цесаревича, оставив за собой лишь дела по дипломатическому и военным ведомствам (последний приказ подписал за день до кончины).

По настоянию Императрицы в Ливадию приглашались не только самые лучшие врачи из России. Сюда прибыла и европейская знаменитость, профессор нескольких германских университетов доктор Эрнст Лейден. Уже потом выяснилось, что этот врач имел конфиденциальное поручение кайзера Вильгельма II каждый день сообщать о положении дел в Ливадии. Через потайную систему профессор регулярно отправлял агентурные данные в Берлин.

Врачи осматривали умирающего, что-то советовали, но Александр III отказывался исполнять их предписания, и лишь мольбами и слезами жене удавалось заставить мужа принять лекарство, сделать новую перевязку, согласиться на осмотр медиком.

У Царя, вследствие сильного отека конечностей, все время был сильнейший кожный зуд, и он из последних сил расчесывал

руки и ноги. Врачи умоляли этого не делать, и императрица сама часами делала ему легкий успокаивающий массаж. Но как только она отвлекалась, то случалась непредвиденное. Царь несколько раз заставлял сына Михаила, предварительно заперев дверь на ключ, чесать ему ноги щеткой. Узнав это, Мария Федоровна весь свой гнев обрушила на сына. Мужа она лишь просила этого не делать.

Все кругом находились в каком-то оцепенении, и Марии Федоровне часто приходилось неоднократно просить о чем-то, прежде чем ее желание-повеление исполнялось. Одному из врачей она в сердцах призналась, что «ее опутывают интригами даже в эти тяжелые минуты».

А минуты были тяжелые. Царь убедил Царицу, что надо послать вызов невесте Цесаревича Алисе Гессенской. Он хотел успеть благословить детей. Со слезами на глазах Мария Федоровна дала согласие, и Принцесса уже 6 октября была на пути в Ливадию.

К началу октября в Ливадию стали прибывать члены Династии. Приехали браться Царя Великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел, Великие княгини Александра Иосифовна и Мария Павловна. Из Афин с детьми прибыла Греческая Королева, кузина Царя Ольга Константиновна. Недалеко от Ливадии в своем имени Ай-Тодор находился Великий князь Михаил Николаевич, его сыновья и Великая княгиня Ксения Александровна со своим Сандро.

Настроение у всех было подавленное, и чтобы его поднять у окружающих, Царь распорядился устроить 9 октября Фамильный завтрак с оркестром. Когда все собрались за большим гофмаршальским столом и под музыкальное сопровождение, казавшееся кощунственным, пытались принимать пищу, то Царь у себя, тайно от всех, кроме Императрицы, исповедовался и приобщался Святых Тайн у своего духовника Отца Иоанна Янышева.

Многие чувствовали, что грядет трагическое событие, способное перевернуть весь ход вещей.

10 октября в сопровождении сестры Великой княгини Елизаветы Федоровны прибыла Алиса Гессенская. Ее на дороге из Симферополя встретил Цесаревич, и около пяти вечера они прибыли в Ливадию и сразу же из экипажа прошли в Царю. Невеста сына держала в руках большой букет белых роз, который и оставила в комнате Императора.

Царь был очень рад встрече, обнял, поцеловал. Умирающий благословил их брачный союз. Император так изменился, что Алиса в первое мгновение даже его не узнала. Она вышла из

комнаты со слезами на глазах. Это были ее первые слезы в России. Здесь их у нее потом будет еще очень много…

И наступило 20 октября. Всю ночь Царь не смыкал глаз, закуривал и тут же бросал одну папиросу за другой, чтобы хоть как-то отвлечь себя. С ним в комнате были Императрица и один из врачей. Они пытались занять больного разговорами. В пять утра он выпил кофе с женой. Больного посадили в кресло в середине комнаты.

В 8 утра пришел Цесаревич. Затем стали приходить другие: Великий князь Владимир и герцогиня Эдинбургская, только накануне вечером приехавшая. Постепенно собралась вся Фамилия.

Государь был со всеми ласков, но почти ничего не говорил. Лишь улыбался и кивал. Полулежал в глубоком кресле, рядом сидела Царица, а остальные стояли: кто ближе, кто дальше в коридоре.

Никто не разговаривал. Все в каком-то оцепенении смотрели на того, кто олицетворял силу и мощь огромной Империи, кто был повелителем всех и вся, символом и хранителем власти и страны, а теперь готовился покинуть земные чертоги. Монарх сохранил самообладание до последней минуты. Вспомнил и поздравил с днем рождения Великую княгиню Елизавету Федоровну, которой исполнилось тридцать лет.

В половине одиннадцатого Александр III пожелал причаститься. Вся семья встала на колени, и умирающий неожиданно уверенным голосом стал читать молитву «Верую, Господи, и исповедую…». И не было ни одного человека там, в этом ливадийском доме, кто бы не плакал.

Императрица Мария Федоровна находилась в сомнамбулическом состоянии. Она измоталась вконец. Почти не спала последние ночи и почти ничего не ела. Но усталости не было. Было какое-то отупение. Происходившее, всех окружающих она видела как в тумане и лишь одного различала ясно, за одного молилась, не переставая. Её Саша, её любовь, радость, жизнь, её – всё. Нет, нет, этого никогда не может случиться! Господи, спаси нас, пощади!

Она готова была пожертвовать чем угодно, только бы он остался с ней! Не плакала. Не было сил. Стояла на коленях у края кресла, обняв его голову руками, закрыв глаза, и крепко, как только могла, прижимала его к себе. Голова к голове, сердце к сердцу, как всегда, как всю жизнь. Никто и ничто никогда их разлучить не в силах. Она чувствовала его тихое дыхание и не слышала и не чувствовала больше ничего.

Священник читал отходную молитву, многие рыдали

навзрыд. Около трех часов дня доктор Лейден потрогал руку Императора и сказал, что «пульса нет». Самодержец скончался. Обливаясь слезами, родные стали подходить прощаться, но Мария Федоровна все сидела в том же положении, и когда прощание уже заканчивалось, лишь тогда заметили, что Царица без сознания.

Мария Федоровна долго находилась без чувств. Одни потом говорили, что тридцать минут, другие – час. Когда ее внесли в спальню и положили на кровать, пульс почти не прощупывался. Потом она открыла глаза и увидела перед собой склоненное лицо доктора Николая Вельяминова. Она протянула ему руку и сказала «merci».

Первое, что Царица произнесла после того, как вернулась из черного провала, было слово благодарности тому, с кем последние недели разделяла все тяготы и горести. И в этом своем состоянии полужизни она оставалась добросердечным человеком. Ее же никто успокоить не мог. Она пришла в себя уже совсем другим человеком.

Многое, очень многое ушло безвозвратно, и следовало учиться жить «как надо» теперь уже без Саши. И неужели она его никогда больше не увидит? Неужели не услышит его голос, его неспешные и уверенные шаги, не почувствует больше запах его сигар и папирос, не ощутит его прикосновения?

Многие годы, наперекор беспощадному здравому смыслу, ей часто будет казаться, что Саша непременно вот-вот появится. Он должен появиться. Она его ждет. О нем постоянно напоминали вещи, комнаты, здания, ритуалы, дневные занятия, всё, чем жила и что окружало потом.

Проведя без него тридцать четыре года, она не забывала о нем ни на минуту, и если бы случилось невозможное и Александр III восстал из мертвых и пришел бы к ней, то, кроме беспредельного восторга, ничего бы не ощутила. Даже и не удивилась бы. Он навсегда остался для неё живым. Ни разу не взглянула на Александра в гробу. У неё не было сил на это. Это страшное зрелище в ее памяти не запечатлелось.

Часто видела мужа во сне и разговаривала, но стеснялась делиться с окружающими этими своими радостными встречами. Она боялась оскорбительных усмешек. Это осталось её тайной до самого конца.

Мария Федоровна перестала страшиться смерти, зная, что будет лежать рядом со своим милым и уж там-то, в том мире, их никто уже не разлучит. И когда кончина приближалась, то мысль о том, что она в изгнании и не будет покоиться («пока не будет») рядом с Сашей, окрашивала горечью последний срок бытия. Но

это всё произойдет потом, уже в «другом веке».

В трагические же недели октября-ноября 1894 года в душе овдовевшей Императрицы была лишь темнота. Уже 20 октября, вечером, служилась в спальне первая панихида. Маленькая, изящная, вся в черном, Мария Федоровна напоминала мрачное изваяние. В ней как будто и жизни не осталось. Все делала как-то механически и ни на что не реагировала. Лишь слезы, текшие по лицу, выдавали человека с раненым сердцем. Она не могла уединиться, чтобы в тишине и печали оплакать свою невосполнимую потерю. Горе её было беспредельным.

Греческая Королева Ольга Константиновна в те дни писала из Ливадии своему брату Великому князю Константину Константиновичу в Петербург:

«Надо только удивляться, что сердце человеческое может выдержать подобные волнения! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается всё больше, пустота ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая не ощущала бы глубокой этой скорби; это собственная боль каждого русского человека!»

На Престол вступил сын умершего Монарха Николай II, и уже 20 октября ему начали присягать на верность члены Династии и чины Свиты. Он был молод, неопытен. Придворные и родственники знали его лишь как «милого Ники», и первое время он терялся.

Шли к Марии Федоровне, и та, превозмогая себя, должна была следовать своему долгу, делать «Царево дело». С ней согласовывали все детали траурных процессий, предстоящих похорон. Надо было безотлагательно решать и еще один важнейший государственный вопрос: устройство семейной жизни нового Царя.

Невеста находилась в Ливадии и 21 октября, в 10 часов утра, в маленькой Ливадийской дворцовой церкви была миропомазана. Она стала православной благоверной Великой княгиней Александрой Федоровной. Надлежало определиться со свадьбой.

Мать и сын придерживались мысли, что уместно провести скромный обряд венчания сразу же после миропомазания, под крышей ливадийского дома, пока их незабвенный отец и муж находится с ними. Но это предложение вызвало бурную реакцию в Императорской Фамилии. Большинство родственников считало, что нельзя этого делать в семейной обстановке, что брак Царя – акт государственного значения и все надлежит осуществлять лишь в столице. У Марии Федоровны не было сил спорить, а

Николай II не смог настоять.

27 октября, в половине девятого утра, гроб с телом покойного Александра III покинул Царскую резиденцию в Ливадии. Его на плечах несли казаки и стрелки конвоя.

Эти несколько километров до Ялты Мария Федоровна шла пешком за гробом, и из-за уважения к ней все остальные тоже двигались пешком. В тот же день, ближе к вечеру, на корабле прибыли в Севастополь, где уже ждал специальный поезд. Здесь состоялась и еще одна тяжелая церемония: Мария Федоровна прощалась с сыном Георгием, которому надо было возвращаться в Абас-Туман.

В 17 часов 20 минут поезд тронулся. Умершему предстояло преодолеть еще многие сотни верст, чтобы обрести последнее пристанище в далекой Северной столице, в родовой усыпальнице Царской Династии.

Царица почти не выходила из своего купе. Сердце болело не переставая. Настоящая жизнь осталась позади, а что будет впереди – один Господь ведает. 28 октября исполнилась годовщина их свадьбы.

Как любила этот день раньше, как была по-настоящему счастлива. А теперь, через двадцать восемь лет после того незабываемого октября, она едет в поезде с гробом Саши! Господь милостив к ней, иначе давно бы лишилась рассудка!

Она нашла в себе силы сесть за письмо сыну Георгию. После случившегося он стал ей еще дороже, сделался самым близким: несчастный больной мальчик, совсем один, в немыслимой глуши, после всего перенесенного. Он плакал в Ливадии так горячо и так часто, что матери, самой находившейся в потрясенном состоянии, даже несколько раз приходилось его успокаивать.

«Ты знаешь, как тяжело опять быть в разлуке с тобой, особенно теперь, в это ужасное время! И это путешествие в том самом вагоне, где только пять недель назад наш Ангел Папá был вместе с нами! Видеть его место на диване всегда пустым! Повсюду, повсюду мне кажется, что в любой момент он может войти. Мне чудится, что я вижу, как сейчас появится его дорогая фигура. И я все не могу осознать и заставить войти в мою голову эту страшную мысль, что все кончено, правда, кончено и что мы должны продолжать жить на этой грустной земле уже без него!»

На «грустной земле» было пусто и одиноко. Надо было держаться. По пути следования всё время бывали остановки, служились панихиды, и она на них присутствовала. Она обязана была делать своё дело достойно, во имя памяти ее незабвенного.

1 ноября прибыли в Петербург. Встречала вся Фамилия, высшие должностные лица. Четыре часа от вокзала многолюдная

и скорбная процессия тянулась до Петропавловской крепости. После панихиды поехали в Аничков. Здесь снова нахлынуло непередаваемое отчаяние.

«С того момента, как началась для меня эта чернота, мы пережили тяжелые и душераздирающие моменты, и главным образом это был приезд сюда, в наш любимый Аничков, где мы были так счастливы в течение 28 лет. А теперь всё кажется мне таким пустым и страшным. Любимые комнаты, когда-то такие родные и симпатичные, а теперь пустые и грустные. Я чувствую себя в них абсолютно потерянной. Я ощущаю, что душа их покинула».

Каждый день служились панихиды в крепости, и в Аничкове, и ни одной Императрица не пропустила. Было очень тяжело, неимоверно трудно. 2 ноября Мария Федоровна потеряла сознание по пути в церковь. Как только пришла в себя, не сетуя и не плача, продолжала нести земную тяжелую ношу и как вдова, и как царица. Мысль о Саше ее не оставляла, и порой делалось так спокойно за него.

«Мое единственное утешение сознавать, что он покоится в мире, что он счастлив и больше не страдает. Мы могли это увидеть по экспрессии и лучезарной улыбке, которую отражало его дорогое лицо. Сейчас он молится за нас и готовит нам дорогу. Мы должны стараться следовать его хорошему примеру, который он показал здесь, и жить так, как Бог считает достойным, а затем присоединиться к нему, когда настанет наш час».

Погребение Царя в Петропавловской крепости состоялось 7 ноября. Гроб с телом опустили в могилу рядом с могилами дорогих родителей: Александра II, Марии Александровны, его деда Николая I и брата Николая. Когда гроб опускали в могилу, зазвучали оружейные выстрелы, загремели артиллерийские залпы. Люди снимали шапки, крестились. Народу в крепости собралось великое множество, и у многих на глазах были слезы.

На лице Марии Федоровны их не было. Она была величественна в своей горести и боль своего сердца не выносила на обозрение. Это было внутри и осталось с ней навсегда. Когда подходила к гробу для прощального поцелуя, то не открыла глаз и не помнила, как это произошло. Она так ни разу своего обожаемого Сашу после Ливадии и не видела.

«О, как это было страшно и ужасно – последнее прощание. Это было повторением незабываемого 20 октября, когда добрый Бог отобрал у меня того, которого я лелеяла и любила больше всего на свете и который всем вам был лучшим из отцов».

Царица-Вдова все время думала: почему так случилось, но почему именно он должен был уйти так рано, так необъяснимо

скоро. Ведь Александр нужен был не только ей, не только детям, но и стране. Она видела скорбь людей, видела, как искренне оплакивают его кончину разные, большей частью совсем незнакомые люди, и понимала, что это не только её потеря. Но для неё она самая большая и невосполнимая.

«Я так и не могу привыкнуть к этой страшной реальности, что дорогого и любимого больше нет на этой земле. Это просто кошмар. Повсюду без него – убивающая пустота. Куда бы я ни отправилась, везде мне его ужасно не хватает. Я даже не могу подумать о моей жизни без него. Это больше не жизнь, а постоянное испытание, которое надо стараться выносить, не причитая, отдаваясь милости Бога и прося Его помочь нам нести этот тяжелый крест!

Да, как говорят, Бог, видимо, находит самых хороших и самых чистых и не оставляет их надолго между нами, грешниками. Да, он сделал свое дело. Ведь в каком ужасном состоянии он получил Россию. И во что он превратил её за тринадцать лет своего царствования и чего только не сделал для неё. Это чувствуется и видится повсюду».

Воспитание и самообладание помогали Марии Федоровне соблюдать все положенное. Она не только присутствовала на траурных церемониях, но и встречалась со множеством людей.

На похороны Александра III приехали делегации со всех концов света, в том числе и представители королевских домов: Король Дании Христиан IX, Король Греции Георг I, наследник Британской Короны принц Альберт-Эдуард, Князь Черногорский, брат Германского Кайзера Генрих Прусский, брат Австрийского Императора эрцгерцог Карл-Людвиг, герцог и герцогиня Эдинбургские и многие другие принцы и принцессы.

Более ста именитых гостей из почти всех владетельных домов Европы сочли необходимым отдать последний долг Русскому Царю. Такого представительного династического съезда в первой имперской столице России уже больше не наблюдалось.

Глава 25. Радость со слезами на глазах

Через неделю после похорон, 14 ноября 1894 года, в день рождения Императрицы Марии Федоровны и накануне Рождественского Поста, когда по православной традиции можно было ослабить строгий траур, в большой церкви Зимнего Дворца состоялось бракосочетание Николая II и Александры Федоровны.

Алиса-Александра знала, что это Божественный обряд, что это милость Господа. За все 22 года жизни это стало самым великим пережитым событием. В ее записных книжках сохранилось ее наблюдение: «День свадьбы нужно помнить всегда и выделять его особо среди других важных дат жизни. Этот день, свет которого до конца жизни будет освещать все другие дни. Радость от заключения брака не бурная, а глубокая и спокойная».

Для Александры Федоровны этот день навсегда остался таковым. Она понимала и другое: Ей судьбой предначертано ощутить эту радость с привкусом горечи. Она шла к алтарю в дни всеобщей печали, и светлый праздник явился как бы продолжением похорон. Но таков Ее удел. Ей часто уже выпадало такое, что другим не дано было знать. За то и несказанная награда – соединить жизнь у алтаря с человеком, любимым больше жизни…

В середине дня 14 ноября 1894 года в Зимнем Дворце состоялось грандиозное действие – бракосочетание молодого Императора. Торжественное шествие процессии в церковь по дворцовым анфиладам открывала Мария Федоровна под руку со своим отцом Датским Королем Христианом IX. За ней шли Николай II и Александра Федоровна. По окончании обряда бракосочетания из церкви вышли другим порядком, и вторая пара двигалась первой.

В тот день в России появилась новая Царица, а Мария Федоровна получила официальный титул «Вдовствующая Императрица». Но переход на вторую роль безутешную вдову мало беспокоил. Её сердце переполняли совсем другие чувства, и горечь одиночества осознавалась всё острее.

Чуткий и наблюдательный Великий князь Константин Константинович после церемонии записал в дневнике: «Больно было глядеть на бедную Императрицу. В простом, крытом белым крепом вырезном платье, с жемчугами на шее, она казалась ещё бледнее и тоньше обыкновенного, точно жертва, ведомая на закланье; ей невыразимо тяжело было явиться перед тысячами

глаз в это трудное и неуютное для неё время».

Двоюродный брат молодой Царицы Александры Федоровны Георг герцог Йоркский (будущий Английский Король Георг V), находившийся на бракосочетании, сообщал из Петербурга свои впечатления бабушке Королеве Виктории: «Дорогая Алис выглядела на свадьбе прелестно, служба была очень красивая и впечатляющая, а пение просто великолепное, Она прошла через все это очень скромно, но вместе с тем была так грациозна и вела себя с таким достоинством, что произвела превосходное впечатление.

Думаю, что Ники очень повезло с такой прелестной и очаровательной женой; признаюсь, я никогда не видел более любящую и счастливую чету, чем Они. Когда после свадьбы Они выехали из Зимнего Дворца, огромные толпы на улицах встречали их овациями, аплодисменты были самыми сердечными и напомнили мне об Англии, громадная толпа в несколько тысяч человек собралась перед Дворцом и аплодировала все время с 3 до 8, молодые несколько раз показывались в окнах».

Марии Федоровне череда церемоний – свадьба через неделю после похорон – казалась дурным сном, её душа не принимала этих праздников, чуть ли не у края могилы. Но так было надо, а следовать долгу – её земной удел, её святая обязанность. В письме же сыну Георгию позволила выплеснуться потаенным чувствам:

«У нас два дня назад наш дорогой Ники женился. И это большая радость видеть Их счастливыми. Слава Богу, этот день прошел. Для меня это был настоящий кошмар и такое страдание. Эта церемония с помпой при такой массе народа! Когда думаешь, что это должно проходить публично, сердце обливается кровью и совершенно разбито. Это более чем грех. Я всё еще не пониманию, как я смогла это перенести.

Это было жутко, но добрый Бог дал сверхчеловеческие силы, чтобы перенести всё это. Без Него это было бы невозможно. Ты представляешь, как же должно быть страшно, несмотря на эмоции и резкую боль, присутствовать на свадьбе Ники без любимого Ангела Папы. Однако я чувствовала его присутствие рядом с нами, и что он молился за счастье нашего дорогого Ники, и что его благословение всё время снисходит на нас свысока».

Публично же свой душевный дискомфорт Царица-Мать не демонстрировала. Из Зимнего Дворца уехала первой и в Аничкове готовилась к торжественному приему новобрачных. Когда те прибыли, то встречала Их на пороге с хлебом-солью и затем распоряжалась на торжественном обеде. Волей-неволей, но в тот день в этом Дворце витал дух умершего Александра III.

Находившийся на дежурстве в Аничковом дворце Великий князь Константин Константинович 16 ноября 1894 года зафиксировал в дневнике: «За столом я очутился на месте покойного Государя, напротив Минни. Она в первый раз по просьбе Ники вышла в столовую к другим, а то все кушала отдельно. Она плакала, и, видя это, я тоже чуть не заплакал. Когда разошлись, она позвала меня к себе. Говорила, что никуда не хочет ехать, так как от своего горя не убежишь. Как она несет его покорно!»

Близкие видели и понимали, что Марии Федоровне очень нелегко. Ей старались помочь, но помочь никто не мог. Человеческое участие смягчало боль. Она понимала: это великое счастье, что рядом с ней ее близкие: Папа́, сестра Аликс, брат Вальдемар.

Дети были очень внимательны. Особенно Ники, которому самому было так трудно. Она не могла все еще осознать, что он теперь на Троне вместо Саши! Но это так и надо помогать ему, хотя бы не обременять его ненужными и утомительными сетованиями и просьбами. Она и не обременяла.

Новый Царь, исключительно из-за уважения к матери, поселился в Аничковом Дворце, где он провел первую зиму Своей семейной жизни. Любящий Сын не хотел, чтобы дорогая Мама́ ощущала пустоту в доме!

Позднее сестра Царя Ольга Александровна вспоминала, что Николай II и Александра Федоровна «первые месяцы Своей брачной жизни провели в комнатах, которые Ники некогда занимал с Жоржем. Их было шесть, и находились они на первом этаже…

У молодого Императора и Его Супруги не было даже своей столовой. Завтракали и обедали Они вместе со всеми в просторном помещении за столом, во главе которого восседала Вдовствующая Императрица. Однако первый завтрак и чай Императрица-Мать разрешала приносить молодоженам в их комнаты».

Повелитель огромной Империи, которому принадлежало несколько великолепных дворцовых резиденций, только из-за почтения к своей матушке обрек на несколько месяцев Себя и Супругу на роль квартирантов.

Марии Федоровне было хорошо с Ними, но ощущение одиночества не проходило. Родственники почти все разъехались, и лишь ее сестра Александра, герцогиня Уэльская, задержалась. Она не могла оставить «любимую Минночку» в этот тяжелый период.

Она встретила с ней Рождество и Новый год, но 4 января

1895 года Герцогиня все же уехала. Царица-Вдова тяжело переживала расставание и плакала на станции. В тот день Николай II записал в дневнике: «Сердце сжимается при мысли, что теперь дорогая Мама́ останется одна наверху! Помоги ей, милосердный Бог!»

Император сохранил все прерогативы и привилегии, принадлежавшие раньше Царице-Матери: назначение статс-дам и фрейлин, заведование Ведомством учреждений Императрицы Марии[55] и Обществом Красного Креста. На всех же церемониях Вдовствующая Царица занимала место впереди Царствующей. Мария Федоровна получала возможность сохранить за собой все прежние резиденции и двор, всё содержание которого новый Монарх принял на свой счет.

Но почет, Царские апартаменты и драгоценности заменить потерянного не могли. Мария Федоровна не только лишилась любимого Саши, она рассталась со всей прежней жизнью. Всё изменилось вокруг и еще многое изменится. Она в этом не сомневалась. Теперь её роль лишь присутствовать, а Царствовать будет другая.

Удаленная от дел государственного правления и раньше, Мария Федоровна знала тогда, что служит опорой тому, кто повелевает, тому, кто решает судьбы России и мира. Теперь же она лишь почетный гость на балу жизни у других. И ничего нельзя изменить. Всё так и должно было быть. Ум принимал новые реальности, но вот сердце… Оно не хотело считаться с доводами разума, с традицией и буквой государственного канона. Оно жило по своим законам.

Ники был безмерно счастлив после свадьбы; будь Его воля – укатил бы с Аликс куда-нибудь подальше, чтобы никого не видеть и не слышать, и наслаждался бы брачной жизнью всласть. Но выбора у Царя не было. Вскоре после женитьбы написал подробное письмо брату Георгию:

«День свадьбы был ужасным мучением для Нее и Меня. Мысль о том, что дорогого беззаветного любимого нашего Папа́ не было между нами и что ты далек от семьи и совсем один, не покидала Меня во время венчания; нужно было напрячь все свои силы, чтобы не разреветься тут в церкви при всех. Теперь все немного успокоилось – жизнь пошла совсем новая для Меня.

Мне еще не верится, что Я женат, так все последние события случились скоро. Я не могу достаточно благодарить Бога за то сокровище, какое Он Мне послал в виде жены. Я неизмеримо счастлив с Моей душкой Аликс и чувствую, что также счастливо доживем Мы оба до конца жизни Нашей. Но за то Господь дал Мне нести и тяжелый крест; надежда на Его помощь и светлый

пример незабвенного Папа́ – помогут Мне служить и трудиться на пользу и славу нашей дорогой Родины».

У Николая и Александры не было обычного послесвадебного «медового путешествия». Через неделю после венчания уехали в Царское Село, где лишь несколько дней и пробыли в уединении. Окруженный темным густым парком Александровский Дворец, снег, покрывший все вокруг, тишина и душевное умиротворение.

Бабушке королеве Виктории Алиса-Александра писала из Царского: «Я отдыхаю на софе после восхитительной прогулки с Ники по парку. Он сидит рядом и читает Свои бумаги. Мы приехали сюда на четыре дня и наслаждаемся покоем и прекрасным воздухом – у бедного Ники столько дела, что отдых здесь очень полезен для Него, а побыть только вдвоем – это высшее счастье. Я никогда не смогу достаточно возблагодарить Бога, давшего мне такого мужа».

Здесь Они были вдали от шума и суеты, здесь Они могли наслаждаться счастьем. Царь запечатлел свои радостные чувства в дневнике: «Каждый день, что проходит, Я благодарю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он Меня наградил! Большего или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно».

Аликс откликалась на признания в дневнике мужа исповедью своей души.

«Все больше и больше, глубже и сильнее растут моя любовь, преданность и тоска по Тебе. Я не могу достаточно благодарить Бога за ниспосланное мне Им сокровище в лице моего Бесценного – быть Твоею: может ли быть большее счастье?»

«Я никогда не могла представить себе возможности подобного беззаветного счастья на этом свете, такого чувства единства между двумя людьми, Люблю Тебя – в этих двух словах вся Моя жизнь».

«Говори Мне обо всем, душка! Ты можешь Мне вполне верить; смотри на Меня, как на частицу Тебя самого. Пусть Твои радости и печали будут Моими, и это нас еще больше сблизит. Мой единственный любимый, как Я люблю Тебя, дорогое сокровище, единственный Мой!»

Мария Федоровна видела, как Ники влюблен, была рада за Него, но порой ей казалось, что это чувство делает сына слишком зависимым от женщины, а в его общественном положение это недопустимо. Мать не пыталась внести разлад в жизнь Сына, но Александра Федоровна уловила некие флюиды нерасположения со стороны свекрови.

Две Царицы и один Царь. Две женщины и один мужчина.

Сама судьба должна была создать внутреннее напряжение, которое неизбежно и возникало. Они так не походили друг на друга. Старая Царица – милая, обходительная, умеющая нравиться, знавшая назубок правила поведения во всех ситуациях и почти никогда не пренебрегавшая своими венценосными обязанностями.

Александра же Федоровна во многом являла прямую противоположность: замкнутая, мало склонная завоевывать популярность, не желавшая знать и видеть тех, кто не отвечал ее представлениям о благонадежности и добропорядочности.

Мария Федоровна считала, что Алиса, при всей своей внешней красоте, лишена того, что всегда ценила в людях: «душевной экспрессии». Конечно, она заблуждалась и не подозревала, что её Невестка походит на потухший с виду вулкан, что у Неё внутри пылает пламя безбрежных чувств. Об этом никто тогда не знал, никто, кроме Николая II, который умел хранить семейные тайны.

Нельзя сказать, чтобы Мария Федоровна не любила Александру Федоровну. Нет, нелюбви не было. Но не было и душевного расположения. И по отношению к себе она его тоже не ощущала. Она видела, что Ники любил Аликс, и это было самое главное. Своим чувствам здесь она не придавала особого значения.

Александра Федоровна вела себя безукоризненно: Она писала свекрови письма, наносила ей визиты, передавала приветы, непременно поздравляла с праздниками, не роптала, когда шла сзади нее на торжественных церемониях. Но Мария Федоровна это не хватало. Ей все время казалось, что невестке она не нужна, что та тяготится ее присутствием и не расположена продолжать общение дольше приличествующего. Жена сына не искала сближения. Вдовствующая Царица платила ей тем же.

Александра Федоровна, любя мужа больше жизни, ни с кем не желала делить свое полное и неоспоримое право на Него. Через две недели после свадьбы записала в дневник Мужа: «Отныне нет больше разлуки. Наконец, Мы соединены. Скованы для совместной жизни, и когда земной жизни придет конец, Мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе».

В ноябре 1895 года истек годичный срок траура по Александру III, и начало сезона 1896 года ознаменовалось в Петербурге каскадом балов. Столичное общество истосковалось по веселью, и все стремились насладиться власть.

Мария Федоровна оставалась в трауре и уже теперь не танцевала. Но на балах бывала, а некоторые давались и в Аничкове. Она не считала, что другие должны лишаться того, на

что имеют право.

Особенно она переживала за свою любимую Ксению, которая до свадьбы в июле 1894 года мало веселилась, а после свадьбы начались трагические обстоятельства, и веселья никакого вообще уже не было. А ей так нужно воспрянуть духом после тяжелой беременности и первых родов (ее первая и единственная дочь Ирина появилась на свет 3 июля 1895 года).

Императрица смотрела на бальное веселье, пыталась радоваться, но печаль не проходила. Конечно, было тоскливо от сознания того, что жизнь так стремительно несется, что годы летят всё быстрей и быстрей. Она уже пожилая дама, у нее уже есть две внучки.

Вторая внучка Вдовствующей Императрицы Великая княжна Ольга Александровна родилась через год после свадьбы Ники и Аликс.

Появление своего первенца Царь и Царица ожидали с великим душевным трепетом. Решили: если будет мальчик, то назовут Павел, а если девочка – Ольгой. Этот выбор имен был согласован с «дорогой Мама́», которая его одобрила. В душе молодого Императора перемешивались тревога и радость. Наконец 3 ноября 1895 года в Царском Селе в Императорской Семье появилась на свет девочка. Отец был счастлив.

«Вечно памятный для Меня день, в течение которого Я много много выстрадал! Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали Ей спать. Весь день Она пролежала в кровати в сильных мучениях – бедная! Я не мог равнодушно смотреть на Нее. Около 2 час. дорогая Мама́ приехала из Гатчины; втроем с ней и Эллой (сестрой Александры Федоровны. – *А.Б.*) находились неотступно при Аликс.

В 9 час. ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом Нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой. Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившимся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала Себя вечером бодрою».

Ребенок оказался крупным: 10 фунтов весом и 55 сантиментов ростом! Бабушка Императрица Мария Федоровна писала сыну Георгию на Кавказ: «Ники буквально купается в счастье от Своей новой роли отца».

Александра Федоровна испытывала неменьшие восторженные чувства. В Англию старшей сестре Виктории сообщала: «Тебе пишет сияющая, счастливая мать. Можешь представить себе Наше бесконечное счастье теперь, когда у Нас есть наша драгоценная малышка, и Мы можем заботиться и ухаживать за ней».

Наступили дни полного семейного счастья. Накануне 1896 года Николай II записал в дневнике: «Дай Бог, чтобы он прошел так же мирно, тихо и счастливо для Нас и для матушки России, как и предыдущий».

В семье Николая II и Александры Федоровны после Ольги родилось еще трое дочерей – Великих княжон. Татьяна – 29 мая 1897 года, Мария – 14 июня 1899 года, Анастасия 5 июня 1901 года. ОТМА – таково было придуманное собирательное имя, составленное по первым буквам Их действительных имен. Так Они подписывали Свои общие письма.

А 30 июля 1904 года Венценосцы добились величайшей милости Всевышнего – в Петергофе на свет появился Сын, нареченный при первой благодарственной молитве Алексеем.

Мария Федоровна искренне радовалась появлению внучат. Однако любая радость старой Императрицы все равно была окутана темной вуалью печали. Потеря незабвенного Саши перечеркнула, отбросила в прошлое главное из того, чем жила и чем счастлива была: ее любовь и любовь к ней. И теперь если и случались светлые дни, то их окрашивали меланхолические чувства.

16 января 1896 года писала сыну Георгию:

«Это было в прошлый четверг, в день большого бала, на котором я хотела видеть Ксению в бальном туалете. Она была очень хороша, вся в белом со своей великолепной, очень ей идущей изумрудной диадемой на голове. Но я не могу выразить тебе, как мне стало грустно от одного вида этой розы бала и толпы людей, которая, как и прежде, прибывала во Дворец, и от сознания того, что прошло всего два года с тех пор, как наш обожаемый Папа́ тоже бывал здесь и приветствовал этих же самых людей – и теперь всё это продолжается без него! Это меня так потрясало и нервировало, что я едва смогла скрыть мою беспредельную тоску от бедной Ксении, которая также была взволнована, отправляясь на бал».

Вокруг бурлила во многом уже другая жизнь, порой странная и непонятная, но, во всяком случае, уже явно «не ее». Вдовствующей Императрице теперь оставалось только лицезреть чужое веселье и хоть приходилось волей-неволей бывать на балах, но уже никогда не танцевала. Людей ее поколения там уже почти и не встречала. После одного из таких «визитов» делилась мыслями с сыном Георгием:

«Это было очень красиво и оживленно. Но как все изменилось за эти четыре года! Все общество уже новое, за исключением 3–4 кавалеров, и совсем новые танцы. Гавоты, миньоны, падекатр и т. д., которых я совсем не знаю. Это все требует особых костюмов,

чтобы выглядеть хорошо. Это все кажется немножко смешным: офицеры, делающие грациозные движения!»

В мае 1896 года в Москве проходили пышные коронационные торжества. Венчался на Царство Николай II.

Главное действие – обряд Коронования – состоялось 14 мая в Успенском соборе Кремля. Вечером Царь занес в дневник: «Все, что произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь».

Александра же Федоровна писала сестре Виктории: «Служба Меня совсем не утомила, скорее, вдохновила сознанием того, что Я вступаю в мистический брак с Россией. Теперь Я действительно Царица».

Душа же Марии Федоровны пребывала в тоске. Ей всё напоминало недавнее и такое теперь уже сказочное время, тринадцать лет тому назад, когда они с Сашей проходили через те же ответственные испытания. Время жестоко, оно ни для кого не делает исключений, и всё уходит, хорошее и плохое, и лишь память остается хранительницей драгоценных мгновений.

Она помнила всё, всё до мельчайших деталей, и слезы навертывались на глаза. На публике держалась. Улыбалась, принимала поздравления и знаки внимания, мило общалась с иностранными принцами – гостями. Вечерами же, оставаясь одна, все незабываемые эмоции одолевали с неимоверной силой, и уж тогда слез не боялась.

«Наконец-то я счастлива оттого, что все это уже **позади**. Я благодарна Богу за то, что Он помог мне справиться с моими собственными чувствами, и за то, что Он помог мне выполнить этот **страшный**, но **священный** долг, присутствовать на короновании моего дорогого Ники и помолиться за Него и рядом с Ним в этот, самый большой и важный момент, самый серьезный в его жизни. У Него был такой трогательный и проникновенный вид, что я этого никогда не забуду».

А через несколько дней случилось ужасное происшествие. Рано утром 18 мая за Тверской заставой, на Ходынском поле, там, где собрались сотни тысяч людей для получения Царских подарков, произошла давка и многие погибли. Это был недобрый знак!

Все переживали, но, наверное, горше всех – старая Царица. Расстроенная, с непроходившей головной болью 26 мая покинула Москву и, лишь вернувшись в Гатчину, смогла перевести дух. И написала письмо сыну Георгию, полное горьких и печальных наблюдений:

«Но ужасная катастрофа на народном празднике, с этими массовыми жертвами, опустила как бы черную вуаль на все это

хорошее время. Это было такое несчастье во всех отношениях, превратив в игру все человеческие страсти.

Теперь только и говорят об этом в малосимпатичной манере, сожалея о несчастных погибших и раненых. Только **критика**, которая так легка **после**! Я была очень расстроена, увидев всех этих несчастных раненых, наполовину раздавленных, в госпитале, и почти каждый из них потерял кого-нибудь из своих близких. Это было душераздирающе.

Но в то же время они были такие значимые и возвышенные в своей простоте, что они просто вызывали желание встать перед ними на колени. Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме их самих. Они говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они, как всегда, были возвышенными, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу.

Другие классы должны бы были с них брать пример, а не пожирать друг друга и, главным образом, своей жестокостью возбуждать умы до такого состояния, которого я еще **никогда** не видела за 30 лет моего пребывания в России».

Молитвы и сетования Матери-Царицы ничего ни в жизни людей, ни в истории Империи изменить не могли.

Глава 26. Одинокая душа

Родившийся в 1858 году внук Царя Николая I Великий князь Константин Константинович честно, нелукаво служил России и двум Государям – Александру III и Николаю II – на разных должностях: на флоте, в гвардейских Измайловском и Преображенском полках. Занимал посты Президента Академии Наук и Главного начальника военно-учебных заведений, носил звание флигель-адъютанта и генерал-лейтенанта.

Душа же Великого князя не принадлежала повседневным заботам.

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета —
Звездой мне служит путеводной
Любовь и красота.

Поклонялся только им. Природа воспринималась как «нетленный шедевр», а любовь – как высший дар Творца.

Единственный из всего Романовского Рода он оставил о себе память в истории русской поэзии. Для человека Царскородного круга то было совсем необычно и непривычно. Никто из родни не воспринимал поэтические экзерциции «милого Кости» как серьезное занятие. Никто… кроме него самого. «Призвание поэта для меня высшая и святейшая из обязанностей», – написал на пороге своего 34-летия.

Его воображение надолго могли захватить вещи и образы, почти и не замечаемые другими. Ветка майской сирени, букетик ландышей, пение соловья, ароматы и шорохи летней ночи, вид из окна, старая картина, улыбка женщины, цвета зори, переменчивые краски моря и многое другое, извечно-мимолетное, запечатлевалось, волновало и воодушевляло.

Он был поэтом по призванию, по своему земному предназначению. Именно поэтому так взволнованно и придирчиво относился к своему творчеству.

«Сам я себя считаю даровитым и много жду от себя, но, кажется, это только самолюбие и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе. Но великие поэты редко бывают ценимы современниками. Я не великий поэт и никогда великим не буду, как мне этого не хочется», – делал беспощадный вывод тридцатилетний великий

князь.

Перед титанами склонялся беспрекословно, но всегда мучил вопрос: как у таких гениев, как Пушкин и Шекспир, получается совершенство даже в простых вещах? Это чудо несказанное, это дар Божий. Почему же он, не представляющий жизни без поэтического сочинительства, почему он не может, как они, почему ему так трудно все дается и редко когда получается, как хотелось бы.

«Я все более сомневаюсь в своих силах. Другие в мои годы так много уже сделали. А между тем самолюбия у меня – неисчерпаемая бездна. Все мечтаю, что и меня когда-нибудь поставят наряду с великими деятелями искусства. Про кого бы из художников я не читал, все примеряю на себя, вчитываюсь, присматриваюсь, что б заметить, нет ли в развитии моего дарования чего-либо сходного с постепенным совершенствованием великий людей художества. И мне временами представляется, что иссяк во мне источник вдохновения».

Такую запись оставил в дневнике 33-летний Великий князь Константин Константинович в конце 1891 года. Сомнения не оставляли. Знал, что не сумел сказать так, как делали великие до него, не постиг таинства их мастерства.

У него уже было имя; под псевдонимом «К.Р.» было опубликовано два сборника стихов, получившие в газетах и журналах сочувственные отклики, а крупнейшие художники слова А.А. Фет, А.Н. Майков, И.А. Гончаров прислали ему одобрительные письма.

В свою очередь, «первый композитор России» Петр Ильич Чайковский сочинил несколько романсов на его стихи, ставших сразу очень популярными. Творческая дружба с Чайковским давала много уму и сердцу. Смерть композитора стала тяжелой утратой.

В дневнике 24 октября 1893 года записал: «В эту минуту получил телеграмму от Модеста Чайковского: Петр Ильич в 3 часа ночи скончался. Сердце болью сжимается. Я любил его и почитал как музыканта. Мы были в хороших, сердечных отношениях, мне будет недоставать его. Мы с ним переписывались, у меня хранится немало его писем».

Натура Великого князя трепетно реагировала на все, что давало пищу чувству, вызывало сильные эмоции, порой доходившие до экзальтации. Его происхождение, воспитание и окружение обязывали быть сдержанным, управлять собой даже в самых необычных ситуациях. И он выдерживал почти все 57 лет своей жизни.

Для любого поэта-лирика, а К.Р. принадлежал к числу таковых, летопись его жизни, «биография души» – стихи. Там о многом сказано, все объяснено, все… кроме самого сокровенного.

В душе моей загадочной есть тайны,
Которых не поведать языком,
И постигаются случайно
Они лишь сердцем, не умом.

Так написал Великий князь в стихах, посвященных своей жене через три месяца после венчания.

Константин Константинович женился в апреле 1884 года на немецкой Принцессе Елизавете (Елизавета-Августа-Мария-Агнесса) Саксен-Альтербургской, получившей в России имя Елизавета Маврикиевна. Он был тогда на пороге двадцатишестилетия; его избраннице только недавно минуло девятнадцать лет. Это был выбор Великого князя.

Милая, скромная, улыбчивая Принцесса покорила сердце Константина Константиновича. Ему так было уютно, когда приезжал в Альтенбург («Старгород», как шутливо, на русский манер, называл князь этот небольшой немецкий городок – столицу герцогства). Ему казалось, что рядом с ней будет тепло и спокойно, именно так, как грезилась семейная жизнь.

В пользу этой партии была очень расположена мать Константина Великая княгиня Александра Иосифовна, сама урожденная Альтенбургская принцесса (Елизавета приходилась ей двоюродной племянницей). Убеждение Мама́ тоже сыграло свою роль.

Венчание состоялось в Большой церкви Зимнего Дворца, и впечатления от бракосочетания Константин Константинович отразил в дневнике:

«Отец Янышев венчал нас. Я внимательно следил за ходом службы, стоял смирно, часто крестился и горячо молился. Она тоже крестилась часто, но неправильно, как католички. Вот нам дали кольца. Отец Янышев обращался к Елизавете по-немецки, чем она была очень тронута. Шаферами были Митя и Петюша[56]. Митя по моей просьбе надел на меня венец, а потом держал его над головой. После слов: «Господи, Боже наш, славою и честию венчай я» – я видел уже в Елизавете свою жену, которая дана мне навеки, которую я должен любить, беречь, холить, ласкать».

Через четыре дня, 19 апреля 1884 года, записал: «Она моя жена. Я давно не был так счастлив».

Однако довольно быстро после свадьбы Константин понял, что он не найдет в жене душевного друга. Елизавета оказалась

слишком простой, обреченно заземленной. Он знал об этом раньше, но думал, что сможет перебороть незатейливость вкусов и представлений своей «Лилиньки». К тому она не приняла Православия, осталась лютеранкой, а это не могло способствовать подлинному, душевному единению.

«Со мною у нее редко бывают настоящие разговоры. Она обыкновенно рассказывает мне общие места. Надо много терпения. Она считает меня гораздо выше себя и удивляется моей доверчивости. В ней есть общая Альтенбургскому семейству подозрительность, безграничная боязливость, пустота и приверженность к новостям, кажущимся мне не стоящими никакого внимания. Переделаю ли я ее на своей лад когда-нибудь? Часто мною овладевает тоска».

Такие мысли владели Великим князем уже через несколько месяцев после свадьбы. Елизавету главным образом интересовало и увлекало то, что заботило большинство окружающих, но что оставляло равнодушным мужа-поэта.

Константин Константинович изо всех сил стремился увлечь жену темами высокими, проблемами вечными: Жизнь и Смерть, Дух и Плоть, Свет и Тьма. Не раз вступал с ней разговоры о Боге и потаенном смысле всего сущего. Читал и излагал собственное понимание различных мест Священного Писания, делился мыслями и впечатлениями по поводу различных литературных произведений.

Он уже много лет просто боготворил Достоевского, его произведения открывали столько важного и до того не высказанного. К.Р. считал Достоевского не только большим писателем, но и пророком. Он сам с ним несколько раз встречался, слушал авторское чтение произведений, всегда почти вызывавшее слезы, а затем долгое время находился под впечатление. Когда в начале 1881 года Федор Михайлович скончался, то для Константина Константиновича это стало большим личным горем.

Через десять лет после смерти Достоевского великий князь вспоминал: «Я еще был мальчишкой, мне едва было 20 лет, когда я познакомился с творцом Преступления и Наказания. Я еще не писал стихов, а уже и тогда меня притягивал к себе этот человек. Он относился ко мне с расположением и помню, как однажды предсказал мне великую будущность. Я верю, что он обладал даром пророчества».

Своей жене рассказывал о Достоевском не раз. Читал различные места из произведений, старался по-немецки подробно передавать смысл русского текста, который для Елизаветы оставался «тайной за семью печатями». Но однажды заметил, что

жена при его чтении задремала. Константин испытал потрясение. После того случая просветительские занятия прекратились. Елизавета не выказывала интереса, а он больше ей не навязывал…

Жену и мужа разделял не только Достоевский. По-разному относились они и к вере. Он – православный, она – протестантка. Еще когда встал вопрос о браке, то родителям невесты было твердо обещано, что их дочь имеет полное право сохранять приверженность своей конфессии.

Женитьба Великого князя Константина никак не затрагивала вопрос Тронопреемства (князь представлял боковую ветвь царского рода), а следовательно, обязательного перехода в Православие не предусматривалось. Елизавета Маврикиевна (в романовском кругу ее окрестили Маврой) не проявляла никакой тяги к Православию, которому принадлежал супруг и все их дети.

В «личное дело» жены Константин Константинович никогда не вторгался, но на душе оставался горький осадок. После восьми лет брака записал: «Воспитанная в строгих лютеранских понятиях, она убежденная протестантка и относится к нашему православию благодушно только в силу каждому хорошему человеку присущей веротерпимости. Она пока не понимает Православия, дух его, необходимого для русских, хоть она довольно близко знакома с нашими догматами и обрядами. Но тут мало знать, надо чувствовать, а это не всякому дано».

Елизавете то не было дано. Прожив в России почти 35 лет, так и не приняла Православие.

Шли годы, у Константина и Елизаветы появлялись дети, князья и княжны Императорской крови: Иван (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Татьяна (1890–1970), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1938), Наталья (1905), Вера (1906–2001).

Семья Константина была самой многочисленной из всех Великокняжеских семей. Зимой жили в Мраморном Дорце в центре Петербурга, на лето перебирались или в Павловск, или в Стрельну. Со стороны Константиновичи производили впечатление большой и дружной семьи. Но так все выглядело только со стороны.

Мужа и жену объединяли только дети и формальные Династические обязательства. Действительного же «единения душ» так и не наступило. За пределами детской, вне родительских забот общего почти не было. Константина, умершего в 1915 году, неизменно волновали духовные и интеллектуальные темы. Мавра же вся растворилась в семейно-хозяйственных делах, с жаром отдавалась светским новостям и

сплетням. Прижив более тридцати лет в браке, супруга не стала К.Р. духовно близкой.

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюся порою
Средь всяких дрязг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.
Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри, не каждый ли из нас
Несовершенное созданье?
Мы жертвы слабые судьбы,
Поступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И ведь на самом солнце пятна.
Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мириться,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится…

«Пошлости», «дрязг» и «суеты» вокруг было много. И Константин Константинович старался укрыться, замкнуться в своем мире, в мире звуков и образов ему понятных и приятных. Богатое воображение сотворило вторую, как теперь сказали бы, виртуальную реальность, где обитала душа поэта. Там он был полновластен и счастлив. Не с кем было тем поделиться, некого было туда пригласить. Друзей, понимающих и чувствующих равнозначно, не существовало.

В детские и юношеские годы имелось несколько человек, близких по духу и интересам: сестра Ольга, братья Николай и Дмитрий, кузен Сергей Александрович. Годы развели. Оля, выйдя замуж за Греческого Короля Георга I, все реже и реже бывала в России.

Брат Николай в какой-то момент совсем спятил, связался с куртизанкой, украл из дома драгоценности, чем чуть не довел до смерти Мама́. Потом его сослали в Среднюю Азию, они с Николой больше почти и не виделись[57].

У брата Дмитрия тоже своя дорога: как началась его служба, так больше ничем уже и не интересовался. Добрый, честный, но скучный малый.

Был еще кузен Сергей. С тем много лет близко дружили, делились многим. Из всех прочих Сергей интимней всех был Константину. Но с годами и эта дружба зачахла.

Одиночество скрашивали стихосложение и переводы.

Особенно Шекспира. Более десяти лет К.Р. переводил «Гамлета». И хотя знал английский язык очень хорошо, но то, что получалось, не удовлетворяло. Чувствовал, что в оригинале Шекспир звучит сильнее, образы обозначены куда выразительней, чем в переводе. Пытался добиться требуемого соответствия. Перечитал все русские издания «Гамлета», буквально измучил своих европейских и близких и дальних родственников выяснениями точных значений тех или иных слов и выражений. В 1900 году «Гамлет» в переводе К.Р. был издан. В шеспироведении этот перевод до сих пор считается классическим…

Не имея близких друзей, Константин доверял свои мысли чувства дневнику. Перед смертью завещал все личные записи Академии Наук, поставив условие: вскрыть ларец с дневниками можно будет лишь через 90 лет после его кончины.

Это время должно бы было наступить в 2005 году, но все изменилось гораздо раньше: революция 1917 года свергла Династию Романовых и со всех документов, даже самых интимных, были сорваны покровы. Не стали исключением и 66 толстых тетрадей, куда Константин каждодневно заносил свои мысли и впечатления с 1870 по 1915 год.

Автор предстает человеком страстным, ищущим, метущимся, лишенным самодовольства как в юности, так и в зрелые годы. Это была честная и одинокая душа. Дневнику он открывал все, не таясь, размышлял обо всем, что волновало, озадачивало, заботило. Не раз возникала мысль: стоит ли оставлять потомкам описания самых нелицеприятных мыслей и дел? После мучительных размышлений всегда приходил к одному и тому же заключению: он должен быть честным не только перед Богом, но и перед людьми.

Вера в Бога, долг перед своим происхождением и положением все время подвергались испытанию. Греховные соблазны обступали со всех сторон. Великокняжеское положение обязывало быть чрезвычайно осторожным в словах и делах. Великим князьям ничего не прощали и ничто не забывали.

В одном из писем кузену Сергею Александровичу в 1883 году заметил: «Нам теперь стоит позавтракать у Донона (французский ресторан в Петербурге), выпить бутылку шампанского, чтобы свет оплакал навек нашу нравственность. Это очень смешно и нечего обращать внимания. Брань на вороту не виснет».

Наивные заблуждения молодости! Именно его адресат испытал на себе в полной мере. «Развратный образ» князя Сергея, без каких-либо видимых причин, прочно утвердится в сознании столичного общества. Самого Константина в «непристойном поведении» обвинять не будут, хотя здесь имелось значительно

больше действительных, а не выдуманных оснований…

В юности Константин Константинович придерживался убеждения, что он вступит в связь с женщиной лишь после брака. Боялся «растратить» себя до срока, опасался за «чистоту своей души». Но все случилось «не по правилам».

В 1876–1877 годах Константин совершал кругосветное плавание на фрегате «Светлана». Тогда подобным испытаниям характеров и навыков службы нередко подвергались молодые члены Царской Династии. Вдали от дома, в простой мужской среде, в трудных морских переходах Великие князья должны были закалить волю, показать, на что способны. Константин выдержал испытание службой, но не устоял перед искушениями сладострастия.

Весной 1877 года несколько недель «Светлана» стояла в порту Нью-Йорка, где случилось «грехопадение»: Великий князь посетил публичный дом и в свои неполных девятнадцать лет впервые вступил в связь с женщиной. У него не было особой тяги, но статус «морского волка» обязывал. Накануне «рокового визита» 18 апреля записал:

«Я в отчаянном состоянии: когда я читал, по обыкновению, практику, вдруг пришла мысль, что я должен идти к женщине, и сама мысль была до того сильна, что я не мог преодолеть ее. Голова закружилась, я начал молиться и думал, что, совершив задуманное, я вернусь к Господу как блудный сын: но это подло, подумал я. Вспомнил Мама́, что это ее огорчит: но если бы она знала, что мужчина не может жить без этого, она бы поняла». Ему так хотелось стать мужчиной.

Случившееся в нью-йоркском публичном доме не окрылило. «Конечно, я изменил своему убеждению, изменил обещаниям, данным Мама́, но раскаяния я не чувству, только все бывшее осталось в памяти как тяжелый сон. Я был в полном сознании во все время…»

Больше всего удивило, что запретный плод не оказался столь сладким, как представлял до того. «Я не ощущал никакого сладострастия, и верно говорят, какая у меня холодная кровь».

Еще в ранней молодости Великий князь ощутил тягу к мужской компании. Сильные, волевые мужчины вызывали зависть и восторг. Годы шли, но обычная юношеская бисексуальность не проходила. Мужчины продолжали притягивать. Знал, что это нехорошо, что подобная тяга повсеместно осуждается, квалифицируется как «содомский грех».

Когда плавал вокруг света на фрегате, то однажды ночью он «сблизился больше допустимого» с одним офицером. Имя его К.Р. не доверил даже дневнику. Затем были угрызения совести, слезы

от сознания собственной греховности и молитвы Всевышнему простить слабость.

Хотя «недопустимой близости» больше долгие годы не было, но образ того офицера, у которого «было мало целомудрия», но который «был честным и прямым», не исчез из памяти.

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!
Но силы мрачные не дремлют,
И тучи – дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядную объемлют…

Неведомые силы тащили во тьму, в грех, который не давал покоя. Умом все понимал, порой презирал себя, отгонял все дурное, порочное. Победы давались дорогой ценой, но они переполняли душу радостью. Наконец-то с теми «лукавыми сомнениями» покончено. Он глава семейства, чадолюбивый отец, примерный христианин. И того довольно. Знал, что силы на борьбу с «искушением» дает только вера.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Знал, что Господь посылает людям тяжелые, порой просто немыслимые испытания, и лишь те, которые выдержат, выстоят, преодолеют, только те и достойны Его Милости. Однако наступали моменты слабости, и все отступало перед греховным «зовом плоти». Опять сладостная «пелена порока» заволакивала, затемняла сознание. Случались новые грехопадения. Затем опять раскаяния и страдания.

Накануне Великого Поста 1893 года занес в дневник: «С сокрушенным сердцем готовился к исповеди. Опять должен был нести духовнику покаяние в том же грехе, как и четырнадцать лет назад. Невольно рождался в голове мучительный вопрос: ужели не в последний раз каюсь я в этом грехе? К этому примешивался, и стыд и жалко было огорчить старого О[отца] Двукраева своей неисправимостью. И действительно, он был глубоко огорчен.

Я жадно слушал его наставления, желая почерпнуть в них силы на борьбу. Он грозил мне тем, что грех мой перестанет когда-нибудь быть тайным, что все о нем узнают. Меня самого пугала эта мысль, хоть перед своей совестью грех одинаково дурен, знают ли о нем или нет, но огласка была бы ужасна. Только незаслуженной ко мне милостью Божией могу я считать неизвестность моего греха. И вот, я получил отпущение и твердо надеюсь исправиться».

Константин не принимал участия в «собраниях содомитов», не раскрывал свои половые наклонности в общениях с родственниками, знакомыми, товарищами по службе. Он грешил почти всегда лишь в мыслях и изредка… с молодыми банщиками в полковой или городской банях (с 1891 года Великий князь состоял командиром лейб-гвардии Преображенского полка – самого престижного подразделения императорской гвардии).

«Последние два месяца, – записал К.Р. в марте 1894 года, – я более усиленно боролся с искушениями, бросил сделки с совестью и старался не давать себе повода грешить. А этим поводом была для меня баня; не ходишь в баню, так и не греши или грешу только мысленно. И вот за обедней в полковом соборе увидел я своего банщика. Заметив его, я поскорее отвел глаза в сторону и более на него не заглядывал».

Мысль о раскрытии сокровеннейшей тайны пугала. Но жена и дети служили индульгенцией в глазах общественного мнения…

Муки совести не давали покоя. Однажды возникла ситуация, надолго выведшая душу из равновесия. Случилось то в феврале 1894 года.

«Я очень смущен. Сегодня пришел ко мне сюда в дежурную комнату наш старый полковник Катеринов. Он доложил мне про очень неприятное дело. Право же, не знаю, как изложить его письменно; есть вещи, про которые не только писать, но и говорить неловко и стыдно, и это дело именно такого рода».

Хозяин другого дневника подобное никогда бы не записал. Зачем оставлять «нежелательные улики» потомкам? Но князь Константин был не из числа таковых. Он был слишком искренним и честным. Что мирская молва, если Господь ведает!

Дело же, с которым пришлось столкнуться командиру Преображенского полка, оказалось из разряда скандальных, оно касалось как раз осуждаемых половых пристрастий. В нем оказались «замешаны наши молодые подпоручики Рудановский и Сабуров (Дмитрий). На них пало обвинение в противоестественных половых наклонностях, Рудановский виноват, безусловно, а на Сабурова имеется только подозрение, которого, за недостатком улик, рассеять нельзя. Следовательно,

оба должны быть удалены из полка».

В те времена ни о какой «сексуальной революции» никто слыхом не слыхивал, а нравы были традиционно строги и бескомпромиссны. Одного лишь подозрения в склонности к «содомскому греху» было достаточно, чтобы подозреваемый навсегда распрощался с военной карьерой и стал изгоем. Подобное «клеймо позора» смыть было практически невозможно.

Великого князя Константина мучил сам факт, который, конечно же, не являлся украшением репутации вверенного подразделения Гвардии. Но еще большие страдания доставляла мысль о том, что вот они, молодые подозреваемые, стали жертвами моральных норм, а он, их начальник, может быть куда более грешный, защищен положением, своим Царскородным происхождением. При этом второй, Сабуров, пользовался его расположением, проявил себя в службе с наилучшей стороны.

«И я, подверженный тем же наклонностям, вынужден карать людей, которые не хуже меня. Это тяжело. К тому же я люблю (Сабурова) и, равно как многие из его товарищей, не верю в его виновность: и вот, как командир полка, оберегая честь общества офицеров, я должен удалить человека менее виновного меня самого. А я, только ради того, что про мой грех ничего не известно, являюсь судьею в деле, в которое может быть случайно попал невинный.

Как это мучительно! И между тем я высказал Катерининову свое решение об удалении из полка обоих названных офицеров совершенно спокойно, ни минуты не задумываясь, как будто сам я ни в чем не виновен».

Рефлексирующая душа К.Р. долго не могла успокоиться. Мучили вопросы и сомнения. «А мог ли я поступить иначе? С ноября месяца я не грешу и не теряю надежды победить в себе грех навсегда; но если Господь судил мне и в будущем поплатиться за прошлое, я смиренно понесу кару, преклонясь перед Божьим правосудием. Господи, прости и помоги, хоть ради моей душевной муки».

Великий князь понимал, как узок мир, как трудно в людском водовороте, где приходилось ему вращаться с рождения, утаить свои порочные наклонности. Он боялся огласки многие годы. Не за себя переживал, было стыдно перед детьми, перед Царем, перед знакомыми, которых уважал. И уже в зрелые лета, почти на пороге своего пятидесятилетия, возникла угроза разоблачения его двойной жизни.

В конце 1905 года князь получил письмо от одного офицера, который растратил деньги военного училища, немалую по тем временами сумму в 3000 рублей. За этот проступок он был уволен

со службы без права на ношение мундира и без права на пенсию. Однако разжалованный решил отомстить начальству и первому среди них – Великому князю Константину Константиновичу как Начальнику военно-учебных заведений империи.

В своем послании бывший офицер с циничной откровенностью писал о том, что растратил деньги «из-за отстрой нужды», добавив амикошонски: «С кем не случается греха, хотя бы с вами». Далее автор писал, как он видел Великого князя в бане и как ему потом банщик рассказал, что у Великого князя с ним там было.

Письмо заканчивалось многозначительным замечанием, что его автор «держит все пока в секрете», но «если оно появится в печати», то Великому князю будет «неудобно оставаться на занимаемом мною посту». В заключение шантажист просил принять его «для личного разговора».

Константин испытал сильнейшее волнение. Вот оно, возмездие! Он долго не мог прийти в себя, казалось, что земля вот-вот разверзнется под ногами. Стыд и возмущение переполняли душу.

Постепенно успокоившись, Константин Константинович уже спокойно обдумал ситуацию. Он вспомнил, что в указанный день (мерзавец даже точную дату привел) он действительно был в Красносельских банях, но никакого греха в тот раз не было.

Проведя ночь без сна, Великий князь принял твердое решение: ни при каких условиях этого господина не принимать. Что же касается возможной огласки, то «будь что будет. Разве я не стою наказания?».

Он молился истово, только на Всевышнего была вся надежда. Своих сил одолеть искушение долго не хватало.

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем промышлением,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биением.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Все, которых пришел искупить
Ты Своей Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

«Битва с похотью» оказалась трудной и многолетней.

Постепенно дух возобладал. Великий князь Константин Константинович отрешился от порочных соблазнов. К сорока годам все это уже осталось в прошлом. Когда стал Начальником военно-учебных заведений, то ему постоянно приходилось инспектировать кадетские и юнкерские училища по всей России. Общение с молодыми курсантами и офицерами радовало, но сам не раз удивлялся, что никаких порочных мыслей и желаний уже не возникало. Он любил молодых людей лишь отеческой любовью. За это благодарил Господа.

Любовь и благодарность к Господу переполняли душу К.Р. последние годы жизни, они окрашивали его земное существование глубоким смыслом. Эти чувства подвигли на многотрудное дело: создание большого драматического произведения о последних днях жизни, смерти и воскресении Спасителя.

Великий князь многие годы трудился, размышлял, перечитал и изучил немыслимое количество богословской литературы. Его консультировали лучшие специалисты по библейской истории, он сам анализировал тексты древних авторов. Драма «Царь Иудейский» была поставлена на сцене Эрмитажного театра 9 января 1914 года.

Последние годы жизни Константин Константинович приобщился к тайне великой любви, заповеданной Господом. Скончался он 2(15) июня 1915 года в Павловске.

Глава 27. Красавец Сандро

Великого князя Александра Михайловича (1866–1933) близкие всегда звали Сандро. Он родился и провел ранние детские годы в Тифлисе, где его отец – младший сын Императора Николая I Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) – исполнял обязанность Кавказского Наместника. На грузинский манер Александра и стали называть Сандро. Он принадлежал к тем представителям Романовского рода, кого было принято именовать Михайловичами.

Его отец в 1857 году женился на восемнадцатилетней принцессе Цецилии, дочери герцога Леопольда Баденского и его жены принцессы Шведской Софии. Цецилия Баденская получила в России имя Великой княгини Ольги Федоровны (1839–1891).

Эта Великая княгиня не блистала красотой, но имела другие «исключительные отличия». Обладая острым и язвительным умом, она прославилась как «первая фурия Империи». Многие члены Династии встречаться с ней не хотели, но игнорировать не могли. Ее муж Михаил Николаевич занимал высокое положение в Династической и административной иерархии: сын Императора Николая I, председатель Государственного Совета.

Полагалось соблюдать «политес», наносить визиты. Это почти всегда походило на «встречу с инквизицией». Ольга Федоровна начинала выведывать и выпытывать различные подробности личных отношений и интимного времяпрепровождения, о чем говорить было не принято. Сразу же и характеристики начинала давать.

Если ее послушать, так кругом только и были что дураки, пьяницы, бездельники, развратники и кокотки. Деликатный и воспитанный Великий князь Константин Константинович, пообщавшись с тетушкой в июне 1882 года, записал в дневнике: «Видели тетю Ольгу Федоровну; она такая же злая и неприятная, при ней боишься говорить свободно, непременно насплетничает».

В семье Михаила Николаевича и Ольги Федоровны родилось семеро детей: Николай (1859–1919), Анастасия (1860–1922), Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Александр (1866–1933), Сергей (1869–1918) и Алексей (1875–1895).

Ирония истории состояла в том, что дети Ольги Федоровны своей жизнью и поведением наглядно подтверждали злые матушкины инвективы касательно порочности человеческой натуры. За исключением сына Алексея, умершего в юных летах, все остальные являлись живым воплощением безответственности, слабостей и пороков.

Старший Николай, желчностью характера очень походивший на мать, имел широкие интересы, считал себя европейцем и республиканцем. Он успел составить себе имя как историк, выпустив несколько сочинений по истории эпохи Александра I. Историческая ценность этих опусов состояла в том, что ему удалось использовать семейные документы Дома Романовых, к которым другим историкам в то время доступа не было.

Задолго до крушения Монархии этот Великий князь забыл о династических обязательствах, предал забвению свое происхождение, порвал с Православием. Для него февральско-мартовская революция 1917 года стала чуть не праздником. Он сразу же послал А.Ф. Керенскому письмо, где предлагал свои деньги на памятник декабристам, т. е. на памятник людям, собиравшимся убить его деда и всех прочих членов Династии!

Да и другие отпрыски Ольги Федоровны показали себя людьми «свободными» – свободными от долга и чести, людьми, занятыми лишь угождением личным интересам и тщеславию.

Сергей Михайлович много лет «жил одни домом» с известной балериной Матильдой Кшесинской, а после революции был недоволен, что отрекшегося Императора и его семью «недостаточно надежно охраняют».

Георгий Михайлович много лет состоял управляющим Русского музея имени Императора Александра III, был известным коллекционером-нумизматом. Однако его семейная жизнь (он женился в 1900 году на Греческой Принцессе Марии) – цепь бесконечных скандалов и разладов.

Михаил Михайлович, которого сама Ольга Федоровна и ее старшие сыновья, бесконечно третировали, иначе, как «дураком», не называли, с юности отличался необычайной «влюбчивостью натуры» и грезил лишь об одном – о женитьбе. После целой серии неудачных попыток он в феврале 1891 года без согласия Императора и, не уведомив родителей, тайно за границей вступил в морганатический брак с внучкой А.С. Пушкина Софией, графиней Меренберг. Брак так тяжело подействовал на матушку, что сердце ее не выдержало и Ольга Федоровна вскоре скончалась.

Единственная дочь Ольги Федоровны и Михаила Николаевича княжна Анастасия вышла в 1879 году замуж за болезненного Фридриха-Франца, герцога Мекленбург-Шверинского. В 1897 году супруг умер, а герцогиня-вдова, что называется, «пустилась во все тяжкие».

Обладая значительными средствами, получаемыми и из России по положению великой княгини, и из Германии, она прославилась своим мотовством и бесконечными «любовными

эскападами». Она была завсегдатаем самых известных игорных домов Европы и самых фешенебельных отелей, где неизменно появлялась в сопровождении свиты из молодых людей. Жиголо дорогих танцзалов, зная ее как щедрую даму, домогались ее благосклонности.

Император Вильгельм II, при Дворе которого «блистала» Анастасия Мекленбургская, являясь примерным семьянином, долго относился к своей «раскрепощенной» выше всякой меры родственнице со снисхождением. Но однажды не выдержал и назвал герцогиню «нашей Мессалиной» (распутницей).

Из всех своих детей Ольга Федоровна больше всего любила двух старших сыновей, но особенно Сандро. Высокий, статный, черноволосый, с обаятельной улыбкой, он если и не был первым красавцем Династии, то уж в число первых входил наверняка.

Великий князь Александр Михайлович занимал исключительное место при дворе Николая II. Будучи всего на два года старше Императора, он, его двоюродный дядя, являлся другом юности Цесаревича Николая.

Последний питал большую душевную симпатию к «дяде Сандро». Отношения еще больше укрепились, когда Александр Михайлович летом 1894 года стал мужем сестры Николая Александровича, Великой княжны Ксении Александровны. В силу этих обстоятельств Александру Михайловичу удавалось видеть и знать многое из того, что другие (даже из числа членов Императорской Фамилии) видеть и знать не могли. Он не один год был вхож в Царский Дом без приглашения.

Все Михайловичи отличались импульсивностью, темпераментностью натур. По своему душевному складу сыновья больше походили на слишком темпераментную мать, чем на степенного и рассудительного Михаила Николаевича. Со временем на старших сыновей Михаила Николаевич стали смотреть как на «оригиналов». Молодым Михайловичам льстило такое мнение; они никогда не стремились опровергнуть его.

Александра Михайловича, как и всех других молодых представителей Дома Романовых, с ранних пор готовили к государственной службе. В большинстве случаев Великие князья службу начинали в гвардейских частях, куда Великих князей зачисляли еще с малолетства. Но Александр Михайлович не проявлял склонности к подобным занятиям, а матушка, обожавшая Сандро, во всем ему потакала. Отец не перечил, и Александр занимался тем, чем ему «было интересно».

По собственному признанию, природа наделила его «пылким воображением», что непосредственно повлияло и на выбор государственной деятельности. Он с ранних пор мечтал о море, о

дальних странствиях; его манили сказочные картины экзотических стран, романтические морские приключения. Его двоюродный брат Император Александр III согласился, чтобы Александр Михайлович служил во флоте. Это, как он вспоминал в старости, «спасло от карьеры самовлюбленных гвардейских офицеров, которые взирали на мир через стекла бинокля, наведенного на рампу балета». Его «бинокль» был нацелен в другую сторону…

Великий князь довольно долго прослужил на флоте, занимал различные должности и объездил чуть ли не весь свет. Он имел звание контр-адмирала. С 1900 года состоял председателем Совета по делам торгового мореплавания, а в 1902–1905 годах занимал должность Главноуправляющего (на правах министра) торгового мореплавания и портами.

Несомненны заслуги Великого князя и в деле создания и развития военной авиации в России. Благодаря его темпераменту и усилиям около Севастополя в 1908 году был построен первый аэродром, а через год была учреждена первая авиационная школа.

С будущим Императором Николаем II они впервые увиделись в 1875 году: Сандро было девять лет, Николаю – семь. Это произошло в крымской резиденции Императоров, в Ливадии. Великий князь с большим чувством вспоминал знакомство: «Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться с ним».

После переезда семьи Михаила Николаевича из Тифлиса в Петербург его сыновья Михаил, Георгий, Сергей, но особенно Александр сделались неразлучными товарищами Николая Александровича, ставшего 1 марта 1881 года Наследником Престола.

В начале 80-х годов сложился кружок друзей-единомышленников, куда помимо молодых Великих князей входили дети министра Императорского Двора графа И.И. Воронцова-Дашкова и графа С.Д. Шереметева. Они встречались летом в Гатчине, Царском Селе или Петергофе, а зимой центром общения был Аничков Дворец в Петербурге, где постоянно проживала семья императора Александра III.

Юноши объединились в потешное войско, главой которого стал Сандро. «Подчиненные» регулярно «подавали отчеты». 25 марта 1881 года командир получил очередную реляцию от цесаревича. «Месячный рапорт о состоянии лейб-гвардии Александровского полка. С.-Петербург. Аничков дворец. Крепость. На лицо: 1 унтер, 2 ефрейтора, 6 рядовых. Командир второго

взвода ефрейтор Николай Романов».

Сандро на многие годы стал самым близким человеком для Цесаревича, которому доверял юношеские тайны, регулярно сообщал о времяпрепровождении. После поездки в 1882 году с родителями в Москву, на Всероссийскую промышленную выставку, Ники прислал подробный «отчет»:

«Милый Сандро! Мы жили в Москве в Петровском три дня. В первый день, день нашего приезда, был большой выход на Красное Крыльцо и в Успенский собор. Во второй день был превосходный парад на Ходынском поле; после завтрака поехали на выставку. Что за прелесть! Мы успели осмотреть все. Катались на электрической машине; это было очень весело. Я обратил внимание на громадное 14-дюймовое орудие».

По мере взросления Цесаревич стал говорить со своим родственником-конфидентом о более серьезных вещах, о том, что так волновало молодые сердца. В марте 1887 года корреспондировал:

«Мой милый, дорогой Сандро! Как бывало прежде, мы приехали в город 31 декабря и оставались там до 1 марта. Ты уже вероятно знаешь, что с нынешнего года я стал совсем выезжать и именно жаль, что без тебя. Теперь я должен сказать, что я очень веселился и танцевал преусердно до самого конца балов; особенно веселы были небольшие, так называемые танцевальные вечера, которых было 3: один у вас, два у нас. Ваш был первый и принес мне огромную пользу тем, что там я перезнакомился со всеми молодыми мамзельками, которые начинают выезжать с нового года. Из них я особенно подружился с дочерью Рихтера и княжной Долгорукой; за каждым ужином мы сидели все вместе за одним столом».

Сандро «мотался по морям», писал восторженные письма о «трудных переходах», о смело пережитых «циклопических штормах». Роль бесстрашного и отважного «морского волка» была ему по душе. У Цесаревича же все было более прозаично, природные стихии бушевали в стороне от столицы Российской Империи. В мае 1889 года к Сандро отправилось очередное послание цесаревича:

«Во-первых, Я стал твоим товарищем по свите, сделавшись флигель-адъютантом; Мой восторг не имеет границ! Кроме того, Я назначен членом Государственного Совета и Комитета министров, представляю тебе судить об этом. Во-вторых, Я служу с 1 мая в Гусарском полку и крепко полюбил Свое новое дело».

Молодые люди делились и личными переживаниями. В октябре 1889 года Ники определенно сформулировал личные желания. «Я замечаю, что Мне пора жениться, так как Я невольно

все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. Притом Мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить себе гнездышко».

Наивность Ники умиляла Сандро. К тому времени он уже имел «богатый личный опыт». Чуть не в каждом порту «красавец Сандро» посещал места «любовных утех», которые манили и влекли темпераментную натуру «морского волка». Великий князь гордился своими «мужскими победами», простодушно полагая, что пылкие признания «жриц любви» были искренними, а не обуславливались «кругленькими суммами», которые кузен Царя оставлял в заморских притонах. Воспоминания о некоторых из тех «вояжей» Сандро сохранил на всю жизнь.

Старый и больной, заброшенный и одинокий, доживая свой век почти в нищете, он на закате жизни писал мемуары. В них среди главных эпизодов своей бурной биографии оставил и красочные описания некоторых «этуалей» из «домов свиданий». Особенно запомнилась одна «американская герл», «работавшая» в Гонконге. Великого князя, ему тогда только исполнилось 21 год, очаровал «высокий класс»…

«Войдя в квартиру, я был приятно поражен отсутствием той вульгарности, которая составляет неизбежную атмосферу подобных мест. Комнаты были обставлены с большим вкусом. Три молодые хозяйки были прелестны, чаруя своей непринужденностью. Подали шампанское, и разговор завязался. Звук голосов всех троих был очень приятен. Они очень мило обсуждали текущие события: их несомненный ум позволял им обходиться без помощи нарочитой светскости.

Цель нашего посещения не вызывала никаких сомнений, и вот наступило время, когда меня оставили наедине с самой хорошенькой из трех. Она предложила мне показать свою комнату – и то, что было неизбежно, произошло. С этого вечера мы стали большими друзьями».

Уроженку Сан-Франциско – «гонконгского друга» – Сандро потом навещал многократно. «Заплывы» в столь удаленное от Петербурга место завершились лишь после смерти «самой хорошенькой» от туберкулеза. Еще у него была «портовая жена» в Нагасаки, в Японии, где Великий князь обретался несколько месяцев. «Подруги» и «жены» имелись и в других оживленных портах.

Естественно, что ни Цесаревичу, ни кому другому из родни о своих триумфах в публичных домах Александр Михайлович не сообщал. Знал, что его непременно осудят; по-другому и быть не могло. К тому же он несколько лет домогался руки дочери Александра III Великой княжны Ксении, а у такого претендента

должна была быть безупречная моральная репутация.

Ксения Александровна была «без ума» от высокого, стройного брюнета, которого некоторые находили «самым красивым молодым человеком Династии». Старшая дочь Царя вообще долго его считала лучшим на всем свете.

Несколько лет княжна тайно любила Александра Михайловича, не смея и заикнуться «дорогой Мамá» о личных симпатиях. Хранителем этой тайны был Цесаревич Николай, который всеми силами старался помочь сестре и другу устроить их союз. Сделать это было чрезвычайно трудно, так как Мария Федоровна не питала расположения к Михайловичам, считая их несерьезными и чрезмерно эксцентричными людьми.

В конце концов все удалось устроить. 25 июля 1894 года состоялась пышная свадьба, и Сандро стал зятем Царя. Вскоре Александр III скончался, на Престол вступил друг Ники, и Сандро первые годы чувствовал себя чуть ли не соправителем государства. Однако постепенно эти иллюзии стали улетучиваться.

Николай II в первое время слушал советы двоюродного дяди, принимал многие из них к сведению, но со временем понял, что Сандро слишком самолюбив, чрезмерно амбициозен, его рекомендации и просьбы нередко вызывались лишь неуемным тщеславием.

Александра же Федоровна, которую с Сандро не связывали никакие воспоминания детства, все время ощущала неискренность натуры Великого князя. Такие люди всегда вызывали у нее настороженное отношение. Когда же стали выясняться некоторые подробности его личных пристрастий, то у Царицы возникла душевная антипатия.

У Ксении и Александра родилось семеро детей: Ирина (1895–1970), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989).

Ко времени появления Василия Вликокняжеский брачный союз превратился в фикцию. К этому моменту у Сандро появилась «сторонняя привязанность», «черноокая красавица», с которой Великий князь познакомился в 1906 году в Биаррице. Внезапно вспыхнувшая взаимная симпатия быстро перерастала в серьезный роман.

«Мы часто оставались вдвоем. Она никогда не говорила: «Я не хочу этого, я хочу того». Она не строила из себя очаровательного котенка. Сказать по правде, я мог бы сохранить полный контроль над собой, если бы захотел. Но предпочел не захотеть. Возможно, мною двигало любопытство. Так или иначе, я стал нажимать не

на тормоз, а на скорость. Я был готов изведать горечь на дне своего бокала».

Для Царского внука все это было «так мило», что он решил и дальше «жать на скорость» и предложил своей «Дульцинее» уехать на «какой-нибудь тропический остров» или в Австралию, где жить «под сенью пальм» и «наслаждаться шумом прибоя». Возлюбленная никуда отплывать не захотела. Тогда Великий князь придумал «тонкий ход». Он взял ее в свою семью гувернантской, положив ей «почти министерское жалованье».

Конечно, надо было уведомить хозяйку дома и все как-то объяснить. Сандро все и объяснил. Ничего не утаил. Сестра Николая II испытала потрясение. Сандро сам подробно описал эту невероятную сцену:

«Я все больше схожу с ума, не могу больше таиться от Ксении. Рассказываю ей все. Она тихо сидит, слушает, потом начинает плакать. У меня тоже слезы. Она вела себя как ангел. Сердце ее было разбито, но даже такую ужасную правду она предпочла лжи. Мы со всех сторон обсудили ситуацию и решили оставить все по-прежнему ради детей. Мы навсегда остались друзьями».

Супруга занемогла, но довольно быстро пришла себя. К тому времени великая княгиня была уже вполне «эмансипэ».

Сразу после женитьбы Сандро стал «просвещать» жену, стараясь вытравить из ее натуры «отсталые взгляды». В России кругом был Двор, нормы приличий и «шагу ступит» в сторону от положенного было нельзя. Сразу же заметят, осудят. Раскрепощение наступало лишь во время поездок в Западную Европу.

Там уж Сандро без стеснения водил Ксению по самым «рискованным местам». Кабаре, игорные дома, улицы «с плохой репутацией» особенно притягивали. Безмятежно любя своего мужа, принимая все его интересы, Ксения бывала там, где дочери Царя находиться было неприлично. Но обожаемый супруг давно убеждал, что «традиционная мораль устарела».

Великую княгиню особенно занимали проститутки. Выросшая в патриархальной семье, она испытывала непонятное волнение, когда видела женщин, «отдающихся за деньги любому». В письмах брату Николаю II нередко прорывалось то, что было их с Сандро «личным интересом». В 1898 году сообщала:

«Мы были три раза в Монте-Карло. Сандро опять везло, но последний раз и он, и я оба проиграли! Это очень увлекательная игра. Было много публики, но нарядной мало, т. к. сезон кончился. В залах воздух очень плохой. Мы ездили туда каждый раз с утра, завтракали там и затем играли и долго, возвращались

в 5 часов». Посетив Ниццу, сочла уместным проинформировать царя, что там «много кокоток и вообще весело».

Париж давал особо много впечатлений. «Кафе «Амбассадор» открыто на бульваре, сцена в саду под навесом. Там всякие господа и мамзельки пели невозможные шансонетки и поднимали ножки! Затем отправились в скверный театр «Олимпия», где на сцене происходил ужасный балаган – какие-то два дурака в масках дули друг друга в продолжение получаса и все остальное в таком же роде. Весь театр был наполнен кокотками 2-го класса, которые визжали и делали всякий вздор».

Наверное, именно Сандро растолковал «непросвещенной жене», как различать категории проституток.

«Уроки эмансипации» не прошли даром. Когда Сандро «погрузился в роман», то сердце его супруги «обогрел и утешил» англичанин «мистер Фэн». Причем жена оказалась столь же «любезной», как и муж: она познакомила с ним Сандро. И все это на глазах прислуги, но главное – детей! Дочь Царя и сестра Царя была убеждена, что не совершает ничего предосудительного, прогуливаясь в крымском имении Ай-Тодор в пеньюаре со своим «другом» мистером Фэном.

Наставница в 1910–1913 годах дочери Ксении и Сандро княжны Ирины графиня Е.Л. Комаровская (1878–1965) и через годы с ужасом вспоминала об атмосфере в великокняжеской семье.

Графиня не могла и вообразить, как «у родной сестры Царя, у матери многочисленного семейства и почти взрослой дочери был открытый любовник! Чтобы она могла его принимать в своей семье!».

Сандро был более осторожным, напоказ детям свои отношения с дамами не выставлял. В этот период он был увлечен богатой молодой американкой некоей мисс Воботан, отец которой владел банями в Нью-Йорке! Рассказывали, что именно Сандро «подсунул» Ксении этого самого английского офицера «мистера Фэна», приходившегося родственником Воботанам…

Александр Михайлович хоть и считал свекровь Императрицу Марию Федоровну человеком «вчерашнего дня», но относился со снисходительной симпатией. Старая Царица ничего не знала об истинном положении в семье дочери, а если бы и узнала, то никогда бы не поверила. Она всегда готова была помочь. Сандро знал это и писал именно ей, объясняя «настоятельную необходимость» срочно отбыть в очередной раз за границу:

«Моя дорогая Мамаша! Пишу тебе, чтобы рассказать, почему я собираюсь на зиму за границу. Миша передал мне твое поручение, чтобы мы не ехали за границу ради отношений с

Ники, которые могут испортиться. Я уже месяц тому назад писал письмо Ники, в котором подробно объяснил причины, почему я хочу ехать за границу, и получил разрешение на отъезд. Что касается наших отношений с Ники, то, по-моему, их не существует уже с 1902 года и портиться нечего.

Ники и Аликс в нас вовсе не нуждаются; это они неоднократно нам показывали. Если, не дай Бог, придется зимовать в Петербурге, то, вероятно, за всю зиму мы бы виделись раз пять и то только в официальных случаях, на том все отношения кончаются. Теперь опишу причины, которые заставляют меня ехать за границу.

Во-первых, здоровье Ксении. По-видимому, слава Богу, она здорова, но очень малокровна, скоро утомляется, и ей необходимо много быть на воздухе и много двигаться; ни того ни другого она ни в Петербурге, ни в Гатчине не имеет. Зимой она обыкновенно выходит на воздух раз в день на полчаса, вот и все.

Затем, что касается меня, то, находясь не у дел, я не могу вынести находиться в Петербурге; это выше моих сил. Я бы мог заниматься морским делом, но, потеряв всякую веру во флот, при современном хаосе не чувствую себя способным заниматься. Затем для детей, конечно, климат Биаррица в тысячу раз лучше петербургского».

Письмо было написано осенью 1907 года в крымском имении Ай-Тодор, где Сандро «отдыхал» после более чем годичного отсутствия в России. Оно заканчивалось словами: «Нежно целую Твои ручки и крепко обнимаю. Да хранит Тебя Господь. Все дети целуют дорогую бабушку. Твой горячо любящий сын Сандро».

Конечно, во всех этих словах было много лукавства. Здоровье Ксении его мало занимало. Эгоцентрик с рождения, он всю жизнь любил лишь себя; все остальное – только увлечения. Позже он без стеснения признался: «До 1906 года я жил по принципу: «Россия – прежде всего». В 1906–1914 годах девиз стал другими: «У меня только одна жизнь». Мой дух обитал во тьме и невежестве».

Россию сотрясали революционные бури, все там в какой-то момент висело просто «на волоске», а Великий князь и контр-адмирал флота в это время месяцами путешествовал с возлюбленными по Европе. Лучшие отели, фешенебельные рестораны, ночные трапезы в старой вилле на Капри, прогулки на яхтах; одним словом – любовь и нега.

Дома же все представлялось мрачным, серым и таким безрадостным. Однажды додумался даже написать своей кузине Греческой Королеве Ольге Константиновне письмо, где посоветовал «в Россию не ездить». Та была шокирована. Сходные ощущения поведение Сандро вызывало у Царя и Царицы. Однако

Николай II не укорял друга юности, полагая, что от такого неуживчивого и суетного родственника помощи ждать не приходится.

Роман с «гувернанткой» продолжался несколько лет. Возлюбленные появлялись на публике за границей вполне открыто, что вызывало недоумение и непонимание. В 1910 году князь Феликс Юсупов (1887–1967), тогда студент Кембриджа, прославившийся позже убийством Распутина, посетил в Лондоне Ксению и Сандро, а потом отобедал с ними в дорогом ресторане. Своей матери сообщал:

«Как раз перед нами сидел Александр Михайлович со своей дамой и Ксения Александровна со своим англичанином. Это просто непонятно, как можно так афишировать».

Мать Феликса, княгиня Зинаида Николаевна, хорошо была о «данном предмете» осведомлена. Осенью 1910 года она даже познакомилась «с милой компанией», которая вся оказалась в Крыму. По ее наблюдению, «друг Ксении» имел «вид приятный, но присутствие его здесь для меня более чем непонятно и неуместно».

Кроме моральных у княгини Юсуповой имелись и более весомые поводы для беспокойства. Ее ненаглядный сын Феликс слишком часто вел себя неподобающе. Некоторые уверенно причисляли его к числу гомосексуалистов. Оснований для того имелось вполне достаточно.

Его скандальные эскапады служили бесконечной темой великосветских пересудов. Действительно, представитель родовитейшей семьи, единственный наследник (у него был брат Николай, но в 1908 году он погиб на дуэли) огромного состояния вел какую-то странную маскарадную жизнь.

Он с детства обожал наряжаться в женские наряды. Однако дело домашним баловством не кончилось. В двадцать лет князь Феликс Юсупов впервые вышел в женском наряде на публику, посетил в таком виде модный петербургский ресторан, где выступал цыганский хор. Тот вечер остался в памяти навсегда. Цыганские песни, которых раньше не слышал, очаровали. Понял он и другое: миловидный девичий образ, в котором представал Юсупов перед публикой, притягивал взоры мужчин. А князю так хотелось быть центром внимания. Он всегда мечтал о славе. В итоге ему удалось прославиться на весь свет, он, можно сказать, умудрился «плюнуть в вечность» – став убийцей Распутина.

Феликса Юсупова в образе «очаровательной мадемуазели» видели многие рестораны и кафешантаны в России и в Европе. У князя-трансвестита случались и свои «великие виктории». Однажды в Париже в театре Феликс заметил, что «пожилой

субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует. В антракте, когда зажегся свет, я увидел, что это Король Эдуард VII». Вскоре доверенное лицо Короля пыталось выведать у спутников «прелестной красотки», кто она такая. Английский Монарх имел стойкую репутацию «первого Донжуана Европы», и подобное внимание, как признался князь, «было приятно» и «льстило самолюбию».

«Парижский триумф» окрылил Феликса. Он решил продолжить свои эскапады в России. Здесь он вознамерился выступить в роли «шансонетки» на сцене модного петербургского кабаре «Аквариум». И через много лет князь в мельчайших подробностях помнил ту историю.

«В назначенный день в женском наряде явился я к директору. На мне были серый жакет с юбкой, чернобурка и большая шляпа. Я спел ему свой репертуар. Он пришел в восторг и взял меня на две недели».

Аристократический отпрыск появился на сцене перед захмелевшей публикой в хитоне из голубого тюля, расшитого серебряной нитью. Голову дебютантки украшала наколка из синих и голубых страусиных перьев. При этом «кабаретная дива» вся была декорирована роскошными семейными бриллиантами.

Эти украшения сыграли с исполнительницей парижских куплетов злую шутку. На одном из представлений неповторимые семейные юсуповские драгоценности были опознаны знакомыми родителей Феликса. Разразился грандиозный скандал, по Петербургу поползли дискредитирующие слухи.

Отец князя просто взбеленился, называл сына «негодяем», «место которому в Сибири». В конце концов дело удалось замять. Как с грустью вспоминал дебютант-неудачник, «карьера кафешантанной певички погибла, не успев начаться. Однако этой игры с переодеванием я не бросил. Слишком велико было веселье».

Матушка Феликса княгиня Зинаида Николаевна, так и не сумевшая достойно воспитать сына, считала возможным морализировать по всякому случаю, публично бросать обвинения в «неприличном» поведении многим. В последние годы существования Монархии она сделалась резким критиком Царя и Царицы, которые, по ее разумению, вели себя «неподобающим образом»: принимали у себя «не тех», разговаривали «не так» и т. д.

Своего же «ненаглядного Фелюшу», проводившего время в окружении проституток и различных прощелыг в притонах и вертепах, она непременно выгораживала.

«У тебя так много интересов в жизни, а у меня только одни

заботы, из которых первая и главная – ты, поэтому неудивительно, что малейшая мысль меня волнует. Когда она касается тебя!» – восклицала в письме к сыну в 1910 году.

Конечно, она делала ему и моральные наставление, но ничем никогда серьезно не укоряла. «Репутация человека его лучшее богатство! Как надо ее беречь! Малейшее пятно расплывается, и в конце концов все наши дела всплывают наружу. Надо жить так, чтобы для клеветы не было почвы». Любящее материнское сердце все порочащие сына сведения воспринимала лишь как «злонамеренную клевету».

Княгиня Юсупова была «страшно рада», когда в феврале 1914 года Феликс женился на дочери Сандро и Ксении красавице Ирине. Царь и Царица не возражали против этого брака, а бабушка, Императрица Мария Федоровна, выказала расположение.

Партию поддержали и родители, хотя они, в отличие от Царской Четы и Вдовствующей Императрицы, были наслышаны о похождениях будущего зятя. Но то не стало преградой. Сандро и Ксения уже давно «поднялась над заскорузлой моралью». В марте 1915 года в семье Феликса Юсупова родилась дочь, названная в честь матери Ириной.

Сандро стал дедушкой. Но на характере Великого князя это не отразилось. Угождение собственному тщеславию и «неистребимая жажда жизни» – только этим страстям он и принадлежал.

Исторические обстоятельства не способствовали ублажению личных желаний. Начавшаяся летом 1914 года Мировая война привела к обострению общественной обстановки в России. Дела на фронте и в тылу были далеко не блестящи, кругом царило уныние, предчувствие грядущего крушения овладело многими.

В это число входил и Великий князь Александр Михайлович. Вполне обоснованно считая себя «непутевым членом Династии», он все-таки решил включиться в «общественную борьбу» с «темными силами», главным олицетворением которых являлись Царица и якобы подпавший под ее влияние Царь. Об этом так много говорили в богатых столичных гостиных и в кулуарах Государственной Думы, что трудно было не поверить.

Повод для «вступления на тропу войны» оказался нешуточный: надо было выручать зятя – Феликса Юсупова. 17 декабря тот убил в своем особняке Григория Распутина, который был так дорог Царской Чете. Естественно, последовали кары: Юсупова поместили под домашний арест, затем выслали в родовое имение Ракитное, учредили следствие.

Натура Великого князя Александра Михайловича вытерпеть

«такое унижение» не могла, он решил объясниться с Царем. Николай II встретил друга юности по-родственному: обнял, завел разговор в дружеском тоне. Сандро же деликатное обхождение не обезоружило. Он произнес страстный монолог и старался доказать Монарху, что убийство Распутина не есть просто убийство, а скорее несчастный случай, жертвами которого стал не только убитый, но и Феликс с друзьями, хоть и вставшие на ложный путь, но «вдохновленные желанием спасти родину».

Выслушав этот бессвязный лепет, Царь заметил, что никто не имеет права выносить самостоятельно приговоры и заниматься убийством. Вспоминания этот эпизод, Александр Михайлович нашел в себе мужество признать, что Император «не обладал такими блестящими даром слова, как некоторые из его родственников (наверное, здесь он имел в виду себя. – *А.Б.*), но в основах правосудия разбирался твердо».

После этого разговора прошло чуть больше двух месяцев, и все знакомое, родное и столь раннее ненавистное Великому князю превратилось в прах. Императорская Россия пала. Спасаясь от крушения, именитые и родовитые, одни прятались, где могли, другие – бежали, куда поспевали. Сандро со своей семьей осел в крымском имении Ай-Тодор. Уютное поместье не стало спасительным островом. Кругом бушевала ненависть, и ее волны достигали Ай-Тодора.

Более полутора лет Александр Михайлович и его близкие почти все время находились под арестом, их обыскивали, лишали возможности общения и даже собирались расстрелять. Но до трагедии не дошло.

В конце 1918 года Великому князю удалось вырваться из Крыма. Он на английском военном корабле отправился в Европу, оставив фактически на произвол судьбы своих близких. Однако думать о том ему было недосуг. Он должен был исполнить великую историческую миссию – «открыть глаза европейским державам на положение дел в России». Правда, когда он приехал в Париж, то сразу же выяснилось, что откровения «бывшего Великого князя» никому не нужны…

По пути в «столицу мира» Александра Михайловича одолевали мрачные мысли. Впервые за пятьдесят два года своей жизни ему пришла мысль о самоубийстве. Однако столь грустное настроение улетучилось без следа, как только он прибыл в Париж.

Хотя у него не было ни денег, ни гардероба, ни какого-либо положения, он знал, что здесь, в Париже, правит бал жизнь, а он всегда был на этом празднике желанным гостем.

Ступив на перрон Лионского вокзала, Сандро насчет своего

местопребывания не колебался. Шоферу такси был сразу же назван адрес: отель «Ритц». Самый дорогой и изысканный отель мира, с которым Великого князя связывало столько воспоминаний. Правда, отсутствие средств делало это предприятие более чем рискованным, но Сандро верил в судьбу и был уверен, что все как-то образуется. И действительно, перед самым отелем он встретил… свою давнюю приятельницу, известную парижскую кокотку.

Вслед за первой удачей случилась и вторая: менеджер отеля вспомнил некогда богатого постояльца и, несмотря на его нынешний довольно затрапезный вид, все-таки предоставил номер, но далеко не из числа первоклассных.

«Мне пришлось довольствоваться тем, что нашлось, – каморкой, расположение которой позволяло жильцу вести точный учет вылетающих пробок шампанского в ресторане этажом ниже».

Внук Николая I и такому «благодеянию» был рад. Дальше потекли дни, месяцы и годы бесприютного беженства. Второразрядные отели, жалкие меблированные номера, особняки финансовых воротил, дворцы европейской аристократии.

Его принимали в разных местах, его выслушивали разные лица, его приглашали на званые приемы. Он превращался в популярную «русскую экзотику». Многие русские беженцы, которых за пределами России оказалось велико множество, относились к Сандро с почтением: Великий князь, шурин убитого Императора.

Однако случались и курьезные встречи с соотечественниками. Однажды на террасе одного парижского кафе Александр Михайлович оказался рядом с двумя господами, которые бросали на него взгляды, «полные ненависти». Лица эти показались знакомыми, и вскоре Сандро вспомнил: один – «мэтр террора» Борис Савинков, другой – блестяще-бездарный глава Временного правительства и «непременный социалист» Александр Керенский.

Александра Михайловича охватил приступ безудержного хохота, вызванного гротесковостью ситуации. «Нужно быть русским и прожить двадцать лет покушений и восстаний, чтобы оценить эту тонкую иронию судьбы. Савинков, Керенский и Великий князь – все трое на террасе одного и того же третьесортного кафе в Париже, все трое в совершенно одинаковом положении, задыхающиеся от бессильной злобы, не знающие, позволят ли им остаться во Франции и наберется ли у них денег на чашку кофе».

Несмотря на все несчастья, неудачи, Великий князь не принадлежал к кругу «рыцарей меланхолии». На шестом десятке

лет, потеряв средства, престиж, как и вообще сколько-нибудь надежную опору в мире, седовласый мужчина сохранил «жизненный энтузиазм». Он фактически потерял и семью. Его жена и дети выбрались из России и жили в Англии на иждивении короля Георга V.

Александр Михайлович с ними почти и не виделся. Однажды у него случился «приступ семейной нежности». Послал своим обстоятельное письмо, где вполне серьезно предлагал всем вместе уехать на острова Фиджи в Тихом океане, где жить тихо под сенью пальм. Вскоре пришел ответ, из которого Великий князь узнал, что «домашние выражали серьезное беспокойство за мое душевное здоровье».

Письмо, «звучавшее на редкость мещански», произвело на князя неприятное впечатление. Он решил развестись с Ксенией. К тому же он встретил очередную «несравненную», теперь англичанку, и опять в Биаррице. Снова вспомнилась давняя история в том же Биаррице, когда он так же был безумно влюблен. Но «косность» и «пошлость» мира помещала тогда порвать с Ксенией.

В результате он потерял ту, потерю которой переживал сильнее, чем «даже гибель Императорской России». Теперь же он вознамерился действовать решительней.

Его новая «дама сердца» была значительно моложе русского обожателя. Ей двадцать пять, ему «хорошо за пятьдесят», она разведена, он семейный мужчина. Дама была достаточно состоятельной, а ухаживания русского аристократа произвели впечатление. Он был уверен, что «можно покорить любую женщину».

Эту теорию проверил на практике. «Я ухаживал за ней три года и исколесил всю Европу. И добился успеха». Дочь Альбиона в конце концов сказала, что готова к браку. Александр Михайлович был счастлив и сразу же встретился с Ксенией, чтобы, как он считал, решить все формальности. Однако на этом пути его ждал тяжелый удар.

«Сдав без боя свое счастье в 1907-м, я был намерен бороться за него сейчас… Объяснение наше было болезненным и бесполезным. Как я и ожидал, она приняла все совершенно спокойно. Бровью не повела».

Такая безмятежность не сулила ничего хорошего, что вскоре и обнаружилось. Ксения Александровна не спорила со своим непутевым мужем и по окончании его монолога сказала, что готова для Сандро пожертвовать всем, а затем улыбнулась и уронила, что «надо спросить у духовника».

Эти слова прозвучали для князя погребальным звоном.

Отрицательный ответ православного священника он знал наперед. Князь бросил в атаку все свое красноречие, весь свой темперамент. «Я сходил с ума. Я угрожал. Я хрипел в агонии. Все напрасно. Ксения была достойной сестрой своего брата, так что к своей невесте я вернулся с дурными вестями. «Я привыкла точно знать, куда иду», – сказала она твердо, и это был конец. Она встала – мы сидели на террасе в «Мирмоне» (ресторан в Биаррице. – *А.Б.*) – повязала свой желто-красный шарф и подала знак водителю. Я остался один. Я один и сейчас. Мне потребовалось несколько лет, чтобы понять, что духовники бывают правы – по крайней мере, иногда».

Это оказалось последним увлечением Великого князя. Последующие годы он провел в скитаниях по свету, посетил Африку, много ездил по Соединенным Штатам, где зарабатывал себе на жизнь лекциями.

Сама же жизнь была тусклой и скучной. Любви больше не было. Умер он на Французской Ривьере, в местечке Рокбрюн, в конце февраля 1933 года и был похоронен там же на местном кладбище.

Ксения Александровна пережила своего супруга на много лет. Она скончалась в апреле 1960 года в Англии. Согласно ее предсмертной воле тело почившей сестры Николая II было перевезено на юг Франции и погребено рядом с Александром Михайловичем. Она до последних дней любила своего непутевого мужа…

Глава 28. Великолепная Матильда

Матильда Феликсовна Кшесинская… Одно из самых известных имен в истории мирового балета. Невысокая (160 сантиметров), черноволосая, с некрупными, но выразительными чертами лица, с тонкой талией, с сильными мускулистыми ногами, она владела филигранной балетной техникой.

Кшесинская, если и не первая, то одна из первых балерин, превратила танец из набора заученных движений в живое экспрессивное действие. Она вдохнула в него энергию. Все ее подвижное тело, «до кончиков ногтей», участвовало в спектакле. Она отдавалась танцу целиком, излучая страсть, которая обжигала зрителей; ее появление на сцене сравнивали с блеском молнии. В конце XX века ее непременно назвали бы «сексуальной». (В ее время подобного термина еще не существовало.)

Кшесинская прожила без малого сто лет. Родилась в августе 1872 года в Лигово, под Санкт-Петербургом, умерла в декабре 1971 года в Париже. Похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, рядом со своим мужем кузеном Николая II Великим князем Андреем Владимировичем (1879–1956), с которым обвенчалась во Франции в 1921 году.

Она прославилась как балерина, и эпитетом «выдающаяся» критика награждала ее не одно десятилетие. Первый раз вышла на большую сцену в петербургском Мариинском театре в 1890 году, а последний раз в 1936 году в лондонском Ковент-Гардене, где исполнила русский танец. Ей тогда было почти 64 года, и подобного сценического долголетия балетное искусство еще не знало.

Матильда происходила из актерской семьи и хотя потом писала и говорила, что ведет родословную от польского графского рода Красинских, однако аристократическая генеалогия так никогда и не была документально подтверждена. Но ее претензии были в конце концов удовлетворены. В эмиграции «парижский царь» Кирилл Владимирович (старший брат мужа) «пожаловал» ей княжеский титул Романовской-Красинской.

Матильда всю жизнь, до глубокой старости, обожала игру в рулетку, бриллианты, икру, ананасы, устриц и… мужчин. В мужском обществе всегда чувствовала себя легко и свободно. Уже во вполне «перезрелых летах» позволяла себе флиртовать с мужчинами, которые порой не только в сыновья, но во внуки и даже правнуки ей годились. Матильду это никогда не смущало.

Она любила жизнь, любила людей, а окружающий мир всегда был наполнен для нее «упоительными звуками» и «чарующими впечатлениями».

Ее прекрасно знали во всех игорных домах Европы, где она получила прозвище «Мадам Семнадцать», так как всю жизнь ставила только на число «семнадцать», которое считала счастливым. Игроком она была азартным, немало выигрывала, но еще больше проигрывала, но всегда вставала из-за стола в ровном настроении и, выпив очередной бокал шампанского, покидала зал с неизменной улыбкой на устах. Ее походку и осанку называли царственными…

Матильда почти всю жизнь была «госпожа Эпатаж». Многое, связанное с ней, окружал ореол если и не скандала, то, во всяком случае, пикантности. Ее шумные великосветские «фуэте» неизменно привлекали внимание. Свои роли и на сцене, и в жизни играла самобытно и с неизменным успехом…

Кшесинская бежала из России в феврале 1920 года, отплыв на итальянском пароходе из Новороссийска вместе со своим тогда еще «гражданским мужем» Великим князем Андреем Владимировичем и его матерью Великой княгиней Марией Павловной. Случилось это всего за «пять минут» до прихода красных. Исход происходил в атмосфере паники, хаоса, холода, голода. Тиф косил людей без разбора званий и положений. Кругом царили уныние и отчаяние.

Кшесинская таким настроениям не поддавалась. Жизнелюбие никогда ее не покидало. Она умудрялась делать гимнастику, маникюр и следить за прической даже на краю бездны. Потом о том времени у нее не осталось мрачных воспоминаний. Помнилось другое.

Как она с Великим князем Андреем и еще двумя друзьями в каком-то разрушенном железнодорожном вагоне пила шампанское, встречая 1920 год, и как раздобыли какао и шоколад. Когда же после мытарств покинула Россию, то первым делом бывшая прима Императорской сцены познакомилась с капитаном и отправилась к нему в рубку любоваться рассветом над Босфором.

Она не сетовала на обстоятельства, а воспоминания о потерянных в России драгоценностях и виллах не вызывали слез. Она не унывала даже в самые критические моменты. В Париже она основала балетную студию и достигла профессиональных и материальных успехов на педагогическом поприще.

В Европе имя ее еще при жизни стало легендарным. О ней писали статьи и книги, у нее брали интервью, приглашали на светские приемы. Превозмогая возрастные немощи, она позволяла

себе провести ночь в приятном обществе, где неизменно оставалась центром внимания. Это всегда льстило самолюбию старой женщины, придавало ей силы.

Театральное искусство вообще, а балетное в особенности – это всегда шедевр момента. Опускался занавес, расходилась публика, гасли огни рампы, и все, что совсем недавно волновало, впечатляло, потрясало, отходило в историю. Спектакли запечатлевались в откликах рецензентов, в театральных программках, но и, конечно, в памяти зрителей. И только.

Потом появляются книги воспоминаний, специальные исследования, где рассказывается об отлетевшем в вечность мимолетном театральном священнодействии. Однако пожелтевшие страницы газет и журналов с рецензиями, сочинения знатоков сценического мастерства не могут ничего ни оживить, ни возродить. Это все равно что по прошлогодней листве судить о красоте весенней природы. Главное – память сердца зрителей. Когда они уходят, то исчезает и живая память об актере.

Так случилось и с Кшесинской. Она пережила не только всех знакомых, родственников и друзей, но и современников, и очевидцев ее театральных триумфов. Задолго до своей смерти она стала живым реликтом.

Интерес к ней вызывался в первую очередь не теми балетными партиями, в которых она когда-то блистала на сценах Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Вены, Берлина. Театральные амплуа ее уже почти никто не помнил, да и редко кто видел. Публику притягивало совсем другое – образ возлюбленной Последнего Русского Царя.

Главным событием ее жизни действительно была связь с Николаем II. Собственно, с Царем-то у нее отношений никаких не существовало, но вот до того, как стать таковым, Николай Александрович испытывал несомненную тягу к восходящей звезде Императорской сцены. Она ему нравилась. И он ей тоже. Матильда, которую все знакомые с детства звали Малечкой, была сильно увлечена Наследником Престола. Он стал не только первой, но и «главной» любовью всей ее жизни.

Они познакомились в марте 1890 года на выпускном акте Императорского балетного училища. Первый раз недолго поговорили летом того же года. В последующие месяцы встречались от случая к случаю.

«Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с Ним, мое чувство заполнило всю мою жизнь, и я только о Нем могла думать. Мне казалось, что хоть Он и не влюблен, но все же

чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам».

В свою очередь Цесаревичу все больше и больше нравилась эта маленькая танцовщица, и, глядя на нее, странные чувства восторга и трепета в нем просыпались. Не знал, что происходит, но раньше ничего подобного не случалось. Правда, в театр удавалось вырываться не всегда: то спектаклей не было, то ему приходилось быть или на службе, или в отъезде.

Сестре Ксении рассказал, что у Него есть теперь «друг» – балерина Кшесинская. Сестра, сгоравшая от любопытства, стала хранителем сердечной тайны. Когда осенью 1890 года Цесаревич отбыл в девятимесячное кругосветное путешествие, то Ксения в письмах непременно сообщала новости о «его друге».

«Жалею, что не могу рассказать Тебе кое-что о Твоем друге Кшесинской, т. к., к несчастью, она слишком далеко от меня. Надеюсь часто ее видеть зимою, чтобы Тебе сообщать о ней». «Видела Твоего друга, маленькую Кшесинскую этот раз в Пиковой даме! Она танцевала в балете на балу и мне очень Тебя напомнила».

Ничего особенного о балерине не знала, хотя очень хотела узнать. Ведь все «актриски», как в том не сомневалась Великая княжна, должны быть «страшно развратны». Но ничего скандального не выяснялось. Брату передавала лишь невинные слухи: где выступала, что о ней говорили. Ксения не умела хранить тайны: многим рассказывала «по секрету» и с упоением обсуждала эту историю.

Роман с «Малечкой» достиг кульминации зимой 1892–1893 годов, когда встречались особенно часто. Цесаревич регулярно посещал на дому живую, раскованную, лишенную предрассудков и условностей танцовщицу, порой оставался до утра. Дневник Николая Александровича пестрит красноречивыми записями о его свиданиях с «Малечкой», с его «М.К».

«В 12 час. отправился к М.К., у которой оставался до 4 час. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились».

«Отправился к М.К.; провел чудесных три часа с ней».

«Закусывали в 71/2 час., как раз в то время начиналась «Спящая красавица», и думы мои были там, так как главным действующим лицом являлась М.К.».

«Посетил мою М.К., где оставался до 6 часов».

«Провел большую часть вечера у М.К.».

«Отправился к М.К., где ужинал, по обыкновению, и провел прекрасно время».

«Вечером полетел к моей М.К. и провел самый лучший с ней вечер до сих пор. Нахожусь под впечатлением ее – перо трясется в руке».

В столичном обществе связь Наследника с танцовщицей стала темой пересудов. Хозяйка влиятельного петербургского салона генеральша Александра Богданович фиксировала жгучие столичные новости.

«Она (Кшесинская) не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая, зовут ее Матильдой. Цесаревич говорил этой «Мале», что упросил Царя два года не жениться. Она всем и каждому хвалится своими отношениями с ним» (21 февраля 1893 года).

«Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится для особых милостей» (10 апреля).

В 1892 году восходящая звезда Императорской сцены сняла на Английском проспекте уютный двухэтажный особняк, куда и переехала от родителей, жить с которыми становилось «неудобным». Там Матильда вместе со своей сестрой Юлией (актрисой кордебалета) и поселилась. Здесь принимала поклонников и первого среди них – Николая.

По странному стечению обстоятельств этот дом за двадцать лет до того был построен сыном Николая I Великим князем Константином для своей возлюбленной, тоже балерины Анны Кузнецовой. Потом Великий князь так увлекся, что бросил свою законную супругу и начал жить с Кузнецовой «одним домом». Кшесинская знала эту историю. В театральном мире она давно стала «хрестоматийной».

Самоуверенная и деловитая «Малечка» явно была не прочь повторить успех предшественницы. В ее случае «приз» был еще дороже – Наследник Престола, в будущем Царь. Правда, оставались закон, традиция, общественное мнение, престиж Династии, наконец.

Всему этому Кшесинская могла противопоставить лишь одно – свои женские чары. Когда отец Матильды задал ей вопрос: знает ли она, что не может рассчитывать на большее, чем роль «наложницы», то услышал в ответ: «Я отлично все осознаю, но всей душой люблю Ники и не могу задумываться о том, что меня ожидает. Я хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю».

Она пользовалась «счастьем». Одновременно она пользовалась и вполне определенными выгодами, которые открывало положение «наложницы» Цесаревича. В театре начала себя вести «по-царски». Скандалы и столкновения с другими актерами стали нормой для Кшесинской. От всех требовала к себе особого отношения. Ни от кого не скрывала своих отношений с будущим Царем.

Более того. Она афишировала эту связь, подчеркивая, что у

них именно интимные отношения, а высокородный поклонник «ее боготворит» и сделает все, что она пожелает. Резонанс не замедлил о себе дать знать. Слухи по этому поводу заполонили Петербург.

Издатель влиятельной петербургской газеты «Новое время», писатель и владелец известного в конце XIX века драматического театра (ныне в этом здании на берегу Фонтанки размещается известный петербургский БДТ) Алексей Суворин (1834–1912) записал 8 февраля 1893 года в дневнике: «Наследник посещает Кшесинскую и е… ее. Она живет у родителей, которые устраняются и притворяются, что ничего не знают». Суворин ошибся в «географии».

К тому времени Матильда уже арендовала особняк. Что же касается «существа вопроса», то здесь все покрывала «тайна неизвестности».

В XIX веке не существовало прослушивающих устройств и скрытых кинокамер, позволяющих вторгаться в самые сокровенные уголки жизни известны людей, а потом все это делать достоянием публики. Хотя «бульварная пресса» и имелась, но общественные нравы того времени, в отличие от конца XX века, были совсем иными.

Если бы какому-нибудь не в меру ретивому репортеру и удалось сделать фотографию балерины в объятиях Наследника Престола, но можно смело утверждать, что ни одно издание, ни в Европе, а уж тем более в России никогда бы такой «сенсационный материал» не опубликовало.

Между тем вопрос о том, связывала ли Цесаревича и Кшесинскую постель, или это была лишь романтическая влюбленность, интересовал не только современников. Более ста лет по этому поводу бытуют несхожие утверждения. Однако никто не отыскал убедительных подтверждений ни одной из двух самых расхожих версий («был секс» – «секса не было»).

Имея в виду жизненный темпераментность натуры «королевы фуэте» (она могла делать 32 таких сложных танцевальных движения), ее расчетливость и прагматизм, трудно предположить, что Матильда могла спокойно упустить возможность набросить «любовный аркан» на своего Царственного поклонника.

Таким арканом могло стать деторождение. И если бы балерину и Цесаревича действительно связывали сексуальные отношения, то свой бы шанс она не упустила. Между тем, несмотря на то что они встречались и «возились» много раз, подобного не произошло. Приведенное соображение, конечно, служит лишь косвенным подтверждением версии об отсутствии «постельных отношений».

Никаких «документальных свидетельств» интимной близости между Последним Царем и танцовщицей не обнаружено. В личных бумагах Николая II нет никаких указаний на достоверность первой версии. Из скупых упоминаний в его дневнике, что они «хорошо посидели» и «повозились», абсолютно не следует, что они слились в сексуально-любовном экстазе. «Повозились» – расхожее выражение Николая II, которым он часто пользовался, начиная с юных пор. Не сохранилось даже ни одного любовного послания или даже записки, которые бы Цесаревич посылал балерине.

Вся история их отношений реконструируется обычно по воспоминаниям «Великолепной Матильды», которые она написала, когда перешагнула рубеж 70 лет. В них она и рассказала о Русском Царе и об их мимолетном романе. Но словам старой женщины, отдавшей свою жизнь сцене и любви, не следует безоговорочно доверять.

Николай Александрович являлся человеком своего времени и своего круга. У молодого неженатого офицера тогда обязательно должна была быть «дама сердца», его «Дульцинея», которой следовало поклоняться. У Престолонаследника таковой стала Матильда.

Николай Александрович действительно увлекся молодой балериной, но никогда не забывал о том, «кто Он» и «кто она», и знал, что дистанция между ними непреодолима. Как человек преданный долгу, уж по одной этой причине не мог ставить под сомнение свое будущее, престиж Династии и связывать жизнь с танцовщицей. Между тем о том, что у Него якобы существовало подобное намерение, «Малечка» намекала не раз.

Обладая богатым воображением, Кшесинская запечатлела слова и ситуации, которые ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. Например, цитирует по памяти письма Цесаревича Николая. «Чтобы со мной в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием Моей молодости».

Конечно, Кшесинская была удивительной женщиной, но воспроизводить тексты, даже любовных посланий, через многие десятилетия мог лишь тот, над чьей памятью время невластно. Но такого удела простые смертные лишены. Не составляла исключения и экс-балерина.

Многое же, о чем написала Матильда, опровергается достоверными документами. Когда впервые возникла перспектива женитьбы Цесаревича на Алисе Гессенской, то Кшесинская уверяла, что «любимому Ники» совсем не хотелось идти с Принцессой под венец.

«Принцесса Алиса отказалась переменить веру, а это было основным условие брака, и помолвка не состоялась. После своего возвращения Наследник снова стал бывать у меня, веселый и жизнерадостный. Я чувствовала, что Он стремится ко мне, и я видела, что Он был рад, что помолвка не совершилась. Я была бесконечно счастлива, что Он вернулся ко мне».

К тому времени, когда Матильда написала все это, давно были опубликованы дневники Последнего Царя, которые Матильда читала, из которых явствовало, что Николай мечтал жениться на Гессенской Принцессе задолго до того, как стал завсегдатаем особняка на Английском проспекте, и никогда потом не изменял своей мечте.

Кшесинская все это прочла, но не заметила. Она осталась верна своей сладостной грезе, что только с ней Последний Царь был счастлив. Но кто может обвинить любящее женское сердце в неискренности? Грань между реальным и воображаемым в таких случаях почти всегда условна…

Однако в своих воспоминаниях Кшесинская не только выдала желаемое за действительно, но и о важном умолчала. Может быть, «запамятовала», а может быть, не хотела бередить «старые раны».

Например, забыла упомянуть о том, что когда Цесаревич был уже обручен, то отвергнутая прима сцены отправляла Его Невесте в Англию подметные письма, где чернила бывшего возлюбленного как могла.

Алиса, как только получила послания без подписи, содержавшие оскорбительные для Ники выпады, и читать дальше первых строк не стала. Передала листки Цесаревичу. Тот сразу понял – «Малечка»… Все рассказал невесте, которая Его тут же простила, а в дневник любимого записала:

«Мой дорогой мальчик, никогда не меняющийся, всегда преданный. Верь и полагайся на Твою девочку, которая не в силах выразить словами своей глубокой и преданной любви к Тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить любовь Мою, восхищение и уважение – что прошло, прошло и никогда не вернется, и мы можем спокойно оглянуться назад – мы все на этом свете поддаемся искушениям, и в юности нам трудно бывает бороться и противостоять им, но как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас… Господь прощает кающихся. Прости, что Я так много пишу, Мне хотелось бы, чтобы Ты был во мне вполне уверен и знал, что Я люблю Тебя еще больше после того, что Ты Мне рассказал».

Из-за этого «подлого поступка» Николай Александрович невзлюбил некогда «свою М.К.», а когда после длительного

перерыва увидел в январе 1896 года Матильду на сцене, то признался сестре Ксении, что Ему «было неприятно».

После того спектакля Ксения сообщала брату Георгию на Кавказ: «В воскресенье (28 января. – *А.Б.*) мы были в «Спящей красавице» (Ники и Аликс тоже) и в первый раз видели Малечку. Ники мне потом признался, что у Него была ужасная эмоция и Ему было весьма неприятно в первую минуту ее появления… Аликс выглядела грустной, что вполне понятно!»

Императрица Мария Федоровна знала об увлечении Ники. Сын, живший с родителями под одной крышей в Аничковом Дворце, нередко возвращался или очень поздно, или даже утром. Установить же, где Он проводит вечера и ночи, не представляло особого труда.

Мария Федоровна сочла нужным уведомить мужа, но тот не придал всей этой истории серьезного значения. Увлечения молодости! Императрица тоже особо не переживала, не сомневаясь, что ее Ники достаточно серьезен и слишком ответственен, чтобы позволить себе перейти допустимые пределы. Эту тему родители ни с кем не обсуждали. Другие дети были уверены, что отец и мать ничего не ведают.

После получения известия о помолвке 8 апреля 1894 года Цесаревича с Алисой Гессенской его брат Георгий из Абас-Тумана писал сестре Ксении: «Очень и очень благодарен тебе за твои милые письма. Прости, что так редко пишу тебе. Слава Богу, что Ники наконец помолвлен с Аликс. Ты не поверишь, как я этому обрадовался; это великое счастье, что Она согласилась в конце концов, а то могла бы выйти весьма неприятная история, в особенности из-за Малечки; надо удивляться одному: как до сих пор Папа́ и Мама́ ничего об ней не знают. Хорошо еще, что это так кончилось».

Разрыв между балериной и Цесаревичем произошел за несколько месяцев до его помолвки. Инициатором стал Престолонаследник. У Него – своя судьба. У нее – своя. Первое время Матильда ужасно переживала, рыдала, несколько раз, сославшись на болезнь, не выходила на сцену.

«Что я испытала в день свадьбы Государя, могут понять лишь те, кто способен действительно любить всею душою и всем своим сердцем и кто искренне верит, что настоящая, чистая любовь существует. Я пережила невероятное душевные муки, следя час за часом мысленно, как протекает этот день. Я сознавала, что после разлуки мне надо готовиться быть сильной, и я старалась заглушить в себе гнетущее чувство ревности и смотреть на ту, которая отняла у меня моего дорогого Ники, раз Она стала его женой, уже как на Императрицу.

Я старалась взять себя в руки и не падать духом под гнетом горя и идти смело и храбро навстречу той жизни, которая меня ожидала впереди. Я заперлась дома. Единственным моим развлечением было кататься по городу в моих санях и встречать знакомых, которые катались, как и я».

Кшесинская недолго оставалась затворницей. Вскоре она нашла утешения в объятиях Великого князя Сергея Михайловича (двоюродного дяди Николая II), а параллельно сожительствовала с кузеном Царя Великим князем Андреем Владимировичем, от которого летом 1902 году родила сына Владимира (1902–1974).

Этот «брак втроем» добавил Матильде скандальной славы. Лично ее это задевало мало, скорее наоборот: она даже бравировала своим влиянием и положением. Постепенно в театральном мире возникло убеждение во всемогуществе балерины. Говорили, что она может добиться от самого Царя Николая II всего, чего пожелает. Ведь она – «старая любовь»…

Кшесинская действительно на многое могла рассчитывать. В ней души не чаял двоюродный дядя Последнего Царя, друг его детских игр Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918). В отличие от отношений с Николаем Александровичем об отношениях балерины с Сергеем сохранилось достаточно документальных свидетельств.

«Князь Сергей Михайлович баловал меня, как мог, ни в чем не отказывал и старался предупредить все мои желания».

Это было действительно так. Он буквально осыпал Матильду драгоценностями, любой ее каприз становился для дяди Царя непререкаемым. Именно его дорогой подарок – роскошный особняк стиля модерн, воздвигнутый в Петербурге в начале Каменноостровского проспекта архитектором А.И. Гогеном, где прима-балерина с комфортом и разместилась.

Это «палаццо» получило широкую известность: в начале 1917 года хозяйку изгнали, а в особняке разместили свой штаб большевики во главе с Лениным. В будуаре «заслуженной артистки Императорских театров» лидер большевиком устроил свой кабинет.

Несмотря на все обожание князя Сергея, его связь с Матильдой носила платонический характер. Они жили одним домом, но их близость не имела сексуального характера. Пламенная и страстная же натура балерины требовала любви «полной» и «безбрежной».

Ее ей скоро и подарил другой Великий князь, двоюродный брат Николая II Андрей Владимирович, который был на шесть лет моложе балерины. Приятельница Кшесинской артистка М.А. Потоцкая, узнав о новом увлечении Матильды, не без удивления

спросила: «С каких пор ты стала увлекаться мальчиками?» Для Кшесинской такая «мелочь» не имела значение. Главное, чтобы ее любили, чтобы ей поклонялись, чтобы ее боготворили. Андрей Владимирович как раз и был из разряда «преданных пажей».

Они познакомились в феврале 1900 году, а уже летом стали любовниками. Матильда и точную дату указала: 22 июля. «Мы чувствовали себя как в раю. Эту ночь, этот день мы никогда не забывали, и каждый год мы праздновали нашу годовщину». Прошло еще два года, и Матильда родила от Андрея Владимировича сына – правнука Царя Александра II. Его назвали Владимиром – в честь отца князя Андрея.

Кшесинская оставалась сама собой даже в самый «интересный момент»: последний раз перед родами танцевала на сцене на шестом месяце беременности! «По моим танцам и даже фигуре это совершенно не было заметно».

Но не менее интересные события происходили и после рождения сына 18 июня 1902 года.

«Когда я несколько окрепла после родов и силы мои немного восстановились, у меня был тяжелый разговор с Великим князем Сергеем Михайловичем. Он отлично знал, что не он отец моего ребенка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на все, остаться при мне и ограждать меня как добрый друг. Он боялся за мое будущее, за то, что может меня ожидать.

Я чувствовала себя виноватой перед ним, так как предыдущей зимой, когда он ухаживал за одной молоденькой и красивой Великой княжной и пошли слухи о возможной свадьбе, я, узнав об этом, просила его прекратить ухаживания и тем положить конец неприятным для меня разговорам. Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчета, как я виновата была перед Великим князем Сергеем Михайловичем».

После тех «тяжелых событий» Матильда перенесла много всего другого. После отречения Николая II от Престола Романовы и все, кто с ними был как-то связан, превратились в объект беспощадного шельмования и преследования. Не избежала этой участи и Матильда.

Пресса «свободной России» обвинила ее в том, что «царская наложница», пользуясь своим влиянием на Великого князя Сергея Михайловича, занимавшего пост генерал-инспектора артиллерии, раздавала за взятки военные заказы и таким путем, «на крови солдат», нажила баснословное состояние. Кшесинскую объявили «врагом народа».

Восторженный поклонник революции Великий князь Николай Михайлович, имевший близкие отношения с кумиром новой

власти А.Ф. Керенским, тотчас обратился к брату Сергею с нервным письмом, требуя порвать все отношения со своей «гражданской женой». Великий князь, может быть, так бы и сделал – твердых принципов у него не имелось, да и политических убеждений не имел никаких. Однако он не мыслил своей жизни без «Малечки».

Своему брату-республиканцу ответил: «То, что ты пишешь о Малечке, прямо ужасно. Я не знаю, кто против нее озлоблен, и причины этого озлобления кроются только либо в личных счетах по сцене, либо во вздорных слухах.

Я клянусь перед образом, что за ней нет ни одного преступления. Если ее обвиняют во взятках, то это сплошная ложь. Все дела вел я, и я могу представить, кому нужно, все самые точные данные. Какие деньги у нее есть и были, откуда они поступили. Я знаю, что ее дом грабили и грабят; воображаю, сколько дорогих и художественных вещей пропало! Неужели ты не веришь твоему брату, который клянется, а веришь слухам, которые злонамеренные люди? Что было мое, все должно перейти Вове. И что же теперь мы – нищие из-за слухов, распускаемых неизвестно кем!..Ты пишешь, что если я приеду, чтобы я не смел с ними видеться. Что же я – подлец, я брошу свою жену и своего мальчика? Нет, я всю жизнь был честным и благородным, таким и останусь».

У Кшесинской наступила долгая черная полоса в жизни. Она жила по разным адресам, у друзей и знакомых, а летом 1917 года затеяла тяжбу с большевиками, пытаясь по суду вернуть себе особняк на Каменноостровском проспекте. Она там пару раз побывала. Видела мерзость разорения и даже слышала угрозы матросов ее «прихлопнуть». Особенно потрясла одна омерзительная сцена, которую сподобилась лицезреть: подруга Ленина известная революционерка А.М. Коллонтай с видом хозяйки прогуливалась в ее саду и в ее горностаевом манто!

В середине лета 1917 года Кшесинская вместе с сыном Владимиром уехала из Петрограда в Кисловодск, где ее ждал Андрей Владимирович. С Сергеем Михайловичем они расстались на перроне вокзала со слезами на глазах. Однако и на юге России не было спокойно, Матильде пришлось испытать немало превратностей.

Она все выдержала, все вынесла. Пережила убийство в 1918 году своего обожателя, «верного рыцаря» Сергея Михайловича, потерю многих других людей, с кем связана была многими обстоятельствами своей бурной и яркой жизни.

На закате дней ей не раз являлся сон: как она, еще совсем молодая дебютантка, с трепетным волнением ждет прихода в

балетное училище Царской Семьи, как они появляются в конце бесконечно длинного коридора, и идут навстречу: Император Александр III, Императрица Мария Федоровна и Цесаревич, несравненный Ники. Его помнила всегда, «выражение и тепло Его глаз ни с чем сравнить не могла».

Все, что произошло в ее долгой жизни потом, все, что имела, чем дорожила, всем готова была пожертвовать, чтобы еще хоть раз, перед смертью, наяву увидеть и ощутить то, что давным-давно ушло, но не оставило, что нетленным воспоминанием навеки запечатлелось в сердце женщины: образ первой любви.

Глава 29. Европейская бабушка

Звали ее Виктория-Александрина. Она умерла на пороге своего 82-летия, из них 64 года занимала Престол в самой богатой стране XIX века – Великобритании. В период ее правления Британская Империя добилась наивысшего расцвета, в чем была несомненная заслуга и Монарха, оправдавшего свое имя – «Победительница». Второе свое имя она получила в честь Русского Царя Александра I, чрезвычайно чтимого ее отцом…

Виктория стала Королевой летом 1837 году, ей тогда только исполнилось 18 лет. К тому времени Английский Королевский Дом переживал трудные времена.

Ганноверская Династия, представители которой носили Английскую Корону с начала XVIII века, находилась в упадке. Два предшественника Виктории, ее дяди, Короли Георг IV и Вильгельм IV, законных наследников не оставили. Георг IV (1762–1830), сменивший на троне своего отца Георга III в 1820 году, был к тому времени полным «рамоликом» (развалиной). Тяга к выпивке и сладострастию не прошла бесследно.

Биографы Короля установили, что за свою жизнь Георг IV имел связь с восемнадцатью женщинами, с одной из которых – Мэри Фицгерберт – он даже тайно обвенчался в 1785 году. Однако вскоре она ему наскучила, и тогда Наследник Престола просто выгнал ее из своего дома.

В 1795 году, по настоянию отца, Георг вступил в брак с принцессой Каролиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской, давно вышедшей из возраста невесты (ей уже исполнилось 27 лет, что считалось в то время почти старостью). Современник писал, что на свадебной церемонии жених, от принятых перед тем горячительных напитков, «еле держался на ногах».

Каролина подарила своему непутевому мужу дочь Шарлотту, умершую в возрасте 21 года. Прошло немного времени, и герцог Эдинбургский выгнал и супругу, так его сердце в очередной раз увлекла новая привязанность. Поступок Наследника Престола стал национальным скандалом, бушевавшим не один год.

После смерти в 1830 году Георга IV Престол перешел к его брату Вильгельму IV (1765–1837), которому было уже 65 лет. Он не отличался бурным темпераментом брата Георга и все молодые годы прожил с актрисой Джордан. Женился же Вильгельм уже в зрелых летах, в 1818 году, на принцессе Аделаиде Саксен-Мейнингенской, но брак оказался бездетным.

Уже в ранние годы дочь третьего сына Георга III Эдуарда герцога Кентского Виктория-Александрина стала единственной

законной наследницей в Ганноверском Доме. Сама она о том узнала в 12 лет и тогда же произнесла слова, которые потом бессчетное количество раз приводили: «Я буду хорошей».

Ее отцом был сын Короля, а матерью – немецкая принцесса Виктория Саксен-Саальфельд-Кобургская. Виктория потеряла отца в восьмимесячном возрасте. Воспитанием ее занималась матушка, которая по причине «необузданности нравов» держала свое чадо вдалеке от Английского Двора. Детство будущей Королевы прошло в немецкой глубинке – в Саксен-Кобургском герцогстве. В 1837 году молодая Принцесса Кентская взошла на Английский Престол и стала известнейшим британским монархом.

В молодости Викторию отличал веселый нрав; она любила балы и другие увеселения. Со временем интересы переменились, и она позже сожалела, что «так много времени потратила впустую». Не отличаясь ни красотой, ни изяществом манер, ни разносторонностью запросов, ни вкусом (ее туалеты порой производили шокирующее впечатление), она обладала достоинством, чрезвычайно ценным в ее монаршей роли: сильным характером.

Виктория умела настоять на своем. Ее немецкая основательность, пунктуальность и преданность общепринятым нравственным нормам сделали постепенно Британский Двор и Королевскую Семью образцами приличий. Королеве удалось завоевать у себя в стране и за рубежом несомненный моральный авторитет.

Заняв трон Британской Империи, Виктория превратилась в желанный «жениховский приз». Но брачный выбор сделала сама, лично предложив своему дальнему родственнику принцу Альберту Саксен-Кобург-Готскому стать ее мужем. Отказа не последовало. Бракосочетание состоялось в феврале 1840 года.

Супруг являлся ровесником Виктории и, под стать ей, тоже отличался сильным характером. Первое время между мужем и женой не раз происходили семейные сцены, кончавшиеся слезами Королевы. Довольно скоро подобные размолвки сошли на нет, а Виктория и Альберт стали примером безукоризненного супружества.

В 1856 году Королева добилась для Альберта особого титула «принц-консорт» (принц-наследник). Правда, этот почетный титул носил Альберт недолго, так как умер в декабре 1861 года. Королева любила своего супруга самозабвенно, считала его идеалом мужчины. Смерть Альберта стала для нее потрясением. «Свет померк для меня» и «теперь я живу в смерти», – писала Королева своему дяде королю Бельгии Леопольду I.

Все последующие десятилетия она не снимала траура, всегда

отмечала даты семейной жизни, а личные комнаты Альберта во всех королевских резиденциях сохраняли тот вид, который имели при хозяине. Портреты принца-консорта непременно украшали апартаменты Королевы.

У Виктории и Альберта родилось девять детей. Их браки связали тесными родовыми узами Английский Королевский Дом с Династиями Дании, Греции, Германии, России. Внуки Виктории, а их у нее насчитывалось сорок, сделали хозяйку Букингемского Дворца общепризнанной «первой бабушкой» Европы. Европейский Династический мир стал походить на огромный семейный клан.

Королева всю жизнь не питала симпатии к России. Порой ее чувства приобретали характер русофобии. Так было во время Крымской войны 1854–1856 года, когда Британская Королева на своей яхте демонстративно провожала «до последнего маяка» британскую эскадру, направлявшуюся на войну с Россией, показав всему миру, что эта не только война Британии, но и ее личная война. Антирусские чувства она открыто проявила и через двадцать лет, когда во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов публично заявляла, что «если бы была мужчиной, то отправилась бы бить русских».

Виктория на своем веку встречалась с несколькими Царями, не раз наносили ей визиты и Наследники-Цесаревичи. Первый раз такое случилось в 1839 году, когда во время вояжа по Европе ее посетил Наследник Русского Престола Великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II).

Высокий, красивый и учтивый молодой Александр (он был на год старше английской хозяйки) произвел сильное впечатление на незамужнюю Викторию. Она несколько раз танцевала с ним на придворных балах, а в перерывах «оживленно болтала». Одной своей знакомой призналась, что они с Александром «стали друзьями».

В своем дневнике Королева была более откровенна: «Я прямо-таки влюблена в Великого князя. Он просто очарователен». У некоторых даже возникло предположение, что, возможно, Цесаревич станет супругом Виктории.

Домыслы на сей счет являлись совершенно беспочвенными. Династический брак такого уровня между двумя Империями в то время был немыслим. Кроме политических соображений его исключало и еще одно важное обстоятельство: позиция самого Александра.

Маленькая, излишне полная, с глазами навыкате – совсем «неказистая» – не такой Цесаревич представлял облик своей «спутницы жизни». В дневнике записал: «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает». Кто

знает: может быть, стойкая русофобия Королевы питалась помимо прочего и тем давним, не разделенным женским чувством?

Однако вне зависимости от собственных симпатий Британской Королеве не раз на своем веку еще пришлось иметь дело с посланцами из России. В начале лета 1844 года ей нанес визит Царь Николай I. Видеться с ним Виктории совсем не хотелось, но государственные интересы требовали личных жертв. Одной из них и стало приглашение Царю посетит Англию. Сама Виктория в тот момент находилась не в лучшей физической форме, на седьмом месяце беременности (в августе появится на свет ее второй сын Альфред).

Десятидневное пребывание Царя в Англии в июне 1844 года внешне выглядело торжественно и благопристойно. Выспренние слова и протокольные знаки внимания Император воспринял как проявление расположения к нему.

На самом деле все обстояло далеко не так. Венценосная хозяйка, проявляя учтивость, не питала к Николаю I никаких добрых чувств. Напротив, и во время визита, но особенно после него она не скупилась не просто на нелестные, но порой и откровенно оскорбительные отзывы. Своему дяде королю Бельгии Леопольду I Виктория писала о Николае I, что «выражение его глаз страшное». В Царе она не увидела «джентльмена», а лишь человека «ограниченного ума», «нецивилизованного», интересовавшегося исключительно «армией и политикой». Это была неправда.

Во время пребывания в Англии Николай I живо интересовался музеями и техническими достижениями. Подробно ознакомился со строительством нового здания парламента, проект которого он нашел «великолепным» и попросил подарить ему чертежи. В том же году, по рекомендации царя, зодчий Чарльз Берри был избран членом Императорской Академии Художеств, а Англия включена в число стран, в которых стажировались лучшие ученики Академии.

Во время пребывания в Англии Царь пригласил на работу в Россию нескольких инженеров и архитекторов. Кроме того, он выделил средства на завершение работ по сооружению мемориала адмирала Нельсона и на памятник герцогу Веллингтону в центре Лондона.

Однако все это для Королевы не имело никакого значения. Она выносила свои заключения раз и навсегда, а всё, что было связано с Россией, неизменно вызывало у «маленькой Вики» стойкую антипатию.

Через несколько лет после визита Царя начались очередные осложнения на Востоке, а затем, в 1854 году, разгорелась

Крымская война, и англо-русские отношения вступили в полосу откровенной враждебности. Виктория своими высказываниями и действиями подогревала шовинистическую истерию. Во время войны она на своей яхте проводила военную эскадру до «последнего маяка», показав всему миру, что война с Россией – не только война Британии, но и ее личная война.

Королева не отличалась особой физической крепостью, нередко болела. Неизменно тяжело у нее протекали беременности и роды. Но она никогда не сетовала, считая, что дети Королевы – богатство и сила Британии.

Королева была матерью пятерых дочерей и четверых сыновей. Старшая дочь Виктория (Виктория-Адельгейда-Мария-Луиза) – любимица матери, ее радость на всю жизнь. Она лицом и осанкой напоминала свою родительницу, которую всю жизнь просто боготворила.

Выйдя в 1858 году замуж за Прусского принца Фридриха-Вильгельма, она стала невесткой Прусского Короля, а с 1871 года первого Императора Германской Империи Вильгельма I. В 1888 году (после смерти свекра) ее муж занял трон Германской Империи и дочь Виктории превратилась в Германскую Императрицу. Однако ко времени вступления на Престол Германской Империи зять Королевы Виктории был уже безнадежно болен раком, от которого и умер, не процарствовав и ста дней.

Вторым ребенком Виктории был сын Альберт-Эдуард, которого все с детства звали «Берти». Он носил титул Принца Уэльского и являлся Наследником Престола более сорока лет. Матушка с ранних пор держала его под своим неусыпным взором, но сделать его своим вторым «я» так и не смогла.

Альберт-Эдуард всю жизнь вел себя так, что редко угождал Матери-Королеве. Он почитал ее, был любезным, вполне светским, но его интересы и занятия порой доставляли королеве немало переживаний. Берти не делал военной карьеры, и позже Виктория не раз сетовала, что допустила ошибку, не отправив сына служить. Может быть, в силу этого, как считала Королева, он вырос «слишком легкомысленным». У него развилась «тяга к красоте», а его любовные похождения сделались со временем излюбленной темой европейской светской хроники. Герцог Уэльский превратился в героя бульварных газет всего мира.

В 1863 году Альберт-Эдуард женился на старшей дочери Датского Короля Христиана IX красавице Александре. Это был его собственный выбор. Королева Виктория не нашла аргументов против, молча его приняла, но невестку свою так и не полюбила. Хотя Датская Принцесса Александра и являлась образцовой

женой, искренне любила супруга, но настоящего семейного счастья в семье Принца Уэльского не было.

В возрасте 36 лет Альберт-Эдуард завел себе «официальную метрессу» – пышнотелую замужнюю актрису Лилли Лэнгтри, связь с которой продолжалась многие годы и которая родила от Принца дочь. Были в его мужской коллекции и другие «жемчужины», с которыми его часто видели на модных европейских курортах. Его хорошо знали и в самых изысканных публичных домах («садах любви») Парижа и на Французской Ривьере…

Женитьба Альберта-Эдуарда на Принцессе Александре привела к установлению близкой родственной унии между Ганноверской и Романовской Династиями: в 1866 году младшая сестра Принцессы Уэльской Принцесса Дагмар стала женой Наследника Русского Престола Александра Александровича. Между двумя семьями установились теплые дружеские отношения, которые, впрочем, не повлияли на взгляды Королевы Виктории, продолжавшей испытывать большую настороженность ко всем и ко всему, что было связано с Россией.

Однако королеве, помимо ее желания, постоянно приходилось не только встречаться с представителями могучей восточной Империи, но и соглашаться на династические союзы. Дети и внуки Королевы сами делали выбор, воспрепятствовать которому Виктория желала бы, но предотвратить не могла. Там, где начиналась власть любви, власть Королевы-Матери и Королевы-Бабушки заканчивалась.

Летом 1873 года на европейской династической сцене разворачивалась одна история, приведшая к неожиданным европейским пертурбациям. Впервые в истории между Царской Фамилией и Английским Королевским Домом намечалась прямая династическая уния: британский Монарх становился близким родственником Царя.

Второй сын королевы Виктории герцог Саксен-Кобург-Готский, граф Кентский, герцог Эдинбургский Альфред, влюбленный в дочь Александра II великую княжну Марию Александровну, вознамерился на ней жениться.

Его мать, невзирая на свою традиционную русофобию, не препятствовала, дала разрешение на брак, заметив сыну, что она не только согласна, но «и желает этого». Герцогу надлежало заручиться согласием родителей Марии.

Из России поступили одобрительные сигналы; Царица Мария Александровна написала Королеве, что «я Вам ее рекомендую». Через годы хозяйка Букингемского Дворца будет уверять Александра III, что «эти слова остались для меня святыми».

Возможно, так оно и было. Легкость, с которой Королева одобрила русскую партию, невольно удивляла.

Хотя сама русская Великая княжна и проявляла симпатию к бравому морскому офицеру Альфреду Эдинбургскому, но необходимо было соблюсти династический этикет. Принц обязан был официально просить руки дочери у Александра II, и лишь после его согласия она могла стать невестой.

В июне герцог Эдинбургский поехал для решительного объяснения в Германию, в Дармштадт, где в то время находились Царь, Царица, их дочь Мария и Цесаревич Александр. Там в замке Югенхайм состоялось объяснение, согласие Царской Четы было получено, и 29 июня 1873 года о помолвке объявили официально. Свадьбу наметили на следующий год.

Главное было решено в Югенхайме, оставались лишь формальности. Вот тут-то Виктория неожиданно и проявила себя «во всей красе». Через несколько дней, когда Цесаревич с Цесаревной находились уже в Англии в гостях у Берти и Аликс, Королева начала выдвигать условия, одно странней другого.

Цесаревич Александр писал матери 14 июля: «Как мне надоела Королева, просто ужас! Берти был просто в отчаянии и не знал, что делать. Каждый день телеграмма от Королевы и все новые предложения насчет свидания с Мари… Я просто боюсь показаться ей на глаза после всего этого, заест!!!» Обсуждали, согласовывали и согласовывали и вроде бы все согласовали. «Смотрины» назначили через несколько недель в Кёльне.

Только улеглись переживания, вдруг снова возникло непредвиденное обстоятельство. Виктория опять, через невестку Александру, просила передать «ее русским родственникам», что желала бы «как можно скорее» познакомиться с будущей женой Альфреда и высказала намерение, чтобы отец привез к ней дочь в Осборн. Принцесса Уэльская Александра все передала Цесаревичу Александру, который от возмущения не нашел приличных слов и молча выслушал «волю Королевы».

Царю же немедленно сообщил. Тот был удивлен и обескуражен не меньше сына. О подобном визите не могло быть и речи. Суверенный Монарх не может ездить на поклон к другому Монарху, да к тому и без официального приглашения. Царь просил передать Виктории, что он «очень занят» и, к сожалению, не может воспользоваться случаем и погостить в Осборне.

На этом история и закончилось. Все прошло по заранее намеченной программе, и свадьба Марии и Альфреда состоялась 21 января 1874 года в Петербурге. Дочь Царя подарила своей свекрови четырех внучек и внука…

Минуло десять лет, и перед Королевой Викторией возникла

перспектива новой русской брачной партии. Ее внучка Елизавета (дочь второй, покойной уже дочери Алисы и Людвига Гессенского) полюбила брата Царя Александра III Великого князя Сергея Александровича и не представляла себе жизни без него.

Князь Сергей тоже выказывал явные признаки расположения. Отец Елизаветы одобрял, Царь тоже, дело было за бабушкой. Виктория любила Елизавету, милую Эллу, считала ее искренней и доброй. Весной 1884 года Королева писала лорду Волслею, что «она настоящая красавица, не как ваши накрашенные красотки в английском свете, такая свежая и цветущая». Она хоть и высказывала некоторые опасения насчет выбора внучки Эллы, но возразить не могла, высказав лишь непременное желание познакомиться с женихом.

Елизавета была так благодарна за это бабушке и писала ей в марте 1884 года из Дармштадта: «Я так рада, что Вы увидите Сергея, когда приедете в следующем месяце, и надеюсь, что он произведет на вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер».

Надежды Елизаветы оправдались. Королеве Сергей понравился. 3 июня 1884 года они венчались в Петербурге, и внучка Английской Королевы стала русской Великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Немало переживаний у Королевы было связано и с женитьбой ее младшей Гессенской внучки Алисы, которая после смерти в 1878 году ее матери много времени проводила у бабушки в Англии. Для Королевы она стала «солнечным лучиком», скрашивавшим свободные минуты старой женщины.

И ее внучка Алиса тоже полюбила русского. Им стал старший сын Александра III Наследник-Цесаревич Николай. Первоначально бабушка об этом и слышать не хотела. Ее неприязнь к русским женихам усилилась после 1887 года, когда произошел скандально-конфузный случай. Тогда в Лондон приехал кузен Царя Александра III Великий князь Михаил Михайлович (внук Николая I). Цель его миссии, согласованная между Английским и Русским Монархическими Домами, состояла в том, чтобы просить руки внучки Королевы девятнадцатилетней Принцессы Виктории (второй дочери ее сына Альберта-Эдуарда).

По прибытии в Англию двадцатисемилетний князь сразу же заявил внучке Королевы, что «любить ее не может», но что если это надо их родителям, то «готов на ней жениться». С Принцессой случилась истерика, родители – Герцог и Герцогиня Уэльские – были шокированы, а Королева-Бабушка просто клокотала от негодования. Подобного оскорбления Ганноверская Династия

давно не переживала.

О том, что сердце внучки Алисы пленил русский Престолонаследник, бабушка узнала от старшей сестры Алисы, своей первой Гессенской внучки Виктории (1863–1950), состоявшей замужем за принцем Луи Баттенбергским. Хотя тогда Алисе только исполнилось шестнадцать лет и о браке пока речи не шло, но бабушка решила навсегда закрыть эту тему. В 1887 году она написала Виктории: «Я склонна сохранить Аликс для Эдди или для Джорджи (сыновья Альберта-Эдуарда. – *А.Б.*). Ты должна препятствовать появлению новых русских или прочих желающих подцепить ее».

Королева считала, что от «этих русских» ничего хорошего ожидать не приходится. Да и сама Россия ей представлялась страной непредсказуемой. Для своей «солнечной девочки» она желала спокойной участи. По ее мнению, «положение дел в России настолько плохо, что в любой момент может случиться что-нибудь страшное и непредвиденное; и если для Эллы все это маловажно, то супруга Наследника Престола окажется в самом трудном и опасном положении».

Но «закрыть тему» не удалось. На стороне русской партии выступила княгиня Элла, стремившая сломить упорство королевы, утверждавшей, что «не стоит двум сестрам жить в одной стране». В 1890 году Королева написала Виктории Баттенбергской: «Потрудись сообщить Элле, что разрешения на брак Аликс в Россию не будет, пора с этим кончать».

Чтя бабушку, Великая княгиня тем не менее старалась сделать все, чтобы бы Аликс обрела свое настоящее счастье в России, рядом с любимым. Она слишком хороша знала младшую сестру, чтобы полагать, что Та, раз отдав Свое сердце, сможет потом полюбить какого-то снова.

В ноябре 1893 года Элла написала Королеве письмо, где подробно разбирала все возражения. При этом ни разу не сослалась на мнение Королевы, хотя, по сути дела, именно с ней и полемизировала.

«Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но все, как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу. Да, все в руках Божиих. Мир такой злобный. Не сознавая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злые языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто восхождение на Трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение. Будет ли это когда-нибудь? Хотела бы я знать. Я желаю этого потому, что мне нравится этот молодой человек».

Трудно сказать, изменилась бы непримиримая позиция Королевы Виктории, если бы ее внучка Алиса не любила Цесаревича Николая так страстно. Ни о ком другом Она и слышать не хотела. Сердце старой Королевы смягчилось после того, как летом 1893 года сама познакомилась с русским Престолонаследником. Он ей понравился.

Цесаревич Николай в тот год тоже фактически впервые оказался в Англии и познакомился с Королевой. Правда, это был Его второй «английский круиз», но в первый раз Он оказался в Британии вместе с родителями в возрасте пяти лет, но о том пребывании в памяти ничего не сохранилось.

Летом же 1893 года, присутствуя на свадьбе Своего двоюродного брата герцога Йоркского, Он многое успел увидеть и узнать. Королева была с ним «замечательно любезна», но сам ее вид вызвал добродушную улыбку. В своем дневнике он назвал ее «шаром на подгулявших ногах». В знак своего расположения Виктория наградила Николая высшим отличием Британской Империи – Орденом Подвязки.

Вряд ли Королева поняла, что своим упорством может сломать жизнь внучки Алисы, своего «солнечного лучика» (за свою долгую жизнь она никогда не признавала свою неправоту); она просто предоставила все естественному течению вещей. Виктория уже не была против, но и заинтересованности не высказывала.

Однако развязка, наступившая в Кобурге 8 апреля 1894 года, все-таки явилась для нее неожиданной. После известия о согласии Алисы на брак с Николаем, «королева Великобритании и Ирландии и Императрица Индии» записала в дневнике: «Меня как громом поразило услышанное, так как, хотя я и знала, насколько Ники желал ее, все же полагала, что Аликс еще колеблется».

Виктория смирилась со свершившимся и тут же отправила поздравительную телеграмму Царю Александру III, выражая радость по поводу «счастья наших внуков».

Жениху же внучки она отправила теплое письмо:

«Дорогой Ники! Нет нужды говорить, как много я думала о Тебе и моей милой Аликс с тех пор, как мы уехали из милого Кобурга, и не сомневаюсь, что расставание с Ней было очень трудным для Вас обоих. Мы с удовольствием ожидаем Ее приезда, и я буду присматривать за Ней и прослежу, чтобы Она отдохнула, не волновалась и делала все, чтобы поправиться, ведь в последнее время Она была довольно слаба. Пока Она здесь без Тебя, думаю, Она должна как можно меньше выезжать, чтобы на Нее не глазели из любопытства, что в Ее нынешнем положении Твоей

невесты и неприятно, и неуместно.

У нее нет родителей, и я считаю, что только я несу за Нее ответственность. После смерти ее горячо любимой матушки все Ее сестры видели во мне вторую мать, но был жив еще их дорогой отец. Теперь бедная милая Аликс – сирота, и у Нее нет никого, кроме меня… Остаюсь с искренней привязанностью, дорогой Ники, преданная Тебе (будущая) бабушка. Виктория Королева и Императрица. 22 апреля 1894 года».

Она не полюбила ни Россию, ни русских, но приняла неизбежное. Так Королева поступала всегда.

Свою внучку Королева искренне любила. В свою очередь Алиса-Александра неизменно питала по отношению к бабушке нежные чувства. Уже будучи невестой, писала из Англии своему Любимому в Россию:

«Бабушка сегодня плохо ходит, и это ее, бедную, очень угнетает. Милый Мой, ты ведь будешь иногда получать отпуск, чтобы Мы могли навещать ее; кто знает, долго ли она проживет среди нас, и она так огорчается при мысли о том, что Я буду так далеко, тем более что мы все постоянно бывали здесь и она была для нас второй матерью и смотрела на нас больше как на своих детей, чем как на внучат. Мне страшно думать, что с ней что-нибудь может случиться; ведь тогда вся семья распадется – не будет главы, вокруг которого все собирались! Дай Бог, чтобы она сохранилась на многие годы для нас».

Королева Виктория проживет еще почти семь лет, но любимица, внучка Алиса, после 1894 года сможет лишь один раз навестить ее. В сентябре 1896 года Николай II, Александра Федоровна и Их первенец – дочь Ольга – погостят несколько дней у старой Королевы в замке Бальморал в Шотландии.

В январе 1901 года, когда патриарх европейских монархов скончается, Александра Федоровна не сможет поехать на похороны, будет горевать и плакать в России. Воспоминание о бабушке всегда будет вызывать у Царицы слезы.

Глава 30. Ники, Джорджи, Вилли

Осень 1894 года в России оказалась наполненной важными государственными событиями. Большую часть октября все жадно ловили новости из Ливадии, где боролся со смертью Александр III. С каждым днем его состояние становилось все хуже и хуже, и 20 октября он отдал Богу душу.

Сроком на один год был объявлен национальный траур; началась череда похоронных церемоний, закончившаяся 7 ноября погребением усопшего Царя в Петропавловском соборе в Петербурге. Через неделю, 14 ноября, в церкви Зимнего Дворца состоялось бракосочетание молодого Монарха Николая II с Александрой Федоровной. Затем Новобрачные уехали в Аничков Дворец.

Облик нового Царя уже хорошо знали простые смертные. Его портреты украшали правительственные учреждения, были выставлены в витринах магазинов, а открытки с Его изображением продавались повсеместно и в столице, и в других городах. Хотя никаких празднеств в связи с трауром в Петербурге не происходило, но народу на улицах было много, особенно около Аничкова. Все ждали чего-то, и необычное событие действительно произошло.

Вечером из подъезда дворца вышел Царь и отправился пешком по тротуару Невского проспекта. Выглядел как обычный господин: темное пальто, цилиндр, трость в руке. Держался вполне непринужденно. Когда кто-то рискнул сказать ему: «Здравствуйте, Ваше Величество», то он любезно улыбнулся и поклонился в ответ.

Моментально образовалась толпа в несколько сот человек, которая молча двинулась следом. Молодой человек, увидав такое, явно сконфузился и решил повернуть назад. Неизвестно, смог бы он просто так вернуться, если бы не подоспевшая полиция. Зевак растолкали, дали дорогу, и опрометчивый любитель пеших прогулок быстро скрылся за массивными дверями Аничкова. Толпа же еще долго не расходилась; все только и говорили об увиденном «живом Царе», пересказывали и пересказывали друг другу, обсуждая все до мельчайших подробностей.

Однако публика ошиблась. Тем вечером перед ее взорами предстал не молодой Царь, а его двоюродный брат Английский Принц Георг, герцог Йоркский, будущий Король Георг V (1865–1936). Их матери – Императрица Мария Федоровна и Принцесса Уэльская Александра – были родными сестрами, и их старшие сыновья походили друг на друга с раннего детства.

Когда кузен рассказал Николаю II о случившемся маленьком происшествии, то тот рассмеялся и заметил, что Георг «может теперь время от времени Его замещать».

Они не были сверстниками: Георг родился в 1865 году, его русский кузен Ники появился на свет тремя годами позже. В первый раз увиделись в раннем детстве, в 1873 году, когда Николай Александрович с родителями два месяца гостил в Англии. От того лета в памяти Николая ничего почти не осталось. Георг же, которого родня в России называла «Джорджи», потом уверял, что хорошо помнил, как Ники строил на берегу острова Уайт, где размещалась королевская резиденция, песчаные замки и как это ему плохо удавалось.

Затем кузены встречались много раз в Дании, у дедушки и бабушки. У Короля Христиана IX и королевы Луизы летом обычно собирались их дети и внуки со всей Европы. Там Георг и Ники стали друзьями; на прогулках и играх были неразлучны. «Дорогой Джорджи» и «мой старина Ники» – так они обращались друг другу в письмах.

В 1893 году внук Королевы Виктории Георг женился на Марии, Принцессе Текской (1867–1953). На свадьбе присутствовал в качестве почетного гостя Цесаревич Николай, который через год стал и крестным отцом их первенца – принца Георга, будущего Английского Короля Георга VI (1894–1952)[58].

В 1894 году наметилось еще большее родственное сближение между английским принцем и его русским кузеном. Внучка Королевы Виктории Алиса Гессенская (двоюродная сестра Георга) стала Невестой Цесаревича. Это случилось 8 апреля в Кобурге, и в тот же день Георг получил телеграмму от счастливого жениха. В ответ герцог Йоркский отправил письмо:

«Мой дорогой старина Ники! Я должен послать Тебе всего пару строк, чтобы от всего сердца поздравить Тебя с хорошей вестью, что Ты телеграфировал мне вчера. Желаю Тебе и дорогой Аликс всех радостей и счастья теперь и в будущем. Мне в самом деле доставляет удовольствие думать, что все наконец устроилось и что великое желание Твоего сердца наконец сбылось, ведь мне известно, что уже несколько лет Ты любишь Аликс и хочешь жениться на ней.

Я совершенно уверен, что Она будет тебе отличной женой и что Она очаровательна, мила и образованна. Я не мог бы Тебе пожелать лучшего, когда говорю, что надеюсь, вы вдвоем будете так же счастливы вместе, как мы с Мэй. Я также очень рад, что Ваша помолвка совершилась в Кобурге, и знаю, что для бабушки было бы величайшим удовольствием присутствовать при этом счастливом событии; она очень любит Аликс и всегда говорила

мне, как она надеялась, что когда-нибудь Она выйдет за Тебя.

Представь себе, вот уже почти год, как Ты был здесь. Интересно, когда мы встретимся снова, очень надеюсь, что скоро… Полагаю. Теперь ты несколько дней не вернешься в Петербург. Что будет делать Аликс? Не буду теперь Тебе более надоедать, кроме как еще новыми добрыми пожеланиями и, пожалуйста, передай привет всем многочисленным родственникам. Благослови тебя Бог, дорогой Ники. Навеки Твой любящий кузен Джорджи».

В отличие от Ники у Алисы Ее кузен вызывал куда меньше симпатии. Она его знала с детства, они практически выросли вместе при Дворе Королевы Виктории. По ее представлениям это был довольно пустой человек, интересы которого ограничивались гонками на яхтах, скачками и коллекционированием марок. Еще была несимпатична его манера за глаза подтрунивать над бабушкой Королевой Викторией. Аликс считала такое поведение недопустимым.

Принцессу покоробило, когда после Ее помолвки Георг счел себя вправе обсуждать Ее будущую совместную с Ники жизнь и давать неуместные советы. В начале мая 1894 года в письме Николаю она с возмущением писала:

«Забыла вчера сказать, что этот глупый Джорджи говорит, что Я должна настоять на том, чтобы Ты носил высокие каблуки, а сама должна носить совсем низкие. Мэй, по его словам, не хочет менять своих, а он стал носить высокие; в начале было неудобно, а потом их и не замечаешь. Вижу Твое лицо, пока ты это читаешь! Будто рост составляет какую-нибудь разницу, а мужчина на высоких каблуках так смешон, и Я уверена, что Ты никогда этого не сделаешь».

Алиса-Александра и позже не переменила взгляда на кузена Джорджи, хотя прилюдно критически о нем не высказывалась. Он ведь родственник, член Династии. В то же время Ее порой коробили бестактности английского кузена. Например, в конце 1902 года он прислал Ники письмо, где радостью сообщал, что у них родился четвертый сын, и беспардонно добавил: «Я хотел бы, что бы один из них был Твой».

Джорджи знал, что у них родилось четыре дочери, он не мог не знать, что появление сына было заветной мечтой, неизбывным желанием. И при этом позволил себе такой пассаж, так бездушно уколол родительские и монаршие чувства!

Она не сомневалась, что у Георга недостаточно развито чувство меры. Для Александры Федоровны это было признаком не очень хорошего тона. Жена Джорджи Мария, которую все звали Мэй, была под стать супругу: на уме только туалеты и балы.

Обескураживала и алчность четы герцогов Йоркских.

Алиса-Александра на всю жизнь запомнила, как у обоих горели глаза, когда летом 1894 года рассматривали подарки ей от Ники. Все перетрогали, переглядели по нескольку раз, попробовали на вес, оценили. Подарки действительно впечатляли: кольцо с розовой жемчужиной, ожерелье из розового жемчуга, браслет-цепочка с крупным изумрудом, бриллиантовая брошь с сапфиром.

Самое сильное впечатление произвел подарок Царя и Царицы – массивное жемчужное ожерелье, сделанное специально к этому случаю известным петербургским ювелиром Фаберже. Джорджи и Мэй, когда узнали, что оно оценивается в 25 тысяч фунтов стерлингов, аж языком зацокали. Целое состояние! «Какая ты счастливая!» – услышала от них Алиса.

Принцесса ничего не ответила, лишь в душе проснулось сочувствие к своим родственникам. Неужели драгоценности могут осчастливить? Радость дарует совсем другое: сознание, что навеки будешь принадлежать любимому человеку.

Николай же Александрович всегда относился к Джорджи с ровной симпатией. Она лишь усилилась после того, как тот весной 1910 года стал Английским Королем под именем Георга V. Теперь главами двух стран являлись люди, питавшие личное расположение друг к другу. Это было залогом улучшения и межгосударственных отношений, о чем Царю сразу же после восшествия на Престол писал и Английский Кузен-Король:

«Мой дражайший Ники! Благодарю от всего сердца за милое письмо; я глубоко тронут тем сочувствием, что Ты проявил ко мне в связи с невосполнимой утратой, которую я и моя любимая Страна понесли со смертью моего самого дорогого Папа́! Ты, увы, тоже прошел через все то, что я переживаю сейчас. Последние три недели были ужасны, сердце у меня почти разрывалось, и в то же время мне приходилось выполнять все мои обязанности, и нести новые ответственности, и встречаться со столькими людьми по устройству последних скорбных церемоний…

Да, мой дражайший Ники, я надеюсь, что мы всегда будет продолжать нашу старую дружбу, Ты знаешь, я неизменен, и я всегда Тебя так любил. Да, в самом деле, я знаю, как с самого начала мой дорогой Отец старался сделать все, что мог, чтобы обе наши Страны были вместе, и Ты можешь быть уверен, что я буду проявлять такой же интерес к России, как и Он. И что я буду стремиться и трудиться, чтобы улучшить те дружеские отношения, что, к счастью, сложились между нашими Странами. И я знаю, что и Ты будешь делать то же самое, и я уверен, что, когда наши два народа будут лучше знать и понимать друг друга,

все наши усилия увенчаются успехом…

Надеюсь, дорогой Аликс лучше, пожалуйста, передай Ей от меня горячий привет. Надеюсь, время от времени Ты будешь писать мне, если у Тебя будет нечто особенное сказать мне, если, на Твой взгляд, дела будут обстоять не совсем так, как ты пожелаешь. Мэй передает Тебе горячий привет. В мыслях я постоянно с тобой. Благослови Тебя Бог, мой дорогой старина Ники, и помни, что Ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего друга. Навеки Твой преданный друг Джорджи».

Эта дружба подверглась испытаниям в 1917 году и не выдержала их. Когда Николай II отрекся от Престола и вместе с семьей стал заключенным, то английский кузен вначале хотел приютить Царя и Царицу. Когда же понял, что это сопряжено с политическими осложнениями, что для этого надо идти против влиятельных левых сил у себя в стране, то испугался и отрекся от своих русских родственников.

Король Георг V не сделал ровно ничего, что могло бы облегчить участь поверженных Венценосцев. У него не было ни малейшего желания бросать вызов публике, демонстрируя свои человеческие симпатии.

Ни в 1917 году, ни потом Английский Монарх не проявил интереса к судьбе своих родственников в России. Ему эта история стала «мало интересной». Получив известие о гибели Романовых в Екатеринбурге, Георг V писал своей кузине, сестре Императрицы Александры Федоровны маркизе Виктории Мильфорд-Хэвен (Баттенберг):

«Глубоко сочувствую Вам в трагическом конце Вашей дорогой Сестры и Ее невинных детей. Но, может быть, для Нее самой, кто знает, и лучше, что случилось, ибо после смерти дорогого Ники Она вряд ли захотела бы жить. А прелестные девочки, может быть, избежали участь еще более худшую, нежели смерть от рук этих чудовищных зверей».

Невольно приходит на ум бессмертный афоризм Ларошфуко: «У нас всегда найдутся силы перенести несчастье другого». Как «повезло» семье последнего Царя: их всех убили вместе! Да, истинно «королевское сострадание»!

После получения первых, еще неясных сведений о гибели Царя в Екатеринбурге Георг V записал в дневнике 25 июля 1918 года: «Мэй и я присутствовали на службе в русской церкви на Уэлбек-стрит в память дорого Ники, которого, боюсь, расстреляли большевики в прошлом месяце. Мы не могли узнать подробностей, [но] это было грязное убийство. Я был предан Ники, добрейшему из людей, настоящему джентльмену, любившему свою страну и свой народ».

Король проявлял себя «истинным джентльменом» лишь на страницах интимного дневника…

Помимо Николая II, Александры Федоровны и их детей в России оставались и другие близкие родственники Виндзоров. Внучка Королевы Виктории и кузина Георга V Великая княгиня Елизавета Федоровна до апреля 1918 года находилась в Москве, а затем была выслана на Урал, где в Алапаевске и была убита через день после гибели Царской Семьи. Ни при Временном правительстве, ни позже власти Британии вообще не обнаружили никакого интереса к судьбе княгини.

Однако в одном случае Георг V выказал озабоченность в отношении своей Романовской родни. Это касалось матери Николая II и тетки Английского Короля Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. С конца марта 1917 года она вместе с дочерьми Ксенией и Ольгой и их семьями находилась в Крыму. До осени 1918 года английские власти проявляли в отношении старой Царицы полную индифферентность, хотя информация из Крыма о тяжелом положении Романовых в Англию и поступала.

Мать Георга V Вдовствующая Королева Александра очень переживала за сестру, умоляла сына помочь спасти «несчастную Минни», но тот долгие месяцы только выражал «сочувствие» на словах. Желание инициировать какие-либо акции для спасения своей тетушки у Короля долго не проявлялось.

Лишь в конце 1918 года, когда английская эскадра стояла уже в Стамбуле, ее командующий получил секретное предписание Адмиралтейства провести тайную операцию по вывозу Императрицы и двух ее дочерей из Крыма. О других Романовых, находившихся к тому времени в Крыму, речи вообще не шло.

21 ноября 1918 года отряд англичан высадился тайно на берег, и его командир встретился с Марией Федоровной. Царица сразу же сообщила, что не собирается тайно, ночью бежать на английском корабле, оставив в Крыму других своих родственников и приближенных, которых англичане спасать не намеревались.

После того прошло еще более четырех тревожных месяцев, прежде чем в конце марта 1919 года у берегов Крыма «открыто» появился английский дредноут «Мальборо». Его капитан получил разрешение Адмиралтейства взять на борт не только Царицу, но и других Романовых, а также всех приближенных, многие месяцы разделявших с Марией Федоровной опасности и невзгоды крымского пребывания. 11 апреля 1919 года старая Царица покинула Крым, а 8 мая она встретилась в Лондоне со своей сестрой Александрой.

Знаки внимания своей тетушке оказал и Король Георг V, который вместе с Королевой Марией (Мэй) оплачивал счета Царицы в Англии. Это «трогательное великодушие» не было лишь искренним проявлением чувств. Современный английский исследователь пишет: «Нет сомнения, что за финансовой поддержкой Марии со стороны Георга V скрывалось его знание о ее шкатулке с драгоценностями, которые удалось спасти в Крыму». Последующие события полностью подтверждали данный вывод.

Мария Федоровна вывезла за границу личные драгоценности, составлявшие уникальную коллекцию ювелирных украшений. После смерти Вдовствующей Императрицы 13 октября 1928 года в Дании Георг V проявил удивительную распорядительность.

Сразу же по получении известия в Копенгаген отбыл доверенный человек: по просьбе Короля им оказался последний Царский министр финансов П.Л. Барк (1869–1937), в то время исполнявший обязанности советника управляющего Британского банка. Его задача сводилась к тому, чтобы «завладеть шкатулкой и отправить ее в Букингэмский дворец».

Барк, запугав дочерей усопшей Царицы возможностью хищений и пропаж, легко добился их согласия на переправку сокровищ в Англию. Тело Марии Федоровны еще не было погребено, а ее драгоценности тайно, в спешке, но с большими предосторожностями покинули Данию. При этом страховая оценка их составила огромную по тем временам сумму в 200 тысяч фунтов стерлингов.

Английская Королева, «питавшая слабость» к ювелирным изделиям, сразу выказала желание купить некоторые предметы. На протяжении последующих лет Королева Мария приобрела ряд уникальных вещей из собрания Марии Федоровны, которые ныне являются известнейшими драгоценностями Английской Королевской Семьи, в которых дамы династии блистают по сию пору.

Из числа уникальных отметим лишь четыре вещи. Овальная бриллиантовая брошь с бриллиантовой застежкой, принадлежащая ныне принцессе Кентской, которая была подарена в свое время ее свекрови, принцессе Марине, позже герцогине Кентской, Королевой Мэри.

Брошь с огромным овальным сапфиром кабошон, с бриллиантовой застежкой и с подвеской из жемчужины в форме капли, завещанная Королевой Мэри своей внучке, Королеве Елизавете II, которая часто ее надевает в торжественных случаях.

В этих же целях используется нынешней Королевой и бриллиантовая тиара V-образной формы с уникальным сапфиром

в центре. Британскому Монарху принадлежит и воротник из жемчугов и бриллиантов – подарок Королеве Елизавете от бабушки Королевы Мэри.

Общее же число драгоценных изделий русского происхождения, находящихся ныне в собственности членов Королевской Семьи, не поддается определению. Во всяком случае, их количество исчисляется многими десятками предметов.

Королю Георгу V и Королеве Марии удалось дешево пополнить собрание драгоценностей Английского Королевского Дома за счет своих родственных связей с Романовыми…

Виндзоры[59] до сих пор имеют сильные генетические связи с Царской Династией. Отметим главную. Родившийся в 1921 году супруг Елизаветы II герцог Филипп Эдинбургский является прямым потомком Императора Николая I (праправнуком). Его бабка – внучка Николая I Великая княгиня и греческая королева Ольга Константиновна (1851–1926). Отец же – племянник Императрицы Марии Федоровны и кузен Николая II принц Андрей Греческий (1882–1944), а мать – племянница Императрицы Александры Федоровны Алиса Баттенберг-Маунбэттен (1885–1969).

У Николая и Александры был еще один родственник, который занимал очень высокое положение, но отношения с которым требовали немало терпения и сил. Это был Германский Император и Прусский Король (Кайзер) Вильгельм II.

Он родился в 1859 году и был сыном Императора Фридриха III и Королевы Виктории-Адельгейды, старшей дочери Английской Королевы Виктории. Фридрих процарствовал всего 99 дней и умер от рака горла 15 июня 1888 года. Тогда его старший сын и наследовал корону Германской Империи.

С Царем Николаем II Вильгельм II состоял в дальнем родстве: его дед Александр II приходился племянником деду Вильгельма Императору Вильгельму I. С Александрой Федоровной Вильгельма связывала более близкая степень родства: их матери были родными сестрами…

Вильгельм II вырос, не ощутив уюта и ласки семьи. Среди семи детей он стал самым нелюбимым сыном матери, которая никогда не скрывала своего нерасположения. Причину непонятой антипатии объясняли по-разному. Некоторые – тяжелейшими родами, чуть не закончившимися смертью Виктории.

Другие видели причину в физической ущербности мальчика; при родах у него повредилась левая рука, на всю жизнь оставшаяся полупарализованной. Но факт оставался фактом: чуть ли не с колыбели старший сын был для матери и отца нелюбимым. Физическая ущербность и интеллектуальная

посредственность его стали для матери постоянной темой сетований.

В 1877 году, когда Принц Вильгельм получил аттестат зрелости, Принцесса Виктория сообщала Королеве Виктории: «Он от природы ужасный бездельник и тунеядец, он ничего не читает, разве что идиотские истории, у него нет жажды знаний. Я боюсь, что его сердце совсем невоспитанно».

Принц Вильгельм платил родителям, но особенно матери, той же монетой. Его постоянно оскорбляли унизительные характеристики матери и отца по его адресу. Виктория обзывала его «несуразным», «долговязым», «никчемным» (после его восшествия на престол вообще начала именовать сына «чудовищем»). Отец же Фридрих, как и во всем прочем, полностью разделял представления супруги и не раз на публике говорил, что Вильгельм «лишен всяких способностей».

Обида, раздражение, а затем и ненависть все накапливались и накапливались в душе Вильгельма. Антипатию к родителям перенес на все то, что было им близко и дорого. Англию возненавидел столь же сильно, как мать любила. Когда Виктория обращалась к нему по-английски, называя его Вильямом, тот всегда вздрагивал, как от удара хлыста.

К России Вильгельм расположения не испытывал, но к Цесаревичу Николаю относился со снисходительной симпатией. Когда в апреле 1894 году происходило сватовство Русского Престолонаследника, то Вильгельм, тогда уже Император, принял в том живейшее участие. Он сам уговаривал кузину Алису Гессенскую дать согласие на брак с Ники, хотя несколько раньше носился с идеей выдать на Него свою сестру Маргариту.

Николай же Александрович воспринимал Вильгельма с известной иронией и без всякого душевного расположения. Они никогда не вели задушевной переписки, а содержание отправляемых Самодержцем «дорогому Вилли» писем не выходило за рамки светских норм.

В переписке Николай Александрович пользовался исключительно английским языком, прекрасно зная, что Вильгельм терпеть не может всего, что связано с Англией.

В свою же очередь кайзер на протяжении многих лет, используя личную корреспонденцию, старался воздействовать на «дорогого Ники», заставить того действовать в угоду интересам Германской Империи. Однако эти ухищрения не приносили желаемых результатов: Вильгельм II в России имел прочную репутацию коварного и лицемерного человека.

Когда Николай Александрович стал Царем, то, невзирая на свои личные чувства, по соображениям высокой политики он

обязан был общаться с Кайзером. У них регулярно происходили личные встречи, инициировал которые почти всегда Кайзер. Однако Николай II старался обставить их как можно камернее, не утраивая шумных межгосударственных визитов. Встречи обычно происходили или во время поездок Царя в Дармштадт, который Александра Федоровна первые годы царствования часто навещала, или на яхтах в Балтийском море.

Лишь дважды Николай II наносил непродолжительные официальные визиты в Берлин. Последний раз это случилось за год до начала Первой мировой войны, в мае 1913 года, когда Царь приехал на свадьбу дочери Вильгельма принцессы Виктории-Луизы, выходившей замуж за Герцога Брауншвейгского. Однако и за эти два-три дня Кайзер успевал так замучить помпезными парадами и приемами, что отбытие из столицы Рейха неизменно воспринималось как избавление от тяжелой кабалы.

Александра же Федоровна всю жизнь не просто не любила, а терпеть не могла кузена Вильгельма. Любая встреча с ним для Нее становилась физической пыткой. Лицо покрывалось пятнами, учащалось сердцебиение. Когда же у Нее появились дети, то Царица вообще чуть не в обморок падала, когда при встречах кайзер прикасался к Ним. Конечно, в силу династического этикета Она о том говорила лишь в самом узком кругу, но и без монологов антипатию нельзя было не заметить.

Александра Федоровна вообще не любила плохо воспитанных людей и не делала скидок даже для близких родственников. Кузена Вильгельма считала взбалмошным и неделикатным. Эти свои нелицеприятные качества тот постоянно выставлял напоказ, совершенно не заботясь о том, какое это произведет впечатление. И это правитель мировой державы!

После рождения Алексея Царь предложил Кайзеру, в знак династической и дружбы и межгосударственного согласия, быть крестным отцом Новорожденного (подобное предложение получили и другие родственники).

В ответ Германский Император прислал счастливым Родителям пространное письмо, самое несуразное из всех поступивших родственных поздравлений:

«Дорогой Ники! Как мило, что Ты подумал предложить мне быть крестным отцом Твоего Мальчика! Можешь представить, как мы были рады телеграмме, извещающей о Его рождении! Хорошо то, чего долго ждут – гласит старая немецкая поговорка, пусть так и будет с этим дорогим Малюткой!..

Эти строки вместе с моими искреннейшими и сердечными пожеланиями Тебе, Аликс, и Мальчику передаст Генрих[60]. Он

доставит и кубок в подарок моему маленькому крестнику, которым Он, надеюсь, начнет пользоваться, когда осознает, что жажда мужчины утоляется не только молоком!

Может быть, тогда Он обнаружит, что «добрая рюмка водки не повредит в полночный час» – не только «трюизм» и что часто к тому, что «истинна в вине», как поет дворецкий в «Ундине», следует добавить и классические слова нашего великого реформатора, доктора Мартина Лютера: «Кто не любит вино, женщину и песню, на всю жизнь останется дураком». Вот принципы, воспитанным на которых я хотел бы видеть моего Крестника!»

Как полагала Александра Федоровна, не зря говорили про Кайзера, что он с трудом понимает (и понимает ли вообще), где кончается казарма…

Будучи по рождению наполовину немкой, Она всегда презирала напыщенных и ограниченных пруссаков, худшим представителем которых и считала кузена Вильгельма. Она с грустью наблюдала, как их господство, прусская разнузданная милитаристская бравада, разрушали страну Ее детства, превращая добрую и тихую Германию в военный лагерь, где все и всё подчинялось политическим и военным претензиям Династии Гогенцоллернов.

Когда же в 1914 году началась Мировая война, а Россия и Германия стали врагами, то бывшая Гессенская Принцесса никаких прогерманских чувств не испытывала. Она жалела простых людей, оказавшихся заложниками безумной политики Кайзера, переживала за родственников. Особенно душа болела за брата Эрнста-Людвига, «дорогого Эрни», который хоть и носил титул владетельного «Герцога Гессенского и Рейнского», но был полностью подчинен Берлину.

Она очень боялась, что «подлость Вильгельма» распространится так далеко, что он, лишь бы только досадить Ей лично, отправит Эрни воевать против России. К счастью, опасения Царицы не оправдались.

В другом Своем предчувствии Она оказалась правой: как только загремели первые залпы военных баталий, Александра Федоровна предрекла революцию в Германии и крушение власти ненавистных Гогенцоллернов…

Нелюбовь к Вильгельму – сыну, внуку, кузену, племяннику – объединяла английских и русских родственников.

Королева Виктория, ее дочь Виктория, сын Альберт (Эдуард VII), его жена Александра, внук Георг (Георг V) воспринимали необходимость встречаться и общаться с Кайзером как наказание.

Когда Вильгельм II присвоил своему английскому кузену,

будущего Королю Георгу V, почетного звание полковника одного из германских полков, то его мать Александра Уэльская писала сыну: «Итак, мой мальчик Джорджи стал истинным, энергичным, мерзким немецким жандармом в остроконечной каске. Я никогда не думала, что доживу до такого дня».

Царское отношение к «повелителю Германии», по сути, не отличалось от английского. Николай II, как правитель огромной Империи, не мог игнорировать монарха другой великой державы. Держался при неизбежных встречах с неизменной учтивость, хотя даже ему, человеку огромного самообладания и выдержки, делать это было часто непросто.

«Кузен Вилли» почти всегда был «невозможным». Шумный, бесцеремонный, даже «нахрапистый», он умудрялся даже Царя выводить из себя. Его манеры фельдфебеля, его навязчивые разговоры, его анекдоты, часто скабрезные, над которыми он сам и начинал хохотать, при полном молчании окружающих, – все это производило гнетущее впечатление.

У Николая II после встречи с Кайзером всегда портилось настроение. Однажды не выдержал и сказал вслух, что «Вильгельма надо связать, как сумасшедшего». Никогда и ни о ком ином за всю Свою жизнь Царь публично так уничижительно не отозвался.

Когда в соответствии с династическим этикетом надо было присваивать Кайзеру звание адмирала русского флота (Царь уже был адмиралом германского), то Николай II писал матери:

«Я думаю, что, как бы ни было это неприятно, мы должны позволить ему носить наш морской мундир, в особенности после того, как он сделал Меня в прошлом году капитаном собственного флота. От этого тошнит!»

Нелюбовь вызывала и супруга Вильгельма II императрица Августа, урожденная Шлезвиг-Голштинская Принцесса. После визита Кайзера в Россию Царь делился с Марией Федоровной впечатлениями:

«Благодарю Бога, германский визит завершен… Она (жена Кайзера. – *А.Б.*) пыталась быть очаровательной, но выглядела весьма безобразно в роскошных платьях, выбранных без вкуса. Шляпы, которые она носила по вечерам, были особенно невозможны».

В отношении Кайзера взгляды Александры Федоровны и Марии Федоровны совпадали. Такое единомыслие двух Цариц редко наблюдалось.

Мария Федоровна всю жизнь ненавидела пруссаков, а поведение Вильгельма II все время подогревало это чувство. Она ни разу с ним не встретилась. Не могла и не хотела. Она, как и ее

покойный супруг, считала кайзера «шалопаем на Троне». С такими субъектами у нее ничего не было общего. В его «бесстыдстве» лично смогла убедиться летом 1914 года.

Мария Федоровна тем летом гостила у сестры Александры в Англии, но, когда стал назревать мировой конфликт, она немедленно отправилась в Россию. Путь Марии Федоровны пролегал через Германию, и 20 июля она была уже в Берлине.

Но здесь случилось непредвиденное: ее поезд отказались пропустить дальше, а Вильгельм II прислал своего представителя, чтобы сообщить старой Русской Царице об этом. За несколько часов, что провела в Берлине, как в аду побывала. На платформе стояла мерзкая толпа, которая все время выкрикивала по ее адресу ругательства («старая обезьяна» было не самым худшим из них). Кроме отвращения ко всей этой непристойности, ничего и не испытывала. Некоторые впечатления того дня Мария Федоровна запечатлела в дневнике:

«Когда мы въехали в Берлин – отвратительное место, – в поезде появился Свербеев[61] и сообщил, что объявлена война, а также что мне не разрешено пересечь германскую границу… Какие подлецы! Потом появился немецкий господин, чиновник, который заявил, что я должна вернуться назад и ехать домой через Англию, Голландию или Швейцарию или, может быть, я предпочла бы Данию…»

Царица распорядилась отправиться в Копенгаген, куда и прибыла на следующий день. В этом раз на своей первой родине не задержалась; лишь краткая встреча с племянником Королем Христианом X и его женой и скорее, скорее в Россию. Через Швецию и Финляндию она вернулась домой в воскресенье 27 июля.

В октябре 1914 года Мария Федоровна узнала, что немцы заняли и разрушили Спалу (их Спалу!). Возмущению Вдовствующей Императрицы не было границ. Несколько утешала мысль, что из дома успели эвакуировать личные предметы Царской Семьи и, слава Богу, «ни до одной памятной вещи они своими грязными руками не дотронулись».

Как это отличалось от поведения русских, которые, заняв охотничий замок Вильгельма II в Восточной Пруссии, оставили всё в неприкосновенности.

Марии Федоровне рассказали, что офицеры, найдя попугая кайзера, несколько дней обучали его грубым словам, которые, как она надеялась, «он не забудет до будущего посещения Вильгельма».

Глава 31. Черногорское семейство

На западе Балканского полуострова, в скалистых неприступных горах, затерялось государство Черногория. На протяжении нескольких веков жители этой небольшой страны выдерживали натиск турок, подчинивших своему владычеству в XV–XVI веках народы, населявшие Балканы. Но хозяевами Черногории султаны в Стамбуле так и не стали.

Черногорцы исповедовали Православие, и Россия всегда с сочувствием относилась к своим далеким братьям по вере, мужественно выдерживавшим натиск турок-мусульман.

Еще при Петре I возникли первые межгосударственные связи, и черногорцы вместе с Россией участвовали в военных действиях против Турции. В последующем Царская Империя оказывала финансовую и дипломатическую поддержку далекому княжеству. В XIX веке между двумя православными государствами установились прочные отношения, а правящие фамилии породнились.

В Черногории Князем-Правителем (Господарем) в 1860 году стал девятнадцатилетний Николай Петрович (1841–1921) из Династии Негошей, правившей с XVII века. В том же году черногорский владыка женился на тринадцатилетней (!) Милене Петровне Вукович (1847–1923), дочери местного воеводы.

Князь Николай Негош (с 1910 года – Король) занимал пост правителя почти шестьдесят лет и стал известным политическим деятелем Европы. Он был Монархом в маленьком, удаленным от всех и всего княжества. Центр княжества (Королевства) город Цетинье больше походил на горное селение, чем на столицу европейского государства. В конце XIX века здесь проживало всего около 15 тысяч жителей. В это дикое «орлиное гнездо» приличных гостей и приглашать было совестно…

Известность и влияние Черногорскому Князю принесло другое: браки его детей. Их у него и Милены родилось двенадцать. Для некоторых из них энергичному отцу удалось сыскать такие брачные партии, о которых могли лишь мечтать представители самых именитых царствующих фамилий.

Наследный князь Черногории Данило (1871–1939) в 1899 году женился на принцессе Мекленбург-Стрелицкой Ютте, принявший в православии имя Милены (1880–1946). Старшая дочь Зорка (1864–1890) с 1883 года состояла в браке с сербским принцем Петром I Карагеоргиевичем, с 1903 года – Королем Сербии.

Дочь Елена (1873–1952) в 1896 году вышла замуж за

итальянского наследного принца, ставшего в 1900 году Королем Италии под именем Виктора-Эммануила III (1869–1952), а Елена – Королевой. Дочь Анна (1874–1935) с 1897 года – жена князя Франца-Иосифа Баттенберга (1861–1924), брата князя Болгарии Александра I.

Две же другие дочери – Милица (1866–1951) и Станислава (1867–1935), выйдя замуж за внуков Императора Николая I, стали членами Дома Романовых. Они единственные нерусские Великие княгини, родившиеся православными.

Путь от нищего и полудикого Цетинье до блестящей столицы Российской Империи был для черногорок непрост. В начале они учились в Смольном институте в Петербурге.

Это основанное Екатериной II учебное заведение предназначалось для барышень из благородных фамилий и всегда действовало под патронатом императриц. В уставе института говорилось, что его цель – образование «добрых жен и полезных матерей».

Две черногорские принцессы и должны были стать таковыми. Обе окончили Смольный среди первых, и обе в один и тот же месяц и год – август 1889-го – вышли замуж.

Милицу «цепи Гименея» соединили с Великим князем Петром Николаевичем (1864–1931), вторым сыном Великого князя Николая Николаевича (Старшего). «Петюша» был тихим, не блиставшим ни внешностью, ни умом человеком. Вся его юность прошла под впечатлением чудовищного разлада между родителями.

Мать его, Великую княгиню Александру Петровну, супруг выгнал из дома, и младший сын в юности почти ее и не видел. Родитель его к тому времени открыто уже жил с бывшей балериной Числовой и запретил встречаться с матерью, которую иначе, как «этой женщиной», не называл.

Петр начал службу в 1884 году в лейб-гвардии Драгунском полку, но через несколько лет у него обнаружился туберкулез, и военную службу пришлось оставить. Начались продолжительные поездки на лечения на курорты и в России, и за границей. Особенно ему подходил климат Египта, где Великий князь с женой Милицей проживал подолгу. Там он увлекся архитектурой, и позже, когда почти излечился от туберкулеза, Николай II назначил его генерал-инспектором по инженерной части армии.

На Южном берегу Крыма, в трех верстах от Царской Ливадии, в имении Дюльбер, двоюродный дядя Николая II Петр Николаевич построил огромную виллу в так называемом «мавританском стиле», насчитывавшую более ста комнат. Здесь «Петюша» со своей «ненаглядной Милицей» и проводил каждый

год по нескольку месяцев.

У Петра и Милицы родилось четверо детей: Марина (1892–1981), Роман (1896–1978), Надежда (1898–1988), Софья (1899). Последняя девочка скончалась при родах, все же остальные потомки прожили долго. После революции 1917 года вместе с родителями благополучно выбрались из России и умерли в изгнании: Марина в 1981 году в Ницце, Роман в 1978 году в Риме, а Надежда в 1988 году в местечке Шантильи во Франции. За границей находятся и могилы родителей: в Каннах на Лазурном Берегу, в православной церкви Михаила Архангела, покоится прах Петра и Милицы.

При жизни Великий князь Петр Николаевич, внук Николая I и двоюродный дядя Николая II, заметной роли ни в династической, ни в светской жизни не играл. Супруга же его одно время имела некоторое влияние при Дворе Последнего Царя.

Милица считала себя чрезвычайно образованной и умной, и это самоуверенное самомнение позволяло Великой княгине свысока смотреть на большинство своих русских родственников. Она с юных лет отличалась крайним мистицизмом. Не религиозностью в обычном смысле этого слова, а именно мистицизмом: склонностью поклоняться всему загадочному и сверхъестественному, что обычный разум и традиционные верования не объясняли, или, как ей казалось, «объясняли недостаточно».

Она искала разгадки «тайн бытия» в сочинениях восточных мистиков (специально изучала язык фарси, чтобы их читать в подлиннике), в оккультизме и спиритизме. Умудрилась даже получить в Париже диплом на звание почетного доктора алхимии…

Ее единственный сын Роман в детстве страдал приступами «падучей» (эпилепсии), и Милица, с присущей всем уроженкам «черногорского гнезда» энергией, принялась искать свои пути преодоления недуга. Во Франции она познакомилась со спиритом и магнетизером неким месье Филиппом (1849–1905), который провел серию сеансов, и приступы у Романа почти прекратились. Загадочный «кудесник из Лиона» покорил ум и сердце великой княгини – урожденной черногорской принцессы.

Господин Филипп (полное его имя Низье-Вашоль Филипп) родился в 1849 году в местечке Луазье в Савойе. В двадцатилетнем возрасте он обосновался в городе Лионе. Учился в частном заведении аббата Шевелье, а затем поступил на медицинский факультет Лионского университета. Одновременно он постигал тайны оккультных наук под руководством известного во Франции «мэтра Папюса». (Согласно полицейским данным,

«доктор Папюс» «являлся евреем Жераром Энкоссом, возглавлявшим Верховный совет оккультистического Ордена Мартинистов».)

Филипп быстро обнаружил в себе «чрезвычайные способности» и начал заниматься медицинской практикой, за что и был изгнан из стен университета. Врачебного диплома он так и не получил. Это доставляло ему массу неудобств, так как приходилось заниматься врачеванием незаконно, отчего у него и случались неприятности с полицией.

Однако, невзирая на полицейские преследования, несмотря на резкие статьи в газетах, где его объявляли «шарлатаном», известность его как врачевателя росла. Филипп использовал в своей практике методы традиционного и нетрадиционного врачевания и лечил не только физические недуги, но и душевные.

В Лионе у него образовался круг почитателей, и он даже открыл свою школу, в которой преподавались тайны «герметического знания», «эзотерический и символический методы понимания внешнего мира» в соответствии с «древней посвятительной традицией».

Все это очень напоминало масонские интеллектуальные упражнения. Не совсем ясно, принадлежал ли сам Филипп к какой-либо масонской ложе, но его наставник «мэтр Папюс» играл среди французских масонов видную роль.

Чудесное исцеление Великокняжеского отпрыска Романа превратило Милицу Николаевну в страстного почитателя «лионского кудесника». Вместе со своим супругом она посетила Филиппа в Лионе, прослушала у него курс лекций, познакомилась с его семьей. «Мэтр» получил приглашение прибыть в Россию. Вскоре Великий князь и Великая княгиня принимали у себя этого загадочного человека. Он стал дорогим и желанным гостем.

«Черногорская интеллектуалка», переполненная материнской радостью, горела желанием осчастливить и Императрицу Александру Федоровну, мечтавшую о рождении сына. Именно Милица познакомила Царицу и Царя с этим человеком, о котором потом было сказано и написано необычно много, но который так навсегда и остался неразгаданной исторической шарадой. Он предсказал рождение Наследника, и Царица сохранила о нем благодарную память и после смерти «мэтра» в 1905 году.

Филипп несколько раз приезжал в России и оставался здесь подолгу. Местом его пребывания была усадьба Петра и Милицы Знаменка недалеко от Петергофа. Здесь он и познакомился с Венценосцами.

На Царя и Царицу гость из Лиона сразу же произвел сильное

впечатление. После беседы с ним Царица избавлялась от всяческих недугов, а у Царя наступало удивительное душевное умиротворение. В августе 1901 года Императрица Александра Федоровна писала Николаю II: «Как богата стала жизнь с тех пор, как Мы его узнали, и, кажется, все стало легче переносить»

По воле Монарха, в ознаменование «врачебных заслуг», Военно-медицинская академия в Петербурге присудила в 1901 году Филиппу звание доктора медицины. Об этом Царя так просили родственники – Петр Николаевич и Милица.

Когда мэтр был осчастливлен подобным свидетельством, то Великий князь Петр Николаевич, по наущению своей супруги, в 1901 году посетил в Париже президента Франции Эмиля Лубэ (1839–1929) и просил того «посодействовать» Филиппу в получении французского медицинского диплома.

Президент был озадачен подобной «экстравагантной просьбой» и объяснил этому странному русскому вельможе, что получение такого документа регулируется законом, требующим сдачи по крайней мере трех специальных экзаменов. Это правило касается всех, в том числе и тех, кто «имеет иностранный диплом, достойный уважения».

Естественно, что появление в Царском окружении некоего загадочного человека вызвало сильное любопытство в высшем свете. Любопытство подогревалось частным характером встреч Царя и Царицы с визитером. Возникли разные предположения, домыслы.

Говорили, что Филипп в доме Милицы и Петра устраивает спиритические сеансы, вызывал дух Императора Александра III, который якобы давал наставления Николаю II по вопросам внутренней и внешней политики. Обеспокоенные родственники решили внести ясность.

В конце июля 1902 года Великая княгиня Елизавета Федоровна напрямую спросила свою Сестру-Царицу: какие у них отношения с Филиппом, кто он такой и почему встречи с ним окружены завесой тайны? Александра Федоровна ответила, что это исключительно одухотворенный человек, что встречи с ним не являются тайной, да в «их положении сохранить тайну невозможно, так как Мы живем на виду у всего мира». Ответ не внес ясность.

Тем же летом с загадочным французом познакомился Великий князь Константин Константинович, описавший эту встречу в дневнике: «Ездили на Знаменку на танцкласс; наши дети летом учатся там танцевать. У них был знаменитый Филипп; после танцкласса мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет

50, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором. Говорил об упадке религии во Франции и вообще на Западе. Когда с ним прощался, он хотел поцеловать мне руку, и я с трудом вырвал ее».

Встречи Царской Четы с Филиппом не выходили за пределы вечерних встреч и духовных бесед. Слухи же о спиритических сеансах, о «вызове духов», «об общении с загробным миром» так и остались слухами и никогда не были подтверждены.

В то же время точно известно, что для Милицы и Петра гость из Лиона не являлся лишь врачом и приятным собеседником. Милица воспринимала его как «мэтра жизни», способного ее ввести в закрытый для непосвященных заповедный мир. Она рвалась в потаенную даль всей душой и в какой-то момент уж и решила, что она туда приникла. Показательный в этом отношении эпизод относится к 1902 году.

Той осенью на прогулке в Крыму князь Феликс Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (1856–1928)[62] прогуливался по горной дороге вдоль моря и встретил экипаж, в котором сидела Великая княгиня Милица Николаевна с каким-то господином. Юсупов с Милицей и ее супругом Петром Николаевичем был прекрасно знаком, их имения располагались рядом, они наносили друг другу семейные визиты, часто встречались и на царских приемах в Ливадии.

Завидев Великую княгиню, князь отошел к обочине узкой дороги и сделал учтивый поклон. Однако, к немалому удивлению Юсупова, Милица не обратила на него никакого внимания. Это выходило за рамки норм этикета и озадачило аристократа.

Через несколько дней он встретил Милицу в Ливадии и напрямую просил: чем была вызвана такая реакция? Ответ княгини поверг Юсупова в состояние близкое к шоку. Абсолютно серьезным тоном она поведала, что «князь не мог ее видеть», так как «со мной был доктор Филипп. А когда на нем шляпа, он и спутники его невидимы». Услышав такое, князь только и мог подумать о душевном здоровье собеседницы.

Если Милица считалась «дюже умной», но ее младшая сестра Станислава отличалась не умом, а своей напористостью. Здесь энергический потенциал рода сказывался еще наглядней. Станиславу еще в Смольном все стали звать Анастасией, и под именем Анастасия Николаевна она и вошла в Императорскую Фамилию. Для близких она всегда была «Стана».

С сестрой Милицей она была с ранних лет неразлучна. Их даже весьма нелестно называли Сциллой и Харибдой, намекая и на их взаимную связанность, и на то, что от этих «темных княгинь» ничего доброго ждать не приходилось.

Рассказывали, что когда встал вопрос о браке Милицы с Петром Николаевич, то та не захотела оставаться в России, если с ней не останется Стана. В конце концов, пришлось и ей подыскивать партию. Царь Александр III остановил свой выбор на своем двоюродном брате, тридцатисемилетнем вдовце (первой супругой его была принцесса Терезия Ольденбургская, умершая в 1883 году) герцоге Георгии (Юрии) Максимилиановиче Лейхтенбергском (1852–1912).

Последний воле Монарха не мог перечить и дал согласие. Хотя в герцогской семье появилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976), супруг откровенно признавался, что не любил свою избранницу «ни одного дня».

Черногорская принцесса тоже не была счастлива в браке. Муж очень быстро к ней охладел, и отношения между ними установились отчужденно-прохладные. Одно время как будто наступило «потепление», связанное все с тем же французом доктором Филиппом. Георгий Лейхтенбергский тоже вошел в число адептов новоявленного целителя-прорицателя, в коих с первого момента состояла и Анастасия. Однако это увлечение длилось недолго. Кратковременное «духовное единение» не привело к улучшению отношений между Георгием и Анастасией.

Герцога куда больше привлекали парижские красотки, отличавшиеся «несравненным шиком» и «утонченностью манер». В «столице мира» чувствовал себя как дома и при каждом удобном случае пытался уехать из России «для поправки здоровья». Родственники знали, в каких заведениях и с кем герцог «лечится», но ничего поделать не могли.

Анастасия играла роль «мученицы». Особенно сочувствовали ей Милица с Петюшей. В их семье «истерзанное сердце» «несчастной Станы» обретало покой. Образ «страдалицы» не прошел незамеченным и мимо Императрицы Александры Федоровны. Когда она оказалась в России, то быстро поняла, что высшее общество – по больше части собрание праздных и пустых людей, занятых лишь любовными романами и материальными интересами.

Царица прониклась искренним чувством сострадания к Анастасии и симпатией к ее сестре Милице, которая в великосветском омуте эгоизмов и телесных услад казалась одной из немногих духовно ориентированных дам. Они стали подругами. Первые годы Александра Федоровна и Николай II принимали черногорских сестер часто. Сами навещали их. Николай в 1890 году стал крестным отцом сына Анастасии Сергея, и это тоже сближало.

Анастасия во всех подробностях рассказывала о похождениях

своего супруга. Поведением герцога возмущались. Анастасия в силу своего темперамента делала своему неверному мужу надлежащую рекламу и за пределами Царских гостиных.

Лейхтенбергский знал, кто о нем сплетни по всему Петербургу распространял. Черногорских сестер презирал и ненавидел. Он с самого начала не хотел жениться на этой Стане, но царь Александра III настоял: брак важен для престижа России, в Императорской Фамилии нужны православные Великие княгини.

Пошел под венец, но скоро «раскусил» эти «черные души». Это две отъявленные интриганки, которые, по мнению герцога, многих других стоили. Всем там верховодила Милица. Анастасия слишком глупа, она у старшей сестры, что называется, на подхвате.

Лейхтенбергский не сомневался, что ни Бога они ищут, а выгоду, корысть получить за счет России. Их отец, которого герцог терпеть не мог, ловко всем манипулировал. Эти «черногорские дикари» только и думают, как бы чего урвать в России. Для своей Черногории, этого «гнезда разбойников», побольше с России содрать хотят.

Лейхтенбергский свои мысли не скрывал от родственников. Даже один раз с Николаем II о том речь завел, но быстро понял, что его мнение Царя не интересует. Не стал больше Государю досаждать. Пусть делают, что хотят, он же всего этого видеть не желает. В России бывал все реже и реже. Дочерей же князя Николая иначе, как «черногорскими пауками», не называл.

Исчезновение Герцога с «петербургского небосклона» очень устраивало и жену. «Несчастная Стана» в доме своей сестры Милицы встретила человека, который «готов был бросить к ее ногам жизнь». Им оказался старший брат Петра Николаевича Великий князь Николай Николаевич (1856–1929). Это был самый высокий Великий князь: под два метра ростом…

Он окончил Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба и с 1871 года служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Участвовал в военных кампании 1877–1878 годов против Турции. Был храбр до отчаяния, отличался ревностной преданностью службе. Вся его жизнь была отдана военной службе: в 1895–1905 годах – генерал-инспектор кавалерии, затем председатель Совета государственной обороны и Главнокомандующий гвардией и войсками Петербургского военного округа. С началом в 1914 году Первой мировой войны был назначен Главнокомандующем армией.

Проводя большую часть жизни в частях и гарнизонах, Николай Николаевич вел холостяцкую жизнь. У него был лишь

один роман, наделавший много шума в Петербурге. В свои неполных тридцать лет бравый гусар Великий князь Николай Николаевич влюбился в дочь купца-меховщика Софью Буренину, владелицу магазина в Гостином дворе в Петербурге.

Почти два года продолжалась эта связь, и в конце концов, как «джентльмен», Великий князь вознамерился на ней жениться. Рассказал о том отцу. История сына не шокировала Николая-старшего; она его «тронула». Он бы и сам давно женился на своей Числовой, да вот беда: жива была постылая «законная супруга». Согласился проявить участие и при случае переговорить с Государем.

В один из вечеров в декабре 1887 года в Аничков Дворец приехал дядя Царя великий князь Николай Николаевич. Он поведал Александру III печальную историю старшего сына: Николай влюблен в одну даму, без которой «не мыслит жизни» и «как джентльмен» имеет перед ней «обязательства».

Царя шокировала эта неожиданная история, он даже вначале растерялся. Ничего определенного дяде Низи не ответил, сказал лишь, что «надо подумать». Генерал-фельдмаршал воспринял это как согласие, о чем и оповестил сына. По этому случаю тут же был устроен в Великокняжеском дворце богатый ужин, где собрались «друзья и подруги». Софи и Николашу поздравляли, как новобрачных.

Понадобилось лишь пару дней, чтобы весть облетела Петербург. Это была первостатейная сенсация: Царской родственницей станет дочь купца-меховщика из Гостиного двора.

Великая княгиня Ольга Федоровна, услышав такое, занемогла, а ее муж, председатель Государственного Совета Великий князь Михаил Николаевич, спокойный и уравновешенный, стал неузнаваемым и впервые высказался критически об Александре III:

«Я вижу, что у Царствующего Императора есть желание по возможности всех членов своего семейства, кроме своих братьев и сыновей своих, отодвинуть в толпу; что я стану делать с шестью своими сыновьями – всякая кокотка, имея перед глазами примеры, будет иметь основательную надежду выйти за одного из них замуж».

Очевидно, генерал-фельдцейхмейстер (глава артиллерии) в крепость чувства долга собственных отпрысков не верил; грядущее «нашествие кокоток» ему представлялось неизбежным.

Почти через три недели, когда переговорили, обсудили, «пережевали» не раз новость в салонах, лишь тогда скандальная новость настигла Императрицу Марию Федоровну…

2 января 1888 года Императрица вместе с Александром III

была на обеде у Великого князя Алексея Александровича. Затем Царь поехал к себе в Аничков заниматься, а жена – в Михайловский театр. Настроение у нее было спокойным, впечатления дня – самые обычные, и казалось, что ничего не предвиденного произойти не может. Но произошло.

На обратном пути из театра она ехала в карете вместе с Великим князем Сергеем Александровичем и от него услышала о событии, о котором знала уже вся Фамилия. Оказывается, старший сын дяди Низи Великий князь Николай Николаевич состоит уже несколько лет в связи с купчихой, некоей Буреминой, что ей уже сорок лет, она имеет двоих сыновей. Сам же Великий князь сгорает от любви и добивается права вступить с ней в брак! И это кузен Императора!

Императрица не очень хорошо знала Николашу, так как он мало бывал при дворе, все больше был занят военной службой. И вдруг выясняются такие подробности. Боже мой, отец живет с танцовщицей, а сын – с торговкой! Самое ужасное, что якобы его отец, Николай Николаевич, этот известный греховодник, добился у Саши разрешения на брак! Не может этого быть! Почему ничего не сказал ей!

Около полуночи необычайно возбужденная Мария Федоровна ворвалась в кабинет мужа «как фурия!». Царь в таком волнении жену давно не видел. Состоялось горячее объяснение, из которого выяснилось, что к Императору за этим действительно обращались, но он не придал истории особого значения и «забыл» рассказать Минни. Царица возмущалась, все время повторяя, что это касается ее лично, так как «у нее тоже есть сыновья».

Ночь прошла без сна. Весь следующий день Мария Федоровна переживала известие, передумывала сложившую ситуацию. Беспокоилась, конечно, не за судьбу Николаши (Бог ему судья!), а за будущее своих детей. Какой пример они получат? Как станут они относиться к своему долгу и закону, если увидят, что во имя страсти можно переступить через происхождение, пренебречь положением и делать непозволительное?

Александр успокаивал как мог, но волнение жены передалось ему, и он пообещал завтра же покончить со всей этой историей. Слово сдержал. Брак был безоговорочно запрещен. По Петербургу потом ходил анекдот, очень похожий на правду, что якобы Александр III, узнав о намерении своего кузена, в сердцах воскликнул: «Я в родстве со всеми Дворами Европы, а вот с Гостиным Двором в родстве еще не был!» Тема была исчерпана.

Великий князь Николай продолжал холостятствовать, пока на его жизненном пути не встретилась «жертва герцога», «несчастная герцогиня» Лейхтенбергская.

История их «незаконных отношений» тянулась долго. Николай Николаевич был без ума от своего «Ангела». Стана окружила великоростного обожателя вниманием и заботой, она подарила ему «тепло своего сердца». Она читала ему Флобера, пела французские романсы, играла по вечерам на гитаре. Николаша всегда был в восторге и порой умилялся до слез…

Подарки великого князя были более ощутимого свойства. В 1902 году он купил в Крыму, недалеко от усадьбы брата Петра, участок земли и построил беломраморную виллу в неогреческом стиле, которая получила название «Чаир».

Вокруг был разбит замечательный парк, главной достопримечательностью которого стала уникальная коллекция роз, привезенных из Греции и Италии. (Популярное некогда танго «В парке Чаир распускаются розы» как раз и было навеяно красотой великокняжеской розовой коллекции.) Все это великолепие и было подарено «любимому Ангелу», хотя брачные узы их еще не связывали.

«Я так давно Тебе не писал, мой Ангел, и я так давно привык с Тобою говорить по-французски, что мне как-то неудобно писать по-русски… Вспоминаю о Тебе каждую минуту». Местоимения, относившиеся к Анастасии, всегда писал с заглавной буквы, как имена Царей и Бога. Очевидно, своего «Ангела» он видел где-то рядом с ними…

Николаша и Стана мечтали соединить свои жизни «до гроба». Но на пути к земному блаженству стояла серьезная преграда: узы Анастасии с герцогом Лейхтенбергским. Церковный брак расторгать было нельзя, за исключением чрезвычайных обстоятельств. В таком случае требовалось согласие церковных иерархов и самого Царя, который в России являлся высшим земным покровителем церкви.

Анастасия и Милица времени зря не теряли. Пользуясь расположением Царицы, сестры неустанно повествовали ей о печальной участи Станы, которая не раз в присутствии Императрицы заливалась слезами. Александра Федоровна сердечно относилась к этому несчастью, но сразу же замолкала, как только герцогиня и ее сестра начинали намекать на неизбежность развода. В таких вопросах, как считала Царица, личным чувствам волю давать нельзя. Она надеялась, что Ники повлияет на Лейхтенбергского и тот вернется в лоно семьи. У них же дети!

Подобная перспектива совершенно не устраивала Анастасию. Герцога она ненавидела; ненавидела и за пренебрежение к ней, и за его антипатию по отношению к отцу и Черногории. Чувства черногорской патриотки требовали отмщения. Она создала ему

репутацию в свете гуляки и развратника, а теперь же должна его окончательно морально уничтожить.

Ее месть оказалась достойной «орлиного происхождения»: всем и каждому Анастасия начала рассказывать, что муж Георгий – «неспособный мужчина» и не «может исполнять супружеские обязанности». Правда, совсем недавно она утверждала прямо противоположное: муж проводит дни и ночи в вертепах и шагу ступить не может без общества кокоток. Если он давно «неспособный», то почему же его тянуло к ним? Но женская ненависть не знала логики.

Анастасия и Милица (она тоже не скупилась на уничижительные характеристики родственника) знали, что делали. Мужская «неспособность» была тем редчайшим исключением, когда церковь могла позволить разойтись супругам. Герцог, узнав о намерении супруги в Париже, был вне себя от радости. Единственным его желанием было больше никогда не видеть постылую Анастасию, и он дал согласие на развод тотчас.

Однако проблема церковного освящения брака встала во весь рост. Развод в среде Императорской Фамилии – событие экстраординарное. Герцог Лейхтенбергский – внук Императора Николая I.

Когда о намерении стало известно другим членам Династии, то они были озадачены и возмущены. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 6 ноября 1906 года: «Узнал с ужасом от жены, которая была на Гусарском празднике, что Стана Лейхтенбергская разводится с Юрием и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представиться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю, а Станы к молодой Государыне… Развод в Семье в это смутное время является обстоятельством, весьма нежелательным и прискорбным».

Стенания Станы и просьбы Николая Николаевича сделали свое дело: сердце Царя дрогнуло. Решил помочь «несчастной», тем более что со стороны Лейхтенбергского препятствия не встречалось. Николай II поднял вопрос перед церковными иерархами, и он был положительно разрешен.

Императрице Марии Федоровне Монарх сообщал 22 марта 1907 года: «Недавно у меня был митрополит Антоний по некоторым делам. Между прочим, я его спросил, что он думает по вопросу о женитьбе Николаши на Стане? Он мне сказал, что он переговорит с другими членами Синода и затем сообщит мне их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что так как такие браки постоянно разрешаются Синодом в разных епархиях,

то они ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга.

Признаюсь, такой ответ меня очень образовал, и я сообщил его Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и особенно Станы. Он стал неузнаваем с тех пор, и служба сделалась для него легкой».

Условия были с радостью приняты, тем более что «молодые» и не собирались особо афишировать. Невесте сорок лет, а жениху пятьдесят. На церемонии должны были присутствовать лишь некоторые, особо близкие. Приглашения рассылал лично Николай Николаевич.

Своему кузену Николаю Михайловичу написал 13 апреля 1907 года: «Милый Николай! Пишу тебе эти строки, чтобы сообщить, что вопрос о моей свадьбе рассматривался в Святейшем синоде и решен в утвердительном смысле. На основании этого Государь Император разрешил мне жениться на Стане. Я сегодня уезжаю в Крым, где ввиду нездоровья Милицы, которая не может приехать в Петербург, 29 апреля, надеюсь, состоится моя свадьба в Ливадийской дворцовой церкви. Будь так мил, если найдешь возможным, сообщи об этом дяде (Михаилу Николаевичу. – *А.Б.*). Не откажи мне тоже передать это Анастасии (сестре. – *А.Б.*) и братьям. Сердечно твой Николаша».

Автор «забыл» упомянуть, что Крым для венчания избран не в связи с «болезнью Милицы», а в связи с условиями брака. Но такие «мелочи» теперь уже не имели никакого значения.

«Интеллектуалка» Милица и напористая Анастасия оставили свой след в истории не своими брачно-семейными делами, а тем, что «открыли» Распутина (1869–1916). Именно эти две Великие княгиня первыми среди аристократии начали принимать в своих дворцах этого странного человека, родом из сибирского села Покровского, уже к началу XX века снискавшему славу врачевателя душ и провидца.

Милица и Анастасия познакомилась с ним в Киеве в 1903 году, на подворье Михайловского монастыря, когда прибыли в Киево-Печерскую лавру на моление. Они сразу же разглядели в нем человека, обладавшего «большим духовным даром». Его глаза горели таким «магическим огнем», что немедленно покорили сердце доктора алхимии. Милица была потрясена и после непродолжительной беседы сразу же пригласила Григория в себе в столицу. Стана же, смотревшая на мир глазами старшей сестры, всегда лишь поддакивавшая ей, естественно, тоже «воспламенилась».

К тому времени слава Григория еще не достигла Петербурга.

Черногорки устроили ему столичную «премьеру». В усадьбах Знаменка и Сергеевка под Петергофом, принадлежавших Милице и Анастасии, Григорий стал частным и желанным гостем. Посещал он их и в их петербургских дворцах. Петр Николаевич и Николай Николаевич целиком раздели душевные привязанности своих ненаглядных…

Обе Великокняжеские пары были очарованы «старцем Григорием», с упоением слушали его «духовные откровения», находя для себя много важного, необычного, «захватывающего». Даже «бесстрашный вояка», Командующий гвардией Великий князь Николай Николаевич, был «пленен» Распутиным. В декабре 1908 года писал своему «ангелу» Анастасии:

«Сию минуту вернулся из дома Пусси (брата. – *А.Б.*). Видел Григория. Он ужасно огорчен, что не застал Вас. Приехал с Параскевой. Для Твоей матери привез флакон от Макария. Я получил образок на цепочке от Макария. Пусси получил такой же. Затем сказал, что подобного ужаса, как мы переживали в 1905–1906 гг., больше не только нам не будет, но дети и внуки чрез подобный ужас не пройдут».

Распутин предсказал князю, что он и его потомство больше не переживут революционную смуту. Он оказался прав наполовину: потомство избежало этой участи (у него с Анастасией его просто не было), сами же «вкусили ужаса» в полной мере. Еле выбрались из России в 1919 году, коротали «осень своей жизни» почти в нищете на чужбине, где и скончались. (Николай Николаевич и его жена похоронены в Каннах, в церкви Михаила Архангела.)

Черногорки познакомили Царя и Царицу с Распутиным. Несколько месяцев при встречах расхваливали старца, уверяли, что он способен узреть то, что остальным смертным не дано видеть, что он способен снять недуги, перед которыми медицина бессильна.

Александра Федоровна к таким способностям относилась всегда очень внимательно: у Нее на руках больной мальчик и Она не могла оставить без внимания подобный дар. Тем более что Милица рассказала, что у ее сына Романа, которого когда-то вылечил месье Филипп, опять появились признаки падучей и Григорий помог.

Первая встреча Царской Четы и Григория Распутина состоялась 1 ноября 1905 года в Петергофе. В дневнике Царь записал: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим – Григорием из Тобольской губернии».

Позже Распутин в полной мере оправдал надежды Царицы и не раз спасал Ее больного Сына-Наследника Алексея. Однако

благодарность к Милице и Стане Александра Федоровна со временем перестала испытывать.

Выяснилось, что черногорки стремились превратить Распутина в инструмент своего влияния на Царя, что они старались использовать его для воздействия на Монарха, добиться новых выгод и субсидий для Черногории. Они вообще вознамерились не просто, как полагается Великокняжеской родне, находиться в числе первых среди подданных. Их это не устраивало. Они хотели занять «кусочек трона».

Царица поняла, что души этих женщин такие же черные, как и их внешность. Дружба кончилась. Наступило охлаждение. Полный разрыв произошел в 1909 году.

С тех пор Милица и Стана могли видеть Царя и Царицу лишь на официальных церемониях. Побывавшая в ноябре 1913 года на Царском приеме в Ливадии княгиня Зинаида Юсупова писала сыну Феликсу: «Черные сестры» ходили, как зачумленные, так как никто из царедворцев к ним не подходил».

Даже в первый год Мировой войны, когда Николай Николаевич занимал должность Верховного главнокомандующего и особенно часто общался с Царем, никакого семейного сближения не наступило. Александра Федоровна в неприятии двух «черных женщин» была непоколебима.

Глава 32. Скандальный мезальянс

Младший сын Императора Александра III появился на свет осенью 1878 года, когда его отец не занимал еще Царского Престола. Он – пятый ребенок в семье Александра Александровича и Марии Федоровны. Через три с половиной года, когда отец уже восседал на Троне, у них появится и «порфирородный отпрыск» – дочь Ольга. Михаил и Ольга всегда оставались для отца и матери «маленькими».

В последние годы жизни Александр III сына Михаила – «Мишкина» – любил особо нежно. У старших детей – Николая, Георгия, Ксении – складывался свой круг интересов, возникали личные дела и заботы, которые «дорогого Папа́» уже и не касались. Младшие же были всегда рядом.

Со своими «маленькими» Самодержец с особой охотой проводил свободное время, которого у Александра III выдавалось все меньше и меньше. Часы, проведенные с младшими детьми, являлись для повелителя Империи самыми приятными. Об этом непременно подробно сообщал супруге в письмах. «Сегодня завтракали с Мишей и беби втроем, а потом они были у меня в кабинете и смотрели картинки. Эта такая радость и утешение иметь их при себе, и они так милы со мной и вовсе мне не мешают. В 3 часа поехали с Мишей верхом, воспользовавшись отличной погодой, и сделали прогулку в 1 ½ часа, а потом еще гуляли пешком. Беби принесла мне утром фиалки, они чудно пахнут» (14 апреля 1892 г.).

Позднее дочь Царя Ольга Александровна вспоминала, как с братом Михаилом они ждали трех часов дня – срока окончания уроков. Этого времени ждал и Монарх, почти в обязательном порядке отправлявшийся на прогулку в живописные гатчинские парки с «беби Ольгой» и «Мишкиным».

«Мы отправлялись в Зверинец – парк, где водились олени, – только мы трое и больше никого. Отец нес большую лопату, Михаил поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас был также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево. Он научил нас с Михаилом, как надо разводить костер.

Наконец, мы пекли на костре яблоки, заливали костер и при свете фонарей находили дорогу домой. Летом отец учил нас читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папа́ учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел

делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками».

Хотя Михаил и был сыном Царя, но в воспитании и образовании тому не делалось никаких скидок. С семи лет – ежедневные уроки по разным предметам, позже – служба в Гвардейских частях. Но приобщение к военному делу началось уже после смерти отца, которого Михаил просто боготворил. Отношение к матери было лишено подобной сердечности. Как вспоминала ее дочь Ольга, Мария Федоровна не забывала о том, что она Царица даже в детской…

Светским воспитанием детей занималась главным образом мать, отдававшая бесспорный приоритет английской манере: никаких сантиментов, безукоризненное знание этикета, простота в быту, непритязательность в еде, регулярная гимнастики и холодные «водные процедуры». И еще было одно требование: знание иностранных языков. Царевич Михаил английским в совершенстве овладел значительно раньше, чем русским.

Михаил вырос физически крепким, добросердечным, веселого нрава человеком. Еще его отличала отменная храбрость, можно даже сказать, удаль, которую в полной мере он и проявил, когда в годы Первой мировой войны командовал на фронте Кавказской дивизией («Дикой дивизией»). Там Великий князь проявил завидное личное мужество.

Про него можно было с полным правом сказать – «добрый малый». Примерно так о нем и отзывались все, кто с ним общался.

Еще одно качество отличало этого сына Царя: правдивость. Для его круга эта черта характера не являлось выигрышной по той простой причине, что высший свет и придворный мир слишком напоминали театр, где нельзя было «жить по хотению», а надлежало исполнять четко определенные роли. Как правило, овации публики доставались тем, кто в совершенстве владел искусством лицедейства. К числу таковых Великий князь Михаил явно не принадлежал.

Его откровенно тяготила вся придворная «свистопляска», отнимавшая силы, время и выматывавшая душу. Он был учтив, любезен, владел знанием придворного «политеса», но этим его «светские добродетели» и ограничивались.

Его никогда не тянуло на авансцену, ему претила атмосфера столичных салонов, их напыщенность и фальшь. Среди офицеров Гвардии, на учениях, на полевых сборах он чувствовал себя спокойно, уверенно, он был самим собой, он был «в своей тарелке».

Многочасовые же дворцовые рауты, бесконечные ритуальные

династические «суаре», дипломатические приемы, торжественные «выходы» и «проходы», официальные «присутствия», заседания Государственного Совета и тому подобные обязательства Михаила Александровича часто тяготили. Причем он иногда даже и не скрывал свою скуку. Порой это замечали близкие, и «дорогой мама́» приходилось делать сыну замечания, призывая его быть «серьезней».

Мария Федоровна после кончины мужа все время ощущала свое одиночество, которого боялась. Ее душа не принимала неизбежного хода времен. Ей не хотелось двигаться «в завтра»; она навсегда осталась «во вчера».

Вдовствующая Царица все время хотела сохранить милое и знакомое в повседневном мире, что окружало, что было дорого и свято, но что неумолимо уходило и изменялось после смерти Александра III. Если бы была ее воля, то она бы этот неукротимый бег времени непременно остановила. Однако то было неподвластно даже Царице.

Смерть супруга привязала Вдовствующую Императрицу к младшим детям, она стала о них заботиться и переживать, как не заботилась и не переживала во времена их детства. Теперь ей постоянно необходимо было их общество.

В 1896 году писала сыну Георгию из Царского Села, куда она прибыла всего на несколько дней после рождения в семье Николая II дочери Ольги: «Я приехала сюда, в Царское, в пятницу в 2 часа 30 минут. Сегодня уже восьмой день, как я здесь. Я думаю остаться до крестин, которые будут 14-го. Я очень рада, что нахожусь здесь с Ники и Аликс. Мне только жаль, что здесь нет Миши и Ольги, которые должны были остаться в Гатчине, потому что здесь дом переполнен и для них просто нет места.

Мне их страшно не хватает. Они мой луч солнышка. Миша со своим хорошим настроением и своей веселостью всегда умеет меня насмешить и развеселить немного».

Рядом были семьи Ники и дочери Ксении, были ее уже две внучки, но Марии Федоровне не хватало общества Миши и Ольги, для которых именно она «была первым человеком на свете».

А «маленькие» становились большими, у них появлялся свой мир. Однако мать того не замечала, да и не хотела замечать. Этот материнский эгоизм повлиял на судьбу и Михаила, и Ольги. Именно по настоянию матери младшая дочь была выдана замуж без любви за принца П.А. Ольденбургского, который к ней не испытывал ничего, кроме равнодушия.

В неменьшей степени «иго материнской заботы» сказалось на судьбе Михаила Александровича, которого мать беззаветно любила. Ему уже давно перевалило за двадцать лет, уже служил в

Гвардии, командовал подразделением, а матушка все еще считала его «маленьким» и готова была не отпускать без контроля ни на шаг. Между тем жизнь диктовала свои правила.

В июне 1899 года случилось большое несчастье. В далеком Абас-Тумане скончался Великий князь Георгий Александрович, брат Монарха, Наследник Престола, третий сына Марии Федоровны и Александра III. Это печальное событие принципиально изменило общественное положение Михаила Александровича. Из младшего брата он превратился в Престолонаследника.

Хотя Царь к тому времени состоял уже почти пять лет в браке, имел троих детей, но все – девочки. Корона же должна была наследоваться лицом мужского пола. И самым близким из Династии по степени родства с Монархом являлся Михаил. В особом по этому случаю Царском Манифесте говорилось: «Отныне, доколе Господу не угодно благословить Нас рождением сына, ближайшее право наследования Всероссийского Престола, на точном основании основного Государственного Закона о Престолонаследии, принадлежит Любезнейшему Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу».

Пять лет Михаилу «угодно было» исполнять роль Наследника. Эта новая роль свалилась на него совершенно неожиданно, когда ему был почти двадцать один год. Он не думал, что это надолго, он собирался лишь временно исполнить свои высокие обязанности – помогать брату Ники. Правда, помощь эта сводилась главным образом к династическо-представительским обязанностям.

Сам Николай II не питал иллюзий насчет государственных способностей Михаила. В конце 1900 года Царь в Крыму тяжело заболел брюшным тифом, в какой-то момент положение сложилось критическое. Министр Императорского Двора ревностный служака барон Б.В. Фредерикс (1838–1927) счел необходимым обратиться к Николаю II с вопросом: не считает ли тот нужным пригласить в Ливадию брата «для замещения Его Величества на время болезни»? Ответ Императора внес полную ясность: «Нет-нет. Миша мне только напутает в делах. Он такой легковерный».

Находились и такие, кто подобную точку зрения не разделял. Всесильный в ту пору министр финансов С.Ю. Витте, напротив, чрезвычайно высоко отзывался о Михаиле. Он преподавал ему в течение двух лет политэкономию и «убедился в прекрасных человеческих качествах» и «замечательных способностях» своего ученика.

Примерно так же высказывался о Русском

Престолонаследнике и Германский Император Вильгельм II. После того как в 1902 году Михаил погостил у Кайзера в Германии, «повелитель Рейха» прислал Императрице Марии Федоровне восторженное письмо, где в превосходных степенях расписывал достоинства ее сына.

Сама же мать разделяла точку зрения Николая II: она считала Михаила не только «легковерным», но «легкомысленным». Она долго не могла успокоиться после того, как ее Миша – Наследник Престола! – отправившись в январе 1901 года в Англию с официальной миссией на похороны Королевы Виктории, умудрился «прозевать» саму процедуру погребения в Виндзоре, так как очень увлекся прогулкой по Лондону.

Вдовствующую Императрицу чрезвычайно заботило семейное будущее младшего сына. Считая его и в двадцать пять лет все еще «маленьким», она тем не менее постоянно думала о возможной невесте. Общественный ранг Михаила Александровича сам собой подразумевал, что будущий брак должен быть равнородным. Но здесь-то и таилась главная сложность.

Зная хорошо европейский династический мир, Мария Федоровна прекрасно была осведомлена и о всех возможных претендентках. Выбор на этой «ярмарке невест» был невелик. Среди же нескольких самых именитых принцесс надо было выбрать ту, которая бы устраивала и Великого князя, и, естественно, его матушку.

Однако Вдовствующая Императрицу не удовлетворяла ни одна: или дурна собой, или слишком близкая степень родства, или просто пустая глупышка. Пристрастиям самого сына она не придавала решающего значения: они ей казались несерьезными. Царица-Мать была уверена, что у него «слишком доброе сердце» и что он «легко увлекается». В этих свойствах характера она видела большую опасность для будущего. Ход событий подтверждал ее опасения.

После почти десятилетнего ожидания 30 июля 1904 года у Царя и Царицы родился Сын, названный Алексеем. В тот же день появился Царский Манифест, в котором говорилось, что «Отныне, в силу Основных государственных Законов Империи, сыну Нашему Алексею принадлежит высокое звание и титул Наследника Цесаревича со всеми сопряженными с ним правами».

Теперь, как злословили в высшем свете, «Михаил Александрович получил отставку». Сам «отставленный» не только не грустил по этому поводу, но, даже наоборот, был преисполнен искренней радости. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 2 августа 1904 года: «В пять часов мы с женой поехали навестить Вдовствующую Императрицу и пили у нее

чай… Был и отставной наследник Миша; он сияет от счастья, что больше не Наследник».

Было отчего «сиять». Он превратился в «обычного Великого князя» и хотя оставался возможным претендентом на Трон, но лишь после Алексея. Он вообще эту мысль выбросился из головы, его больше династические преимущества не занимали. Интерес его теперь фокусировался совсем в другой области: он решил жениться. Страстность была присуща многим представителям сильной половины Царской Династии, в том числе и Михаилу.

Он влюблялся в жизни не раз, но лишь дважды его чувства затмевали рассудок. Впервые такое случилось в 1905 году, когда он вознамерился жениться на фрейлине своей сестры Ольги Александре Владимировне Коссиковской. Когда родственники узнали о том, что Миша серьезно увлечен Коссиковской, то некоторые испытали шок.

Передавали как верное, что влюбленные дано уже тайно встречались, что они даже вынашивали план побега за границу, где собирались обвенчаться. Существовали ли подобные намерения в действительности, или это лишь плод богатого светского воображения, неясно, но Царь Николай II и Вдовствующая Императрица Мария Федоровна отнеслись к ним чрезвычайно серьезно.

С Михаилом состоялось объяснение, но он ничего толком не прояснил. Сказал лишь, что «любит Дину» и что без нее «ему скучно». Даже из этих путаных слов нетрудно было заключить, что Михаил «увлечен выше всякой меры». Николай II счел необходимым взять с брата слово, что тот не сделает «недопустимого». Михаил обещал. Однако затем прислал Императору письмо, где просил ни больше ни меньше о разрешении… жениться на Коссиковской. Монарх был обескуражен и послал матери письмо, где, во-первых, заверил, что «никогда не даст своего согласия», а, во-вторых, просил матушку помочь «удержать его».

Марию Федоровну чрезвычайно взволновала вся эта история. Зная младшего сына, она не очень полагалась на его «слово», не сомневаясь, что тот слишком мягкохарактерный. Если около него появится сильная женщина, то все она быстро добьется, что все слова, даже самые торжественные, окажутся выброшенными на ветер.

Почти весь 1906 год царские родственники пытались образумить Михаила. После одной из таких «душеспасительных бесед» сестра Ксения записала в дневнике 16 августа: «Говорила с Мишей. Просто отчаяние, он твердо стоит на своем, и никакие доводы больше не помогают. Говорит, что потерял всякое чувство

сожаления, привязанности и только хочет одного!»

Прошло еще несколько месяцев, прежде чем эта история разрешилась, к удовлетворению Царской Родни. Михаил был отправлен за границу с надежной свитой, а Дину Коссиковскую попросили оставить столицу.

Казалось бы, что теперь Марии Федоровне и Императору можно было вздохнуть свободно. Но это оказалось лишь кратковременной передышкой. Впереди их ждало еще большее потрясение. Если «первый тайм» в борьбе за свое личное счастье Михаил проиграл, то во втором оказался победителем…

Вскоре после того, как брат Царя расстался с Коссиковской, на его жизненном пути встретилась новая «пассия». Это была дочь адвоката Наталья Сергеевна Шереметевская (1880–1952). Она родилась в дачном поселке Перово под Москвой, в 1902 году вышла замуж за представителя известной купеческой семьи Сергея Ивановича Мамонтова, от которого родила дочь Наталью. Брак этот оказался недолгим, в 1905 году она добилась развода. Связи отца в адвокатуре Москвы помогли без особых помех сладить разводное дело.

В том же году Наталья Сергеевна вышла замуж за поручика Владимира Владимировича Вульферта, служившего в лейб-гвардии Кирасирском полку. Дочь адвоката стала полноправной «полковой дамой». В том же Гвардейском подразделении служил и Великий князь Михаил Александрович, что предопределило неизбежность встреч на полковых праздниках и вечерах.

В 1908 году у двадцативосьмилетней замужней красавицы и тридцатилетнего князя-холостяка начался флирт, очень быстро переросший в бурный роман. Дело это было неслыханное. Согласно неписаному, но непререкаемому кодексу офицерской чести никто из офицеров не мог заводить «шашни» с женой своего товарища.

Связь Вульферт с Михаилом ломала давнюю традицию. Сам поручик Вульферт относился к адюльтеру супруги довольно безразлично, но многие другие реагировали совсем иначе. В связи с тем что августейшим покровителем «синих кирасир» была Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, вся эта история очень быстро получила скандальный резонанс.

Старший полковник Кирасирского полка Э.Н фон Шведер собрал закрытое собрание офицеров, своего рода суд чести, на котором оповестил об «ужасном происшествии» в полку. Оказалось, что поручик Хан-Эриванский, «находясь в Петербурге, позволил себе показаться в ложе театра в небольшой компании, среди которой находилась некая известная вам дама. Дама, которая в свое время своими поступками бросила тень на наш

полк и которая, как всем хорошо известно, навлекла на полк неудовольствие нашего Августейшего Шефа – обожаемой нами Императрицы.

Казалось бы, – продолжал гневные обличения полковник, – этого уже самого по себе совершенно достаточно для того, чтобы офицеры раз и навсегда порвали всякие отношения с этой особой, очернившей полк». В поступке молодого поручика командир узрел покушение на «незыблемые устои» и сообщил, что Хан-Эриванскому предложено в двадцать четыре часа подать рапорт об увольнении в запас.

Все знали, о какой таинственной даме идет речь. Естественно, что имя Великого князя нигде официально не упоминалось, общение же с его возлюбленной становилось если и не преступлением, то, во всяком случае, явлением предосудительным. Шереметевская-Мамонтова-Вульферт стала изгоем, с ней прекратили всякое общение даже те, кто и не входил в число «полковых дам».

Влюбленные же жили в своем мире, в мире восторга и обожания. Все остальное было лишь фоном и не имело для них большого значения. Для Михаила вообще Наташа стала смыслом существования. Когда они не виделись, а такое случалось нередко, то посылали друг другу бесконечное количество телеграмм и любвеобильных посланий.

«Моя дорогая, прекрасная Наташа, нет таких слов, которыми я мог бы поблагодарить тебя за все, что ты даешь мне. Не печалься, с помощью Господа Бога мы очень скоро встретимся. Пожалуйста, всегда верь мне и в мою самую нежную любовь к тебе, моя дорогая, самая дорогая звездочка, которую я никогда, никогда не брошу. Я обнимаю тебя и всю целую. Пожалуйста, поверь мне, я весь твой. Миша».

Влюбленные были уверены, что Всевышней на их стороне. Родственники же придерживались прямо противоположного мнения.

Мария Федоровна не только высказывала неудовольствие офицерскому начальству подшефного полка. Ее не столько расстраивала предосудительная связь, сколько возможные брачные последствия. Своим женским сердцем она чувствовала большую опасность со стороны нового Мишиного увлечения и старалась, чтобы тот имел как можно меньше свободного времени и, уж во всяком случае, не оставался долго без контроля.

Уследить за великовозрастным сынком было практически невозможно. Мать это понимала, и все время напоминала ему о династическом долге. В феврале 1910 года писала Михаилу:

«Ты должен подавать всем хороший пример и никогда не

забывать, что ты сын своего Отца. Это только из-за любви к тебе, мой дорогой Миша, я пишу эти слова, а не для того, чтобы огорчить тебя. Но иногда я так беспокоюсь за твое будущее и боюсь, что по причине своего доброго сердца ты позволяешь втягивать себя в какие-то бесполезные истории, и тогда ты кажешься не таким, какой ты на самом деле. Я прошу у Бога, чтобы Он сохранил тебя и управлял тобой и чтобы Он сохранил в тебе веру в Него».

Матушку свою Михаил весьма чтил, послания ее читал с большим вниманием, но поступал так, как подсказывало ему сердце и как…просила его Наташа. В то время как он получил вышепроцитированное письмо от Марии Федоровны, он уже знал, что его возлюбленная в «интересном положении» и через несколько месяцев должна будет разрешиться от бремени.

Он не сомневался, что это его ребенок. Пикантность ситуации состояла в том, что будущая мать была замужем, а стало быть, и ребенок юридически никакого отношения к нему иметь не будет. Наташа рыдала, Михаил ее успокаивал как мог. Он готов был признать свое отцовство, но для этого надо было Наташе получить развод. Чтобы официально возбудить вопрос, о том не могло быть и речи. Подобная огласка привела бы к грандиозному публичному скандалу, который его возлюбленная, уже проходившая «чистилище развода», как она твердо заявила, «не вынесет». Оставался один путь: обратиться к брату Царю и просить его содействия.

Михаил прекрасно понимал, что стоит ему лишь заикнуться о намерении жениться на Наташе, как он тут же получит твердый и решительный отказ во всех своих просьбах. Поэтому он решил лишь просить о разводе с целью «принять участие в воспитании своего ребенка».

29 марта 1910 года он отправил Николаю II письмо, где заявлял: «Дорогой Ники! Если хочешь сделать меня счастливым и успокоить меня, исполни мою просьбу. Как я Тебе уже говорил последний раз, что видел Тебя, в июле месяце от меня у Наталии Сергеевны Вульферт родится ребенок, а потому я теперь же обязан позаботиться, чтобы к тому времени окончился ее развод, так как я не могу допустить, чтобы на моего ребенка имел какие-либо права ее муж – поручик Вульферт». Брат очень просил Царя помочь и уверял, что «жениться на ней я намерения не имею».

Николай II оказался в сложном положении. Он испытывал нежные родственные чувства к своему брату, любил его за честность, прямоту, веселый нрав. Однако Император не был настолько наивным, чтобы не понимать, что как только «дама сердца» окажется свободной, то угроза мезальянса станет вполне

реальной. Монарх тяжело пережил два громких династических скандала, случившиеся во время его царствования: женитьбу дяди Павла в 1902 году и брак в 1905 году его кузена Кирилла. А теперь вот еще и Миша!

Будучи по природе своей человеком искренним, преисполненным чувством долга, Царь полагал, что если Миша даст «честное слово» не идти под венец с разведенной, то этого будет достаточно. Михаил Александрович такое слово дал, и Царь успокоился. Расторжение брака оформили быстро и без лишнего шума. Бывший муж Вульфер в виде отступного получил кругленькую сумму в 200 тысяч рублей.

24 июля 1910 года Наталья Шереметевская родила в Москве сына, который получил имя Георгий. Вполне понятно, что никто из Царской родни поздравлений Михаилу не приносил, да тому этого и не требовалось. Он был счастлив, как, наверное, никогда не был раньше. У него теперь есть семья. Есть сын!

Рождение ребенка поставило перед отцом новую проблему. Надо было узаконить его статус. Ведь он появился на свет как незаконнорожденный, а подобные дети никаких общественных прав не имели. Николай II оказал милость: мальчику было позволено носить отчество Михайлович, пожалованы дворянские права, а матери и сыну присвоена фамилия Брасовы – по названию имения в Орловской губернии, принадлежавшего Михаилу Александровичу.

Больше всех эту историю переживала Мария Федоровна, видя, как безумно сын влюблен. Заниматься внушениями было поздно, да и бесполезно. Она лишь время от времени напоминала ему о долге, но с какого-то времени начала замечать, что Мишу эти наставления начали нервировать. То был плохой знак. Императрица-мать предчувствовала, что подобная «липучая» особа просто так сына не оставит. Она сделает все, чтобы получить на него законные права.

Такую перспективу прекрасно осознавал и Николай II. Ясно было, что в России незаконное венчание не состоится. Здесь ситуация была под полным контролем властей. Однако влюбленные постоянно ездили за границу, где находились подолгу. Надлежало избежать всяких нежелательных событий и там. Осенью 1911 года появилась информация, что Михаил Александрович высказал такое намерение.

За границу был командирован жандармский генерал А.В. Герасимов (1861–1944), получивший полномочия предупредить русские православные духовные миссии о том, чтобы священники не совершали обряда венчания Великого князя Михаила.

6 сентября 1911 года русское Министерство иностранных дел

разослало своим представителям за границей секретный циркуляр, в котором говорилось: «Податель настоящего генерал-майор Корпуса жандармов Александр Васильевич Герасимов направлен Его Императорским Величеством за границу с поручением принять все возможные меры для предотвращения женитьбы Великого князя Михаила за границей на госпоже Брасовой». Усилиями мощной Имперской государственной машины в тот год бракосочетания удалось избежать. Но минул всего год, и то, чего так опасались в Императорской Семье, случилось.

Осенью 1912 года Михаил и Брасова в очередной раз отправились за границу. Административная машина была опять начеку. Однако в этот раз влюбленным удалось обыграть «недремлющее око» Империи. В столице Австрии Вене в сербской православной церкви Святого Саввы 17 октября они обвенчались.

Полицейский агент доносил начальству в Петербурге: «Во время предшествовавших пребываний Великого князя Михаила Александровича за границей агенты заграничной агентуры во время поездок Его Императорского Высочества на автомобиле повсюду сопровождали Великого князя на особом моторе. В нынешней же выезд Великого князя за границу командированный для ведения охраны старший агент Бинт получил в Берлине от генерал-майора Герасимова распоряжение при поездках Великого князя на автомобиле не сопровождать Его Императорское Высочество…

Не сопровождая Великого князя в его поездке на автомобиле, охрана ничего узнать не могла, ибо направление и цель поездки оставались законспирированными от самых близких лиц».

Должностные лица получили «нагоняй», но дело было сделало: Царский брат женился на дважды разведенной женщине. Об этом событии Михаил послал письма матери и брату.

Николай II был вне себя от возмущения, в письме к матери от 7 ноября 1912 года выплеснул накопившиеся чувства: «Я собирался написать тебе по поводу нового горя, случившегося в нашей семье, и вот ты уже узнала об этой отвратительной новости… Между Мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз Он сам мне говорил, не Я его просил, а он сам давал слово на ней не женится. И я Ему безгранично верил!..

Ему дела нет ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело».

Через несколько дней уже более спокойно продолжал:

«Бедный Миша очевидно стал на время невменяемым, он думает и мыслит, как она прикажет, и спорить с ним совершенно напрасно… Она не только читает, но и снимает копии с телеграмм, писем и записок, показывает своим и затем хранит все это в Москве вместе с деньгами. Это такая хитрая и злая бестия, что противно о ней говорить».

Марию Федоровну, находившую в Дании, «отвратительная новость» повергла в состояние отчаяния. Ей было жалко Мишу, себя, Ники, Династию, Россию. Ей было стыдно. Такого стыда она за всю свою долгую жизнь еще не переживала.

В письме сыну Николаю восклицала: «Даже не верится и не понимаю, что я пишу, так это невыразимо отвратительно во всех отношениях и меня совершенно убивает! Я только об одном прошу, чтобы это осталось в секрете, чтобы не было еще нового скандала… Я думаю, что это единственное, что можно теперь делать, иначе я уже больше не покажусь, такой позор и срам!»

Скрыть же брак брата Царя не было никакой возможности. Пришлось ограничиться известными «мерами воздействия». Михаилу Александровичу воспретили въезд в Россию, уволили со службы, лишили званий, а над его имуществом учредили опеку. Первоначально Михаил с семьей поселился на юге Франции, затем они переехали в Англию, где арендовали большое поместье. Денег у Царского Сына и брата было достаточно, и он мог обеспечить семье богатое существование.

После почти годичного перерыва летом 1913 года в Лондоне с неразумным сыном встретилась Мария Федоровна. Николаю II сообщала: «Миша приехал в Лондон и оставался несколько дней с нами. Хотя первая встреча была тяжелая, мы оба были смущены, что более чем понятно. Я была счастлива увидеть, что он остался таким, каким он всегда был: милый, добрый и даже более ласковый, чем когда-либо. Мы очень откровенно говорили обо всём, и всё было так хорошо и мирно; ни одного горького слова не было произнесено, так что мне на душе стало легче **первый раз** после всех перенесенных мучений, и он, видимо, чувствовал то же самое и даже писал об этом и благодарил меня за мою **доброту**. Бедный Миша! Ужас как грустно думать, что он, такой милый и честный, попал в **такие когти**, потому что она никогда его не отпустит от себя. Моя единственная надежда, что она ему этим надоест, **дай Бог!»**

Вскоре после начала в конце июля 1914 года Первой мировой войны брат Императора был прощен и вернулся в Россию. Сердечные отношения между ним и Монархом восстановились.

Брак его признали, сын в 1915 году получил титул графа. (В различных сочинениях нередко графский титул приписывают и

жене Михаила, однако Наталья Сергеевна такого титула не получала.) Миша оставался своим в Царской Семье, но его супругу так ни разу и не приняли при Дворе.

В России семья Михаила проживала главным образом в Гатчине. Иногда «мадам Брасова» совершала наезды в столицу, где была завсегдатаем дорогих ювелирных и антикварных салонов. В одном из таких заведений в феврале 1916 года ее увидел французский посол Морис Палеолог, оставившей о том красочное описание в дневнике:

«Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о простом, индивидуальном и утонченном вкусе. Из-под расстегнутой шиншиловой шубки видно платье из серебристо-серого шелка, отделанное кружевами. Шапочка светлого меха очень идут к ее пепельным волосам. Выражение лица гордое и чистое; черты прелестны; глаза бархатистые. На шее, при свете зажженной люстры, сверкает ожерелье из чудного жемчуга. С большим внимание разглядывает она каждую гравюру; иногда она от напряжения мигает и приближает лицо к гравюре. По временам она наклоняется направо, где около нее поставлена табуретка с другой папкой гравюр. Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежнейшей грацией».

Между тем время «шиншиловых шубок», драгоценностей, придворного этикета и династической субординации подходило к концу. 2 марта 1917 года Николай II отрекся от Престола в пользу брата Михаила. В соответствии с «буквой закона» Михаил, состоявший в морганатическом браке, Венценосцем быть не мог.

Однако Николай II оказался в столь безвыходном положении, что было уже не до правовых нюансов. Ситуация же в стране сложилась столь острая, что о воцарении нового Монарха уже не могло быть и речи. Михаил Александрович после обсуждения положения с некоторыми близкими людьми и общественными деятелями «братский дар» так и не принял, передав вопрос о форме правления на усмотрение Учредительного собрания.

Так как Михаил Царскую Клятву не давал, то правителем не был ни одного часа, хотя иногда его называют таковым под именем Михаила II.

Подписав свой отказ, Михаил удался в Гатчину. Там он с женой и двумя детьми (дочь Наталью он тоже считал своей) вел тихий образ жизни, который разнообразили лишь прогулки на «роллс-ройсе» и редкие пикники на природе с немногочисленными друзьями дома.

31 июля 1917 года Михаилу было дозволено повидаться с арестованным братом Николаем. Встречу организовал сам всесильный тогда правитель «свободной России» А.Ф. Керенский,

который на ней и присутствовал. Наверное, как всегда боялся, что без него братья тут же организуют «монархический заговор».

Михаила и Николая он не оставил ни на одно мгновение, да и сама эта встреча длилась всего 10 минут. На просьбу Михаила повидаться с детьми Николая II фигляр-правитель ответил резким «нет». Михаил Александрович вышел после свидания со слезами на глазах, а на следующий день до него дошла весть, что Семья Брата отправлена в Сибирь.

Мария Федоровна, когда узнала о подробностях встречи ее сыновей, искренне возмущалась. В одном из писем заметила: «Как подло и гнусно они действуют и каким образом они «разрешили» двум братьям проститься! Только десять минут. И ни секунды наедине, да еще в присутствии двух свидетелей. Они даже не могли поговорить, а только увиделись. Можно только удивляться, какими бессердечными могут быть люди!»

Впереди Михаила ждали тяжелые испытания. В конце августа его вместе с супругой заключили под домашний арест. «Наша охрана, – записал Михаил в дневнике, – состоит из 60–70 солдат. Посты размешены за нашим садом и за забором».

Захват власти в Петрограде большевиками первое время не отразился прямо на жизни брата поверженного Царя. Сам Михаил в ноябре явился в Смольный к управляющему делами нового правительства – Совнаркома – В.Д. Бонч-Бруевичу и попросил «узаконить» его положение. Здесь ему была выдана справка о том, что он «может свободно проживать» как гражданин Республики. Однако прошло несколько месяцев, и в конце феврале 1918 года «гражданина Романова» сослали в Пермь. Здесь он прожил почти три месяца.

Большую часть этого времени с ним находилась Наташа. В Перми они занимали несколько комнат в гостинице купца Королёва. (Иногда ошибочно гостиницу называют «Королевскими номерами», хотя правильно «Королёвские».) Дети остались у родственников, и Наталье Сергеевне приходилось отлучаться, чтобы обеспечить их безопасность. В конце концов с большим трудом ей удалось достать фальшивые документы и отправить сына Георгия с гувернанткой в Данию. Все-таки там Королем был двоюродный брат мужа (Христиан X), и она полагала, что это обеспечит сыну будущее.

18 мая Брасова в очередной раз покинула Пермь, чтобы добиться разрешения на выезд им с супругом за границу. Хлопоты ее оказались безрезультатными, она уже собиралась возвращаться к Михаилу, как вдруг получила сообщение, что ее супруг якобы был ночью «похищен неизвестными». Она прекрасно знала, что эта ложь, так как все время Михаил и его секретарь Джонсон

жили под постоянным контролем.

В состоянии крайнего возбуждения, преодолев сопротивление, она просто прорвалась к начальнику петроградский ЧК, известному большевистскому садисту и убийце М.С. Урицкому. Она требовала от того «объяснений». Красный бонза объяснения дал. Он обвинил саму Брасову в том, что это она организовала побег мужа и что «рабоче-крестьянская власть» разоблачить козни «врагов революции».

Брасову тут же арестовали и отправили в тюрьму, где она провела почти десять месяцев. Там она заболела, и ее перевезли в тюремную больницу, откуда ей удалось бежать. Через Киев и Одессу она добралась до Стамбула, а затем перебралась в Англию.

Никаких подробностей о судьбе Михаила она не знала. Она не знала, что в ночь с 12 на 13 июня 1918 года отряд местных большевиков осуществил давно намечаемую акцию, как они ее называли, «изъять из обращения» Михаила Александровича. Его вместе с секретарем англичанином Джонсоном вывезли в экипажах на окраину Перми, где и расстреляли. Тела же убитых сожгли.

Оказавшись за границей, Брасовой пришлось непросто. Она надеялась на помощь могущественных родственников мужа, особенно кузена его Английского Короля Георга V. Но очень скоро поняла, что здесь рассчитывать ей не на что.

Ей не только никто из европейской родни не собирался помогать, но с ней не желали даже встречаться. Чурались ее и русские родственники, те из Романовых, кому удалось вырваться из России.

Первые годы Наталья Сергеевна не испытывала сильных материальных затруднений. Сохранились кое-какие деньги на счетах в банках. К тому же ей удалось вывести коллекцию изумительных драгоценностей, продажа которых стала главным доходом несчастной вдовы. Но все имеет свой срок.

Бриллианты кончились, наступило время бедности, а затем и полной нищеты. Но еще раньше ее настигло новое горе: не дожив двух дней до двадцати одного года в автомобильной аварии на юге Франции погиб ее сын Георгий. Случилось это летом 1931 года.

Последние годы своей жизни Брасова провела в Париже. Некогда томная красавица превратилась в страшную, полубезумную старуху, которая скандалила за каждый грош с хозяевами третьеразрядных меблированных комнат, с бакалейщиками и мусорщиками. Ее горькая жизнь завершилась на больничной койке в приюте для неимущих 26 января 1952

года.

Глава 33. «Мальчик», «Уточка» и корона Российской Империи

Пятого внука Императора Александра II и его крестника родители назвали редчайшим именем в Доме Романовых – Кирилл. Биография Великого князя Кирилла Владимировича, включавшая немало удивительных поступков и событий, походила на авантюрно-буффонадный роман, с розовым прологом и мрачным эпилогом.

Он скончался в Американском госпитале в Париже в октябре 1938 года и за свои шестьдесят два года успел познать умопомрачительный любовный угар, воскрешение из мертвых, криминальный брак, династический остракизм, Царскую милость, клятвопреступление. Он единственный из Великих князей[63], кому удалось с комфортом, по особому разрешению А.Ф. Керенского, вместе с женой, детьми и гувернантками покинуть летом 1917 года революционную Россию, прихватив с собой фамильные драгоценности и семейные реликвии.

Этот Великий князь сподобился предать Императора, а затем, публично оклеветав Его, восславил революцию. В эмиграции же провозгласил себя «царем», организовав шумную «царскую антрепризу», исправно работавшую многие годы…

Он появился на свет 30 сентября 1876 года в Царском Селе под Петербургом. Его отцом был третий сын Александра II Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), и по имени его отца эту ветвь Романовского Рода называли Владимировичами.

В 1874 году Владимир Александрович женился на немецкой принцессе Марии-Александрине-Елизавете-Элеоноре, получившей в России имя Мария Павловна (1854–1920). В фамильном кругу все ее звали «Михень». Она происходила из Мекленбург-Шверинского Дома и была в родстве со многими владетельными домами Германии. Марию Павловну многие в России считали отъявленной «германофилкой» и даже «агенткой Берлина», хотя фактических доказательств подобных подозрений так никогда приведено не было.

Владимир женился на Михень по любви. Рослая, пышнотелая, веселого нрава и живого ума девушка покорила сердце русского князя. Он на всю жизнь остался у нее в плену. «Домом Владимировичей» правила именно Мария Павловна. В высшем свете не без основания злословили, что высокородным мужем Михень распоряжается «по своему усмотрению». Он прощал

супруге все и почти никогда ей не перечил.

Владимир занимал очень высокое положение в династической иерархии: брат Александра III, дядя Николая II. Весьма престижны были звания и государственные должности этого Романова: генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, сенатор, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, президент Императорской Академии художеств. Он отличался незаурядным умом, но в делах государственного управления заметной роли не играл, в силу неистребимой лености своей натуры. Да ему это было и малоинтересно.

Его, но особенно супругу, влекли блеск и мишура светской и богемной жизни. Их огромный роскошный дворец в Петербурге на Дворцовой набережной, построенный «во флорентийском стиле», многие годы являлся эпицентром изысканных столичных увеселений. На званых вечерах, балах, обедах и чаях «у великолепной Марии Павловны» бывали принцы и принцессы, министры и дипломаты, артисты, художники, многие иностранные знаменитости.

«Правила бал» там всегда хозяйка. Она была ярка, обворожительна, и многие увозили из «флорентийского палаццо» самые наилучшие впечатления. Бывали и другие, кто восторгов не испытывал и кого порой просто коробила и эта показная («азиатская») роскошь, и слишком раскрепощенное поведение хозяйки, «запросто» общавшейся с каким-нибудь берлинским или парижским актеришкой или обычным офицером. К тому же Мария Павловна позволяла себе порой такие критические высказывания о порядках в России, делала столь прозрачные и нелицеприятные намеки относительно некоторых членов Династии, что у гостей от шока кусок в горле чуть ли не застревал.

Первые годы в России Михень вела себя чрезвычайно учтиво, соблюдала все правила династического этикета. Правда, как только оказывалась в обществе свекра Александра II, то оживлялась выше обычного. Она начинала улыбаться, старалась заслужить расположение и угодить Императору даже в мелочах: подать ложку, трость, шляпу, первой оказаться у дверей при входе Монарха в комнату. Как замечали тонкие знатоки «придворной кухни», Александру II такое угодничество молодой Великой княгини явно импонировало; к расторопной Мекленбургской Принцессе он испытывал нескрываемое расположение. На основании этого в царском окружении делались двусмысленные намеки. На самом же деле ничего предосудительного в отношениях свекра и невестки никогда не существовало.

У Владимира и Марии Павловны родилось пятеро детей: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1943), Андрей (1879–1956), Елена (1882–1957). Отец обожал своих чад, но воспитанием почти не занимался. Все эти заботы взяла на себя супруга. После смерти сына Александра мать особую нежность и заботу проявляла к Кириллу, который, несомненно, был ее любимчиком. Он навсегда для нее остался «дорогим мальчиком».

Красивый ребенок с удивительными зелеными глазами рос в атмосфере роскоши и комфорта, вращался среди тех и только с теми, кого находила нужным допускать к детям Мария Павловна. Он быстро выучил английский, французский и немецкий языки, уже в юные лета был осведомлен о новинках художественной и театральной жизни не только в России, но и за границей. Отец с матерью были завсегдатаями лучших европейских театров, а премьеры в парижской «Гранд Опера» редко проходил без их присутствия. Впечатления родителей потом служили темами обсуждений в семейном кругу, и этот аромат «европейского изыска» Кирилл вдыхал всю свою юность.

Родители решили, что их старший отрок будет служить в военно-морском флоте. Эта стезя нравилась и самому Кириллу. В 1891 году Кирилл Владимирович начал обучаться по программе морского кадетского корпуса. В семнадцать лет племянник Александра III впервые оказался в непродолжительном плавании на корабле.

Тот переход оставил неизгладимое впечатление. Конечно, очаровала морская стихия, романтика морской службы. Еще большее впечатление осталось от той стороны жизни, которая не входила «в программу обучения» и вообще была неведома юному князю. И через много лет он помнил бытовые подробности во всех деталях.

Во-первых, оказалось, что на корабле не было не только ванны, но и душа. Выросший в мире утонченности и роскоши, Кирилл не сразу узнал, как можно существовать по-другому. Сначала выручала дорогая французская парфюмерия, которую перевозил в несметных количествах. Затем пообвык, стал «ходить на помывку со всеми» или просто купаться в море.

Еще большим потрясением стало приобщение «к простому русскому языку». Князь вообще еще не очень хорошо владел русским, а тут услышал такое цветистое разнообразие, что дух захватило. Через много лет вспоминал: «Поток непристойностей извергался с утра до ночи. Человеку, не знающему русский язык, трудно представить себе, что такое русский мат. В своей изощренной грубости ему нет равных. И все это приходилось выслушивать, но, к счастью, я еще многого не понимал, ведь

раньше я даже не подозревал о существовании грубых слов».

Во «флорентийском дворце» царила совершенно другая атмосфера. Там обсуждали роли Сары Бернар на сцене «Комеди Франсез», последние произведения Эмиля Золя, постановки опер Рихарда Вагнера и Джузеппе Верди, новейшие экспозиции парижских вернисажей. Михень претендовала за звание самой эрудированной дамы Династии. После воцарения Александра III она постепенно начала претендовать и на роль «первой гранд-дамы Империи». Сделать это было непросто.

Тогда эту позицию прочно удерживала жена председателя Государственного Совета Михаила Николаевича Великая княгиня Ольга Федоровна (урожденная принцесса Цецилия Баденская, 1839–1891). Между двумя дамами разгорелась нешуточная, как бы теперь сказали, «война компромата». Михень «тетю Олю» гостям своего салона представляла склочной и отсталой особой.

Ольга Федоровна в свою очередь тоже не очень церемонилась. Мария Павловна в ее описании представала «похотливой Брунгильдой», «украшающей ветвистыми рогами своего мужа-дурака». По Петербургу стали распространяться сплетни, что Владимир Александрович «неспособный мужчина» и по этой причине не препятствует своей «ненасытной» жене вступать в связь с молодыми офицерами, которых якобы для этих целей сам ей и подбирает. Дискредитирующая борьба двух великосветских дуэлянток вызывала у многих живой интерес.

Фамильные дрязги раздражали и нервировали Александра III и Марию Федоровну. Царь считал, что подобное поведение вообще недопустимо. Однако обуздать темпераментных родственниц был не в силах. Он сам не питал душевного расположения ни к одной, ни к другой. Михень его порой откровенно раздражала и возмущала. Организовала в своем дворце чуть не притон, пускает туда невесть кого, ведет там свободные разговоры обо всем, да еще и устраивает постоянно ночные ужины в обществе артистов и офицеров, и говорят, что все кончается непристойными танцами и чуть ли не оргией. И самое неприятное, что брат Владимир полностью у нее в подчинении.

А чего стоили их ежегодные многомесячные европейские вояжи! Мало того что они обосновывались там всегда по-царски (лучшие апартаменты, многочисленная прислуга, богатый выезд, непременная ложа в театре), но Михень старалась играть и заметную общественную роль. Встречи с правителями и принцами, с политическим деятелями и журналистами, с известными актерами, писателями, художниками. Брат царя вызывал повсеместный интерес, и Мария Павловна просто купалась в лучах известности и пиетета. Без мужа она не любила

выезжать, так как в таком случае не было необходимого внимания.

Царь долго молчал, но в конце концов не выдержал. В октябре 1884 года написал Владимиру: «Вообще мне и многим другим кажется странным, что вот уже почти 10 лет подряд, что ты каждый год ездишь за границу без всякой нужды; это тебе очень вредит в глазах и мнении твоих подчиненных и неправильно в служебном отношении».

Мягкое увещевание Монарха имело лишь краткосрочный эффект, и через некоторое время заграничные вояжи Михень и Владимира возобновились. В феврале 1889 года произошло резкое объяснение между братьями, и Александр III с горьким сожалением писал: «Теперь я вижу, что ни мои просьбы, ни мои желания, ни предложения вами не принимаются. То, что хочет твоя жена, ты будешь добиваться во что бы то ни было и никаким моим желаниям не подчинишься. То, что Папа́ и Мама́ было легко делать, мне невозможно: это приказывать! Как может брат брату приказывать! Это слишком тяжело!»

Император был возмущен и свое нерасположение продемонстрировал отказом навестить Михень в день ее рождения 2 мая 1889 года.

Владимир был обескуражен, выказал обиду брату-царю. Объясняя свой афронт, Император разъяснял: «Действительно, я не доволен твоей женой. Несмотря на все мои просьбы, желания, предложения и требования, она преспокойно прокатилась за границу и настояла на своем. Как же я должен смотреть на это? Промолчать и проглотить явное глумление над моим желанием и ждать, что это будет продолжаться всякий раз, когда она этого пожелает!? Вдобавок возвратиться накануне своего рождения и ждать, чтобы ехали к ней с поздравлениями; это уж чересчур бесцеремонно и странно».

Завершая послание, Александр III задал брату вопрос: «Почему ни с кем из семейства у меня таких столкновений не было, как из-за твоей жены?» Ответа он не получил. Михень же и дальше продолжала вести себя слишком своенравно, что порой граничило с неуважением к особе государя.

Императрица Мария Федоровна разделяла позицию супруга и демонстрировала свое нерасположение: она перестала подавать руку Михень. Сухой кивок на официальных церемониях и семейных трапезах – это все, на что могла рассчитывать Мария Павловна. Но иногда она получала и такие удары, от которых долго не могла прийти в себя.

На одном из придворных балов Мария Федоровна публично прокомментировала внешний облик родственницы. «Бог знает, на

что она похожа, она такая красная, что можно подумать, что она пьет», – заметила императрица. Высказывание Марии Федоровны со скоростью электричества облетело все гостиные. Конечно, его находили не слишком изящным, но зато «пуля попала точно в цель». После таких потрясений тридцатилетней Великой княгине Марии Павловне, считавшей себя неотразимой красавицей, действительно надо было срочно ехать «лечить нервы» в Биарриц или Баден-Баден!

В силу своего высокого династического статуса и неуемного самомнения Мария Павловна весьма основательно готовилась к устройству семейного будущего своих детей. Она непременно хотела, чтобы их жизни скрепили семейные узы лишь с европейскими принцессами и принцами «первого круга». Когда встал вопрос о замужестве единственной ее дочери Елены, то у Михень тут не было никаких колебаний. Она отвергла нескольких претендентов по причине их «недостаточной родовитости».

Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 7 августа 1900 года: «Ники (греческий принц. – *А.Б.*) долго ехал верхом с Еленой, которая ему нравится, как и он ей, но Мария Павловна сделала дочери за это выговор и сказала Георгию, что Ники, как не будущий король и не имеющий состояния, не может рассчитывать жениться на Елене. И она, и Ники ходят как в воду опущенные. Слышал, что Михень мечтает выдать дочь за наследника (греческой короны. – *А.Б.*), воображая, что это разрешат».

Желанная комбинация не удалась. В итоге Марии Павловне пришлось смириться: через два года, в 1902 году, состоялась свадьба ее дочери Елены и принца Николая Греческого.

Достойные партии для сыновей подобрать было еще сложнее. Сын Борис уже с молодых лет вел «рассеянный образ» жизни. Его любовные похождения служили темами бесконечных разговоров в свете. Он заимел репутация повесы и ловеласа. Его «коллекция мужских побед» включала замужних дам и молодых девиц самого разного происхождения и положения, начиная с аристократок и кончая обыкновенными городскими шлюхами. Англоман, игрок, любитель веселых пирушек долго не собирался идти к алтарю.

Похождения Бориса доставили амбициозной Марии Павловне немало переживаний. В конце концов она нашла для своего великовозрастного сына-бонвивана, как ей показалось, подходящую невесту: старшую дочь Николая II великую княжну Ольгу Николаевну (1895–1918). Однако и здесь Марию Павловну ждало горькое разочарование: Императорская Чета, как только прознала о таком плане, сразу же выступила резко против.

Императрица Александра Федоровна не могла понять, как

такая идея вообще могла прийти в голову. Своему Супругу писала в сентябре 1916 года, что невозможно и помыслить, чтобы «отдать чистую, свежую, на восемнадцать лет моложе его девушку полуизношенному, пресыщенному человеку тридцати восьми лет, чтобы она жила в доме, где он сожительствовал со столькими женщинами».

Марии Павловне так и не удалось решить брачный вопрос Бориса. Он его сам решил. Оказавшись в эмиграции, в 1919 году обвенчался в Генуе с дочерью полковника Зинаидой Рашевской (1898–1963), успевшей к тому времени уже один раз выйти замуж и развестись.

Личная жизнь младшего сына Марии Павловны Андрея Владимировича тоже складывалась «не по ранжиру». Он много лет сожительствовал с балериной Матильдой Кшесинской. Против этой связи матушка, как женщина свободных нравов, ничего принципиально не имела. Однако все время волновала мысль о законной спутнице. Михень так и умерла, не увидев своего Андрея женатым и не узнав о семейном позоре. Уже после ее смерти, в 1921 году, в Каннах Великий князь обвенчался с Матильдой.

Больше всего внимания и забот Мария Павловна уделяла устройству брачных дел своего старшенького, «дорогого мальчика» Кирилла. В этом вопросе «дорогая матушка» была особенно щепетильной. После воцарения в 1894 году Николая II Великий князь оказался третьим по родовому старшинству членом Династии, после братьев Императора Георгия и Михаила. Какой-то период он даже стал вторым, когда в 1899 году скончался Великий князь Георгий Александрович…

Романовские династические хроники не сохранили данных о ранних романтических увлечениях Великого князя Кирилла Владимировича. Но точно известно, что многие годы лишь одна дама владела его мечтами. Хотя она и не была красавицей, но в ней было столько «душевного магнетизма» и «жизненной энергии», что мысли о ней довольно флегматичного и холодного Кирилла Владимировича никак не оставляли. Она была его кузиной, занимая очень высокий династический иерархический статус. Тщеславной Марии Павловне подобная брачная комбинация была явно по душе.

Кирилл и «женщина его мечты» встречались время от времени, вели милые беседы, которые их делали друг другу все ближе и ближе. Постепенно Великий князь пришел к убеждению, что и он ей весьма мил[64]. Кирилл готов был с ней тотчас обвенчаться, но возникала одна сложность: «прелестница» уже была замужем. Высокородное положение его избранницы делало

вопрос о ее разводе весьма и весьма проблематичным.

Дама сердца доводилась Кириллу двоюродной сестрой. Она – дочь герцогини и герцога Эдинбургских. Звали ее Виктория-Мелита (1876–1936). Она являлась дважды монаршей внучкой: по линии матери Императору Александру II, а по линии отца – Английской Королеве Виктории. В 1894 году принцесса вышла замуж за владетельного герцога Гессенского Эрнста-Людвига, брата Императрицы Александры Федоровны.

Викторию-Мелиту все родные звали Даки (Уточка). В 1895 году она родила дочь Елизавету (1895–1903). В 1900 году у нее прошли вторые роды, но ребенок оказался мертворожденным.

К этому времени Виктория-Мелита фактически порвала все отношения с Герцогом Гессенским. Через год, в декабре 1901 года, развод был оформлен официально Верховным судом Гессенского герцогства (в отличие от православия в протестантизме это не составляло особого труда).

Известие о намерении развестись, а затем и сам развод вызвали в европейском династическом мире сильное волнение. Подобный случай был беспрецедентным. Королева Виктория, способствовавшая этому браку, никогда не приняла бы развод своих внуков, но в декабре 1901 года Королева скончалась. Даки теперь гнев бабушки не угрожал. Тот же факт, что развод осудили ее кузены: Король Англии Эдуард VII и Император Германии Вильгельм II, не имело значения; для нее они не являлись авторитетами.

Потрясение испытал и Николай II. После получения известия Император писал матери: «Вчера получили телеграмму от Эрни, что все решено. Я очень огорчен, и мне жаль бедную Аликс (Императрицу Александру Федоровну. – *А.Б.*). Она пытается скрыть свою печаль. Лучше смерть близкого человека, чем позор развода». Для православного, полностью воцерковленного человека, каким был Николай II, представить расторжение супружеской клятвы, данной перед Лицом Божиим, было немыслимо.

Александра Федоровна, которая очень была близка с братом, знала о том, что семейная жизнь Эрни и Даки далека от идеала. Гессенская Герцогиня не походила на нежную и любящую супругу. Но, что герцогиня – внучка Царя и внучка Королевы – будет настаивать на разводе, такого Она представить не могла…

Уже через пару лет после замужества Виктория-Мелита начала вести себя совсем неподобающе ее рангу. Тяга к развлечениям, желание тратить без оглядки деньги на украшения и наряды приводили к столкновению с супругом. Владетельный Герцог Эрнст-Людвиг пытался много раз образумить

легкомысленную жену, объяснял, что казна герцогства очень скромна, что он не может выходить в расходах за пределы годового бюджета. Ну, куда там!

Герцогиня воспринимала все это как личное оскорбление. Она не желала иметь никаких «политических объяснений» с мужчинами. С их стороны она требовала лишь поклонения. Жизнь с Эрнстом становилась для нее «невыносимой». Скандалы следовали один за другим, инициатором их всегда была «маленькая принцесса», которую Император Германии Вильгельм II заслуженно называл «маленькой злючкой».

Герцогиня не только пренебрегала своими династическими обязанностями в Дармштадте, но и регулярно покидала его на несколько месяцев, путешествуя по Европе и гостя у своих родственников. Эти многомесячные отсутствия были эпатажными, но Даки никогда особо не интересовалась мнением других о себе. За время своего пребывания в Гессене в звании герцогини она не заимела там ни одного доброго знакомого…

Скандалы во дворце и презрение герцогини к жителям Гессена были невыносимыми, но Эрнст-Людвиг долго крепился. Он любил свою взбалмошную супругу и лишь когда разрыв стал очевидным, то написал осенью 1901 года своей сестре Виктории Баттенбергской: «Я вижу теперь полную невозможность продолжать вести жизнь, убивающую ее и сводящую меня с ума. Сохранять бодрость духа и улыбаться, когда сердце твое разрывается, бесполезно и бессмысленно. Я терпел это ради нее. Если бы я не любил ее, я давно прекратился бы всё».

Герцогиня же решила «идти до конца». Уверенности Виктории добавляло то, что в числе ее обожателей появился человек, боготворивший ее, готовый исполнять любой каприз. К тому же он имел достаточно средств и мог оплачивать дорогие прихоти. Этим человеком и оказался Кирилл Владимирович.

Виктория-Мелита, решив развестись с мужем, прекрасно понимала, что придется давать объяснения своей многочисленной родне по всей Европе. Трудно сказать, кто подсказал не блиставшей умом герцогине «верный ход»: чтобы оправдать себя, надо опорочить супруга. Этим приемом всегда пользовались недобросовестные люди, но в среде владельцев «голубых кровей» подобное встречалось редко. Не исключено, что составление «сценарного плана» не обошлось без участия прожженной интриганки Марии Павловны, которая была хранительницей сердечной тайны Кирилла и очень «сочувствовала» Виктории.

Как казалось, спасительный аргумент был найден: Даки не может состоять в браке с Эрнстом-Людвигом потому, что он – «гомосексуалист». Еще до официального оформления развода

слушок о том пошел гулять по Европе.

Брат Кирилла Андрей Владимирович прямо всем рассказывал, что Даки не была счастлива, так как «герцог отличался склонностью к мальчикам». Тоже повторял Борис Владимирович, а затем подхватили и другие. Мария Павловна всем своим многочисленным родственникам не забывала выразить «сожаление» о том «ужасе», который якобы творился в Гессенском герцогстве. Для инсинуаторов эта сплетня была хороша тем, что ее невозможно было опровергнуть.

То, что герцог и герцогиня имели полноценное супружество, что у них родилось двое детей, в данном случае не имело никакого значения. Ярлык «развратника» был повешен, Даки превращалась в жертву, рассказывая всем «по секрету», что застала мужа в постели «с конюхом». Правда, иногда она называла то «повара», то «художника», но это уже не имело значения. Грязное дельце было сделано…

Когда подобная весть достигла ушей Императрицы Александры Федоровны, ее охватило неописуемое расстройство. Грязь на брата! На их семью! Ей было больно и тяжело. Она знала, что Даки никогда не была добродетельной женой, знала, что та слишком фривольно вела себя с мужчинами, но никогда не позволяла никаких критических замечаний по ее адресу. Когда же из окружения Даки вылетела бесстыдная сплетня, Царица была сокрушена. Она стала презирать свою кузину.

Сестре Царя Ксении Александра Федоровна писала в ноябре 1901 года: «Прошу тебя об одном, дорогая Ксения, когда бы ни услышала скверные сплетни, сейчас же останови их». Но Императрица обращалась не по тому адресу: Ксения обожала сплетни и не только их собирала, но и популяризировала…

После развода Кирилл утешал свою «испепеленную розу» как мог. Он уехал с ней на Лазурный Берег, где старался изо всех сил. Денег и времени не жалел. Он готов был жениться на ней, но оставалось еще одно препятствие: надо было получить согласие Николая II. После всей этой скандальной истории о том не могло быть и речи, так как глава Фамилии прислал Кириллу послание, где прямо объявил Свою волю.

В ответ «печальный рыцарь» в марте 1903 года писал: «Дорогой Ники! Борис привез мне Твое письмо. Конечно, я не пойду против Твоего желания и ясно сознаю невозможность этого брака. Но прошу Тебя об одном: разреши мне видеть Даки и лично с ней переговорить о Твоем решении. Нам обоим будет легче, и Ты поймешь, дорогой Ники, что после Твоего письма мне нужно ее видеть. Только я один могу ее поддержать в эту тяжелую для нас минуту, в которую рушатся все дорогие мечты о счастье.

Мы нуждаемся теперь во взаимной поддержке. Мне все-таки очень, очень тяжело. Глубоко Тебе преданный Кирилл».

Кузен Царя, как казалось, принимал Царскую волю и готов был следовать долгу и традиции. Кирилл Владимирович клялся в верности, но для соблюдения клятвы ему не хватало ни характера, ни твердых принципов. К тому же Даки, обладавшая куда большей силой воли, к этому времени могла заставить сделать своего поклонника всё что угодно.

Трудно сказать, как бы обернулись дела в дальнейшем, если бы в начале 1904 года Япония не напала на Россию. Началась Русско-японская война, и Кирилл, как морской офицер, отправился на театр военный действий на Дальнем Востоке. Он находился на борту флагманского эскадренного броненосца «Петропавловск», когда тот 31 марта 1904 года подорвался на мине и затонул за несколько минут. Из находившихся на корабле более 700 человек спастись удалось лишь 80. Остальные погибли, в том числе и известный вице-адмирал С.О. Макаров.

В числе спасшихся оказался и Великий князь Кирилл. По Петербургу потом циркулировала злая эпиграмма:

Макаров погиб,
«Петропавловск» не всплыл,
Но спасся зачем-то царевич Кирилл…

Погружение «в преисподнюю» и счастливое спасение Кирилл Владимирович описал сам: «Я прыгнул в бурлящий водоворот. Что-то резко ударило меня в спину. Вокруг бушевал ураган. Страшная сила водной стихии захватила меня и штопором потянула в черную пропасть, засасывая все глубже и глубже, пока все вокруг не погрузилось во тьму. Казалось, спасения не было… В голове мелькнула короткая молитва и мысль о женщине, которую любил».

Ему удалось выплыть, и вскоре его подобрала команда спасателей. Хотя у него была сильно ушиблена спина и обожжено лицо, но серьезных повреждений удалось избежать. В конце апреля он вернулся в столицу героем и его сразу же принял Император. После беседы с Царем Кирилл получил разрешение уехать за границу «для поправки здоровья».

Он мчался в Европу как «пуля, точно посланная в цель». Он мечтал встретиться с Даки, о которой помнил даже на краю жизни. Прошло еще некоторое время, и 25 сентября 1905 года они тайно обвенчались в маленькой домовой православной церкви в местечке Тагернзее около Мюнхена.

Наконец-то после многомесячных страданий и переживаний

они стали мужем и женой. Кирилл сам решил рассказать о том Николаю II и с этим поехал на родину.

Весть о поступке Кирилла вызвала у главы Династии глубокое возмущение. Кирилл дважды нарушил закон: династический (пренебрег Царским запретом) и церковный (православная церковь запрещала браки между двоюродными родственниками). И при этом еще собирается приехать объясняться!

«Я должен сознаться, что это нахальство меня ужасно рассердило потому, что он отлично знал, что не имеет никакого права приезжать после свадьбы», – писал Венценосец матери. Еще раньше при личной беседе Монарх предупредил кузена, что если тот женится без Его согласия, то он будет уволен со службы, ему будет воспрещен въезд в Россию, его лишат денежного содержания и даже титула Великого князя. Все это «нахал» Кирилл Владимирович слышал, но был уверен, что «добрый Ники» не посмеет с ним поступит таким образом.

Негодовала и Вдовствующая Императрица Мария Федоровна. В письме сыну восклицала: «Свадьба Кирилла и его приезд в Петербург? Это такое глупое нахальство, еще небывалое. Как он смеет явится тебе после этого акта, отлично зная, что его ожидает и поставить Тебя в эту ужасную ситуацию. Это просто бесстыдно, и поведение тети Михень в этой истории просто необъяснимо… Что меня сердит больше всего, так как это то, что они думают только о себе и, по существу, насмехаются над всеми принципами и законами, да это еще в такое тяжелое и опасное время, когда у Тебя уже достаточно мучений и беспокойств и без этого».

Царь Кирилла не принял, и тому было предписано в 24 часа покинуть пределы Империи. Кирилл Владимирович был лишен звания флигель-адъютанта (звание члена Императорской Свиты), исключен со службы, его средства в России были заморожены. Царь и Царица настолько были возмущены поступком родственника, что Николай II даже неофициально обсуждал вопрос о лишении его великокняжеского достоинства. Однако до такой беспрецедентной меры дело не дошло.

На стороне же молодоженов были мать, отец, братья и сестра. А это была большая сила. Мария Павловна нравился брак старшего сына. Он был «по ранжиру», он соответствовал высокому положению их семьи. Отец тоже не возражал и когда узнал, что Царь намерен подвергнуть Кирилла наказанию, то немедленно отправился в Петергоф, чтобы заставить Племянника не прибегать к подобным действиям. Объяснение получилось бурным. Дядя чуть не кричал на Царя, но тот выдержанно, спокойно и решительно заявил, что Кирилл нарушил закон и

должен за это ответить.

Отец просто клокотал от возмущения, он представлял сына «жертвой интриг», пытался убедить, что его соблазнила «развратная женщина», что он достоин жалости. Монарх был непреклонен. Тогда дядя демонстративно заявил, что уходит в отставку со всех постов. Вскоре тот отставку и получил.

Мария Павловна от возмущения «царской несправедливостью» потеряла сон и аппетит. Она давно не испытывала никакой симпатии ни к Императору, ни к Императрице, но теперь ее отношению переросло в ненависть. Николай II не заблуждался на этот счет и в письме матери заметил: «Интересно было бы знать, что думает тетя Михень? Как она должна была нас ненавидеть!»

Он был совершенно прав. Бывшая Мекленбургская Принцесса просто неистовствовала. Все традиции и приличия были отброшены; только мелкое самолюбие и уязвленные амбиции теперь ею руководили. Михень лгала, что называется, направо и налево. Своему дяде принцу Генриху Рейсскому писала:

«Последние четыре мы делали все возможное, чтобы помешать этому браку[65], но их любовь устояла перед всеми попытками их разлучить. В конце концов, мы решили («они» решили! – *А.Б.*), что для чести и доброго имени Кирилла будет лучше, если они поженяться. Мы знали, что в России это не сойдет легко с рук. И были готовы к некоторым осложнениям. Но мстительность (!!! – *А.Б.*) и злоба (!!! – *А.Б.*) молодой Царицы превзошли все, что только могло себе представить самое необузданное воображение. Подчинив своему влиянию бесхарактерного Супруга (!!! – *А.Б.*), Она сделала все, чтобы отомстить бывшей невестке за союз с ее избранником. Все было обставлено так, как будто бы совершилось чудовищное преступление, заслуживающее соответствующего наказания».

Да, было совершено преступление, и Михень это было известно. Был нарушен писаный Династический закон, была проигнорирована ясно выраженная Воля Самодержца. И Марии Павловне надлежало это знать. Конечно, она все это знала, но полагала, что закон хоть и существует, но не для нее и ее отпрысков!

Угождая своему болезненному самолюбию, Великая княгиня Мария Павловна опустилась до нападок и измышлений по адресу Венценосцев. С осени 1905 года и самого падения Монархии в марте 1917 года Михень находилась в числе самых злобных и непримиримых инсинуаторов на Царя и Царицу.

Так как и по прошествии ста лет немногочисленные, но шумные апологеты Кирилла и его последышей из числа

«претендентов» все еще лгут по поводу «события в Тагернзее», то этот факт уместно проанализировать более подробно.

Во-первых, не существует ни одного свидетельств того, что в случае с женитьбой Кирилла Александра Федоровна играла какую-то исключительную роль. Никогда и ничего Она Николаю II не «навязывала» и навязать не могла, потому что в нравственном отношении Он был человеком твердых, ясных и бескомпромиссных принципов.

Во-вторых, Александра Федоровна никогда не была «мстительной». Она могла иметь расположение к людям или его не иметь, но никогда не пыталась «отомстить» даже самым ярым своим врагам и недоброжелателям. Мало того. Она, в отличие от Михень, не позволяла не то чтобы злословить, но и критиковать членов Династии. Ни одного резкого слова не было Ею произнесено ни по адресу Марии Павловны, ни по адресу Виктории, ни по адресу Кирилла.

Что же касается существа происшедшего, то Кирилл Владимирович совершил клятвопреступление. Первое, но не последнее. Об этот надо говорить прямо, без всяких экивоков. Он давал клятву верности Самодержцу перед алтарем, он обязывался именем Божиим служить Ему верой и правдой. Он, как член Династии, как внук Императора, обязан был долг ставить выше собственных прихотей.

Получилось совершенно иначе. Личное возобладало над всем прочим. И самое удивительное, а может быть, и отвратительное, что Кирилл никогда не раскаивался. Никогда. Во всем и всегда винил других, стараясь переложить вину за свои моральные падения и на живых, и на мертвых…

Злобствование родственников Императора не остановило. Кирилл получил все наказания, кроме одного: великокняжеского достоинства его все же не лишили[66].

«Нахал» Кирилл и его Даки были счастливы. Они обосновались в Европе и вели идиллическую жизнь состоятельных господ. Большую часть времени они проводили на своей вилле в Каннах, катались на собственной яхте, делали визиты, сами принимали. Виктория-Мелита увлеклась живописью, и Кирилл восхищался натюрмортами супруги, для него они являлись «шедеврами». В России бушевал революционный шторм, который «лодку любви» совсем не раскачивал. Они ждали и верили, что рано или поздно все образуется. В январе 1907 года у них родилась дочь Мария, а в апреле 1909 года – дочь Кира.

Ко времени появления второго ребенка положение супругов было узаконено. Чтобы не усугублять раскол Династии,

испытывая жалось к несчастному дяде Владимиру, который после этой истории серьезно занемог, Николай II проявил поистине Царское великодушие. В 1907 году супруга Кирилла получила титул Великой княгини Виктории Федоровны. Фактически их брак был признан, но въезд в Россию был воспрещен.

Кузен Царя несколько раз приезжал в Россию на похороны дяди Алексея в 1908 году, на похороны своего отца в 1909 году. Окончательно же вся семья туда перебралась лишь в 1910 году. Виновник скандала позднее писал, что «когда я вернулся на Родину и всем распрям пришел конец», а Царь с Царицей «были бесконечно добры ко мне и Даки».

В период династической реабилитации Кирилла произошло и еще одно событие, которое внешне с вышеуказанным вроде бы и не было связано: Мария Павловна приняла Православие. На самом деле глубинная связь тут имелась прямая. Претенциозная и расчетливая Михень смотрела в будущее, а там, по ее предположениям, сын Кирилл вполне мог стать Монархом. По преимуществу первородства он был третьим претендентом на престол.

Прекрасно осведомленная о положении дел в Царской Семье, она знала, что Наследник Алексей тяжело болен и может умереть в любой момент. Второй же претендент брат Царя Михаил рано или поздно, но непременно жениться на какой-нибудь особе явно не королевских кровей и тогда потеряет все права тронопреемства.

Следующим же по старшинству идет Кирилл. Перспектива казалась вполне реальной, и Мария Павловна покинула лютеранскую конфессию, в которой находилась полвека, и присоединилась к Православию. Ведь мать Царя должна исповедовать государственную религию. Правда, Династический закон подразумевал, что мать Царя должна являться православной к моменту рождения будущего Царя, но здесь изменить уже было ничего нельзя.

Кирилла и Викторию принимали при Дворе, они пользовались всеми приличествующими Великокняжескому положению почестями. Однако близости между ними и Царской Семьей не наблюдалось. Александра Федоровна простила, но не забыла историю развода Даки. В свою очередь, клан Владимировичей не только не забыл «оскорбление», но и не простил его Венценосцам. Тон здесь задавала Михень, а эта дама не отличалась ни короткой памятью, ни добросердечием. По своему происхождению, будучи «благородных кровей», она благородством души явно не отличалась.

Когда летом 1914 года началась Первая мировая война, то

«флорентийское палаццо» стало центром династической оппозиции Монарху. В нарушение всех писаных и неписаных норм, пренебрегая всеми традициями и правилами благопристойности, Мария Павловна вела себя так, как вели себя те, кто жаждал крушения. Не было, наверное, таких оскорблений, которые не прозвучали по адресу Царя и Царицы, не существовало таких аспектов государственной политики, которые Михень и ее окружение не осмеивали бы и не шельмовали.

Сынки матушке всегда поддакивали, так как в силу своих небогатых умственных способностей они с ней тягаться в искусстве инсинуаций не могли. Да этого и не требовалась. С этой «работой» вполне справлялась и одна Мария Павловна.

Невестка же Михень Великая княгиня Виктория Федоровна тоже была очень «оппозиционна». Она слушала речи свекрови и полностью с ней соглашалась. Она «терпеть не могла» Царицу, «не уважала» Николая II, и ей тоже все казалось в России «неправильным». Не научившись даже сносно изъясняться по-русски (она до самой смерти родным языком своего деда и матери так и не овладела), она на хорошем французском или английском языке непременно высказывала критические замечания о положении дел в России. Ничего своего она выдумать не умела, она лишь подпевала Марии Павловне.

Михень же была мастером инсинуаций. Сидя в своих золоченых апартаментах, увешанная сапфирами и изумрудами (она обожала эти камни), она исторгала такую хулу на власть, которой могли позавидовать «профессиональные революционеры». Причем эти речи слышали не только близкие, для которых их ненаглядная матушка была непререкаемой пифией.

Подобные монологи слышали и многочисленные гости как из числа соотечественников, так и иностранцев. В конце концов она договорилась до того, что «Александру Федоровну и ее клику надо уничтожить». Она надеялась, что в случае династического переворота ее «зеленоглазый мальчик» станет Царем.

То, о чем грезила многие десятилетия, теперь казалось совсем близко. В начале 1917 года она покинула Петроград, отбыв для лечения в Кисловодск, заявив перед отъездом, что «вернется, когда все будет кончено». Предчувствия Михень не обманули: скоро действительно «все было кончено», кончено для Царей, для России и для Марии Павловны с ее потомством.

В конце февраля 1917 года в Петрограде начались беспорядки, которые очень быстро стали перерастать в целенаправленное выступление против власти. Государственная Дума сделалась центром движения, туда стекались все силы

мятежников. 1 марта туда вдруг прибыл Великий князь Кирилл Владимирович, который привел состоявшее под его командованием подразделение гвардии – Гвардейский Экипаж и заявил о верности новой власти. А как же присяга Государю? Никого «манифеста об отречении» тогда не существовало.

О клятве на верность Государю будущий «претендент на трон» и не думал. Её как бы и не было. В эмиграции князь-клятвопреступник, оправдывая предательство, будет писать и говорить, что «спасал гвардию»! И никогда ни он сам, ни его шумные клевреты – участники пошлой интермедии под названием «Кириллиада» – никогда не признаются, что внук Александра II бросил на произвол судьбы Царскую Семью!

Перед бегством из Царского будущий «парижский царь» разослал записки начальникам частей Царскосельского гарнизона: «Я и вверенный мне Гвардейский Экипаж вполне присоединяемся к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединиться к нам». И подпись: «Командир Гвардейского Экипажа Свиты Его Величества контр-адмирал Кирилл».

Александра Фёдоровна была потрясена изменой Кирилла. Мужу сообщала, что Гвардейский Экипаж «покинул нас», «в них сидит какой-то микроб». В другом месте ещё более определённо и резко: «Кирилл ошалел, Я думаю: он ходил в Думу с Экипажем и стоит за них». Царица, не зная деталей событий и подробностей поведения людей, чувствовала подлинный смысл происходившего…

Некоторые потом вспоминали, что кузен Царя шел к Думе, нацепив красный бант. Другие же этот факт категорически отрицали. «Был бант» – «не было банта» – по этому поводу страсти не утихли по сию пору. Фокусируясь на мелочах, такая дискуссия умышленно замалчивает главное: родственник Царя изменил воинской присяге, изменил Великокняжеской клятве, предал Царя, предал Царский Род.

Что бы ни говорил потом сам двоюродный брат Монарха, какие бы доводы ни приводил, что бы там ни писали различные оправдатели из числа его клевретов, факт остается фактом: Кирилл Владимирович совершил второе клятвопреступление. Первый раз такое произошло в 1905 году, когда нарушил свое слово данное Царю, второй же раз – в революционном 1917 году. Воистину один раз предавший может предать снова и снова…

Унеся ноги из России, Кирилл и Даки сначала обосновались в Финляндии. Там у них родился сын Владимир. Затем переехали в Германию, затем во Францию, где в 1926 году в провинции Бретань в местечке Сен-Бриак купили трехэтажную виллу,

названную по-бретонски «Кер-Аргонид» («Виктория»). Там проживали большую часть времени.

Однако Великокняжеская чета не собиралась вести тихую жизнь отверженных эмигрантов. После смерти Марии Павловны в 1920 году роль «первой скрипки» в концерте Владимировичей (все они спаслись) взяла на себя Виктория Федоровна. Не обладая большим умом, эта внучка Королевы Виктории была в избытке наделена энергией. Она взяла в свои руки не только повседневные заботы семьи. Ее деятельной и чванливой натуре требовалось нечто большее. И она придумала усладу: она сделала Кирилла царем.

К моменту крушения Монархии в России Кириллу было лишь чуть больше сорока лет. После всех перипетий революции он очень быстро начал сдавать: осунулся, обрюзг, потерял величественную осанку. Даже его легендарные зеленые глаза как-то потускнели. Не исключено, что он бы очень быстро угас, если бы рядом с ним не находилась женщина, которая совсем не собиралась становиться рабой обстоятельств.

Виктория Федоровна «вдохнула в супруга жизнь». Она стала его управителем и вдохновителем. В 1922 году Кирилл Владимирович провозгласил себя «местоблюстителем престола», а в августе 1924 года объявил себя «императором». Появился новый монарх – «его величество» Кирилл I. Державы своей он не имел, но в некоторых ресторанах имел свой столик. Даки же стала «императорским величеством».

Не имело значения, что Монархической России уже давно не существовало, что никакого «престола» не имелось в наличии. К тому же Кирилл Владимирович письменно в 1917 году отказался от своих династических прав, но это тоже не имело значения.

Главное – в наличии был претендент, который «на основании Основных законов Российской Империи» в Париже назвал себя царем. Опять же не имело значения, что была жива настоящая Царица – Мария Федоровна, которой о грядущем «воцарении» даже не удосужились сообщить. Началась «Кириллиада», которую многие с полным основанием называли по имени царской супруги «Викториадой»[67].

«Его Величество» стал изображать правителя: издавать указы, манифесты, присваивать дворянские титулы, офицерские звания. Эта «игра в царя» немалому числу лиц пришлась по душе. Разбросанные по всему свету, влачившие часто просто жалкое существование, некоторые русские изгои увидели в парижском царе надежду, увидели отблеск сгинувшей великой Империи, детьми которой, людьми мифа и мечты, они оставались до конца.

Кирилла «признали» и некоторые из Романовых. В их числе

находился и постаревший, но все такой же неугомонный и жизнелюбивый, как в давние молодые годы, Великий князь Александр Михайлович. Но даже он, когда оказался в рыбачкой деревушке Сен-Бриак, где размещался «двор императора», даже он, имевший богатое воображение и чуждый всяких условностей, даже он вынужден был развести руками. «Пафос вперемежку с комедией и слепота, погоняемая надеждой, образуют костяк этого отстраненного мира условностей. Ничего реального, все бутафория».

Эта была какая-то смесь претенциозного аристократического тщеславия и бездарного опереточного фарса. «Двор царя Кирилла» производил карикатурное впечатление. Начальник «канцелярии» «его императорского величества» Г.К. Граф (1885–1966) вспоминал, что у канцелярии «не было ни письменных столов, ни кресел, ни ковров. Сидеть приходилось на самых простых стульях. И машинки стояли на кухонных столиках, и вместо письменного стола был садовый стол».

Виктория же относилась к этой «царской буффонаде» вполне серьезно. Она умудрилась завести свой «двор», окружить себя приспешниками, которые многие годы играли первые роли в этом театре теней. Имея родственные связи с Династиями Англии, Испании и Румынии, «бескомпромиссная» Даки хотела, чтобы ее везде принимали «как настоящую».

Из этого почти ничего не получалось, что угнетало и расстраивало «царицу из Сен-Бриака». Ей приходилось постоянно вояжировать по всей Западной Европе, чтобы, не дай Бог, о ней не забыли. Надо было постоянно разбирать свары, склоки и финансовые махинации в рядах «кирилловцев», разоблачать «козни врагов», которых у «парижского императора» имелось немало. Главное же – постоянно не хватало денег. Продажа драгоценностей и помощь родственников – главные статьи доходов «царя Кирилла».

Муж дряхлел на глазах и без нее исполнять свои «монаршие обязанности» был не в силах. К тому же пришла пора устраивать брачные дела своих дочерей, и с этим тоже было немало хлопот. «Царица Виктория» «просто разрывалась». Силы покидали ее. Весной 1935 года ее старшая сестра Мария, Королева Румынская (Мисси, 1875–1938), после месяца, проведенного с Даки на отдыхе в Альпах, писала своему доброму знакомому лорду У. Астору (1879–1952):

«Мы были очень счастливы вдвоем, стараясь не касаться некоторых моментов, вызывающих горькие слезы на ее усталых глазах. Ее стояние, физическое, душевное и финансовое, настолько тяжело, что оно окончательно лишило ее силы духа…

Ее окружают такие беспомощные люди, в первую очередь ее муж, что ей не на кого и не на что рассчитывать. Силы покинули ее, она погрузилась в мрак отчаяния и чувствует, что только смерть может освободить ее от невыносимого, подавляющего бремени».

Мисси не написала лорду Астору, что самый страшный удар нанес ей Кирилл: «царь из Сен-Бриака» завел любовную интрижку на стороне. Это «предательство» Виктория не простила супругу даже в последний земной час. Она не умела прощать.

В феврале 1936 года «императрица Виктория Федоровна» заболела и 2 марта в возрасте 59 лет скончалась. Ее похоронили 5 марта в фамильном склепе в Кобурге, рядом с могилами отца и матери.

Кирилл после смерти своей супруги прожил менее трех лет. Это было самое тяжелое время его жизни; фактически он не жил, а прозябал. Каждый день вспоминал Викторию, часами рассматривал ее фотографии, перечитывал письма. Он перестал быть «царем», теперь этот был старый одинокий мужчина, которого не могло развеселить даже присутствие детей. Скончался он в октябре 1938 года и был погребен рядом с Викторией в Кобурге.

В 1995 году прах супружеской пары был перевезен в Великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

Глава 34. Мама Лёля

Она умела любить. Она знала цену страданию. Она могла добиваться поставленных целей, сколь бы высокими они поначалу ни казались. Звали ее Ольга Валерьяновна, урожденная Карнович (1865–1929). Жизнь этой женщины походила на феерический роман.

Дочь петербургского чиновника выросла в скромности, юность провела в безвестности. В зрелые же лета, когда стала «женщиной бальзаковского возраста», общалась с самыми родовитыми и именитыми, достигла невероятного общественного благополучия, украшала себя Царскими драгоценностями.

Простая дворянская барышня превратилась в уважаемую персону высшего света, в одну из первых гранд-дам Империи. От Баварского Короля в 1904 году она получила титул графини Гогенфельзен, от Русского Царя в 1915 году – титул княгини Палей. Ольга Карнович добилась практически невозможного – стала близкой родственницей Венценосцев, тетей Последнего Императора Николая II.

В своем роскошном дворце в Царском Селе графиня-княгиня принимала князей и графов, принцев и принцесс, послов и министров, самых модных музыкантов и художников. Она не была великосветской куртизанкой, державшей «модный салон». Хотя за ее спиной шушукались, называли «парвеню», «хищницей», но возможностью позавтракать или пообедать с «уважаемой Ольгой Валерьяновной» редко кто пренебрегал.

Ольга Карнович вышла замуж в девятнадцать лет за гвардейского офицера Эрика Пистолькорса (1853–1935) и родила от него троих детей: сына Александра (1885–1943) и дочерей Ольгу (1888–1963) и Марианну (1890–1976).

Брак этот долго считался удачным, а Ольга Пистолькорс входила в число уважаемых «полковых дам». Женщина умная, обаятельная, умевшая располагать к себе, она быстро сблизилась с другими женами гвардейских офицеров и даже стала пользоваться покровительством супруги командира Гвардии Великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и Великой княгини Марии Павловны, урожденной Принцессы Мекленбург-Шверинской (1854–1920).

Последняя и в силу высокого положения мужа (брат Александра III и дядя Николая II), и в силу своего неуемного светского темперамента (она – непременная фигурантка и знаток всех великосветских событий) пользовалась большим влиянием. Мария Павловна (Михень) любила лесть и угодничество, а Ольга

Валерьяновна и тем и другим «мастерством» владела в совершенстве. Она «обаяла» Великокняжескую пару: Владимира Александровича и Марию Павловну.

Дядя Николая II командир Гвардии Великий князь Владимир Александрович имел «наклонность к изящному». Возглавляя с 1880 года Императорскую Академию Художеств, он слыл покровителем искусств. Однако не только мастера ваяния и живописи вызывали его интерес.

Не меньший интерес проявлял он и к «изящному полу». Особенно ему нравились живые и раскованные молодые дамы, к числу коих относилась и Ольга Пистолькорс. У жены гвардейского офицера и всесильного командира Гвардии сложились слишком доверительные отношения, по всем канонам светского этикета совсем недопустимые. Но что стоят нормы, когда возникает «симпатия сердец». Сын Александра II общался с Ольгой «запросто».

Пистолькорс отвечала такой же непринужденностью. Она писала высокопоставленному «другу» письма, которые ни в какой степени не походили на переписку двух людей из совершенно разных социальных миров. Это были послания «близкой подруги», которые не посылались по почте, а передавали лишь с надежной оказией.

В апреле 1898 года «рядовая полковая дама» писала: «Мой дорогой Главнокомандующий! Вы были так добры ко мне заехать, и я, избалованная Вами, смутно надеялась, что Вы повторите Вашу попытку. Но увы! Оттого в жизни и бывают разочарования, что мы надеемся на слишком многое!!! Итак, неужели я вас до моего отъезда не увижу?

Сегодня я исповедуюсь, завтра приобщаюсь, а потому – простите меня грешную, во-первых, во всем, а во-вторых, за то, что попрошу Вас приехать ко мне в четверг, от 3-х до 6-ти, или же в субботу, в то же время. Я прошу заехать оттого, что хочу Вам дать, как всегда, маленькое яичко на Пасху и боюсь, что на праздник Вас не увижу. Всегда всем сердцем Ваша. Ольга Пистолькорс».

Великий князь, обитавший где-то на недосягаемой высоте, рядом с Царем, совершает интимные встречи с замужней дамой, имевшей к тому времени уже троих законнорожденных и одного незаконнорожденного ребенка! Подобного в истории Династии еще не бывало.

Скандальная пикантность ситуации была очевидна, и офицерская жена в одном из посланий специально попросила своего царскородного «друга», «во-первых, умолчать о нашей переписке, а во-вторых, разорвать эти каракули!». Князь не

разорвал. Очевидно, очень дорожил «каракулями». Хотя супруга князя всегда была начеку, но так и не прознала про то, что у Владимира есть дама, принадлежавшая ему «всем сердцем».

Мало того. Великая княгиня Мария Павловна тоже «прониклась симпатией» к госпоже Пистолькорс. Ольга Валерьяновна начала удостаиваться невиданных для большинства других «полковых дам» знаков внимания. Великая княгиня делала ей визиты и в свою очередь приглашала в себе на приемы в роскошный дворец на Дворцовой набережной. Две разнородные дамы так сблизились, что однажды эта близость привела к династическому скандалу.

В начале 1897 года царская чета посетила спектакль в Мариинском театре, а затем, как нередко до того бывало, ужинала в своих апартаментах при театре. Без предупреждения туда вдруг пришли дядя Владимир с тетей Михень в сопровождении нескольких лиц, в том числе и госпожи Пистолькорс.

Николай II и Александра Федоровна были шокированы невиданным нарушением придворного этикета: без приглашения никто не мог войти в Царскую ложу. Но этого оказалось мало. Мария Павловна, которая в своей семье всегда и всем заправляла, пригласила свою свиту к столу. Это было неслыханно. Подобного в истории Династии еще не случалось. Николай II был оскорблен, а Александра Федоровна просто клокотала от негодования. Они покинула застолье тотчас. После инцидента Император написал необычно резкое письмо старшему дяде:

«Моя жена и я считаем это совсем неприличным и надеемся, что такой случай в той или другой Царской ложе больше не повторится! Мне было в особенности обидно то, что вы сделали это без всякого разрешения с Моей стороны. При Папа́ ничего подобного не случилось бы; а ты знаешь, как Я держусь всего, что было при Нем.

Несправедливо пользоваться теперь тем обстоятельством, что Я молод, а также ваш племянник. Не забывай, что Я стал главой семейства и что Я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными или неуместными. Более, чем когда-либо, необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету своего Деда. И тебе бы первому следовало бы Мне в этом помогать».

Александра Федоровна после того случая долго не могла опомниться, при воспоминании о нем у нее начинала болеть голова. Возмутительным было поведения Владимира и Михень, но что еще досаждало, так это лицезрение их «общества».

Приверженная неколебимым, святым устоям брака, Царица всю жизнь не выносила легкомысленного отношения к ним, в особенности со стороны женщины. В числе же «подруг» Михень встречались такие, и первая среди них Пистолькорс. К тому времени уже не для кого в Петербурге не были тайной «сердечные отношения» между ней и младшим сыном Александра II (дядей Николая II) Великим князем Павлом Александровичем (1860–1919).

Павел в 1889 году женился на племяннице Императрицы Марии Федоровны – дочери Греческого Короля Георга I девятнадцатилетней Принцессе Александре, ставшей Великой княгиней Александрой Георгиевной. Ее все с детства звали Аликс, и под этим именем ее знала царская династия.

Аликс и Павел были действительно счастливы, а Александр III (старший брат Павла) особо был расположен к гречанке, так как та обладала особо им чтимыми женскими добродетелями: преданностью православию, добросердечностью, веселым нравом, учтивостью по отношению к старшим и к мужу.

Александра принесла Императорской Фамилии двух новых членов: Марию (1890–1957) и Дмитрия (1891–1942). Роды сына протекали очень тяжело, и на следующий день после появления Дмитрия на свет Аликс умерла, не дожив до двадцати двух лет.

Ее супруг Павел Александрович был безутешен. Александр III и другие братья старались скрасить его горе, относились к нему с особым вниманием. Потерю Аликс ласка родни заменить не могла. Великий князь, ставший вдовцом в 31 год, погрузился в меланхолию. Так продолжалось почти два года, пока он не ощутил, что появилась «женская душа», которая его по-настоящему любит.

Его очаровала жена адъютанта его брата Владимира Ольга Валерьяновна Пистолькорс. Он стал завсегдатаем в доме Пистолькорсов в Петербурге, а летом на их даче в Красном Селе. Там собирался цвет дворянских фамилий из числа офицеров Гвардии.

Бывали здесь и Царские родственники. Первым появился брат Александра III Павел Александрович, затем стали бывать и другие, в том числе и Цесаревич. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 8 июня 1893 года:

«В 7 часов мы с Ники поехали обедать в Красное, к жене конногвардейца Пистолькорс, так называемой Маме Лёле. Там был Павел, мадам Трепова, новый командир конвоя Мейендорф и его жена. С Ольгой Валерьяновной и Ники, и я не раз танцевали зимой; вот она и вздумала нас пригласить. Получив от нее записки с приглашениями, мы было смутились; Ники написал

Павлу, как быть. Павел просил приехать, говоря, что будет очень весело. И действительно, скучно не было. Шампанское снова лилось в изобилии, и мой Цесаревич опять кутнул. Но выпить Он может очень много и остается всегда трезв. Вернулись с ним в лагерь в 12-м часу ночи».

Хозяйка предложила снова собраться. Все с радостью согласились.

Цесаревич Николай питал симпатию к хозяйке этого салона, называемой в гвардейской среде «Мамой Лёлей». Но второй раз приехать не смог. Надо было отправляться в Англию на свадьбу кузена герцога Йоркского. Радушной хозяйке написал: «Милая Мама Лёля! Очень прошу простить Меня, но ввиду более раннего Моего отъезда в Англию Я не буду иметь удовольствия завтракать у вас в городе, как было условлено раньше. Я тем более сожалею, что завтрак у вас мог бы служить продолжением того прекрасного вечера 8-го июня, который так весело прошел у вас в Красном».

«Мама Лёля» была очаровательной хозяйкой. Она умела для каждого найти нужное слово, не оставляла без внимания никого. Пела арии из опер, неплохо играла на фортепьяно, была в курсе последних литературных новинок.

Ее чары пленили Великого князя Павла. В свете же были уверены, что оборотистая дамочка просто «окрутила» высокородного вдовца. «Маму Лёлю» это нисколько не смущало. Она любила и хотела завоевать сердце мужчины. Это было самое важное.

В августе 1893 года отправила Павлу Александровичу поэтическое послание, наполненное страстными признаниями.

Я не могу забыть то чудное мгновенье!
Теперь ты для меня и радость и покой!
В тебе мои мечты, надежды, вдохновенье,
Отныне жизнь моя наполнена тобой.
В тебе еще, мой друг, сильно воспоминание,
Ты прошлое свое не можешь позабыть,
Но на устах твоих горит уже признанье,
И сердцу твоему вновь хочется любить!
И я **люблю** тебя! Я так тебя согрею!
В объятиях моих ты снова оживешь.
Ты сжалишься тогда над нежностью моею
И больше, может быть, меня не оттолкнешь!

Сын Александра II трепетал, как юнец, но долго колебался. Он поклялся на могиле Аликс, что никогда не свяжет себя с другой женщиной. Но прошло время, и новые чувства в душе

начали зарождаться. Его тянуло к Ольге, она становилась для него близкой и дорогой. Была так участлива, так внимательна, окружила таким теплом и заботой, что невозможно было тем пренебречь. В ее объятиях он действительно «ожил».

Однако Ольга Валерьяновна была замужем. Ее супруг гвардейский офицер, и долг чести не позволял вступать в связь с женой гвардейского товарища. Хотя Лёля уверяла, что у них с Эриком «все кончено», что они фактически перестали быть супругами, но Павел Александрович долго колебался. Лишь когда многократно сам убедился, что Пистолькорс по отношению к ней держится вполне индифферентно, лишь только тогда позволил произнести признание, «горевшее на устах».

Они стали любовниками. В декабре 1896 года Ольга Пистолькорс родила от Великого князя сына, которого назвали Владимиром (1895–1918). У Николая II появился первый незаконнорожденный двоюродный брат…

Со временем Царский «дядя Павел» и замужняя Лёля, презрев светские условности, стали появляться вместе на людях. На приемах и балах она появлялась в сногсшибательных драгоценностях, и знатоки узнали некоторые из особо вызывающих: это были украшения императрицы Марии Александровны, которые после ее смерти в 1880 году унаследовал ее младший сын Павел.

Все это служило темой бесконечных пересудов, но внешне не вызывало нареканий, так как «романтические отношения» сами по себе были в порядке вещей; надо было лишь только блюсти матримониальные каноны.

Положение изменилось тогда, когда влюбленные решили узаконить свои отношения. Павел добился от Племянника-Царя разрешения на развод для Пистолькорс, пообещав, что никогда не позволит себе «пойти дальше полагающегося». Осенью 1901 года «Мама Лёля» стала свободной, а через год в Италии сын Царя тайно обвенчался с разведенной матерью троих детей.

Разразился скандал. Больше всех возмущался Николай II. Он поверил дяде, пошел тому навстречу, а тот обманул его, бросил вызов традиции и закону. 20 октября 1902 года Царь писал из Ливадии матери – Императрице Марии Федоровне о событии, которое его «нравственно расстроило»:

«Я узнал об этом от Плеве[68] из Петербурга, а ему сообщила мать мадам Пистолькорс. Несмотря на источник такого известия, Я желал проверить его и телеграфировал дяде Павлу. На другой день Я получил от него ответ, что свадьба свершилась в начале сентября в греческой церкви Ливорно и что он пишет мне. Через десять дней это письмо пришло. Вероятно, как и в письмах к тебе,

он нового ничего не сообщает, а только повторяет свои доводы…

В день отъезда своего за границу дядя Павел приказал ему дать в вагон 3 миллиона рублей из своей конторы, что и было исполнено. Из этого вполне видно, что дядя Павел заранее решил провести свое желание в исполнение и все приготовил, чтобы остаться надолго за границей. Еще весною я имел с ним крупный разговор, кончившийся тем, что его предупредил о всех последствиях, которые его ожидают, если он жениться. К всеобщему огорчению, ничего не помогло…Как это все больно и тяжело и как совестно перед всем светом за наше семейство!»

Вскоре последовало Царское наказание: Павел Александрович был лишен офицерских званий, отчислен со службы, ему был воспрещен въезд в Россию, а над его двумя детьми была учреждена опека во главе с самим Царем.

Более десяти лет Павел со своей морганатической женой жили за границей. Под Парижем, в местечке Boulogne-sur-Seine, они купили поместье, где и вели светскую жизнь богатых рантье, ожидая Царского прощения. Трудно сказать, сколько бы продолжалось это ожидание, если бы в феврале 1905 года не случилось печальное событие. Бомбой террориста 4 февраля был убит брат Павла Великий князь Сергей Александрович. Великокняжескому изгою было разрешено прибыть на похороны.

После погребения он встретился со своим Племянником-Царем и услышал от того, что он «больше на него не сердиться».

Великий князь и его новотитулованная супруга (к этому времени она получила в Германии титул графини Гогенфельзен) ликовали, надеясь теперь вернуться в Россию. Павел решил, что опала миновала, и даже обратился к Царю с просьбой «узаконить брак», чтобы «положение его детей не было фальшивым». К этому времени помимо сына Владимира у них родилась дочь Ирина (1903–1990). В ноябре 1905 года появилась дочь Наталья (1905–1981).

Однако вскоре после похорон Великого князя Сергея в Париж пришло известие, что Павлу запрещено вместе с женой появляться на публике. Объясняя мотивы своего решения, Император писал Павлу Александровичу: «Во всяком случае, за Мною остается право решения вопроса о времени, когда тебе разрешено будет приехать сюда с женою. Ты должен терпеливо ожидать, не забегая вперед. Позволив тебе приезжать в Россию от времени к времени, Я желал этим дать утешение твоим детям видеться с тобою. Они потеряли в дяде Сергее, в сущности, второго отца. Не забудь, что ты покинул их для личного своего счастья».

Великий князь воспринял это как оскорбление и отказался

появляться в России без жены. Он просил своих братьев Владимира и Алексея оказать содействие и добиться от Царя угодного решения – признать брак. Царь оставался непреклонным. Своему дяде Великому князю Алексею Александровичу разъяснил мотивы своего отказа:

«Я смотрю на этот брак, как на поступок человека, который желал показать всем, что любимая им женщина – есть его жена, а не любовница. Желая дать новое имя сыну ее Пистолькорсу, он этим самым поднимает восьмилетнее прошлое, что в особенности неудобно по отношению к его детям от покойной Аликс. Они в таком возрасте, что скоро могут понять, какого рода отношения существовали между их отцом и его женою. Не думаю, чтобы это способствовало сближению их с ним.

Репутация жены, восстановленная законным браком, опять поколеблется, благодаря подчеркиванию прошедшего. Наконец, совершенно естественно ребенку оставаться при матери и продолжать носить фамилию первого мужа. Вот те причины, которые заставляют Меня не соглашаться на просьбу дяди Павла».

Шли годы, а в настроении Монарха ничего не менялось. В 1908 году возникла щекотливая ситуация. Дочь Павла Великая княжна Мария в апреле того года выходила замуж за сына Шведского Короля Густава V Карла-Вильгельма-Людвига, герцога Зюдерманландского. Первоначально отец категорически отказался появляться на свадьбе без жены, но затем все-таки приехал и был лишь на акте венчания. Большинство остальных праздничных церемоний он проигнорировал[69].

Лишь через десять лет после брака Павлу было разрешено вернуться в России. Он был восстановлен на службе. Ему были возвращены звания. В 1914 году Павел и Ольга Валерьяновна построили в Царском Селе огромный дворец, обставленный изысканной мебелью в стиле Людовика XV, украшенный дорогими французскими гобеленами и картинами. Хозяйка стала здесь устраивать светские приемы.

Однако полного удовлетворения «у мадам» все-таки не было. Она хотела заиметь княжеский титул, стать «светлостью» и превратиться в полноправного члена Императорской Фамилии, войти в круг избранных, окружавших императора. Неуемное честолюбие не давало Ольге Валерьяновне покоя. Она жаждала добиться приема во дворце, что означало окончательное признание.

Однако Императрица Александра Федоровна не желала видеть новоявленную родственницу, считая ее одной из главных возмутительниц спокойствия в среде Романовых, женщиной, «окрутившей бедного Павла».

Для графини отказ от аудиенции был настоящей драмой. Она была безутешна. Что же делать? Как вымолить признание? Однако неожиданно удача оказалась совсем рядом! Сестра графини Любовь Валерьяновна Головина (1853–1938) и ее дочь Мария Евгеньевна (Муня, 1887–1972) являлись преданными поклонницами старца Григория Распутина, принадлежали к числу самых близких ему людей. Они-то и предложили Лёле свести ее с этим человеком, для которого «открыты душа Царя и Царицы» и который «может совершать невозможное».

За исключением Венценосцев, среди Романовых сторонников у Распутина не было, и графиня Гогенфельзен, пойдя на эту встречу, рисковала своей репутацией. Но другого выхода Ольга Валерьяновна не видела. Ее любимым девизом было: «Женщины возражений и поражений не признают!» Это то «жизненное кредо», которым руководствовалась всю жизнь.

Графиня была человеком решительным и не боялась сплетен: за свою жизнь она к ним привыкла. В конце января 1914 года состоялась знаменательная встреча, которую она описала в дневнике:

«Утром пришел Беби (сын Александр. – *А.Б.*) и мы должны были идти гулять, но по телефону Муни должны были сейчас пойти к Григорию Ефимовичу. Впечатление странное, но чарующее. Он меня целовал, прижимал к сердцу, «тяжко полюбил» и обещал, что все сделает «у Мамы» (Императрицы), хотя «она строптивая».

Графиня воспрянула духом, но вскоре «чарующее впечатление» было омрачено «дурной и тяжелой сценой», или, проще говоря, скандалом, который ей устроил Великий князь Павел Александрович, узнав об этом знакомстве. Он наотрез отказался встречаться с Григорием, о чем тот просил, «чтобы все окончательно устроить».

Однако сестра Люба и ее дочь Муня продолжали уверять: «отец Григорий» обязательно поможет, тем более что к графине у него возникла большая симпатия. Невзирая на возражения мужа, она втайне от него через несколько дней после первой встречи опять виделась с Распутиным. Произошло это накануне его поездки в Царское Село, где он обещал «просить там за нее».

На следующий день после долгожданного визита, 3 февраля 1914 года, в девять часов утра – небывало раннее время для аристократки, она примчалась к Распутину, чтобы узнать подробности. Известия были обескураживающими: «Он с грустным и ласковым видом мне сообщил, что ничего не добился! В глазах Императрицы я все та же интриганка, желающая играть роль и одурачивающая даже его, Григория Ефимовича! Он

говорил с 8 до 12 часов и что слова его и Ани (Вырубовой. – *А.Б.*) сильно продвинули дело».

Хотя надежда оставалась, но она куда-то отодвигалась. Пока же, по существу, ничего не менялось. Еще через неделю она увиделась с Распутиным в доме своей сестры, и эта встреча вообще произвела на нее гнетущее впечатление. «Григорий Ефимович заперся со мною в Любимой спальне, и я ничего не понимаю. Говорил, что любит меня так, что ни о чем другом думать не может, целовал меня, обнимал, и мой глаз не мог не заметить его волнение. Взял у меня по секрету 200 рублей! Господи, что это за люди!»

Потрясение графини можно понять. Какой-то мужик ее обнимает, целует, объясняется в любви, а затем берет деньги! Господи, неужели все эти унижения не будут вознаграждены?

Вскоре она вместе с мужем отправилась на два месяца в Париж, где отдыхала от переживаний на родине. Когда в мае они вернулись в Петербург, мечты графини стали осуществляться. Однако определяющую роль Распутин не сыграл. За Павла и его жену просили их родственники и некоторые влиятельные сановники, в числе которых были Великие князья Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович и министр юстиции И.Г. Щегловитов (1861–1918).

Первой ее приняла Вдовствующая Императрица, а затем, 5 июня 1914 года, – Александра Федоровна, которая, по наблюдению графини, «сначала волновалась и дышала тяжело, потом оправилась и мы говорили обо всем».

После этого интерес графини к «отцу-утешителю» сильно поубавился, и, проведя с ним вечер у сестры, она записала: «Ничего он из себя не представляет». И хотя время от времени она продолжала встречаться с Григорием, но уже ни о каком «чарующем впечатлении» речи больше не было.

В 1915 году Ольга Валерьяновна получила титул княгини Палей. Двадцатилетняя борьба не прошла даром. К своим пятидесяти годам она добилась того, о чем так давно и так страстно желала. Однако долго наслаждаться своим полным счастьем ей не пришлось.

После крушения Монархии в 1917 году началась полоса жестоких испытаний. Арестовали мужа, а затем сына Владимира. После прихода осенью 1917 года к власти большевиков, к ней только черные вести и поступали. Летом 1918 года в Алапаевске, на Урале, расстреляли сына.

Муж томился в Петропавловской крепости. Княгиня старалась сделать все для его спасения. Она оставалась в Петербурге (с сентября 1914 года переименованном в Петроград)

в самые жестокие недели красного террора. Она надеялась на чудо, на спасение своего дорогого Павла. Девочек переправила в Финляндию, а сама решила не покидать столицу и каждый день часами смотрела на мрачные стены крепости, пытаясь представить, как там ее любимый. Она передавала посылки, записки, но так и не была уверена, получил ли Павел хоть что-нибудь.

Сердце разрывалось от горя. У него язва желудка, он последние годы мучился геморроем и сколько месяцев томится в темнице, лишенный ухода и надлежащего питания! Княгиня давно лишилась своего великолепного дворца, реквизированного «именем народа», и скиталась по знакомым, ночевала и просто у случайных людей.

Она готова была все вынести, все выдержать, лишь бы спасти Павла. Но ничего не получалось. Женская преданность и любовь не могли унять общественной стихии.

В январе 1919 года она узнала страшное: Павла расстреляли. Лишь тогда с большим трудом удалось через болота и леса пробраться в Финляндию и там увидеть своих дочерей.

Придя немного в себя, написала письма княжне Марии Васильчиковой (1859–1934), где рассказала о своих мытарствах:

«6 сентября 1919. Финляндия. Дорогая и добрая Мария Александровна! Я благодарю Вас от всего моего разбитого сердца за вашу сердечную и теплую симпатию! Никакие слова, ничто на свете не может облегчить мою двойную, страшную, душераздирающую печать!

Вы знаете, что всю мою жизнь – в течение 26 лет – я просто обожала Великого Князя со всей женской нежностью; в том же, что касается нашего мальчика, это была наша радость, наша гордость; такой он был хороший, способный и добрый!

Во всей этой жуткой печали для меня лишь один луч утешения, что мой любимый Великий Князь не знал о страданиях мальчика. Я же покинула Петроград 10 января, после отвратительного и подлого убийства четырех Великих Князей. Меня больше ничего там не удерживало, а обе малышки уже с мучительным беспокойством ждали нас в Финляндии.

Я приехала одна и сообщила им, как только могла мягко, страшную правду, а еще через несколько дней (пройдя через ужасную процедуру) я узнала о смерти моего любимого ребенка, моего Володи, который погиб вместе с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, Сергеем Михайловичем, Константином и Игорем Константиновичами, с которыми разделил участь в Алапаевске, на Урале. Многие утверждают, что Константин Константинович и мой сын могли спастись! Я в это не верю,

потому что вот уже 14 месяцев я не имею от него никаких новостей, а страшное письмо английского генерала Кноу содержат все детали ужасных страданий.

Елизавета Федоровна была первой живой брошена в угольную шахту, куда их привели и куда они явились с пением гимнов! Великий князь Сергей Михайлович сопротивлялся и был убит, а потом сброшен, «все другие были сброшены туда живыми, а после каждой жертвы туда кидали камни и бревна.

Ну, как Вы думаете, могу ли я, при таких двух жертвах спокойно прожить хотя бы день или час. И тем не менее я должна жить ради двух девочек, которых Великий князь обожал больше всех на свете! Ирина похожа на него или даже больше на Императрицу Марию Александровну, как две капли воды, а Наталья больше похожа на моих двух старших девочек.

Вы спрашиваете у меня, дорогая, где находится могила Великого Князя! Увы! Именно из-за этого я нахожусь в двух шагах от границы. Они все четверо были расстреляны в Петропавловской крепости (вместе с 10 или 12 злоумышленниками, казненными в то же время) во рву, и сверх навалили дрова! Вот уже 8 месяцев я жду освобождения Петрограда от палачей, которые его угнетают, чтобы явиться туда и похоронить тело моего любимого по-христиански.

Я уже потеряла всякую надежду, и потому я одновременно попросила швейцарскую визу, чтобы увести туда малышек. Их здоровье очень пошатнулось, их нервы в ужасном состоянии. Они обожали Папу и брата! Я их устрою в пансион, так как они почти не учились последние два года. Если Петроград будет однажды освобожден, я одна взойду на эту Голгофу. Эксгумация, захоронение, приход в наш чудесный дом в Царском (мое сердце сильно бьется при одной мысли об этом). А если бы была возможность, то привести с Урала тело моего мальчика, объединить их в общей могиле и приготовить себе самой место между ними!

Прибавлю к этому, что у нас все украдено. Наш дом в Царском «национализирован»: 1-й этаж стал музеем, остальное разграблено, украдено. Всё, что мне удалось спасти в августе 1918 года, когда Великий Князь находился в тюрьме, я определила в австрийское посольство: по крайней мере 12 миллионов франков. Но когда произошла их революция, австрийские коммунары всё увезли и всё украли. Я очень жалею главным образом о 600 письмах Великого Князя, написанных в течение 25 лет!

Пожалейте меня, дорогая Мария Александровна. Обнимаю вас от всего моего сердца. Ваша преданная Ольга Палей».

Княгине не суждено было дождаться второго возвращения в Россию. В ноябре 1929 года она скончалась в Париже и была похоронена на кладбище de Colombe.

Глава 35. Загадочная чета

Это была удивительная пара. Он – высокий, стройный, замкнутый, с несколько надменным выражением лица. Она – изящная, живая, добросердечная, с душой открытой людям и миру.

Он – сын Русского Императора Александра II Великий князь Сергей Александрович, получивший свое имя в честь святого Сергия Радонежского; она – Принцесса Елизавета, внучка Английской Королевы Виктории, дочь Принцессы Алисы от ее брака с Гессен-Дармштадтским владетельным герцогом Людвигом IV. Свое имя получила в память Елизаветы Тюрингенской, основательницы Гессенского Рода и причисленной к лику святых Католической церковью еще в XIII веке.

Они стали мужем и женой 3 июня 1884 года. Брачная церемония в Санкт-Петербурге носила пышный и торжественный характер. Шпалеры войск на улицах, кортежи золоченых придворных карет, звон колоколов, приемы, балы, блеск драгоценностей, аксельбантов, эполет, орденов. Женился брат Императора Александра III.

Событие надолго привлекло внимание высшего общества России. Живой интерес проявили и за границей, и на свадьбу прибыли представители нескольких Королевских Домов Европы. Гессенская Принцесса получила в России имя Елизавета Федоровна и стала полноправным членом Императорской Фамилии.

Он увидел ее впервые в далеком детстве, когда ей еще не исполнилось и года. Это случилось в 1865 году в милом, старинном, уютном прирейнском городке Дармштадте, откуда родом была мать князя Сергея, жена Александра II, русская Императрица Мария Александровна.

Людвиг IV Гессенский (владетельный герцог в 1877–1892 годах) приходился Русской Царице племянником. Он был отцом пятерых дочерей, из которых младшая, Мария, умерла в раннем детстве. Старшая, Виктория, стала женой Принца Людвига (Луи) Баттенбергского (его брат Генри был мужем младшей дочери Королевы Виктории Принцессы Беатрисы), впоследствии лорда Маунбэттена, лорда Мильфорд-Хэвена; дочь Ирэна вышла замуж за Германского Принца Генриха, брата Кайзера Вильгельма II. Две другие дочери, Елизавета и Алиса, нашли своих суженых в России.

Принцесса Елизавета, или, как ее с детства называли в семейном кругу, Элла, с ранних пор питала большую симпатию к

Великому князю Сергею, что не составляло секрета для окружающих. Потеряв мать в четырнадцать лет, она нашла утешение в доме у своей бабушки Королевы Виктории. С ней, со своей «дорогой бабуленькой», она всегда сохраняла доверительные, откровенные отношения и была безутешна, узнав о ее кончине.

Принцессе Елизавете самой надлежало решать вопрос о замужестве, и никто из родственников ей своей воли не навязывал. Она начала выезжать в свет в шестнадцать лет, в 1880 году, и ее красота и обаяние покорили немало молодых людей. Ей делали предложения.

Претендентом на руку Гессенской чаровницы был ее кузен, Германский Принц Вильгельм (будущий Император Вильгельм II), тогда еще студент Боннского университета. Тонкой и добросердечной натуре Эллы претила грубая вульгарность этого человека, его назойливое хвастовство и невероятное самомнение. Она отвергла его раз и навсегда.

И Вильгельм (Вилли) ей этого не простил. Его мужское самолюбие было жестоко уязвлено и когда узнал, что Елизавета согласилась стать женой русского Ввеликого князя, то страшно негодовал. Сергея Александровича он возненавидел на всю жизнь и был одним из инспираторов грязных слухов, порочивших репутацию князя[70].

Елизавета с ранних лет любила Сергея и была счастлива, когда он сделал предложение. Эта партия не вызывала особого расположения у Королевы Виктории, однако отец разделял симпатии дочери. В декабре 1883 года Людвиг IV Гессенский писал Императору Александру III:

«Ты уже узнал от Сергея, что он хочет забрать у меня мою дочь Эллу… Я не колеблясь дал свое согласие, потому что знаю Сергея с детства, вижу его хорошие и приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой… Серж, конечно, не делает блестящей партии, но он берет в жену умную и образованную женщину, которая сделает все возможное, чтобы его семейная жизнь стала приятной и счастливой».

Путь к алтарю для Великого князя Сергея был куда более извилист и труден. Ему пришлось преодолеть многое в себе, чтобы принять окончательное решение. Он долго не думал о семейной жизни серьезно.

Детство и юность у пятого сына царя Александра II не были простыми и легкими. Он рос в атмосфере строгости и контроля, а каждый свой шаг обязан был согласовывать с отцом или матерью, на все получать их соизволение. Он почитал отца Императора Александра II, безмерно любил мать Императрицу Марию

Александровну. Но «дорогой Папа́» был почти всегда занят своими многотрудными делами по управлению огромной Империей, а «дорогая Мама́» – представительскими обязанностями.

Последние годы жизни она почти непрестанно болела, и сын мог видеть ее лишь урывками. Он находился почти всегда в окружении чужих людей и хотя имел четверых братьев и сестру, но жизнь сложилась так, что близкие отношения установились лишь с братом Павлом, который был на три года младше, и кузеном Великим князем Константином Константиновичем. Одиночество, которое часто ощущал князь Сергей с юности, скрашивали книги.

Великий князь получил блестящее образование, великолепно владел английским, немецким и французским языками, позднее начал изучать итальянский, чтобы читать в оригинале любимого им Данте. Испытывал большой интерес к отечественной и мировой истории, к европейской и русской литературе. Был музыкально и художественно образован. С детских лет увлекался живописью и хотя сам в живописном мастерстве высот особых не достиг, но знания имел обширные, в совершенстве разбирался в итальянском изобразительном искусстве, где его особенно привлекала флорентийская школа.

Князь Сергей всю жизнь оставался глубоко верующим человеком и никогда не сомневался, что «на все воля Божья». Религиозные настроения чрезвычайно усилились после смерти матери (22 мая 1880 года) и убийства отца (1 марта 1881 года). В апреле того несчастного года в одном из писем восклицал: «Господи, помоги и мне, научи меня любить Тебя всею душою моею, всем сердцем моим и всем помыслом моим».

В мае того же года он уехал в Иерусалим, чтобы там, молитвой у Гроба Господня, подкрепить свои душевные силы. Когда вернулся в Петербург, то в его жизни многое изменилось, но сам он изменился мало. Его, как и раньше, тянуло к тишине и уединению, но в силу своего рождения и общественного положения он был лишен выбирать угодный себе образ жизни. Ненавидя высший свет всей душой, понимая всю его фальшь и пустоту, Сергей не мог самоустраниться от требований придворного этикета и Династических обязанностей.

Балы, вечера, семейные обеды, торжественные выходы, военные парады, праздничные церковные службы – и везде надо было присутствовать, везде надлежало «показывать себя». Сотни внимательных глаз пристально и заинтересованно следили за каждым шагом, жестом, словом. В лицо заискивали и льстили, а за глаза сплетничали и критиковали.

Сергей Александрович все это знал, но не придавал тому большого значения и часто откровенно демонстрировал пренебрежение к мнению «светской черни». Придворные круги, законодатели и завсегдатаи влиятельных петербургских салонов не могли этого понять и принять. Пренебрежение к себе высший свет никому не прощал и платил отступнику жестокой клеветой. Это было испытанное оружие мести, и давно было известно, как написал классик, что «злые языки – страшнее пистолета». Сын Императора Александра II ощутил это в полной мере.

В начале 80-х годов появились слухи о неподобающем поведении Великого князя Сергея. Говорили, что он ведет разгульный образ жизни, что он пьянствует и развратничает. Никто не приводил никаких конкретных примеров, никто не ссылался на собственные наблюдения, но, повторенные многократно, первоначальные неясные утверждения становились как бы общепринятыми. Постепенно у некоторых сложилось мнение о порочности князя, о его противоестественных сексуальных наклонностях, хотя никаких «громких историй» с его именем связано не было.

Зная, что Великий князь – человек истинной православной веры, верный слуга своему Государю и России, невозможно вообразить, чтобы он вообще мог подобным пренебречь во имя скандальных сиюминутных сексуальных услад. Однако, вне зависимости от пресловутой «ориентации», какая-то тайна в его сексуальной жизни несомненно существовала.

Он несколько лет мучительно переживал неизбежность брака и хотя знал и питал большое расположение к Елизавете Гессенской, но долго не мог сделать решительный шаг. В ноябре 1882 года писал своему другу-конфиденту Константину Константиновичу: «В Дармштадте провели мы два дня самым симпатичным образом. Дядя и его семья были очень милы и добры… Хотя здесь уже все меня женили, но, пожалуйста, не верь этому».

Ему было трудно принять решение, хотя Гессенская Принцесса вызывала симпатию. Не хотел или не мог стать полноценным супругом? Причины этого «затруднения» остались неясными. Почти же все близкие родственники безусловно были на стороне этой партии.

Еще когда-то его мать мечтала видеть своего любимого сына женатым на Гессенской Принцессе; эту партию очень поддерживал брат, Император Александр III. Сестра же Сергея Мария, в замужестве герцогиня Эдинбургская, просто обожала Эллу. В октябре 1882 года в письме к Русскому Царю Мария Александровна без обиняков заявила, что Сергей «будет просто

дурак, коли не женится на ней. Красивее и милее Принцессы он никогда не найдет».

В ранней юности князь Сергей испытывал большую привязанность к своей кузине Великой княжне Ольге Константиновне, которая была на шесть лет старше. Жизнь рано развела их. Ольга в 1867 году, в шестнадцатилетнем возрасте, вышла замуж за Греческого Короля Георга I и покинула Россию. Хотя теплые дружеские отношения она с Сергеем сохранила, навсегда оставшись его доверенным человеком, но виделись теперь крайне редко. Королева Эллинов была очень рада, узнав о предполагаемой женитьбе двоюродного брата и безусловно одобрила его выбор.

Понадобился целый год сомнений и колебаний, чтобы Великий князь сделал официальное предложение, которое было с радостью принято. Помолвка состоялась 6 ноября 1883 года в Дармштадте. Увидевший его через три недели после того Константин Константинович записал в дневнике: «Он счастлив. Мне кажется его счастье отзывается в моем сердце – я тоже научусь быть счастливым благодаря ему».

После помолвки жених писал брату Императору Александру III: «Я счастлив и доволен. Мне кажется иногда, что я этого не достоин. Ты меня поймешь, что моя первая мысль, моя первая молитва была обращена к Мама́, прося Ее и Папа́ меня благословить в такую важную минуту моей жизни».

Великий князь просил у Монарха соизволения не оглашать о помолвке до февраля и назначить свадьбу на лето следующего года. Эти просьбы были уважены.

Грядущая свадьба серьезно повлияла на Сергея Александровича. Он стал более спокойным, уравновешенным. В письме брату Павлу, сообщая о предстоящем событии, меланхолически заметил: «Все к лучшему в лучшем из миров».

Великий князь продолжать выполнять свои служебные обязанности (в это время был командиром батальона Преображенского полка – самого престижного подразделения Императорской гвардии), но главное внимание уделял предстоящей свадьбе.

Как неженатый сын Императора, он жил в главной Императорской резиденции – помпезном и неуютном Зимнем Дворце. Теперь же надлежало обзавестись собственным домом. Весной 1884 года Сергей Александрович покупает в самом центре Петербурга, на берегу реки Фонтанки, рядом с Аничковом Дворцом, где проживал Александр III с семьей, роскошный дворец, куда и привез после свадьбы свою молодую жену[71].

Между ноябрем 1883 года и маем 1884 года он уже в качестве

жениха несколько раз посещал Дармштадт для обсуждения деталей предстоящего события, а в феврале привез дорогие подарки невесте. Гессенская Принцесса получила изумительную сапфировую брошку, подвеску из громадного сапфира кабошон, брошку и серьги бриллиантовые, жемчужное ожерелье, кольцо с сапфиром кабошон и от Императора – высший орден Святой Екатерины, предназначенный для женщин Царствующего Дома.

Брату Павлу Сергей сообщал: «Элла, если можно, еще красивее. Мы с ней много сидим вместе; по утрам она в моей комнате, и я ее немного учу по-русски, что очень забавно, даже заставляю писать. Между прочим, учу ее словам «Боже, Царя храни». Мы уже гуляем одни по всему Дармштадту».

Сопровождать Эллу на свадьбу выехали все Гессенские родственники. 27 мая 1884 года они прибыли в предместье Петербурга Петергоф, где были встречены Александром III и членами Императорской Фамилии. Тогда же Принцесс впервые увидел Наследник Престола Цесаревич Николай, которому вначале особенно понравилась Элла и лишь чуть позже его симпатии целиком были отданы Алисе.

Через несколько дней он будет присутствовать на свадьбе в качестве шафера у дяди Сергея. Женитьба Сергея и Эллы непосредственно повлияла на судьбу Последнего Царя. Именно в ту неделю, конца мая – начала июня 1884 года, Николай и Алиса Гессенская не только увидели друг друга; у них зародилось сильно взаимное чувство.

Вскоре после шумных и утомительных свадебных торжеств Сергей увез молодую жену в свое имение Ильинское, расположенное в центре России, недалеко от Москвы. Здесь в большом старом барском доме, построенном среди огромных живописных сосен, они провели, наверное, лучшие часы своей жизни.

Элла впервые увидела русскую природу, необозримые просторы, величественные леса, неповторимые тишину и покой. Молодую Принцессу утомили столичные празднества; ей были в диковинку роскошь и почет, окружавшие жизнь коронованных особ и их приближенных в России. Ничего подобного она, выросшая в простой обстановке лютеранской семьи, раньше не видела. В России же все было ново, необычно, грандиозно. Лишь оказавшись в Ильинском, она могла перевести дыхание, могла позволить себе расслабиться.

Князь Сергей тоже невероятно устал от нескончаемых торжественных церемоний. Своему кузену Константину Константиновичу писал 20 июня: «Здесь так хорошо, что трудно описать, а главное, быть с дорогой женой далеко от всех

отвратительных дрязг придворной жизни».

Настроения мужа разделяла и жена, которая удивительно естественно себя вела и на парадном обеде в кругу титулованных особ, и среди непритязательных деревенских жителей на сельских праздниках. Душе ее была ближе загородная уединенность, что радовало Сергея. «Ужасно я рад, что жена, так же как и я, любит деревню и нисколько не тяготится; наоборот, она с грустью размышляет о той минуте, когда придется покинуть Ильинское», – сообщал Александру III. Это место навсегда останется им дорогим и близким.

В Ильинском Элла начала постигать тайны русского языка, здесь она впервые ощутила прелесть русской природы, литературы и музыки. Брату Эрнсту писала: «Я изучаю русский язык, и каждый день беру уроки по полтора часа. Это очень интересно, так как я начинаю понимать немного слов уже, когда говорят другие; комнаты здесь уютные, но замечательно красивы балконы… Сергей и я долго гуляли по полям и собрали много цветов, главным образом васильков… Сергей нашел спрятанное под травой гнездо с четырьмя хорошенькими маленькими птичками. Там повсюду очень много клубники…»

В Ильинском они никогда надолго не расставались. Создали здесь домашний театр, где ставились нехитрые французские пьесы и водевили, в которых были заняты и сами хозяева, их гости и приближенные. Вечерами или читали (Сергей ей читал некоторые вещи русских писателей), или музицировали. Играли в четыре руки, иногда, когда присутствовали другие, играли и в восемь рук. Чарующие звуки музыки Бетховена, Моцарта, Шуберта, Мендельсона чуть ли не каждый вечер разносились по окрестностям.

В Ильинском Великий князь Константин Константинович в 1884 году написал проникновенное стихотворение, посвященное Елизавете Федоровне:

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!..

Великий князь Константин Константинович, наперсник и конфидент Сергея, провел в Ильинском в тот год несколько недель. Он восхищался Эллой и трогательными семейными отношениями хозяев. Интимный дневник князя Константина сохранил впечатления той давней поры:

«Мне Элла очень и очень нравится. Она так женственна, я не

налюбуюсь ее красотой. Глаза ее удивительно красиво очерчены и глядят так спокойно и мягко. В ней, несмотря на всю ее кротость и застенчивость, чувствуется некоторая самоуверенность, сознание своей силы».

В один из дней Сергей признался другу-кузену, что он бесконечно рад своему браку, безмерно любит жену и постоянно «благодарит Бога за свое счастье». К.Р. радовался за Сергея, прекрасно помня, что еще год назад ему совсем не хотелось жениться…

Счастлива была и Элла. Через три года в письме из Ильинского Королеве Виктории написала: «Все, что я могу всегда повторить, это то, что я вполне счастлива. Но, несмотря на это, в моем новом доме и жизни я никогда не забуду моего старого дома и всех тех, кто так дорог мне».

Елизавету Федоровну многие любили. Обладая живым умом и общительным характером, она была удивительно деликатна, умела располагать к себе людей. В отличие от мужа не была склонна демонстрировать пренебрежение к нормам высшего света, исполняя свою роль на людях всегда с большой тщательностью и достоинством.

Но не только ее душевные качества и манеры нравились. Она была по-настоящему красива. Ее племянница, Великая княгиня Мария Павловна, выросшая под опекой Елизаветы Федоровны, вспоминала: «Тетя Элла была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречала в моей жизни. Она была высокой, тонкой, со светлыми волосами, с чертами лица исключительной красоты и изящества. Ее глаза были серо-голубого цвета».

Сергей Александрович был единственным мужчиной, кого Элла любила в своей жизни. Трепетное и нежное воспоминание сохраняла о нем до последнего дня. «Мой дорогой Сергей», «любимый Серж» – иначе его не называла. Была ли это любовь женщины, познавшей мужчину, или это чувство вызвалось исключительно более возвышенными побуждениями и ощущениями? Трудно об этом судить, так невозможно многое установить достоверно. Эту тайну они унесли с собой.

«В их отношениях была какая-то сдержанная нежность, основанная на готовности тети согласиться с любым решение мужа по всем вопросам, большим или малым. Оба гордые и застенчивые, они редко показывали свои истинные чувства и никогда не искали чужого доверия», – вспоминала Мария Павловна.

В свою очередь Великий князь Константин Константинович, гостившей вместе с женой в Ильинском в сентябре 1884 года, записал в дневнике: «Жена проводит большую часть дня с Эллой,

с которой она сошлась. Мне Элла тоже очень нравится. Она так женственна, я не налюбуюсь ее красотой. Глаза ее удивительно красиво очерчены и глядят так спокойно и мягко. В ней, несмотря на всю ее кротость и застенчивость, чувствуется некоторая самоуверенность, сознание своей силы. Мы начинаем, кажется, с ней сближаться, она теперь менее со мной стесняется. Не могу сказать, чтобы Сергей очень много сидел с ней, но у них прелестные отношения».

Они делили общую постель, были на людях всегда нежны и предупредительны между собой. Но этот брак был окутан плотной пеленой слухов. Говорили, что Сергей и Элла стали мужем и женой лишь номинально, лишь для того, чтобы «прикрыть грехи» Сергея и поддержать престиж Династии. Накануне и после церковной канонизации Елизаветы Федоровны тезис о ее непорочности получил большое распространение, хотя базируется на весьма сомнительных слухах. Невозможно вообразить, чтобы их брак стал результатом столь циничной сделки, в которой должны были быть замешаны и Император Александр III, человек честный и открытый, и многие другие из числа родственников и в России, и за границей.

У них не могло быть потомства, и о том знал Царь. В апреле 1892 года Александр III в письме жене, говоря о своих радостных отцовских чувствах, с грустью заметил: «Бедный Сергей и Элла, часто о них думаю; на всю жизнь лишены они этого великого утешения в жизни и великого благословения Господня».

Да, они были этого лишены. Однако совершенно необязательно связывать этот факт с какой-то неестественной «ориентацией» Великого князя. Александр III, человек патриархального воспитания и консервативных представлений, никогда не мог бы принять как должное противоестественные наклонности своего брата, к которому он всегда относился с неизменной симпатией. Император, несомненно, знал какую-то тайну в жизни Сергея и сострадал ему.

Любил ли Сергей Александрович свою жену? Да, это не подлежит сомнению. Элла для него стала самым близким, самым дорогим существом, человеком, с которым был совершенно откровенен и делился своими радостями и печалями. Великий князь считал своим долгом заботиться не только о ее благополучии, но о духовном и эстетическом развитии.

Он совершал с ней многочисленные поездки по святым местам в России и за границей. Они вместе молились в подземной базилике Ватикана у гробницы Апостола Петра, в городе Бари у мощей Святителя Николая Чудотворца и на Афоне.

По инициативе князя они совершали паломничество в

Иерусалим, вместе молились у Гроба Господня. На Святой земле Элла испытала огромное очистительное потрясение и там, в 1888 году, высказала желание быть похороненной в Иерусалиме.

Сергей Александрович постепенно становился для Эллы надежным наставником, и эту роль она с благоговением принимала. Он открывал ей красоты любимой им Италии, знакомил с искусством и архитектурой этой замечательной страны.

В 1891 году в жизни Великокняжеской пары произошли важные перемены. В феврале Сергей Александрович по решению императора стал Московским генерал-губернатором, в руках которого сосредоточивалась высшая административная власть в Москве и прилегающем обширном районе. Они переехали на постоянное жительство в Москву, а в Петербурге бывали теперь лишь от случая к случаю.

Четырнадцать лет их совместная жизнь будет неразрывно связана с Москвой, со вторым по значению экономическим и культурным центром России. Эти годы были смутными, бурными, переломными в истории Империи. С одной стороны – невиданный рост индустрии, расцвет науки, искусства; а с другой – время кипения общественных страстей, рост социального напряжения, всеобщего недовольства и отрицания.

В 1891 году произошло и еще одно важное событие в жизни русской Императорской Фамилии. После семи лет сомнений и колебаний Елизавета Федоровна приняла православие. Это решение далось Элле нелегко. Объясняя свой шаг, писала в январе 1891 года отцу в Дармштадт:

«Я все время думала и читала и молилась Богу – указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти свою настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как теперь – принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, представляя все это совершенно одной моей совести».

Переход в Православие совершился 13 апреля 1891 года, в Вербную Субботу. Елизавета до самой смерти носила на груди маленькую икону Спасителя, которой ее благословил тогда Император Александр III и где была обозначена эта дата.

Время шло, и приближались роковые рубежи. В первый день 1905 года Сергей записал в дневнике: «Господи, благослови и пощади нас!» Ему оставалось лишь 35 земных дней. 4 февраля, в

2 часа 45 минут пополудни, в самом центре Москвы, в Кремле, в карету Сергея Александровича была брошена бомба, разорвавшая его буквально на куски.

Элла услышала грохот мощного взрыва и сразу же почувствовала, что с Сергеем случилось несчастье. Полураздетая, с непокрытой головой бросилась на улицу, и ее взору предстала жуткая картина: куча обломком кареты вперемешку с кусками окровавленной одежды и частями человеческого тела. Надо было ощущать поддержку Господа, чтобы в эту же минуту не лишиться чувств и не потерять рассудок. Елизавета Федоровна выдержала страшное испытание.

Почти в сомнамбулическом состоянии бросилась на колени и стала собирать окровавленные останки дорогого Сержа. Позднее призналась своей сестре Виктории, что в тот момент у нее была лишь одна мысль: «Скорее, скорее – Сергей так ненавидел беспорядок и кровь».

Греческая Королева Ольга, узнав подробности злодейского убийства, писала брату в Петербург: «Элла! Как я за нее страдаю, я и сказать не могу. Это чудная, святая женщина – она, видно, достойна тяжелого креста, поднимающего ее все и выше!»

Великий князь был похоронен в Кремле, в одном из старинных храмов, а на месте убийства на средства Елизаветы был воздвигнут величественный крест со словами Спасителя: «Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят». В дни смуты Елизаветы Федоровна написала в одном из писем: «Не надо бояться смерти, надо бояться жить».

Февральская трагедия 1905 года изменила судьбу княгини Эллы. Ей овладело истинное смирение. Блестящая аристократическая красавица, «роза» балов и приемов отходит от суеты большого света и отдает себя милосердному служению, делу помощи неимущим и больным.

Элла распродает свои изумительные драгоценности, коллекцию произведений искусства и редкостей, которые многие годы собирал ее муж, и вырученные средства передает на нужды приютов и больниц.

На одной из тихих московских улиц она покупает обширный участок земли, где основывает очаг милосердия и помощи: Марфо-Мариинскую обитель, начавшую свою деятельность в 1909 году. Годом раньше в письме брату Эрнсту писала: «О, как бы я желала поехать и увидеть вас, дорогих… Но это в воле Господней. Его пути такие неисповедимые и такие прекрасные – всегда и всегда благодарю за все».

В 1910 году, 10 апреля, Елизавета Федоровна была возведена в сан настоятельницы обители. В тот день она сказала

послушницам: «Я оставляю блестящий мир, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих».

Тем же годом Элла посетила свою родину, где осенью собрались ее близкие. Николай II писал матери 16 октября 1910 года: «Элла уже более недели живет с нами, так что опять все сестры вместе. Она очень бодро выглядит, и должно быть сильно берет на себя, т. к. она тут в первый раз без дяди Сергея. Но ужасно грустно видеть ее, для меня и Аликс, в этом сером платье; странно, что другим это все равно, а на нас оно производит такое тяжелое впечатление! Она так ездит по магазинам в Дармштадте и Франкфурте, и, разумеется, целая толпа мальчишек и зевак бежит сзади. Со мною она почти всегда говорит о церковных вопросах, о епископах, миссионерах и пр., – так скучено, прости мне, Господи!»

2 марта 1917 года Император Николай II отрекся от Престола, в России наступило время хаоса, закончившегося захватом власти крайними радикалами-большевиками.

Элла была удалена от политических событий, находясь почти безотлучно в своем маленьком монастыре, уделяя все время молитве и уходу за больными и немощными. Но сердце разрывалась от горя, а печальные предчувствия переполняли душу. Она видела озлобление вокруг и горько переживала.

«Я испытываю такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят!» – восклицала в письме.

У нее была возможность уехать, но она категорически отвергла подобные предложение. Россия стала ее страной, ее домом, ее судьбой. Здесь она испила чашу страданий до дна.

В апреле 1918 года ее арестовали и отправили под охраной сначала в город Пермь, а затем в город Алапаевск на Урале. Три месяца вместе с несколькими другими членами свергнутой Династии княгиня Элла провела там в заключении.

Через сутки после убийства Царской Семьи в Екатеринбурге, в ночь с 17 на 18 июля 1918 года, красные палачи пригнали узников к заброшенной глубокой шахте и столкнули их вниз. Потом ходила молва, что Елизавета Федоровна там, внизу, в этой преисподней, обвязывала раны одному из своих несчастных родственников и пела псалмы. Но это, увы, была лишь красивая легенда. Элла умерла сразу при падении, что подтвердило медицинское заключение, сделанное позднее.

Тело княгини Елизаветы Федоровны покоилось на дне страшной шахты три месяца, и было извлечено представителями белой армии, занявшими Алапаевск. Прошло еще более двух лет,

прежде чем ее бренные останки нашли свой вечный покой в Иерусалиме.

Гроб с телом Эллы был перевезен через всю Сибирь, Монголию и Северный Китай и некоторое время находился в Пекине. Сестры и брат Елизаветы в тех условиях сделали почти невозможное: исполняя волю покойной, они организовали и финансировали перевозку гроба в Иерусалим, где на погребении в феврале 1921 года в храме Марии Магдалины присутствовала старшая сестра Виктория, маркиза Мильфорд-Хэвен.

В 1992 году Русская Православная Церковь причислила княгиню Елизавету Федоровну к лику Православных Святых.

Глава 36. Печали Императрицы

После того как императрица Мария Федоровна стала 20 октября 1894 года вдовой, она много времени проводила за границей, большую часть на своей «первой родине» – в Дании. После смерти в 1898 году матери, Королевы Луизы, у дочери не проходило беспокойство за отца. Он с каждым годом становился все слабее и слабее, но сохранял ясность ума, да и памяти не коснулось разрушительное воздействие лет.

В конце августа 1905 года она вместе с сыном Михаилом поехала в Копенгаген, думая вернуться назад к Рождеству. Обстоятельства же так сложились, что ей пришлось задержаться. Христиан IX был очень плох и просил Дагмар побыть с ним. Она не могла отказать. Душа же рвалась обратно в Россию, туда ее влекли и мысли и чувства.

Мария Федоровна все время переживала за Сына-Царя, которому последнее время было особенно тяжело. Когда в январе 1904 года эти коварные японцы без объявления войны напали на Русский флот в гаванях далеких восточных морей, то она была страшно возмущена и целиком солидаризировалась с Николаем II, считавшим, что агрессора «надо проучить».

Начавшаяся же Русско-японская война оказалась неудачной. Россия потерпела серию поражений и потеряла значительную часть флота. Уже к концу 1904 года, после падения крепости Порт-Артур, особенно остро обозначилось трагическое положение дел. Еще страшнее было то, что внутри страны начались волнения, забастовки и беспорядки, сопровождавшиеся убийствами и невиданным насилием.

9 января 1905 года в самом центре Петербурга случилось невероятное: толпа под руководством какого-то попа-анархиста прорвалась к Зимнему Дворцу, войскам пришлось стрелять и более ста человек погибло. Это был какой-то кошмар! Полицейские власти оказались совершенно беспомощными и не смогли предотвратить то, о чем они заранее знали.

В тот же день Царица-Мать бросила все и приехала к сыну в Царское, чтобы поддержать его в этот тяжелый момент. На своей половине Александровского Дворца она оставалась несколько дней, проводя с Сыном всё его свободное время. Потом вроде бы обстановка несколько успокоилась. Но это было затишьем перед бурей.

Благополучию Династии грозили опасности со всех сторон. В сентябре 1905 года произошло скандальное событие, чрезвычайно расстроившее Марию Федоровну и Николая II. Кузен Царя

Великий князь Кирилл Владимирович тайно за границей обвенчался со своей кузиной, Принцессой Викторией-Мелитой (дочерью Альфреда и Марии Эдинбургских), которую все родственники звали «Даки».

В 1894 году она вышла замуж за владетельного Гессенского герцога Эрнста-Людвига (брата Императрицы Александры Федоровны), но через шесть лет брак фактически распался и они развелись. И вот теперь русский Великий князь, без согласия Государя, женился на разведенной. Кирилл только недавно вернулся с фронта Русско-японской войны, где, как говорили, вел себя храбро и чудом спасся после гибели броненосца «Петропавловск».

Николай II проникся к нему сочувствием и разрешил поехать отдохнуть за границу. А он нанес такой удар! Давно было известно, что Великий князь влюблен в Даки, но Император был против женитьбы. Зная это, Кирилл Владимирович уверял его в письме: «Конечно, я не пойду против Твоего желания и ясно осознаю невозможность этого брака». И вот теперь всё забыто, все обещания нарушены. Это было возмутительно! А каково её матери, герцогине Эдинбургской!

Мария Александровна всегда была честным, открытым человеком, умела говорить прямо самые неприятные вещи. Когда в 1902 году ее младший брат Павел Александрович (дядя Николая II) также тайно обвенчался за границей с разведенной дамой, с некоей Ольгой Пистолькорс, то Мария Эдинбургская чуть ли не больше всех возмущалась, а брату Павлу написала:

«Как мог ты это сделать, как мог ты изменить данному слову из-за совершенно фальшивой идеи о чести, как мог ты бросить свое Отечество, службу и прежде всего своих бедных, бедных, теперь совсем осиротевших детей! Бросить для чего, главное **для кого**? Честь ни в том состоит, мой милый, чтобы всем жертвовать **для женщины**; и ведь ты русский Великий князь, а не какой-нибудь господин Иванов или Петров, на которого никто не обращает внимания. Где твои прежние принципы, где твое чувство долга?»

Великий князь Павел подвергся заслуженной каре: уволен со службы и ему запретили появляться в России. Это тогда восприняли как должное. Теперь же и ее собственная дочь замешана в похожую скандальную историю. Нет, здесь не было мезальянса, как в случае с Павлом, но нарушение традиции и пренебрежение долгом бросалось в глаза.

Марию Федоровну просто шокировали подробности. Оказалось, что после венчания Кирилл решил поехать к Николаю II и сам ему всё объяснить. И он думал, что Ники будет его

слушать? Он мог надеяться, какими-то объяснениями добиться расположения и избежать наказания! Какая наивность! Оказалось, что этот совет ему дала его мать – Великая княгиня Мария Павловна.

От Михень всего можно было ожидать, но и самоуверенность должна иметь границы. Закон один для всех, и нарушитель неминуемо должен подвергнуться наказанию. Это справедливо и спорить тут не о чем.

Император был так возмущен, что решил прибегнуть к беспрецедентной мере: помимо прочих кар еще и снять с Кирилла Владимировича титул Великого князя. Мария Федоровна не была уверена, что это следует делать, хотя не сомневалась, что остальное: увольнение со службы, лишение мундира, лишение Великокняжеского содержания и воспрещение появляться в России – меры вполне заслуженные.

Скандальная история с женитьбой Великого князя Кирилла Владимировича разворачивалась как раз в то время, когда многие устоявшиеся и, казалось бы, незыблемые представления, устои и порядки начинали колебаться.

Когда осенью 1905 года Мария Федоровна отбывала в Копенгаген, то казалось, что самое страшное уже позади. Война с Японией завершилась, и в американском городе Портсмуте удалось заключить вполне достойный для России мир. Стачки и беспорядки, бушевавшие с зимы и достигшие накала летом 1905 года, когда они распространились даже на флот и армию, начали потихоньку сходить на нет, и в конце лета, как представлялось, положение в стране стало стабилизироваться.

Вдруг в конце сентября всё вспыхнуло с небывалой силой. Началась всеобщая политическая стачка, с каждым днем охватывавшая все новые группы населения, новые районы и отрасли. К середине октября в стране наступил почти полный паралич. Не работали фабрики и заводы, железные дороги, почта, телеграф. Кругом происходили собрания и шествия с антиправительственными лозунгами. Появилось новые понятия: митинг, манифестация, прокламация. Страшное слово «революция» повторяли все.

Мария Федоровна была в отчаянии. Она почти не имела регулярных надежных известий из России, узнавая новости главным образом из европейских газет, на которые набрасывалась с жадностью каждое утро. В то время как она сидит в Копенгагене, во дворце Амалиенборг, в ее России происходит немыслимое. Сердце болело за Россию и за Ники.

18 октября 1905 года отправила Сыну письмо: «Мне так тяжело не быть с вами! Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть

здесь, читая газеты, и **ничего** не знать, что делается. Мой бедный Ники, дай Бог Тебе силы и мудрость в это страшно трудное время, чтобы найти необходимые меры, чтобы побороть это зло. Сердце всё время ноет, думая о Тебе и о бедной России, которая находится в руках злого духа».

Известий от Сына долго не поступало. Мария Федоровна все узнавала от других, которые сами ничего толком не знали и ссылались на газеты, писавшие невесть что: царь с семьей бежал из столицы (это Ники-то бежал?), что власть перешла к какому-то собранию уполномоченных, что министры арестованы и еще много такого, во что верить не было сил. Наконец 28 октября в Копенгаген доставили весточку от Сына. Прочла несколько раз. Плакала, молилась за своих близких, за Россию.

Царь многое объяснил «дорогой Мама́»: какая сложилась обстановка в стране, какие меры можно было предпринять и как Он пошел навстречу требованиям общественности и согласился на ограничение своей власти. Это было его добровольным решением, продиктованным пониманием неизбежности этих резких нововведений.

«Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страною: в том главная опасность. Но милосердный Бог нам поможет; Я чувствую в Себе Его поддержку, какую-то силу, которая Меня подбадривает и не дает пасть духом! Уверяю тебя, что мы прожили здесь года, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы».

Императрица всё поняла и приняла. Через три дня отправила Николаю II ответ:

«Это же **ужас,** через **какие** страдания Ты прошел, и главным образом в той ситуации, когда не знаешь, на что же решиться. Всё это я чувствовала своим сердцем и очень **страдала** за Тебя. Я понимала, что Ты не можешь мне телеграфировать, но тревога во мне из-за отсутствия новостей была просто **невыносимой**…

И как ужасно осознавать, что все это произошло в **России**! В конце концов, Ты не мог действовать иначе. Милосердный Бог помог Тебе выйти из этой ужасной и просто тягостной ситуации. И так как я уверена, что в Тебе есть большая вера, Он будет продолжать помогать Тебе и поддерживать Тебя в твоих добрых намерениях. Он умеет читать по сердцам и видит, с каким терпением и покорностью Ты несешь свой тяжелый крест, который Он Сам Тебе вручил».

Хотелось в Россию. Душа рвалась туда, но печальные обстоятельства задерживали в Амалиенборге. Дорогой Папа́ с каждым днем все слабел, и его одного оставить не могла. Король стал совсем беспомощным, и она ему так нужна.

16 января Христиан IX умер на руках Марии Федоровны. Она одна с ним находилась и провела около него последние минуты. «Я благодарна Богу за это счастье», – восклицала безутешная дочь, обливаясь слезами. Потом потянулись дни грустно-томительных похоронных церемоний. Только 15 февраля 1906 года, почти через шесть месяцев после отъезда, Вдовствующая Императрица возвратилась в Россию.

Ники производил хорошее впечатление. Был спокоен, уверен в будущем, но мать не могла не заметить, что Сын сильно постарел. Как-то вдруг осознала, что Он уже немолодой человек. Щемящее чувство жалости к нему не проходило. И Аликс изменилась. Стала ещё более замкнутой и какой-то безрадостной, и даже в окружении своих детей улыбка редко озаряла ее лицо. А какие прелестные у них дети! Её внуки! Девочки просто красавицы и такие живые, добрые и честные. А Алексей? Бабушка была без ума от Него.

Радость её была великой, когда летом 1904 года у Ники и Аликс наконец-то появился сын. Мария Федоровна прекрасно знала, что тогда сбылось заветное, страстное желание Сына и Невестки. И была тоже счастлива. Тот день, 30 июля 1904 года, в Петергофе помнила во всех подробностях. Как сиял Ники, когда она увидела Его вскоре после рождения Алексея. Она не могла сдержать слез, которых не стеснялась.

У старой Императрицы стало спокойней на душе. Появился прямой Наследник Престола, и ее сыну Михаилу не надо больше нести эту ответственность. Миша не предназначен для роли Монарха, и если бы, не дай Бог, случилась преждевременная кончина Ники, то именно младшему её сыну выпадала участь Венценосца. Но он такой еще ребенок, такой увлекающийся; он слишком мягкосердечен и мало чем интересуется, кроме своей военной службы. К тому же он не женат и никак не может сделать окончательный выбор.

У Николая, Ксении и Ольги свои семьи, свои заботы. Хоть и не могла пожаловаться на невнимание с их стороны, но они всё больше и больше отдалялись. Повседневные интересы занимали. Это так понятно, но и так грустно.

Самым заботливым был Ники, но встречаться с Ним могли лишь урывками, а на официальных церемониях человеческого общения почти не было. Она бы с радостью проводила время с Внуком, милым Алексеем, но Аликс не допускала таких встреч без своего присутствия. Она же мать, и это Ее право.

Невестке, конечно, тяжело. Она такая болезненная. Всё время мучится то сердечными недугами, то ревматическими приступами. Когда Аликс только приехала в Россию, то и тогда

уже жаловалась на здоровье, а теперь, после всего перенесенного, самочувствие стало еще хуже. Бедная! Ники так Её любит, и Его глаза всегда загораются радостным огнем, когда видит Её с детьми. Однако ни разу не наблюдала Мария Федоровна, чтобы Аликс в семейном кругу смеялась. Так, иногда проскользнет улыбка, и не более…

Как же они в своё время весело проводили время в своей семье в уютном Аничкове, дорогой Гатчине, милом Фреденсборге. Сколько было шуток, проказ, смеха! Как это было давно и было ли? Было, было! Она всё помнила и часто мыслями и чувствами уносилась туда, где они с Сашей молодые и счастливые. Та старая, милая и неповторимая жизнь походила на сладкий сон, и часто так не хотелось просыпаться и возвращаться в совсем в другой, неуютный мир.

«Ах, когда же, наконец, у нас всё пройдет и чтобы мы могли бы жить спокойно, как все приличные люди! Обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно и не делает пакости другим», – восклицала Мария Федоровна в письме Сыну Николаю в октябре 1906 года.

Но и светлые дни Марии Федоровне доставались. Она, как и в молодости, радовалась каждой встрече со своими близкими. Их оставалось всё меньше, и это еще сильнее привязывало к живым. Конечно, дорогая сестра Александра, ее «милая Аликс»! Она так рада была всегда ее видеть, хотя после того, как ее муж в 1901 году стал Английским Королем Эдуардом VII, а она Королевой, некоторые сложности возникали. У них теперь было много общественных обязательств, и с этим приходилось считаться.

В феврале 1907 года Мария Федоровна после 34-летнего перерыва приехала погостить у Александры в Англии. Как всё было трогательно, как все были внимательны. Берти сильно изменился за последние годы: теперь это был серьезный пожилой господин и от былых пристрастий и слабостей не осталось и следа. Вот если бы Саша мог на него теперь посмотреть!

С сестрой они почти не расставались. Через неделю после приезда мать писала Сыну-Царю из Букингемского Дворца:

«Я уже много видела: были в большом госпитале, очень интересно. Александра показывала как настоящий гид Национальную галерею, Уэльскую коллекцию, где самые чудные вещи находятся. Это что-то невероятно красивое. Вообрази, мы были в Виндзоре в день свадьбы милой Аликс – 44 год! Мы поехали на моторе, погода была чудная, солнце грело, всё весеннее, цветы уже вышли, крокусы и другие, трава зеленая, так приятно. После завтрака мы осмотрели весь дворец, и это такое

великолепие, что слов нет. Комнаты Аликс удивительно красивы и уютны; впрочем, здесь, в Букингемском дворце, то же самое. Всё так хорошо и артистично устроено. Мы обыкновенно завтракаем и обедаем одни и были несколько раз в театре, что было очень весело и приятно».

Весной 1909 года Вдовствующая Императрица с Королем и Королевой Английскими на их яхте «Виктория и Альберт» совершила большое и приятное путешествие по Средиземному морю. Она была рада, что наконец-то смогла увидеть Италию. Их принимал в своей загородной резиденции Король Италии Виктор-Эммануил и Королева Елена (урожденная Принцесса Черногорская), но это не оставило глубокого следа. Удивительная природа и замечательные памятники истории особенно привлекали внимание.

Впечатлений была масса. Царица на седьмом десятке лет, как молоденькая гимназистка, восхищалась увиденным. Её уже давно мучили приступы люмбаго (первый раз это случилось в злосчастном 1894 году в Ливадии), у нее болели ноги, но она мужественно ходила, смотрела, запоминала.

Поднялась даже на Везувий, а потом с восторгом сообщала сыну: «Ты не можешь себе представить, как я наслаждаюсь, так все красиво и интересно, что слов нет… Сегодня мы поехали в Помпей, что страшно интересно. Это просто удивительно, как все хорошо сохранилось».

Генуя, Флоренция, Рим, Неаполь, Палермо, Бари, Венеция. И все хотелось увидеть, запечатлеть в памяти навсегда. Затем были на острове Корфу и после навестили брата Вильгельма (Георга I) в Афинах.

В начале лета 1908 года Английский Король Эдуард VII, Королева Александра и их дочь Принцесса Виктория нанесли визит в Россию. Именитые гости прибыли 27 мая (8 июня) на яхте «Виктория и Альберт» в сопровождении яхты «Александрия» и крейсеров «Минотавр» и «Ахиллес».

Встреча произошла в порту Ревеля (Таллина), и на берег англичане не сходили. Политическая ситуация в Англии не препятствовала демонстрации дружеских симпатий двух Династий, но не позволяла совершить шумный государственный визит.

Здесь их встречали русские военные корабли, Императорские яхты «Штандарт», «Полярная Звезда», Царь, две Царицы, некоторые другие родственники и высокопоставленные сановники. Череда торжественных обедов, политических переговоров продолжалась все два дня визита.

Эдуард VII присвоил Николаю II звание адмирала

английского флота (в годы Первой мировой войны Последний Русский Император удостоился и звания фельдмаршала британской армии). Английского Короля Николай II наградил званием адмирала русского флота. Визитеров окружили вниманием, а свиту буквально осыпали дорогими подарками.

Менее чем через два года, в мае 1910 года, Мария Федоровна была на похоронах Эдуарда VII. Круг замкнулся: когда-то Аликс находилась вместе с ней после смерти Саши, а теперь, почти через шестнадцать лет после того, она поддерживает старшую сестру в ее горе. В тот год Русская Царица провела в Англии несколько месяцев.

Из Букингемского Дворца 7 мая 1910 года писала Николаю II: «Сегодня был самый грустный и тяжелый день – похороны дорого дяди Берти. В 9 часов выехали из дому и ехали три часа до станции и были в 1 час в Виндзоре, вернулись сюда только в 6 часов. Всё было великолепно устроено, порядок удивительный, торжественно и трогательно. Бедная моя Аликс выдержала всё с большим спокойствием до конца».

Две старые женщины, две вдовы. Они уже не могли друг без друга. Аликс очень просила Минни не бросать её и помочь ей с переездом. По статусу Королевского Дома Александра должна была покинуть главную Королевскую резиденцию – Букингемский Дворец. Здесь теперь должен был обосноваться новый Английский Король Георг V. Его же мать переезжала в Сандригемский Дворец.

Королева Александра была в плохом состоянии. И Сестра-Царица ухаживала за старшей сестрой так, как только и умела: внимательно, искренне, от всего сердца. Если бы была её воля, то она вообще бы не расставалась с Александрой, но это было невозможно; они себе не принадлежали.

Вдовствующая Царица возвращалась в Россию и с радостью и с тревогой. Что-то будет на этот раз? Последние годы, как только ступала на Русскую землю, сразу же окружали заботы, сразу же погружалась в вихрь слухов и новостей, доставлявших сплошные переживания. Нет, сама ничего не узнавала. С молодости не любила эти светские разговоры и сплетни. Почти им и не доверяла. Но укрыться от них не имела никакой возможности.

Престиж Династии всё время подрывался какими-то скандалами и компрометирующими разговорами. Многие утверждали, что Аликс и Ники неофициально принимают какого-то мужика, с такой странной фамилией Распутин, и якобы проводят с ним часто вечера. Боже мой, неужели это правда?

Она пыталась как-то затронуть эту тему с Ники, но он улыбнулся и посоветовал не слушать сплетников. Мария

Федоровна и сама знала цену салонным разговорам. Однако имя Распутин так часто все стали упоминать, приводя такие скандальные подробности его жизни, что невозможно оставаться спокойной.

Великий князь Константин Константинович записал в дневнике 20 мая 1911 года: «Беседовал с Минни по часу до и после завтрака. Она говорила откровенно. Жаль видеть, что отношения с Императрицей А.Ф. если не дурны, то и не совсем хороши…

Сокрушалась, что продолжают таинственно принимать какого-то юродивого мужика Гришу, который наказывает и Императрице Александре Федоровне и детям соблюдать тайну и не говорить, что видели его».

Мария Федоровна, всю жизнь не терпевшая сплетен и не доверявшая им, в случае с Распутиным оказалась их жертвой. Она начала верить «фактам», которые плодили и распространяли в высшем обществе. Трудно было не поверить. Все кругом эту тему бесконечно обсуждали…

В 1912 году об этом «ужасном мужике» заговорили даже с трибуны Государственной Думы! Она попросила достать фотографию этого загадочного человека, и ей ее принесли. На ней была изображена группа каких-то дам, а в центре находился простой мужик: в косоворотке, с окладистой бородой, с неинтересным лицом, но внимательными, глубоко сидящими глазами. Говорили, что Аликс его почитает за старца.

В феврале 1912 года, накануне запроса по делу Распутина в Государственной Думе, Мария Федоровна имела обстоятельный разговор об «этом предмете» с Николаем и Александрой.

Дочь Ксения записала в дневнике 15 февраля: «Мама́ рассказывала про вчерашний разговор. Она так довольна, что все сказала. Они (Царь и Царица. – *А.Б.*) знали и слышали о том, что говорится, и Аликс защищала Распутина, говоря, что это удивительный человек и что Мама́ следовало с ним познакомиться и т. д.

Мама́ только советовала его отпустить **теперь**, когда в Думе ждут ответа, на что Ники сказал, что он не знает, как он это может сделать, а Она (Александра Федоровна. – *А.Б.*) объяснила, что нельзя уступать. Вообще Она говорила **все не то** и, видимо, не понимает многого – **ругала** общество («грязные сплетни»), Тютчеву (бывшая воспитательница царских детей. – *А.Б.*), которая много болтает и врет, и министров («все – подлецы»). Но тем не менее они были благодарны Мама́, что она так откровенно говорила, и она даже поцеловала Мама́ руку!»

Матери хватало и других переживаний. Особенно это

касалось сына Михаила. Он много лет был неотлучно при матери. Мария Федоровна с ним оставалась, когда другие обзавелись семьями, у них появились свои заботы, и они отдалились от матери. Миша же был рядом, с ним она ездила навещать Георгия на Кавказ, отдыхала в Ливадии, посещала родных в Копенгагене и Лондоне.

Одно время он был просто без ума от своей кузины, Принцессы Виктории Уэльской (1868–1935), которой чуть ли не каждый день писал. Но до брака дело не дошло. Виктория была на десять лет старше Михаила, и это служило серьезной преградой. Самое же главное – Принцесса не горела желанием соединить свою жизнь с ним. Она любила его лишь как брата. Эта история стоила некоторых переживаний Марии Федоровне.

Потом у Михаила была другая «странная история» с другой его кузиной Бетрисой (1884–1956), Принцессой Саксен-Кобург-Готской, дочерью сестры Александра III Марии Александровны. Он состоял с ней в переписке еще с юных лет, и постепенно эта корреспонденция стал походить на общение влюбленных. Принцесса восприняла эти душеизлияния серьезно. Сообщила матери, та восприняла этот роман без шуток, но она знала, что православие не дозволяет брак между близкими родственниками.

Между тем Михаил серьезно не думал связывать свою жизнь с Беатрисой. Это было мальчишеством взрослого человека. Когда в 1903 году об этом «романе» и его подноготной узнала Мария Федоровна, то лишний раз убедилась, насколько ее Миша еще ребенок.

Когда в 1899 году, после смерти Георгия, Михаил Александрович сделался Наследником, то лишь тогда мать поняла, что ее «душке Мише» может выпасть великая и тяжелая судьба. Но согласиться с тем, что он взрослый не могла и продолжала относиться к нему как к ребенку, со снисходительной любовью.

Мать была обеспокоена устройством семейной жизни младшего сына. Михаил Александрович все время увлекался дамами, которые ни при каких обстоятельствах не могли стать женами. Его увлечения, бурные и эмоциональные, беспокоили Марию Федоровну. Несколько раз брала с сына слово, что он не совершит недопустимого и не вступит в разнородный брак. Он давал обещания. Долго крепился. Но осенью 1912 года все рухнуло.

Великий князь Михаил Александрович в возрасте 34 лет тайно за границей обвенчался с дочерью присяжного поверенного (адвоката) из Москвы Натальей Сергеевной Шереметевской, по первому браку Мамонтовой, по второму – Вульферт (1880–1952).

Это известие стало для матери потрясением.

В марте 1913 года новое горе обрушилось на Вдовствующую Императрицу. В Греции на улице города Салоники средь белого дня был убит Король Георг, ее брат Вильгельм, «дорогой Вилли». Она не могла сдержать слез, которые лились помимо ее воли. «Милосердный Бог, за что Ты так жестоко нас караешь?» Но ответа не было.

Новое жизненное испытание надлежало выдержать, хотя это было так трудно. Царица собралась немедленно выехать в Афины на похороны, но Ники и другие родственники отговорили. Они опасались за нее. И она подчинилась. Грусть, пустота и одиночество нахлынули с новой силой. Всё время вспоминала сестру Александру и очень переживала за нее. Она боялась, что у Аликс не выдержит сердце.

В мае 1913 года поехала в Англию. Аликс была так рада и сказала, что Минни «так желанна в Сандригемском дворце». Мария Федоровна и без слов это чувствовала. Теперь уже целыми днями не расставались: вместе гуляли, читали, вспоминали и плакали.

Летом 1913 года случилось и важное событие, которого очень ждала, но боялась. К ней приехал сын Михаил. Она его не видела целый год, за время которого столько случилось и он совершил эту ужасную ошибку – женился. Но страхи и опасения не оправдались: сын оставался, как и раньше, добрым и любящим. Мать не сомневалась, что он связал свою жизнь с дамой с сомнительной репутацией лишь по мягкости характера.

На следующий год, когда началась Мировая война, Михаил вернулся в Россию, чтобы принять участие в сражениях. Царь простил брата, и мать была счастлива. Его жене была пожалована фамилия Брасова (по названию имения Михаила Александровича), а их сыну Георгию (1910–1931) присвоен титул графа Брасова.

Мария Федоровна, сохранив нежные отношения с сыном, так и не смогла преодолеть себя, и его жена не стала для Императрицы желанной.

Глава 37. До последнего вздоха

22 февраля 1917 года Император Николай II покинул Царское Село и направлялся в Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилев. Этот день был похож на все остальные.

С утра – чтение деловых бумаг, прием должностных лиц, завтрак вместе с братом Михаилом. Затем попрощался с детьми, помолился с Аликс в церкви Знамения Божией Матери, расположенной рядом с Дворцом, и поехал на станцию. В 14 часов Царский поезд покинул Царское Село, и на следующий день, в три часа дня, Николай II был уже в Могилеве.

Императрица осталась дома, в любимом обиталище – Александровском Дворце. С этим местом так много в их жизни было связано. Здесь родился Ники, и сюда привел Он Ее, молодую и счастливую, вскоре после женитьбы. Здесь Они провели лучшие часы жизни, здесь появился на свет их первенец – Дочь Ольга.

Этот Дворец, построенный по заказу Императрицы Екатерины II архитектором Кваренги для ее любимого внука Александра, был особо дорог Последней Императрице. Расположенный в глубине старого Царскосельского парка, окруженный густыми зарослями так любимой Аликс сирени, он был удален от шумных магистралей и оживленных мест. Тут властвовали тишина и покой, чем очень дорожили хозяева.

Разлуку с дорогим Ники, со своим «обожаемым мальчиком», Александра Федоровна всегда переживала тяжело, но последний его отъезд восприняла особенно мучительно. Какое-то гнетущее чувство опасности не оставляло Ее.

Муж был не совсем здоров, часто кашлял, плохо спал последнее время, жаловался на боли в груди. Императрица постоянно думала о Нем. Он так утомлен, и воистину Бог послал ему страшно тяжелый крест! Уже два с половиной года тянется эта ужасная война, и Он за все это время не позволял себе даже краткого отдыха. На него ежедневно наседают со всех сторон, все от Него чего-то просят и даже требуют, а некоторые родственники стали вести себя просто вызывающе.

Чем давать советы Императору и отнимать у Него время, лучше бы исполняли свой долг в это трудное время. Противно узнавать городские новости! В Думе, как всегда, торжествуют клеветники, и если бы Ники послушался ее совета и закрыл эту злобную говорильню до конца войны, как поступил со своим парламентом Вильгельм в Германии, то сейчас было бы значительно спокойней.

Бедному Ники почти не на кого положиться. Как измельчали

люди! В глаза все клянутся в верности, а в душе многие трусы и изменники. Вот и сейчас, когда он будет в Ставке, там наверняка опять станет воздействовать на него эта ревущая толпа! Они пользуются Его добротой, зная, что, когда Меня нет рядом, они могут требовать что угодно! Господи! Наставь, укрепи, помоги! Я верю: милость Господа и Моя любовь помогут Моему ангелу.

В поезде, на пути в Могилев, Николай II обнаружил письмо от Аликс. Она почти всегда так делала, чтобы Муж в дороге не ощущал одиночества.

«Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой Я отпустила Тебя одного без Нашего милого нежного Беби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! Еще тяжелее переносить его в разлуке – нельзя приласкать Тебя, когда Ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал Тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось помочь Тебе нести это бремя!

Ты мужествен и терпелив – Я всей душой чувствую и страдаю с Тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами. Что Я могу сделать? Только молиться и молиться!..

О, Боже, как я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Вся наша горячая, пылкая любовь окружает Тебя, Мой муженек, Мой единственный, Мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное Мне всемогущим Богом! Чувствуй Мои руки, обвивающие Тебя, Мои губы, нежно прижатые к Твоим – вечно вместе, всегда неразлучны».

Николай Александрович неизменно испытывал прилив сердечной нежности, когда читал признания Аликс. Хотя они более 22 лет в браке, но чувства к любимой не поблекли, они волновали его.

«Мое возлюбленное солнышко! Сердечно благодарю за Твое дорогое письмо, которое Ты оставила в моем купе. Я с жадностью Его прочел перед отходом ко сну. Мне стало хорошо от него в Моем одиночестве после того, как Мы два месяца пробыли вместе. Если Я не мог слышать Твоего нежного голоса, то, по крайней мере, этими строками нежности… Ну, дорогая Моя. Уже поздно. Спокойной ночи, Бог да благословит Твой сон! Спи спокойно, хоть Я и не могу согреть Тебя».

После отъезда Николая, к вечеру 22-го числа, Дочь Ольга и Сын Алексей занемогли. У них определили корь. На следующий день заболела Татьяна, затем дошла очередь и до остальных. Температура все время была у детей высокой, их мучил страшный кашель, глаза слезились и болели. В довершение несчастья слегла и ближайшая наперсница Царицы Аня Вырубова.

Через два дня после отъезда Николая II личные апартаменты

Царской Семьи походили на лазарет. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом сиделок. Окна были завешаны (свет раздражал глаза), и в полумраке можно было различать лишь несколько женщин в белых халатах.

Одна из них, в платье сестры милосердия, – Императрица. Начиная с 23 февраля Александра Федоровна спала лишь урывками, не раздеваясь, на кушетке или у Алексея, или в комнатах Девочек. Она давала лекарства, делала полоскания, измеряла температуру, кормила. Когда кому-то становилось легче, то утешала разговорами, иногда читала книги.

Но Ее постоянно отвлекали на какие-то вопросы, которые без Нее, Императрицы Всероссийской, никто не мог решить. Надо было оставлять своих и идти вниз, на первый этаж, и там встречаться с визитерами, читать письма и деловые бумаги. Кроме того, Она ежедневно непременно выкраивала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть к Знамению, помолиться и поставить свечки.

Ей сразу же сообщили, что днем 23 февраля в Петрограде, на Васильевском острове и на Невском, произошли беспорядки. Бедный люд приступом брал булочные, а некоторые, например булочную Филиппова, разнесли вдребезги. Вызванные казаки усмирили толпу, и к вечеру все вроде бы успокоилось.

Это известие не произвело сильного впечатления на Императрицу. У нее хватало других забот. На следующий день Она узнала о новых вспышках беспорядков в городе, но министр внутренних дел А.Д. Протопопов (1866–1918) и начальник Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов (1858–1924) прислали успокоительные рапорта.

Однако на следующий день, 25 февраля, все повторилось, но в еще большем масштабе. Посылая вечером ежедневное письмо-отчет Мужу, писала: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это – хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести.

У Меня было чувство, когда Ты уезжал, что дело пойдут плохо… Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже… Завтра воскресенье и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризируют все фабрики, – тогда не будет беспорядков… Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот

продовольственный вопрос может свести с ума».

«Дорогой мой возлюбленный! Какая радость! В 9 часов сегодня получила твое письмо. Еще и еще благодарю за него. Я покрыла его поцелуями и буду еще часто целовать. Я так одинока без Тебя, не с кем поговорить по душам».

В Царском Селе, всего в двадцати верстах от Петрограда, пока было спокойно. Прибывшие же из столицы приносили безрадостные вести. С каждым часом положение становилось все более грозным. Министр внутренних дел Протопопов прислал последнее успокоительное известие в конце дня, 26-го, и затем – тишина. Все министры куда-то подевались. 28 февраля противоправительственное движение докатилось и до Царского.

В городе произошли митинги, в расквартированных войсках началось брожение. Оно коснулось и подразделений, охранявших Царскую резиденцию, а Сводный пехотный полк, после митинга, решил идти в Петроград и поддерживать новую власть. Александровский Дворец с каждым часом все больше и больше начинал походить на остров, окруженный враждебной стихией.

Императрица, преодолевая страхи и опасения, продолжала бессменно выполнять обязанности сестры милосердия в своем маленьком госпитале, который уже 1 марта был отрезан от остального мира. Она ничего толком не знала о Муже. Тот сообщил, что скоро будет дома. Получила последнюю телеграмму от него из Лихославля 28 февраля, где говорилось, что Ники будет дома на следующий день утром. Но часы шли, а Его все не было.

Лишь за полночь, 2 марта, пришло известие из Пскова. Почему он в Пскове? Что случилось? Сердце разрывалось от волнений, горя и досады, но надо было сохранять спокойствие, чтобы не расстраивать больных. Первого вечером во Дворце была слышна стрельба, происходившая невдалеке. Господи, спаси и сохрани!

Мысли были безрадостные… Надо во что бы то ни стало связаться с Ники! Но как выехать из города? Говорят, поезда уже не ходят, а на станциях орудуют бунтовщики. Хорошо бы послать аэроплан, но все люди как-то вдруг исчезли. Слава Богу, нашлись два верных человека, согласившиеся отвезти ему письмо. Но успеют ли? Доедут ли?

Каждый час доходят все более ужасные слухи, а председатель Государственной Думы М.В. Родзянко позвонил и посоветовал немедленно покинуть Царское Село! Все это походило на массовое безумие.

Александра Федоровна не сомневалась, что это заговор, что предатели умышленно изолировали бедного Ники, чтобы не

допустить его к ней, чтобы принудить подписать какую-нибудь ужасную конституцию. Ники один, без поддержки, пойманный, как мышь в западне, что он может сделать? Это величайшая низость и подлость – задерживать своего Государя. Если даже они заставят Ники сделать всевозможные уступки, то Он не будет обязан их соблюдать, так как они добыты силой. Да и родственники ведут себя просто недопустимо трусливо! Все сидят по домам и чего-то ждут. Даже верный дядя Павел совсем спятил, предложил безумный план спасения – издать манифест с обещанием конституции. И это родной брат Императора Александра III!

В ранних сумерках 2 марта от церкви Знамения двинулась небольшая церковная процессия, во главе которой с высоко поднятым крестом шел настоятель Царскосельского Федоровского собора протоиерей А.И. Беляев (1845–1921). С пением тропаря «Яко необозримую стену и источник чудес стяжавше Те рабы Твои, Богородица Пречистая» подошли к Александровскому Дворцу, где по желанию Императрицы должны были отслужить молебен перед чудотворной иконой Царицы Небесной.

Около Дворца народа почти не было. Прибывших провели на второй этаж, на детскую половину, где в большой полутемной комнате лежали на кроватях пятеро Детей. Икону поставили на стол, зажгли свечи. Началась служба. Земная Царица опустилась на колени и горячо, со слезами на глазах, просила помощи и заступничества у Царицы Небесной. Затем приложилась к иконе, которую поочередно подносили к каждой кровати и дети целовали образ. Осенив Императрицу крестным знамением, отец Александр сказал:

«Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться».

Эти слова прозвучали уже после решения об отречении Монарха. Когда икону выносили из Дворца, он уже был оцеплен войсками и все его обитатели оказались арестованными.

Императрица узнала все подробности 3 марта, когда к Ней пришел дядя Павел. Он рассказал, что, во имя мира в стране, Ники отрекся от Престола и передал Монаршие права брату Михаилу. Через несколько часов тот отказался принять Корону. Царица стояла, как статуя, и после окончания страшного повествования смогла лишь сказать: «На все воля Божья. Твердо верю, что Господь нас не оставит».

Прошло еще несколько часов, и в Александровском Дворце зазвонил телефон, который последние дни не работал. Когда зазвучал голос Ники, то чуть не лишилась чувств. Он жив!!!

Разговор был короткий, несколько раз прерывался, слышимость была плохая, но Александра Федоровна главное услышал: Супруг находиться в Ставке в Могилеве, где прощается со всеми и скоро будет дома. Она не имела права показывать слабость. Она – Мать пятерых Детей, она все еще Царица и не должна терять присутствие духа.

4 марта 1917 года Александра Федоровна написала письмо Мужу, 653-е по счету с тех пор, как в такие давние времена началась их личная переписка. Тогда, на заре радостной семейной жизни, все было светло, полно надежд и мечтаний. Теперь же кругом холод и тьма. Но, значит, так угодно Господу, который подвергает Их этому страшному испытанию, и следует со смирение подчиниться Его Святой Воле.

«Дорогой, любимый, сокровище! Каким облегчением и радостью было услышать Твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь все разговоры! Беби перегнулся через кровать и просит передать Тебе поцелуй.

Все четверо лежат в зеленой комнате в темноте. Мария и Я пишем, почти ничего не видно, так как занавески спущены. Только этим утром Я прочла манифест (об отречении. – *А.Б.*) и другой, Мишин. Люди вне себя от отчаяния…

Любимый Мой, ангел дорогой, боюсь думать, что выносишь Ты, это сводит Меня с ума! О, Боже! Конечно, Он воздаст за все Твои страдания. Не надо больше писать об этом, невозможно!.. Я с тобой, любовь Моя, – обожаю Тебя! Целую и обнимаю так нежно и страстно! Храни и благослови Тебя Господь ныне и вовеки!» Она ждала Его. В горе и унижении Он стал еще ближе, дороже.

9 (22) марта 1917 года, в половине двенадцатого дня, к Царскосельской платформе подошел «Собственный Его Императорского Величества» поезд, в котором приехал Царь-Арестант. На Нем – черкеска Кубанского казачьего батальона, черная папаха и пурпурный башлык на плечах. На поясе – кавказский кинжал, на груди – орден Святого Георгия. На перроне стояло несколько человек во главе с полковником Е.С. Кобылинским (1879–1927) – новым комендантом Дворца, назначенным революционными властями.

Николай Александрович быстро прошел по платформе, не глядя ни на кого, и сел в поджидавший автомобиль. Всего несколько минут, и показались закрытые ворота перед Александровским Дворцом. Из группы охранявших вышел прапорщик и громким голосом объявил: «Открыть ворота бывшему Царю». Ворота отворились и после проезда машин сразу же закрылись вновь.

Как только поднялся на второй этаж, то сразу увидел почти

бежавшую ему навстречу Жену. Она улыбалась, глаза светились радостью. Обнялись и замерли в молчании. Затем пошли к Детям. Смех впервые за последние недели зазвучал в детских комнатах.

Потом поверженный Царь с Царицей уединились в Своих комнатах. Тихо и молча сидели вдвоем и плакали вместе, чего никогда раньше в жизни не случалось.

В последующие дни нервное напряжение сказалось: Александра Федоровна опять ощутила страшную физическую слабость, а сердце болело не переставая. Большую часть времени Царица теперь проводила или в кресле, или на кушетке.

Александровский Дворец превратился в острог, где под арестом находилось несколько десятков человек. Режим содержания был строгий и определялся инструкцией, составленной «звездой Февральского переворота» А.Ф. Керенским.

Она включала несколько пунктов: заключенные пользовались правом передвижения только в пределах Дворца (скоро и эта территория была ограничена); для прогулок отводились определенные места в парке, и они осуществлялись непременно под охраной караула; богослужения могли совершаться лишь в дворцовой церкви; всякие свидания с заключенными запрещались и любое общение допускалось исключительно с личного разрешения Керенского; вся переписка обязательно цензурировалась комендантом Дворца.

Устанавливалась двойная охрана и Дворца и парка, как и двойное наблюдение за арестованными: наружное, подведомственное начальнику караула и внутреннее, подконтрольное коменданту Дворца.

Почти пять месяцев Царская Семья провела в Александровском Дворце под арестом. Теперь Ее жизненное пространство ограничивалось двумя десятками помещений на первом и втором этажах левого крыла Александровского Дворца.

Это были личные апартаменты Царя и Царицы, комнаты Детей. Ремонт и отделка здесь производились по желанию Николая и Александры еще после их свадьбы, и с тех пор обстановка оставалась почти без изменения. На стенах висели портреты и картины, любимые хозяевами. Здесь же сохранялось немало редкостей и вещей предков: портреты и бюсты Павла I, Александра I, Александра III, их личные вещи и бумаги.

В августе 1917 года Царскую Семью перевели под арест в сибирский губернский город Тобольск, где они содержались до апреля 1918 года, затем переправили в столицу Урала город Екатеринбург. Там в ночь на 17 июля Их всех убили…

За шестнадцать арестантских месяцев Николай II и

Александра Федоровна вытерпели множество унижений и оскорблений, но ни разу душой не дрогнули, ни разу не попросили у тюремщиком снисхождения, никогда не обращались к различным революционным правителям с просьбой о пощаде.

Их души парили высоко. Они верили в предначертанность жизненного пути, воля Господа для них была священна. Только это и любовь Друг к Другу придавало силы, позволяло не отдаваться отчаянию на краю бездны. Они писали письма родным и знакомым. В этих прощальных посланиях нет уныния, нет сетований на Свою участь. Только боль за Россию, только сострадание чужому горю.

В одном письме из Тобольска Александра Федоровна заметила: «Все прошло. Новую жизнь надо начинать и о Себе забыть».

Ныне Она – только мать, жена и Ее удел: сделать все, чтобы скрасить жизнь близким, достойно подготовиться к грядущей встрече с Царем Небесным.

«Мне нелегко, но Я так благодарна за все, что имела, – Я теперь старая и далеко от всего… Всех своих дорогих Богу отдала и Святой Божией Матери. Она всех покрывает своим омофором».

Свое последнее письмо Николай II отправил 20 февраля 1918 года из Тобольска сестре Ксении:

«Дорогая мая Ксения, благодарю тебя за милое письмо. Если правда, что Феликс (Юсупов, зять Ксении. – *А.Б.*) убит в Киеве, то благослови Бог тебя и Ирину. Передай Мое письмо Мама́, думаю, что через тебя вернее. Напишу тебе скоро. Мы все здоровы. Зима очень мягкая, более 30 градусов мороза не было, снега масса. Всегда думаем о вас и нежно любим. Помоги вам Господь. Твой Ники».

Александра Федоровна свои последние два письма (8 и 10 апреля) написала подруге Анне Вырубовой. Это духовное завещание обреченной Женщины и Царицы.

«Сколько несчастных жертв! Невинные, но они счастливее на том свете. Хотя гроза приближается – на душе мирно, все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на Него уповать».

Господь наградил Николая Александровича и Александру Федоровну многими радостями. Они встретились и поженились наперекор неблагоприятным обстоятельствам. Они искренне и многие годы неизбывно любили друг друга, жили в несравненном ладу друг с другом, а Их помыслы и души соединились в нерасторжимом единстве. И в конце земного срока Всевышний послал им горькую радость: Он призвал Их к Себе в один и тот же миг…

Глава 38. Сердце старой Минни

Летом 1914 года случилось то, чего все давно ждали и опасались: разразилась Мировая война. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, а затем в события втянулись и остальные важнейшие европейские державы: Австро-Венгрия (спровоцировавшая конфликт бесцеремонным ультиматумом Сербии), Англия, Франция.

В России царило национальное воодушевление и патриотический подъем. Призывы отстоять престиж Империи и защитить братьев-славян объединили представителей почти всех политических течений (кроме крайне левых). На улицах и в общественных собраниях Петербурга (в конце августа того года переименованного в Петроград) пели «Боже, Царя Храни», «Многие лета» и кричали «ура» Императору и генералитету.

В середине дня 19 июля Николай II назначил Верховным Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича (Младшего), «впредь до Моего приезда в армию», – как заметил Царь в дневнике (в августе 1915 года Император принял на себя обязанности Главнокомандующего). Вся жизнь огромной страны перестраивалась в соответствии с потребностями военного времени. И в этот самый патетический момент Царствования Николая II рядом с ним не было Его матери.

Мария Федоровна в мае уехала в Англию. И когда все в мире пришло в движение, она оказалась вдалеке от России, в отрыве от всего, чем жила и чем озабочена была её страна, её близкие, её Ники.

Когда перспектива военного столкновения стала необратимой, Вдовствующая Императрица бросила все и уже 19 июля была на пути в Россию. За два дня до того она писала дочери Ксении из Лондона: «Кажется, что все с ума сошли; не верится, что все это так скоро могло случиться. Я совершенно подавлена… Все, что произошло, так ужасно и так страшно, что слов нет. Боже мой, что нас еще ожидает и как это все кончится?» Сердце пожилой женщины переполняли мрачные предчувствия. Она вернулась домой в воскресенье 27 июля.

В России её ждали. Поезд доставил Марию Федоровну в Петергоф, где встречал Царь, члены Фамилии, свита и министры. Такого торжественного приема ей давно не оказывали. Все очень переживали за ее судьбу, зная о её дорожных мытарствах, но больше всех волновался Николай II.

Вдовствующая Императрица выглядела на удивление бодро, была полна сил и энергии, и трудно было предположить, что ей

скоро семьдесят. Она готова была служить любимой России в любом качестве.

Все первые дни с Ники виделась ежедневно. Встречалась и с Верховным Главнокомандующим и благословила его. Были встречи с другими военными, смотры войск, отправлявшихся на фронт, и везде появление Марии Федоровны вызывало восторг. Подъём царил повсеместно, и высоко сияло имя её сына – Императора.

Душа переполнялась радостью и гордостью за то, что дожила, что увидела это великое торжество правления. Столько было в прошлом горького и неприятного, но, даст Бог, всё будет преодолено, и победа принесет мир и успокоение. После неё должна наступить совсем другая жизнь. Но оставались сомнения и страхи за будущее, но в этот момент она не имела права придавать им значения. И не придавала. До поры…

10 августа 1914 года Императрица-Мать наконец-то смогла обнять сына Михаила, вернувшегося из Англии через Скандинавию. На следующий день, 11 августа, в присутствии Марии Федоровны произошла и радостная встреча Николая II с младшим братом. Через несколько дней Михаил Александрович получил назначение на фронт в качестве командира Кавказской конной туземной дивизии.

Теперь долг всех и каждого состоял в служении победе. Это касалось и членов Императорской Фамилии: мужчины отправлялись на фронт, а женщины помогали воинам в тылу, помогали кто как мог. Сестра Царя Ольга Александровна уехала работать в госпиталь в Киев, Греческая Королева-Вдова Ольга Константиновна служила в госпитале в Петрограде, Великая княгиня Елизавета Федоровна самоотверженно заботилась о раненых в Москве.

Самозабвенно и страстно важнейшему государственному делу отдалась и Императрица Александра Федоровна. Она и Ее старшие дочери Великие княжны Ольга и Татьяна стали сестрами милосердия.

Мария Федоровна тоже не осталась в стороне. Не могла остаться. Несмотря на слабость и возрастные недуги, регулярно посещала госпитали, бывала на смотрах войск. Она считала своей святой обязанностью морально поддержать тех, кто отправлялся на поле брани и кто пострадал там, защищая великое и праведное дело.

Стали приходить и первые горестные известия: 29 сентября при атаке на прусские позиции был смертельно ранен князь Императорской крови Олег Константинович, третий сын Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини

Елизаветы Маврикиевны.

Мария Федоровна всплакнула, услыхав об этом. Самого погибшего она видела всего несколько раз, но его отца знала хорошо и понимала, как тяжела ему потеря. Костя такой тонкий, такой впечатлительный и сможет ли выдержать столь жестокий удар!

В тот раз Константин Константинович устоял, но прошло восемь месяцев, и постигло новое горе: муж его старшей дочери Татьяны (1890–1970), князь Константин Багратион-Мухранский, 19 мая 1915 года погиб в бою. И сердце Великого князя, поэта, христианина, чадолюбивого отца, не выдержало: через две недели он тихо скончался в Павловске. 6 июня состоялись похороны в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Мария Федоровна шла за гробом милого Кости, не плача. Смерть так часто ее навещала, что она уже не роптала. Такова воля Всевышнего, и надо смиряться, хотя это так тяжело.

У нее уже столько было грустно – памятных дат: 16 января (смерть Папá), 5 марта (смерть брата Вильгельма), 12 апреля (день смерти Никса), 20 апреля (смерть сына Александра), 14 мая (смерть брата Фреди), 28 июня (смерть сына Георгия), 29 сентября (смерть дорогой Мамá), и, конечно же, навсегда черный рубеж – 20 октября – день кончины обожаемого мужа. А были еще дни памяти свекра и свекрови, многочисленных тетушек и дядюшек, бабушек и дедушек и других дальних и совсем близких родственников. И она ни о ком не забывала и всегда молилась за упокой их душ. Но многие другие уже всё забыли.

Жестокая война затягивалась, а в 1915 году наступили тяжелые времена. Весной германцы нанесли русской армии ряд поражений и продвинулись в глубь Западной России. Неудачи сразу же оживили всех недоброжелателей и злопыхателей, и усиленно начали циркулировать слухи о «темных силах», управляющих страной, о предателях и германофилах, окопавшихся на самых высших этажах пирамиды власти.

Эти неуместные разговоры и лживые утверждения достигали ушей Вдовствующей Императрицы. Они её беспокоили и печалили. Ну, почему все недовольны, почему так много дискредитирующих верховную власть утверждений? Петербургское (ставшее теперь петроградским) высшее общество изменило свое название, но не поменяло своей сути.

Все искали причины неудач и провалов в других, но никто не винил себя, своё легкомыслие, безверие и краснобайство. Общественная истерия затмевала сознание даже тем, кто, как казалось, своим происхождением, положением и судьбой обязан был твердо стоять на страже монархических устоев. Но и они не

выдерживали испытания.

Убеждение в том, что Россией «управляют не те и не так» становилось расхожим. Первоначально главная вина возлагалась на отдельных министров, затем на весь кабинет, а затем на Царицу и Царя! Такого в истории России ещё не бывало. Мария Федоровна это знала.

К Марии Федоровне «навела мосты» и Великая княгиня Мария Павловна. Она теперь вела себя мило и учтиво, и уже не было, как раньше, приступов какого-то странного поведения: то начинала беспричинно хохотать, то произносить какие-то бессвязные речи. Мария Федоровна заметила перемену: теперь Михень была серьезна, озабочена, и они один раз проговорили несколько часов, чуть не плача обе навзрыд. Царица откровенно ей сказала, что времена напоминают ей эпоху Императора Павла I, когда тот стал отстранять от себя верных людей и пал жертвой заговора.

Мария Федоровна как добросердечная и открытая натура говорила это той, кто если и не была пока заговорщицей, то готова была ей стать. Мария Павловна встречалась с иностранными дипломатами и без стеснения обсуждала с ними внутрифамильные темы, а французскому послу Морису Палеологу безапелляционно заявила в феврале 1916 года, что «Императрица (Александра Федоровна. – *А.Б.*) сумасшедшая, а Государь слеп». Это говорила русская Великая княгиня иностранцу!

Попутно она сообщила французскому посланнику, что Императрица-Мать устраивала сцены Сыну, кричала на Него, оскорбляла, но Тот ничего не желает слушать и груб с матерью. Все эти утверждения не имели ничего общего с действительностью и могли возникнуть лишь в воспаленном воображении заядлой интриганки.

Мария Федоровна говорила с Сыном и несколько раз просила обратить внимание на настроение общества. Никаких же «сцен» не устраивала и потому, что натура её тому противились, и потому, что любила, сочувствовала и жалела Сына, но и потому, что оставалась (в отличие от Михень) настоящей русской монархисткой, никогда не забывавшей, что старший в роду Ники и Ему надлежит повиноваться безусловно.

Многие же другие члены Династии о том уж давно забыли и стали даже вынашивать план совершить маленький династический переворот, который должна была возглавить… Мария Федоровна!

Николай II и Александра Федоровна знали о том, что в кругу Императорской Фамилии ведутся предосудительные разговоры,

что некоторые члены Династии встречаются с оппозиционными лидерами, дипломатами и обсуждают с ними политические вопросы. Царь относился к этому спокойно.

Александра же Федоровна, в силу эмоциональности и резкости своей натуры, не могла спокойно это воспринимать. Ее особенно возмущало, что непозволительные беседы ведутся у свекрови и «дорогая матушка» нисколько им не препятствует. В письмах мужу Александра Федоровна неоднократно об этом упоминала.

«Когда ты увидишь бедную матушку, Ты должен твердо сказать ей, что Тебе неприятно, что она выслушивает сплетни, и не пресекает их, и это создает неприятности» (16 сентября 1915 года).

«Я очень сожалею, что Твоя матушка вернулась в город. Боюсь, что прожужжат ей, бедной, уши нехорошими сплетнями» (4 ноября 1915 года).

«Это гораздо лучше, что дорогая матушка остается в Киеве, где более мягкий климат, где она может жить более согласно своим вкусам и слышать меньше сплетен» (1 ноября 1916 года).

Александра Федоровна не питала особой симпатии к свекрови. Она всегда ощущала со стороны старой Царицы нерасположение, и Её душа, ранимая и чуткая, не могла с этим смириться. Любя Мужа и Сына больше жизни, Императрица Александра считала себя полноправной хозяйкой Царского Дома и болезненно переживала при всякой попытке вторжения в это Её святая святых.

Она знала, что Муж чрезвычайно чтит мать, всегда заботлив, внимателен и принимает к сведению то, что она Ему говорит. Но ведь «дорогая матушка» оторвана от событий, не знакома с истинным положением в стране, а то, что ей рассказывают, по большей части исходит от недоброжелателей…

Уже в 1916 году почти все в России ощущали, что социальная почва колеблется, что всё вокруг замерло в ожидании роковых событий. Будущего ждали кто со страхом, кто со злорадством, кто с безразличием. Перемешивая правду с измышлениями, достоверные факты с откровенной ложью законодатели общественных настроений как из кругов Государственной Думы, так и вне ее рисовали трагическую картину русской действительности: власть находится в плену «темных сил» во главе с Распутиным и это тлетворное влияние объясняет и поражения на фронте, и нестроения в тылу.

Мария Федоровна не могла больше оставаться в столице. Её мучили эти разговоры, у нее не было сил слушать ужасные повествования, ей не хватало воздуха. И она уехала. Уехала в

Киев.

На душе стало спокойней. Из родных там была лишь дочь Ольга и зять Сандро (Александр Михайлович), командовавшей авиацией Юго-Западного фронта, штаб которого находился в Киеве.

Вдовствующая Императрица разместилась в импозантном Мариинском Дворце, стоявшие на берегу Днепра. Она постоянно посещала госпитали, подолгу беседовала с ранеными, и эти встречи благотворно воздействовали. Когда погода позволяла, то совершала прогулки в открытом экипаже по живописным улицам старинного города. Люди узнали её, снимали головные уборы, кланялись. «Царица, Царица», – слышалось в толпе.

В октябре 1916 года исполнялось пятидесятилетие свадьбы Марии Федоровны. Полвека она уже в России. В это трудно было поверить. Какая большая жизнь, какой огромный мир уже за плечами!

В тот день утром в Киев прибыл из Могилева Николай II с Сыном Алексеем. Мать и бабушка встречала Их на вокзале. Сразу отправились в Софийский собор, а после службы – во Дворец, где дорогие гости провели два дня. Ездили к Ольге в госпиталь, и так обидно было, что в такой момент Ольга была больна и не могла проводить с ними время. Совершили втроем – Царь, Вдовствующая Царица, Наследник Цесаревич – большую автомобильную прогулку по окрестностям. Было хорошо и приятно, и куда-то исчезли опасения и страхи.

В ноябре 1916 года дочь Ольга обвенчалась с ротмистром Николаем Куликовским. Мария Федоровна дала согласие на брак после некоторых колебаний. Ей трудно было согласиться на разнородную партию.

Всю свою жизнь она осуждала пренебрежение долгом, а вот теперь должна принять то, что могло принести счастье дочери, но не соответствовало династической норме. Но Ольга так просила, и Николай II поддержал сестру, и мать не устояла. Потом она об этом не жалела. В начале декабря 1916 года сообщала Сыну-Императору:

«Беби Ольга снова здесь. И такая радость видеть ее сияющей от счастья, слава Богу. Она бывает каждый день у меня, один раз они у меня вместе пили чай. И он очень мил, натуральный и скромный».

В декабре того же года произошло и еще одно событие, ставшее предзнаменованием грядущих потрясений. В ночь с 16 на 17 декабря в Петрограде, в роскошном родовом дворце князей Юсуповых, был убит тот, кого проклинали и ненавидели очень многие в России, но кто нёс душевный покой и давал надежду

Царю Николаю II и Царице Александре Федоровне: Распутин.

Весть о событии моментально стала общественным достоянием. Уже утром 17-го об этом узнал Великий князь Александр Михайлович, тут же отправившийся к своей теще. Мария Федоровна ещё была в постели, но как только Сандро сообщил ей, то с невероятной живостью вскочила и несколько раз повторила: «Нет, нет!!» В первый момент она не знала, что сказать и как реагировать. Радости ей это известие не прибавило. Она чувствовала, что впереди «еще большие несчастья».

С одной стороны, возникала надежда, что теперь, после исчезновения «этого мужика», положение успокоится. Но в то же время не давало покоя сознание того ужасного факта, что в деле об убийстве замешаны члены Императорской Фамилии: муж её внучки Ирины князь Феликс Юсупов и кузен Царя Великий князь Дмитрий Павлович.

Мария Федоровна все время была в подавленном состоянии. Не давали покоя тяжелые предчувствия. Её старое сердце было добрым и сострадательным. Она жалела всех: Николая II, молодых шалопаев Феликса и Дмитрия…

Сыну Николаю она долго не решалась писать. Лишь 17 февраля 1917 года отправила небольшое послание:

«Так давно не имела от Тебя известия, что совсем соскучилась и чувствую потребность по крайней мере письменно с Тобой говорить. Так много случилось с тех пор, что мы не виделись, но мои мысли Тебя не покидают, и я понимаю, что эти последние месяцы были очень тяжелыми для Тебя. Ты знаешь, как Ты мне дорог и как мне тяжело, что не могу Тебе помочь.

Я только могу молиться и просить Бога подкрепить Тебя и вдохновить Тебя на то, чтобы Ты смог сделать все возможное во благо нашей дорогой России. Так как мы теперь говеем и стараемся очистить наши души; надо покопаться в себе и простить всем и самим просить прощение у тех, которых чтим, либо обидели». Её сыну оставалось царствовать всего две недели…

В середине января Мария Федоровна получила послание от сестры Александры из Лондона, написанное 13 (26) января. Королева-Вдова глубоко переживала горести затянувшейся войны, ее сердце пылало огнем ненависти к врагам.

«Когда же наступит долгожданный конец! Может быть, после того, как мы основательно уничтожим этих ненавистных немцев! Господь должен простить эти мысли. Мы ведь человечнее; другие – настоящие варвары в наихудшем виде, лишенные человеческих чувств и сострадания».

Вдова Эдуарда VII имела весточки от Минни о драматических

событиях декабря 1916 года в Петрограде, была обеспокоена и удручена.

«Ты пишешь о Распутине. Это интересует меня страшно. Бог знает, как всё это устроится… Я не получаю из Петрограда детальных новостей. Что происходит с несчастными Великими князьями, которых «выгнали»? Ужасная ситуация. Джорджи (Король Георг V. – *А.Б.*) и Мэй (Королева. – *А.Б.*) посетили меня несколько дней назад и с большой жадностью слушали эти новости… Ники всё еще влюблен в свою Императрицу, как в первые дни женитьбы. Я даже думаю, что Он у Нее под каблуком».

Подобные умозаключения представлялись Марии Федоровне чрезмерно резкими, но в глубине души она готова была с ними согласиться.

Это было одно из последних писем от Александры, полученных Минни. Их интенсивная переписка, длившаяся более полувека, завершалась. Оставались считаные дни до того рубежа, за которым все события приобретут совершенно другие очертания и цвета.

Текущая жизнь, повседневные заботы и переживания в одночасье превратились в далекое прошлое. 2 марта 1917 года Николай II отрекся от Престола. Традиционный порядок вещей кончился.

Рано утром 3 марта эта роковая весть дошла до Киева, ее принес Марии Федоровне зять Сандро. Со старой Царицей случилась истерика. Дочь Ольга даже боялась, что «дорогая Мама́» не переживет. Но она пережила.

Господь решил подвергнуть её еще одному и самому страшному испытанию: стать свидетельницей крушения России, присутствовать при крушении всей своей жизни. Как только немного успокоилась – первая мысль: где Ники, что с Ним. Скоро пришло известие, что после отречения он отправился обратно в Ставку в Могилев, чтобы проститься со штабом и с войсками.

Мария Федоровна сразу же решила ехать к Нему. Её место сейчас там, около Того, которому так тяжелого. Он Ей теперь самый родной, самый близкий. Именно Ему теперь труднее всего. Сандро и Ольга пытались отговорить, но встретили такой отпор, что отступили. Вечером 3 марта Мария Федоровна отправила дочери Ксении в Петроград телеграмму:

«Сандро здесь, мы выезжаем сегодня ночью, чтобы встретить Его. Всё так печально, что не хочется верить».

Ночью с 3 на 4 марта 1917 года от Киевского вокзала отправился на север литерный поезд Императрицы. У неё еще был свой поезд! Скоро, очень скоро у неё в этой стране не будет даже собственной постели.

В полдень 4 марта Мария Федоровна прибыла в Могилев. Стояла ужасная погода: было очень холодно, сильный ветер и метель. На вокзале встречал Ники, и старой Царице, лишь мобилизовав все свое самообладание, удалось не лишиться чувств. Они обнялись, поцеловались и несколько часов провели наедине.

Ники так изменился: постарел, лицо совсем землистого цвета, под глазами мешки. Боже, помоги Ему, дай силы пережить! Слезы, горечь и жалость. Ничего иного в душе больше уже не было. Через два часа к ним пришел Сандро, заставший тещу в слезах, а Николая II нервно курившим папиросу за папиросой.

Четыре дня мать пробыла с сыном. Дочери Ксении телеграфировала: «Счастлива быть с Ним в эту самую тяжелую минуту» (5 марта). «Слава Богу, что вместе» (6 марта).

Сын и мать проводили часы в беседах, так уж давно они много не общались. Говорили, вспоминали, вспоминали. Вся жизнь теперь была уже в прошлом, а впереди маячил лишь черный провал.

В ранних сумерках 8 марта, около половины пятого дня, они расстались: мать уезжала обратно в Киев, а Сын Николай, уже под арестом, должен был следовать к Своей семье в Царское Село.

Возвращение в Киев было безрадостным. Всё вокруг резко менялось. Уже скоро стало заметно нарастание революционной истерии. Марии Федоровне даже отказали в посещении госпиталей, сказав, что «ее визиты больше не нужны». В газетах писали страшные вещи, называя Романовых «врагами народа».

Известий от Ники и Михаила почти не было, Какие-то неясные слухи лишь доходили. Старая Царица не выходила на улицу, тихо сидела у себя в будуаре, плакала и молилась. Она хотела ехать к Ники, чтобы быть с ним. Окружающие отговаривали, утверждая, что это опасно для жизни, что появились сообщения, что Ники собираются заточить в тюрьму или выслать в Сибирь.

А зачем ей нужна теперь ее жизнь? Что это за жизнь – находиться вдалеке и ничего не знать? Она должна быть вместе с Сыном, Внуком и Внучками. Пусть ее тоже арестуют, она готова следовать в Сибирь. Её уже не страшила смерть, она не боялась земных испытаний, она преодолела человеческие страхи. Но дочери и зять уговаривали отправиться в Крым, куда ещё можно было выбраться из революционного хаоса.

Мария Федоровна долго не хотела ехать никуда, кроме как к Ники. В конце концов ее чуть не силой пришлось тащить в поезд, который 23 марта 1917 года увез её и семьи её дочерей в Крым, в имение Сандро и Ксении Ай-Тодор. После смерти Саши она в

Крыму не бывала.

Холодный ужас не оставляет ни на минуту. Шли дни, текли месяца. Всё вокруг было беспросветным. Ничего уже почти и не радовало, и силы как-то вдруг стали покидать. Окружающие были заботливы, участливы. Время от времени приходили известия от Николая и Михаила, и даже Внуки прислали коротенькие послания.

Она знала, что семья Николая в августе 1917 года отправлена из Царского Села в Тобольск. Она несколько раз сама написала, но с трудом находила необходимые слова, не знала, о чем говорить. К тому же было известно, что вся корреспонденция проходит через руки охраны, и это было оскорбительным и нетерпимым. Но она находила силы преодолевать обстоятельства.

Последнее письмо поверженному Императору она отправила из Ай-Тодора 27 ноября 1917 года. Это оказались ее прощальные слова Обреченным на смерть.

«Дорогой мой, милый Ники!

Только что получила Твое дорогое письмо от 27 октября, которое меня страшно обрадовало. Не нахожу слов Тебе достаточно это выразить и от души благодарю Тебя, милый! Ты знаешь, что мои мысли и молитвы никогда Тебя не покидают; день и ночь о вас думаю, и иногда так тяжело, что кажется нельзя больше терпеть. Но Бог милостив. Он дает нам сил для этих ужасных испытаний. Слава Богу, что вы все здоровы, по крайней мере, и все живете уютно и все вместе.

Вот уж год прошел, что Ты и милый Алексей были у меня в Киеве. Кто мог тогда подумать, что нас ожидает и что Ты должен пережить! Просто не верится! Я только живу воспоминаниями и счастлива прошлым и стараюсь забыть, если возможно, теперешний кошмар. Миша мне тоже написал о вашем последнем свидании, о вашем кошмаричном отъезде, столь возмутительном!

Твое дорогое первое письмо от 19 сентября я получила и извиняюсь, что до сих пор не могла ответить, но Ксения Тебе объяснила почему. Я ужасно сожалею, что Тебя не пускают гулять; знаю, как это Тебе и милейшим детям необходимо. Просто непонятная жестокость!

Я наконец совсем поправилась после длинной и скучной болезни и могу снова бывать на воздухе после 2 месяцев. Погода чудная, особенно последние дни. Живем мы очень тихо и скромно, никого не видим, так как нас не выпускают из имения, что весьма несносно. Еще слава Богу, что я вместе с Ксенией, Ольгой и со всеми внуками, которые по очереди у меня обедают каждый день.

Мой новый внук Тихон нам всем принес огромное счастье. Он

растет и толстеет с каждым днем и такой прелестный, удивительно любезен и спокоен. Отрадно видеть, как Ольга счастлива и наслаждается своим Беби, которого она так долго ждала. Они очень уютно живут над погребом. Она и Ксения каждое утро бывают у меня, и мы пьем какао, так как мы всегда голодны. Провизию так трудно достать, особенно белый хлеб и масло. Мне их очень не достает, но иногда добрые люди мне присылают, чему я очень рада.

Князь Шервашидзе (управляющий двором Марии Федоровны. – *А.Б.*) недавно приехал, что очень приятно. Он всегда в духе и забавен и так рад быть здесь отдохнуть после Питера, где было так ужасно!

Я была очень обрадована письмами Алексея и моих Внучек, которые так мило пишут. Я их всех благодарю и крепко целую. Мы всегда говорим о Вас и думаем! Грущу быть в разлуке, так тяжело не видеть, не говорить! Я изредка получаю письма от Аликс (Английская Королева-Вдова. – *А.Б.*) и Вальдемара (брат. – *А.Б.*), но всё так медленно идет, и я всё жду дальнего послания.

Понимаю, как Тебе приятно прочесть Твои старые письма и дневники, хотя эти воспоминания о счастливом прошлом возбуждают глубокую грусть в душе. Я даже этого утешения не имею, так как при обыске весною всё, всё похитили, все ваши письма, всё, что я получала в Киеве, детские письма, 3 дневника и пр. и пр. До сих пор не вернули, что возмутительно и спрашивается зачем?

Сегодня, 22 ноября, день рождения дорогого Миши, который кажется живет в городе. Дай Бог ему здоровья и счастья.

Погода вдруг переменилась, сильный ветер и холодно, только 3 градуса, и хотя топится, но довольно свежо в комнате, и мои руки мерзнут. Никита (сын Ксении. – *А.Б.*) был у дантиста К. (Кострицкий С.С. – придворный зубной врач, ездил в Тобольск лечить царскую семью. – *А.Б.*), только от него слышала о вас немного. Радуюсь, что у бедной Аликс больше не болят зубы и что окончил со всеми свою работу. Надеюсь, что Иза Б. (Буксгевден. – *А.Б.*) благополучно приехала и поправилась после операции.

Пожалуйста, кланяйся им всем, тоже Ил. Татищеву (Илья Леонидович, граф, сопровождал Царскую Семью. – *А.Б.*), кто с вами из людей? Надеюсь, что добрый Тетерятников поехал с тобою. У меня остались только Ящик и Поляков, которыми я не могу достаточно налюбоваться, такие чудные, верные люди. Они служат у меня за столом и очень ловко подают.

6 декабря (день именин Николая Александровича. – *А.Б.*) все мои мысли будут с Тобой, мой милый, дорогой Ники. Шлю Тебе самые горячие пожелания. Да хранит Тебя Господь, пошлет Тебе

душевное спокойствие и не даст России погибнуть.

Крепко и нежно тебя люблю. Христос с вами. Горячо любящая Тебя

Твоя старая Мама».

Все приближалось к концу. Лишь горстка пепла, лишь незабываемые образы былого помогли оставаться на земле. Господь давал нечеловеческие силы пережить мрачное настоящее и остаться в нежеланном будущем.

Указатель имен

Августа-Виктория – Августа – (1858–1921). Урожденная Принцесса Шлезвиг-Голштинская, жена (1881) Прусского Принца Вильгельма, ставшего Германским Императором и Прусским Королем Вильгельмом II (1888–1918). Дети: Вильгельм (1882–1951), женат (1905) на Принцессе Цецилии Мекленбургской; Эйтель-Фридрих (1883–1942), женат (1906) на Софии-Шарлотте, Принцессе Ольденбургской; Адальберт (1884–1948); Август-Вильгельм (1887–1949), женат (1908) на Александре-Виктории, Принцессе Шлезвиг-Голштинской; Оскар (1888–1958); Иоахим (1890–1920); Виктория-Луиза (1892–1980), замужем (1913) за Эрнестом-Августом, Великим герцогом Брауншвейгским.

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888). Граф, генерал-адъютант, командующий Императорской главной квартирой (с 1861), затем министр Императорского двора и уделов (1870–1882).

Адлерберг Екатерина Николаевна, урожденная Полтавцева (1822–1910). Графиня, статс-дама, жена графа А.В. Адлерберга.

Александр II Николаевич (1818–1881). Император (1855–1881). Старший сын Императора Николая I. Женат (1841) на Принцессе Марии Гессен-Дармштадтской (Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии), в России – Мария Александровна (1824–1880). Дети: Александра (1842–1849), Николай (1843–1865), Александр (1845–1894. Император 1881–1894), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Мария (1853–1920. В замужестве (1874) за сыном Английской Королевы Виктории герцогом Альфредом Саксен-Кобург-Готским), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919).

Александр III (1845–1894). Второй сын Императора Александра II. Император России (1881–1894).

Александр Баттенбергский (1857–1893). Принц, сын Принца Александра Гессенского, племянник Александра II. В 1879 году был избран Князем Болгарским. Отрекся от Престола в 1886 года. После отречения принял титул графа Гартенау.

Александр Гессенский (Людвиг-Георг-Фридрих-Эмиль) – дядя Александр – (1823–1888). Третий сын Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига II, брат Императрицы Марии Александровны. Состоял на русской, а затем на австрийской службе, где имел звание фельдмаршал-лейтенант. В 1851 году оставил службу и вступил в морганатический брак с фрейлиной сестры (тогда Цесаревны, Марии Александровны) графиней Юлией фон Гауке (1825–1895) – дочерью русского

артиллерийского генерала Морица фон Гауке, которая вместе со своим потомством получила титул графини (а в 1858 году – Принцессы) Баттенберг. Родоначальник рода князей (принцев) Баттенберг (Маунтбеттен). Дети: Людвиг (с 1917 года – лорд Маунтбеттен (1854–1921). Женат (1884) на Виктории (1863–1950), Принцессе Гессенской, старшей сестре Императрицы Александры Федоровны, маркизе Мильфорд-Хэвен), Александр (1857–1893), Генрих (Генрих-Маврикий (1858–1896. Женат (1885) на младшей дочери Английской Королевы Виктории Принцессе Беатрисе (1857–1944).

Александр Михайлович – Сандро – (1866–1933). Великий князь, генерал-адъютант, адмирал, четвертый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Председатель Совета по делам торгового мореплавания (1900), Главноуправляющий торгового мореплавания и портами (1902–1905). Женат (1894) на сестре Николая II Ксении Александровне. Дети: Ирина (1895–1970. В замужестве (1914) за князем Ф.Ф. Юсуповым), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989).

Александра Английская – тетя Аликс, Alix – (1844–1925). Жена (1863) Наследника Английского Престола Принца Уэльского Альберта-Эдуарда, ставшего в 1901 году Королем Эдуардом VII. Урожденная Принцесса Датская, старшая сестра Императрицы Марии Федоровны. Дети: Альберт-Виктор (1864–1892), Георг (1865–1936), герцог Йоркский, женат (1893) на Виктории-Марии (1867–1953), дочери герцога Текского, Английский Король Георг V (1910–1936), Луиза (1867–1931), замужем (1889) за герцогом Файфским (1849–1912), Виктория (1868–1935), Мод (1869–1938, замужем (1896) за Карлом, Принцем Датским (1872–1957), избранным Королем Норвегии в 1905 году под именем Хокон VII).

Александра Георгиевна – Аликс – (1870–1891). Дочь Греческого Короля Георга I и его жены русской Великой княгини Ольги Константиновны. Племянница Императрицы Марии Федоровны. Замужем (1889) за младшим сыном Александра II Великим князем Павлом Александровичем. Дети: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942). Умерла 12 сентября 1891 года после тяжелых родов сына Дмитрия, будучи в гостях у Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Федоровны в их имении Ильинское под Москвой.

Александра Иосифовна – тетя Сани – (1830–1911). Великая княгиня, урожденная Принцесса Саксен-Альтенбургская

(Фредерика-Генриетта-Паулина-Мариана-Елизавета), жена (1848) Великого князя Константина Николаевича, третьего сына Николая I. Дети: Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926, замужем (1867) за Принцем Георгом, будущим Королем Греческим Георгом I); Вера (1854–1912, замужем (1874) за Вильгельмом-Евгением герцогом Вюртембергским); Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879).

Александра Петровна – тетя Саша – (1838–1900). Великая княгиня, дочь Принца Петра Георгиевича Ольденбургского, жена (1856) Великого князя Николая Николаевича (Старшего). Дети: Николай (1856–1929) и Петр (1864–1934). Ее брак с Николаем Николаевичем фактически распался в конце 70-х годов. В 1889 году приняла монашество под именем Анастасия и была послушницей Киево-Покровского женского монастыря.

Александра Федоровна – Аликс – (1872–1918). Урожденная Гессенская Принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза, супруга (1894) Императора Николая II. Дети: Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918), Мария (1899–1918), Анастасия (1901–1918), Алексей (1904–1918). В 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислена к лику святых.

Александрина – Адини – (1879–1952). Урожденная Принцесса Мекленбург-Шверинская, жена (1898) Датского Принца Христиана (1870–1947), сына Короля Фредерика VIII. Дочь Великой княгини Анастасии Михайловны, правнучка Императора Николая I. В 1912 году Христиан наследовал Трон и стал Датским Королем Христианом X. Дети: Фредерик (Фридрих) (1899–1972), Король Дании с 1947 года; Кнудт (1900–1976).

Алексей Александрович – Алексей, Алексис – (1850–1908). Великий князь, четвертый сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал-адмирал, Главный начальник флота и морского ведомства (1880–1905), член Государственного Совета. В молодости был влюблен в дочь поэта В.А. Жуковского княжну Александру Васильевну (1844–1899), с которой тайно обвенчался в Италии, но отец, Император Александр II, брак аннулировал. Александра Жуковская имела от Великого князя сына Алексея Алексеевича, получившего титул графа Белёвского (родился в 1871 году в городе Зальцбурге, был убит в 1932 году в Тбилиси. У него было две дочери и сын). Великий князь Алексей Александрович прожил холостяком.

Альберт-Виктор – Эдди – (1864–1892). Старший сын Наследника Английского Престола Альберта-Эдуарда, Принца Уэльского (впоследствии Английского Короля Эдуард VII), внук Английской Королевы Виктории. В 1889 году делал предложение своей кузине Алисе Гессенской, но получил отказ.

Альберт-Эдуард – Берти – (1841–1910). Старший сын Английской Королевы Виктории, Принц Уэльский, женат (1863) на Принцессе Александре, старшей дочери Датского Короля Христиана IX. Стал королем Великобритании и Ирландии после смерти своей матери в 1901 году под именем Эдуарда VII. Дети: Альберт-Виктор (1864–1892), Георг (1865–1936, с 1910 года – Король Георг V), Луиза (1867–1931), Виктория (1868–1935), Мод (1869–1938).

Альфред-Эрнест-Альберт – Альфред – (1844–1900). Герцог Саксен-Кобург-Готский, сын Английской Королевы Виктории. Герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский, муж (1874) единственной дочери Императора Александра II Марии Александровны. Дети: Мария (1875–1938), Виктория-Мелита (1876–1936, Великая княгиня Виктория Федоровна), Александра (1878–1942), Беатриса (1884–1966).

Анастасия Михайловна – Анастасия – (1860–1922). Великая княжна, дочь Великого князя Михаила Николаевича, внучка Николая I. Замужем (1879) за герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским (1851–1897). Их старшая дочь Александрина (Адини) с 1898 года – жена сына Наследника Датского Престола Христиана, который в 1912 году стал Королем Дании Христианом X, а Александрина – Королевой Дании.

Анастасия Николаевна Черногорская – Стана – (1868–1935). Великая княгиня, жена (1907) Великого князя Николая Николаевича (Младшего), дочь Короля Черногорского Николая I Негоша. В первом браке (1889) с герцогом Георгом Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским (1852–1912). Дети: Сергей (1890–1974), Елена (1892–1972), в замужестве графиня Тышкевич). Детей от второго брака не было.

Андрей Владимирович – Андрей – (1879–1955). Третий сын Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны (Старшей), внук Императора Александра II, двоюродный брат Николая II. Много лет состоял в интимной связи с балериной Матильдой Феликсовной Кшесинской (1872–1971), имевшей от него сына Владимира (1902–1974), получившего разрешение Николая II носить фамилию Красинский. В 1921 году в Париже Андрей Владимирович женился на М.Ф. Кшесинской. Все трое похоронены на Русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Апраксина (Оболенская) Александра Александровна – Сандра, Апрак – (1847–1918). Графиня, замужем за гофмаршалом, флигель-адъютантом князем Владимиром Сергеевичем Оболенским (Оболенский-Нелединский-Мелецкий, умер в 1891 году). Фрейлина Императрицы Марии Федоровны,

многолетняя ближайшая приятельница Императрицы.

Баденская Мария Максимилиановна – Маруся, тетя Маруся – (1841–1914). Княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, дочь Принца Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852), князя Романовского и Великой княгини Марии Николаевны (1819–1876), внучка Николая I. В 1863 году вышла замуж за герцога Вильгельма Баденского (умер в 1897 году), брата Великого герцога Баденского Фридриха.

Барятинский Владимир Анатольевич – Бака – (1843–1914). Князь, генерал-адъютант, состоял при Императрице Марии Федоровне. Руководитель кругосветного путешествия Цесаревича Николая Александровича в 1890–1891 годах.

Беатриса – Беатриса – (1857–1944). Принцесса Баттенбергская, урожденная Принцесса Английская, младшая дочь Королевы Виктории, жена (1885) Принца Генриха-Маврикия Баттенбергского (1858–1896), тетка Императрицы Александры Федоровны. Дочь Беатрисы Виктория-Евгения (Баттенбергская, кузина Императрицы Александры Федоровны, 1887–1969) в 1906 году стала женой Испанского Короля (с 1902 года) Альфонса XIII Бурбона (1886–1941).

Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815–1898). Князь, канцлер Германской Империи (1871–1890).

Вальдемар (1858–1939). Принц Датский, сын Короля Христиана IX и Королевы Луизы, младший брат Императрицы Марии Федоровны. Женат (1885) на Принцессе Марии Орлеанской (1865–1909), старшей дочери герцога Шартрского. Дети: Аге (1887–1940), Аксель (1888–1964), Эрих (1890–1950), Вигго (1893–1970), Маргарита (1895-?).

Вельяминов Николай Александрович (1855–1920). Лейб-хирург Императора Александра III, профессор.

Виктория (1819–1901). Королева Великобритании и Ирландии и Императрица Индии (1837–1901). Дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына Короля Георга III и Принцессы Виктории Саксен-Саальфельд-Кобургской. В супружестве (1840) с Принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819–1861). Вступила на Престол после смерти дяди своего Короля Вильгельма IV. Дети: Виктория (1840–1901, замужем (1858) за Фридрихом-Вильгельмом, Императором Германским Фридрихом III, Альберт-Эдуард (1841–1910, женат (1863) на Принцессе Датской Александре), Алиса (1843–1878, в замужестве (1862) за Людвигом Гессенским), Альфред (1844–1900, женат (1874) на дочери Императора Александра II Марии Александровне, Елена (1846–1923, в замужестве (1866) за Принцем Христианом Шлезвиг-Голштинским), Луиза (1848–1939,

в замужестве (1871) за маркизом Джоном Лорном, старшим сыном герцога Арджильского), Артур (1850–1942, герцог Коннаутский, женат (1879) на Принцессе Прусской Луизе-Маргарите (1860–1917), Леопольд (1853–1884), Беатриса (1857–1944, замужем (1885) за Генрихом, принцем Баттенбергским). Королева Виктория скончалась 22 января 1901 года и похоронена в Виндзоре.

Виктория Баттенбергская – Виктория – (1863–1950). Урожденная Принцесса Гессенская, жена Принца Людвига Баттенбергского (1854–1921), лорда Маунтбеттена (1917), старшая сестра Императрицы Александры Федоровны. Дети: Алиса (1885–1969) и Людвиг (1900–1979, лорд Маунтбеттен Бирманский). Ее дочь Алиса (1885–1969) вышла замуж (1903) за Греческого Принца Андрея (1882–1944), и их сын Филипп герцог Эдинбургский (род. 1921) – муж Английской Королевы Елизаветы II.

Виктория-Мария – Мэй – (1867–1953). Урожденная Принцесса Текская, жена (1893) сына Наследника Английского Престола Георга – Короля (с 1910 года) Георга V. Дети: Эдуард-Альберт, Принц Уэльский и герцог Корнуэлльский (1894–1952), Английский Король Эдуард VIII (1936); Георг (1895–1952, английский Король Георг VI (1936–1952); Мария (1897–1965); Генрих (1900–1974); Джон (1905–1919).

Виктория Прусская – Вике – (1840–1901). Урожденная Принцесса Английская Виктория (1840–1901), старшая дочь Английской Королевы Виктории, замужем (1858) за Принцем Фридрихом-Вильгельмом Прусским (1831–1888) – Германским Императором Фридрихом III (1888), мать Императора Вильгельма II. Дети: Фридрих Вильгельм (1859–1941, Германский Император Вильгельм II), Шарлотта (1860–1919, замужем (1878) за Принцем Бернгардом Саксен-Майнингенским), Генрих (1862–1929, женат (1888) на Ирэне Принцессе Гессенской), Франциск-Фридрих (1864–1866), Виктория (1866–1929, замужем (1890) за Принцем Альфредом Шаумбург-Липпе), Вальдемар (1868–1878), София (1870–1932, замужем (1889) за Греческим принцем Константином (с 1913 года – Греческий Король Константин I), Маргарита (1872–1954, замужем (1893) за Принцем Фридрихом-Карлом Гессенским).

Виктория Уэльская (1868–1935). Принцесса Виктория Уэльская, дочь Английского Короля Эдуарда VII. Первая юношеская любовь Цесаревича Николая Александровича (Николая II). Замужем не была.

Виктория Федоровна – Даки – (1876–1936). Урожденная Принцесса Саксен-Кобург-Готская Виктория-Мелита, дочь

Великой княгини Марии Александровны и Альфреда, герцога и герцогини Эдинбургских, внучка Императора Александра II и Английской Королевы Виктории. Ее сестры: Королева Румынская с 1914 года Мария (1875–1938), Александра (1877–1942, в замужестве Гогенлое-Лангебургская) и Беатриса (1884–1966, жена Инфанта Испанского, Принца Альфонса Орлеанского). Имела единственного брата Альфреда-Александра-Эрнста-Альберта (1874–1899), покончившего жизнь самоубийством. В первом браке (1894) за Великим герцогом Гессенским и Рейнским Эрнстом-Людвигом, братом Императрицы Александры Федоровны. Имела от него дочь Елизавету (1895–1903). В 1901 году развелась с герцогом и в 1905 году вышла замуж за своего двоюродного брата Великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан в 1907 году, когда она получила титул Великой княгини. Дети от второго брака: Мария (1907–1951), Кира (1909–1967), Владимир (1917–1992).

Виктория Шведская – Вики – (1862–1930). Урожденная Принцесса Виктория Баденская, жена (1881) Наследника Шведского Престола Густава – Шведского Короля Густава V (1907–1950). Дети: Густав-Адольф, герцог Сконийский (1882–1973), Вильгельм, герцог Зюдерманладский (1884–1965), Эрик, герцог Вестманландский (1889–1918).

Виктор-Эммануил (1820–1878). С 1849 года – Король Сардинский, с 1861 года – Итальянский Король Виктор-Эммануил II. Женат (1842) на Принцессе Марии-Аделаиде Австрийской (1822–1855).

Виктор-Эммануил III(1869–1947). Итальянский Король (1900–1946). Женат (1896) на Принцессе Елене Черногорской (1873–1952).

Вильгельм I(1797–1888). Император Германский и Король Прусский. Сын Прусского Короля Фридриха-Вильгельма III и Принцессы Мекленбург-Стрелицкой. Вступил на Прусский Престол в 1861 году после смерти своего брата Короля Фридриха-Вильгельма IV. Избран первым Императором Германской Империи в январе 1871 года. Женат на Августе (1811–1890), урожденной Принцессе Саксен-Веймарской. Дети: Фридрих-Вильгельм (1831–1888), Луиза (1838–1923, в браке (1856) с Великим герцогом Баденским Фридрихом).

Вильгельм II – Вилли, Вильгельм – (1858–1941). Император Германский и Король Прусский (1888–1918). Вступил на Престол в 1888 году после смерти своего отца Императора Фридриха III. Матерью его была старшая дочь Английской Королевы Виктории Принцесса Виктория. Женат (1881) на Принцессе Августе-Виктории Шлезвиг-Голштинской (1858–1921). Дети: Вильгельм

(1882–1951, Наследный Принц Пруссии и Германии, женат (1905) на Цецилии, герцогине Мекленбургской (1886–1954), Эйтель-Фридрих (1883–1942, женат (1906) на Софии-Шарлотте, герцогине Ольденбургской), Адальберт (1884–1948), Август-Вильгельм (1887–1949, женат (1908) на Александре-Виктории, Принцессе Шлезвиг-Голштинской), Оскар (1888–1958), Иоахим (1890–1920), Виктория-Луиза (1892–1980, замужем (1913) за Эрнестом-Августом, Великим герцогом Брауншвейгским).

Владимир Александрович – Владимир, дядя Владимир – (1847–1909). Великий князь, сын Императора Александра II, генерал-адъютант, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), член Государственного Совета, Президент Академии Художеств. Женат (1874) на дочери Великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II Принцессе Марии, принявшей в России имя Великой княгини Марии Павловны (Старшей). Их дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1956); Елена (1882–1957, в замужестве (1902) за Греческим Принцем Николаем).

Воронцов-Дашков Илларион Иванович(1837–1916). Граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Друг Императора Александра III. Министр Императорского Двора (1881–1897), Наместник на Кавказе и Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (1905–1915). Женат (1867) на Елизавете Алексеевне, урожденной графине Шуваловой.

Георг-Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий(1824–1876). Генерал-адъютант, генерал-инспектор стрелковых батальонов, супруг (1851) Великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894).

Георг I – Вилли – (1845–1913). Принц Датский Вильгельм, второй сын Датского Короля Христиана IX, брат Императрицы Марии Федоровны. Принял в 1863 году предложенную Греческим Национальным собранием Корону, после того как Россия, Франция и Англия высказали свое согласие. Женат (1867) на Великой княгине Ольге Константиновне (1851–1926). Дети: Константин (1868–1923, Король в 1913–1917 и 1920–1922 годах), Георг (1869–1957), Александра (1870–1891), Николай (1872–1938), Мария (1876–1940), Андрей (1882–1944), Христофор (1888–1940). Георг I был убит 13 марта 1913 года в городе Салоники.

Георг V – Джорджи – (1865–1936). Король Великобритании и Ирландии и Император Индии. Вступил на Престол в 1910 году после смерти своего отца Короля Эдуарда VII. Женат (1893) на Виктории-Марии (1867–1953), дочери герцога Текского. Дети:

Эдуард-Альберт (1894–1972, Принц Уэльский и герцог Корнуэлльский. В январе 1936 года стал Английским Королем Эдуардом VIII, но в декабре того же года отрекся от Престола), Георг (1895–1952, Герцог Йоркский, Английский Король Георг VI (1836–1952), отец Королевы Елизаветы II), Мария (1897–1965, в замужестве (1922) за Генри-Джоржем Лассель, графом Хэвудом), Генрих (Генри), герцог Глостерский (1900–1974), Георг, герцог Кентский (1902–1942), Джон (1905–1919).

Георгий Александрович – Джорджи – (1871–1899). Великий князь, сын Императора Александра III, брат Императора Николая II. В 1894–1899 годах – Наследник Престола. В начале 90-х годов заболел туберкулезом и последние годы жизни провел почти безвыездно в местечке Абастуман (Абас-Туман) на Кавказе, куда его отправили врачи. Здесь основал самую высокогорную в мире обсерваторию. Умер от туберкулеза.

Георгий Михайлович – Георгий – (1863–1919). Великий князь, генерал-адъютант, сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Женат (1900) на Марии Греческой (1876–1940), племяннице Императрицы Марии Федоровны. Нумизмат. Директор Музея Императора Александра III в Петербурге (Русский музей).

Гирс Николай Карлович(1820–1895). Статс-секретарь, министр иностранных дел России (1882–1895).

Гирш Густав Иванович (1828–1907). Лейб-хирург Александра III и Николая II.

Гладстон Уильям-Юарт (**1809–1898**). Английский политик, лидер либеральной партии, премьер-министр в 1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894 годах.

Дизраэли Бенджамин, граф Бикосфильд(1804–1881). Премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах, лидер Консервативной партии.

Дмитрий Константинович – Дмитрий – (1860–1919). Великий князь, внук Императора Николая I, третий сын Великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича (1827–1892) и Великой княгини Александры Иосифовны (1830–1911), двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Главноуправляющий государственного коннозаводства (1897–1905). Семьи не имел.

Екатерина Михайловна – тетя Катя – (1827–1894). Великая княгиня, дочь Михаила Павловича (брата Николая I), замужем (1851) за герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким (1823–1876).

Елена – Елена – (1846–1923). Дочь Английской Королевы Виктории, в супружестве (1866) с Принцем Христианом Шлезвиг-

Гольштейн-Зонденбург-Аугустенбургским.

Елена Павловна(1806–1873). Великая княгиня, урожденная Принцесса Вюртембергская, жена (1824) Великого князя Михаила Павловича (1798–1849).

Елизавета Маврикиевна – Мавра – (1865–1927). Великая княгиня, урожденная Принцесса Саксен-Альтенбургская. В замужестве (1884) за Великим князем Константином Константиновичем (К.Р.). Дети: Иван (1886–1918), Гавриил (1887–1939), Татьяна (1890–1970), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1938), Наталья (1905), Вера (1906–2001).

Елизавета Федоровна – Элла – (1864–1918). Великая княгиня, урожденная Принцесса Гессен-Дармштадтская, вторая дочь герцога Людвига IV. Жена (1884) Великого князя Сергея Александровича, сестра Императрицы Александры Федоровны. В 1910 году приняла монашеский постриг. Была убита в Алапаевске 17 июля 1918 года. В 1992 году причислена Русской Православной Церковью к лику святых.

Жуковская Александра Васильевна (**1842–1899).** Дочь поэта В.А. Жуковского, фрейлина Императрицы Марии Александровны. Возлюбленная Великого князя Алексея Александровича, с которым она тайно обвенчалась в Италии, но брак был аннулирован Императором Александром II. Имела от Великого князя сына Алексея Алексеевича, получившего титул графа Белёвского (1871–1932). За границей вышла замуж за барона Вормена.

Захарьин Григорий Антонович(1829–1897). Директор факультетской терапевтической клиники Московского университета, известный врач-терапевт.

Здекауер Николай Федорович(1815–1897). Профессор Медико-хирургической академии, лейб-медик.

Извольский Александр Петрович (1865–1923). Гофмейстер, член Государственного Совета, министр иностранных дел (1906–1910), затем (1910–1917) посол во Франции. Посланник в Белграде (1897), затем в Мюнхене, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Токио (1899), посланник в Копенгагене (1903–1906). Женат на Маргарите Кирилловне, урожденной графине Толь.

Константин – Тино – (1868–1923). Старший сын Греческого Короля Георга I и Великой княгини Ольги Константиновны, племянник Великого князя Константина Константиновича, внук Великого князя Константина Николаевича, племянник Императрицы Марии Федоровны. Король Греческий Константин I (1913–1917 и 1920–1922). Отрекся от престола в 1922 году. Женат

(1889) на Софии, Принцессе Прусской (1870–1932). Дети: Георг (1890–1947. Король Греческий Георг II), Александр (1893–1920. Король Александр I в 1917–1920 годах), Елена (1896–1982. В замужестве за Румынским Королем Каролем (Карлом) I), Павел (1901–1964. Король Греции Павел I в 1947–1964 годах), Ирэна (1904–1974), Екатерина (1912-?).

Константин Константинович – Костя, К.Р. – (1858–1915). Великий князь, второй сын Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III. Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. С 1891 года – командир Преображенского полка, Начальник военно-учебных заведений (1900–1910); с 1910 года – генерал-инспектор военно-учебных заведений. С 1889 года – Президент Академии Наук. Поэт, драматург, переводчик (литературный псевдоним К.Р.). Женат (1884) на Принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской, получившей в России имя Елизавета Маврикиевна. Дети: Иван (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Татьяна (1890–1970), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1838), Наталья (1905), Вера (1906–2001).

Константин Николаевич – Коко – (1827–1892). Великий князь, второй сын Императора Николая I. Генерал-адмирал. С 1855 года управлял флотом и морским ведомством на правах министра, с 1860 года – председатель Главного комитета по крестьянскому делу, наместник Царства Польского (1862–1863), председатель Государственного Совета (1865–1881). Женат (1848) на Александре Иосифовне, Принцессе Саксен-Альтенбургской (1830–1911). Дети: Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926. В замужестве (1867) за Королем Греческим Георгом I), Вера (1854–1912. В замужестве (1874) с Вильгельмом-Евгением, принцем Вюртембергским), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879). Состоял в длительной любовной связи с балериной Анной Васильевной Кузнецовой, имевшей от него четверых детей, получивших фамилию Князевы.

Ксения Александровна – Ксения – (1875–1960). Великая княгиня, старшая дочь Императора Александра III, сестра Императора Николая II. Жена (свадьба – 25 июля 1894 года) Великого князя Александра Михайловича. Дети: Ирина (1895–1970. В замужестве (1914) Юсупова), Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989). В эмиграции жила почти безвыездно во Фрагмор-Коттедже в Виндзорском парке, а с 1937 года – в особняке, подаренном королем Эдуардом VIII в Хэмтон-Корте.

Кузнецова Анна Васильевна(1847–1922). Балерина, с начала 70-х годов – возлюбленная Великого князя Константина Николаевича. Имела от него детей: Сергея (1873), Измаила (1879–1885), Льва (1882–1885), Марину (1875–1941. В замужестве за гвардейским офицером А.П. Ершовым), Анну (1878–1920. В замужестве за офицером Н.Н. Лялиным). В 1883 году детям А.В. Кузнецовой была присвоена фамилия Князевы и пожаловано потомственное дворянство.

Лейхтенбергские. Герцогский дом Лейхтенбергских был основан сыном Жозефины Богарне Евгением (пасынком Наполеона I). Евгений Богарне (1781–1824, Вице-король Италии в 1805–1814 годах) женился на дочери Баварского Короля Амалии-Августе (1788–1853) в 1806 году. После разгрома Наполеона Король уступил своему зятю за 5 млн франков ландграфство Лейхтенберг и часть княжества Эйхштадт, а Евгений Богарне стал герцогом Лейхтенбергским. Сын Евгения Максимилиан (1817–1852) в 1834 году женился на дочери Николая I Марии Николаевне, и герцоги Лейхтенбергские вошли в состав Русской Императорской Фамилии, им был присвоен титул князей Романовских.

Лейхтенбергский Евгений Максимилианович – Эжен, Евгений – (1847–1901). Герцог, князь Романовский, второй сын старшей дочери Императора Николая I, Великой княгини Марии Николаевны. Генерал-адъютант. В 1868 году женился на фрейлине цесаревны Марии Федоровны Дарье Константиновне Опочининой (Долли), умершей в марте 1869 года. Вторым браком был женат на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой, получившей титул графини Богарне (1856–1899).

Лейхтенбергский Максимилиан(1817–1852). Герцог, сын Евгения Богарне, герцога Лейхтенбергского, князя Эйхштадтского, пасынка Наполеона I, первый муж дочери Николая I, Великой княгини Марии Николаевны (1819–1876).

Лейхтенбергский Николай Максимилианович – Николай, Кони – (1843–1891). Герцог, князь Романовский, старший сын Великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, кузен Александра II. Генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка. Женат на Надежде Сергеевне, по первому мужу Акинфьевой, урожденной Анненковой (1839–1891), получившей в 1879 году титул графини Богарне. У него было два сына: Николай (1868–1928) – флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, полковник; Георгий (1872–1929).

Лейхтенбергский Николай Николаевич(1868–1928). Герцог, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии

Преображенского полка, сын герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. С 1891 года – в Преображенском полку. Женат (1894) на фрейлине Марии Николаевне, урожденной Грабе (1869–1948). С 1912 года – флигель-адъютант.

Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович – Юрий – (1852–1912). Герцог, князь Романовский, сын старшей дочери Императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. В первом браке состоял с Принцессой Терезией Ольденбургской (1852–1883). От этого брака имел сына Александра (1881–1942). В 1890 году женился на Анастасии Николаевне Черногорской. Дети: Сергей (1890–1974. Восприемником был Цесаревич Николай) и Елена (1892–1971). Вел весьма свободную жизнь, связался с куртизанкой. В ноябре 1906 года его брак с Анастасией Николаевной был расторгнут.

Луиза (Вильгельмина-Фридерика-Каролина-Августа-Юлия) – мамаЛуиза, Луиза – (1817–1898). Урожденная Принцесса Гессен-Кассельская, жена (1842) сына герцога Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургского, ставшего в 1852 году Наследником Датской Короны, а в 1863 году вступившего на Престол под именем Короля Христиана IX. Дети: Фридрих (Фредерик) (1843–1912), Александра (1844–1925, в замужестве (1863) за старшим сыном Английской Королевы Виктории Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским), Вильгельм (1845–1913. С 1863 года – Король Греции Георг I), Дагмар (1847–1928. Русская Императрица Мария Федоровна), Тира (1853–1933), Вальдемар (1858–1939).

Людвиг III Гессенский(1806–1872). Великий герцог Гессен-Дармштадтский. Первый раз был женат на Матильде, Принцессе Баварской (1813–1862); второй раз (1867) – на Магдалене, баронессе Хёхштаденской (1846–1917).

Людвиг IV Гессенский – Луи, Людвиг(1837–1892). Великий герцог Гессенский, правивший в 1877–1892 годах после смерти своего дяди Людвига III. Женат на третьей дочери Английской Королевы Виктории Алисе (1843–1878). Дети: Виктория (1863–1950), Елизавета (1864–1918), Ирэна (1866–1953), Эрнст-Людвиг (1868–1937), Мария (1874–1878), Алиса (1872–1918).

Макс Баденский(1867–1929). Принц, сын Принца Вильгельма Баденского и княгини Марии Максимилиановны Романовской (Лейхтенбергской). С 1907 года – Наследник Баденского Престола, с 5 октября по 9 ноября 1918 года – последний канцлер Германской Империи.

Мария Александровна(1824–1880). Российская Императрица (1855–1880), урожденная Максимилиана-

Вильгельмина-Августа-София-Мария, Принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь Великого герцога Гессенского Людовика II, жена (1841) Наследника Русского Престола, а с 1855 года – Императора Александра II.

Мария Александровна – Мари – (1853–1920). Великая княжна, единственная дочь Императора Александра II. В 1874 году вышла замуж за сына Английской Королевы Виктории Альфреда-Эрнста-Альберта, герцога Саксен-Кобург-Готского, графа Кентского, герцога Эдинбургского (1844–1900). Дети: Альфред-Альберт (1874–1899, застрелился), Мария (1875–1938, замужем (1893) за Фердинандом, Принцем Гогенцоллерн-Зигмарингенским, Наследным Принцем Румынии), Виктория-Мелита (1876–1936, замужем (1894) за Эрнстом-Людвигом, герцогом Гессенским. Развелась в 1901 году. В 1905 году вступила в брак с Великим князем Кириллом Владимировичем и в 1907 году получила имя Великой княгини Виктории Федоровны), Александра (1878–1942, замужем (1896) за Эрнестом, Принцем Гогенлоэ-Лангенбург). Мария Александровна умерла в Цюрихе.

Мария Максимилиановна(1841–1914). Герцогиня Лейхтенбергская, княгиня Романовская. Дочь Великой княгини Марии Николаевны, внучка Николая I, жена (1863) Принца Вильгельма Баденского.

Мария Николаевна (1819–1876). Великая княгиня, старшая дочь Императора Николая I. В первом браке за Максимилианом герцогом Лейхтенбергским, во втором – за графом Григорием Александровичем Строгановым.

Мария Павловна (Старшая) – Михень – (1854–1920). Великая княгиня, урожденная Принцесса Мекленбург-Шверинская, дочь Великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II и супруги его Августы, урожденной Принцессы Рейс-Шлейцкой. Жена (1874) Великого князя Владимира Александровича. Дети: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1946), Андрей (1879–1955), Елена (1882–1857. С 1902 года замужем за Принцем Николаем Греческим). Мария Павловна приняла Православие в 1908 году. Умерла во Франции, в местечке Контрексевиль, вскоре после эмиграции из России.

Мария Румынская – Мисси – (1875–1938). Принцесса Мария, дочь второго сына Английской Королевы Виктории Альфреда, герцога Саксен-Кобург-Готского, герцога Эдинбургского и супруги его Великой княгини Марии Александровны – дочери Императора Александра II. В 1893 году вышла замуж за Принца Фердинанда Гогенцоллерн-

Зигмарингенского (1864–1927), наследника Румынского престола, ставшего Румынским Королем в 1914 году. Дети: Карл (Кароль, 1893–1952, король Румынии в 1930–1940 годах), Елизавета (1894–1956, жена Греческого короля Георга II), Мария (1909–1961, замужем за Александром, Королем Югославии в 1921–1934 годах (1891–1934), Юлиана (1909-?), Мирсея (1912–1916).

Мария Федоровна – Минни, Мама́ – (1847–1928). Урожденная Принцесса Датская Дагмар (Мария-София-Фредерика-Дагмар), четвертый ребенок в семье Датского Короля Христиана IX и Королевы Луизы. С 1866 года – жена Наследника Русского Престола Александра Александровича. С 1881 года – Императрица. Дети: Николай (1868–1918), Александр (1869–1870), Георгий (1871–1899), Ксения (1875–1960), Михаил (1878–1918), Ольга (1882–1960).

Мекленбург-Стрелицкий Георг – дядя Жорж, Жорж – (1824–1876). Герцог, с 1851 года муж Великой княгини Екатерины Михайловны (1824–1894).

Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич – Жоржакс – (1859–1909). Герцог, сын герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого и Великой княгини Екатерины Михайловны, дочери Великого князя Михаила Павловича (брата Николая I). Штабс-капитан лейб-гвардии I артиллерийской бригады, с 1891 года – штабс-ротмистр лейб-гвардии Конногвардейского полка.

Мещерская Мария Элимовна(1844–1868). Княжна, фрейлина Императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Отец – князь Мещерский Элим Петрович (1808–1944), поэт, дипломат, служил при русских миссиях в Париже и Турине; мать – Варвара Степановна, урожденная Жихарева. В 1865–1866 годах Наследник Престола Александр Александрович (будущий Александр III) был серьезно увлечен Марией Элимовной и в мае 1866 года даже заявил отцу, что отказывается от Престола, чтобы жениться на М.Э. Отец категорически отверг подобное предложение, и вскоре Александр поехал в Копенгаген просить руки Датской Принцессы Дагмар.

Мещерская уехала в Париж, где в 1867 году вышла замуж за Павла Павловича Демидова (1839–1885). 25 июля 1868 года Мария Элимовна в Париже родила сына Элима Павловича, а через день, 26 июля, скончалась. В 1872 году Император Александр II утвердил Демидовым титул князей Сан-Донато.

Мещерский Владимир Петрович – Вово – (1838–1914). Князь, действительный статский советник, камергер, внук историка Н.М. Карамзина. Окончил Училище Правоведения. С 1872 года редактор-издатель консервативного журнала «Гражданин». Друг детства Императора Александра III.

Михаил Александрович – Миша – (1878–1918). Великий князь, генерал-майор, член Государственного Совета, младший сын Императора Александра III, брат Императора Николая II, Наследник Русского Престола в 1899–1904 годах. Осенью 1912 года тайно за границей вступил в морганатический брак с Н.С. Вульферт, урожденной Шереметевской, по первому браку Мамонтовой (1881–1952). За этот брак над имуществом Михаила Александровича была учреждена опека, а ему был воспрещен въезд в Россию. С началом Первой мировой войны опека была снята и ему было разрешено вернуться в Россию, а его жене была пожалована фамилия Брасова по названию имения Михаила Александровича в Орловской губернии. В годы Мировой войны командовал «Дикой дивизией». Михаил Александрович первым из Романовых был варварски убит большевиками. От брака с Брасовой-Шереметевской у Михаила Александровича был сын Георгий (1910–1931) получивший титул графа Брасова. Погиб в Лондоне в автомобильной катастрофе в возрасте 21 года.

Михаил Михайлович – Миша – (1861–1929). Великий князь, внук Николая I, сын Великого князя Михаила Николаевича. В феврале 1891 года, без согласия родителей и без ведома Императора Александра III, вступил в брак с внучкой А.С. Пушкина Софией Николаевной Нассауской, графиней Меренберг де Торби (1868–1927). За этот морганатический брак он был исключен со службы и ему был воспрещен въезд в России. В 1909 году был прощен, ему было возвращено звание флигель-адъютанта, но в Россию он уже не вернулся. Жил в Лондоне, а последние годы на Французской Ривьере. Дети: Анастасия (Зиа, 1892–1977, замужем (1917) за сэром Харольдом Вернером), Надежда (Нада, 1896–1963, замужем (1916) за Принцем Джоржем Баттенбергским, маркизом (1917) Мильфорд-Хэвеном) и Михаил (Майкл, 1898–1959).

Михаил Николаевич – дядя Миша – (1832–1909). Великий князь, младший сын Императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, Наместник на Кавказе (1863–1881), генерал-фельдмаршал, Председатель Государственного Совета (1881–1905). Женат (1857) на Принцессе Цецилии Баденской (1839–1891), получившей в России имя Великой княгини Ольги Федоровны. Дети: Николай (1859–1919), Анастасия (1860–1922), Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Александр (1866–1933), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895).

Мод (Mand), Принцесса Английская (1869–1938). Дочь старшего сына Королевы Великобритании Виктории Альберта-Эдуарда (Короля Эдуарда VII) и Александры Принцессы Датской. Племянница Императрицы Марии Федоровны. В 1896 году вышла

замуж за сына Наследника Датского Престола Фредерика Принца Карла (1872–1957), избранного в ноябре 1905 года Королем Норвегии под именем Хокона VII. Умерла в Лондоне.

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (**1808–1873**). Император Франции в 1853–1870 годах. Племянник Наполеона I. Женат (1853) на Монтихо Евгении-Марии, испанской графине Теба (1826–1920). Сын: Принц Евгений-Людовик-Жан-Жозеф (1856–1879).

Нарышкин Кирилл Анатольевич – Кира – (1868–1924). Генерал-майор Свиты, друг детства Николая II. Окончил Училище Правоведения, затем сдал офицерский экзамен и с 1899 года – в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1896 года – флигель-адъютант, с 1909 года – помощник начальника Военно-походной канцелярии, с 1916 года – начальник.

Нарышкина Александра Николаевна – тетя Саша – (1839–1919). Урожденная Чичерина, сестра известного профессора Б.Н. Чичерина. Замужем (1871) за обер-камергером Эммануилом Дмитриевичем Нарышкиным (1818–1902). Почетная попечительница Императорского женского патриотического общества, известная благотворительница. Расстреляна большевиками в Тамбове, где она проживала после революции.

Нарышкина (урожденная Куракина) Елизавета Александровна – Зизи – (1848–1928). Вдова Анатолия Дмитриевича Нарышкина (1829–1883), обер-гофмейстерина Императрицы Александры Федоровны. Мать начальника Военно-походной канцелярии генерал-майора Кирилла Анатольевича Нарышкина.

Нассау – Графский, затем Герцогский дом, известный с XIII века. Его земли находились в долине реки Лан, правого притока Рейна. Столица герцогства находилась в городе Висбадене. В 1866 году владения Нассау были присоединены к Пруссии. Свои прежние преимущества Нассауские получили в 1890 году, когда Адольф стал Великим герцогом Люксембурским.

Нассауский Адольф – Адольф – (1817–1905). Герцог Нассауский, вступил на Престол в 1839 году, лишился своих владений, присоединенных к Пруссии после Австро-Прусской войны 1866 года. Был женат первым браком на Великой княгине Елизавете Михайловне (1826–1845), дочери Великого князя Михаила Павловича. С 1900 года – Великий герцог Люксембургский.

Николай Александрович – Никс, Никса – (1843–1865). Великий князь, Цесаревич, старший сын Императора Александра II. Умер 12 апреля 1865 года на вилле Бермон в Ницце, похоронен в Петропавловском соборе. На месте виллы Бермон в Ницце по

проекту архитектора Гримма был построен собор Святого Николая, освященный в апреле 1868 года.

Николай II Александрович – Ники – (1868–1918). Старший сын Императора Александра III, Император России (20 октября 1894 года – 2 марта 1917 года). Женат (14 ноября 1894 года) на Александре Федоровне, урожденной Гессенской Принцессе Алисе (1872–1918). Дети: Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918), Мария (1899–1918), Анастасия (1901–1918), Алексей (1904–1918). Вся семья Николая II была расстреляна в Екатеринбурге коммунистами в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил Николая II и Его Августейшую Семью в лике страстотерпцев.

Николай Константинович – Никола – (1850–1918). Великий князь, старший сын Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны. В 1874 году совершил святотатство: похитил в кабинете своей матери в Мраморном дворце в Петербурге драгоценные камни с оклада семейной иконы. Краденое пошло на содержание американской куртизанки Фанни Лир. Был признан психически больным и выслан из Петербурга. Многие годы прожил в Ташкенте, где весной 1918 года умер от воспаления легких. С 1882 года женат на Надежде Александровне Дреер (1861–1929).

Николай Михайлович – Бимбо, Николай – (1859–1919). Великий князь, внук Николая I, старший сын Великого князя Михаила Николаевича и Великой княгини Ольги Федоровны. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Историк, энтомолог. Председатель Императорского Русского исторического общества и Императорского Русского географического общества. Семьи не имел.

Николай Николаевич (Старший) – дядя Низя – (1831–1891). Великий князь, третий сын Николая I, генерал-инспектор по инженерной части (1852), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862–1864), командующий, а потом Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880), генерал-инспектор кавалерии (1864), Главнокомандующий армией во время войны с Турцией в 1877–1878 годах. Генерал-фельдмаршал. Был женат (1856) на Принцессе Александре Петровне Ольденбургской (1838–1900). Дети: Николай (1856–1929), Петр (1864–1931). В начале 70-х годов вступил в связь с балериной Екатериной Гавриловной Числовой (1845–1889), с которой впоследствии жил открыто и которая имела от него четверых детей: Ольгу, Владимира, Екатерину, Николая, получивших фамилию Николаевы.

Николай Николаевич (Младший) – Николаша – (1856–1929). Великий князь, старший сын Николая Николаевича (Старшего) и его жены Александры Петровны, урожденной Принцессы Ольденбургской. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Внук Императора Николая I. Длительное время сожительствовал с дочерью петербургского купца-меховщика потомственной почетной гражданкой Софьей Игнатьевной Бурениной, на которой даже хотел жениться в 1888 году, но Александр III категорически отказал. В апреле 1907 года женился на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской, по первому браку герцогине Лейхтенбергской. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1871 года в лейб-гвардии Гусарском полку. Генерал-инспектор кавалерии (1895–1905), председатель Совета Государственной обороны (1905–1908), Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами России (1914–1915). В августе 1915 года уволен от должности и назначен Наместником на Кавказ и командующим Кавказскими войсками. 2 марта 1917 года Николаем II вновь назначен Верховным главнокомандующим и 9 марта отстранен от должности Временным Правительством. Затем находился в Крыму в имении Петра Николаевича Дюльбер, откуда в апреле 1919 года вместе с Императрицей Марией Федоровной отбыл за границу. В эмиграции выдвигался претендентом на Русский Престол. Умер 5 января 1929 года во Франции.

Нилов Константин Дмитриевич(1856–1919). Адмирал Гвардейского Экипажа, генерал-адъютант (с 1912), флаг-капитан Его Величества (с 1905 года). Близкий Николаю II человек. Был адъютантом Великого князя Алексея Александровича (1890–1903) и другом Великого князя Константина Константиновича. Женат на княжне Марианне Михайловне Кочубей.

Ольга Александровна – Беби, Ольга, Елка – (1882–1960). Великая княжна, младшая дочь Александра III, сестра Николая II. В первом браке (1901) за Принцем Петром Александровичем Ольденбургским (1868–1924), сыном Принца Александра Петровича и Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. В 1916 году развелась с ним и в ноябре 1916 года вступила в морганатический брак с адъютантом своего мужа ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881–1958). Во втором браке имела детей Тихона (1917–1993) и Гурия (1919–1984). Умерла 24 ноября 1960 года в городе Торонто (Канада) и похоронена на

кладбище Йорк рядом с Н.А. Куликовским.

Ольга Константиновна – Ольга – (1851–1926). Великая княжна, дочь Великого князя Константина Николаевича, внучка Императора Николая I. Замужем (1867) за Принцем Датским Вильгельмом – Королем Греции Георгом I. Дети: Константин (1868–1923. Наследник Престола, Принц Спартанский, Король Греции в 1913–1917 и 1920–1922 годах), Георгий, граф Корфский (1869–1957), Александра (1870–1891. В замужестве (1889) за Великим князем Павлом Александровичем), Николай (1872–1938), Мария (1876–1940. В замужестве (1900) за Великим князем Георгием Михайловичем), Андрей (1882–1944. В 1903 году женился на племяннице Императрицы Александры Федоровны Алисе Баттенбергской (1885–1969). Их сын Филипп (род. 1921) является мужем Английской Королевы Елизаветы II и отцом Наследного Принца Чарльза), Христофор (1888–1940).

Ольга Федоровна – тетя Ольга – (1839–1891). Великая княгиня, урожденная Принцесса Цецилия Баденская, жена (1857) младшего сына Императора Николая I Великого князя Михаила Николаевича. Дети: Николай (1859–1919), Анастасия (1860–1922. В замужестве (1879) за Принцем Фридрихом-Францем Мекленбург-Шверинским), Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895).

Ольденбургская Евгения Максимилиановна – тетя Евгения, **Eugenie – (1845–1925).** Жена Принца Александра Петровича Ольденбургского, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, внучка Николая I.

Ольденбургский Петр Георгиевич(1812–1881). Принц, сын Великой княгини Екатерины Павловны от ее брака с принцем Георгом Ольденбургским (1784–1812). Приехал в Россию в 1831 году из-за границы и был определен Николаем I в Преображенский полк, затем назначен командиром полка. Генерал-адъютант. В 1842 году был назначен председателем Департамента гражданских и духовных дел. Учредил Училище Правоведения в Петербурге и до смерти был его попечителем.

Ольденбургский Александр Петрович – Алек – (1844–1932). Принц, женат на Евгении Максимилиановне, герцогине Лейхтенбергской, княжне Романовской; генерал-адъютант, член Государственного Совета, сенатор. Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1870–1876), командир Гвардейского корпуса (1885–1889). Основал в Петербурге Институт экспериментальной медицины.

Павел Александрович – Павел, дядя Павел – (1860–1919). Великий князь, младший сын Императора Александра II. С 4 июня 1889 года состоял в браке с Греческой Принцессой Александрой

Георгиевной (1870–1891). Дети: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1842). В 1902 году вступил в морганатический брак с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденная Карнович, с 1915 года – княгиня Палей), имел троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990), Наталью (1905–1981). Командир лейб-гвардии Конного полка (1890–1896), Командир Гвардейского корпуса (1898–1902), генерал от кавалерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здравия и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России. 27 января 1919 года расстрелян в Петропавловской крепости.

Палеолог Морис Жорж (1859–1944). Французский посол в России (1914–1917).

Палей Ольга Валерьяновна(1865–1929). Княгиня, урожденная Карнович, дочь камергера Валерьяна Гавриловича и Ольги Васильевны Карнович (урожденная Мессарош). В первом браке была за генерал-майором Эриком Августовичем Пистолькорсом (1853–1935), имела троих детей: Марианну (в первом браке за поручиком П.П. Дурново, во втором – за штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка И.Х. Дерфельденом), Ольгу (в замужестве Крейц) и Александра (1885–1943. В 1908 году женился на Александре Александровне Танеевой, сестре А.А. Вырубовой). В 1902 году тайно за границей вступила в морганатический брак с великим князем Павлом Александровичем, имела от него троих детей: Владимира (1896–1918), Ирину (1903–1990) и Наталию (1905–1981). В 1904 году Баварский Король пожаловал ей титул графини Гогенфельзен, а в 1915 года она получила в России титул княгини Палей.

Пальмерстон Генри Джон Темпл (**1784–1865**). Виконт, премьер-министр Великобритании в 1855–1858 и 1859–1865 годах. Лидер партии вигов.

Перовский Борис Алексеевич – Б.А. – (1815–1881). Граф, сын графа Алексея Кирилловича Разумовского, генерал-адъютант (1862), член Государственного Совета, воспитатель Великого князя Александра Александровича (Александра III) и Великого князя Владимира Александровича.

Победоносцев Константин Петрович(1826–1907). Правовед, статс-секретарь, сенатор. Обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905), член Государственного Совета, преподавал законоведение сыновьям Александра II, в том числе и будущему Императору Александру III.

Распутин Григорий Ефимович (1869–1916). Крестьянин села Покровского Тобольской губернии. Женат на Прасковье Федоровне. Дети: Матрена, Варвара, Дмитрий.

Рихтер Оттон Борисович(1830–1908). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Воспитатель детей Александра II Николая, Александра и Владимира, которые его звали Дмитрием Борисовичем. В 1881–1895 годах заведовал делами Комиссии прошений на Высочайшее имя, член Государственного Совета.

Сергей Александрович – Сергей, Серж, дядя Сергей – (1857–1905). Великий князь, четвертый сын Императора Александра II. В 1884 году бракосочетался с Принцессой Гессен-Дармштадтской Елизаветой, получившей в России имя Елизавета Федоровна. 26 февраля 1891 года Сергей Александрович назначен Московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, член Государственного Совета, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Организатор и председатель Православного Палестинского общества. Убит 4 февраля 1905 года бомбой террориста.

Сергей Михайлович – Сергей – (1869–1918). Великий князь, пятый сын Великого князя Михаила Николаевича, внук Императора Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант, генерал от артиллерии. С 1904 года – инспектор, а с 1905 года – генерал-инспектор артиллерии. В 1915–1917 годах – полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. Гражданской муж прима-балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской. Убит в Алапаевске в июле 1918 года.

София – Софи – (1870–1932). Урожденная Принцесса Прусская, сестра Императора Вильгельма II. С 1889 года – жена Греческого Наследного Принца Константина (Тино), ставшего в 1913 году Греческим Королем Константином I. Дети: Георгий (1890–1853. Греческий Король в 1922–1924 и 1935–1947 годах), Александр (1893–1920), Елена (1896–1982), Павел (1901–1964. Греческий Король Павел I), Ирина (1904–1947), Екатерина (1913–1947).

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882). Граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, попечитель Московского учебного округа (1835–1847), Московский военный губернатор (1859–1860), председатель Комитета железных дорог (1863–1865), попечитель Наследника Николая Александровича и его братьев Александра, Владимира и Алексея.

Струтон Екатерина Ивановна – Китти – (1825–1891). Няня-англичанка, с 1845 года воспитывала детей Императора Александра II.

Тира – Тира – (1853–1933). Урожденная Принцесса Датская, герцогиня Кумберлендская, дочь Короля Христиана IX и Королевы

Луизы, младшая сестра Императрицы Марии Федоровны, жена (1878) герцога Эрнеста-Августа Кумберлендского (1845–1923), сына последнего Короля Ганновера Георга V (1819–1878) – сына герцога Кумберлендского, пятого сына Английского Короля Георга III. Умерла в своем замке Гмунден в Верхней Австрии. Дети: Мария (1879–1948. Замужем (1900) за Принцем Максимилианом Баденским (1867–1929), Георг (1880–1912, герцог Армагский. Погиб в автомобильной катастрофе), Александра (1882–1963. Замужем (1904) за Францем IV (1882–1945), Великим герцогом Мекленбург-Шверинским), Ольга-Аделаида (1884–1958, замужем не была), Христиан (1885–1901), Эрнст (1887–1953), носил титул герцога Брауншвейгского, женат (1913) на Виктории-Луизе (1892–1980), дочери Императора Германского Вильгельма II.

Фердинанд I Кобургский (1861–1948). Князь Болгарский с 1887 года, Царь Болгарский (1908–1918). Отрекся от престола и бежал в Германию в 1918 году. Сын Принца Августа Саксен-Кобург-Готского и Клементины, Принцессы Орлеанской. Женат первым браком на Марии-Луизе, Принцессе Пармской (1870–1899). Дети: Наследник Борис, князь Тырновский, Царь Болгарский с 1918 года (1894–1943); Кирилл, князь Прославский (1895–1945. Расстрелян коммунистами); Евдокия (1898–1985); Надежда (1899–1958). Вторым браком (1908) женат на Принцессе Элеоноре Рейс-Кёстриц (1860–1917).

Филипп (1850–1905). Мэтр оккультных наук. Родился в Савойе, во Франции, в крестьянской семье. В 13 лет начал заниматься знахарством, позже осел в Лионе в качестве «месмериста» (последователя Антона Месмера, лечившего гипнозом, «животным магнетизмом»). Не имел медицинского образования, и врачебная практика ему была запрещена, но он продолжал заниматься этим ремеслом и трижды был судим. Обладал способностью с помощью внушения добиваться блестящих результатов. В 1901 году Царь и Царица посетили Францию и в Компьене познакомились с Филиппом, которого им рекомендовала Великая княгиня Милица Николаевна, лечившая у Филиппа своего сына Романа.

Фредерик – Фреди, дядя Фреди – (1843–1912). Старший сын Датского Короля Христиана IX и его жены Королевы Луизы. Брат Императрицы Марии Федоровны. Женат (1869) на дочери Шведского Короля Карла XV Принцессе Ловизе (Луизе, 1851–1926). Дети: Христиан (1870–1947, женат (1898) на Александрине, Принцессе Мекленбург-Шверинской (1879–1952), в 1912 году стал Датским Королем Христианом X), Карл (1872–1957, женат (1896) на Мод, Принцессе Великобританской, в 1905

году стал Королем Норвегии под именем Хокон VII), Луиза (1875–1906), Гарольд (1876–1949), Ингеборг (1878–1958), Густав (1887–1944), Дагмар (1890–1961). Наследник Датского Престола. После смерти своего отца стал в 1906 году Датским Королем Фредериком VIII.

Фридрих-Вильгельм (1826–1884). Ландграф Гессен-Кассельский. С 1844 года – муж дочери Николая I Великой княгини Александры Николаевны (1825–1844). В 1853 году женился на Анне Прусской (1836–1901). Брат Датской Королевы Луизы – жены Короля Христиана IX, дядя Императрицы Марии Федоровны.

Христиан IX – Папа́, Апапа – (1818–1906). Датский Король в 1863–1906 годах. Сын герцога Вильгельма Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбурского. Наследовал Трон после смерти Короля Фридриха VII (1863). Женат (1842) на Луизе, дочери ландграфа Гессен-Кассельского (1817–1898). Дети: Фредерик (Фридрих) (1843–1912), Александра (1844–1925, Английская Королева с 1901 года), Вильгельм (1845–1913, Греческий Король Георг I с 1863 года), Дагмар (1847–1928, Русская Императрица Мария Федоровна, 1881–1928), Тира (1853–1933), Вальдемар (1858–1939).

Христиан X – Христиан – (1870–1947). Датский Король с 1912 года, сын Короля Фредерика VIII. Женат (1898) на Александрине (1879–1952), Принцессе Мекленбург-Шверинской (правнучка Николая I). Дети: Фредерик (1899–1972, Король Дании Фредерик IX с 1947 года), Кнудт (1900–1976).

Черчилль Рандольф (1849–1895). Английский политический деятель, отец Уинстона Черчилля.

Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889). Балерина, возлюбленная Великого князя Николая Николаевича (Старшего).

Эдуард VII – Берти – (1841–1910). Английский Король в 1901–1910 годах, старший сын Королевы Виктории. Родоначальник Саксен-Кобургской династии на английском престоле. Женат (1863) на Принцессе Александре, старшей дочери Датского Короля Христиана IX. Дети: Альберт-Виктор (1864–1892), Георг, герцог Йоркский (1865–1836. Король Георг V (1910–1936), Луиза (1867–1931. Замужем (1889) за герцогом Александром Дуфским), Виктория (1868–1935), Мод (1869. Замужем (1896) за Хоконом VII, Королем Норвегии).

Эрнст-Людвиг Гессенский – Ерни, Эрни – (1868–1937). Брат Императрицы Александры Федоровны. После смерти своего отца Людвига IV в 1892 году стал владетельным герцогом Гессенским и Рейнским. В апреле 1894 года женился на Виктории-Мелите, Принцессе Саксен-Кобург-Готской (Великая

княгиня Виктория Федоровна), от брака с которой имел дочь Елизавету (1895–1903). Брак распался в 1901 году. В 1905 году женился вторично на Принцессе Элеоноре (Онор) Сольмс-Лихе (1871–1937). Имел от этого брака детей: Георга (1906–1937) и Людвига (1908–1968).

Юрьевская Екатерина Михайловна (1847–1922). Светлейшая княгиня, урожденная княжна Долгорукая, морганатическая супруга (с 6 июля 1880 года) Императора Александра II, от которого имела четверых детей: Георгия (1872–1913), Ольгу (1873–1925), Бориса (1876), Екатерину (1878–1959).

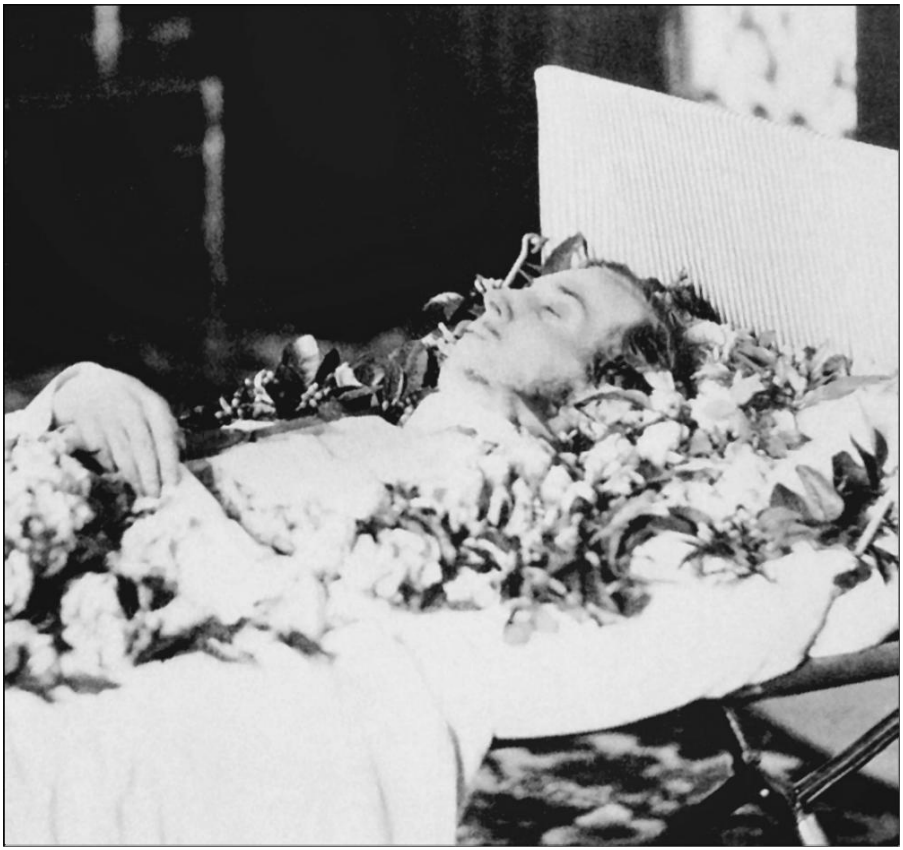
Юсупов Феликс Феликсович – Феликс – (1887–1967). Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Сын З.Н. Юсуповой и Ф.Ф. Сумарокова-Эльстон. Женат (1914) на племяннице Николая II княжне Ирине Александровне (1895–1970). Их единственная дочь Ирина Феликсовна (1915–1983) вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева (1904–1979). Их могилы на Сен-Женевьев-де-Буа.

Юсупова Зинаида Николаевна (1861–1939). Урожденная княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон. Жена (1882) графа Ф.Ф. Сумарокова-Элстон (1856–1928). 2 декабря 1891 года Александр III издал жалованную грамоту, разрешающую мужу и жене именоваться князьями Юсуповыми, графами Сумароковы-Эльстон. Дети: Николай (1883–1908. Убит на дуэли) и Феликс (1887–1967). Похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Иллюстрации

Датская Королева Луиза с детьми (слева направо): Тира (Тюра), Вальдемар, Александра, Дагмар. 1863 г.

Никс и Дагмар. 1864 г.



Цесаревич Николай в гробу. Апрель 1865 г.

Принцесса Дагмар. 1865 г.

Великий князь Александр Александрович. 1865 г.

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. 1866 г.

Княжна М.Э. Мещерская (справа) и А.В. Жуковская. 1865 г.

Великий князь Константин Николаевич (дядя Коко). Начало 1870-х гг.

Юлия фон Гауке, супруга брата Императрицы Принца Александра Гессенского. 1850-е гг.

Император Александр II

Цесаревич Александр. 1873 г.

Великий князь Николай Александрович. 1871 г.

Цесаревич и Цесаревна с сыном Николаем. 1870 г.

Английская Королева Виктория. 1860-е гг.

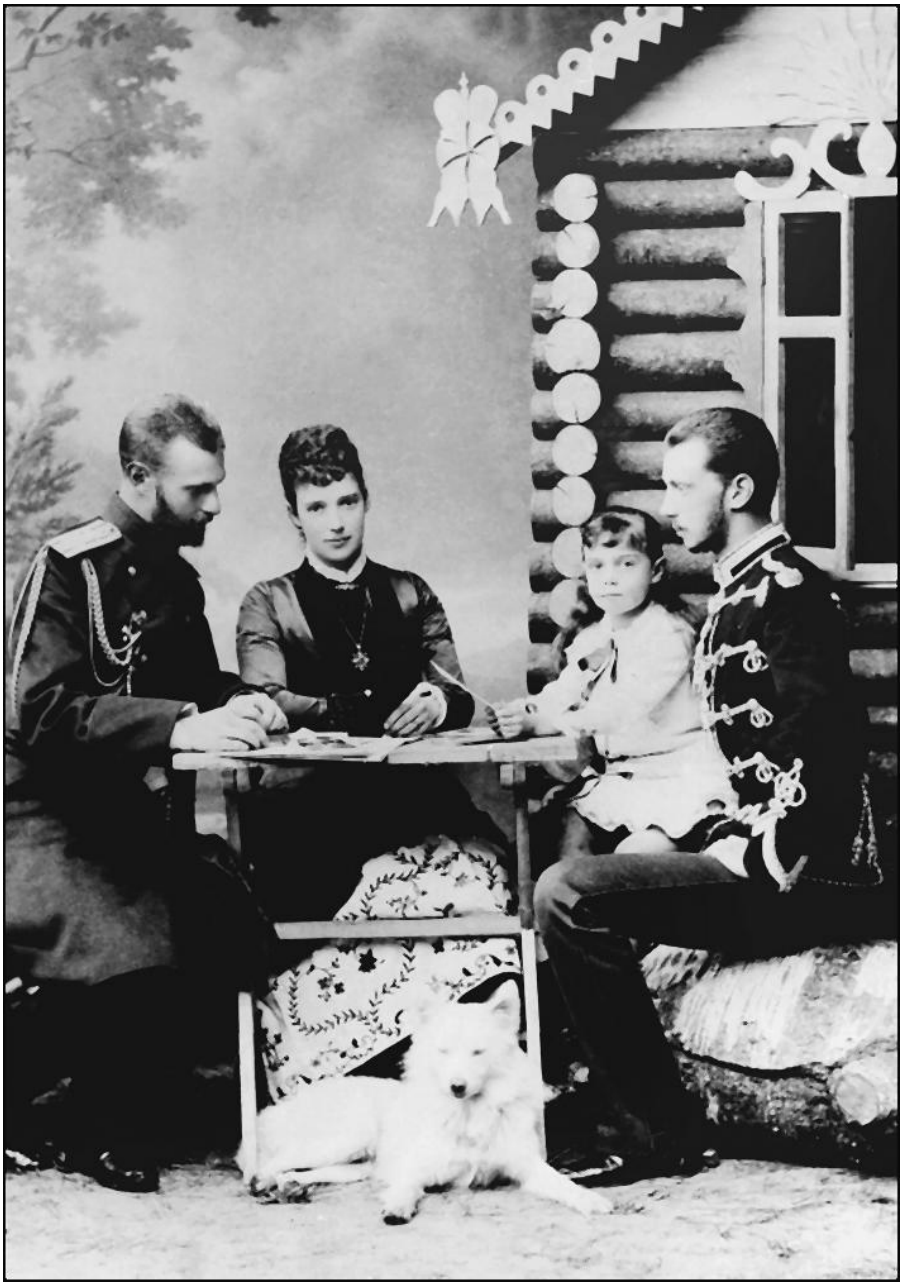
Сестра Марии Федоровны Принцесса Уэльская Александра. Середина 1870-х гг.

Наследник Английского Престола Альберт-Эдуард, Принц Уэльский (Берти). 1873 г.

Великий князь Николай Николаевич (дядя Низи). 1874 г.

Брат Марии Федоровны Греческий Король Георг I и Королева Ольга – двоюродная сестра Александра III Великая княгиня Ольга Константиновна. Начало 1890-х гг.

Княгиня Е.М. Юрьевская. Середина 1880-х гг.



Слева направо: Великий князь Сергей Александрович, Императрица Мария Федоровна, Великая княжна Ксения Александровна, Великий князь Павел Александрович. 1883 г.

Цесаревич Николай Александрович. 1889 г.

Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1892 г.

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна. 1898 г.

Великий герцог Гессенский и Рейнский Эрнст-Людвиг

Герцогиня Гессенская Виктория-Мелита – Великая княгиня Виктория Федоровна

Великая княгиня Ольга Александровна со своим мужем принцем П.А. Ольденбургским. 1901 г.

Великий князь Михаил Александрович. 1900 г.

Цесаревич Алексей Николаевич. 1912 г.

Германский Император Вильгельм II. 1894 г.

Великая княгиня Мария Павловна (Михень) со своими детьми (Владимировичами). Слева направо: Елена, Кирилл, Андрей, Борис. Конец 1890-х гг.

Император Николай II (слева) и Английский Король Георг V. 1913 г.

Три сестры-вдовы. Слева направо: Герцогиня Камберлендская Тира, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Вдовствующая Королева Александра. 1913 г.

notes

Примечания

1

В девичестве ее звали Жозефина Таше де ля Пажери. Фамилию Богарне она получила после замужества с Александром Богарне (1760–1794), казненным по решению революционного суда. От Александра Жозефина имела двоих детей: Евгения (Эжена) (1781–1824) и Гортензию (1783–1837). Эжен, усыновленный Наполеоном, женился в 1807 году на дочери Баварского Короля, а уже после падения Наполеона получил от тестя титул герцога Лейхтенбергского и князя Эйхштадтского. Его младший сын Максимилиан Лейхтенбергский, внук Жозефины Богарне и пасынок Наполеона, и стал в 1839 году мужем Великой княжны Марии Николаевны и членом Российского Императорского Дома.

2

Горячка, лихорадка.

3

Слово «фискал» (от латинского fiscalis (казённый) так навсегда и вошло в русский язык для обозначения доносчика и наушника.

4

С 1759 года она была замужем за князем Михаилом-Кондратием Ивановичем Дашковым (1736–1764).

5

Граф Валентин Зубов. Император Павел I. СПб., 2007. С. 25–26.

6

Наименование почтово-пассажирского судна.

7

Валишевский К. Сын Великой Екатерины. Павел I. СПб., 1914. С. 16.

8

В древнегреческой мифологии – олицетворение человеческой души, изображалась или в виде бабочки, или легкокрылой девушки.

9

Правящее владетельное лицо Династии Габсбургов становилось Императором Священной Римской Империи и правителем обширных австрийских территорий, Королём Чехии и Королём Венгрии. В 1804 году племянник Иосифа II Франц (Франц II) принял титул Императора Австрии, и с этого времени название «Австрия» стало официальным для всей Империи.

10

Император Иосиф II был женат дважды: на Изабелле Пармской (1741–1763) и Жозефине Баварской (1739–1767), но детей от этих браков не имел. Наследником Престола считался его брат Леопольд (1747–1792), сын которого Франц и воспринял власть после скоропостижной смерти своего отца в 1792 году, став сначала Императором Священной Римской Империи, а затем и Императором Австрии.

11

Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) был слеп на один глаз и носил на лице повязку. Происхождение слепоты было связано не с военными сражениями, а с неудачными медицинскими манипуляциями. В 1763 году один лекарь взялся лечить заболевший глаз, и в результате Потёмкин «окривел».

12

Ещё одна из причин его изгнания – обвинение, что через него Павел Петрович вёл тайную переписку с прусским посланником в Петербурге.

13

Родители известного графа Александра Христофоровича Бенкендорфа (1783–1844) – Командующего Императорской главной квартирой и начальника Третьего отделения Собственной Его Императорской канцелярией в эпоху Императора Николая I.

14

Мызой назывался отдельный загородный барский дом с хозяйственными службами.

15

Григорий Григорьевич Орлов в 1771 году женился на своей двоюродной сестре («кузине») Екатерине Николаевне Зиновьевой, умершей в 1782 году. Брак оказался бездетным.

16

Урождённая д'Обиньи получила в 1675 году титул «маркизы де Ментенон». В 1684 году тайно обвенчалась с Людовиком XIV, в 1686 году основала Сен-Сирский институт для дочерей бедных дворян. После смерти Людовика удалилась в Сен-Сир, где и умерла.

17

Старшая придворная дама в Императорской Свите.

18

Полное название: «Нина, или От любви сумасшедшая», музыка Дж. Паизиелло, текст Дж. Б. Лоренци.

19

Осыпанное бриллиантами изображение Императрицы, носимое на груди.

20

Его отцом был Александр Александрович Саблуков (1749–1828), занимавший при Екатерине II должность вице-президента Мануфактур-коллегии, которого Павел Петрович назначил сенатором.

21

Приехавший в Россию в 1766 году уроженец Шотландии Роджерсон состоял придворным врачом при Екатерине II, Павле I и Александре I; вернулся в Шотландию в 1816 году, где и умер.

22

Возможно, речь идёт о графе Н.П. Шереметеве (1751–1809), друге детства Павла Петровича, которого Павел сразу же после воцарения произвел в обер-гофмаршалы. В 1797 году он вызвал неудовольствие Императора и был отставлен от Двора, но ненадолго. В 1798 году получил придворное звание обер-камергера.

23

Платон Зубов получил графский титул в 1793 году, а княжеский в 1796 году, так что в указанное время (1795) Зубов был графом, а не князем.

24

Грибовский Адриан Моисеевич (1725–1811), статс-секретарь Императрицы.

25

От французского слова frapper – поражать, удивлять.

26

В 1809 году Густав-Адольф был свергнут с Престола, изгнан из страны, закончив свои дни в Швейцарии.

Позже он женился на принцессе Фредерике-Доротее Баденской (1778–1837), которая в 1812 году развелась с развенчанным Королем Густавом-Адольфом, носившим теперь лишь звание «полковника Густавсона».

28

Траур был объявлен при Дворе по случаю смерти Португальской Королевы.

29

Высший военно-морской чин, соответствующий чину генерал-фельдмаршала в сухопутных войсках. Впервые был присвоен Петром I в 1708 году графу (с 1709 года) Ф.М. Апраксину (1671–1728).

30

10 мая 1788 года в Царском Селе Мария Фёдоровна разрешилась от бремени дочерью Екатериной (1788–1818), в замужестве (1809) за принцем Георгом Ольденбургским (1784–1812).

Второй являлась графиня Екатерина Васильевна Литта, урождённая графиня Скавронская.

32

От французского courtois – любезный, изысканно-вежливый.

33

Аршин – русская мера длины равная 71,2 сантиметра; вершок же равен 4,5 сантиметра.

34

У Императора Александра Павловича и Императрицы Елизаветы Алексеевны родились две дочери, прожившие недолго: Мария (18.05.1799-27.06.1800) и Елизавета (3.11.1806-30.04.1808). У него была и внебрачная дочь, Софья Дмитриевна Нарышкина (1808–1824), которую он имел от связи с М.А. Нарышкиной (1779–1854). У Константина Павловича был внебрачный сын, Павел Константинович Александров (1808–1857).

35

Урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая.

36

Графиня Августа фон Гаррах, княгиня Лигниц, графиня Гогенцоллерн (1800–1873).

С 1822 года он станет духовником Николая Павловича и Александры Федоровны и останется в таком качестве до своей кончины в 1848 году.

38

Аничков Дворец был построен в 40-х годах XVIII века при Императрице Елизавете Петровне на углу Невского проспекта и реки Фонтанки. Он считался резиденцией Наследника Престола.

39

Речь идет о расстройстве брачной партии с эрцгерцогом Стефаном Австрийским (1817–1867).

Скоро такое «лицо» появится в образе принца Карла-Александра Фридриха Вюртембергского, с 1864 года – Короля Карла I.

41

Опасения Александры Федоровны оказались совсем не напрасными. Александр II, пренебрегая положением, традицией и долгом, за пятнадцать лет до смерти законной супруги Императрицы Марии Александровны вступил в связь с княжной Е.М. Долгорукой (1847–1922), которая родила ему четверых детей. Мало того, через шесть недель после смерти Марии Александровны, в июле 1880 года, он обвенчался со своей возлюбленной, получившей титул «светлейшей княгини Юрьевской».

42

Только в последние годы Император, которому приходилось заниматься допоздна, устроил себе как бы «рабочие» спальню и кабинет отдельно в Зимнем Дворце.

43

Княгиня Кочубей Елена Павловна, урожденная Бибикова, статс-дама, жена князя Василия Викторовича Кочубея (1812–1850).

«Какие пустяки открылись» – фраза П.А. Вяземского.

45

Дочь поэта и придворного Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), фрейлина Императрицы Марии Александровны. В 1871 году тайно за границей вышла замуж за Великого князя Алексея Александровича, но брак признан не был. Имела от Великого князя сына Алексея, графа Белёвского (1871–1932). В 1875 году вышла в Зальцбурге замуж за барона Вормена и в Россию уже не вернулась. Умерла в Висбадене.

46

Урожденная Чернышева, жена генерал-лейтенанта командира Кавалергардского полка князя В.И. Барятинского (1817–1875).

47

Субалтерн-офицер – младший офицер в роте.

48

Полное имя – Виктория-Александра-Мария.

49

Великий князь Сергей находился по воле отца в Италии вместе с младшим братом Великим князем Павлом.

Fanni Lear. Le roman ḋune americane en russie. Accompgne de Lettres origimles. Bruxelles, 1875.

51

Об этой истории написано довольно много. Наиболее основательной и увлекательной работой является книга внучатого племянника Николая Константиновича, правнука Императора Николая I принца Майкла (Михаила) Греческого. Michel de Grece. LA NUIT BLANCHE de Sait-Petersbourg. Paris, 2000. Книга вышла в переводе и в России: Князь Михаил Греческий. Николай Константинович. Биография. М., 2002.

52

Фанни Лир благополучно покинула Россию, успев прихватить и переправить через посольство США драгоценности – подарки Великого князя. Лишь только уникальные солитеры с иконы ей не достались. Они были возвращены на прежнее место.

53

Старший сын принца Эдинбургского Альберт-Виктор Герцог Кларенс (1864–1892), который делал предложение Алисе, но получил отказ.

54

Речь идет о Людовике-Филиппе-Альбере Орлеанском, графе Парижском (1838–1894), претенденте на Французский Престол.

55

Крупнейшее благотворительное учреждение в России, созданное женой Императора Павла I Императрицей Марией Федоровной, урожденной Принцессой Вюртембергской (1758–1828).

56

Брат Константина Константиновича Великий князь Дмитрий Костантинович (Митя) и кузен жениха Великий князь Петр Николаевич.

Последняя встреча произошла в октябре 1911 года, когда Константин Константинович по делам службы оказался в Ташкенте. Встреча продолжалась не более часа и носила исключительно формальной характер. Никакой родственной близости между братьями давно уже не было.

58

Отец нынешней Королевы Елизаветы II.

59

В разгар Первой мировой войны, 17 июня 1917 года, Георг V провозгласил, что правящая Династия, до того называемая «Саксен-Кобург-Готская», отныне будет именоваться «Виндзорской», а все родовые титулы германского происхождения отменяются.

60

Брат Императора Принц Генрих Прусский (1862–1929), супруг (1888) сестры Императрицы Александры Федоровны Ирэны (1866–1953).

61

Посол России в Берлине с 1912 года.

62

Отец убийцы Распутина князя Феликса Феликсовича (Младшего) (1887–1967).

63

Кирилл Владимирович в марте 1917 года письменно отрекся и от Великокняжеского звания и называл себя теперь «гражданин Романов».

Из кругов Владимировичей и их клевретов потом было пущено по миру немало сказаний о том, что якобы Кирилл и Виктория-Мелита были влюблены друг в друга чуть ли не с детских пор, что только «внешние обстоятельства» помешали им соединить свои жизни раньше. Все эти утверждения – не более чем романтические легенды. Их «симпатия» проявилась уже во вполне зрелых летах, когда Виктория была замужней женщиной и Кирилл офицером флота.

На самом деле Михень делала прямо противоположное.

66

В декабре 1905 года Императором было созвано специальное совещание высших сановников Империи для рассмотрения сложившейся ситуации. Совещание единогласно констатировало, что брак Кирилла на своей двоюродной сестре – нарушение православного канона, сформулированного еще Шестым вселенским собором. Совещание рекомендовало Монарху принять ряд мер, которые и были узаконены. Непризнание брака, отрешение Кирилла Владимировича и его потомства от престолонаследия, присвоение его потомству титула «светлейших князей Кирилловских». В июне 1907 года появился сенатский «указ о прощении», в котором брак признавался, а Виктории присваивался титул Великой княгини. Но в нем не существовало упоминания об отмене положения об отрешении на право престолонаследия. А потому Кирилл никогда и не мог быть «претендентом».

Позже один из ближайших к Кириллу людей Г.К. Граф прямо признал, что тот бы никогда не пошел на это, «если бы Виктория Федоровна не убедила его принести эту жертву на пользу дела восстановления династии на прародительском престоле». См.: *Граф Г.К.* На службе Императорскому дому России. 1917–1941. СПб., 2004. С. 96.

68

Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904), министр внутренних дел в 1902–1904 годах.

69

Брак Марии Павловны (Младшей) не был счастливым. Родив в 1909 году сына Леннарта, она в 1913 году бросила мужа, а через год развелась.

Литература о Великом князе Сергее Александровиче удивительно скудна. Лучшей работой является книга: *Гришин Д.Б.* Трагическая судьба Великого князя. М., 2006.

71

Этот Дворец, находящийся на угле Невского проспекта и Фонтанки, до сего дня является украшением Петербурга. Он известен как «Дворец Белосельских-Белозерских» и был построен архитектором А.И. Штакеншнейдером в 40-х годах XIX века.